

Збірник матеріалів для
описанія місцевостей і племен
Кавказу

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ

ДЛЯ ОПИСАНІЯ

МѢСТНОСТЕЙ И ПЛЕМЕНЪ КАВКАЗА.

Изданіе Управленія Кавказскаго Учебнаго Округа.

ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ.

DK
511
.C1
S27
v. 6

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

Тифлисъ, 1888.

Типографія Канцеляріи Главноначальствующаго гражданскою частію на Кавказѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

I. Городъ Гори въ орнитологическомъ отношеніи.—Инспектора Горійскаго городского училища, <i>А. Пичольскаго</i>	страниц. 1—9
II. Станица Отрадная, Кубанской области, Баталпашинскаго уѣзда.—Учителя Отраденскаго мужского училища, <i>Д. Иванова</i>	10—40
Мѣстоположеніе станицы. Историческій очеркъ. Внѣшній видъ	10—12
Вода. Климатъ и почва. Растительность.....	12—17
Численность, движеніе, характеръ населенія.....	17—22
Занятія жителей.....	22—25
Общественныя учрежденія. Народное образованіе.....	25—27
Родины, крестины и похороны.....	27—28
Свадьба и пѣсни.....	28—37
Разныя суевѣрія.....	37—40
III. Станица Расшеватская, Кубанской области, Кавказскаго уѣзда.—Завѣдующаго Расшеватскимъ училищемъ, учителя <i>К. Живило</i>	41—98
Мѣстоположеніе, границы и свойство поверхности.....	41—42
Почва. Вода. Климатъ.....	43—47
Историческія свѣдѣнія.....	47—48
Физическія особенности жителей.....	48—50
Приростъ и убыль населенія. Рождаемость. Иногородное сословіе.....	50—62
Религіозное движеніе.....	62—66
Коренное и пришлое населеніе. Военская повинность..	66—69
Экономическое состояніе. Земледѣліе.....	69—73
Школа.....	73—74
Свадьбы въ ст. Расшеватской. Дѣвичникъ. Начало свадьбы.	74—98
IV. Станица Самурская, Кубанской области, Майкопскаго уѣзда.—Воспитанника Кубанской учительской семинаріи, <i>Вл. Кобеляцкаго</i>	99—122

II

Основаніе станицы. Ея окрестности.....	99—104
Климать. Орошеніе.....	104—106
Минеральныя богатства.....	106—111
Флора. Фауна.....	112—116
Народонаселеніе. Характерныя черты жителей станицы. Матеріальное благосостояніе населенія.....	116—121
Школа.....	121—122
V. Село Саровъ, Елисаветпольской губерніи, Джеванширскаго уѣзда.—Смотрителя Саровскаго однокласснаго училища, <i>Николая Григорова</i>.....	123—132
Общій характеръ, свойство мѣстности, внѣшній видъ селенія.....	123—125
Климать и орошеніе.....	125—127
Занятія и сельскохозяйственный бытъ саровцевъ.....	127
Образъ жизни, обычаи и религіозныя обряды саровцевъ.....	128—132
VI. Станица Бесленевская, Кубанской области, Майкопскаго уѣзда.—Учителя Николино-Балковскаго училища, Ставропольской дирекціи, <i>Петра Близнюкова</i>.....	133—152
Основаніе и мѣстоположеніе станицы.....	133—134
Орошеніе и климать.....	134—135
Флора. Фауна.....	135—137
Хозяйственная обстановка.....	137—139
Занятія жителей; нѣкоторыя физическія и нравственныя черты населенія.....	139—140
Вѣрованія, повѣрья и праздники.....	140—144
Родины и крестины. Бракъ.....	144—149
Церковь. Школа.....	149—150
Пѣсни.....	150—152
VII. Село Гадрутъ, Елисаветпольской губерніи, Джебраильскаго уѣзда. Смотрителя Гадрутскаго двухкласснаго земскаго нормальнаго училища, <i>И. Давидбекова</i>...	153—192
I. Названіе села; мѣстоположеніе; археологическіе памятники и границы.....	153—160
II. Внѣшній видъ; постройки; вода для питья; климать; флора и фауна.....	160—166
III. Численность населенія; земля, повинности и орошеніе; занятія землей, винодѣліемъ, торговлей, шелководствомъ.....	166—175
IV. Училище и школа; другія разныя правительственныя и общественныя учрежденія въ Гадрутѣ.....	175—180
V. Жилище, домашняя обстановка. Пища. Одежда. Языкъ и религія.....	180—186
VI. Свадьба; различные обряды при рожденіи и крещеніи, похоронахъ и поминкахъ. Праздники.....	186—192

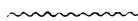
III

ОТДѢЛЪ II.

- I. Нѣсколько словъ о нарѣчій трапезондскихъ грековъ, съ образцами ихъ пѣсень.—Инспектора Народныхъ училищъ Елисаветпольской губернии, *А. Токимова*. 1—30
 Понтійскій, или трапезондскій, діалектъ, разсматриваемый въ его особенностяхъ. Фонетика. Морфологія. Нѣкоторыя особенности частей рѣчи..... 1—8
 Пѣсни №№: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10..... 8—30
- II. Адемирканъ.—Кабардинское сказаніе. Инспектора Пятигорской прогимназіи, *Л. Лопатинскаго* 31—49
 I. Гулей..... 31—35
 II. Дѣтство Адемиркана..... 35—39
 III. Возвращеніе Адемиркана..... 40—42
 IV. Народная месть Кабардинцевъ..... 43—45
 V. Смерть Адемиркана..... 45—47
 Нѣсколько замѣчаній по поводу Кабардинскаго сказанія объ Адемирканѣ..... 47—49
- III. Объ орнаментахъ и формахъ бронзы, находимыхъ въ доисторическомъ кладбищѣ, близъ селенія Уолла-Кобанъ, Терской области. Учителя Владикавказскаго реальнаго училища, *В. Долбежева*..... 50—76
 Приложение.
- IV. Народныя сказки Закавказскихъ татаръ.—Сообщилъ помощникъ учителя Шемахинскаго городского училища, *А. Захаровъ*..... 77—156
 1. Сказка о купцѣ честномъ и о купцѣ нечестномъ..... 77—88
 2. Отъ судьбы не уйдешь..... 88—94
 3. Пѣмая царевна..... 94—100
 4. Злая мачеха 101—105
 5. О двухъ сиротахъ..... 105—109
 6. Сказка о трусѣ..... 109—118
 7. Царевна-нищая..... 118—124
 8. Сказка о прекрасной царевнѣ 124—140
 9. Царевна-лягушка 141—155
 10. Песнь Шахсеванскаго Гаджи..... 155—156
- V. Обряды и обычаи, соблюдаемые жителями города Ейска, Кубанской области, при рожденіи ребенка, бракосочетаніи и погребеніи умершихъ.—Законоучителя Ейскаго реальнаго училища, священника *Тимофея Стефанова*..... 157—176
 I. Обряды и обычаи при рожденіи и крещеніи младенцевъ. 159—165

IV

II. Свадебные обряды и обычаи.....	165—169
III. Народныя повѣрья, обряды и обычаи при смерти, погребеніи и поминавеніи умершихъ.....	169—176
VI. Нѣкоторыя характерныя черты жителей селенія Геранъ-Бой-Ахмедлы, Елисаветпольской губерніи, Елисаветпольскаго уѣзда.—Смотрителя-учителя Геранскаго двухкласснаго земскаго училища, <i>Гасанъ-бекъ-Балирова</i>.	177—185
I. Характерныя черты жителей.....	177—182
II. Народныя рассказы: 1. Глупый пахарь.....	182—183
2. Удачный отвѣтъ.....	183—184
3. Одинъ умнѣе другого.....	183
4. Заднимъ умомъ крѣпки.....	184—185
5. Потеря выгодыѣ находки.....	185
VII. Загадки и сказки, записанныя въ селѣ Казгулакѣ, Ставропольской губерніи, Новогригорьевскаго уѣзда.—Сообщилъ завѣдующій Рогулинскимъ однокласснымъ училищемъ, учитель <i>Григорій Горбуновъ</i>.....	186—225
I. Загадки: №№ 1—29.....	186—187
II. Сказки: 1. Про солдата—зятя царскаго.....	187—197
2. Про коня-саложенника.....	197—200
3. Иванъ и Марья.....	201—213
4. Колдунъ Сазонка.....	213—225
Приложеніе.	
Абхазская азбука.....	1— 2
<i>Два вора</i> (абхазская сказка).....	3— 4
Удинская азбука.....	5— 6
<i>Рустамъ</i> (удинская сказка). Сообщилъ завѣдующій Варташенскимъ двухкласснымъ училищемъ, <i>Михаилъ Бежановъ</i>	7—28

ОТДѢЛЪ I.

ГОРОДЪ ГОРИ

въ орнитологическомъ отношеніи.

Рѣка Кура, протекая къ югу отъ г. Гори, служитъ границею двухъ мѣстностей, характеръ которыхъ рѣзко отличается. Мѣстность, расположенная за городомъ, на сѣверъ отъ рѣки, представляетъ равнину, изрѣзанную канавами, вода въ которыхъ идетъ частью изъ р. Лиахвы и мелководной Пшанки, частью же изъ ключей и источниковъ. Во время весенняго и осенняго разлива рѣки, вода, выступая изъ канавъ, затопляетъ эту мѣстность такъ, что образуется почти сплошная огромная мочезина, ограниченная съ сѣвера Каралетской рощей, съ восточной и западной сторонъ рядомъ высокихъ холмовъ. Осока, мелкій камышъ, желтый и фіолетовый касатики, да кое-гдѣ смѣшанный кустарникъ являются преобладающими растеніями въ этой мѣстности. Совсѣмъ иной характеръ представляетъ мѣстность, расположенная къ югу отъ р. Куры. Здѣсь горы, перерѣзанныя довольно глубокими оврагами съ крутыми спусками, покрыты кустарникомъ *держидерева*, можжевельника, барбариса, мелкаго дубняка и тамарикса, къ которымъ примѣшивается изрѣдка кизиль, груша и яблоня.

Рѣзкое различіе въ характерѣ мѣстностей обусловливаетъ и громадную разницу въ птичьемъ населеніи.

Сѣверная часть, гдѣ тянется, какъ я сказалъ, почти сплошная мочезина, населена, по преимуществу, представите-

лями отряда болотныхъ или голенастыхъ (*Grallatores*) и водо-плавающихъ (*Natatores*), которыя, по большей части, бываютъ здѣсь только пролетомъ.

Прослѣдимъ же теперь постепенно, начиная съ ранней весны до поздней осени, какіе представители птичьяго міра чаще всего являются гостями въ этой мѣстности.

Еще мѣстами не растаялъ снѣгъ; солнышко уже стало замѣтно пригрѣвать; подземный каштанъ (*Merendera caucasica*) выставилъ свои блѣдно-лиловые вѣнчики, и травка оазисами показала на поляхъ, а ужъ и чибисъ (*Vanellus cristatus* L.) своимъ плавнымъ и мѣрнымъ полетомъ рѣжетъ воздухъ по всѣмъ направлѣніямъ и съ крикомъ, то опускался, то поднимаясь, купается въ волнахъ воздуха и несется высоко надъ мочежиною. Жаворонокъ (*Alauda arvensis* L.), взвиваясь все выше и выше по отвѣсной прямой, неумолкаемо выдѣлываетъ свои незатѣйливыя рулады. Куликъ-чернышъ (*Totanus ochropus* L.), съ рѣзкимъ пискливымъ крикомъ, носится вдоль рѣчекъ и канавъ. Встревоженный бекасъ (*Scolopax gallinago* L.), своимъ громкимъ „скиипъ“, радуетъ сердце истаго охотника; но перелетъ его еще не начался. Кряквы (*Anas boschas* L.), чирки (*Anas strepera* L.), чирянки (*Anas querquedula* L.), широконоски (*Anas platyrhynchos* L.) и нырки (*Fuligula* sp.?) скрываются въ камышѣ и густой осоцѣ канавъ; малѣйшій шорохъ заставляетъ ихъ съ шумомъ срываться и высоко носиться въ воздухѣ.

Снѣгъ уже растаялъ, и зелень густо и красиво окаймляетъ канавки и сплошь покрываетъ топкія мѣста: наступилъ мартъ. Бекасъ появляется во множествѣ и вылетаетъ по нѣскольку штукъ разомъ; но въ это время онъ до-нельзя остороженъ, и охотничьей собаки близко не подпускаетъ. Совсѣмъ другое дѣло гаршнепъ (*Scolopax gallinula* L.), который прилетѣлъ теперь, вмѣстѣ съ бекасомъ, и крѣпко засѣлъ въ густую осоку: онъ нехотя вылетаетъ и не далеко пересаживается. Въ это время, неуклюжая на полетѣ, болотная куроч-

ва (*Ortygometra rogzana* L.) быстро пробирается сквозь стебли прошлогодней осоки и сбиваетъ съ толку охотничью собаку. Плиски (*Motacilla alba* L. et *motac. flava* L.) проворно бѣгають вдоль береговъ канавъ, ловя насѣкомыхъ. Чибистъ уже снесъ свои четыре, оливковаго цвѣта, съ чернобурными крапинами, яйца и съ кривомъ кружится по близости гнѣзда. Вотъ и вальдшнепъ (*Scolopax rusticola* L.) показался въ Каралетской рощѣ; онъ здѣсь не гнѣздится, а бываетъ преле-томъ по веснѣ и осени на короткое время.

Съ каждымъ днемъ бекаса становится все меньше и меньше, и, наконецъ, въ исходѣ этого мѣсяца онъ исчезаетъ: онъ потянулъ на сѣверъ, на мѣста гнѣздовья. Гаршнепъ еще держится только кое-гдѣ; но за то появился привлекательный для охотника дупель (*Scolopax major* L.). Онъ занялъ, такъ называемыя, потныя мѣста и первое время, по прилетѣ, очень остороженъ; но чѣмъ дальше, тѣмъ онъ становится смирнѣе, такъ-что въ концѣ апрѣля сидитъ крѣпко и встрѣчается тогда во множествѣ. Луни (*Strigiceps syaneus* L.) быстро проносятся близъ поверхности земли, зорко слѣдя за добычей, — и горе зазѣвавшемуся жаворонку или бекасу: во мгновение ока очутится онъ въ крѣпкихъ и острыхъ когтяхъ хищника. Часто оспариваетъ добычу у луны дерзкій чеглокъ (*Nyctrogochis subbuteo* L.) и, благодаря своему болѣе быстрому и увертливому полету, остается зачастую побѣдителемъ. Черный коршунъ (*Milvus ater* Gm.) плавными и медленными кругами взвивается выше и выше, слѣдя за притаившимся бекасомъ или дупелемъ. Зорко высматривая полевую мышъ и трепеща крыльями, стоитъ въ воздухѣ пустельга (*Cerchneis cenchris* Naum.).

Въ концѣ апрѣля дупель становится рѣдкимъ гостемъ. Прилетѣлъ перепелъ (*Coturnix communis* Voip.) и затанулъ свое неугомонное „вакъ-да-вакъ“; наступила для него пора любви, и самецъ сталъ теперь задорнымъ: онъ только и ищетъ

случая встрѣтить соперника и вступить въ ожесточенную борьбу. Дергачъ, или коростель (*Crex pratensis* Bechst.), прячется въ мѣстахъ потныхъ и поросшихъ густой травой или кустарникомъ.

Стайками проносятся утки надъ мочужиной или же плаваютъ по канавамъ между осокой и камышемъ. Высоко въ воздухѣ слышны звуки пчелояда или шурки (*Merops apiaster* L.) Прилетѣлъ и пестрый, съ наряднымъ хохломъ, удоць (*Uria epeorus* L.) и уже тянетъ монотонное „гупъ-гупъ“. Изумрудная равшя (*Coccyzus gambelii* L.) усѣлась на телеграфномъ проводѣ и приводитъ въ порядокъ свою роскошную одежду. Вотъ пронеслось ихъ нѣсколько, и, играя въ воздухѣ, съ крикомъ „ракъ-ракъ“, онѣ на короткое время усѣлись отдохнуть, чтобы послѣ опять начать свой рѣзвый полетъ. Чуднымъ изумрудомъ блеститъ въ это время ихъ ярко-зеленая одежда: онѣ въ брачномъ опереніи. Мѣрными шагами бродитъ бѣлая цапля (*Egretta alba* L.) по болоту, высѣживая добычу. Столь для нея тутъ обильный: кишмя кишать лягушки и улитки, ея обыкновенная пища.

Сѣрая цапля (*Ardea cinerea* L.) изрѣдка покажется на мочужинѣ. Угрюмая выпь (*Ardea stellaris* L.) забралась въ густую осову; съ трудомъ и нехотя вылетаетъ она, когда ее испугнуть. Здѣсь она не гнѣздится и въ среднихъ числахъ или въ концѣ мая ужъ не попадаетъ, а снова занимаетъ болотныя и съ трудомъ проходимыя, глубокою осенью, мѣста и проводитъ тамъ всю зиму и начало весны. Сѣрая куропатка (*Sterna cinerea* L.) въ густомъ кустарникѣ занялась высиживаніемъ яицъ. Граціозная горлица (*Turtur vulgaris* Eytten.) прилетѣла и уже спарилась; пары дѣятельно теперь хлопочутъ о будущемъ поколѣніи.

Наступилъ май. Бекаса и гаршнепа уже нѣтъ; кое-гдѣ попадаетъ дупель: его товарищи отлетѣли уже на сѣверъ. Большая часть пернатыхъ занята теперь высиживаніемъ яицъ.

Ракша и щурка выбрали отвѣсныя и довольно высокія берега рѣчекъ и въ незатѣливое, выкопанное въ глинисто-песчаномъ грунтѣ, гнѣздо положили свои яйца. Въ частой осовѣ и камышѣ утка крѣпко сидитъ на гнѣздѣ. Задорный крикъ самца-перепела сталъ слышенъ рѣже. Показались и молодые чибисы; они съ крикомъ несутся близъ поверхности земли; полетъ у нихъ не такой увѣренный и изворотливый, какъ у стариковъ, да и по крику можно тотчасъ ихъ отличить. Кукушка (*Cuculus canorus* L.) неистово издаетъ свое громкое и тоскливое „ку-ку“ и ищетъ случая положить въ чужое гнѣздо свои яйца.

Въ іюнѣ и іюль мѣсяцахъ большая часть пернатыхъ покинула гнѣзда, и молодые показываются всюду. Въ это время мнѣ приходилось наблюдать, съ какимъ иногда самоотверженіемъ родители защищаютъ дорогихъ для нихъ дѣтей; сколько истинно-материнской любви сказывается въ каждомъ движеніи и крикѣ родителей; къ какимъ только средствамъ ни прибѣгаетъ мать, чтобы отвести врага отъ своего дѣтища.

Разъ въ жаркой іюльскій полдень гуляя въ полѣ, я случайно замѣтилъ, какъ мать кормила молодую ракшу на кустарникѣ; подойдя, я взялъ въ руки вполне оперившагося птенца, который однако еще не могъ летать; мать долгое время съ отчаяніемъ носилась около меня и крикомъ своимъ созвала другихъ ракшъ, какъ видно, на помощь. Самоотверженіе матери превосходило всякое описаніе: она иногда садилась мнѣ на плечо или шляпу и неистово кричала... Я положилъ птенца на землю, а самъ отошелъ въ сторону. Первая вынулась на выручку мать, а вслѣдъ за нею еще двѣ ракши усѣлись возлѣ птенца. Во все время, пока я не отошелъ далеко въ сторону, нѣсколько ракшъ съ крикомъ кружились около меня.

Надъ р. Ліаховой, медленно и изящно взмахивая бѣлоснѣжными, острыми крыльями, несутся крачки (*Sterna*); онѣ не гнѣздятся здѣсь, а бывають пролетомъ. Мелкой рыбы здѣсь

много, и поэтому охотно посещаются эти мѣста врачами и бакланами (Carbo).

Наступилъ августъ, возжелѣнный мѣсяць для охотника. Прилетѣлъ, хотя и въ очень ограниченномъ количествѣ, бекасъ и занялъ мочрыя мѣста. Молодежь подпускаетъ теперь близко и вполнѣ выдерживаетъ стойку собаки.

Перепела шныряютъ въ вukuрузнивахъ, такъ-какъ пшеница, ихъ любимое мѣстопребываніе, снята. Изрѣдка, въ очень густой и высокой травѣ и въ мѣстахъ потныхъ, срывается неуклюжій на полетѣ коростель. Молодые экземпляры цапель (*Ardea cinerea* L., *Egretta garzetta* L. et *Ardeola minuta* L.) встрѣчаются по рѣчкамъ и канавамъ; плавно расхаживая, высматриваютъ онѣ внимательно добычу. Чирки небольшими стайками проносятся надъ мочжиной и усаживаются въ густой осоцѣ канавъ. Чернышъ (*Totanus ochropus* L.) летаетъ тоже стайками и рѣзкимъ пискомъ даетъ о себѣ знать издали.

Молодые луни и воршуны, эти бичи мелкой пернатой твари, то и дѣло шныряютъ по всѣмъ направленіямъ. Черный аистъ (*Ciconia nigra* L.) изрѣдка прилетаетъ на мочжину. Это гость рѣдкій и до-нельзя осторожный. Онъ не выводитъ здѣсь поколѣнія, а бываетъ лишь пролетомъ. А вотъ и рѣзвая авдотка (*Oedispemus crepitans* Temm.), проворно бѣгая между рѣдкимъ кустарникомъ, неистово кричитъ и, то взлетая на короткое время, то опускаясь на землю, начинаетъ снова свой безпокойный и быстрый бѣгъ. Держится она не долго, пролетомъ, всего нѣсколько дней, такъ-что въ первыхъ же числахъ августа исчезаетъ.

Показались прилетные перепела и коростель... Вотъ когда раздолье охотнику: вездѣ онъ находитъ эту прекрасную дичь, а годами и очень много, особенно перепеловъ. Коростель засѣлъ въ густой и высокой травѣ и въ потныхъ мѣстахъ между кустарникомъ; перепелъ же, по снятіи хлѣба, держится на межѣ вukuрузныхъ полей.

По мѣрѣ приближенія августа къ концу, бекасъ и перепелъ становятся чрезвычайно жирными, въ особенности послѣднй, и крѣпко сидятъ. Водяной пастушекъ (*Rallus aquaticus* L.) изрѣдка вылетаетъ изъ камыша и, отлетѣвъ на пять-шесть шаговъ, снова опускается въ густую заросль.

Заморосилъ дождь... въ воздухѣ запахло осенью... наступилъ сентябрь. Хищники показались во множествѣ. Грязный сипъ (*Neophron percipiter* L.), который до этого времени изрѣдка показывался кое-гдѣ, теперь появляется всюду; но въ началѣ октября его уже не видно. Пчелоядъ, удождъ, ракша, ласточка—все готовятся къ отлету на югъ. На мочежинѣ показался знакомый уже намъ и дорогой гость, дупель; онъ прилетѣлъ съ сѣвера, но не въ такомъ уже количествѣ, какъ весною; теперь онъ очень остороженъ. Перепеловъ встрѣчаешь въ изобилии на сжатыхъ мѣстахъ и въ кукурузникѣ; бекасъ попадаетъ тоже довольно часто. Прилетѣлъ извѣстный уже намъ чибисъ. Огромными стаями проносится онъ надъ мочежиной и до-нельзя остороженъ.

Въ Каралетской рошѣ случается поднять теперь и вальдшнепа, но валовой пролетъ его бываетъ обыкновенно въ срединѣ октября. Тутъ же встрѣтишь въ это время дрозды-рябинника (*Turdus pilaris* L.); небольшими стайками перелетаетъ онъ съ дерева на дерево или же спускается на землю, чтобы полакомиться ягодами краснаго паслена. Вяхирь (*Rallus torquatus* Adr.) и дикй голубъ (*Columba oenas* Gm.) то-и дѣло съ шумомъ срываются съ высокаго дерева. Синица (*Parus major* L.) цѣпляется за вѣтви кустарника; своимъ монотоннымъ пискомъ напоминаетъ она о скучной порѣ года, когда дождь, слякоть, вѣтеръ и туманы составляютъ обыденное явленіе. Камышевки (*Salicaria*) упряжняются въ искусствѣ лазанія по стеблямъ камыша; ихъ теперь можно встрѣчать часто и любоваться ихъ граціозной гимнастикой. По кустарникамъ, вблизи р. Ліахвы, охотникъ ищетъ сѣрую куропатку

и, нападая на выводокъ, старается разбить и перебрать его по одиночѣмъ. Куропатка вообще рѣдко встрѣчается здѣсь, такъ-какъ удобныхъ и любимыхъ ею мѣстъ очень немного. Въ концѣ этого мѣсяца и въ началѣ октября перепелъ и дергачъ еще держатся, но, съ каждымъ днемъ, ихъ становится меньше и меньше, такъ-что въ срединѣ октября они исчезаютъ. Бекаса, гаршнепа и дупеля можно еще встрѣтить кое-гдѣ, но это, повидимому, оставшіе экземпляры—большинство потянуло къ югу.

Начались осеннія высыпки вальдшнепа; онѣ бываютъ обыкновенно сильны послѣ частыхъ и теплыхъ дождей. Склоны горъ, находящихся на югъ отъ города, за р. Курой, покрыты, между прочимъ, какъ я сказалъ, и мелкимъ дубнякомъ—это любимыя мѣста вальдшнепа, и охотнику стрѣлять его здѣсь гораздо сподручнѣе, нежели въ лѣсу или роцѣ, такъ-какъ, вылетая изъ мелкаго кустарника, вальдшнепъ представляетъ прекрасную мишень: онъ летитъ прямо, а не зигзагами, и даетъ возможность стрѣлять въ него не въ накидку, какъ выражаются охотники, а съ прицѣла.

Въ лощинахъ и ущельяхъ этихъ горъ ютится каменная куропатка или курочка (*Perdix shukar Gr.*). Она избираетъ, по преимуществу, какъ и самое названіе ея указываетъ, мѣста каменистыя и мало доступныя, а поэтому охота на нее, по большей части, сопряжена съ большими трудностями. Ранней весной, во второй половинѣ марта *), каменная куропатка садится на гнѣздо. Въ маѣ **) молодой выводокъ, подъ строгимъ присмотромъ родителей, выходитъ раннимъ утромъ и вечеромъ для добыванія корма, остальное время дня проводитъ въ скрытыхъ мѣстахъ между кустарникомъ и камнями.

Въ глубоую осень ***) каменная куропатка спускается

*) См. „Охотничій календарь“, сост. Сабанъевымъ, мѣсяць мартъ. 1. птицы.

**) Тамъ же, см. мѣсяць май. 1. птицы.

***) Тамъ же, см. мѣсяць октябрь. 1. птицы.

ниже, и тогда случается набрести на выводокъ почти у подошвы горъ.

Сърая куропатка попадаетъ также на склонахъ горъ, но гораздо рѣже курочки; она иногда сбивается въ большія стаи.

Въ воздухѣ замѣтно похолодѣло... дождь все чаще и чаще накрапываетъ... по утрамъ показывается иней. Листъ еще держится на деревьяхъ, но цвѣтъ его изъ зеленаго сталъ желтымъ или краснымъ. Вороны, грачи и галки летаютъ стаями. Высоко проносятся стаи дикихъ гусей и журавлей; утки заняли рѣчки и каналы. Наступилъ ноябрь. Теперь уже нѣтъ той кипучей дѣятельности, какая была весною, въ концѣ лѣта и осенью. Большинство перелетныхъ отлетѣло на югъ. Можно еще кое-гдѣ поднять осторожнаго бекаса, но онъ теперь чрезвычайно рѣдокъ, какъ и вальдшнепъ. Въ концѣ этого мѣсяца въ горахъ, на югъ отъ города, можно встрѣтить, кромѣ курочки и куропатки, слѣдующихъ представителей изъ отряда пѣвчихъ: чернаго дрозда (*Turdus merula* L.), чекановъ (*Saxicola*), крапивника (*Troglodytes parvulus*), синицу (*Parus major* L.), сойку (*Garrulus glandarius* L.) и изрѣдка стѣнолаза (*Tichodroma muraria* L.).

Инспекторъ Горійскаго городского
училища *А. Никольскій.*

Горы.

1886 г.

СТАНИЦА ОТРАДНАЯ,

Кубанской области, Баталпашинского уѣзда.

Мѣстоположеніе станицы.

Станица Отрадная, Кубанской области, Баталпашинскаго уѣзда, 2-го полицейскаго участка, 10-го благочинія, расположена на юго-западѣ Ставропольскаго плоскогорья, на лѣвомъ берегу горной рѣки Урупа, при впаденіи въ него Большого Тигиня *). Станица лежитъ подь $44^{\circ}24'5''$ сѣв. широты и $59^{\circ}11'25''$ вост. долготы, возвышаясь надъ уровнемъ моря, приблизительно, на 2,000 футовъ. Съ двухъ сторонъ, съ востока и запада, тянутся небольшія горы; такимъ образомъ, станица лежитъ въ долинѣ. Данная мѣстность не отличается ни живописностью, ни разнообразіемъ видовъ.

Къ югу отъ станицы тянутся Желтемисскія высоты, составляющія незначительный отрогъ Кавказскихъ горъ. До уѣзднаго города Баталпашинска $53\frac{1}{4}$ в., до Екатеринодара 259 в., до Ставрополя 105 в.; до ближайшей станціи ростово-владикавказской желѣзной дороги $46\frac{3}{4}$ в.; въ станціѣ квартира участковаго пристава. Окружаютъ Отрадную слѣдующія станицы: Попутная ($13\frac{3}{4}$ в.), селеніе Косминское ($24\frac{3}{4}$ в.), Эрсавонскій аулъ (20 в.), Удобная (24 в.) и Спокойная (21 в.).

Историческій очеркъ.

Станица Отрадная одна изъ новыхъ: она основана

*) *Тегенъ* на Картѣ Кавказск. края, изд. А. Ильинимъ. *Прим. Ред.*

лишь въ 1858 году. На мѣстѣ нынѣшняго поселенія прежде былъ черкесскій ауль. О прежнихъ жителяхъ не осталось никакихъ преданій. Въ окрестностяхъ станицы есть много кургановъ, въ разрытію которыхъ еще не приступлено. Изъ археологическихъ памятниковъ только и можно упомянуть о каменной статуѣ, изображающей человѣка въ конусообразной шапкѣ и съ крестомъ на груди.

Станица Отрадная, прежде называвшаяся Усть-Тигиньской, населена частью переселенцами изъ станицъ старой линіи, частью выходцами съ Дона.

Прежде, во время войны съ горцами, станица была окружена рвомъ съ насыпью, по угламъ котораго находились батареи съ орудіями. До уничтоженія бригадъ, здѣсь находилась штабъ-квартира 5-й бригады Кубанскаго войска, что способствовало возвышенію станицы какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ нравственномъ; но, съ уничтоженіемъ послѣдней, и станица опустилась. О прежнемъ значеніи свидѣлствуютъ руины командирскаго дома.

Внѣшній видъ.

Станица занимаетъ квадратную площадь, которая простирается до 5 верствъ. Въ центральной части станицы, на базарной площади, съ сѣверо-западной стороны, размѣщены лавки, такъ-что она въ базарные дни принимаетъ видъ городского рынка *).

Большинство построекъ станицы деревянныя и турлучныя, крытыя соломой; но, въ послѣднее время, зажиточные жители кроютъ и желѣзомъ. Внѣшній видъ станицы вполнѣ опредѣлится слѣдующею таблицею:

*) Базарный день бываетъ по воскресеньямъ. Въ это время съѣзжаются сюда со всѣхъ окружныхъ станицъ и селъ: попутенцы и спокоенцы—съ живостью, удобенцы и надеженцы—съ лѣсомъ и дровами.

Наименованіе построекъ.	Казачьяго сословія.	Иногородные.	Всего.
	633 домо-хозяина.	258 домо-хозяевъ.	
Церквей	1	„	1
Обществ. зданій	5	„	5
Домовъ	709	277	986
Хлѣбныхъ магазиновъ	1	„	1
Лавокъ	1	8	9
Кожевенныхъ заводовъ	„	2	2
Маслобоекъ	3	„	3
Винокурен. заводовъ	1 (не работ.)	1	2
Бондаренъ	„	2	2
Мельницъ водяныхъ	6	2	8
Кирпичныхъ заводовъ	4	1	5
Бань общихъ	3	„	3
Кузницъ	4	1	5
Пивныхъ и духановъ	1 пивн.	5	6
Мясныхъ лавокъ	2	1	3
Итого	741	300	1041

Церковь въ станицѣ деревянная, во имя Рождества Пресвятыя Богородицы; она вмѣщаетъ около тысячи молящихся. Въ 1866 году, когда она была почти окончена, восточный вѣтеръ опрокинулъ ея колокольню, почему, во избѣжаніе повторенія подобныхъ случаевъ, церковь перестроена и сдѣлана ниже.

Вода.

Рѣка Урупъ, на которой расположена Отрадная, беретъ свое начало, подъ именемъ Аигары, въ горѣ Абицирѣ-Ахубѣ и впадаетъ ниже селенія Армавира въ р. Кубань. Те-

ченіе рѣки довольно быстро *) и шумливо, особенно въ верховьи; каменисто-глинистое русло извивается змѣйкою. Изъ болѣе значительныхъ ея притоковъ назовемъ Большой и Малый Тигинь; первый беретъ свое начало на Желтемысскихъ высотахъ и впадаетъ въ Урупъ на сѣверной сторонѣ Отрадной. Лѣтомъ, во время сильныхъ жаровъ, Урупъ сильно мелѣетъ, за то весною разливается такъ широко, что затопляетъ огороды и сноситъ строения.

На Урупѣ устроены деревянный мостъ, за проѣздъ по которому взимается плата въ количествѣ 20 коп. съ экипажа на шинованныхъ колесахъ, 10 коп. съ экипажа на нешинованныхъ колесахъ, а съ пѣшеходовъ по 1 коп.; кромѣ этого моста, есть еще 6 другихъ мостовъ, изъ которыхъ одинъ перекинутъ въ станицѣ чрезъ Тигинь. Отъ устройства многихъ мельничныхъ плотинъ и запруживанія рѣки, Урупъ перемѣнилъ свое русло, такъ-что течетъ теперь лѣвѣе.

Вода въ Урупѣ мутная, и каждый разъ, какъ въ горахъ идетъ дождь, она дѣлается грязной, въ августѣ же зеленѣетъ. Но все-таки воду для питья жители берутъ изъ Урупа и Тигиня, хотя имѣется достаточно родниковъ съ чистой, какъ хрусталь, и холодной, какъ ледъ, водой: урупская вода предпочитается прочимъ водамъ за свою мягкость и сладость. Урупъ замерзаетъ въ послѣднихъ числахъ ноября, а Тигинь немного раньше; очищаются ото льда обѣ рѣки въ февралѣ.

Въ Урупѣ водятся слѣдующія породы рыбъ: усачъ, головель, плотва, форель, чернопузъ, бирючки и сомъ. Раньше ловились раки, но теперь ихъ нѣтъ. Въ р. Тигинѣ ловится такая же рыба. Но рыбная ловля здѣсь плохо развита, такъ-что мѣстная рыба всегда въ цѣнѣ и продается на вѣсъ по 5—7 коп. за фунтъ.

По лѣвому берегу Урупа расположены огороды и сады; по

*) Скорость теченія равна 2 метрамъ въ секунду.

берегамъ же Тигина растутъ кустарникъ; между тѣмъ какъ въ прежнее время здѣсь были даже хорошія рощи, но хищническая рука казака все уничтожила: остались двѣ-три жалкихъ рощицы, которыя свидѣтельствуютъ о прежнемъ богатствѣ растительности.

Въ 70-хъ годахъ былъ открытъ, верстахъ въ 15-ти отъ станицы, „кислый“ источникъ. Мѣстный житель, помощникъ лѣвара, М. А. Романовскій, передавалъ мнѣ, что онъ изслѣдовалъ этотъ источникъ и нашель, что на 100 частей содержится 1,013 твердыхъ соленыхъ частей, которыя состоятъ изъ сѣрно-вислаго глинозема, магнезіи, калия и желѣза. Вода этого источника, будучи вскипачена, дѣлалась черной.

Жители станицы Спокойной считали этотъ источникъ цѣлебнымъ, а потому больные проказой, золотухой, вередями купались въ немъ и, говорятъ, выздоравливали. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время о немъ мало извѣстно, такъ-что лично мнѣ не пришлось провѣрить вышесказаннаго о немъ.

Климатъ и почва.

Климатъ Отрадной считается однимъ изъ самыхъ здоровыхъ. По крайней мѣрѣ, на картѣ лихорадочныхъ мѣстъ Торопова эта станица значится въ числѣ такихъ мѣстностей, гдѣ лихорадка встрѣчается рѣдко. Но погода здѣсь непостоянная: постепеннаго и замѣтнаго перехода, отъ тепла къ холоду и обратно, не бываетъ; обыкновенно же температура измѣняется быстро и почти неожиданно.

Зима здѣсь начинается рано, — иногда снѣгъ выпадаетъ даже въ концѣ сентября, но она не постоянна: то идетъ снѣгъ, то дождь. Средняя температура зимы приблизительно — $4,47^{\circ}$ R.

Весна начинается съ марта и продолжается до іюня. Весенніе утренники довольно холодны, такъ-что жители не разтаются съ шубами до конца мая. Средняя температура $+5,38^{\circ}$ R.

Лѣто сухое и знойное, съ малымъ количествомъ дождей. Градъ выпадаетъ только въ самые сильные июльскіе жары. Средняя температура лѣта $+22,43^{\circ}$ R.

Осень дождливая и сырая. Средняя температура осени $+10,28^{\circ}$ R. Господствующій вѣтеръ восточный; онъ дуетъ изъ степей астраханскихъ и ставропольскихъ и имѣетъ ту особенность, что разгоняетъ облака и тѣмъ лишаетъ эту мѣстность влаги *).

Эпидемическихъ болѣзней здѣсь не замѣчается, хотя въ 1866 году была холера (въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ). Съ мая до конца ноября преимущественно болѣютъ лихорадкой, а съ ноября до мая воспаленіемъ грудныхъ органовъ, острымъ ревматизмомъ и простудой.

Почва земли черноземная, съ значительною примѣсью глины и песку; на поверхности земли попадаетъ масса голышей (булыжникъ). Подпочва глинистая, а горная порода состоитъ изъ третичныхъ осадочныхъ образований, какъ вообще и все ставропольское плоскогорье. Отраденскій юртъ, состоящій изъ 29,532 десятинъ земли, имѣетъ негодной земли 1497 десятинъ.

Лѣтомъ, а иногда и зимою, земля трескается отъ суши и восточнаго вѣтра. Въ балбахъ—Солдатской и Донской—черноземъ лучшаго качества, чѣмъ въ прочихъ мѣстахъ; здѣсь, какъ въ мѣстахъ болѣе низкихъ, во время долгой засухи болѣе скопляется сырости, а потому и лѣтомъ бываемъ хорошая трава, даже растетъ камышъ.

Растительность.

Растительное царство отраденскаго юрта незначительно. Лѣсу нѣтъ. Изъ хлѣбныхъ растений больше всего сѣется

*) Жители замѣчаютъ, что, если вѣтеръ дуетъ три дня, то еще будетъ дуть 6 дней и т. д.

озимый и яровой хлѣбъ (овесъ, просо, гречиха и ячмень). Въ 1885 году было снято:

Названіе хлѣбныхъ расте- ній.	Жителями казаками.	Жителями иностранн.	Всего.
Пшеницы.	82,985	25,130	108,115
Ржи.	8,095	9,480	17,575
Проса	18,288	5,932	24,220
Овса	10,376	8,090	18,466
Ячменя.	7,707	3,441	11,148
Итого (мѣръ). . .	127,451	52,073	179,524

Въ недавнее время сѣялся здѣсь ленъ, но, съ появленіемъ блохи, уничтожающей посѣвы льна, его перестали сѣять. Изъ огородныхъ растений жители воздѣлываютъ картофель, лукъ, чеснокъ, укропъ, петрушку, бураки, капусту, огурцы, тыкву, морковь, подсолнечникъ, рѣдису, рѣдку, бадражаны (помидоры) и др. Огороды приносятъ жителямъ довольно значительный доходъ; такъ, напр., въ прошломъ году цѣна мѣръ картофеля была 25—30 коп. *).

Садоводствомъ жители занимаются мало, хотя почти возлѣ каждаго дома имѣются фруктовые сады. Въ фруктовыхъ садахъ растутъ вишни, яблоки, груши, сливы, тутовникъ и другія деревья; виноградниковъ нѣтъ. Цвѣсти деревья начинаютъ въ апрѣлѣ, а плоды послѣвуютъ въ августѣ и сентябрѣ, вишни же въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ.

На поляхъ трава растетъ рѣдкая и низкая, а въ балкахъ довольно густой и высокой пырей. Въ прошломъ году собрано было казаками 90,904 копны сѣна, а иностраннми 190,805. Цвѣтовъ на поляхъ совсѣмъ мало. Изъ лѣкарственныхъ растений произрастаетъ дурманъ, ромаш-

*) Въ 1885 году собрано казаками 19,897 мѣръ картофеля, а иностраннми—7,019 м.

ка, братская трава (жители употребляют ее отъ геморроя); эти травы употребляютъ жителями отъ порока сердца и отъ нѣкоторыхъ женскихъ болѣзней. Для пчель сѣтся маточникъ.

Численность, движеніе, характеръ населенія.

Въ станицѣ, къ 1-му января 1886 года, состояло казачьяго сословія 1,878 душъ мужского пола и 1,888 женскаго, а иногородныхъ 916 д. мужского пола и 785 женскаго, всего 5,467 душъ, обоего пола. На одну постройку приходится 5,26 жителя, а на каждаго жителя хлѣбныхъ злавовъ 32,8 мѣры. По сословіямъ все населеніе представляетъ слѣдующія группы:

	Мужч.	Женщ.
1) Дворянъ: а, казачьяго сословія . . .	43	40
" b, не казачьяго сословія . . .	10	8
2) Духовныхъ не казачьяго сословія . . .	4	5
3) Нижнихъ чиновъ казачьяго сословія .	1,834	1,848
4) Купцовъ казачьяго сословія	1	"
" иногородныхъ	11	8
5) Мѣщанъ	105	101
6) Крестьянъ	634	526
7) Безсрочно и временно отпущенныхъ чиновъ	35	39
8) Отставныхъ нижнихъ чиновъ	107	98
9) Кантонистовъ и солдатскихъ дѣтей . . .	10	—

Итого 2,794 2,673

По возрасту, казачье населеніе мужского пола распредѣляется такъ:

Возрастъ.	До 17 л.	17—19 л.	19—20 л.	20—35 л.	35—42 л.	42—50 л.	Свыше 50 л.
Число душъ.	665	48	30	340	82	56	657

По метрическимъ книгамъ мѣстной церкви значится:

Года.	Родилось.		Умерло.		Прирость.		Бракотъ со- чтается.	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1875 . .	129	121	60	54	+ 69	+ 67	44	44
1876 . .	143	111	93	80	+ 50	+ 31	27	27
1877 . .	123	143	146	166	— 23	— 23	40	40
1878 . .	111	142	249	214	— 138	— 72	52	52
1879 . .	132	127	119	243	+ 13	— 116	86	86
1880 . .	150	134	118	88	+ 32	+ 46	80	80
1881 . .	146	160	84	70	+ 62	+ 90	78	78
1882 . .	172	182	93	80	+ 79	+ 102	66	66
1883 . .	184	209	165	166	+ 19	+ 43	75	75
1884 . .	226	220	109	127	+ 117	+ 93	81	81
1885 . .	293	283	118	77	+ 175	+ 206	78	78
Итого . .	1,809	1,832	1,354	1,365	455	467	707	707

За 1885 годъ число казаковъ, вступившихъ въ бракъ съ иногородными, доходить до 28⁰/₀, а казачекъ, вышедшихъ за иногородныхъ, — 5⁰/₀. Въ числѣ умершихъ съ 1883 года случаи неестественной смерти выражаются слѣдующей таблицей:

Года.	У б и т ы.		Самоубійства.	
	М. п.	Ж. п.	М. п.	Ж. п.
1883	1	—	1	1
1884	1	2	—	—
1885	5	—	1	—

Число рождений, падающих на мѣсяцы послѣднихъ двухъ лѣтъ, представляется въ такомъ видѣ:

Мѣсяцы.	Янв.			Февр.			Мар.			Апр.			Май.			Іюнь.			Іюль.			Авг.			Сент.			Окт.			Нояб.			Дек.		
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1884	24	15	18	18	19	13	18	11	12	9	14	21	24	11	19	81	26	29	25	17	12	24	24	18	12											
1885	18	23	14	18	18	26	23	17	11	20	26	24	23	17	25	32	47	80	82	35	33	22	24	19	12											

Незаконнорожденныхъ за послѣднія 5 лѣтъ было 10: 7 муж. п. и 3 жен. пола.

Число смертей, падающихъ на мѣсяцы послѣднихъ двухъ лѣтъ, таково:

Мѣсяцы.	Янв.			Февр.			Мар.			Апр.			Май.			Іюнь.			Іюль.			Авг.			Сент.			Окт.			Нояб.			Дек.		
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
1884	5	7	7	9	7	8	8	5	7	7	11	7	8	17	13	19	13	12	8	8	6	13	17	14												
1885	11	7	4	6	7	6	9	4	6	6	20	7	15	6	8	11	7	5	8	6	6	3	17	11												

По вѣроисповѣданію населеніе раздѣляется такъ: православныхъ—5,432 д., молоканъ—31 д., армяно-григоріанъ—4 д.; по національностямъ—такъ: русскихъ 5,463, армянъ—4.

Въ физическомъ отношеніи мѣстное населеніе является довольно здоровымъ и крѣпкимъ, насколько то зависитъ отъ природы каждаго даннаго субъекта; а особой правильной заботливости о здоровьи и подростяющаго, и пожилого уже поколѣнія, конечно, не прилагается. Вотъ почему эпидемическая болѣзнь находить для себя здѣсь полный просторъ. Слѣдовательно, значительная смертность среди дѣтей зависитъ не отъ климата, а отъ индиферентизма родителей, которые предоста-

вляють самой природѣ заботиться о ихъ дѣтяхъ. Мѣшаетъ гигиенической обстановкѣ жизни и нерашливость въ домахъ, рѣзко диссонирующая съ опрятною и чистою одеждою отраденца. Посмотрите на казачій дворъ отраденской станицы: весь онъ заваленъ кучами навоза, соромъ, золой и др. подобными нечистотами. Тоже самое можно видѣть и на улицахъ Отрадной; даже берега Урупа унавожены до того, что невозможно пройти.

Средняя величина роста мужчинъ 2 арш. 3—8 вершк., а женщинъ 2 арш. 3—6 вершк. Лицо продолговато-круглое съ выдающимися скулами. Преобладающій цвѣтъ глазъ сѣрый, хотя встрѣчается и черный. Глаза нѣсколько сужены и обрамлены щетинистыми густыми бровями съ рѣдкими рѣсницами; взглядъ суровый. Лобъ низокъ; носъ умѣренный; уши средней величины. Волосы, преимущественно, русые и черные; курчавыхъ волосъ почти не встрѣчается. Между жителями попадаются, хотя и довольно рѣдко, красивые мужчины и женщины. Женскій полъ, для поддержанія бѣлизны лица, употребляетъ косметическое средство *спускъ*. Онъ составляется изъ сулемы, буры, селитры, квасцовъ, сахару и яичныхъ бѣлковъ на козьемъ салѣ.

Всѣ эти вещества предварительно толкутъ, просѣиваютъ, потомъ всыпаютъ въ сало и бьютъ до тѣхъ поръ, пока вся смѣсь не приметъ бѣлоснѣжнаго цвѣта. Для запаха вливаютъ одеколону или духовъ. Этотъ же спускъ употребляется для излѣченія различныхъ накожныхъ болѣзней.

Отношенія между жителями какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ общественномъ, отличаются невоздержаннымъ и даже грубымъ характеромъ. Довольно часто на общественныхъ сходахъ, вмѣсто разсужденій о какомъ-нибудь предложеніи атамана, поднимаются личные споры и брань. Болѣе способный кричать и ругаться имѣетъ большее вліяніе на характеръ рѣшеній схода. Въ семьѣ часто споръ переходитъ въ драку;

особенно же много терпят невѣстки, мужа которыхъ находятъ за Кавказомъ. Въ большинствѣ семействъ мужъ считаетъ себя выше жены, доказывая свое превосходство кулакомъ. Особой склонности къ алкоголю не замѣчается, хотя попадаются и такіе субъекты, которые пропиваютъ все до тла. Дразнить другъ друга *каплунами*, выходцевъ съ Дона—*пугачами*, а иногородныхъ—*чиюю остропузою*. Сквернословіе нерѣдко выходитъ изъ устъ отраденца, не стѣсняющагося присутствіемъ дѣтей и женщинъ. Часты случаи, что жена бросаетъ своего мужа и живетъ съ другимъ; но бываетъ и наоборотъ: мужъ бросаетъ свое семейство и живетъ отдѣльно. Въ праздники молодежь собирается и поетъ пѣсни (жители говорятъ: „*пѣсни играютъ*“), но это крикливое и неразборчивое пѣніе производитъ непріятное впечатлѣніе. Вообще, надо замѣтить, голосъ у жителей крикливый и рѣзкій, такъ-что на сходахъ беретъ верхъ самый крикливый. Общихъ увеселеній отраденцы не любятъ, а собираются для этой цѣли по домамъ. Больше всего гуляютъ во время ярмарокъ—24 сентября и 24 февраля, а также во время праздниковъ Рождества, Пасхи, Троицы, когда плетутъ вѣнки, въ день престольнаго праздника 8-го сентября и 1 мая. Къ характернымъ особенностямъ населенія можно отнести возникновеніе среди жителей секты хлыстовъ, указывающей на неустойчивость религиозныхъ понятій отраденцевъ и на стремленіе ихъ къ новаторству. Непосвященные въ тайны секты рассказываютъ много небылицъ о сектантахъ, обвиняя ихъ, напримѣръ, въ сводномъ грѣхѣ; но послѣдніе отрицаютъ всѣ взводимыя на нихъ обвинения. Считаемо не лишними интереса нѣкоторыя данныя объ этой сектѣ, которыя намъ удалось узнать отъ одного изъ вожаковъ ея. Секта занесена сюда изъ Россіи, главнымъ образомъ, изъ тамбовской губерніи. Сущность ея заключается въ отрицаніи вѣшнихъ, обрядовыхъ сторонъ православной церкви. Сектанты подсмѣиваются надъ тѣми православными, ко-

торые, выйдя изъ кабака и увидѣвъ крестъ, спѣшать перекреститься; такое моленіе православныхъ сектанты называютъ „*дурацкимъ мотаніемъ руки*“. По ихъ ученію, нужно чтить Бога въ сердцѣ, но не на словахъ, поэтому они смотрятъ на Евангеліе исключительно съ духовной точки зрѣнія.

Собираться въ церкви считается излишнимъ, потому-что Богъ вездѣ; они собираются обыкновенно въ одинъ какой-нибудь домъ, читаютъ воскресное Евангеліе и толкуютъ его по своему усмотрѣнію. Послѣ толкованія поются стихи изъ книгъ или же импровизированныя пѣсни духовнаго содержанія. Дозволяется руководить собраніемъ и женщинѣ, если она грамотна. Съ внѣшней стороны, сектанты—безукоризненные христіане: часто посѣщаютъ храмъ Божій, не ругаются, не пьютъ водки, не ѣдятъ мясного и не курятъ табаку. Православные жители станицы относятся къ нимъ не то съ завистью, не то съ ненавистью. Съ одной стороны, завидно видѣть довольство сектантовъ, съ другой—непріятны ихъ толкованія Евангелія. Сектанты, въ случаѣ надобности, отказываются отъ принадлежности къ своей сектѣ, боясь преслѣдованія, такъ-что нельзя получить вполнѣ вѣрныхъ статистическихъ данныхъ о количествѣ ихъ.

Занятія жителей.

Главное занятіе жителей Отрадной—земледѣліе. Земля составляетъ здѣсь общинную собственность. До 1884 года жители пользовались землей, какъ попало, но въ 1884 году былъ нанятъ частный землемѣръ, который и раздѣлилъ всю землю на участки по числу домохозяевъ. Вся земля раздѣлена срокомъ на 10 лѣтъ. Въ общій дѣлежъ вошли все жители казачьяго сословія мужского пола, включая и дѣтей, рожденных до 1-го сентября 1884 года, а также и вдовы, которыя пользуются полудушевымъ надѣломъ. Душевой надѣлъ приблизительно равенъ 13¹/₂ десятинамъ.

Несмотря на то, что земледѣліе главное занятіе жи-

телей, оно ведется примитивнымъ способомъ. Землю не удобряютъ и пахутъ деревяннымъ плугомъ, въ который впрягаютъ отъ 3—4 паръ воловъ. Всего въ станицѣ плуговъ 341, изъ нихъ 22 англійскихъ, 19 нѣмецкихъ, 3 болгарскихъ; въ общемъ количествѣ плуговъ встрѣчаются плуги овцеводовъ: Стоялова, Макѣева и Мазаева, именно 37 плуговъ усовершенствованной конструкціи. Усовершенствованный плугъ въ общемъ числѣ плуговъ составляетъ 1,5⁰/₀. Одинъ плугъ приходится на 2,6 домохозяина. Въ станицѣ имѣются также 3 паровыхъ молотилки, 5 конныхъ молотилокъ и 5 косилокъ; изъ нихъ принадлежатъ овцеводамъ 2 паровыхъ и 2 конныхъ молотилки и 5 косилокъ.

Одна молотилка приходится на 111,25 домохозяевъ; косилка же приходится на 178,2 домохозяевъ. Желѣзный плугъ здѣсь легко достать изъ г. Ставрополя, но жители предпочитаютъ старинный, увѣряя, что желѣзнымъ плугомъ ничего не сдѣлаешь. Скотоводствомъ станичники занимаются настолько, насколько это служитъ подспорьемъ для земледѣлія; только овцеводы принимаютъ всевозможныя мѣры для усовершенствованія и развитія овцеводства.

Къ 1 января 1886 года у нихъ было 82,000 тонкорунныхъ овецъ. Изъ домашнихъ животныхъ разводятъ воловъ, коровъ, овецъ и свиней. Всего лошадей 1,140, на одного домохозяина приходится 1,2 лошади; воловъ 1,640 паръ, на одного домохозяина—1,9; коровъ и гулевого скота 6,397, на одного домохозяина—7,2; простыхъ овецъ и тонкорунныхъ 86,634, на одного домохозяина—97,2; свиней 2,175, на одного домохозяина—2,4. Уходъ за домашними животными самый плохой. Правда, строятъ для скота сараи, но эти строенія нисколько не защищаютъ отъ вьюгъ и непогодъ. Кормятъ скотъ зимою сѣномъ, соломой, а то и половою (мякиною). Въ станицѣ нѣтъ ветеринара, а потому лѣчатъ скотъ бабки, отъ лѣченія которыхъ получаютъ иногда печальные

результаты. Изъ домашнихъ птицъ разводятъ гусей, утокъ, куръ и индѣекъ.

Изъ дикихъ животныхъ, въ окрестностяхъ станицъ, водятся: лисицы, волки, зайцы, барсуки, дикія кошки и тхоры. Изъ дикихъ птицъ водятся: ласточки, грачи, щуры, синицы, перепела, фазаны, кукушки, дятлы, дивія утки, вуропатки, дрохвы (лудаки), журавли и, наконецъ, воробы.

Изъ пресмыкающихся особенно много ящерицъ и лягушекъ, а также попадаетъ на поляхъ достаточное количество и змѣй-мѣдянокъ, козюлекъ, желтопузовъ и ужей. Охотою здѣсь занимаются мало: охотятся только на перепела, и устраиваются различныя западни; чаще всего ихъ ловятъ сѣтью. Въ станицѣ имѣются 4,429 колодокъ пчель, на одного домохозяина приходится 4,9. Изъ воска сами же жители дѣлаютъ свѣчи самымъ простымъ способомъ: катаютъ воскъ между двумя дощечками. Всѣ жители, по роду ихъ занятій, подраздѣляются такъ:

Землепашцевъ	196 дом.
Поденщиковъ	89
Овцеводовъ	3
Купцовъ	11
Бичевочниковъ	2
Ножевниковъ	1
Врачей	1
Кузнецовъ	5
Кирпичниковъ	5
Пильщиковъ	16
Мѣдниковъ	1
Стекольщиковъ	4
Портныхъ	4
Мясниковъ	3
Булочниковъ	6
Сапожниковъ	4

Каменщиковъ	1
Извозчиковъ	11
Постоваловъ	2
Кровельщиковъ	1
Плотниковъ	14
Столяровъ	4
Печниковъ	3
Бондарей	3
Мельниковъ	8

Общественныя учрежденія.

1) Почтовая станція съ приѣмомъ денежной и простой корреспонденціи во всѣ мѣста Имперіи. Почта приходитъ изъ станціи Невинномысской въ 7—8 ч. вечера, по вторникамъ и пятницамъ, а отсюда уходитъ въ 5 ч. утра, по средамъ и субботамъ.

2) Мировой судъ. Онъ состоитъ изъ одного мирового судьи. Въ продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ мѣсто вакантное, такъ-что всѣ прошенія подаются Лабинскому мировому судѣ.

Въ Отрадной же находится квартира судебного слѣдователя Отраденскаго участка. Кромѣ того, проживаетъ авдизный чиновникъ, военный фельдшеръ при мѣстной тюремной командѣ и другія должностныя лица.

Въ Отрадной находится войсковая тюрьма, которая помещается въ громадномъ деревянномъ домѣ, за станицей. Прежде въ этомъ домѣ былъ военный лазаретъ. Высота этого зданія, по срединѣ, 6 арш. 5 верш. Къ 1-му мая настоящаго года, въ означенной тюрьмѣ было арестантовъ 170 м. п. и 10 ж. п. По національностямъ они составляли слѣдующія группы:

Русскихъ—133. : 73,8%,

Горцевъ—38	21,1 ⁰ / ₀ ,
Осетинъ—1.	0,6 ⁰ / ₀ ,
Калмыковъ—2.	1,2 ⁰ / ₀ ,
Персидско-подд.—6.	3,3 ⁰ / ₀ ,
Въ этомъ числѣ мѣстныхъ жителей 6 человѣкъ, или	3,3 ⁰ / ₀ ,

Народное образованіе.

Народное образованіе прививается весьма плохо, несмотря на то, что въ станицѣ существуютъ два училища—мужское станичное и женское. Мужское училище открыто въ 1859 году; оно помѣщается въ собственномъ деревянномъ зданіи, расположенномъ на площади. Подъ классы отведено двѣ комнаты, вмѣстимость которыхъ равна 652 ¹³/₁₆ куб. аршинамъ, а оконнаго стекла приходится 31 ¹¹/₁₃ квад. верш. на 1 квад. арш. пола. Прослѣдить, сколько человѣкъ окончило курсъ ученія въ мужской школѣ, къ сожалѣнію, нельзя, за неимѣніемъ данныхъ въ архивѣ этого училища; по спискамъ же имѣлось учениковъ:

въ 1880 году	55
„ 1881 „	40
„ 1882 „	62
„ 1883 „	57
„ 1884 „	56
„ 1885 „	59

Итого за 6 лѣтъ 329 учениковъ, или, среднимъ числомъ, по 54 въ годъ. Стоимость учительской библіотеки 57 р. 80 коп., ученической—2 руб. 16 коп., учебниковъ—141 р. 97 коп. и учебныхъ пособій на 62 р. 10 коп. Женское училище вновь открыто, 25 ноября 1885 года; оно помѣщается въ наемномъ зданіи и не отличается удобствомъ. Всѣхъ ученицъ числится по списку 44, слѣдовательно, за послѣдній годъ всѣхъ учащихся 103 души; одинъ учащійся при-

ходится на 53,08 жителей. Учащіеся составляютъ 13,7% дѣтей школьнаго возраста.

Родины, крестины и похороны.

Среднее количество членовъ казачьей семьи отъ 3 до 5 душъ, но попадаются и такія казачки, которыя рождаютъ до 17 дѣтей. Мальчики предпочитаютъ дѣвочкамъ, такъ-какъ послѣднія не пользуются надѣломъ земли, а ихъ еще нужно снабжать приданымъ. Предъ родами зовется бабка—повитуха, во власть которой поступаетъ на нѣкоторое время мать и ребенокъ. Приемы такихъ бабокъ не всегда рациональны, и только самыя опытныя изъ нихъ предоставляютъ дѣйствовать природѣ, а другія, и притомъ большинство, стараются помочь родамъ, для чего водятъ больную, кладутъ на полъ и даже, взявши за ноги, встряхиваютъ. Разумѣется, отъ такихъ приемовъ ухаживанія часто происходятъ или смерть родильницы, или постоянныя боли живота. Когда родится ребенокъ и не подаетъ голоса, т. е. не кричитъ, то его „откликаютъ:“ кладутъ на порогъ и произносятъ имена родителей: если мальчикъ—имя отца, дѣвочка—матери. Затѣмъ ребенка *выправляютъ* въ купели: во время купанья соединяютъ правую руку съ лѣвой ногой, потомъ лѣвую руку съ правой ногой, и это дѣлаютъ до трехъ разъ; при соединеніи руки съ ногой „причмокивается“ губами. За молитвой къ священнику съ ребенкомъ идетъ бабка—повитуха. Предъ крестинами ребенка кладутъ на шубу, крестная мать беретъ его и несетъ съ кумомъ въ церковь.

Послѣ крещенья кумовья идутъ въ домъ родителей; тамъ кума кладетъ дитя опять на шубу предъ иконами. Потомъ бабка беретъ его оттуда и отдаетъ родильницѣ. Во время обѣда, устраиваемаго по случаю родинъ, кума беретъ стаканъ водки, подноситъ куму и проситъ выпить; въ лѣвой рукѣ она держитъ тарелку или ставитъ рюмку на тарелкѣ, на которой

лежитъ новый платокъ. Кумъ пьетъ и цѣлуетъ куму, при этомъ одариваетъ ее; затѣмъ, въ свою очередь, такимъ же образомъ подноситъ ей стаканъ вина, опять съ неизбѣжнымъ поцѣлуемъ. Въ концѣ обѣда бабка подноситъ кашу или сладкій пирогъ со стаканомъ вина каждому изъ гостей, начиная съ кума и кумы. Выпившій бросаетъ деньги на двѣ тарелки, при чемъ со-держимое въ одной идетъ въ пользу новорожденного, а въ другой—въ пользу бабки.

Предъ смертью какого-либо члена семейства ставятъ стаканъ со святой водой подъ иконами, а на окнѣ *канунъ* (стаканъ съ медомъ) со свѣчой. Первое дѣлается въ силу того повѣрья, что душа, выходя изъ тѣла, должна омыться въ водѣ. Въ богатыхъ семействахъ устраиваются обѣды, и при-зывается чтець, который читаетъ псалтирь по умершемъ. При выносѣ мертвыхъ на кладбище, гробъ, обыкновенно, сопрово-ждаетъ вся родня съ громкимъ плачемъ: голосятъ всѣ женщи-ны, родственницы умершаго. На девятый и сороковой день, послѣ смерти покойника, устраивается обѣдъ съ панихидой. Кладбище находится на южной сторонѣ за станицей; оно окопа-но небольшимъ ровомъ и огорожено досками; вслѣдствіе глини-стой почвы, на немъ нѣтъ деревьевъ. Общее поминовеніе усоп-шихъ бываетъ на кладбищѣ одинъ разъ въ годъ, именно, во вторникъ на Өоминой недѣлѣ. Въ этотъ день каждый изъ жи-телей несетъ *канунъ* со свѣчой, курицу, варенныя яйца, блины и булки, а иногда спиртные напитки. И тутъ, на могилѣ родителей, послѣ общей панихиды, всѣ пьютъ и закусываютъ.

Свадьба и пѣсни.

Свадьбы совершаются осенью, зимою и весною, послѣ Пасхи. Женятся парни, начиная съ 18 лѣтъ, а дѣвщцы выхо-дятъ за мужъ съ 16 лѣтъ. По указанію молодого человѣка, а иногда и по выбору отца, мать идетъ въ домъ невесты и узнаетъ тамъ о лѣтахъ ея, о приданомъ и т. д. Получивъ

удовлетворительный отвѣтъ, она проситъ позволенія прійти вечеромъ со сватами. Вечеромъ являются сваты съ отцомъ или матерью жениха и несутъ хлѣбъ-соль и водку, или какъ жители говорятъ: „идуть съ *блюдомъ*“. Когда предложеніе принято, тогда его зашиваютъ. Въ этотъ-же вечеръ назначаются „сводь“ жениха съ невѣстой, „*выговоръ*“ и день свадьбы. Въ день *сводовъ* родители жениха, вечеромъ, идутъ въ домъ невѣсты со всѣми своими родными. Родители невѣсты, съ родственниками, сидятъ, а пришедшіе гости стоятъ среди комнаты и угощаютъ своей водкой. Въ это время входитъ женихъ съ боярами, а за нимъ и невѣста съ друзьями. Женихъ беретъ изъ круга дѣвушекъ невѣсту, становится среди комнаты и цѣлуетъ ее.

Отецъ невѣсты спрашиваетъ его:

— „Кто ты такой?“

— „Я купецъ.“

— „Что ты покупаешь?“

— „Ни лисицъ, ни куницъ, а красныхъ дѣвицъ.“

Въ это время подружки невѣсты поютъ:

1) «Виноградъ во садикѣ расцвѣтаетъ,

Не узюмная ягода послѣваетъ,—

Марья у батюшки вырастаетъ.

Какъ Марья батюшкѣ говорила:

— «Не отдавай меня, батюшка, молодѣ замужъ,

А выбирай, мой батюшка, человѣка,

Человѣка, родимый мой, чтобъ неровня—

Что ростомъ-то, ростомъ-то и красотой,

И своею молодецкою чистотой,

Чтобъ не стыдно было въ гостюшки поѣхать,

Чтобъ не стыдно подруженькамъ похвалиться:

«То-то ровня, подруженьки, то-то ровня, подруженьки,—

Что ростомъ-то, ростомъ-то и красотой,

И своею молодецкою чистотой.»

2) По подь-небесью ясмѣнь соколъ летаетъ,

Со полету черныхъ галокъ выбираетъ.

Какъ онъ выбралъ себѣ галушку черную,
Черную, черную чепурную.

Какъ и галушка у сокола просилась:

— «Ты пусти, пусти, ясмёнъ соколъ, на волю,
На волю, на волю, по чистому полю,

Бѣ чернымъ галкамъ, къ чернымъ галкамъ полетати,
Полетати, полетати, понархати».

— «А я пушу, а я пушу, ты не будешь,
Про меня яснаго сокола забудешь».

— «Жива буду, жива буду,—не забуду,
Пока сгину, пока сгину, не покину».

Какъ по городу Иванушка гуляетъ,
Съ карагоду красныхъ дѣвогъ выбираетъ.

Какъ онъ выбралъ себѣ дѣвушку бѣлую,
Бѣлую, бѣлую, румяную.

Какъ и Марьюшка у Иванушки просилась:

— «Ты пусти, пусти, Иванушка, на волю,

Бѣ краснымъ дѣвкамъ, къ краснымъ дѣвкамъ поиграти,
Поиграти, поиграти, поплясати».

— «А я пушу, а я пушу, ты не будешь,
Про меня добраго молодца забудешь».

— «Жива буду, жива буду,—не забуду,
Пока сгину, пока сгину, не покину *)».

3) Леталъ, порхалъ соловьюшка по саду,
Скучилося ясмённому одному:

«Кабы моя соловушка со мною,

Кабы моя ясмённая для мене,—

Щекоталъ бы я всю ноченьку съ нею,

Щекоталъ бы я осеннюю—не умолгалъ».

Ходилъ, гулялъ Иванушка по терему,

Скучилося Иванушкѣ одному:

«Кабы моя Марьюшка со мною,

Говорилъ бы я всю ноченьку съ нею,

Говорилъ бы я осеннюю—не умолгалъ,

Послалъ бы я во высокъ теремъ за виномъ».

*) Другой вариантъ этой пѣсни помѣщенъ уже раньше въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“. См. выпускъ III. Отд. II. Стр. 66. *Прим. Ред.*

4) Бязе, бояре, цѣловальничники за столѣмъ;
Потихоньку, Марьюшка, подойди и низенько поклонись.
Люди скажутъ, что разумнаго отца дочь,
Умная, разумная чадушка—
Это Иванова ладушка.
Иванушка у Марьюшки спрашиваетъ:
— «У кого же ты, Марьюшка, хороша?
У кого же ты, Иванова, пригожа?»
— «Иванушка, у меня былъ батюшка хорошъ.
Иванушка, у меня матушка пригожа.
Въ счастливый день меня матушка родила,
У золота, у серебра увила:
На головушку—аль платокъ,
На шеюшку, на шеюшку жемчужокъ,
На рученьку, на рученьку перстепекъ».

Всѣ пришедшіе выходятъ изъ-за стола и цѣлуютъ жениха и невѣсту; при этомъ въ нѣкоторыхъ домахъ дарятъ платками, а гости бросаютъ на тарелку деньги. День свадьбы назначается чрезъ недѣлю, двѣ. Вечеромъ, предъ днемъ свадьбы, дѣвушки съ невѣстой и женихъ съ товарищами устраиваютъ вечеринки. Молодежь развлекается цѣлую ночь подъ звуки дудокъ и гармоникъ, а иногда и скрипки. Въ день вѣнчанія невѣста утромъ голосить, т. е. плачетъ. За часъ или два до вѣнчанія подружки наряжаютъ невѣсту къ вѣнцу; при этомъ онѣ поютъ:

«Ни трубушки трубятъ рано по зарѣ,
Да сплкнула Марьюшка по русой косѣ:
«Да и свѣтъ мою косушку дѣвушки плели,
Спасибо, Иванушкѣ Ивановичу, спасибо,
Что прислалъ свашеньку косушку чесать.
Стала мою косушку чесать и рвать,
Стала мою русую на-двое дѣлить,
Стала мою косушку втрое заплетать».

Когда дѣвушки завидятъ подъѣзжающаго жениха, то онѣ начинаютъ пѣть:

«Безъ вѣтру, безъ вихору ворота растворялися,

Всѣ бояре соѣзжались,

По переду ѣдетъ молодець,

Молодець у насъ Иванушка.

По сѣнюшкамъ ходитъ дѣвушка,

Дѣвушка у насъ Марьюшка.

Она голосомъ голосить:

«Родимый мой батюшка,

Родимая моя матушка,

Вотъ ѣдетъ погубитель мой,

Вотъ ѣдетъ разоритель мой,

А вотъ ѣдетъ *расплетай*-косу,

А вотъ ѣдетъ *потеряй*-красу».

— «Ужъ ты, красная дѣвушка,

Да не я—погубитель твой,

Да не я—разоритель твой,

Да не я—расплетай-косу,

И не я—потеряй-красу.

Погубитель—твой батюшка,

Разорительша—твоя матушка,

Расплетай-косу—свашенька,

Потеряй-красу—сестрица».

Предъ тѣмъ, какъ итти въ церковь, жениха и невѣсту сажаютъ за столъ, потомъ они выходятъ изъ-за стола и невѣста прощается со своими родителями. Въ церковь идутъ или вмѣстѣ, или она ѣдетъ на повозкѣ, а женихъ ѣдетъ верхомъ на лошади подлѣ нея. Въ это время дѣвушки начинаютъ пѣть:

«Отлетала лебедушка отъ и стада лебединого,

Прилетала лебедушка ко стаду гусиному.

Не умѣла лебедушка по гусиному кричати,

Стали ее гуси щипати.

—«Не щипите, гуси сѣрые:

Не сама я къ вамъ залетѣла,

Занесло меня неволею,

Неволюшка—вѣтра буйный,

Вѣтра-буйный все вихорный».

Отъѣзжаетъ Марьюшка отъ родимаго батюшки,
Пріѣзжаетъ Марьюшка ко лютому свекру-батюшкѣ.
Не сумѣла Марьюшка на головушку вѣночекъ сплестъ;
Стали ее люди судити.
<Не судите, люди добрые,
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Занесло меня неволею,
Неволюшка-кони добрые,
Кони добрые Ивановы>.

По окончаніи бракосочетанія, новобрачныхъ ведутъ къ жениху въ домъ; ихъ встрѣчаютъ мать съ хлѣбомъ-солью, а отецъ съ иконою; при этомъ мать держитъ на плечахъ шубу, вывернутую шерстью вверхъ. Когда молодая чета цѣлуетъ родителей, мать осыпаетъ новобрачныхъ хмелемъ для того, чтобы они были богаты. Въ домѣ сажаютъ ихъ за столъ въ переднемъ углу, даютъ по стакану водки и начинаютъ *повивать* молодую. Повиваніе заключается въ томъ, что сваха расчесываетъ ей голову, заплетаетъ волосы въ двѣ косы, надѣваетъ шлычку и повязываетъ сверхъ нея шелковымъ платкомъ, а потомъ накрываетъ лицо другимъ платкомъ.

Тутъ родители жениха говорятъ: „А ну, покажи, что ты за цацу взялъ?“ Платокъ открываютъ, и показывается молодая. Ее всѣ цѣлуютъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ женихомъ, ведутъ въ особую комнату, гдѣ приготовлена постель. По уходѣ молодой четы, старики садятся за столъ и пируютъ. Когда изъ спальни молодыхъ послышится выстрѣлъ, подымается красный флагъ подъ звуки пѣсни: „ой, журушка, журавель“.

На другой день дѣлится коровой. Молодая чета подноситъ коровой съ водкой и подаркомъ, а дружокъ говоритъ: „сыръ-коровай принимай, а молодыхъ одаряй“. Взавшій коровой или кладетъ нѣсколько денегъ на тарелку, или обѣщаетъ что-нибудь изъ хозяйства. Въ этотъ же день женихъ отправляется съ товарищами въ домъ молодой за приданымъ; приданое везутъ на повозкѣ, а сами ѣдутъ верхомъ впереди и

стрѣляютъ. Свадьбы варьируются на разные лады, но основная черта остается одна и таже: намѣчиваніе невѣсты, *своды*, *выговоръ* и проч.

Въ станицѣ, осенью и зимою, дѣвушки собираются вмѣстѣ и составляютъ *карагодъ* (хороводъ), т. е., взявшись за руки, образуютъ кругъ; тутъ онѣ ходятъ и поютъ почти такія же пѣсни, какія были записаны г. Передѣльскимъ въ станицѣ Темижбекской, а кромѣ того и нижеслѣдующія *):

- 1) Нашъ полковничекъ-господинъ
Себѣ орденъ получилъ,
А намъ походикъ объявилъ.
Мы походовъ не боимся,
Больше радуемся;
Мы на-конь сядемъ, поѣдемъ,
Сами пѣсни запоемъ,
Въ Тифлисъ голосъ подаемъ:
«Ты прости, прощай,
Отрадная станица,
Прощай, красная дѣвица!
Мнѣ не жалко Отрадной станицы,
Жалко красной дѣвицы;
Мы въ походъ служить пойдёмъ,
Съ собой дѣвицу возьмемъ.
Вы молитесь, дѣти, Богу:
Богъ надъ нами, только всегда съ нами,
Съ нами въ сторону служить пойдетъ».
- 2) Ахъ вы братцы, мои братцы,
Вы товарищи, братцы мои!
Не спокійте, братцы, раздобраго молодца,
Все при бѣдности, братцы, моей,
Ой да, все при бѣдности, братцы, моей,
И при печали, братцы, при большой.

*) Но и изъ нихъ 1, 2 и 4 пѣсни есть не что иное, какъ болѣе или менѣе варіированныя записи пѣсенъ, помѣщенныхъ въ „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“. См. выпускъ III. Отд. II. Стр. 75 и 86, пѣсни подъ №№ 97, 98 и 138. Прим. Ред.

Какъ мнѣ нонѣшнюю, братцы, ноченьку
Размалымъ-мало, братцы, спалось (2 раз.),
Во снѣ много видѣлось:
Будто, вотъ мой вороной конь
Разыгрался подо мной,
Разыгрался коникъ, расплясался
Подъ удалымъ молодцомъ;
Свалилася черная шапочка
Съ моей буйной головы;
Оторвался золотой кинжаликъ
Съ моей правой стороны;
Какъ посыпались мелкія стрѣлочки
По сырой, братцы, землѣ;
Какъ услышала маменька родная
Со высокаго терема:
«Ужъ ты, сынь мой, сыночекъ,
Разыгрался вотъ твой вороной конь—
Тебѣ на службицу, сынокъ, иттить;
Сывалилася черная шапочка—
Тебѣ вбитому, сынокъ, быть;
Оторвался золотой кинжаликъ—
Твоей женѣ вдовой быть;
Посыпались мелкія стрѣлочки—
Твоимъ дѣтямъ сиротами быть».

3) По сырой землѣ туманъ стелется,
По горамъ война подымается,
Какъ казаченьки въ походъ собираются,
Какъ отецъ сына въ походъ провожалъ,
Въ походъ провожалъ, самъ приказывалъ:
«Ужъ ты сынь, ты мой сынь,
Сынь возлюбленный,
Берегися, мой сынь,
Все черкесовъ злыхъ
И князей молодыхъ».
Какъ за рѣчкою было
Все за Саржевою,
Тамъ стоялъ, простоялъ

Все Хоперскій полкъ;
Какъ у этомъ у полку
Все несчастьице:
Пролетѣла пуля,
Пуля быстрая,
Прошумѣла шашка,
Шашка острая;
Какъ убили казака
Все Хоперскаго полва;
Какъ ушалъ казакъ
На сырую землю,
Вскричалъ казакъ громкимъ голосомъ:
«Ужъ вы братцы мои,
Вы товарищи,
Не покиньте мене
На чужой сторонѣ,
На чужой сторонѣ,
На турецкой землѣ».

- 4) Сторона моя, сторонка,
Чужа-дальня сторона!
Разлучила меня, сторонка,
Съ отцомъ-матерью на вѣкъ,
Съ милымъ дружкой далеко.
Пойду-выйду я, душа-Маша,
На высокъ-большой курганъ;
Ужъ я гляну, душа-Маша,
На четыре стороны,
А на пятую сторонку—
Что не пыль-кура курить,
Какъ за пылью за курою
Молодой кульберъ бѣжить.
— «Кульберчикъ, сизъ голубчикъ,
Ты откуль скоро бѣжишь?»
— «Я бѣжу, душа-Маша,
Со Туречины въ Москву;
Я везу, душа-Маша,
Молодымъ бабамъ грусть-тоску,

А тебѣ, душа-Маша,
Невеселое письмо:
Какъ тваво ли Александры
Давно въ-живѣ его нѣтъ;
Какъ твой ли Александра
Въ Таганрогѣ жизнь кончалъ».

Разныя суевѣрія.

1) Большой лихорадкой, для излѣченія отъ болѣзни, носить на груди орѣхъ съ живымъ паукомъ, пойманномъ въ переднемъ углу: если паукъ издохнетъ, то лихорадка пройдетъ.

2) Ребенка, больного „сухотою“, худосочиємъ, одѣваютъ въ старую рубашку, „выметають“ его вмѣстѣ съ соромъ и владутъ въ сорное мѣсто, а потомъ отходятъ, необорачиваясь назадъ; воротившись обратно, снимають съ ребенка рубаху и зарываютъ ее на томъ мѣстѣ, гдѣ выброшенъ соръ.

3) Еще существуетъ слѣдующее суевѣріе объ излѣченіи худосочія. Когда увидятъ молодой мѣсяць, то, не сходя съ мѣста, просятъ лопату и роютъ яму; больного ребенка купаютъ надъ ямой; старую рубаху его тутъ и закапываютъ, а на него надѣваютъ чистую. Съ этого мѣста уходятъ, не оглядываясь.

4) Беременная женщина не должна садиться на порогъ или бить кошку, собаку, свинью,—иначе вырастетъ персть на спинѣ ребенка.

5) Когда ребенокъ не спитъ, его носятъ подъ *курей* (куры).

6) Не позволяютъ ребенку смотрѣть вечеромъ въ зеркало,—иначе будетъ плохо спать.

7) Не показываютъ ребенку его тѣнь,—иначе будетъ пугливъ.

8) Когда хвалятъ дѣтей, то сплевываютъ,—иначе они заболѣють.

9) Въ печи всегда держать горячую воду для „домового.“

10) Надрѣзанную краюшку хлѣба не ѣдятъ вечеромъ: она оставляется тоже для домового.

11) Нельзя убивать ужа, —будетъ несчастье.

12) До восхода и послѣ захода солнца не метутъ избы.

13) Когда мертваго несутъ по улицѣ, нельзя смотрѣть въ окно, —заболѣешь.

14) Чтобы не бояться мертваго, нужно посмотрѣть въ печь.

15) Когда въ домѣ есть новорожденный (хотя бы и животное), то изъ этого дома не даютъ ничего, даже воды.

16) Черезъ вѣнникъ, топоръ и коромысло нельзя шагать, —будутъ стягиваться ноги.

17) Когда родится ребенокъ, нужно итти въ родильницѣ не съ пустыми руками, чтобы она могла выкормить ребенка.

18) Пустую люльку (колыбель) нельзя качать, —дита не будетъ покойно спать.

19) Когда на ребенка нападаютъ *криксы* (кричить), его несутъ къ воротамъ и говорятъ: „воротній скрипъ, возьми съ младенца (имя рекъ) крикъ, съ пороженнаго, съ молитвеннаго, съ крещенаго“. Проговоривъ эти слова трижды, плюютъ назадъ и, не оглядываясь, идутъ въ домъ.

20) Отрѣзанный пупокъ сохраняется до того времени, когда самъ ребенокъ будетъ въ состояніи развязать его: онъ будетъ понятливъ и памятливъ.

21) Стаканъ лопнулъ, —несчастье.

22) Если молоко коровы портится, то вымя обмывается водой, взятою ртомъ изъ родника, текущаго на востокъ.

23) Когда увидать новую луну, читаютъ, не сходя съ мѣста, безъ отдыха, три раза „Отче нашъ“, чтобы зубы не болѣли. Въ концѣ молитвы прибавляютъ слѣдующія слова: „тебѣ мѣсяцъ молодѣть, а моимъ зубамъ не болѣть“.

24) Явленіе сѣвернаго сіянія означаетъ войну.

25) Крикъ воробья и вороны зимою —къ снѣгу, а лѣтомъ —къ дождю.

26) Если собака воетъ, нужно читать молитву: „Господи, Иисусе Христе“. Вой собакъ означаетъ просьбу къ Богу объ избавленіи людей отъ голода.

27) Чтобы волкъ не рѣзаль скота, послѣдній „заговариваютъ“. Заговоръ справляется такъ: берутъ топоръ и три раза ударяютъ имъ о землю, при чемъ говорятъ слѣдующія слова:

«Выйду я на крутую на каменную гору,
Закричу въ медленную (мѣдную?) трубицу,
Скличу хортовъ, хортиць-Егоровыхъ собакъ:
Бѣлыхъ, сѣрыхъ и всякихъ разношерстныхъ;
Замкну имъ и губы, и зубы—
Сѣрымъ, бѣлымъ, рудымъ, бѣлогористымъ
Егоровымъ собакамъ;
Пушу я свою скотинушку
По чистому полю гуляти,
Сѣрую, бѣлую, всякую разношерстную.
Гуляй, моя скотинушка,
По чистому полю,
Бѣлая, сѣрая, всякая разношерстная;
А ты, Михайла Архангель, отъ земли до неба
Желѣзнымъ тыномъ заслоняешь,
Своею пеленою укрываешь».

28) Когда лижетъ себя кошка (моется),—гости будутъ.

29) Когда поетъ на порогѣ пѣтухъ,—гости будутъ.

30) Стѣны въ домѣ трещать—въ дорогѣ.

31) Когда приснится, что печь развалилась, будетъ несчастье.

32) Когда во снѣ выметаешь комнату, кто-нибудь умретъ.

33) Когда во снѣ встрѣчаешь „святость“, хоругви, будетъ въ домѣ мертвецъ.

34) Когда во снѣ увидишь твацкій станъ, тоже будетъ мертвый въ домѣ.

35) Когда въ домѣ появится много крысъ, быть голоду.

36) Пить воду нужно, перекрестивши ее: иначе нечистый въ тебя войдетъ.

37) Когда бываетъ икота, это значить, что Богъ записываетъ грѣхи наши.

38) Когда на лошадь нападаютъ *переломы* (качается, потягивается), тогда ее бьютъ по заду мѣшкомъ, въ которомъ держатъ соль, до трехъ разъ, а потомъ продѣваютъ мѣшокъ между ногъ.

39) Когда женщина бесплодна, ее поятъ молокомъ другой женщины.

40) Кто „чихнетъ“ при попойницѣ, тому умереть.

41) Въ понедѣльникъ нельзя спускать щелокъ,—грѣхъ.

42) Нельзя проходить по тому мѣсту, гдѣ „качалась“ лошадь, а то нападутъ лишай.

43) На „средокрестіе“ (преположеніе св. сорокацѣ) пекутся „кресты“. Въ первый крестъ вкладутъ деньги; онъ дается тому лицу, которое будетъ сѣять хлѣбъ.

Учитель Отраденскаго мужскаго
училища Д. Ивановъ.

Ст. Отрадная.
1886 г.

СТАНИЦА РАСШЕВАТСКАЯ,

Кубанской области, Кавказскаго уѣзда.

Мѣстоположеніе, границы и свойство поверхности.

Станица Расшеватская, 2-го участка, Кавказскаго уѣзда, Кубанской области, лежитъ подѣ $45^{\circ} 34' 31''$ сѣв. шир. и $58^{\circ} 41' 50,05''$ вост. долготы, около 83 футовъ надъ уровнемъ моря; отъ уѣзднаго полицейскаго управленія въ $75\frac{1}{4}$ в., отъ квартиры пристава въ 34 в., отъ г. Екатеринодара въ 175 в., а отъ г. Ставрополя въ 90 в.

Жители ст. Расшеватской (4 офицера и 1,568 казаковъ) получили въ надѣлъ 33,902 десятины земли, при чемъ удобной 31,920 десятинъ и неудобной 1,982 д. Юртъ станицы съ запада ограничиваютъ Дмитріевская, Ильинская и Успенская станицы, съ востока Ставропольская губернія, съ ю.-в. и юга Ново-александровская и Григориполисская станицы, съ ю.-з. Темижбекская. Поверхность юрта, раздѣляемаго р. Расшеваткой на двѣ неравныхъ части, волнистая, — тамъ, гдѣ она изрѣзана балками — этими остатками древнѣйшихъ рѣчекъ — большею частью уже высохшими; внѣ балокъ поверхность ровная. Всѣ балки, и пересохшія, и имѣющія воду, впадаютъ въ р. Расшеватку. Самая станица расположена по обоимъ берегамъ рѣки, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она, вмѣсто ю.-в., принимаетъ с.-з. направленіе.

Начало свое рѣка Расшеватка беретъ однимъ рукавомъ

въ юртѣ станицы Ново-троицкой, а другимъ въ юртѣ Григориполисской и впадаетъ въ р. Калала, въ юртѣ ст. Успенской. Все протяженіе рѣки около 60 верстѣ; а станицѣ Расшеватской она принадлежитъ среднимъ своимъ теченіемъ. Съ лѣвой стороны Расшеватка имѣетъ своими притоками слѣдующія балки: Казачью, Платонову, Чекалину (Вонючка, въ самой станицѣ) и Мокрую (тоже въ станицѣ); съ правой стороны—Мыскову, Ковалеву (въ станицѣ) и Курячью. Ширина р. Расшеватки въ древнее время далеко превышала настоящую ея ширину, которая теперь, при довольно крутыхъ берегахъ, не болѣе 40—70 саж.

При рѣкѣ, съ лѣвой стороны, на ю.-в. отъ станицы, въ 4 верст. отъ церкви, есть общественный лѣсъ, разведенный по требованію бригаднаго начальства, но нынѣ заброшенный; на версту далѣе расположенъ хуторъ Мыскова съ садомъ. Къ с.-з. отъ станицы, верстахъ въ 10-ти, расположены по той же рѣкѣ хутора Воронина, Кожевникова и Лопатина (часть послѣднихъ хуторовъ теперь отошла къ войсковой землѣ, почему предвидятся тысячные убытки отъ поломки построекъ). Вдоль же рѣки имѣется и 9 водяныхъ мельницъ съ семью прудами.

Хотя на всемъ протяженіи рѣки, какъ это и въ балкахъ, имѣются ключи, въ которыхъ вода иногда бьетъ вверхъ на 1—2 верш., однако вообще прибыль воды въ рѣкѣ всецѣло зависитъ отъ дождей и таянія снѣговъ.

По рѣкѣ Расшеваткѣ и въ балкахъ: Платоновой, Курячьей, Казачьей растутъ камышъ, куга, водоросли. Изъ рыбъ на всемъ теченіи рѣки и въ устьяхъ названныхъ балокъ водятся караси, сазаны, плотва, пискаръ, вьюнъ (угорь), колючка, безъ шелухи и съ острыми плавниками, синьга (снятки), изъ которой варятъ вкусную уху, и раки; изъ гадовъ водятся черепахи, лягушки, ужи, мѣдяницы и др. Птичье населеніе этой области составляютъ утки, лыски, нырки, курочки, бебасы, кулики, цапли, гуси и проч.

Почва.

Весь станичный юртъ обладаетъ черноземной почвой съ примѣсю глины, почему здѣшняя растительность легче переносить засухи, чѣмъ въ прикубанскихъ юртахъ, гдѣ почва черноземно-песчаная. Толщина чернозема—отъ $\frac{1}{4}$ до 1 арш. и болѣе; подпочва—глинистая, отъ 2—6 саж., а на водораздѣлахъ и болѣе. Иногда подпочвой служитъ песокъ.

Несмотря на солидную толщину чернозема, верхній слой, вслѣдствіе сильно развѣваемаго земледѣлія, значительно истощенъ: во время сухого лѣта земля, подъ паромъ, положительно остается безъ растительности; а пахотный слой рѣдко достигаетъ 6-ти вершковъ. Приблизительное истощеніе почвы можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ, взятыхъ для одной казенной десятины. Съ десятины, среднимъ числомъ, получается 13 копенъ соломы, вѣсомъ въ 65 пудъ, при вѣсѣ одной копны въ 5 п.; зерно одной копны, дающей, средн. чис., 3 мѣры, вѣситъ 3 п. 15 ф., а вѣсъ зерна съ 13 копенъ опредѣлится въ 43 п. 35 фунт.; слѣдовательно, въ годъ съ каждой десятины берется питательныхъ веществъ 108 п. 35 ф., если не считать выкашиваемаго бурьяна и корма для скота, послѣ уборки хлѣба. Если же принять въ соображеніе, что въ теченіе 83 лѣтъ каждая десятина была обрабатываема 50 разъ, а въ дѣйствительности и болѣе, такъ-какъ прежде, да и теперь посѣвы зерна иногда производятся на одномъ мѣстѣ по нѣсколькимъ лѣтамъ сряду, то окажется, что за данный періодъ съ каждой десятины взято по 5443 п. 30 ф. чистыхъ питательныхъ элементовъ, которые руками человѣка или обращены въ навозъ, гніющій въ станицѣ, или вывезены въ видѣ зерна въ г. Ростовъ-на Дону. Близъ станицы земля еще болѣе истощена, чѣмъ вдали.

Если каждый изъ насъ увѣренъ, что всякій долгъ необходимо уплачивать полностью, то жителямъ станицы Распе-

ватской скоро придется убѣдиться, что земля, какъ хорошій кредиторъ человѣка, въ свое время потребуетъ возврата взятыхъ питательныхъ элементовъ, и хищническая обработка будетъ наказана не мировымъ судьей, а тою же матерью-кормилицею, землею: земледѣлецъ не долженъ забывать, что на известной площади земли можетъ жить столько людей и животныхъ, сколько можетъ дать почва питательныхъ элементовъ.

Вода.

Вода всѣхъ семи прудовъ рѣки и водныхъ балокъ не употребляется людьми для питья, вслѣдствіе своего слащаваго вкуса и неприятнаго запаха. Причины послѣдняго обстоятельства до нѣкоторой степени очевидны. Такъ, многіе жители ст. Новоалександровской кормятъ скотъ всю зиму на льду рѣки; весь навозъ, накопившійся за это время на льду, погружается весною въ воду, которая течетъ къ ст. Расшеватской. Жители послѣдней станицы и сами помогаютъ порчѣ воды: огораживая свои дворы, они дѣлаютъ изъ навоза и соломы *гати* (здѣсь такъ называютъ канавы) прямо къ рѣкѣ; тутъ же гниютъ водоросли, животные; тутъ же мочатъ коноплю. Неудивительно, что уже ранней весной мнѣ приходилось наблюдать въ рѣчной водѣ, съ помощью микроскопа, массу налибочныхъ животныхъ; а лѣтомъ, въ тихую погоду, надъ станицей изъ рѣки распространяется сильное зловоніе. Поэтому рѣчную воду, кромѣ скота, чаще—свиной, иногда падающихъ на мѣстѣ водопоя, никто не пьетъ. Жители же пользуются водой изъ колодцевъ. Вода послѣднихъ солоноватая. Это происходитъ отъ того, что всюду въ скотныхъ базахъ и дворахъ гниетъ масса навозу, соли котораго и проникаютъ до воды. Кромѣ соли, въ водѣ содержится и известь. Даже на поверхности почвы въ жаркое лѣто можно наблюдать кристаллы соли, и притомъ невооруженнымъ глазомъ; впрочемъ, это наблюдается только въ почвѣ, гдѣ расположена станица, и по берегамъ рѣки и балокъ.

Глубина колодцевъ въ станицѣ отъ 2—5 саж.; температура воды въ колодцахъ, въ самое жаркое лѣто, доходить до $+10^{\circ}\text{R.}$, въ погребахъ до $+15^{\circ}\text{R.}$ Температура воды въ колодцахъ и погребахъ непостоянна, а находится въ зависимости отъ внѣшней температуры. Вполнѣ хорошая, прѣсная вода имѣется въ степи, въ колодцахъ Воронина, въ 8 верст. отъ станицы. Въ настоящее время, для добыванія хорошей воды лѣтомъ, въ разгаръ полевыхъ работъ, по предложенію ст. атамана г. Рѣпникова, роются колодцы и выкладываются камнемъ, на общественный счетъ, въ разныхъ мѣстахъ юрта, что, естественно, должно благотворно отразиться на здоровьи населенія *). Въ прѣжнее же давнее время жители, очевидно, пользовались водой непосредственно изъ рѣки и родниковъ.

Климатъ.

Весна иногда является здѣсь въ мартѣ: въ 1883 году въ мартѣ начали пахать; обыкновенное же начало весны— февраль мѣсяць. Покосъ начинается съ 1 іюня. Лѣто бываетъ жаркое: въ августѣ 1884 г. термометръ показывалъ отъ 25— 30°R. Бываютъ частыя засухи и „захваты“ хлѣбовъ, какъ это случилось въ 1884—85 гг. Лѣтомъ бываютъ и проливные дожди, крупный градъ, бури и грозы; но эти явленія наблюдаются не ежегодно.

Вѣтры дуютъ добрую треть года и, особенно лѣтомъ, довольно сильны. Лѣтніе сухіе вѣтры, а зимніе холодные имѣютъ направленіе сѣверное, сѣв.-в. и юго-в.; теплые же вѣтры, и лѣтомъ притомъ дождливые, имѣютъ направленіе западное и юго-западное. Дождь съ вѣтромъ называютъ *чичеръ*.

Уборка хлѣба вовсе кончается до 1 сентября; а посѣвъ озимыхъ злаковъ вовсе кончается въ августѣ или сентябрѣ, а

*) Уже кончено 4 колодца.

иногда и въ ноябрѣ. Въ концѣ ноября уже выпадаетъ снѣгъ: въ 1884 г. первый снѣгъ пошелъ даже 9 ноября, а въ 1885 г. еще раньше—31 октября. Наблюденія, начатыя съ 1 октября 1884 года, показали относительно температуры слѣдующее: для октября температура, вѣсчитанная изъ средней температуры дня (записывается въ 7 ч. утра, 1 ч. дня и 7 ч. вечера), въ $+9\frac{2}{31}^{\circ}$ R., для ноября въ $+3\frac{8}{15}^{\circ}$, декабря $+5\frac{5}{31}^{\circ}$, января (1885 года)— $4,8^{\circ}$, февраля $+3,35^{\circ}$, марта $+4,6^{\circ}$, апрѣля $+12,87^{\circ}$, мая $+18\frac{1}{3}^{\circ}$, іюня $+22,5^{\circ}$, іюля $+21,4^{\circ}$, августа $+17,3^{\circ}$, сентября $+13,1^{\circ}$; средняя годовая (съ 1 окт. 1884 г. до 1 окт. 1885 г.) температура выходитъ въ $+10,8^{\circ}$ R. За этотъ періодъ было ясныхъ дней 181, облачныхъ 184, вѣтряныхъ 256, дождливыхъ 51, снѣжныхъ 11. Дожди были слабы, а вѣтры, восточные, сильны; слѣдствіе этого въ 1885 г.—полный неурожай. Плохая надежда на урожай и въ 1886 г.

По наблюденіямъ жителей, морозы здѣсь болѣе -30° R. не бывають. Старожилы говорятъ, что прежде зимы были легче; эту перемену они объясняютъ приходомъ русскихъ людей, будто бы съ собой принесшихъ зиму. Эта мысль въ значительной степени справедлива. При заселеніи станицы, какъ и всего сѣвернаго Кавказа, здѣсь всѣ балки были переполнены водой, а растительность была на столько велика, что трава была въ ростъ человѣка, и въ бурьянѣ могъ схорониться всадникъ: обиліе влаги, растительности, естественно, поддерживало почвенную теплоту, а также могло вліять и на уменьшеніе холода. Наоборотъ, въ настоящее время, съ развитіемъ земледѣлія и скотоводства, весь пахотный слой оголился: изрѣдка лишь вырастаетъ на немъ мелкій бурьянъ. Вслѣдствіе этого, даже въ періодъ проливныхъ дождей, вода быстро стекаетъ въ балки, въ рѣку, а затѣмъ и вонъ изъ юрта; вода, всосавшаяся въ почву, подъ вліяніемъ солнца, быстро испаряется; почва просыхаетъ и легче остываетъ, и

растительность весною показывается медленно. Слѣдовательно, можно утверждать фактъ, даже очень значительнаго, вліянія человѣка на климатъ.

Но самое главное вліяніе на суровость или слабость зимы въ станицѣ Расшеватской принадлежитъ преобладающимъ здѣсь холоднымъ или теплымъ вѣтрамъ. Восточные сухіе вѣтры вообще здѣсь преобладаютъ; причемъ въ послѣднее время они сопровождаются иногда наносами песку *).

Историческія свѣдѣнія.

Ст. Расшеватская (прежде Кавказской губерніи) заселена въ 1801 г. выходцами-крестьянами, а именно—крестьянами Орловской губерніи, Елецкаго уѣзда; Воронежской губерніи, Нижне-дѣвицкаго уѣзда, сель Хохла и Турова, и Курской губерніи. Первая партія состояла изъ 14 подводъ, принадлежавшихъ Аверину, Мамонтову и Мыскову **). Во второй партіи прибыли Лопатинъ и Лавлинскій, въ третей—Стоякинъ (старикъ Стоякинъ, потомокъ названнаго Стоякина, и сообщилъ эти свѣдѣнія) и Кистеревъ, изъ села Ольшанскаго, Воронеж. губ. Когда такимъ образомъ образовалось поселеніе въ 62 двора, начата была постройка церкви; кирпичъ приготовлялъ и выжигалъ свой житель, Жуковъ. Въ 1804 г. ***) послѣдовало освященіе церкви, во имя Вознесенія Господня. Церковь была обнесена кирпичной оградой, съ продольными отверстіями, для удобства защиты огнестрѣльнымъ оружіемъ, въ случаѣ нападенія горцевъ. Церковь и ограда сохранились до сихъ поръ.

*) Въ январѣ 1886 года вѣтеръ принесъ такую массу песку, что засыпалъ многіе дворы и дома до крышъ.

***) Михаилъ Мамонтовъ построилъ водяную мельницу въ самой станицѣ; другую водяную мельницу, съ отводомъ десятины земли, устроилъ Позняковъ.

***) Метрическія книги ведутся съ 1802 г. На мѣстѣ, теперь занимаемомъ общественными магазинами, стояла часовня.

Указомъ Императора Николая Павловича, отъ 28 декабря 1832 года, крестьяне ст. Расшеватской, съ 1 января 1833 года, были обращены въ казаковъ, для усиленія военныхъ силъ бывшаго Кавказско-линейнаго войска, впослѣдствіи отдѣлившагося отъ Терскаго войска и вошедшаго въ составъ Кубанской области.

Матеріалами для выводовъ историческаго порядка могутъ служить какъ мѣстныя пѣсни, въ которыхъ прославляются дѣла съ горцами, такъ и значительные остатки чисто-русскаго эпоса. Обычай въ свадьбахъ, игры, празднованіе русальной недѣли, а курянами 9-й и 10-й пятницы, послѣ пасхи, составляя отличительныя черты поселенцевъ, свидѣтельствуютъ о ихъ происхожденіи изъ разныхъ губерній широкой Россіи.

Историческимъ происхожденіемъ поселенцевъ объясняется и наклонность жителей (стариковъ) носить вовсе не-казачьи костюмы, почему нерѣдко отъ сосѣднихъ станицъ они получаютъ кличку „мужиковъ“. Историческаго характера и названія кварталовъ станицы, именуемыхъ здѣсь плантами: напр., Курскаго планта, Воронежскаго планта.

Физическія особенности жителей.

Жители ст. Расшеватской, какъ помѣсь малороссовъ съ великоруссами,—народъ, по преимуществу, рослый, мускулистый, широкоплечій, съ блѣдно-смуглымъ цвѣтомъ кожи. Оба пола отличаются крѣпкимъ тѣлосложеніемъ: косари 60—70-ти лѣтъ, а работницы 45—55 лѣтъ здѣсь обыкновенное явленіе. Мужчины иногда достигаютъ до 3 (?) арш. роста; обыкновенный же ростъ—2 арш. 10 вершковъ. Ростъ женщинъ рѣдко разнится отъ роста мужчинъ *). Большой ростъ—2 арш. 13 верш., средній—2 арш. 9 верш., малый—2 арш. Уродовъ и не пропорціонально сложенныхъ—не замѣчается.

*) Высокихъ женщинъ называютъ *солохами*.

Сильный человекъ самъ подымаетъ на плечи 6 пуд.; если же тяжесть ему взвалить на плечи, то понесетъ и 10 п.; слабый, съ помощью другихъ, подыметъ до 5 п. и, безъ помощи, не болѣе $2\frac{1}{2}$ п. Поворотливость и ловкость, а также пророчество—у расшеватцевъ не замѣчаются: они отличаются медленностью въ движеніяхъ. Бороды жители не бреютъ; волосы на головѣ носятъ большіе; а молодежь предпочитаетъ стриженные волосы. Цвѣтъ волосъ болѣе русый; брюнетовъ очень мало. Дѣвушки и женщины употребляютъ бѣлила и румяна.

По темпераменту, расшеватцевъ скорѣе всего слѣдуетъ причислить къ холерикамъ; они трудолюбивы, спокойны, обладаютъ плавной, мягкой рѣчью; весьма единомысленны въ рѣшеніи общественныхъ вопросовъ, почему партія богачей и должностныхъ лицъ не имѣетъ у нихъ никакого значенія. Стремленіе къ общественнымъ интересамъ наблюдается какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, такъ и въ цѣломъ сходѣ; обманувшіе сходъ и не сумѣвшіе оправдаться пользуются презрѣніемъ на всю жизнь, и всякія просьбы къ сходу такихъ лицъ остаются безъ обсужденія. Расшеватцы—юмористы: (и разговоръ, и жестикація ихъ такого характера. Есть среди нихъ такіе юмористы, что съ первыхъ же словъ вызываютъ общій дружный хохотъ цѣлаго схода. Расшеватцы юмористы) даже въ несчастіи. Горитъ домъ въ тихую погоду, и слышится говоръ: „И загорится же, когда вѣтру нѣту“.. О людяхъ, опоздавшихъ на пожаръ, говорятъ: „Развѣ за этимъ народомъ что-нибудь сгорить!“ Падаеть скотъ,—начальство предлагаетъ мѣры, а расшеватцы съ просьбой: „Ваше Б—іе, да пусть хоть немного выдохнетъ, а то кормить нечѣмъ“. Побили вора палками на сходѣ и тутъ же острятъ: „Зачѣмъ били? скота много: пусть хоть немного выкрадутъ“. Подрались сосѣди, а на счетъ истца уже готова острота: „Судѣвъ возъ пшеницы отдамъ, а 10 р. взыщу“.

Слово *судѣвъ*—*судѣ* (зм. *суды*) производится отъ слова

сюда: „Нынѣшніе суда берутъ сюда, сюда и сюда“; при послѣднихъ словахъ указываютъ на карманы, пазуху, голенища, шапку. Также говорятъ: „Судья не знаетъ, што слекотарь людей обираетъ“. Выгорѣла ст. Кавказская, а распеватцы, случайно спасавшіе имущество погорѣльцевъ, приѣхали домой и острятъ: „Чудно, братцы! на всю станицу хлѣба цѣлая мѣра сгорѣла.“ О григориполисцахъ и темижбекцахъ распеватцы острятъ: „Лѣсъ продадутъ, съ голоду помрутъ“.

Прирость и убыль населенія.

Самое большое количество браковъ заключается въ октябрѣ мѣсяцѣ, послѣ окончанія полевыхъ работъ. Въ стреленіи ко вступленію въ бракъ экономическая потребность играетъ болѣе важную роль, чѣмъ фізіологическая. Въ 1879—1880 гг., когда казаки были на войнѣ, въ рабочихъ рукахъ чувствовалась сильная потребность, поэтому количество браковъ возросло до 78—73. Урожайные годы также вліяютъ на количество браковъ; 1884 г. хотя и далъ урожай удовлетворительный, но отсутствіе цѣнъ на хлѣбъ повело къ убыткамъ, почему браковъ совершилось лишь 43. Возрастъ невѣстъ 16—18 лѣтъ, въ 19—20 лѣтъ невѣстъ мало; скорѣе это уже вдовы; женихи болѣе въ возрастѣ 18—19 лѣтъ; довольно часто женятся молодые люди ранѣе 18 л., съ разрѣшенія епархіальной власти; то же случается и съ дѣвушками, недостижшими 16 лѣтъ.

Число браковъ.												
	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	За 10 лѣтъ.	Средн. числ.
Январь . . .	2	8	8	12	21	9	13	20	16	3	112	11,2
Февраль . . .	5	1	—	8	2	8	9	—	16	7	56	5,6
Мартъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Апрѣль . . .	3	5	6	4	12	3	4	10	2	1	50	5

	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884	За 10 лѣтъ.	Средн. числ.
Май	2	2	2	6	1	5	4	1	3	2	28	2,8
Юнь	3	—	—	3	—	1	2	1	—	—	10	1
Юль	—	—	1	—	1	—	—	—	2	1	5	0,5
Августъ	—	—	1	4	—	—	—	—	1	1	7	0,7
Сентябрь	4	8	1	2	11	6	1	—	3	—	36	3,6
Октябрь	15	21	20	35	19	23	14	22	24	22	215	21,5
Ноябрь	3	6	9	4	6	9	10	8	3	6	64	6,4
Декабрь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	37	51	48	78	73	64	57	62	70	43	583	58,3

Первое мѣсто, по обилію браковъ, занимаютъ первобрач-
ныя лица—451, второе—вдовцы—84, и послѣднее—холостые,
вступающіе въ бракъ съ вдовами—10, что видно изъ слѣдую-
щей таблицы:

	Холостые съ дѣвушками.	Холост. съ вдовами.	Вдовцы съ дѣв.	Вдовцы съ вдов.	Итого.
Въ 1875 г.	31 пара	1	1	4	37
„ 1876 „	44 „	1	3	3	51
„ 1877 „	39 „	1	3	5	48
„ 1878 „	61 „	2	4	11	78
„ 1879 „	51 „	2	6	14	73
„ 1880 „	40 „	2	7	15	64
„ 1881 „	45 „	—	5	7	57
„ 1882 „	51 „	—	2	9	62
„ 1883 „	50 „	1	6	13	70
„ 1884 „	39 „	—	1	3	43
За 10 л.	451 „	10	38	84	583
°/о	77,3°/о	1,7°/о	6,5°/о	14,5°/о	100°/о

Помѣсячно вѣнчалось за 10 лѣтъ:		На 1000 браковъ приходится:
въ январѣ — 112	паръ	192,1
„ февралѣ — 56	„	96,5
„ мартѣ — —	„	—
„ апрѣлѣ — 50	„	85,8
„ маѣ — 28	„	48.
„ іюнѣ — 10	„	17,11
„ іюлѣ — 5	„	8,6
„ августѣ — 7	„	12.
„ сентябрѣ — 36	„	61,8
„ октябрѣ — 215	„	368,4
„ ноябрѣ — 64	„	109,7
<hr/> Итого 583		1000.

Въ ст. Расшеватской, кромѣ лицъ казачьяго званія, проживаютъ по нѣскольку десятковъ лѣтъ иногородные, имѣющіе и не имѣющіе осѣдлости; коренное населеніе господствующее, и бытовой его жизни подчиняются всѣ сословія, почему, для полученія болѣе точныхъ данныхъ о движеніи населенія, во всѣхъ таблицахъ иногородные не исключены; только въ итогѣ рожденій и смертности казачье потомство выдѣлено отдѣльно. Если всѣ заключенные браки сравнивать съ кореннымъ населеніемъ, то получимъ одинъ бракъ на 36,7 муж. пола и 1 на 37 жен. пола, или 1,37⁰/₀ на 100.

Рождаемость.

По разспросамъ моимъ у мѣстныхъ жителей о безплодныхъ женщинахъ, таковыхъ насчитываютъ около 15. За принятые 10 лѣтъ было 3,547 рожденій. Въ 1884 году по семейному списку значилось женщинъ, въ возрастѣ отъ 17 до 45 лѣтъ, способныхъ производить потомство, 836 душъ: если

бы въ теченіе всѣхъ 10 лѣтъ было тоже количество женщинъ, то на каждую пришлось бы 3—4 рожденія, а такъ какъ число ихъ было прогрессивно меньше до 1875 г., то, несмотря на то, что въ число родившихся включена незначительная часть иногородныхъ, выводъ долѣнъ быть въ пользу болѣе рождаемости, по крайней-мѣрѣ по 4 рожденія; тогда періодъ каждой беременности у одной и той же женщины будетъ чрезъ 2 года, что и наблюдается на самомъ дѣлѣ.

Разница въ количествѣ женщинъ видна изъ слѣдующихъ данныхъ: въ 1875 г. всѣхъ лицъ жен. пола было 1,703, а къ 1-му января 1885 г.—2,162 женщины, изъ коихъ 836 въ возрастъ отъ 17—55 лѣтъ. По примѣру покойнаго статиста Ф.-Ланда привожу таблицу видимой плодовитости женщинъ.

Года.	Считалось бракомъ парь.	Года.	Родилось.	Видимая плодови- тость.
1875	37	1876	284 *)	1 : 7,7
1876	51	1877	268	1 : 5,2
1877	48	1878	292	1 : 6,1
1878	78	1879	310	1 : 4
1879	73	1880	398	1 : 5,8
1880	64	1881	399	1 : 6,23
1881	57	1882	414	1 : 7,3
1882	62	1883	460	1 : 7,6
1883	70	1884	426	1 : 6,08
Итого	583		3,547	1 : 6,08

*) Въ 1885 году родилось 296.

Число родившихся за 10 лѣтъ съ 1875—1884 г. включительно.

	1875		1876		1877		1878		1879		1880		1881		1882		1883		1884		Всего за 10 лѣтъ.		
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	Обоего пола.
Январь . .	11	9	14	7	12	13	18	12	11	13	20	17	23	20	16	13	17	20	18	17	160	141	301
Февраль . .	11	14	15	10	16	15	10	16	10	12	20	11	15	8	14	11	26	15	15	18	152	180	282
Мартъ . .	12	12	17	15	14	12	6	12	13	16	22	19	11	17	19	20	23	16	19	16	156	155	311
Апрѣль . .	12	7	7	10	9	13	12	9	7	6	22	18	9	20	7	7	20	13	16	16	121	119	240
Май . .	10	5	14	14	12	10	14	7	10	13	15	18	17	20	13	25	13	13	18	16	136	141	277
Июнь . .	18	12	14	11	11	11	8	14	14	12	14	13	18	19	17	15	24	21	19	22	157	150	307
Июль . .	13	10	9	7	10	7	20	17	11	10	19	8	20	12	20	18	17	18	24	17	163	124	287
Августъ . .	12	9	17	12	7	7	13	7	13	13	24	15	15	16	15	23	23	21	24	19	163	142	305
Сентябрь . .	25	9	11	13	10	13	16	9	15	14	16	14	18	12	13	26	22	19	13	16	159	145	304
Октябрь . .	15	17	16	10	13	11	10	17	17	22	26	6	31	29	23	22	23	20	27	23	201	177	378
Ноябрь . .	19	14	11	15	11	7	14	18	13	5	21	19	16	6	14	18	21	21	10	13	150	136	286
Декабрь . .	11	9	7	8	13	11	6	7	23	17	10	11	7	20	19	26	18	16	14	16	128	141	269
Обоего пола:	169	127	153	131	138	130	147	145	156	154	229	169	200	199	190	224	247	218	217	209	1846	1701	3547
	—296	—	—284	—	—268	—	—292	—	—810	—	—398	—	—399	—	—414	—	—460	—	—426	—	—	—	—3547

Въ томъ числѣ неконорожденныхъ: мальчиковъ 10, девочекъ 9, изъ нихъ подкидышей одинъ; случаевъ рожденія близнецовъ было 69, начиная съ 1875 г. до 1884: 4, 3, 2, 6, 10, 7, 8, 11, 4, 4=69.

Вопросъ о томъ, на какіе мѣсяцы выпадаетъ болѣе число заключаемыхъ браковъ, зачатій и рожденій, выясняется изъ нижеслѣдующихъ таблицъ:

З а 9 л ѣ т ь :		Отношеніе числа брачныхъ паръ, заключенныхъ за 9 л., къ числу родившихся отъ всѣхъ способныхъ къ дѣторожденію:	
съ 1875—1883.	съ 1876—1884.		
Число брачныхъ паръ, вѣнчавшихся въ:	Число родившихся въ:		
январѣ... 109	октябрѣ.. 352	109 : 352 = 1 : 3,2	
февралѣ.. 49	ноябрѣ .. 260	49 : 260 = 1 : 5,3	
мартѣ ... 0	декабрѣ.. 249	и т. д. = 249	
апрѣлѣ... 49	январѣ .. 281	= 1 : 5,7	
маѣ 26	февралѣ.. 257	= 1 : 9,9	
іюнѣ 10	мартѣ ... 287	= 1 : 28,7	
іюлѣ 4	апрѣлѣ .. 221	= 1 : 55,23	
августѣ .. 6	маѣ 262	= 1 : 43,6	
сентябрѣ . 36	іюнѣ 277	= 1 : 7,7	
октябрѣ .. 193	іюлѣ 263	= 1 : 1,3	
ноябрѣ... 58	августѣ .. 284	= 1 : 4,9	
декабрѣ .. 0	сентябрѣ.. 270	= 270	
Итого.. 540	3,263	= 1 : 6,4	

Р о ж д е н і е и з а ч а т і е .					
Обоего пола.		Мужского пола.		Женскаго пола.	
По мѣсяцамъ родилось:	Мѣсяць зачатія.	По мѣсяцамъ родилось:	Мѣсяць зачатія.	По мѣсяцамъ родилось:	Мѣсяць зачатія.
Октябрь. 378	Январь.	Октябрь. 201	Январь.	Октябрь. 177	Январь.
Мартъ . 311	Іюнь.	Августъ . 163	Ноябрь.	Мартъ . 156	Іюнь.
Іюнь . . 307	Сентябрь.	Іюнь . . 163	Октябрь.	Іюнь . . 150	Сентябрь.
Августъ . 306	Ноябрь.	Январь . 160	Апрѣль.	Сентябрь. 145	Дек. (постъ)
Сентябрь. 304	Декабрь.	Сентябрь. 159	Декабрь.	Августъ . 142	Нояб. (пост.)
Январь . 301	Апрѣль.	Іюнь . . 157	Сентябрь.	Январь . 141	Апр. (постъ)
Іюнь . . 287	Октябрь.	Мартъ . 156	Іюнь.	Май . . . 141	Авг. (постъ)
Ноябрь . 286	Февраль.	Февраль. 152	Май.	Декабрь. 141	Мар. (постъ)
Февраль . 282	Май.	Ноябрь . 150	Февраль.	Ноябрь . 136	Февраль.
Май . . . 277	Августъ.	Май . . . 136	Августъ.	Февраль . 130	Май.
Декабрь 269	Мартъ.	Декабрь. 128	Мартъ.	Іюнь . . 124	Октябрь.
Апрѣль . 240	Іюнь.	Апрѣль . 121	Іюль.	Апрѣль . 119	Іюль.
3547		1846		1701	

По годамъ родилось мальчиковъ больше (+) или

меньше (—):

1875	+	42
1876	+	22
1877	+	8
1878	+	2
1879	+	2
1880	+	60
1881	+	1
1882	—	34
1883	+	34
1884	+	8

Итого + 145

По мѣсяцамъ родилось мальчиковъ больше (+) или меньше (—):

январь	+	19
февраль	+	22
мартъ	+	1
апрѣль	+	2
май	—	5
іюнь	+	7
іюль	+	39
августъ	+	21
сентябрь	+	14
октябрь	+	24
ноябрь	+	14
декабрь	—	13

Итого. + 145

Количество смертныхъ случаевъ въ ст. Расшеватской выражается слѣдующими таблицами:

Въ теченіе 10 лѣтъ умерло по мѣсяцамъ.								
	1875 г.	1876 г.	1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.	1881 г.	1882 г.
	м.—д.	м.—д.	м.—д.	м.—д.	м.—д.	м.—д.	м.—д.	м.—д.
Январь...	4—3	13—7	3—10	8—4	8—4	13—18	22—15	4—12
Февраль...	6—3	8—3	2—10	7—11	9—8	12—20	7—19	9—9
Мартъ...	6—3	5—7	14—6	6—7	33—37	11—7	6—6	8—14
Апрѣль...	7—6	3—3	11—6	9—11	49—35	5—8	9—9	5—12
Май....	4—5	4—9	7—2	7—4	17—15	3—4	8—9	6—6
Іюнь....	9—3	16—12	9—3	12—5	20—11	13—7	11—6	7—9
Іюль...	15—8	13—13	5—8	15—16	8—4	19—15	10—8	21—12
Августъ...	6—3	7—3	5—6	12—7	8—6	16—27	9—11	15—11
Сентябрь.	7—3	4—7	0—9	7—6	8—12	12—8	10—10	14—9
Октябрь..	6—4	4—9	3—6	6—7	21—14	20—15	10—13	8—16
Ноябрь...	16—16	4—10	7—10	5—9	23—22	36—47	6—11	6—9
Декабрь..	18—9	4—13	7—6	9—4	17—19	23—27	8—7	18—6
Итого...	104—66	85—96	73—82	103—91	221—187	183—203	116—124	121—125
Обоего п.	170	181	155	194	408	386	240	246

З а 10 л ѣ т ѣ .

	1883 м.—д.	1884 м.—д.	маль- чиковъ	дѣво- чекъ.	Обоего пола.
Январь...	12—13	11—10	98	96	194 души.
Февраль...	21—7	18—9	99	99	198 "
Мартъ...	23—15	13—12	125	114	239 "
Апрѣль...	15—7	13—18	126	115	241 "
Май.....	8—6	18—17	82	77	159 "
Юнь.....	12—9	23—8	132	73	205 "
Юль.....	23—13	18—17	147	114	261 "
Августъ...	14—11	11—8	103	93	196 "
Сентябрь..	8—7	14—5	84	76	160 "
Октябрь...	14—9	9—14	101	107	208 "
Ноябрь...	22—12	13—24	138	170	308 "
Декабрь...	12—13	20—19	136	123	259 "
Итого...	184—122	181—161	1,371	1,257	2,628 умерло.
Обоего пола...	306	342			

По количеству смертныхъ случаевъ, мѣсяцы идутъ въ такомъ порядкѣ: ноябрь, юль, декабрь, апрѣль, мартъ, октябрь, юнь, февраль, августъ, январь, сентябрь и май. Слѣдовательно, если судить по взятому 10-лѣтнему періоду, въ ст. Распеватской на смертность имѣютъ вліяніе такіе мѣсяцы, когда въ природѣ царитъ сырость, вѣтры, когда люди скучиваются въ домахъ, часто сырыхъ, холодныхъ; или, наоборотъ, такой мѣсяць, какъ юнь, когда время сильныхъ жаровъ, усиленныхъ работъ и чрезвычайно удушливыхъ міазмовъ,

распространяющихся по станицѣ изъ рѣки. Январь мѣсяцъ— всегда сухой и холодный, сентябрь—сухой и вѣтряный, и май—теплый, когда люди болѣе живутъ на дворѣ, въ полѣ, и вода въ рѣкѣ еще не проявляетъ своего вреднаго дѣйствія на здоровье людей. Жители сами испортили воду въ рѣкѣ, сами не хлопочуть о чистотѣ, теплотѣ и сухости своихъ жилищъ, немудрено, что причины смертности лежатъ въ этихъ антигигиеничныхъ условіяхъ. Настало время, когда очистка рѣки должна быть обязательной.

Въ теченіе 10 лѣтъ родилось 3,547, а умерло 2,628, прирость—919 человекъ, или 91,9 въ годъ; на сто умершихъ 135 родившихся.

Въ 1875 г.	родилось: 296,	умерло: 170,	наросло: 126
„ 1876	„ 284	„ 181	„ 103
„ 1877	„ 268	„ 155	„ 113
„ 1878	„ 292	„ 194	„ 98
„ 1879	„ 310	„ 408	„ —98 (убыль)
„ 1880	„ 398	„ 386	„ 12
„ 1881	„ 399	„ 240	„ 159
„ 1882	„ 414	„ 246	„ 168
„ 1883	„ 460	„ 306	„ 154
„ 1884	„ 426	„ 342	„ 84
Итого 3,547		2,628	919

Большій прирость падаетъ на 1882 г., въ особенности; 1879 и 1880—года дифтеритные, унесшіе много жертвъ.

Интересно также прослѣдить смертность обоихъ половъ, по ихъ возрастамъ, въ каждый соотвѣтственный годъ изъ данныхъ 10 лѣтъ *).

*) Я остановился на тѣхъ годахъ, въ которыхъ болѣе всего проавляется смертность.

Года.	Возрасть.	Муж. пола.	Жен. пола.	Обоего пола.
1875:	отъ 0— 5 л.	74	41	= 115
	„ 5— 10 „	6	0	= 6
	„ 10—100 „	24	25	= 49
				<hr/> 170
1876:	отъ 0— 5 л.	49	64	= 113
	„ 5— 10 „	8	7	= 15
	„ 10—100 „	28	25	= 53
				<hr/> 181
1877:	отъ 0— 5 л.	44	29	= 73
	„ 5— 10 „	5	6	= 11
	„ 10—100 „	33	38	= 71
				<hr/> 155
1878:	отъ 0— 5 л.	61	51	= 112
	„ 5— 10 „	4	3	= 7
	„ 10—100 „	38	37	= 75
				<hr/> 194
1879:	отъ 0— 5 л.	148	134	= 282
	„ 5— 10 „	20	10	= 30
	„ 10—100 „	53	43	= 96
				<hr/> 408
1880:	отъ 0— 5 л.	126	130	= 256
	„ 5— 10 „	30	30	= 60
	„ 10—100 „	27	43	= 70
				<hr/> 240
1881:	отъ 0— 5 л.	80	75	= 155
	„ 5— 10 „	6	9	= 15
	„ 10—100 „	31	39	= 70
				<hr/> 240

Года.	Возрасть.	Муж. пола.	Жен. пола.	Обоего пола.
1882:	отъ 0— 5 л.	76	70	= 146
"	5— 10 "	4	6	= 10
"	10—100 "	41	49	= 90
				246
1883:	отъ 0— 5 л.	125	87	= 212
"	5— 10 "	9	2	= 11
"	10—100 "	51	32	= 83
				306
1884:	отъ 0— 5 л.	145	128	= 273
"	5— 10 "	3	5	= 8
"	10—100 "	34	27	= 61
				342
Итого.				2,628

Вообще смертность велика въ возрастѣ отъ рожденія до 1—5 лѣтъ, что объясняется плохими гигиеническими условіями въ пищѣ и обстановкѣ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ климатѣ, котораго не выносятъ новорожденные. Если въ теченіе 5 л. ребенокъ не умеръ, то онъ на столько акклиматизируется, что уже можно надѣяться, что ребенокъ будетъ жить; дѣти, мо- ложе 5 лѣтъ, болѣе воспріимчивы къ эпидемическимъ болѣз- нямъ. Такъ отъ дифтерита въ 1880 г. умерло мужского пола 101, жен. 102; въ 1881 г. муж. 35, жен. 28; въ 1882 г. муж. 12, жен. 10. Отъ вори въ 1879 г. умерло муж. п. 88, жен. п. 75; въ 1883 г. муж. п. 19, жен. 27; затѣмъ, унесли наиболѣе жертвъ жаба, оспа, поносъ; отъ поноса съ 1875 г. по 1879 и за 1884 г. умерло муж. п. 105, жен. пола 83. Между женщинами отъ трудныхъ родовъ было смертныхъ случаевъ за 10 лѣтъ 20. О смертности слаборожденныхъ имѣются свѣдѣнія только съ 1879 г.

Года.	Муж. пола.	Жен. пола.	Обоего пола.
1879 г.....	11	6	17
1880	25	19	44
1881	24	27	51
1882	32	33	65
1883	56	34	90
1884	46	26	72
Итого.....	194	145	339

Въ послѣднее десятилѣтіе жители усердно стали заниматься земледѣліемъ; хорошіе урожаи потребовали усиленнаго труда, отъ котораго не избавляются и беременныя женщины, и матери грудныхъ дѣтей; грудныя дѣти лѣтомъ живутъ впроголодь, такъ-какъ матерямъ некогда возиться съ ними. Слѣдствіемъ труда беременныхъ женщинъ являются слаборожденныя дѣти, скоро умирающія. За 10 лѣтъ отъ чахотки умерло муж. п. 34, жен. п. 40; другія болѣзни, какъ коклюшъ, лихорадки и т. п. дѣйствуютъ періодически. Коклюшъ особенно былъ великъ въ 1884 г., но смертность отъ этой болѣзни незначительна. Въ средѣ расшеватцевъ есть лица, достигающія 100, 105 и болѣе лѣтъ. Казакъ Нижникъ умеръ въ прошломъ году 108 л.

До сихъ-поръ, говоря о движеніи населенія станицы, я не выдѣлялъ иногородныхъ, но теперь не безынтересно будетъ прослѣдить число рожденій, смертности и браковъ среди нихъ. Выдѣливъ иногородныхъ изъ общаго числа, мы получимъ необходимыя свѣдѣнія и для коренного населенія.

Иногородное сословіе.

Года.	Родилось.		Умерло.	
	муж.	жен.	муж.	жен.
1875 —	39 ..	33	35 ..	17
1876 —	39 ..	29	30 ..	34
1877 —	43 ..	34	25 ..	38

Года.	Родилось.		Умерло.	
	муж.	жен.	муж.	жен.
1878	— 47	.. 38	39	.. 27
1879	— 41	.. 42	73	.. 52
1880	— 59	.. 47	43	.. 53
1881	— 65	.. 61	38	.. 35
1882	— 62	.. 67	51	.. 45
1883	— 70	.. 72	69	.. 44
1884	— 66	.. 75	64	.. 78
Итого	— 531	498	467	423.
	1029		890	

Прирость въ средѣ иногородныхъ только 139, изъ нихъ мальчиковъ 64 и дѣвочекъ 75.

За 10 лѣтъ коренныхъ казаковъ родилось 2,518: мальч. 1,315, дѣвоч. 1,203. Умерло всѣхъ коренныхъ 1,738: муж. пола 904, жен. 834 души. Прирость муж. п. 411, жен. п. 369, всего 780 душъ. Мальчиковъ болѣе на 42.

Количество браковъ лицъ иногороднаго званія можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ, считая по порядку съ 1875 г.: 2, 4, 8, 20, 21, 15, 8, 14, 25, 7=124 брака.

Религіозное движеніе.

Все коренное населеніе, по офіціальнымъ отчетамъ исповѣдуетъ православную христіанскую вѣру; въ числѣ иногородныхъ 4 семьи раскольниковъ и одинъ поморець. Въ дѣйствительности же, какъ въ казачьемъ, такъ и въ иногородномъ населеніи развилась секта хлыстовъ, признающая главою Перфила Петровича Катасонова; хлыстовщина стала здѣсь развиваться въ началѣ 50 годовъ.

Сильное вліяніе на распространеніе этой секты во всей восточной части Кубанской области имѣетъ село Тамбовское, Ставропольской губерніи. Въ послѣдніе годы секта дѣлаетъ

громадные успѣхи: собранія хлыстовъ въ 50—70 человекъ въ одномъ домѣ нерѣдки. Всѣхъ хлыстовъ въ станицѣ около 100 человекъ.

Въ прошломъ году я, съ нѣсколькими лицами православнаго исповѣданія, посѣтилъ собраніе хлыстовъ. На столѣ лежали книги ветхаго и новаго завѣта; по моей просьбѣ, сектанты пропѣли нѣсколько пѣсенъ; потомъ происходило толкованіе Св. Писанія однимъ малограмотнымъ казакомъ. Хотя я и далъ слово быть только слушателемъ, но не сдержалъ его. Толкователь говорилъ, что плоть наша есть діаволь, а друго-го діавола, въ отдѣльности, не существуетъ; что городъ Вавилонъ, царь Ахавъ и т. д. вовсе не существовали, а подъ этимъ нужно разумѣть грѣшныя внутреннія побужденія человека; что, наоборотъ, всякій человекъ, носящій въ себѣ истинную вѣру, есть Авраамъ—духовно. Мои ссылки на Св. Писаніе о томъ, что діаволь и плоть человека существуютъ независимо другъ отъ друга, опровергались тѣмъ, что всѣ данныя Св. Писанія о діаволѣ нужно понимать духовно. Каждый изъ насъ остался при своемъ. По ихъ словамъ, Спасителя искушалъ не діаволь, а совѣсть; 2 и 3 стихи IV главы перваго Посланія Іоанна сектанты толкуютъ такъ: Иисусъ Христосъ пришелъ во плоти, и въ этомъ видѣ слѣдуетъ Его признавать. Кто спасается, тотъ и есть Спаситель; внѣ плоти нѣтъ Спасителя. Толкованіе совѣсть противоположно тому, чему учить св. апостоль. Мое возраженіе, что Спаситель, хотя и принялъ плоть человека, но, по воскресеніи, какъ Богъ-Духъ вездѣсущій, вовсе не имѣетъ надобности во плоти для Своего существованія, вызвало ропоть, и мнѣ сказали: „Это васъ учили такъ говорить“. Споръ вызвалъ цѣлую бурю; не окрѣпшіе въ вѣрѣ хлыстовской жожаками были удалены, и я остался только съ главными руководителями. Посыпалась масса вопросовъ. Тогда я спокойно потребовалъ разбирать вопросы по одному. Выяснилось, во время спора, что сектанты

признають Божью Матерь не потому, что въ Ея утробѣ былъ невмѣстимый Христось-Богъ, а потому, что Марія усыновила Его по Духу, и теперь каждая женщина, передавшая истинны вѣры другому лицу можетъ называться Богородицей, ибо отъ нея духовно рождается человѣкъ. Православная церковь и обряды ея, а также и иконы (отъ нихъ, говорятъ, ни тепло, ни холодно), все отрицается. Стихи 12, 13, 15 IV гл. перваго Посланія Іоанна понимаютъ такъ: /человѣкъ, который ведетъ жизнь дурную, есть діаволь; а если хорошую, то въ немъ живетъ Богъ; такой человѣкъ изображаетъ собою живого Бога. Въ такомъ случаѣ плоть всецѣло подчиняется Духу (Богу). Богъ есть любовь, а потому, если мужчина и женщина полюбили другъ друга по Духу, управляющему нашею плотью, то всякія лобызанія и соитія не составляютъ грѣха, ибо это есть проявленіе любви духовной. /Въ пылу гнѣва, на мои слова, что подобное ученіе о Божествѣ—ложь, сектанты сказали: „Духъ сотворитъ надъ вами чудо, и вы увѣруете“. Бесѣда вызвала толки въ станицѣ. Однажды приходитъ ко мнѣ одинъ изъ хлыстовъ и говорить, что ихъ-де не поняли, и они такъ-же вѣрують, какъ и всѣ. Конечно, это было сказано изъ опасенія преслѣдованія, хотя съ нашей стороны и не было подано никакого повода такъ думать.

Года три назадъ, явился новый проповѣдникъ, нѣкто Алеша Чемрецкій (Алексѣй Григорьевичъ Щетихинъ, крест. Ставропольской губерн.), временно проживающій въ ст. Невинномысской. Онъ создалъ новую секту; послѣдователи его живутъ во многихъ станицахъ, въ томъ числѣ и въ Расшеватской двѣ семьи. Секта хлыстовъ и Алешина наложили другъ на друга проклятіе, и однажды между послѣдователями этихъ сектъ происходила драка. Въ обѣихъ сектахъ бываетъ хожденіе на Духу (?), во время пѣнія веселыхъ пѣсень, съ содержаніемъ духовнымъ. Хлысты признають своего духовника, которому исповѣдываются въ грѣхахъ (священникъ—невыборное

лицо, а потому и не может исповѣдывать, говорятъ хлысты). Послѣдователи Алеши не признають духовника: по ихъ мнѣнію, за всякій грѣхъ достаточно покаяться предъ совѣстію и дать слово впередъ не грѣшить. Каяться можно—сколько угодно разъ. Обѣ секты убѣждены, что если кто изъ послѣдователей будетъ дѣлать дурныя дѣла, то „вновь уйдетъ въ міръ“. Возможность укрыванія своихъ грѣховъ предъ послѣдователями хлысты не допускають: „Отъ Духа скрыть нельзя“, говорятъ они.

Съ Алешей я велъ нѣсколько бесѣдъ и, видя наглый обманъ темныхъ людей, съ однимъ пріятелемъ, прямо уличилъ его въ плутовствѣ предъ собраніемъ. Алеша старается говорить непонятно, напримѣръ: „Братія, настало время построить планы, подготовить лѣстницу, чтобы всѣ знали наше нарѣчіе, тогда поймутъ эту географію, какъ это въ ариеметикѣ“. Когда я потребовалъ разъясненія сказаннаго, въ публикѣ слышались голоса: „Вы еще не посвящены и не имѣете Духа, почему и не понимаете“. Я доказывалъ, что и они всѣ не понимаютъ, но со мною не соглашались и только.

На другой годъ, на третьей бесѣдѣ съ Алешей, въ собраніи, и я сталъ говорить языкомъ Алеши: „Вы, господа, ищите правды по Св. Писанію (*да, да!*), но, чтобъ понять эту матерію, подобно астрономіи, какъ всѣ люди знаютъ исторію, нужно знать агрономію; такъ и найдете истину. Всѣ поняли?—говорите!“ Собраніе закричало: „Благодаримъ, хорошо, поняли; такія слова намъ по душѣ!“ Спрашиваю: *кто, какъ понялъ?*—нѣтъ отвѣта. Пришлось самому сказать, что я говорилъ *вздоръ*... Такимъ языкомъ я неоднократно ставилъ сектантовъ въ тупикъ: всѣ скажутъ поняли, а я заявляю, что въ сказанномъ нѣтъ и одной мысли, а бессмыслицу понять нельзя. Очевидно, что въ этихъ собраніяхъ нѣтъ и одного развитого человѣка: 2—3 малограмотныхъ, какъ и самъ Алеша, вотъ и всѣ; но каждому стыдно сознаваться публично въ томъ, что

онъ *не понимаетъ*; иначе другіе скажутъ, что хоть ты, братъ, и хлысть, но въ тебѣ живетъ не Духъ, а діаволь, почему и не смыслишь ничего.

Теперь хлыстовщина распалась на двѣ части; а когда появится третья, тогда главная секта *объявитъ себя*, и правительство, будто бы, должно будетъ признать ее законной; такъ, по крайней мѣрѣ, убѣжденъ Алепа, что и говорить своимъ послѣдователямъ. Въ обѣихъ сектахъ бывають часто сѣзды, иногда весьма многочисленные (ѣдутъ за 100 и болѣе верстъ).

Болѣе всего сектанты ненавидятъ кабака, будто бы „сгубившій православіе“, а затѣмъ мірскія увеселенія и дурные поступки: ибо цѣль ихъ—удалиться отъ міра *).

Присматриваясь къ жизни хлыстовъ и ихъ умственному настроенію, я пришелъ къ тому выводу, что народъ, желая познать Бога и получить спасеніе, внимательно вслушивался въ Св. Писаніе, обращался съ вопросами къ священнику; но, не получая желанныхъ отвѣтовъ и видя своего пастыря, постоянно занятаго требами и житейскими заботами, мало-по-малу углубился въ самого себя; тутъ каждый, по своему невѣжеству, сталъ убѣждаться, что искать истину нужно самому, ибо помощи взять неоткуда. Такъ зародилось броженіе умовъ, а съ нимъ явились и вожаки, интересующіеся, главнымъ образомъ, даровымъ трудомъ и приношеніемъ паствы.

Коренное и пришлое населеніе.

Къ 1-му января 1885 года, по семейному списку, значилось 601 дворъ, при 2,133 душахъ муж. пола и 2,153 женскаго пола, коренного казачьяго населенія; всего—4,286. Иногородныхъ же, имѣющихъ осѣдность, было 177 хозяйствъ, въ составѣ 426 душъ муж. п. и 419 жен. п., а всего 845 душъ

*) Послѣдователи Алеши ѣдятъ всякую пищу, но—кто хочетъ, можетъ поститься.

обоего пола, или 19,7⁰/₀ общаго населенія; неимѣющихъ осѣдлости—513 душъ муж. пола и 450 жен. п.; всего 963 души обоего пола, или 22,4⁰/₀; всѣхъ-же иногородныхъ лицъ въ ст. Распеватской числится 1,808 душъ обоего пола, что составитъ 42,1⁰/₀ коренного населенія, т. е., въ общемъ числѣ жителей, болѣе $\frac{1}{3}$ иногородныхъ. Такимъ образомъ, сгруппируя эти цифры, найдемъ, что въ ст. Распеватской, въ общей сложности, обоего пола состоитъ 6,094 жителя.

По сословіямъ, населеніе распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

		Коренные:	
		м. п.	ж. п.
Офицерскаго званія		19	15
Казачьяго		2,114	2,138
		<hr/>	<hr/>
		2,133	2,153
		Иногородные:	
		м. п.	ж. п.
Личныхъ дворянъ		3	—
Духовенства		9	11
Купцовъ		2	4
Мѣщанъ		57	41
Казаконъ не Распеватской станицы	} имѣющихъ осѣдлость. временно пребывающ.	9	11
		15	16
Крестьянъ		743	635
Солдатъ		144	99
Иностранцевъ		5	5
		<hr/>	<hr/>
		988	821

Воинская повинность.

Въ началѣ января 1885 г. всѣхъ лицъ, обязанныхъ службой, въ станицѣ состояло 796; изъ нихъ внѣ станицы находилось 105, а именно:

въ дѣйствующемъ конномъ полку 79

въ пластунскомъ батальонѣ	2
„ Собственномъ Его Величества конвоѣ	4
„ варшавскомъ дивизионѣ	1
„ артиллеріи	2
„ кадровой сотнѣ	2
„ мѣстныхъ командахъ	9
на службѣ по войску.	6
<hr/>	
Итого	105, или 13,2 ⁰ / ₁₀₀ .

На льготѣ:

Приготовительный разрядъ:	}	младшій возрастъ	32
		средній возрастъ	40
		старшій возрастъ	44
<hr/>		Итого	116, или 14,6 ⁰ / ₁₀₀ .

Второй очереди	56
Запасъ артиллеріи	6
Третьей очереди	57
Запасного разряда	91
Въ ополченіи	157

Итого 367, или 46,1⁰/₁₀₀.

Неслужилаго разряда 139, или 17,5⁰/₁₀₀.

Неспособныхъ къ службѣ, но способныхъ къ труду и платящихъ, на снаряженіе бѣдныхъ казаковъ, въ годъ отъ 3—15 рублей, было 69 душъ, или 8,6⁰/₁₀₀. Отставныхъ казаковъ — 242.

Если отъ 796 казаковъ отнять лицъ неслужилаго разряда и неспособныхъ къ службѣ, получимъ строевыхъ казаковъ 588 человекъ, всегда готовыхъ на случай войны, что, по отношенію къ числу душъ муж. пола станицы, составитъ 27,5⁰/₁₀₀; льготныхъ съ ополченіемъ—17,2⁰/₁₀₀. Въ отношеніи опять таки всего муж. пола казаковъ станицы, внѣ станицы находится лишь 4,8⁰/₁₀₀.

Денежные расходы в ст. Расшеватской, по воинской повинности, выражаются такъ: снаряженіе 44 малолѣтговъ на службу, при 150 руб. (средняя экипировка) на человѣка, обходится въ 5,600 р.; ремонтъ и другіе расходы по службѣ обходятся строевому казаку—всаднику по 25 р., что на 88 человѣкъ составить 2,200 р.; а пѣхотинцу по 10 р., что на 17 пѣшихъ—170 руб.; 152-мъ льготнымъ на содержаніе лошади, ремонтъ, амуниціи, по словамъ жителей, необходимо по 46 р. на человѣка, всего 6,992 руб.; неспособные къ службѣ, 69 человѣкъ, платять отъ 3 до 15 руб. въ годъ, всего 541 р.; 139 казаковъ, неслужилого разряда, въ годъ взносятъ въ доходъ войска 1,947 р.; итакъ, весь денежный расходъ выразится цифрой въ 17,450 р.

Кромѣ того, всѣ 105 казаковъ, находящихся на службѣ внѣ станицы, при 250 рабочихъ дняхъ въ году, вмѣстѣ теряютъ 26,250 дней; сверхъ этого, 137 казаковъ были въ лагерѣ мѣсяцъ, или 21 рабочій день, всего 2,877 дней; слѣдовательно, за годъ воинская повинность отняла 29,127 рабочихъ дней. Оцѣнивал рабочій день въ 50 коп., получимъ потерю въ 14,563 руб. 50 коп., которые населеніе теряетъ на наемъ рабочихъ, вмѣсто выбывшихъ рубъ,—это чистый матеріальный убытокъ въ хозяйствѣ. Такимъ образомъ, весь денежный и натуральный расходъ, по воинской повинности, выразится суммой въ 32,013 руб. 50 коп., т. е., на каждую мужскую душу, относительно всего казачьяго населенія, придется по 15 руб. въ годъ.

Экономическое состояніе.

Экономическое обезпеченіе жителей ст. Расшеватской лучше всего видно изъ слѣдующей таблицы, въ которой сопоставляются цифровыя данныя количества душъ съ числомъ рабочаго скота и полученнаго въ 1884 г. хлѣба, и представляются какъ средніе выводы о размѣрѣ хлѣба, причитающагося на каждую душу, такъ и количество избытка:

Количество рабочихъ паръ быковъ у хозяина.	Число домо- хозяевъ.	У всѣхъ хо- зяйствъ паръ быковъ.	Число душъ об. пола у всѣхъ хоз.	Число душъ на парубъ на парубъ быковъ.	У всѣхъ домохозяевъ								На душу при- ходитя все- го зерна.	За удовлетво- реніемъ по- требности, остается на душу излишка (+) или не- достаесть (-)
					Озимато хлѣба въ четвертяхъ	Ярового въ четвер- тяхъ.	Ржи въ четв.	Овса въ четв.	Проса въ четв.	Ячменя въ четв.	Кополн въ четв.	Всего въ четв.		
Отъ 6 и богѣе	57	363	739	2,03	4,874	1,540,74	508,72	2,528,35	413,72	3,161,75	20,72	13,046	17,76	+14,76
4 и 5	120	538	1,151	2,71	5,799,33	1,198,76	572,74	4,250	432,77	4,232	35,75	16,520,75	14,73	+11,33
3	155	465	1,067	2,73	5,316,74	1,366	528	2,586	502,77	3,001	35	13,335,71	12,74	+9,74
1 и 2	183	281	985	3,78	3,986	1,055,76	484	1,003	276,73	2,214	23	9,041,79	8,72	+5,72
Не имѣють быковъ.	62	—	271	—	771,77	109,73	76,74	126	70,77	282,75	1,76	1,438,72	5,735	+2,735
Тоже	24*	—	73	—	землю въ аренду отдаютъ									
Итого ...	601	1,647	4,286	2,76	20,747,74	5,269,79	2,169	10,493,75	1,695,76	12,891	115,73	53,381,77		

*) Въ этомъ числѣ значатся 13 семействъ, въ числѣ 45 душъ обоого пола, живущихъ въ станицѣ, но не занимающихся хозяйствомъ, и 11 семействъ, въ составѣ 28 душъ обоого пола, проживающихъ въ другихъ станицахъ.

Земледѣліе.

Если станицѣ отрѣзано 33,902 десятины, по числу душъ (4 офиц. и 1,568 каз.), по 21 десятинѣ на душу, то въ настоящее время, съ увеличеніемъ народонаселенія, на душу приходится лишь 14,₉ десятины; причемъ имѣется

а) удобной: подъ покосомъ	6,384 десятины;
„ посѣвомъ	12,768 „
„ паромъ	12,768 „
б) неудобной	1,982 дес. съ выгон.
<hr/>	
	всего 33,902 десятины.

Система хозяйства двухпольная *). Для *поднятія* почвы, по одному плугу, имѣютъ 339 хозяевъ, по два—45, по три—6, по пяти—1; всего—452 плуга на 391 хозяйство. Не имѣютъ плуговъ 199 хозяйствъ, т. е. 50,₉⁰/₀. Для распаханія *цѣлины* (новы), въ плугъ впрягается 4—5 паръ быковъ, для *мякоти*—3 пары или 2 пары и лошадь. Казаки ст. Распеватской, въ общей сложности, имѣютъ 26 экстерпаторовъ, 1 бессарабскій плугъ, 45 нѣмецкихъ и 380 простыхъ, 1 паровую молотилку и 26 конныхъ, 8 жатвенныхъ машинъ Джонстона („триумфъ“) и 53 вѣялки. У иногородныхъ же (мѣстные арендаторы) насчитывается всего 8 плуговъ нѣмецкихъ, 1 простой, 11 вѣялокъ и 11 конныхъ молотилокъ.

Хотя въ урожайные года, въ числѣ *вазаковъ*, круглыхъ бѣдвяковъ не было, но вслѣдствіе того, что въ 1884 году половина посѣвовъ пропала, а въ 1885 г. случился полнѣйшій неурожай, теперь многіе жители уже нуждаются въ хлѣбѣ и получаютъ изъ общественнаго магазина.

Всѣ повинности, лежащія на казачьемъ и не-войсковомъ сословіи, выражаются слѣдующими цифровыми данными:

*) Хотя земля и раздѣлена на участки по душамъ, но, послѣ снятія хлѣба и травы, поступаетъ въ общее пользованіе, для подножнаго корма: пользованіе —общинное.

	Для казаковъ воин. повинн.:	Для базак. съ иногородн.: земская, хозяйственная:
На каждую душу.	7 р. 47 к.	14 к. 1 р. 50 к.
„ мужскую душу.	15 р.	27 к. 2 р. 93 к.
„ дворъ	54 р. 26 к.	1 р. 9 к. 11 р. 94 к.
Безъ воинской повинности расходъ выразится такъ:		
Каждая душа		1 р. 64 к.
Мужская душа.		3 р. 20 к.
Дворъ		13 р. 3 к.

Иногородные, однако, рѣдко платятъ въ такомъ размѣрѣ налогъ, такъ-какъ раскладка болѣе дѣлается не на дворъ, а на скотъ, а у нихъ его меньше.

Принято такъ, что каждая мужская наличная душа, со дня рожденія, имѣетъ право держать разнаго скота 15 штукъ, съ платою по 10 к.; всякая скотина (лошадь, овца, корова и пр.), сверхъ этого, считается „излишней“: потому съ нея налогъ колеблется отъ 50 к. до 1 р.

По урожаю 1884 года, за вычетомъ зерна на посѣвъ, получается избытокъ въ 47,398,2 четверти; при средней цѣнѣ четверти въ 5 р., получаемъ сумму въ 239,990 р.

Если допустимъ расходъ на душу въ годъ 30 р., то общій расходъ выразится суммой въ 128,580 р. сер., и получится остатокъ въ 108,410 р., или на душу 25,3 р. избытка.

Одинъ дворъ получаетъ дохода на хлѣбъ 183 р. 75 коп.; отнявъ 10⁰/₀ этой суммы на уборку посѣяннаго, получимъ чистую прибыль въ 118 р. 9 к., а, за вычетомъ расхода въ 67 р. 29 коп., останется на дворъ избытка 50 р. 80 к.

Полученныя цифровыя данныя, относительно денежныхъ избытковъ въ годовой кругъ, не заключаютъ въ себѣ дохода отъ скота. Между тѣмъ извѣстно, что въ станицѣ продается говядины до 800 пудъ въ годъ, баранины до 200 п. Эти

цифры указывают новую статью доходности. Притомъ, многие жители рѣжутъ скотъ еще для себя; большинство же удовлетворяется исключительно птицей.

Во время составленія точной подворной переписи, были внесены въ списки и птицы. Всѣхъ куръ оказалось 20,756, гусей—5,464, утокъ—729, индѣекъ—377; всего 32,722 штуки. Отнимая 10⁰/₀ для самцовъ, получимъ 29,360 самокъ-птицъ, изъ которыхъ каждая способна въ годъ снести 30—60 яицъ; всего въ годъ будетъ снесено отъ 800,000 до 1,174,000 яицъ и болѣе. На каждую душу коренного населенія приходится 5 и болѣе курицъ; слѣдовательно, по 150—200 яицъ. Яйца служатъ и производительной пищей, и доступной бѣднякамъ. Дикихъ утокъ убивается до 800, дудаковъ до 30, стрепетовъ до 500 (стрепетовъ бьютъ и ловятъ болѣе весною).

Однимъ изъ источниковъ продовольствія жителей служить рыболовство: разной рыбы, на всемъ протяженіи Расшеватки, въ годъ налавливается всего до 1,000 пуд., раковъ до 100 пуд. Но въ 1885 году вода въ прудахъ сильно высохла, и рыбы значительно уменьшилось. Ловятъ рыбу сѣтями, *ръжами*, бреднями, *недотками*, а зимою *котцами*. Котцы дѣлаются изъ камыша: сначала устраивается кругъ и узкій проходъ, а отсюда въ обѣ стороны въ видѣ крыльевъ идутъ камышевыя стѣны. Изъ котцевъ рыба достается *хваткой*.

Школа.

Училище для начальнаго обученія казачьихъ дѣтей въ ст. Расшеватской существуетъ съ 1857 г. Въ стѣнахъ его перебивала не одна сотня казаковъ. Благодаря ему, грамотность между станичнымъ населеніемъ мужского пола въ 1884 г. достигла 15⁰/₀ всего населенія. Правда, въ это число входятъ и тѣ, которые научились читать и писать внѣ шко-

лы; но такихъ, сравнительно, немного: большинство грамотныхъ дала школа. Такъ, до 1885 г. всѣхъ дѣвочекъ переучилось въ школѣ 16, а подворная перепись дала только 17 грамотныхъ женщинъ; слѣдовательно, если не считать умершихъ и выбывшихъ, одна только женщина (17-ая) научилась грамотѣ внѣ школы.

Въ 1881 году начальная школа была преобразована въ двухклассное училище. Число учащихся въ 1885 г. достигло 144, вмѣсто 35 учениковъ, которые посѣщали училище въ 1881 году.

При училищѣ имѣются двѣ библіотеки: ученическая и учительская. Обѣ онѣ снабжены въ достаточномъ количествѣ учебными пособиями и книгами для внѣкласснаго чтенія. Въ ученической библіотекѣ имѣется 260 названій въ 422 томахъ, а въ учительской 184 названія въ 604 томахъ. Имѣются также историческія и географическія карты, картины, глобусы, модели и проч., и въ достаточномъ количествѣ.

Помѣщается училище въ зданіи, спеціально для него устроенномъ; постройка его обошлась обществу въ 13¹/₂ тысячъ р. На содержаніе училища ежегодно отпускается изъ войсковыхъ суммъ 750 р. и изъ суммъ станичнаго общества до 700 руб.

При школѣ устроена небольшая аптечка, откуда населеніе получаетъ необходимыя лѣкарства, при лѣченіи нѣкоторыхъ несложныхъ болѣзней. Учитель училища состоитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и оспопрививателемъ, получая за это 60 р. въ годъ, изъ общественныхъ суммъ.—За организацію и управленіе хоромъ пѣвчихъ учитель ежегодно получаетъ 100 руб.

Свадьбы въ ст. Расшеватской.

Женихи выбираютъ себѣ невѣсть сами на играхъ, хоровахъ. Когда придетъ пора свататься, женихъ говорить от-

цу и матери о любимой дѣвушкѣ; если же женихъ нерасторопный, то отецъ или родственники прямо посылаютъ сватовъ въ той невѣстѣ, какая подходитъ подѣ ихъ вкусъ. Во всякомъ случаѣ, при первомъ заявленіи жениха, отецъ идетъ на улицу въ хороводъ и присматривается къ избранной сыномъ невѣстѣ: понравится отцу, и *старосты* немедленно посылаются въ родителямъ невѣсты.

При входѣ въ домъ; сваты говорятъ: „У васъ—мы слышали—есть товаръ, а у насъ купецъ; у васъ невѣста, а у насъ женихъ; вотъ мы и пришли посвататься“. Слѣдуетъ отвѣтъ: „Милости просимъ“; а дальше, если отцу невѣсты женихъ пріятенъ, онъ говоритъ: „Съ водкой“? Штофъ водки, вторыи старосты приносятъ съ собой, тутъ же выпиваютъ. Если же женихъ не нравится, то сразу слѣдуетъ отказъ *).

Вечеромъ того же дня, когда получено согласіе, старосты ѣдутъ къ свату съ водкой и угощаютъ невѣстину родню; вечеромъ же уговариваются, когда быть сводамъ жениха съ невѣстой. Своды устраиваются такъ: пріѣхавшаго жениха торжественно вводятъ въ домъ, а невѣсту дѣвушки прячутъ въ уголъ; жениху говорятъ: „А что, угадаешь, кого искать“? Парень подходитъ къ своей невѣстѣ, беретъ ее за руку и вмѣстѣ съ нею становится среди комнаты. Дружка подноситъ стаканъ водки или вина жениху и говоритъ: „Кому несешь“? Женихъ называетъ имя-отчество невѣсты; подавая рюмку невѣстѣ, дружка опять спрашиваетъ: „Отъ кого принимаешь“? Невѣста называетъ имя своего жениха. За тѣмъ дѣвушки поютъ пѣсни:

- 1) «Соловьюшекъ прилеталъ, прилеталъ,
Ой-лели, прилеталъ;
Чичеточку выкликалъ, выкликалъ,
Ой-лели, выкликалъ:
«Чичеточка, вылетай, вылетай,

*) О сватовствѣ сравн. въ „Сборн. матер. для описан. мѣстн. и плем. Кавк.“ Вып. III. Отд. II. стр. 54—55; а особенно—Вып. V. Отд. I. стр. 198—199.

Ой-лели, вылетай;
Чисторябая, выпорхни».
Иванушка *) прїѣзжалъ, прїѣзжалъ,
Семеновичъ на конѣ, на конѣ,
Семеновичъ на воропомѣ, на ворономѣ;
Авдотьюшка, выходи, выходи,
Семеновна, выступай, выступай,
Иванушку подари, подари
Тонкимъ-бѣлымъ рушничкомъ,
Бѣленькимъ платочкомъ,
Ой-лели, платочкомъ;
Иванушка, отдари,
Ой-лели, отдари,
Два червонца положи,
Ой-лели, положи,
Два червонца золотыхъ,
Ой-лели, золотыхъ.

- 2) Груша-яблоня садовая,
Бора золотая! (2 раза)
Тамъ мимо шла Настасьюшка,
Кору колупала;
Тамъ мимо шла Васильевна,
Золото сымала. (2)
Она тѣмъ золотомъ
Ковры вышивала; (2)
Она тѣмъ ковромъ
Свекра даровала: (2)
«Ой, свекрушка, мой батюшка,
Прими мои дары; (2)
Мои дары небольшіе—
Кони дорогіе,
На коняхъ ковры; (2)
Ковры вышивные,
На коврахъ круги, (2)
Круги золотые».

*) Во всѣхъ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ и невѣста называются *насто-*
лыми ихъ именами.

3) Ой, ягодка красна,
Земляничка росла,
На пригоркѣ цвѣла,
Ой ля, ой ля, да-й ли-ля!
Да и кто у насъ умна,
Да и кто у насъ разумна?
(называютъ невѣсту)
Да въ кого жъ она умна,
Въ кого жъ она разумна?
У батюшку умна,
Въ родимаго разумна,
Да въ Ивана (отецъ).
На дворѣ тамъ стоялъ высокъ теремъ,
Тамъ стоялъ высокъ теремъ;
Онъ ни низокъ, ни высокъ—(2)
Полтора ста семь вѣнцовъ,
Полтора ста семь вѣнцовъ,
Сы косятчатымъ окномъ,
Сы косятчатымъ окномъ,
Сы хрустальнымъ стекломъ.
Черезъ тотъ высокъ теремъ
Тамъ летѣлъ ясенъ соколъ,
Тамъ летѣлъ ясенъ соколъ,
Уронилъ свое перо,
Уронилъ свое перо,
Сизокрылое, его.
Ой, Аннинъ батюшка—
По двору ходя,
Онъ и по двору ходя,
Онъ и Аннушку клича:
—«Ой, и Аннушка-душа,
Сойди съ терема долой,
Сойди съ терема долой,
Подыми это перо,
Подыми перо, сизокрылое, его».
—«Родимый мой батюшка,
Да мнѣ, право, недосугъ:
Я по терему хожу,
Я головушку глажу, (2)

Русу косу я плету, (2)
Я на улицу спѣшу (2)
Жениховъ выбирать;
Я выберу женишка—
Одинъ сынъ у *вотца*,
Иванушку-удальца».

Во время пѣнія, гостей потчуютъ водкой; охотники начинаютъ подтрунивать и притворно капризничать,—пьютъ водку и приговариваютъ: „горько, горько...—*женихъ и невѣста цѣлуются*—сладко“!.. Приговариваніе и цѣлованіе идетъ въ продолженіе свадебныхъ пировъ.

Послѣ свода жениха съ невѣстой, дѣвушки ѣдутъ кататься по станицѣ; въ это время поютъ:

- 1) «Ой, плавая селезенюшка
Вдоль по рѣчкѣ,
Ой лели, ой ля, ой лели,
Вдоль по рѣчкѣ;
Вдоль по рѣчкѣ загоня
Селезенюшка сѣрыхъ утокъ,
Ой ля, ой ляли, сѣрыхъ утокъ;
Искупайся, утушка, искупайся,
Стрепенися, сѣрая, стрепенися:
Надъ тобою, утушка,
Орды вьются,
Ой ляли,
Надъ тобою, сѣрая, *нарашатся*;
Ой, хотятъ, тебя, утушка,
Гдѣ поймати,
Ретивое сердечушко разорвати,
Да буйную головушку расклевати.

- 2) Ой, сидѣла Аннушка въ теремѣ,
Ой, сидѣла Степановна во высокоомѣ;
Ой, приходитъ къ Аннушкѣ

Большій братецъ.

— «Ой, ужели, Аннушка, *убралася*
Ужели, Степановна, снарядилась!»

— «Мое горькое, братецъ, убиранье,

Горемычное мое снаряжанье:

Моей воли-Иванушки (*женыхъ*)

Дома нѣту,

Моей воли-Григорьевича не было;

Ой, поѣхалъ Иванушка

Во иной городъ;

Закупаеть Григорьевичъ

Алыхъ ленокъ,

Одаряя Иванушка

Красныхъ дѣвокъ;

Онъ усѣмъ ли краснымъ дѣвкамъ

По ленокъ,

А своей ли Аннушкѣ всѣхъ алѣе,

Онъ такую алую, дорогую,

Онъ такую дорогую —

Рублевую».

3) Бѣла заюшку, бѣла заюшку,

Горностаюшку,

По что тебе, по что тебе

Долго вечера нѣтъ?

Или въ тебе гдѣ привадушка,

Есть привадушка, камышь-травушка,

Камышь-трава, камышь-трава,*

Все студеная, студеная,

Вода студеная, все колодезная?

На сладинькамъ (?), на сладинькамъ

Иванушка господинъ, чернобровенькій,

Чернобровенькій Григорьевичъ дворянинъ

Становиль шатры, становиль шатры—

Онъ у тестя на дворѣ;

Ловиль кону, ловиль кону,

Ловиль кону онъ и Аннушку-душу,

Ловиль кону онъ и Аннушку-душу.

— «Мнѣ та кона, мнѣ та кона
Понаравилась,
Понаравилась, понаравилась,
Позабытилася;
Заставила, заставила, заставила
Часто въ гости ходить; (2)
Приневолила, приневолила, приневолила
Все подарочки носить,
Подарочки, подарочки—сладки прянички;
Орѣшки, орѣшки все калененькіе,
Каленые, каленые, каленые,
Сладко-медовые».

Послѣ катанья невѣсту и дѣвушекъ отвозятъ домой. Черезъ недѣлю женихъ опять ѣдетъ на тройкѣ къ невѣстѣ и катаетъ по станицѣ дѣвушекъ. Отецъ жениха привозитъ съ собою разныя кушанья и угощаетъ невѣстину семью. Послѣ этого слѣдуетъ сговоръ, обыкновенно ночью. Сзывать свою родню на сговоръ ѣздитъ женихъ. Когда родственники соберутся, вынимаютъ изъ печи разныя кушанья, кладутъ въ плохонькій сундукъ и ѣдутъ къ невѣстѣ, гдѣ *сговорничковъ* встрѣчаютъ дѣвушки пѣніемъ слѣдующихъ пѣсень:

- 1) «Да пріѣхали сговорнички на сговоръ,
Привезли же наши сговорнички писаря,
У писаря написана *разлука*:
Хотятъ нашу Аннушку разлучить
Да и съ батюшкой, да и съ матушкой,
Да и съ родимой семьею, любимой.
-
- 2) По садику и Аннушка гуляла,
По зеленому Ивановна ходила,
Веселые *весельчики* сажала;
Откуль взялся Иванушка на конѣ,
Откуль взялся Григорьевичъ на ворономъ,
Усѣ (всѣ) мои весельчики постопталя,

Верхушечки покусалъ,
Аннушку Григорьевну поцѣловалъ.

Всѣ гости садятся обѣдать, а дѣвушки *обырываютъ* *)
жениха.

- 1) Да кто у насъ хорошъ,
Да кто у насъ пригожъ?
Ой лели, лели, пригожъ!
Иванушка—хорошъ,
Васильевичъ—пригожъ.
Онъ хорошо ходя,
Манерно ступая,
Сапогъ не ломая,
На коня садится,
А конь веселится;
Онъ шашкою маша,
А конь подъ нимъ пляша;
По дороженькѣ ѣдетъ,
Дороженька стогнетъ,
Стогнетъ, становится,
Иванъ веселится,
Къ лугамъ подъѣзжаетъ;
Луга зеленѣютъ, (2)
Болоты лелѣютъ, (2)
Сады расцвѣтаютъ, (2)
Соловей воспѣваетъ,
Кукушка кукуетъ;
Кукушка безъ дружки,
Иванъ безъ жевушки, (2)
Безъ мягкой подушки, (2)
Безъ пуховыхъ периновъ.

*) Сравн. въ „Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа.“ Вып. III
Отд. II. стр. 59—64.

2) Ой, мальчикъ, кудрявчикъ мой,
Кудряватая головушка твоя,
Ой ля, ой ляли!
Кудряватая головушка твоя,
И кто тебе породилъ молодца?
— «Породила мене матушка,
Вскормилъ, вспоилъ
Родный батюшка,
Возлелъяла чужая сторона,
Завила кудри
Сударушка моя.
Завивала, приговаривала:
— «Когда кудрицы разовьются,
Тогда рѣчушки (рѣчь) забудутся.»
Разливались быстры рѣчки по лугамъ,
Развивались русы кудры по плечамъ.»

Потомъ обыгрываютъ женатыхъ лицъ.
Ой, по погребу боченочекъ катается,
Ой ля, ой ля, онъ катается, валяется,
Вилихляется, ой ля, ой ляли, ля, ли—ляли!
Ой, Семень надъ женою величается:
— «Ой, Авдотьюшка, разуй,
Михайловна, разобуй.»
— «Я бы рада, разула,
Да не знаю, какъ зовуть.
А сусѣди досказали:
Андреемъ зовуть!
А другіе досказали:
Да и Павловичемъ!
Одну ноженку разула—
Я Андреемъ назвала,
А другую разула—
Я—Павловичемъ.»

Далѣе переходятъ къ холостымъ.

У насъ нынѣ диво, дивованьице большое,

Лели, лели, дивованьце большое:
Середь лѣта Петрова дня
Сине море замерзало, (2)
Мятелищемъ заметало.
Какъ по этомъ по-метелицу,
Младъ Андреюшка гуляя, (2)
Бѣлы снѣжки расчищая,
Прорубочки прорубая,
Шелковъ неводъ распушая,
Хочеть рыбушку ловити, (2)
Авдотьюшку накормити.

Тотъ, кого обыгрываютъ, платитъ нѣсколько копеекъ въ пользу дѣвушекъ.

Когда обыгрываніе кончится, невѣста даритъ жениху родню; для этой цѣли женихъ даетъ рублей 20—25 *кладки* на расходъ. Пока идутъ дары, съ обыкновенной попойкой и цѣлованіемъ молодыхъ, дѣвушки поютъ:

- 1) «Мимо сада зеленого
Дорожка лежала,
Ой лели, ой ли, лей ли,
Дорожка лежала!
По той стежкѣ, по дорожкѣ,
Мало ходу—ѣзду.
Тамъ ѣхали, проѣхали
Все купцы-бояре,
Купчики, голубчики,
И Аннины братья—
Выхваляются, выхваляются
Свою сестрою:
— «Наша сестра и Аннушка
И бѣла, и румяна,
Бровью черноброва.
Въ нашей сестры, (2)
И Аннушки, богатыца много:
Шубочки—полшубочки
Поломили жердочки;

Черевички—башмачки
Поломили полочки;
Шитые рушнички
Поломили крючечки.
Сватались за Аннушку
Съ города воеводы.
Она этому воеводушкѣ
Въ отказъ отказала,
Иванушкѣ Семеновичу (*женихъ*)
Съ людьми наказала:
— «Иванушка Семеновичъ,
Готовъ коней много,
Много, много, премножество,
И сто девяносто
И сто, и сто девяносто
И тысячу двадцать.»

- 2) Ой, винная чарочка на столику стояла,
Ой леля, леля, лели,
На столику стояла!
Виномъ—меду налита
И бархатомъ накрыта,
Ой ля, ой ля, лели, лели!
— «Ой, у меня разумная и Аннушка
По-конецъ стола стояла,
По-конецъ стола стояла,
У рукахъ чару держала,
Батюшку потчевала:
— «Родимый мой батюшка,
Изволь чару выкушать, (2)
Моихъ рѣчей выслушать,
Что я буду говорить: (2)
— «Не отдавай мене молоду,
Не круши мою голову,
Оставь еще на годокъ, (2)
На аленькій на платокъ,
Я годочекъ посижу,

Алый платокъ повяжу, (2)
Я на улицу пойду.»

На другой день, утромъ, женихъ съ невѣстой и дѣвухами опять ѣдутъ вататься по станицѣ, причемъ поется пѣсня:

«Да ты воинъ, воинокъ,
Соловьюшекъ, соловей,
Ой лели, ой ли,
Соловьюшекъ, соловей!
Отлетная пташечка, (2)
Горемычная кукушечка,
Куда леталь, отлеталь,
Ской далече отъѣзжалъ?
— «Да я леталь, отлеталь
Отъ саду до саду;
Да отъ саду до саду,
До черной смородины.»
— «Да кто у насъ былъ румянъ,
Да кто у насъ чернобровъ? (2)
Русы кудри ниже бровъ? (2)
Куда коня осѣдлалъ,
Вороного зануздавъ?
Вороного зануздавъ,
Ской далече отъѣзжалъ?»
— «Да я ѣздилъ, отъѣзжалъ
Да отъ села до села.
Я отъ села до села,
До тестева—до двора;
До тестева—до двора,
До тещина терема,
До невѣстиной карватки;
Къ карватушкѣ подъѣзжалъ
И Аннушку выкликать:
— «И, Аннушка, отворись,
Ивановна, отопри!»»

— «И бы рада отворилась,
Боюсь, боюсь батюшку, (2)
Опасаюсь матушку, (2)
Семеняшку не смѣю.
Иванушка, подожди,
Семеновичъ, обожди!»
— «И бы радъ бы обождалъ,
Мой воронъ конь не стоитъ,
Копытами землю бьетъ; (2)
Изъ копыть руда течеть, (2)
Молодца горе беретъ.»

Во время свадебныхъ обѣдовъ поютъ:

- 1) «У утушки, у сѣренькой
Короткія ножки, —
У Иванушки Семеновича
Любимые гости:
И на дворъ идуть,
Съ виномъ сустрѣчаютъ;
Съ двора идуть,
Съ медомъ провожаютъ.
— «Вы, гости мои,
Гости любые,
Вы придите къ намъ,
Мы забавимъ васъ! (2)
Сыграемъ вамъ пѣсню—
Новую, новомодную:
— «Мужикъ на печи
Пашенку пахаль, (2)
Родную матерю
Въ-корень запрягалъ,
Молоду жену
Во-пристяжку.
Молоду жену
Онъ придерживалъ,
Родную матерю
Онъ постегивалъ,
За то: „но, но“»

Что лѣнивая,
За то придерживаль,
Что ретивая.»

-
- 2) Ты воспой, ты воспой,
Соловей, въ моемъ саду зеленомъ.
Вы моемъ саду сидючи,
Горькія ягоды *кляучи* (клюючи).
Кляу валинушка!
А по батюшкѣ плаючи я,
По батюшкѣ я плачу зарю,
А по матушкѣ вечеромъ,
А по милому всю ночь.
Да я милаго ждала,—
Дожидалась.
Я насилушку дождалась,
Я на шеюшку бросалась.

Дѣвичникъ.

Дѣвичникъ устраивается подъ свадьбу, т. е. наканунѣ вѣнчанія. Вечеромъ, дружко съ полудружкомъ идутъ къ не-вѣстѣ „за рубахой“, въ которой женихъ вѣнчается; кромѣ рубахи, даются сподники, платокъ, носки, рушникъ, боковой поясной карманъ и мыльце. Дружко этотъ узелъ покупаетъ у дѣвушекъ по обоюдному уговору. Во время обѣда поютъ:

- 1) «Я высоко въ теремъ сажу,
Я далеко по зарѣ слышу,
Какъ лебедь лебедушку кличетъ:
— «Полети ты, лебедушка, ко мнѣ,
У мене гнѣздечко тепленько,
Подъ правымъ крыломъ горяченько.»
-
- 2) Летѣли гуси, лебеди черезъ садъ,
Ой лели, ой лели, черезъ садъ!
Ударили золотымъ крыломъ объ теремъ,

Ой лели, ой лели, объ теремъ!
Пора тебѣ и, Аннушка, съ терема долой,
Ой лели, съ терема долой;
Пора жь тебѣ, Ивановна, вы (въ) посадъ,
Ой лели, вы посадъ!
— «Дѣвушки-подруженьки,
Что вамъ до того,
Ой ля, ой лели, что вамъ до того?
Есть у мене родимый батюшка для того,
Ой ляли, ой лели, для того!
Есть у мене родимая матушка,
Ой лели, ляли, матушка!
Если велить-благословить, я пойду,
Ой лели, ляли, лели, я пойду,—
Разстеляшить (раскроеть) коверъ, я ступлю,
Ой лели, ляли, лели, я ступлю!
Подвезеть зелену карету, я сяду,
Ой лели, ляли, лели, я сяду!
Запряжеть вороныхъ коней, поѣду,
Ой лели, ляли, лели, поѣду!
Дайте мнѣ перевозчика
Отъ села до села,
Ой лели, до села!
Чтобы наша и Аннушка была весела,
Ой лели, была весела!»

Всякое провожаніе жениха отъ невѣсты сопровождается пѣніемъ.

- 1) Хвалилася теща своимъ зятемъ:
— «Какъ и мой-то зять Иванушка
Позабылъ рукавички въ тещи на полочкѣ,
Позабылъ перчаточки (2)
Въ тещи на лавочкѣ.»

Продавъ дружбу узель съ рубахой, дѣвушки начинаютъ срамить покупателя:

«Сказали дружко младъ, младъ,
Ажно онъ старенежъ, (2)

Зипунище сѣренекъ, (2)
Лапти осметки, (2)
Онучи отрепки,
Лыкомъ подпоясанъ,
Возгремъ застягнувши;
Соломою борода сшита,
Обручемъ голова сбита.
Дѣвки дружка били,
Подъ печку забили,
Ступой завалили.
Сваха узнала,
Кочергою вынимала.»

Купивъ узель, дружка скорѣ ретируется къ жениху, а дѣвушки садятся вечерять, причемъ пьютъ водеу, иногда не хуже мужчинъ. Во время ужина невѣста съ плачемъ поетъ:

«Вы погушайте, любимыя подруженьки,
При-последѣди,
У моего родимаго батюшки
Хлѣба-соли,
У родительскомъ домѣ.
—Попотчуй, мой родимый батюшка,
Моихъ любимыхъ подруженекъ
Въ послѣдній разъ.
Вы не гнѣвайтесь, любимыя подруженьки,
Какова хлѣбъ-соль была;
Спасибо, мой родимый батюшка,
За хлѣбъ, за соль,
За милость вашу—
Что вы мене скормили, споили,
Въ чужи люди отдали;
Вы мою головушку
Заключаете(?)—во чужихъ людяхъ
Жить умѣючи,
Нужно покоряться, поклоняться
И старому, и малому.»

Послѣ ужина, старшая подруга заплетаетъ косу невѣстѣ, которая со слезами приговариваетъ:

«Заплети, моя любимая подруженька,
При-послѣди мою русую косушку—
Мелко на мелко, дробно на дробно,
Чтобы моя ранняя свашенька
Не расплела.
Спасибо тебѣ, родимая,
За мою русу косушку,
Что ты ее возрастила,
Алыми лентами украшала,
Атласными укосниками
Утвѣчала (твѣтъ—цвѣтъ)

Начало свадьбы.

Утромъ невѣста встаетъ рано и будить подругъ, причемъ заунывно приговариваетъ:

— «Уставайте, мои, мои любимыя
Подруженьки!
Что ни свѣтъ бѣлая зорюшка
Занимается—
Изъ-подъ горъ крутыхъ
Красное солнышко
Выкатается.
Всѣ пташки, соловьюшки
Слетаются,
Всѣ мои совѣтнички
Совѣтуются,
Всѣ мои разлучники
Съѣзжаются.
Я думала мои разлучники
Среди дороженьки,
Ажно они среди
Батюшкина двора,—
Хотятъ меня съ батюшкой, съ матушкой
Разлучить,

Со всей любимой семьею
И съ ближними сусѣдками.»

Если невѣста сирота, то плачетъ по матери:

— «Выйду я на свое широко подворье,
Покличу родимую мамушку.
Разступись, мать-сыра земля,
Расколись, гробова доска!
Скинись ты, слетись,
Моя родимая мамушка,
Бѣлою голубушкою;
Прилети на свое
Широко подворье.
Погляди ты, родимая матушка,
На свою, на сиротскую свадебку;
Сядь ты на мою,
На правую плечушку;
Погляди ты при-послѣди
На мене, красную дѣвушку,
На мою русу косушку,
Какъ моя русая косушка
По плечамъ разстилается,
Вокругъ мене, *горькой горюшечки*,
Люди добрые увиваются.»

Когда все готово къ вѣнцу, невѣсту благословляютъ родители.

Благослови мене, родимый мой батюшка,
У *Божій судъ* пойти,
Божій вѣнецъ принять;
Среки мнѣ долю добрую,
Какъ и добрымъ людямъ,
Такъ и мнѣ, *горькой горюшечкѣ*.

Въ то же время у жениха готовится поѣздъ, иногда до

20 троекъ. Убравшись поприличнѣе, женихъ *земно* кланяется отцу, матери и получаетъ „миръ-благословеніе“. Потомъ всѣ садятся обѣдать, и женихъ съ „тысяцвѣимъ“ (слуга жениха, иначе—бояринъ), а дружка говорить:

— „Вотъ что, господа—поѣзжанники! мы ѣдемъ ловить лисицъ, куницъ, красныхъ дѣвицъ: смотрите—не зѣвайте, дружка нѣе!“

Гости отвѣчаютъ: „Постараемся!“

Пообѣдавши, женихъ съ тысяцкимъ садятся на отдѣльную тройку, гости на другія и ѣдутъ въ невѣстѣ. Раньше жениху даютъ маку въ карманъ или въ пазуху, чтобъ никто *не испортилъ* (сглазилъ) его. Дорогою, женихъ долженъ креститься на перекресткахъ, поворотахъ, противъ воротъ и кланяться каждому человѣку, снимая шапку, дабы кто не обидѣлся и не надѣлалъ бѣды.

Пріѣхавъ къ невѣстѣ, гости сажаютъ жениха на отдѣльную тройку, съ дѣвушками „подруженьками“ и со свахой; затѣмъ поѣздъ направляется къ церкви.

Опредѣленной платы за вѣнчаніе не существуетъ; для этого просто торгуются, платятъ отъ 7 до 10 рублей и болѣе; каждому члену причта отпускается по куску мяса и кварта (иногда поль-кварты) водки.

Послѣ вѣнца, женихъ съ невѣстой, тысяцкѣй и сваха садятся на одну тройку,—пѣшкомъ никто не ходитъ,—ѣдутъ всѣ къ невѣстѣ и „повиваютъ“. Сваха „развязываетъ“ (раздвѣваетъ) невѣсту, расплетаетъ косу и заплетаетъ уже на двѣ косы (дѣвушки носятъ одну косу и въ праздники вплетаютъ въ нее нѣсколько лентъ).

Когда сваха расплететъ косу, невѣстинъ братъ беретъ ножъ и тупымъ краемъ рѣжетъ косу. Дружка говоритъ: „Постой, постой, не рѣжь, мы выкупимъ!“ и даетъ нѣсколько копеекъ. — „Нѣтъ, замѣчаетъ братъ, давай больше, а то коса наша,

дѣвка ваша!“ Слѣдуетъ прибавка, и парень отходить въ сторону. Сваха убираетъ голову неvěсты, а дѣвушки поютъ:

1) — «Да не трубили трубочку
Рано на зарѣ,—
Да сидѣла и Аннушка
Во высокомъ теремѣ;
Да и плакала Ивановна
По русской косѣ:
— «Да ни свѣтъ моя косушка,
Русая коса,
Да ни свѣтъ
Мой шелковъ укосничекъ,
Недоношенный,
Недострепанный—
Да отдать было
Подруженькѣ въ косникъ—
Доносить,
Да отдать было любимой—
Шелковъ дотрепать.
Да спасибо
Григорьюшкѣ Семеновичу (*женитѣ*),
Что прислалъ свашеньгу
Не милосливую,
Не сговорчивую:
Начала мою косушку
И рвать, и метать,
На двое дѣлить;
Косу плестъ
У три плеточки,
Кругъ головушки
Вестъ, шлычку надѣвать,
Платкомъ повивать.»

2) Дивные бояре
И сдѣлали диву:
Съ муки паленицу,
Съ дѣвки молодицу.

Потомъ молодыхъ отводятъ въ особую комнату—закусить. Вся компанія садится обѣдать. Старшая дружка спрашиваетъ разрѣшенія у дружка обыграть поѣздъ:

— „Господинъ дружокъ, тысяцкій съ полудружкомъ, дозволяете честной поѣздъ обыграть?“ — „Можете!“ говоритъ дружокъ. Начинаютъ съ тысяцкаго.

- 1) Тысяцкій, тысяцкій,
Ты дворянскій сынъ.
Есть у тебе, есть у тебе
Умолоть въ гумнѣ?
—Есть у мене, есть у мене
Умолоть въ гумнѣ.

-
- 2) Ой, сказали про Андреюшку—
Онъ богатъ, богатъ живетъ,
Лели, лели, олл, лей ли, лели,
Онъ богатъ живетъ!
У него денегъ много,
Лели, лели, оли, лей ли, лели,
У него денегъ много:
У него три закрома,

(Привѣзъ послѣ каждыя двѣ стихи)

- У него три закрома,
Всѣ полные.
Первый закрома—
Рублевичковъ,
Другой закрома—
Полтинниковъ,
Третій закрома—
Гривенниковъ.
Рублевички—на домашные,
Полтиннички—копя кушать,
Гривенники—дѣвокъ дарить.
Ужъ вы, дѣвушки-игрицы,
Не берите по гривенницы,
Не берите по рублевичку,

А берите по рубличку
По рубличку, по рублевничку.

Переходять къ дружкѣ.

Не бушуй, не бушуй ты,
Буянъ-вѣтеръ,
Не колышь, не колышь
Звонки колколы!
Не буди, не буди
Дружкову жену:
Дружкова жена
Всю ночь не спала,
Сына родила.
Бабка была съ Повагорода,
Кумомъ былъ
Енаральской сынъ,
Кума была
Енаральша сама.

Когда обыгрываніе всѣхъ гостей кончится, и дѣвушки получатъ плату съ обыгрываемыхъ, вся компанія ѣдетъ къ жениху, гдѣ дарятъ женихову родню. Опять начинается обѣдъ съ попойкой, а жениха и невѣсту владутъ спать въ особую комнату или амбарчикъ, называемый здѣсь „повѣткой“; комнатка эта вовсе не похожа на малороссійскую повѣтеу, — женатая молодежь въ этихъ холодныхъ повѣткахъ живетъ и зимою. Нужно замѣтить еще слѣдующую особенность. Женихъ, съ разрѣшенія родителей невѣсты и по своему желанію, до вѣнчанія ходитъ съ товарищами ночевать къ своей невѣстѣ, съ которой спитъ на одной постели, а ребята съ дѣвушками; всѣ въ одной комнатѣ. Однако, ничего непристойнаго не допускается. Въ другое время года парни не ходятъ ночевать къ дѣвушкамъ, какъ это свободно допускается малоросами. Осмотра рубахи и журавля здѣсь не бываетъ. На другой день, утромъ, дѣвушки пекутъ

въ домѣ „тарарушки“, калачики, вовсе не похожіе на извѣстныя свадебныя шишки.

Женихъ посылаетъ подводу за тарарушками, которыми потомъ одариваетъ гостей. На обѣдъ также пріѣзжаютъ дѣвушки, которыхъ затѣмъ отвозятъ къ невѣстѣ, или вѣрнѣе, въ домъ ея родителей. Гости отъ жениха идутъ къ дружкѣ, отъ дружка по дворамъ; иногда нанимаютъ музыку. Здѣсь на всю станицу нѣтъ ни одного музыканта казака. Въ употребленіи пичики изъ камыша—у ребятъ и гармоника—у дѣвушекъ. Скрипачи есть только всепрославленные „хохлы“. Свадебная процесія, идя по улицѣ, поетъ пѣсни; мужчины и женщины, обнявшись, идутъ въ два ряда, но такъ, что оба ряда смотрятъ другъ другу въ лицо, т. е. одинъ рядъ идетъ задомъ. Охотники танцовать пляшутъ. Женщины поютъ пѣсни.

1) У воротъ, у воротъ, у воротничка—

Трава шелковая,

Ой лели, ой лей ли, трава шелковая!

Что на травушкѣ, на муравушкѣ

Роса-что колодезная;

Роса, роса-что колодець,

Ой лели, ой лей ли, что колодець,

Вода ключевая!

И Аннушка Ивановна по воду ходила

Ой лели, ой лей ли, по воду ходила.

Она по воду ходила съ новыми ведрами,

Ой лели, ой лей ли съ новыми ведрами;

Она съ новыми ведрами,

Съ точеными коромыслами,

Ой лели, лей ли, коромыслами!

Коромыслицы вьются,

Съ ведеръ вода льется,

Ой лейли, лели, лели,

Съ ведеръ вода льется,

Съ ведеръ ключевая

Ой лей ли, лели, лели!

Григорьюшка въ окно глядитъ

Самъ слезою льется,
Ой лейли, лели, лели!
Семеновичъ, по двору ходя,
Слезою обливается.
— «Что же вы, коромыслицы,
Давно не сломились?
Что же вы, дубовы ведры,
Давно не побились?
Что же ты, Григорьюшка,
Давно не женился?»
— «Тебе, тебе, и Аннушка,
Тебе ожидаль я,
Тебе, тебе я ожидаль,
Назадъ (?) ворочался,
Сы князьями, сы боярами,
Сы князьями, сы боярами,
Съ дружкоймъ и съ дядькою,
Съ молодою свахою,
Ой лели, лей, лели, ой лели!»

2) При дорогѣ, при дорогѣ ячень уродился,
И Аннушкѣ Ивановной онъ жать пригодился.
Случилося Григорьюшкѣ мимо его ѣхать,
Случилося Семеновичу постоять-послушать.
Онъ шапку снялъ, коня унялъ,
Низко поклонился:
— «Богъ помочь, и Аннушка, яровой ячень жати.»
— «Да мнѣ жати, пожинати,
А мнѣ постояти,
Постоять-послушать,
Рѣчи сговорити:
«Да не можешь ли, Григорьюшка,
Вы городъ поѣхать,
Вы городъ поѣхать
Изюмцу купити,
Мене накормити?»

— «Могу, могу, Аннушка,
Изюмцу купити,
Могу, могу, Пвановна,
Тебе накормити».

Когда обойдутъ дворы, то дѣлается послѣдній обѣдъ у жениха; по окончаніи обѣда, *тушатъ пожаръ*: въ домъ несутъ солому, гусей, куръ, поросятъ, даже ведутъ лошадь, затѣмъ расходятся.

Коровой пекутъ, вкладывая туда деньги; ѣдятъ его накануне свадьбы, когда кончается дѣвичникъ (см. выше, 33 стр.).

Когда везутъ тарарушки, то везутъ также вѣтку, убранную бумажными цвѣтами, красными лентами; цвѣты и ленты раздаются дѣвушкамъ. Свадебныхъ цвѣтовъ и лентъ боярамъ не даютъ.

Итакъ, весь свадебный церемоніаль дѣлится на слѣдующіе моменты: своды, сговоръ, дѣвичникъ и свадьба.

Свадебныя пѣсни записаны казакомъ, *Гавриломъ Гуляевымъ*, только-что окончившимъ курсъ двухъклассной школы.

Завѣдующій Расшеватскимъ училищемъ,
учитель *К. Живило*.

СТАНИЦА САМУРСКАЯ,

Кубанской области, Майкопскаго уѣзда.

Основаніе станицы.

Станица Самурская, Майкопскаго уѣзда, Кубанской области, расположенная подь $44\frac{2}{7}^{\circ}$ сѣв. ш. и $57\frac{1}{2}^{\circ}$ вост. д., принадлежитъ къ числу горныхъ станицъ. Названіе свое она получила отъ Самурскаго полка, стоявшаго во время военныхъ дѣйствій въ 1862—63 годахъ на мѣстѣ, занимаемомъ нынѣ станицей Самурской. Заселена она была въ то время, когда черкесы еще не были выселены изъ горъ; когда они еще продолжали дѣлать набѣги на черноморскія, линейныя и прикубанскія станицы: именно—въ мартѣ 1863 года, по приглашенію и по назначенію, донскіе, черноморскіе и линейные казаки и крестьяне Харьковской и Полтавской губерній населили станицу Самурскую и были причислены въ казакамъ Кубанскаго войска.

Ея окрестности.

Станица Самурская расположена въ горахъ, противъ западной оконечности *Снѣжной* горы (главнаго Кавказскаго хребта); снѣжныя вершины ея видны изъ ст. Самурской только на югѣ, у оконечности хребта, и на юго-востокаѣ, чрезъ ущелье *Черной* горы; но всей вершины главнаго хребта не видно изъ Самурской, вслѣдствіе близости хребта Черной горы.

Часть главнаго хребта, которую можно видѣть съ высокой горы, находящейся къ сѣверо-востоку отъ ст. Самурской, въ 1-й верстѣ, покрыта, отъ подошвы хребта почти до половины, высокимъ, густымъ хвойнымъ лѣсомъ *) (у подошвы, впрочемъ, встрѣчается дубъ, липа и береза); съ половины высоты хребта растетъ трава, а въ ложбинахъ цѣлое лѣто лежитъ снѣгъ. Черная гора, названная такъ, вѣроятно, потому, что имѣетъ темный фонъ, отъ густо растущаго на ней лѣса, разнообразить этотъ видъ только частыми, громадными, бѣлыми скалами. Черная гора тянется, относительно ст. Самурской, съ востока на западъ и оканчивается на югѣ, отъ станицы, немного восточнѣе оконечности главнаго хребта,—оканчивается почти отвѣсно, образуя у подошвы уголъ между 70° — 75° . Оконечность Черной горы отстоитъ отъ ст. Самурской на 7 верстѣ. Черная гора, строго говоря, здѣсь не оканчивается совершенно, а, образовавъ очень широкое ущелье, чрезъ которое протекають рѣчка Цице и притоки ея, снова возвышается,—только подъ названіями *Рожеца*, *Тубинской* горы и др., и направляется къ западу, къ Таманьскому полуострову, въ видѣ разнообразныхъ группъ и отроговъ горъ, раздѣленныхъ между собою ущельями и рѣчными бассейнами. Съ востока и запада ст. Самурская тоже обставлена группами высокихъ отроговъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. На сѣверъ отъ Самурской горизонтъ тоже не свободенъ отъ группъ отроговъ горъ и холмовъ; но здѣсь они гораздо ниже и не такъ суровы. Съ сѣверо-востока и востока къ станицѣ прилегаетъ группа высокихъ горъ такъ близко, что раньше 7 часовъ утра вы не увидите солнца даже лѣтомъ. Вообще мѣстность, занимаемая ст. Самурской и ея окрестностями, окружена горами, какъ-бы вѣнкомъ.

Такъ-какъ часть Кавказа, называемая лѣвымъ и западнымъ

*) Вообще, лѣсъ со всѣхъ сторонъ окружаетъ станицу: только по долинамъ рѣкъ и кое-гдѣ въ лѣсу встрѣчаются поляны, позволяющія жителямъ запасть на зиму сѣномъ для скота.

флангомъ, была еще недавно обитаема черкесами, то въ ст. Самурской, въ особенности, еще очень замѣтны слѣды ихъ обитанія и, отчасти, войны: напр., саженьхъ въ 80 къ юго-западу отъ станицы лежитъ 8 штукъ чугунныхъ пушекъ, каждая вѣсомъ въ 91 пудъ 30 фунт. Пушки эти давно лишены колесъ, которыя употреблены жителями на каменки въ баняхъ и сушильняхъ; а самыя пушки, лежа на землѣ и подвергаясь вліанію атмосферы, давно покрылись ржавчиной; здѣсь же лежитъ картечь различной величины: отъ долгаго лежанія, она врѣзалась въ землю, а отчасти разобрана дѣтьми.

Въ окрестностяхъ ст. Самурской, на полянахъ, находится немало кургановъ различной величины. Основаніе кургана представляетъ правильный кругъ. Величина окружности кургановъ, высота и число ихъ записаны въ „Дѣлѣ“ Самурскаго станичнаго правленія, въ слѣдующей формѣ: „Число кургановъ, находящихся къ сѣверо-западу отъ ст. Самурской, въ $1\frac{1}{2}$ верстѣ, — 38; всѣ курганы раздѣляются на три категоріи: *большіе*, *средніе* и *меньшіе*. Средняя величина кургановъ такова: большій имѣетъ въ окружности 38 шаговъ (13 саж.), отъ подошвы до центра вершины — 6 шаговъ ($2\frac{1}{5}$ саж.); средній курганъ имѣетъ въ окружности 36 шаговъ (12 сажень), отъ подошвы до центра вершины — 6 шаговъ ($2\frac{1}{5}$ саж.); меньшій курганъ имѣетъ въ окружности у подошвы $30\frac{1}{2}$ шаговъ ($10\frac{1}{3}$ саж.), отъ подошвы до центра вершины — $3\frac{1}{2}$ шага ($1\frac{1}{2}$ саж.). На сѣверъ отъ ст. Самурской, въ 3-хъ верстахъ, по правому берегу рѣки Пшехи, находится группа кургановъ, числомъ 6. Величина ихъ такова: большій имѣетъ въ окружности у подошвы 72 шага (25 саж.), отъ подошвы до центра вершины $12\frac{1}{2}$ шаговъ ($4\frac{1}{2}$ саж.); средній — въ окружности $48\frac{1}{2}$ шаговъ (17 саж.), отъ подошвы до центра вершины — 8 шаговъ (3 саж.); меньшій — въ окружности 41 шагъ (14 саж.), отъ подошвы до центра вершины — 7 шаговъ ($2\frac{2}{3}$ саж.). (Въ 1865 году одинъ изъ большихъ кургановъ этой группы, по распо-

ряженію, бывшаго въ то время начальникомъ станицы, полковника Анисимова, былъ разрытъ, и въ немъ были найдены куски сгнившаго дерева и нѣсколько пуговиць отъ пояса). Къ западу отъ этой (второй) группы находится еще 36 кургановъ, величина которыхъ такая же, какъ и величина кургановъ 2-й группы. На югъ отъ станицы, по лѣвому берегу рѣки Цице, находится одинъ курганъ, имѣющій въ окружности 96 шаговъ (34 саж.) и отъ подошвы до центра вершины $25\frac{1}{2}$ шаговъ ($8\frac{2}{3}$ саж.). Далѣе, отъ него находится группа въ 4 кургана; средняя величина ихъ: въ окружности 75 шаговъ (26 саж.), отъ подошвы до центра вершины $17\frac{1}{2}$ шаговъ (6 саж.). Еще далѣе, къ югу, находится группа, состоящая изъ 8 кургановъ; средняя величина ихъ: въ окружности 60 шаговъ (20 сажень), отъ подошвы до центра вершины 14 шаговъ (5 саж.)⁴.—Изъ произведенныхъ раскопокъ и рассказовъ черкесовъ видно, что эти курганы не что иное, какъ могилы покойниковъ-черкесовъ: въ ст. Самурской они и извѣстны подъ именемъ „татарскихъ могилъ“.

Кромѣ этихъ кургановъ, встрѣчаются еще курганы по бассейну рѣки Гогопсъ (лѣвый, самый верхній притокъ р. Пшехи), верстахъ въ 16 отъ ст. Самурской; эти курганы такого же типа, какого и описанные; средняя величина ихъ такая же; но деревья, растущія на нихъ (преимущественно—дубъ), свидѣтельствуютъ о древности ихъ: встрѣчаются дубы въ 2 и 3 обхвата. Нѣсколько такихъ кургановъ были разрыты въ 1864 году полковымъ адъютантомъ Венеровскимъ. Въ разрытыхъ курганахъ были найдены мечъ и латы, которые и были представлены, чрезъ командира полка, Сумарокову-Эльстону, начальнику Кубанской области, а послѣдній отправилъ ихъ въ Керченскій музей. Эти археологическія находки, по опредѣленію археологовъ, отнесены ко временамъ Мстислава Удалого.

Въ 6 верстахъ отъ станицы лежитъ озеро *) (половина его

*) Названіе озера неизвѣстно.

отмежевана недавно къ юрту ст. Прусской). Озеро представляет видъ неправильной трапеціи; поверхность его въ $62\frac{1}{2}$ десятины (средняя длинна около 1-й версты, а ширина $\frac{3}{5}$ версты). Берега этого озера почти недоступны: они съ сѣверной стороны покрыты камышомъ и осокой, съ восточной—обрывисты, а съ южной, и отчасти съ западной, покрыты бурьяномъ и ползучими, переплетающимися травами. Озеро это очень глубоко, хотя у береговъ и встрѣчаются мелкія мѣста; дно тинисто и очень топко. На днѣ у береговъ лежатъ давно отяжелѣвшія, затонувшія деревья; цвѣтъ древесины ихъ черный, какъ уголь. Озеро со всѣхъ сторонъ окружено горами,—только къ западу отъ него идетъ узкая, очень глубокая балка, по которой изъ озера течетъ потокъ, образующій маленькій водопадъ и впадающій въ р. Пшеху, съ правой стороны; этотъ потокъ называется „рѣчушкой Молчанкой“: данное названіе онъ получилъ отъ бывшаго на немъ хутора казака Молчанова. *Настоящее* же названіе потока Хосако: одни переводчики говорятъ, что это слово значитъ „свиная балка“, другіе — „свиная купальня“; черкесы дали такое названіе потоку, вѣроятно, потому, что въ балкѣ, по которой онъ течетъ, водятся очень много дикихъ свиней.

Къ озеру, изъ котораго вытекаетъ этотъ потокъ, приурочена легенда о его происхожденіи. Каждый, кто знаетъ о существованіи озера, знаетъ и легенду о его происхожденіи, переданную черкесами жителямъ ст. Самурской во время *сотовокъ* (это—родъ базара, который устраивали черкесы около станицы, въ 1-й годъ ея существованія). Вотъ эта легенда, *въ пересказѣ*: „На мѣстѣ, которое занято теперь озеромъ, нѣкогда стоялъ аулъ (черкесское селеніе); названія его и черкесы не помнятъ. Жители аула сильно согрѣшили предъ Аллахомъ и его пророкомъ, Магометомъ, и послѣдній, по приказанію Аллаха, произвелъ землетрясеніе; оно было такъ сильно, что аулъ весь провалился, а мѣсто, на которомъ онъ стоялъ,

сейчасъ же покрылось водою. По волѣ Магомета, эта вода получила особенное свойство: кто войдетъ въ озеро, непременно утонетъ“.

Что касается правдоподобности такого происхожденія озера, образовавшагося на мѣстѣ будто бы провалившагося аула, то, по этому поводу, можно сказать только то, что въ описываемой мѣстности *бываютъ* землетрясенія: такъ, землетрясеніе было въ январѣ 1879 г., ночью; оно привело жителей въ сильное смятеніе и было такъ сильно, что тесовыя кровли домовъ трещали, а посуда падала на полъ съ полокъ; черезъ 2 года произошло опять землетрясеніе, но только слабое, такъ-что не всѣ жители и замѣтили его.

Купаться въ озерѣ нельзя, вслѣдствіе неудобства береговъ и дна. Въ озерѣ водится масса пѣвоевъ, и весною жители ловятъ ихъ у береговъ. Водится на этомъ озерѣ и множество дичи, но ея не бьютъ, за невозможностью достать изъ воды; въ теплыя зимы тамъ вочуютъ лебеди, дикіе гуси и журавли.

Въ окрестностяхъ ст. Самурской есть много естественныхъ пещеръ, иногда внутри обдѣланныхъ руками человѣка; расположены онѣ, преимущественно, въ скалахъ Черной горы и горы Рожета.

Климатъ.

Климатъ мѣстности, занимаемой ст. Самурской, всегда умѣренный и здоровый. Періодическихъ сильныхъ вѣтровъ не бываетъ. Восточный вѣтеръ, правда, иногда цѣлую недѣлю шумить въ ущельяхъ горъ, но въ окрестностяхъ самой станицы онъ гораздо слабѣе. Сѣверный, западный и южный вѣтеръ также не бываетъ силенъ. Направленіе вѣтровъ здѣсь вообще неопредѣленно.

Рѣки почти всегда замерзаютъ въ началѣ декабря, и то только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вода течетъ, сравнительно, медленно, и въ устьяхъ притоговъ. Вскрываются рѣки, обыкно-

венно, въ концѣ февраля и въ началѣ марта. Времени появленія перваго грома опредѣлить нельзя, потому-что громъ въ горахъ иногда бываетъ въ февралѣ, во время оттепелей, а иногда даже въ январѣ. Града здѣсь почти не бываетъ. Время цвѣтенія плодовыхъ деревьевъ различно: кизиль начинаетъ цвѣсти съ половины февраля; другія плодовые деревья цвѣтутъ, обыкновенно, въ послѣднихъ числахъ марта; лиственные деревья распускаются тоже въ это время.

Орошеніе.

Орошается ст. Самурская очень хорошо; чрезъ ея окрестности протекають слѣдующія рѣки: Пшеха, Цице, Мотузѡкъ, Чинтари и Фа-Бого. 1) *Пшеха* (на правомъ берегу этой рѣки и расположена ст. Самурская), притокъ Бѣлой, вытекаетъ изъ родниковъ главнаго хребта, образующихся, вѣроятно, отъ таянья снѣга, и, пройдя чрезъ Тубинскій перевалъ, направляется по долинамъ изъ горъ къ Бѣлой. 2) *Цице*, правый притокъ Пшехи, впадаетъ въ нее выше Самурской ст., въ 1-й верстѣ. 3) *Мотузѡкъ*, старое названіе—*Псія*, правый притокъ Пшеха, впадаетъ въ нее около станицы: это—маленькій потокъ, лѣтомъ пересыхающій, а весною очень опасный. Въмѣсто „Мотузѡкъ“ часто говорятъ *Мотузка*: названіе—малороссійское, означающее *веревка*, такъ-какъ онъ очень узокъ и, дѣйствительно, вьется, словно веревка, до того, что, по дорогѣ въ поселокъ Нижегородскій, на разстояніи 7 верстъ, приходится переѣзжать его 21 разъ. 4) *Чинтари*, лѣвый притокъ *Курджиса*, служитъ восточною межою ст. Самурской. 5) *Фа-Бого* (Фазъ-Го), лѣвый притокъ рѣки Пшехи, теперь, впрочемъ, не принадлежитъ ст. Самурской.

Вода во всѣхъ этихъ рѣчкахъ чистая, холодная и быстро-текущая. Вода въ р. Цице особенно холодна (въ самые жаркіе дни выше 4° не бываетъ) и настолько чиста, что всѣ камушки (голыши) видны на днѣ ея; въ этой рѣкѣ водится толь-

во одинъ родъ рыбы, форель. Скорость теченія р. Цице—75 сажень въ минуту; скорость же теченія р. Пшехи въ окрестностяхъ ст. Самурской—60 сажень въ минуту. Средняя глубина рѣки Цице—1 аршинъ, а рѣки Пшехи—2 аршина. Разливъ этихъ рѣкъ бываетъ въ то время, когда въ горахъ идутъ сильные дожди; вода во время разлива, обыкновенно, бываетъ мутная. Вода въ названныхъ рѣкахъ очень здоровая и свѣжая.

Минеральныя богатства.

Почва въ окрестностяхъ ст. Самурской разнообразна, но преобладаетъ черноземъ, съ небольшимъ количествомъ песку; по балкамъ есть солончаковая глина. Въ почвѣ вездѣ встрѣчаются камни (голыши) известковые, кремневые, алебастровые и др. По обрывамъ рѣкъ видны громадныя наслоенія, состоящія изъ нѣсколькихъ десятковъ (встрѣчаются по рѣкѣ Цице обрывы, имѣющіе, пожалуй, до 100) слоевъ: верхній слой въ $\frac{3}{4}$ —1 арш.—супесокъ; слѣдующій—въ $1\frac{1}{2}$ и 2 аршина—слой голышей (известковыхъ); 3-й слой состоитъ изъ желтаго песку, толщиной въ $\frac{1}{2}$ аршина; 4-й—изъ цѣльной плиты *какого то* (?) очень крѣпкаго камня, коричневаго цвѣта, толщиной въ 1 дюймъ; слѣдующій слой—синяго камня, мягкаго: толщина слоя $\frac{1}{3}$ дюйма. Вообще, дальнѣйшіе слои толще дюйма не бываютъ, а состоятъ они изъ разнообразнаго песку и различныхъ породъ камня. Черезъ нѣсколько слоевъ глубже опять лежитъ слой коричневаго или синяго камня, но встрѣчаются слои камня, похожаго на аспидъ, только мягкій. Вообще, наслоенія очень разнообразны.

Горныя породы здѣсь встрѣчаются разнообразныя: такъ, Черныя горы состоятъ преимущественно изъ известняка, за исключеніемъ поверхности, покрытой органической почвою; залежи охры, довольно хорошаго сорта, встрѣчаются по верховьямъ рр. Пшехи, Цице и Фа-Бого; алебастръ находится по

русламъ рѣкъ; есть кремень, песчаникъ и др.; по руслу рѣки Пшехи очень часто попадаются камни серебряной руды.

Серебряные рудники находятся у верховья р. Цице, верстахъ въ 17 отъ ст. Самурской. Серебряная руда идетъ въ глубь скалы, отходящей къ сѣверу отъ оконечности главнаго (Снѣжнаго) хребта. Что эта серебряная руда содержитъ очень много серебра, можно видѣть изъ слѣдующаго обстоятельства. Въ то время, когда на Кавказѣ шла война съ горцами, англичане разрабатывали здѣсь серебро: они взяли въ аренду у черкесовъ горы, отъ вершины Черной до вершины Нагай-Коба (у сѣверной оконечности главнаго хребта) и отъ верховья р. Цице до верховья р. Курджипса, и обязались внести черкесамъ арендную плату кременными ружьями и шашками и, кромѣ того, не допускать русскія войска къ берегамъ Чернаго моря *). Черкесы отдали въ аренду часть горъ, заключающихъ скалу съ серебряными рудниками, не подозрѣвая тутъ присутствія серебра. Англичане, чтобы не подвергнуться ограбленію со стороны черкесовъ, жадныхъ до этого металла, распустили слухъ, будто бы они хотятъ добывать здѣсь желѣзо, особенно пригодное для подковъ англійской кавалеріи.

Англичане устроили заводъ такимъ образомъ, что ни одному черкесу не удалось побывать въ немъ и видѣть работу. Въ 50 или 60 саженьяхъ отъ рудника англичане огородили площадь, въ 25 сажень длины и 20 ширины, толстыми столбами, на подобіе телеграфныхъ, только немного пониже; сверху всѣ столбы были заострены и поставлены другъ къ другу очень плотно, а внутри къ столбамъ прилегалъ высвѣтъ (въ 4 арш.), плетень, обмазанный глиною. Входъ въ заводъ былъ устроенъ слѣдующимъ образомъ: со стороны рудника (съ восточной стороны ограды) пять столбовъ сверху были урѣзаны аршина на 2, а отверстіе закрывала дверь, въ 2 аршина высоты

*) Этотъ договоръ заключенъ съ англичанами Магометомъ-Амяпомъ, начальникомъ и вождемъ черкесовъ западнаго Кавказа.

и $1\frac{1}{4}$ ширины; съ наружной и внутренней стороны ограды, къ двери приставлены были дѣстницы, и черкесы-рудокобы знали ходъ только до двери; корзины же съ рудой получали англичане у двери и возвращали пустыя тѣмъ же путемъ. Кромѣ англичанъ, въ ограду завода никто не допускался.

Въ 1857 году, когда русскія войска сдѣлали усиленный натискъ въ горы, англичане изъ *невыблѣннаго* еще серебра надѣлали подобіе подковъ и поспѣшили удалиться съ Кавказа, оставивъ ограду завода, съ внутренними постройками, черкесамъ, въ благодарность за ихъ недалковидность. Всѣ постройки стояли долго послѣ того, — лишь изгородь отчасти была разрушена; только въ 1875 или 1876 г. охотники сожгли эти постройки.

Въ 1879 году, въ январѣ, въ ст. Самурскую пріѣхалъ полякъ со своимъ инженеромъ-французомъ (фамиліи ихъ забыты). Узнавъ о существованіи руды вблизи станицы, они отправились съ проводникомъ-казаконъ къ руднику, прибили тамъ къ дереву свои карточки и возвратились въ станицу съ великою надеждою и обѣщаніемъ скоро заняться разработкой дорогъ и добываніемъ руды; при этомъ они сильно выругали англичанъ: они побывали въ бывшемъ заводѣ англичанъ, видѣли выброшенную, уже обработанную руду и нашли, что англичане добывали серебро самымъ хищническимъ способомъ, такъ-какъ выброшенная земля оказалась содержащею еще очень много серебра. Изъ ст. Самурской полякъ и инженеръ-французъ поѣхали въ городъ Екатеринодаръ представиться начальнику области; но больше не возвращались въ Самурскую. Видѣвшіе ихъ, потомъ, въ Майкопѣ говорятъ, будто начальникъ области г. Кармалинъ сказалъ имъ, что онъ самъ намѣренъ разрабатывать этотъ рудникъ. (Съ южной стороны ст. Самурской проведена межа, и рудникъ, вѣжется, отошелъ въ войсковую дачу.)

По свидѣтельству г. Венеровскаго, у верховьевъ рѣки Курджипса, близъ горы *Фиштъ*, есть ртуть. Какъ онъ узналъ

объ этомъ, его рассказъ постараемся передать, по возможности, въ подлинникъ.

— „Я водилъ знакомство съ черкесами, жившими до 60-хъ годовъ въ горахъ, съ цѣлью разузнать отъ нихъ кое-что о минеральныхъ богатствахъ горъ этой части Кавказа, и мнѣ удалось слышать отъ нѣкоторыхъ горцевъ, что ихъ соплеменники, видя, что приходитъ время прощаться со своими гнѣздами, дѣлали нѣкоторыя пакости: они, напр., забивали небольшіе родники, надѣясь оставить безъ воды новыя станицы, — конечно, большихъ родниковъ, какъ родниковъ быстрыхъ рѣчекъ Пшехи, Цице, Гогопса, Фа-Бого, Мотузка, Чинтарей, они не могли забить, да и не старались объ этомъ, а забивали небольшіе родники, удаленные болѣе или менѣе отъ такихъ рѣчекъ, и кое-гдѣ они успѣли: Прусская станица и до сихъ поръ страдаетъ отъ недостатка воды, а въ окрестностяхъ ея видны высохшія русла потоковъ. Я слышалъ отъ черкесовъ, что соплеменники ихъ забивали родники козьею шерстью, старыми бурками и т. подобнымъ, а шерсть такая вещь, что жителямъ ст. Прусской придется быть безъ воды до тѣхъ поръ, пока она размоетъ шерсть или, скорѣе, найдетъ новое жерло“.

„По рассказамъ одного, знакомаго когда-то мнѣ, черкеса, которому я имѣлъ основаніе вѣрить, соотечественники его забили въ окрестностяхъ ст. Самурской сѣрный источникъ, бывший въ одной верстѣ къ сѣв.-зап. отъ озера, легендарнаго происхожденія. Извѣстно также, что черкесы забили въ окрестностяхъ станицы соляные источники, изъ которыхъ они добывали соль: и теперь можно видѣть, въ одной верстѣ отъ устья Мотузка, къ сѣв.-вост., почву, которая въ жаркій день покрывается бѣлымъ солянымъ налетомъ. Черкесы забивали даже нефтяные источники, не приносящіе имъ рѣшительно никакой пользы, ибо полагали, что русскіе воспользуются этими источниками“.

„Благодаря такимъ сообщеніямъ, мнѣ однажды удалось услышать, что недалеко отъ ст. Самурской находится ртуть, которую горцы называли *живою водою*. Услышавъ объ этомъ, я спросилъ, гдѣ могу найти черкесовъ, которые видѣли бы источникъ ртути, и нашелъ двухъ такихъ черкесовъ. Когда я спросилъ у нихъ, видѣли ли они „живую воду“, одинъ изъ нихъ пришелъ въ такое волненіе, что, подскочивъ на стулѣ 4 раза, залпомъ произнесъ: „Моя видалъ“, т. е. „я видѣлъ“. Я серьезно испугался, полагая, что этотъ черкесъ припадочный; но черкесъ скоро успокоился и предложилъ рассказать, какъ и гдѣ онъ видѣлъ ртуть. Имѣя въ виду подробно узнать о существованіи ртути близъ горы Фиштъ, я сталъ добиваться обстоятельнаго разсказа и спросилъ черкеса прежде всего о цвѣтѣ „живой воды“; онъ, увидѣвъ мой серебряный портсигаръ, сообщилъ, что живая вода совершенно такого цвѣта. Послѣ этого я вынулъ изъ сакъ-вояза флакончикъ съ ртутью, вылилъ ртуть на бумагу и показалъ черкесамъ. Увидѣвъ ее, они оба опять заволновались, крича: „это *самый живой вода!* ты взялъ *его* тамъ, съ *гора?*...“

— „Нѣтъ, я купилъ ее“.

— „Развѣ *его* продается?“

— „Да!“

— „А а!... *Такой самый живой вода есть въ гора*“...

„Разспрашивая ихъ, я узналъ, что ртуть находится на сѣверномъ отрогѣ горы Фиштъ, въ 4 или 5 верстахъ отъ вершины (водопада) Курджипса; ложбина, занимаемая ртутью, скрывается съ юго-запада большой нависшей скалой, имѣющей, аршина на 1¹/₂ отъ лобжины, крутую выпуклость: я *такъ* понялъ разсказъ черкесовъ о положеніи источника; но вамъ, конечно, извѣстно, *какъ* говорятъ они порусски, а тѣмъ болѣе—какъ могутъ *словесно* построить *планъ* мѣстности. О величинѣ источника они сообщили, что сна-

ружи его видно очень мало, — четверти на 2 или на $2\frac{1}{2}$ въ діаметрѣ; измѣрить же глубину его и пространство подъ скалой никто не рѣшается, боясь нападенія *шайтана* (чортъ). Путь къ источнику очень труденъ: приходится взбираться разъ 5 на скалы по лѣстницѣ, которую путешественники должны тащить на себѣ. Оказалось, что старики-разсказчики сами были у источника 2 раза и брали понемногу ртути, — много никто не бралъ, опять таки боясь шайтана. Разсказчики передали мнѣ, что они знали одного старика лѣтъ 60-ти, жителя ихъ аула, который, не боясь наказанія шайтана, взялъ нѣсколькихъ товарищей (или, скорѣе, лицъ, подчинявшихся ему, какъ богачу), возложилъ на нихъ лѣстницу и отправился съ *тулукомъ* (козья кожа, имѣющая одно отверстие) къ „живой водѣ“; набравъ ея, сколько ему казалось возможнымъ, онъ отправился обратно, но, не дошедши до перваго спуска, бросилъ тулукъ съ „живой водой“, вслѣдствіе того, что шайтанъ не пускалъ его и трясъ; кое-какъ старика довели домой, а дня чрезъ 4 шайтанъ задушилъ его.“

Такимъ образомъ, что касается до существованія источника ртути вблизи горы Фиштъ, то въ этомъ можно не сомнѣваться. — Кромѣ сего, подлѣ станицы можно найти много минеральныхъ богатствъ и окаменѣлостей: такъ, въ прошломъ году я нашелъ окаменѣлый грибъ по руслу р. Фа-Бого; разъ, купаясь съ землемѣромъ Штанько, я вытащилъ изъ воды каменный уголь, а онъ окаменѣлую раковину.

Въ окрестностяхъ ст. Самурской можно найти множество нефтяныхъ источниковъ; но они не разрабатываются: постороннихъ эксплуататоровъ не находится, — такихъ, чтобы забиться въ горы за 50 верстъ отъ г. Майкопа, переѣзжая чрезъ рѣки въ бродъ, ибо это небезопасно. Мѣстные же жители не разрабатываютъ источниковъ: это вещь рискованная, по мнѣнію самурскихъ богачей; а другіе не имѣютъ необходимыхъ, для разработки источниковъ, средствъ.

Флора.

Растительное царство въ окрестностях ст. Самурской очень разнообразно. *Букъ* (мѣстное названіе—пальма), *хвойное дерево*, растеть на склонахъ Черной горы. *Красное дерево* (taxus?), лѣпится въ скалистыхъ балкахъ, встрѣчается и на вершинахъ скаль Черныхъ горъ: оно хвойное. *Букъ* (чинаръ) *) гнѣздится въ тѣснинахъ глубовихъ балокъ, недалеко отъ подошвы Черной горы. *Липа* растеть преимущественно на горахъ. *Дубъ* въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образуетъ видъ парка. *Ольха* тѣснится по берегамъ рѣкъ Пшехи и Цице и, въ иныхъ мѣстахъ, такъ густо, что съ трудомъ приходится пробираться по берегу.

Изъ кустарниковъ, растущихъ на горахъ, замѣчательны слѣдующіе: *рододендронъ*, *азалія*, *лаверовишня*—вѣчно-зеленые кустарники; *черная и красная смородина*, *малина*—плодовые; *чайное деревцо*: листья его имѣють видъ настоящаго чая,—пробовали примѣнить его къ употребленію, но для этого оно оказалось негоднымъ, такъ-какъ имѣеть сильно вяжущій вкусъ. Изъ кустарниковъ, растущихъ на полянахъ, замѣчательны слѣдующіе: *ожина*, очень колючій и цѣпкій кустарникъ, и *ежевика*—ползучій: оба плодовые. Ползучія горныя растенія—*плющи*, породъ пяти, кустарникъ, имѣющій треугольные большіе листья, съ жесткими, длинными колючками на углахъ,—изъ него могли бы быть красивыя и прочныя „живыя“ изгороди.

Изъ плодовыхъ деревьевъ здѣсь встрѣчаются *груши*, *яблони* въ садахъ, когда-то червесаами или, скорѣе, бѣглыми русскими, культивированныхъ (въ окрестностяхъ станицы). Такихъ садовъ въ юртѣ ст. Самурской болѣе 30, и отдаются они 6 августа съ аукціоннаго торга на откупъ жителямъ, на лѣто. Лѣсныя *груши* и *яблони-кислицы* составляютъ *хлѣбъ*

*) Букъ—*fagus*; чинаръ—*platanus orientalis*.

Примѣч. Ред.

жителей. Есть также дивая *черешня*, *черносливъ*, *алыча*. Послѣдней такъ много въ окрестностяхъ Самурской ст., и она родится въ такомъ изобиліи, что, когда уже созрѣетъ и опадетъ, то закрываетъ землю вокругъ дерева слоємъ въ $\frac{1}{4}$ аршина толщины; идетъ она почти вся въ пищу медвѣдямъ и дикимъ свиньямъ, исключая той, которая растетъ близъ станицы: эта съѣдается домашнимъ скотомъ. Если же приходится жителямъ собирать ее, для продажи (въ этомъ случаѣ ее нужно снимать съ дерева), то они, до невѣроятности, грубо и варварски поступаютъ съ деревомъ: *рубятъ* вѣтви и даже дерево, принесшее плоды. Кромѣ названныхъ плодовыхъ деревьевъ, здѣсь растетъ много *кизила*, плоды котораго, въ самомъ незначительномъ количествѣ, потребляются жителями. Есть здѣсь очень много *боярышника* и *шамши*. Встрѣчается *каштанъ*—въ горахъ, а нѣсколько деревьевъ и около озера. Въ горахъ же растетъ кустарниковое дерево *мушмала*, фрукты котораго имѣютъ видъ лѣсныхъ грушъ, и *коланъ* (корень), цвѣтокъ котораго представляетъ розовый бутонъ, красивой формы; въ горахъ же встрѣчается и *рябина*.

Хлѣбопашествомъ жители не занимаются, ссылаясь на то, что большихъ полянъ нѣтъ въ юртѣ ст. Самурской. Есть и опасность для посѣвовъ: нерѣдко посѣвъ уничтожаютъ дивія животныя; чтобы обезпечить сборы посѣва, нужно сторожить ниву, во время созрѣванія хлѣба. Впрочемъ, на одной изъ большихъ полянъ, заключенной между рр. Пшехой и Фа-Бого, нѣсколько жителей засѣяли десятинъ 20 пшеницы; пшеница уродилась прекрасная.

Кормовыя травы растутъ очень хорошо, такъ-что „*худобы* изъ травы не видно“: ея всегда изобиліе; но вслѣдствіе частыхъ дождей и богатаго орошенія (слѣдовательно, чрезмѣрной влажности), онѣ не особенно питательны и, въ видѣ сѣна, доставляютъ кормъ очень легкій. Роды травъ, между прочимъ, слѣдующіе: *клеверъ бѣлый* и *красный*, *буркунъ*, *перій* (порей), *материнка* и др.

Изъ овощей здѣсь на бабчахъ разводятся: *картофель, капуста, свекла, морковь, укропъ* и др.; все это только для домашняго обихода. О садахъ жители ст. Самурской почти вовсе не заботятся: какъ были еще при основаніи станицы разведены незавидные садики у большинства домовъ, такъ и остались безъ всякаго ухода и заботы со стороны хозяевъ; въ садикахъ встрѣчаются вишни, сливы и, въ нѣкоторыхъ, персики. Цвѣты разводятся многими хозяйками какъ на открытомъ воздухѣ, такъ и въ комнатахъ, но за цвѣтами нѣтъ особеннаго ухода.

Фауна.

Окрестности ст. Самурской изобилуютъ дикими животными. Здѣсь встрѣчаются *олени* и *козы*. Впрочемъ, козъ въ послѣднее время стало, сравнительно, мало: вслѣдствіе суровости послѣднихъ зимъ, ихъ уничтожали волки; но оленей и теперь еще очень много. На животныхъ, этихъ обоихъ родовъ, здѣсь производятся частыя осеннія охоты, до января; казаки охотятся небольшими партіями—въ три, чаще въ два человѣка. Мясо убитыхъ животныхъ продаютъ на площади, оставивъ нѣсколько для себя, по 4 и 5 к. за фунтъ.

Водятся здѣсь *медвѣди* и *свиньи* (дикія). Эти животныя не имѣютъ между собою ничего общаго, а, между тѣмъ, лѣтомъ иногда столуются вмѣстѣ: когда въ садахъ поспѣваютъ фрукты, медвѣдь, обыкновенно въ дождливые дни или ночью, взбирается на грушу и начинаетъ ее трясти; въ это время подходитъ семейство, или болѣе, свиней, и онѣ собираютъ упавшіе фрукты, плоды трудовъ медвѣдя. Хотя послѣднему и непріятно имѣть такихъ гостей, но онъ принужденъ уступить свой столъ и сидитъ на деревѣ до тѣхъ поръ, пока свиньи не уйдутъ, истребивъ всѣ упавшія груши. Нужно замѣтить, что сады, о которыхъ уже было сказано, хотя и откупаются жителями, однако, не стерегутся: арендаторы разставляютъ въ саду нѣ-

сколько чучель (старый зипунъ или бешметъ вѣшается на палку крестообразно), желая не допустить дикихъ животныхъ въ садъ, до собиранія плодовъ, и тѣмъ дѣло ограничивается; но чучела почти никогда не производятъ желаннаго дѣйствія, и медвѣдь часто, кромѣ того, что трясеть груши, обламываетъ большія вѣтви ихъ, чѣмъ помогаетъ скорѣйшему уничтоженію садовъ. Медвѣди и свиньи лѣтомъ питаются, преимущественно, алычой, грушами (лѣсными) и кислицами; медвѣдь часто лакомится въ колючихъ вустахъ ожины и малины и въ дуплахъ дикихъ пчелъ; зимою же эти животныя не брезгаютъ и болѣе грубой пищей: находятъ жолуди и корни растений. Медвѣди, впрочемъ, на зиму уходятъ далѣе, въ горы, а свиньи всѣ свои силы соединяютъ въ стада; каждое состоитъ изъ нѣсколькихъ семействъ, имѣетъ одного вожака, ищетъ пищи и защищается отъ волковъ, нападающихъ на нихъ зимою, тоже стаями. Изъ хищныхъ животныхъ здѣсь водятся въ большомъ количествѣ *волки, лисицы, кунницы, дикіе коты* (кошки), *барсуки* и, въ небольшомъ числѣ, *барсы*; изъ грызуновъ—*зайцы* и *кроты*. На Черныхъ горахъ, по свидѣтельству жителей, водятся *джейраны*, легкія животныя изъ семейства козъ (скорѣе походятъ на домашнихъ барановъ), очень боязливыя; при появленіи человѣка, они убѣгаютъ съ неимоверною быстротою.

Изъ домашнихъ животныхъ въ ст. Самурской водятся *крупный скотъ* (быки и коровы), *лошади* (верховыя), *свиньи*, собаки и кошки. Разведеніе крупнаго рогатаго скота развито такъ сильно, что нѣкоторые хозяева имѣютъ своихъ пастуховъ. О болѣзняхъ рогатаго скота рѣдко приходится безпокоиться: падежа здѣсь вовсе не было; объясняется это, скорѣе всего, отсутствіемъ болотъ и зараженной стоячей воды. Изъ домашнихъ птицъ разводятся въ ст. Самурской *куры, гуси и индѣйки*. Изъ дикихъ птицъ въ окрестностяхъ станицы водятся *фазаны, дикія утки, чирки, лыски, нырки, рыболовки, сойки, сороки, вороны, кобчики, астреба, коршуны, орлы, дятлы, щег-*

мы, снѣгири, синицы, чижи, воробьи, малиновки, крапивяки и др.; изъ перелетныхъ—дикіе голуби (*витютни*), горлижки, перепелки, дергачи, бекасы, куропатки, кулики, курочки, чайки, мартыны, бакланы, цапли, журавли, бабы, гуси и лебеди, аисты, жаворонки, ласточки, скворцы, дрозды (*сѣрые и черные*). Жаворонки зимуютъ здѣсь; скворцы и дрозды прилетаютъ въ февралѣ или мартѣ, смотря по началу весны; за ласточками—всѣ прочія птицы. Изъ пресмыкающихся здѣсь водятся гадюка, мѣдянка, ужъ, желтопузь, ящерица (*зеленая и сѣрая*); изъ насѣкомыхъ: оленорогъ (*туръ*), майскій жучекъ (*хрущъ*), гусеница, капустная бабочка и др. Въ рѣкахъ, орошающихъ окрестность ст. Самурской, водится рыба, самая обыкновенная: *головень, плотва, рыбецъ, шамая, чернопузикъ (педустъ), усачъ, окунь, ершъ, щука и сомъ*; послѣдній попадаетъ очень рѣдко и больше $1\frac{1}{2}$ арш. не встрѣчается; въ р. Цице, кромѣ *форели*, никакая рыба не водится; въ устьѣхъ и заливахъ ея (стоячихъ или тихихъ), гдѣ вода теплѣе, попадаетъ *головень и усачъ*.

Народонаселеніе.

Въ настоящее время ст. Самурская очень не велика: въ ней не много больше 100 дворовъ. Въ первое же время, послѣ основанія, она имѣла около 400 дворовъ. Причиною такого уменьшенія народонаселенія служили нѣкоторыя неблагоприятныя обстоятельства, вліяющія, вообще, на уменьшеніе числа жителей *горныхъ* станицъ. Напримѣръ, жители ст. Самурской, переселявшіеся сюда изъ мѣстъ, обладающихъ совершенно инымъ климатомъ, чѣмъ климатъ горнаго Кавказа, не привыкшіе къ нему, подвергались злокачественной лихорадкѣ, существующей на Кавказѣ въ очень многихъ видахъ: отъ лихорадки, въ первый годъ существованія станицы, погибла почти $\frac{1}{5}$ всего народонаселенія ст. Самурской.

Другой причиною уменьшенія числа жителей станицы были горныя рѣки, отличающіяся отъ рѣкъ внутренней Россіи быстрымъ теченіемъ и каменистыми руслами: жителей, не привыкшихъ еще къ быстрымъ рѣкамъ, но, по необходимости, ѣздившихъ чрезъ рѣки въ бродъ, сбивало быстрое теченіе, и много жителей потонуло въ первые 2—3 года существованія станицы; въ первые 3 года утонуло 70 человекъ. Война на Кавказѣ также была причиною, содѣйствовавшей уменьшенію народонаселенія станицы, и, наконецъ, была еще одна причина, сильно повліявшая на уменьшеніе числа жителей. Въ число жителей ст. Самурской (какъ уже было сказано выше) поступили и донскіе казаки: всего ихъ было 70 семействъ, но, благодаря губительному пьянству, донцовъ въ ст. Самурской осталось чрезъ 5 лѣтъ меньше $\frac{1}{7}$: одни изъ нихъ, отъ чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ, умерли, а жены ихъ возвратились на родину; другіе, пропивъ до послѣдней копейки все, что имѣли, ушли на заработки, или нанялись въ военную службу и уже не возвратились въ ст. Самурскую. Въ настоящее время въ ст. Самурской жителей изъ донцовъ всего 8 хозяевъ (изъ семидесяти). За то все болѣе и болѣе увеличивалось въ станицѣ число малороссовъ (Харьковской и Полтавской губерній); станица осталась на прежнемъ мѣстѣ, несмотря на то, что нѣсколько разъ были посылаемы отъ общества депутаты, прошившіе разрѣшенія переселиться изъ ст. Самурской въ болѣе удобное мѣсто, такъ-какъ, кромѣ неблагоприятныхъ климатическихъ условій, жители ст. Самурской много терпѣли и отъ нападеній черкесовъ: жителямъ не возможно было выйти изъ станицы за фруктами или выѣхать за дровами, сѣномъ, водой—безъ прикрытія, т. е. безъ отряда солдатъ, ибо шайки горцевъ рыскали въ окрестностяхъ станицы и часто скрывались подъ станичнымъ плетнемъ въ лѣсу, и жители, осмѣлившіеся показаться за станицей, безъ такого прикрытія, были уводимы черкесами въ горы и убиваемы. Лѣтъ чрезъ 5 послѣ основанія,

въ станицѣ Самурской осталось жителей дворовъ 120, и до настоящаго времени число это мало измѣняется.

а) Численность населенія ст. Самурской по поламъ, состоянiямъ и религиѣ:

Всего жителей.	Мужского пола.	Женскаго пола.	Сословія.				Религиѣ.									
			Дворянъ.	Духовнаго званія.	Урядниковъ.	Казаковъ.	Правосл.			Раскольн.			Рим.-к. исп.			
							Муж. пола.	Жен. пола.	Всего.	Муж. пола.	Жен. пола.	Всего.	Муж. пола.	Жен. пола.	Всего.	
712	382	330	3	2	10	366	1	373	324	697	8	6	14	1	—	1

Всѣ русскіе, кромѣ одного польскаго дворянина.

б) Распределеніе населенія по возрастамъ.

	Отъ 1-го до 17 лѣтъ.	Отъ 1 до 19	Отъ 19 до 20	Отъ 20 до 35	Отъ 35 до 42	Отъ 42 до 50	Отъ 50 до 60	Болѣе 60 лѣтъ.
Муж. пола.		129	6	95	65	29	52	6
Жен. пола.		154	8	6	95	34	29	4
Всего		283	14	101	160	63	81	10

По такой таблицѣ распределѣется населеніе ст. Самурской въ станичномъ правленіи.

с) Количество населенія въ послѣдніе пять лѣтъ.

Въ концѣ года.	1880	1881	1882	1883	1884
Мужского пола	398	342	351	362	373
Женскаго пола	292	302	314	321	327
Всего	630	644	665	683	700

д) Среднее число рожденій въ теченіе года—30 душъ. Число рожденій, падающихъ на мѣсяцы послѣднихъ двухъ лѣтъ:

	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
1884 г.....	3	2	1	1	7	5	3	4	3	2	2	1
1885 г.....	4	3	2	1	6	7	—	—	—	—	—	—

Въ отдѣльныхъ семьяхъ.		Средній возрастъ.		Число взрослыхъ мужчинъ.		Число взрослыхъ женщинъ.		Число.	
Среднее число дѣтей.	Наибольшее число ихъ.	Женховъ.	Невѣстъ.	Холостыхъ.	Женатыхъ.	Не замужнихъ.	Замужнихъ.	Вдовцовъ.	Вдовъ.
3	5	22	17	45	167	4	182	16	22

е) Среднее число смертныхъ ежегодныхъ случаевъ за послѣдніе 5 лѣтъ—20.

Число лицъ, страдающихъ болѣзнями, требующими особаго ухода.			Другихъ больныхъ, кромѣ лихорадочныхъ, нѣтъ.
Слѣбныхъ отъ рожденія.	Глухонѣмыхъ.	Принадочныхъ.	
2 лица.	2 лица.	2 лица.	

Характерныя черты жителей станицы. Отличительною чертою характера жителей ст. Самурской служитъ честность: не было еще случая, чтобы изъ дома жителей украдена была какая-либо вещь. Никто еще не жаловался на пропажу вещей, потерянныхъ на дорогѣ, въ окрестностяхъ ст. Самурской: нашедшіе тотчасъ представляютъ найденное въ станичное правленіе. Убійствъ, грабежей, конокрадствъ и поджоговъ въ станицѣ не было (со времени прекращенія нападеній шаекъ черкесовъ).

Матеріальное благосостояніе населенія.

Въ матеріальномъ отношеніи, въ первое время по основаніи, ст. Самурская сильно опустилась, и лѣтъ чрезъ пять

послѣ основанія имѣла запущенный видъ, видъ полуразрушеннаго аула. Такая запущенность станицы объясняется тѣмъ, что, въ первые годы существованія ея, тамъ стоялъ полкъ солдатъ и сотни четыре казаковъ, и жители не заботились ни о чемъ: за нихъ работали солдаты, они питались солдатскимъ провіантомъ, а у кого стояли офицеры, тѣ, кромѣ провіанта и работника-деньщика, получали еще и деньги отъ квартирантовъ; такимъ образомъ, благодаря легкимъ заработкамъ, жители привыкли къ бездѣлю, къ празднои жизни. Уже впоследствии только, лѣтъ чрезъ 10 послѣ основанія, ст. Самурская стала поправляться; черкесы были выселены изъ горъ года чрезъ 2¹/₂ послѣ основанія станицы, и жители уже безъ особенной опасности стали рубить лѣсъ, собирать и сушить фрукты (преимущественно, лѣсныя груши и яблоки, т. е. кислицы) на сушняхъ, устроенныхъ въ лѣсу, и ѣздить въ линейныя и черноморскія станицы продавать, а, большею частью, обмѣнивать эти продукты на хлѣбъ. Впрочемъ, и послѣ изгнанія черкесовъ изъ горъ, поѣздки въ лѣсъ иногда не обходились безъ убійствъ: до 1877 года шайки черкесовъ, по временамъ, появлялись въ горахъ, угоняли скотъ, составляющій богатство жителей, и убивали или уводили въ горы попавшихся имъ казаковъ. Последнее появленіе шайки черкесовъ въ окрестностяхъ ст. Самурской было въ маѣ 1877 года: три черкеса, вѣроятно, изъ шайки Дзыбова, жителя аула Габукай, Екатеринодарскаго уѣзда (этотъ черкесь разбойничалъ почти со времени окончательнаго усмиренія Кавказа; онъ, съ двумя своими товарищами, производилъ грабежи и разбои, преимущественно, по р. Бѣлой, въ виду же опасности скрывался въ горы; наконецъ, 3 сентября 1880 года, онъ былъ убитъ въ аулѣ Габукай казаками—пластунами, давно искавшими его по распоряженію начальника Кубанской области), появились за рѣкой Цице, верстахъ въ 2-хъ отъ станицы, угнали пару быковъ и увели молодую казачку и мальчика, вышедшихъ за Цице

искать быковъ. Казачья и мальчижь около полуночи были отпущены черкесами, которые, предварительно, раздѣли ихъ до-нага, быки же были угнаны. Съ тѣхъ поръ черкесы-разбойники не появлялись въ горахъ до настоящаго времени.

Степень матеріальнаго богатства населенія.

Число головъ скота, составляющаго принадлежность всего населенія.			У отдѣльныхъ хозяевъ.		Число лицъ, не имѣющихъ собствен., а живущ. зараб.		Средняя цѣна предметовъ первой необходимости.			
Лошадей.	Коровъ и гулевого.	Воловъ рабочихъ.	Среднее число ча-стнаго ск.	Наиболь-шее число его.	Работни-ковъ.	Работ-ницъ.	1 ф. хлѣба.	1 ф. мяса.	1 ф. масла.	Цѣна кварти-ры со столомъ: 1 комната.
всего 35 верх.	619	340 парь.	9	отъ 40 до 50	95	22	к. 3	к. 3 1/2	к. 20	8 рублей.

Ч и с л о .					Приблизительная цѣнность по-строекъ.	Среднее число жителей на 1 домъ.	Высшая и низшая стоимость жилыхъ домовъ.
Церквей.	Домовъ.	Лавокъ.	Кузницъ.	Столя-рень.			
1	128	1	1	1	250, 200 и 150 р.	5	500, 550 и 150 р.

Школа.

Число учащихся въ концѣ учебнаго года.			Ученики муж-ского пола.	Отношеніе числа учащихся къ числу жителей.	Сколько лѣтъ большинство учащихся на-ходится въ школь.	Сколько мѣсяцевъ продолжается уче-ніе въ школь въ теченіе года.
1883 г.	1884 г.	1885 г.				
12	19	18		1/3	2 года.	9 мѣсяцевъ.

Школьное дѣло въ ст. Самурской до сихъ поръ не организовано, какъ слѣдуетъ, правильно. Это объясняется тѣмъ, что въ ст. Самурской лѣтъ 10 (съ основанія станицы) совсѣмъ не было учителя: если кто учился грамотѣ, то учился у дьячка (псаломщика). Затѣмъ должность учителя тамъ исправлялъ пи-сарь, отставной унтеръ-офицеръ; ученики послѣдняго, теперь взрослые казаки, читаютъ „по складамъ“ очень порядочно.

Года чрезъ четыре Самурская школа лишилась и этого учителя, и никакого учителя не было года 2. Затѣмъ дѣло исправленія этой должности взялъ на себя станичный священникъ, но, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ былъ переведенъ въ другой приходъ. Года чрезъ два сюда былъ присланъ учителемъ какой-то чиновникъ, который чрезъ $1\frac{1}{2}$ года получилъ лучшее мѣсто. Въ 18⁸⁴/₈₅ учебномъ году здѣсь учительствовала дѣвушка, получившая свидѣтельство на званіе учительницы начального народнаго училища; но и послѣдняя уже переведена изъ Самурской. Естественно, что, при такихъ обстоятельствахъ, школьное дѣло не могло развиваться правильно.

Какъ видно изъ этого бѣлаго очерка, ст. Самурскую въ настоящее время нельзя назвать ни особенно бѣдною, ни особенно благоденствующею. Нищихъ въ станицѣ, слава Богу, нѣтъ; богачей, правда, мало, за то зажиточныхъ хозяевъ достаточно. Такова станица теперь; въ будущемъ же она можетъ сдѣлаться одною изъ богатѣйшихъ станицъ сѣвернаго Кавказа. Минеральныя богатства даютъ возможность предполагать, что, со временемъ, здѣсь разовьется добывающая промышленность; тогда, конечно, жизнь въ Самурской оживится, и промыселъ поможетъ обогатиться не только этой станицѣ, но и окрестнымъ селеніямъ.

Воспитанникъ Кубанской учительской семинаріи,

Вл. Кобеляцкій.

Ст. Самурская.

1885 г.

СЕЛО САРОВЪ,

Елисаветпольской губерніи, Джеванширскаго уѣзда.

Общій характеръ, свойство мѣстности, внѣшній видъ селенія.

Селеніе Саровъ находится въ Джеванширскомъ уѣздѣ и расположено на такъ называемой мѣстными жителями Бардабасанской низменности. Саровъ, какъ полагаютъ, существуетъ съ давнихъ поръ, и впоследствии къ его имени присоединилось и другое—Бегумъ, въ отличіе отъ другого Сарова, находящагося въ 3 верстахъ отъ перваго. Названіе „Бегумъ“ Саровъ получилъ отъ имени сестры Мехти-Кули-Хана Карабахскаго, Азатъ Бегума, которая получила это селеніе въ приданое. Селеніе Саровъ населено съ древнихъ временъ армянами, что подтверждается старымъ кладбищемъ, лежащимъ въ 2 верстахъ отъ селенія къ востоку. Кладбище занимаетъ холмообразную возвышенность, съ гладкою поверхностью. Между всѣми надгробными камнями, по давности, заслуживаетъ вниманія одинъ, съ армянскою надписью, которая съ теченіемъ времени стерлась, и разобрать ее теперь нѣтъ возможности; но старожилы увѣряютъ, что при нихъ бывшіе саровскіе священники читали эти письмена, которыя гласили, что подъ камнемъ повоится прахъ какого-то армянскаго мелива, жившаго въ IV вѣкѣ по Р. Х. Вокругъ этой гробницы группированы могилы усопшихъ саровцевъ.

Изъ археологическихъ памятниковъ, доказывающихъ древность села Сарова съ христіанскимъ населеніемъ, можно указать на старинныя *винницы* (*zbrwnu*), въ которыхъ богами ногами выжимали виноградный сокъ. Винницы эти попадаютъ въ садахъ, но, большею частью, покрыты землею. На ближайшихъ холмахъ нерѣдко находятъ большіе разбитые кувшины (*карасы*).

Саровцы живутъ на владѣльческой землѣ, принадлежащей Ата-хану Абраханову. Каждый поселянинъ пользуется извѣстнымъ количествомъ земли, полученной въ надѣлъ отъ помѣщика, и поэтому ежегодно удѣляетъ десятую часть урожая помѣщику или его повѣренному (*дарит*). Этотъ взносъ называется *базра*. По старому камеральному описанію 1873 г., въ Саровѣ было 117 дымовъ, а по новому, — произведенному 27 и 28 августа 1886 г., оказалось 140. Дома въ Саровѣ расположились такъ широко, что селеніе походитъ на небольшой городокъ. Старые дома отличаются крайнимъ неудобствомъ: въ нихъ зимою бываетъ сыро, темно и холодно.

Въ послѣднее время саровцы стали устраивать себѣ хорошіе дома (по крайней мѣрѣ, лучше старыхъ), изъ обожженнаго, частью изъ сырого, кирпича.

Дома въ Саровѣ состоятъ изъ 2 или 3 комнатъ; изъ нихъ въ одной живетъ самъ хозяинъ, а въ другой складываютъ домашніе пожитки. Стѣны нѣкоторыхъ комнатъ сплетены изъ камыша и покрыты слоемъ глины. Плоскія крыши сдѣланы изъ деревянныхъ балокъ и засыпаны землею. Наружный видъ домовъ, построенныхъ по старому образцу, очень непривлекателенъ: стѣны низкія, безъ оконъ, съ маленькою дверью, скрывающеюся нерѣдко подъ землею; внутри дома очень темно, и жильцы довольствуются слабымъ свѣтомъ, проникающимъ чрезъ небольшое отверстіе въ крышѣ или въ стѣнѣ, замѣняющее для мѣстныхъ жителей форточку, посредствомъ которой очищается комнатный воздухъ.

Огонь для приготовления пищи и отопления комнаты разводять въ большихъ каминахъ (*бухары*). Часто рядомъ съ саклей устраиваютъ хлѣвъ, конюшню и сарай, гдѣ сохраняютъ на зиму кормъ для скота. Высокій четырехугольный навѣсъ — непремѣнная принадлежность каждаго двора; онъ состоитъ изъ большихъ бревенчатыхъ столбовъ (около 6), на которыхъ перекинуты жерди, сплетенныя камышомъ, что служитъ поломъ навѣса и соломенной крыши. Эти навѣсы, безъ которыхъ въ Саровѣ немислима жизнь, являются избавителями отъ невыносимаго жара и вредныхъ насѣкомыхъ — скорпионовъ, комаровъ, тарантуловъ, а также змѣй. Внутренность сакли какъ разъ соотвѣтствуетъ наружности: садятся и спятъ на земляномъ полу, который отъ частой поливки водою покрывается сыростью и содѣйствуетъ развитію многихъ болѣзней, въ особенности ревматизма.

Большая глиняная печь, называемая *тандиромъ*, помѣщается въ одномъ изъ угловъ двора, по возможности, дальше отъ жилыхъ мѣстъ изъ опасенія пожара, что легко можетъ случиться, благодаря быстро воспламеняющемуся колючему хворосту, изъ котораго исключительно состоятъ всѣ мѣстные заборы. Въ тандирахъ печется хлѣбъ.

Мѣстная церковь находится въ самомъ плачевномъ состояніи, почему и проектирована постройка новаго храма. Недалеко отъ Сарова, построено 2 кирпичныхъ завода; они принадлежатъ какому-то персіянину. Эти заводы ежегодно производятъ громадное количество кирпичей, а все же не удовлетворяютъ потребностямъ мѣстныхъ жителей, среди которыхъ, въ послѣднее время, замѣчается стремленіе строить кирпичные дома, взамѣнъ старыхъ землянокъ.

Климатъ и орошеніе.

Климатъ въ Саровѣ и окрестностяхъ его — лѣтомъ жаркій, а зимою сухой и умѣренный, съ рѣдкими морозами. Пе-

реходы отъ тепла въ холоду очень рѣзки: часто жаркій день смѣняется холодною ночью, что губительно вліяетъ на здоровье и производитъ упорныя лихорадки, продолжающіяся, нерѣдко, и всю зиму. Въ концѣ весны и началѣ лѣта, дуютъ сильныя юго-западные вѣтры, ломающіе большія деревья и раскрывающіе соломенные крыши навѣсовъ. Съ наступленіемъ осени, начинаютъ дуть сѣверо-восточныя вѣтры, которые являются иногда предвѣстниками сильныхъ осеннихъ дождей. Чтобы освободиться отъ невыносимаго лѣтняго зноя, саровцы перекочевываютъ, съ семействами и со скотомъ, на ближайшія горы Джеванширскаго уѣзда, оставляя въ селѣ лишь нѣсколькихъ сторожей.—Селеніе Саровъ орошается водою рѣки Тертера, втекающей въ него по главной канавѣ „Саровъ-архи“, отъ которой идутъ во всѣ стороны развѣтвленія малыхъ побочныхъ канавъ, охватывающихъ, какъ сѣть, всѣ пахотныя поля и фруктово-виноградныя сады; но ббльшей поливки требуетъ рисовая плантація (*чалтыкъ*), которая засѣвается тогда, когда другіе посѣвы болѣе не нуждаются въ водѣ. Рѣка Тертеръ даетъ саровцамъ для питья прѣсную и здоровую воду. Весною, отъ таянія снѣговъ на горахъ, а осенью—отъ дождей, вода въ рѣкѣ Тертерѣ дѣлается мутной, вслѣдствіе глинистаго грунта, по которому она течетъ; за всѣмъ тѣмъ, вода нисколько не теряетъ своихъ хорошихъ свойствъ. По приказу мѣстнаго уѣзднаго управленія, весною со всѣхъ селеній, расположенныхъ по обѣ стороны бассейна рѣки Тертера, собираются выборные отъ обществъ и, по большинству голосовъ, выбираютъ себѣ *мирава*, т. е. распорядителя воды. Если миравъ пользуется хорошою репутаціею, какъ человѣкъ распорядительный, умѣлый и справедливый, то утверждается въ своей должности мѣстной полиціей и получаетъ опредѣленное вознагражденіе натурою. Миравъ долженъ неусыпно радѣть о томъ, чтобы каждому обществу отпустить воду во время и въ надлежащемъ количе-

ствѣ, а для распредѣленія воды между собою жители сами нанимають, по мѣрѣ надобности, 2 или 3 лицъ.

Занятія и сельскохозяйственный бытъ саровцевъ.

Главныя занятія саровцевъ—хлѣбопашество, садоводство и скотоводство. Хлѣбопашество имѣетъ здѣсь широкое развитіе, и на него саровець смотритъ, какъ на источникъ своего пропитанія. Всѣ полевыя работы отправляются буйволами и быками. Изъ злаковъ разводятъ здѣсь пшеницу, ячмень, озесь, просо и рисъ; послѣдній достигаетъ роста человѣка. Земля здѣсь очень плодородна, она даетъ богатый урожай, но у жителей ощущается недостатокъ земли, вслѣдствіе чего они арендуютъ еще землю у постороннихъ помѣщиковъ, часто верстъ за 30 отъ Сарова. Своими неутомимыми трудами въ занятіяхъ хлѣбопашествомъ, саровцы удивляютъ сосѣдей-татаръ, которымъ лѣнь пользоваться, какъ слѣдуетъ, надѣленной землей.

Сбытъ хлѣба, крупы и другихъ произведеній земли производился прежде въ г. Елисаветполѣ, но, съ проведеніемъ желѣзной дороги отъ Тифлиса до Баку, жители подвозятъ хлѣбъ на своихъ арбахъ грузинскаго образца на желѣзно-дорожную станцію Евлахъ, гдѣ и продаютъ. Часто покупатели сами являются въ Саровъ за пшеницей. Рисовыя плантаціи разводятъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Садоводство идетъ успѣшно, подобно хлѣбопашеству; однако, здѣшнее вино удовлетворяетъ только потребностямъ самихъ жителей. Изъ плодовыхъ деревьевъ въ садахъ растутъ: яблони, груши, персики, сливы, орѣхи, гранаты, айва, а виноградъ встрѣчается, даже въ дикомъ состояніи, повсемѣстно. Скотоводство въ упадкѣ, такъ какъ не имѣется свободныхъ пастбищъ. Шелководствомъ занимаются только изрѣдка. За шелковичными червями ухаживаютъ татары, являющіеся изъ Джебраильскаго уѣзда. Изъ шелку ткутъ хурджины, покрывала для одѣялъ, черкесски и мужскіе шаровары.

Образъ жизни, обычаи и религіозные обряды саровцевъ.

При изобиліи жизненныхъ продуктовъ, какъ то: хлѣба, крупы, фруктовъ, вина и т. д., саровцы, за исключеніемъ немногихъ, очень бѣдны. Это объясняется крайнею нерасчетливостью и неумѣніемъ жить. Иногда саровець готовъ истратить все, что онъ сберегалъ цѣлыми мѣсяцами,—поэтому въ домѣ его чувствуется, порою, недостатокъ даже въ хлѣбѣ. Этимъ положеніемъ саровцы обязаны отчасти тому, что у нихъ крайне неправильны условія семейной обстановки: каждый членъ семьи, все-равно, будь онъ мужчина или женщина, по собственному соображенію, производитъ, по хозяйству, пріобрѣтенія такихъ предметовъ, которые совершенно не нужны, а это, конечно, не можетъ не повести къ экономическому разстройству. Пользуясь слабостью саровцевъ, мѣстные лавочники и ремесленники обманываютъ ихъ.

Нѣсколько братьевъ вмѣстѣ не уживаются, и дѣлятся даже до женитьбы. Насколько саровцы не уживчивы другъ съ другомъ, настолько же они гостепріимны, добры и снисходительны къ нуждающимся и чужеземцамъ; въ силу этого похвальнаго качества ихъ, въ Саровъ стекаются на заработки татары изъ самыхъ отдаленныхъ уѣздовъ: Зангезурскаго, Джебраильскаго и Шупинскаго. Такъ, напримѣръ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, каждое семейство готовится пріютить къ себѣ татарское семейство, состоящее изъ мужа и жены, а иногда съ 2 или 3 дѣтьми. Мужъ помогаетъ хозяину въ полевыхъ работахъ, а жена—хозяйкѣ: носить воду, разводитъ огонь, шьетъ, ткеть и т. д. Съ окончаніемъ полевыхъ работъ, саровець собираетъ домой и безотлучно живетъ съ семействомъ до самой весны. Уходъ за домашними животными, заботу о хозяйствѣ саровець возлагаетъ на своего вѣрнаго гостя—татарина, который въ это время входитъ въ роль полного хозяина и аккуратно исполняетъ возложенныя на него обязанности, чѣмъ и пріобрѣ-

таетъ довѣріе хозяина. Саровець, конечно, цѣнитъ труды и услугу своего гостя.

Зимою саровцы совершенно измѣняются, даже характеромъ: изъ усердныхъ и трудолюбивыхъ крестьянъ, обращаются въ безпечныхъ, лѣнливыхъ и праздношатающихся людей. Ни въ какое время года не встрѣтите такой шумной толпы, какъ зимою. Зиму проводятъ въ различныхъ увеселеніяхъ. Всѣ саровцы, не исключая и стариковъ, съ особой охотой принимаютъ *ашиковъ* (пѣвцовъ, играющихъ на балалайкѣ) и заставляютъ ихъ играть на любимомъ инструментѣ и пѣть пѣсни, на татарскомъ языкѣ, о герояхъ *Каримъ и Асли, Шахъ-Исмаилъ, Ашикъ-Карибъ, Керъ-олы* и т. д. Немало развлеченій доставляютъ саровцамъ свадьбы, совершаемыя, обыкновенно, зимою. Спросите у саровца, почему онъ зимою ничѣмъ не занятъ, онъ отвѣтитъ вамъ татарской пословицей, ясно характеризующей его безпечность: „Сегодня есть—ѣдимъ, а завтра—Богъ милостивъ“. Сосѣдство съ татарами имѣетъ печальное вліяніе на саровцевъ. Забывъ свои обычаи и нравы, здѣшніе христіане заимствовали у татаръ, такъ сказать, нехристіанскія формы жизни, выражающіяся въ безпечности, праздности и лѣни. ^{Они} Саровцы говорятъ по-татарски лучше, чѣмъ на своемъ языкѣ: гдѣ у нихъ не хватаетъ армянскихъ словъ, они пополняютъ ихъ татарскими. Всякій саровець знаетъ много татарскихъ пословицъ, которыя и приводитъ въ рѣчи, а армянскихъ ни одной не знаетъ.

Вліяніе татаръ выражается и въ подражаніи татарской женской одеждѣ. Оставивъ свой національный костюмъ, мѣстныя армянки стали одѣваться, подобно своимъ близкимъ сосѣдкамъ, татаркамъ. Короткій архалукъ, спускающійся немного ниже талии, къ рукавамъ и вороту котораго пришиты рядами серебряныя монеты стараго чезана; подъ архалукомъ ситцевая рубашка, немного длиннѣе архалука; по самыя пятки, широкіе ситцевые шаровары (большею частью краснаго цвѣта); большой

платокъ, коимъ покрывается голова и часть стана; кожаный поясъ, украшенный серебряными монетами въ 3 ряда,—вотъ неудобный и некрасивый костюмъ мѣстной женщины. (Между монетами, служащими для украшеній, изрѣдка попадаются персидскія, относящіяся ко временамъ Надиръ-Шаха.)—Женщины въ Саровѣ отличаются красотой и изяществомъ формъ, но татарскій костюмъ, передѣланный нѣсколько на армянскій ладъ, придаетъ имъ непривлекательный видъ.

Въ настоящее время молодыя дѣвушки, въ своихъ костюмахъ, начинаютъ подражать городскимъ армянкамъ.

У татаръ также заимствованы мужскія и женскія имена; изъ мужскихъ именъ, напр.: *Бехбудъ, Кара, Касумъ, Атакиши, Агъ-огланъ* и т. д.; изъ женскихъ—*Чичагъ, Язюль, Балаханумъ, Гюламбургъ* и т. д. Священники, при крещеніи, даютъ дѣтямъ христіанскія имена, но матерямъ это не нравится, и онѣ замѣняютъ ихъ татарскими. Рассказываютъ, что 40 или 50 лѣтъ тому назадъ въ Саровѣ всѣ, кромѣ священниковъ, говорили по-татарски и ходили съ выбритой головой. При встрѣчѣ съ татаринкомъ изъ окрестнаго селенія, саровецъ всегда любезно здоровадается съ нимъ, называя его „кирва“, т. е. кумъ, и обращается къ нему съ самыми ласковыми выраженіями, въ родѣ слѣдующихъ: „добро пожаловать; гдѣ былъ по сіе время? здравствуютъ ли жена и дѣтки?“ и т. п. Такимъ образомъ, оба они обмѣниваются любезностями, выражаемыми на цвѣтистомъ татарскомъ языкѣ. Отъ татаръ заимствованъ также обычай *похищенія* невесты изъ родительскаго дома, если родители не соглашаются выдать свою дочь за извѣстнаго молодца, а дочь, напротивъ, намѣрена выйти за него.

Во всѣхъ почти армянскихъ селеніяхъ, въ день Вознесенія (*Амбарцумъ*), дѣвушки ходятъ по домамъ съ букетами дивныхъ цвѣтовъ, которые мѣняютъ на масло, крупу, куръ и др. съѣстные припасы. Обошедши всѣ дома, онѣ выбираютъ

удобное мѣсто, гдѣ, изъ собранныхъ припасовъ, готовятъ себѣ кушанья, которыя тутъ же и ѣдятъ.

Послѣ этого, дѣвушки садятся на землю, составляя кругъ, и хоромъ поютъ армянскія пѣсни; по окончаніи каждаго куплета, сидящая по срединѣ дѣвушка вынимаетъ изъ закрытой чашки жребій, по которому и гадаютъ. Въ Саровѣ же этотъ дѣвичій праздникъ совершается въ продолженіе Преображенскаго поста (*Վարդապետի օրերն*), причеиъ мѣстныя дѣвушки поютъ пѣсни только на татарскомъ языкѣ.

Какъ мужчины, такъ и женщины здѣсь проникнуты религиознымъ духомъ, къ сожалѣнію, часто переходящимъ въ суевѣріе. Всякую болѣзнь они приписываютъ волѣ Бога; а къ *рукописнымъ евангеліямъ* первыхъ вѣковъ христіанства, хранящимся при мѣстной церкви, относятся, какъ къ сокровищамъ, ничѣмъ незамѣнимымъ. Саровецъ съ искренней вѣрой несетъ больного ребенка на поклоненіе св. евангеліямъ. Войдя въ церковь, онъ становится на колѣни и со страхомъ и благоговѣйнымъ ужасомъ приближается къ глубоко-чтимой святынѣ, прикладываетъ къ ней лицомъ, цѣлуетъ кивотъ самъ и заставляетъ больного послѣдовать его примѣру. Позднѣе онъ внушаетъ дѣтямъ почитаніе св. евангелія и религиозный къ нему страхъ. Въ праздники стекаются сюда богомольцы, даже изъ отдаленныхъ армянскихъ селеній, зажигаютъ восковыя тоненькія свѣчи и прикрѣпляютъ ихъ къ стѣнѣ, у которой находится кивотъ съ евангеліями. Между богомольцами бываютъ также больные. Выздоровѣвъ отъ чудотворной силы евангелій, больной приноситъ, въ знакъ искренней благодарности святынямъ, въ жертву жирнаго барана, мясомъ котораго пользуются нищіе, а кожа, съ нѣкоторыми жирными кусками, достается священнику.

Если же болѣзнь продолжается долго, то отецъ больного, по настоянію матери, беретъ его и является къ мѣстному знахарю, толкователю воли святыхъ (?). Этотъ знахаръ начи-

наеть перелистывать какую-то (?) священную книгу, въ которой, по мнѣнію родителей, дѣйствительно, есть что-нибудь относительно болѣзни ихъ дитяти. Но напередъ знахарь освѣдомляется у родителей, въ какой именно день захворало ихъ дитя, предупреждая, что, если болѣзнь явилась въ пятницу, то она неизлѣчима, такъ-какъ Спаситель въ этотъ день былъ распятъ на крестѣ.

Родители съ нетерпѣніемъ ждутъ рокового отвѣта отъ своего мудраго доктора, который долженъ приговорить ихъ ребенка къ жизни или къ смерти. Въ первомъ случаѣ знахарь подаетъ родителямъ надежду, что ихъ больной выздоровѣетъ. При этомъ онъ пишетъ на трехъ клочкахъ бумаги разныя молитвы и требуетъ отъ родителей, чтобы они, по возвращеніи домой, тотчасъ же зарыли одинъ клочокъ бумаги въ землю, предъ входомъ въ комнату, у самаго порога: этимъ и зарывается болѣзнь въ землю; чтобы другой клочокъ бросили въ стаканъ воды и дали пить больному, что и поможетъ, если болѣзнь произошла отъ страха, и чтобы, наконецъ, третій клочокъ пришили къ архалуку, для предупрежденія впредь могущихъ случиться болѣзней. Одинъ случай выздоровленія достаточно, чтобы слухъ объ искусствѣ и опытности знахаря распространился по окрестнымъ селеніямъ, не исключая и татарскихъ. Такое широкое поприще для дѣятельности знахарей открываетъ неграмотность саровцевъ,—во всемъ селеніи, не найти и четырехъ грамотныхъ.

Однако нормальное училище, открытое 17 октября 1885 г., общаетъ дать саровцамъ грамотныхъ людей. Въ Саровскомъ сельскомъ училищѣ теперь обучаются грамотѣ 36 мальчиковъ, изъ которыхъ 35 армянъ, а 1 русскій.

Смотритель Саровскаго однокласснаго училища,
Николай Григоровъ.

Село Саровъ.
1886 г.

СТАНИЦА БЕСЛЕНЕЕВСКАЯ,

Кубанской области, Майкопскаго уѣзда.

Основаніе и мѣстоположеніе станицы.

Ст. Бесленеевская расположена въ глубокомъ ущельи лѣсистыхъ хребтовъ. Эта небольшая станица заселена въ 1861 году, 22 августа, исключительно казаками-охотниками, перешедшими сюда изъ трехъ станицъ Кубанской же области: *Барсуковской, Темнолѣсской и Татарской.*

Въ виду положенія ея, между двухъ отроговъ Кавказскаго горнаго хребта, она первоначально была названа *Промежуточною*, но чрезъ два-три года получила теперешнее свое названіе, по имени жившихъ здѣсь черкесскихъ обществъ, занимавшихъ 15 ауловъ, построенныхъ одинъ возлѣ другого, въ видѣ небольшихъ крѣпостей, и находившихся въ полной зависимости отъ бесленеевскихъ князей: *Кануковыхъ и Шалоховыхъ.*

Станица занимаетъ правильный четыреугольникъ, приблизительно въ $1\frac{1}{2}$ кв. версты; вдоль и поперекъ она перерѣзана улицами и переулками, и поэтому раздѣлена на правильные четыреугольные кварталы.

Мѣстоположеніе станицы довольно живописное: оно представляетъ роскошную долину, съ сѣвера и юга обставленную лѣсистыми хребтами. На горизонтѣ рисуется смѣшанный лиственный лѣсъ, довольно густой и рослый, могучіе стволы котораго чернѣютъ на золотисто-прозрачной зелени орѣшниковъ;

поднимаясь выше, они стройно рисуются на ясной лазури и раскидывают шатромъ свои широкіе узловатые сучья. Горныя поляны и курганы, высоко поднимающіе свои конусообразныя и куполовидныя вершины, дополняютъ эту картину природы. Восточная сторона долины, пріотившей станицу, выходитъ въ открытое поле, которое, чѣмъ дальше, тѣмъ больше расширяется, и совершенно теряется въ долинѣ р. *Лабы*, уже соединившейся изъ *Малой* и *Большой* Лабы въ одну рѣку.

Кромѣ кургановъ естественныхъ, воздвигнутыхъ природою, здѣсь встрѣчается много кургановъ и искусственныхъ, насыпныхъ. Нѣкоторые изъ такихъ кургановъ-памятниковъ, выдающихся по своей величинѣ, въ 1870 году, подъ руководствомъ подполковника Каменева (нынѣ умершаго), раскопаны, и въ нихъ найдены серебряныя чашки, по формѣ и величинѣ похожія на чайныя, полоскательныя чашки, серебряныя кольца, мѣдныя монеты и оружіе. Всѣ эти предметы, какъ передаютъ мѣстные жители, тогда же были отправлены въ Петербургъ.

До 1865 года, т. е. до окончательнаго покоренія Западнаго Кавказа, жителямъ станицы пришлось перенести много бѣдствій, вслѣдствіе постоянной борьбы съ хищными черкесами, совершавшими на этотъ уголокъ частые набѣги, сопровождавшіеся убійствами, воровствомъ и т. п. Съ окончательнымъ же замиреніемъ неповорныхъ горцевъ, грабежи, воровства и убійства стали прекращаться, и въ настоящее время случаи крупнаго воровства, сравнительно, рѣдки.

Мѣстоположеніе, занимаемое станицею со всѣми земельными угодьями, граничить: съ востока съ землею станицы *Переправной*, съ юга—ст. *Псебайской*, съ запада—ст. *Баговской* и съ сѣвера—ст. *Губской*.

Орошеніе и климатъ.

Орошеніемъ ст. Бесленевская весьма богата. Здѣсь, у

подножья сѣвернаго отрога, течеть горная рѣчка *Ходзь*; она вытекаетъ изъ главнаго Кавказскаго хребта. Эта рѣчка вьется чрезвычайно прихотливо, ползеть змѣей, ни на полверсты не течеть прямо и, въ иныхъ мѣстахъ, съ вершины высокаго холма, видна не болѣе, какъ сажень на 10, съ своими садами и огородами, окруженными раkitникомъ, ольхою, дикими грушами и яблонями. Она впадаетъ въ бурную Лабу. Небольшіе горные ручейки, пробираясь чрезъ скалы, въ лѣсахъ впадаютъ въ *Ходзь*. Дубовые вусты разрослись по скатамъ овраговъ; около родниковъ зеленѣеть короткая бархатная травка; солнечные лучи почти никогда не касаются ихъ холодной, серебристой влаги.

Весною, во время сильныхъ дождей, р. *Ходзь* дѣлается до того многоводною, что переѣхать тогда чрезъ нее нѣтъ никакой возможности. Если кто и дерзнетъ переѣхать, то или послѣднюю свою животину утопитъ, или самъ утонетъ. Подчинить себѣ эту бурную рѣчку рѣшительно не удастся, такъ какъ она постоянно протестуетъ противъ желанія жителей перекинуть чрезъ нее прочный мостъ, и разрушаетъ всѣ попытки сковать ея берега.

Климатъ здѣсь умѣренный и здоровый. Зимы, относительно, умѣренныя. Весна наступаетъ быстро; рѣвки вскрываются въ концѣ марта; почки на деревьяхъ развертываются въ концѣ того же мѣсяца или въ началѣ апрѣля, но утренніе морозы бываютъ до 1 мая. Лѣто здѣсь, относительно, жаркое. Первые морозы бываютъ въ первыхъ числахъ октября.

Весною идутъ частые дожди, но—когда установится хорошая погода, бесленеевцы наслаждаются ею.

Флора.

Познакомившись съ орошеніемъ и климатомъ станицы, посмотримъ теперь, какова ея флора и фауна.

Лѣсовъ здѣсь еще много. Изъ лѣсныхъ породъ болѣе

всего распространены *черная ольха, чинарь, дубъ и ясень*. Черная ольха идетъ на мощеніе половъ, на выдѣлку ульевъ для пчелъ и столовую посуду; дубъ и чинарь—на постройку. Прежде здѣсь были обширные и годные для постройки дубовые лѣса, но въ послѣднее время годнаго дубоваго лѣса остается мало. Липа встрѣчается только отдѣльными эземплярами, въ большихъ скалистыхъ трупцобахъ, и подвергается безпощадному истребленію.

Изъ кустовыхъ породъ преобладаютъ *крушина* и *ортъшникъ*; послѣдній употребляется на обручи и плетни.

Изъ плодовыхъ деревьевъ находятся *груши, яблони, алыча, кизиль* и *черешня*,—послѣдней очень мало: она, подобно липѣ, подвергается сильному уничтоженію.

Луговая и полевая растительность разнообразна. Тамъ, гдѣ почва глубже, развиваются богатыя кормовыя травы. По скатамъ овраговъ встрѣчаются цѣлыя площади, покрытыя роскошными кормовыми злаками. Но съ этими злаками перемѣшиваются и сорныя травы.

Фауна.

Изъ хищныхъ животныхъ въ лѣсахъ водятся волки, медвѣди, барсы, дикія свиньи, кошки, лисицы, а также олени, козы и джейраны.

Здѣшніе грызуны—зайцы и мыши. Дичи (перепелокъ, куропатокъ) мало.

Изъ пресмыкающихся—много гадюкъ. Не зная отличія ядовитыхъ змѣй отъ не-ядовитыхъ, жители безъ разбора преслѣдуютъ всѣхъ, не щада даже безобидныхъ лягушекъ и ящерицъ, въ увѣренности, что, за истребленіе того или иного изъ пресмыкающихся, будетъ отпущено извѣстное количество грѣховъ.

Изъ рыбъ въ рѣкахъ водятся *форель, головень, усачъ, чернопузъ, пискаръ, рыбацъ* и *плотичеа*.

Въ лѣсахъ водятся дикія или одичалыя пчелы.

Вредныхъ насѣкомыхъ не особенно много. Слѣдуетъ упомянуть, какъ о вредныхъ, для сельскаго хозяйства, *слизняхъ*.

Такова природа ст. Бесленевской. Нельзя сказать, чтобы она была скудна „дарами“, но дѣло въ томъ, что дары эти не имѣютъ прямого отношенія къ земледѣлю, составляющему главное занятіе жителей. Почва же, съ которою приходится населенію имѣть дѣло, не отличается хорошимъ качествомъ и не вознаграждаетъ всѣхъ его трудовъ. Глубина пахотнаго слоя, въ иныхъ мѣстахъ, не превышаетъ четырехъ вершковъ, тогда-какъ кормовыя травы нуждаются въ слоѣ, чуть ли не вшестеро болѣе, глубокомъ. Подъ почвою часто попадаются камни значительныхъ размѣровъ и сильно затрудняютъ обработку полей.

Хозяйственная обстановка.

Постройка вся деревянная. Окна у домовъ выходятъ на улицу. Крыши соломенные, и только 8 домовъ во всей станицѣ покрыты желѣзомъ. Полы внутри попадаютъ рѣдко: ихъ замѣняетъ земля. Внутреннее расположеніе домовъ почти одинаково: направо отъ входа печь, налѣво деревянный поставецъ. Передъ переднимъ угломъ помѣщается обыкновенный простой столъ, о четырехъ ножкахъ; надъ столомъ, въ углу, образа, на украшеніе которыхъ обращается главное вниманіе: изображенія святыхъ вставляются въ божницу съ рѣзьбою; ихъ покрываютъ большими полотенцами, съ цвѣтными узорами по краямъ. Отъ передняго угла, вдоль стѣны, направо и налѣво, положены длинныя доски, замѣняющія стулья. Кровати имѣются только у богачей, а у другихъ ихъ замѣняетъ особый помостъ, между печью и стѣною, аршина на $1\frac{1}{2}$ отъ земли. Пространство между помостомъ и землею забирается иногда досками и служитъ для храненія разныхъ вещей. На стѣнахъ кое-гдѣ вбиты гвозди, для вѣшанія платья.

Кромѣ дома, принадлежность почти каждаго двора со-

ставляетъ амбаръ, гдѣ устраиваются закромы для хлѣба; тутъ же помѣщаются и сѣстные припасы, платье, сбруя, словомъ, большая часть имущества. Хлѣвъ состоитъ иногда изъ простого навѣса, обнесеннаго плетнемъ. Между этими постройками устраивается погребъ. Зимой здѣсь хранятъ завяшенную капусту, бураки, картофель и проч.

Кушанья просты и разнообразны. Хотя счетомъ ихъ много, но, большею частью, эти блюда похожи, одно на другое. Обычную пищу составляютъ щи, пироги, каша, баранина. Необходимую принадлежность стола составляетъ свиное сало. Безъ сала и свинины не разговляются.

Домашняя утварь также невзрачна, какъ и самое жилище. Она состоитъ изъ вещей первой необходимости. Столовая посуда почти вся деревянная. Кушанья варятся обыкновенно въ чугунахъ. Глиняная же посуда служитъ для молочныхъ *скоповъ*. Тарелки и вилки есть только у зажиточныхъ людей, да и тѣ держать эти вещи для торжественныхъ случаевъ—для угощенія священника, атамана и т. п. Признакъ стремленія къ комфорту представляетъ распространеніе самоваровъ, которые, въ качествѣ предметовъ декоративныхъ, выставляются въ домѣ на болѣе видномъ мѣстѣ.

Праздничная одежда, головные уборы и обувь весьма изысканны. Мужчины носятъ на головахъ курпейчатая папахи, съ красными верхами. Одеждою у нихъ служатъ черкесска и полушубокъ, одинаковаго покроя съ черкесскою; подъ черкесску надѣваютъ бешметъ; бѣлье составляетъ ситцевая, въ праздники, и холщевая, въ будни, рубаха. Обувь—сапоги; лѣтъ 15 тому назадъ казаки носили *чуваки* и *ноговицы*. Специально, женская одежда состоитъ изъ юбки или платья и верхняго пальто или шубы. Головной уборъ у дѣвушекъ составляютъ цвѣты и ленты, вплетенныя въ косы; головы покрываются платками. Замужнія женщины носятъ на головахъ *шлычки*, въ родѣ чепчика. Въ бѣдныхъ семействахъ одна и та же

одежда служить нѣсколькимъ членамъ семейства: надѣваетъ ее тотъ, кому нужно выйти на гулянье. Въ будни какъ мужчины, такъ и женщины одѣваются въ простые суконные зипуны, обуваются въ сапоги или башмаки, съ ушками назади, — зимою, а лѣтомъ, преимущественно, женщины, ходятъ босме, въ однѣхъ рубахахъ, безъ верхняго платья. Въ послѣднее время сюда стали проникать „моды“. Женскій полъ сталъ увлекаться ситцами: въ его нарядѣ дѣлается замѣтною пестрота.

Занятія жителей; нѣкоторыя физическія и нравственныя черты населенія.

Земледѣліе для жителей есть исключительное занятіе, а, между тѣмъ, земледѣліе, по причинѣ плохой почвы, находится далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Лучшіе урожаи здѣсь бывають въ сухое лѣто, а въ дождливое въ хлѣбахъ быстро вырастають сорныя травы и приваливають ихъ къ землѣ, вслѣдствіе чего хлѣбныя зерна получаютъ плохо налитыми, а иногда и совсѣмъ пустыми.

Въ зимнее время жители занимаются рубкою лѣса и выжиганіемъ углей, каковыя предметы сбываютъ въ зажиточныхъ станицахъ; состоятельные продають на деньги, а бѣдные промѣнивають на хлѣбъ.

Землю обрабатываютъ на волахъ. Поля воздѣлываются плугомъ и боронятся боронами. Хлѣбъ жнутъ серпами, лишь горохъ и фасоль снимають руками.

Изъ хлѣбныхъ растеній разводятся рожь, пшеница, просо, ячень и овесъ. Пшеница составляетъ главное растеніе. Овесъ и ячень разводятся въ количествѣ, необходимомъ для собственнаго обихода. Разводится греча, дающая, какъ непритливое къ почвѣ растеніе, превосходные урожаи, а также горохъ и фасоль.

Несмотря на вольныя пастбищныя мѣста, скотоводство здѣсь развито плохо. Главное вниманіе жителей обращается

на приобретёніе лишь воловъ, необходимыхъ для работы, и коровъ, въ количествѣ, необходимомъ для собственнаго обихода. Причину плохого развитія скотоводства жители объясняютъ воинскою повинностью. Казаки, кромѣ неспособныхъ носить оружіе, обязательно всѣ служатъ и снаряженіе приобретаютъ на собственные средства, такъ-что, при отправкѣ на службу, большинству изъ нихъ приходится сбывать, для приобретёнія обмундировки, лошадей и сбруи, иногда послѣднюю скотину и даже домъ. Часто при домахъ, у людей, вообще одинокихъ, остаются или престарѣлые родители казака, или молодая жена съ кучею малыхъ дѣтей, безъ рабочихъ рукъ, и, такимъ образомъ, хозяйство, оставляемое казакомъ, при выкомандированіи его на службу, не увеличивается, а совершенно проживается и уходитъ на пропитаніе беспомощной семьи. Иногда, возвращаясь послѣ 5—6 лѣтней службы, казакъ зачастую не находитъ не только своего хозяйства, но и самой жены.

Бесленеевцы рано развиваются и медленно старѣются. Кожа у нихъ гладка и чиста. Они весьма рѣдко страдаютъ тѣлесными недостатками, крѣпко и стройно сложены, видъ имѣютъ бойкій, смѣлый и отважный. Умственные способности ихъ находятся въ совершенной гармоніи съ физическою природою.

У бесленеевцевъ есть и крупные недостатки: они склонны къ воровству и любятъ пьянствовать. Предметомъ воровства служить, главнымъ образомъ, домашній скотъ. Что же касается другого порока—пьянства, то оно представляетъ общій недостатокъ людей, стоящихъ на низкой ступени образованія.

Вѣрованія, повѣрья и праздники.

Въ религіозномъ отношеніи здѣшнее населеніе проявляетъ великое усердіе, но къ его религіознымъ понятіямъ примѣшиваются суевѣрія, обломки язычества. Оно вѣритъ, что нѣкоторые люди обладаютъ сверхъестественною силою:

таковы *чаровники*, или чародѣи. Это люди, дѣлающіе зло другимъ, какъ, наоборотъ, знахари и знахарки—люди, помогающіе отъ чародѣйства и дурного глаза. Кроме того, есть еще *ворожки*, или *ворожебиты*, предугадывающіе будущее, открывающіе потерянные или похищенные вещи. Вѣра въ порчу чуть ли не всеобща. Ненормальные явленія въ жизни: потеря здоровья, дурное поведеніе, разладъ съ семьей, часто объясняются порчей. Запилъ казакъ горькую—испортили; женили молодого парня на *нелюбь*, пришлось по душѣ другая, съ женой пошло худо—тоже испортили; приключилась падучая болѣзнь, чахотка, даже лихорадка, опять—порча. Свадьба, по мнѣнію мѣстнаго населенія, почитается единственнымъ и самымъ удобнымъ случаемъ всѣмъ ворожеямъ и колдунамъ выказывать свое умѣнье въ порчѣ людей, особливо жениха и невѣсты. Поэтому-то будущіе супруги, во время совершенія обряда бракосочетанія и въ продолженіе всего свадебнаго празднества, принимаютъ противъ порчи разныя предосторожности: женихъ, напримѣръ, набиваетъ карманы *святимъ* (?) макомъ, навѣшываетъ на крестъ наговоренную знахаремъ соль; невѣста навальываетъ булавокъ въ платокъ и платье, влетаетъ въ косу *богородскую* травку и пр. Самое же главное и вѣрное средство противъ порчи и, вообще, всякаго колдовства есть, по мѣстному понятію, приглашеніе знахаря на свадьбу. Этого знахаря въ свадебной братчинѣ вы сейчасъ можете угадать по его чванству, важничанью и тому уваженію, которое ему оказываютъ. Знахарь, съ своей стороны, не пропуститъ случая заявить значеніе своего важнаго достоинства: на пути къ вѣнчанію онъ всячески величается, бросаетъ съ себя шапку, поясъ, *газыри*—все это стараются поднять и съ почтеніемъ подать ему; или—останавливая однимъ мгновеніемъ поѣздъ среди дороги, требуетъ себѣ водки. Знахарь, положительно, почитается душой всей свадьбы и повелѣваетъ всѣмъ поѣздомъ. Онъ, въ ви-

дахъ предосторожности противъ порчи, въ домъ идетъ всегда первымъ, нашептывая разныя разности; послѣ вѣнчанія онъ самъ усаживаетъ молодыхъ за столъ, помѣщается съ ними рядомъ въ передній уголъ и прибаутками и обиняками дѣлаетъ угрозы тому, кто осмѣлился бы подшутить надъ его *княземъ со княгинею*.

Суевѣрія примѣшиваются и къ праздникамъ. Такъ, языческой обычай колядованія, уже давно исчезнувшій во многихъ мѣстахъ, здѣсь упорно держится.

О Рождествѣ ходятъ поздравлять съ праздникомъ малые ребята и при этомъ читаютъ *рацеи*, въ родѣ слѣдующихъ:

Я, маленький хлопчикъ,	Христа забавляю,
Взлѣзъ на столбчикъ;	А хозяина съ хозяйшкой
У дудочку играю —	Съ праздникомъ <i>поздравляю</i> .

Считая работу въ это время недозволенною, народъ проводитъ время въ развлеченіяхъ и игрищахъ и задаетъ „пиръ на весь міръ.“ По вечерамъ устраиваются кулачные бои; они обыкновенно начинаются 10-лѣтними мальчиками и увлекаютъ даже стариковъ, лѣтъ за 45. Выходятъ „край на край“, т. е. одна половина станицы—на другую. *Кулачки* (бои) бывають на столько ожесточенны, что многіе изъ участниковъ уходятъ безъ цѣлаго ряда зубовъ или съ разбитыми головами.

На святкахъ устраиваются такія же *ряженья* въ „козу“ и гаданья, какъ и въ другихъ мѣстахъ. Козу изображаетъ кто-нибудь, вырядившійся, въ овчинный кожухъ, на изнанку, съ козлиными рогами на головѣ. Гаданья начинаются еще съ *сочевника* (сочельника). Такъ, дѣвушки, выйдя на улицу, прислушиваются, откуда несется лай собакъ, и заключаютъ: съ той стороны, откуда онъ слышится, придетъ суженый и т. п.

Канунъ новаго года носитъ названіе *щедраго вечера*, или щедрыхъ колядокъ, такъ-какъ весь этотъ день проводится, исключительно, въ ѣдѣ всевозможныхъ кушаній, между которыми первое мѣсто занимаютъ *вареники*.

Наканунѣ праздника Крещенія Господня ни старый, ни малый не возьметъ никакой пищи, не выпивъ предварительно святой воды. Но, такъ-какъ народъ привыкъ къ ранней ѣдѣ, то для того, чтобы поскорѣе приступить къ ней, въ каждой семьѣ сохраняется немного св. воды отъ прошлаго года. Въ случаѣ, если запасъ крещенской воды не сохранится до сего времени, достаются съ божницы образа и обмываются чистою водою, которая послѣ этого считается одинаковою съ крещенскою, почему ее и пьютъ вмѣсто послѣдней.

Въ празднествахъ наступаетъ перерывъ до масленицы. Масленица справляется очень широко и весело.

Съ наступленіемъ Великаго поста прекращается веселье и разгулъ. Праздники, бывающіе въ этомъ посту, проводятся съ подobaющею степенностью.

Въ Вербное воскресенье считается неперемѣннымъ условіемъ побывать въ церкви хоть одному члену семейства, чтобы получить освященную вербу.

На Страстной недѣлѣ особымъ значеніемъ пользуется четвергъ. Въ Великій четвергъ мѣстные жители считаютъ своею неперемѣнною обязанностью, еще до свѣта, вымыться въ банѣ. Многіе купаются еще въ замерзшей рѣкѣ, думая получить за это отпущеніе грѣховъ.

Свѣтлое Воскресеніе проводится въ скромныхъ развлеченияхъ, посѣщеніяхъ другъ друга и играхъ. Увеселеніемъ въ это время служатъ „рели“, т. е. качели. Къ качелямъ собираются дѣвушки и молодыя замужнія женщины и *водятъ* хороводъ.

На Өоминой недѣлѣ справляютъ радоницу (радуницу) — поминовеніе усопшихъ родныхъ.

Въ Духовъ день всѣ дома украшаются зеленью. Въ этотъ же день празднуется семикъ. *) Дѣвицы въ семикъ отправляютъ

*) Семикъ, обыкновенно, справляется въ четвергъ, предъ Троицей.

ся въ лѣсъ и завиваютъ вѣнки; съ вѣнками на головахъ и вѣтвями въ рукахъ, собираются гдѣ-нибудь въ лѣсу, вокругъ небольшого деревца, и водятъ хороводы. Деревцо украшаютъ вѣнками, лентами, одѣваютъ его въ женское платье и поютъ въ честь праздника пѣсни, причемъ двѣ изъ дѣвицъ, обойдя три раза вокругъ деревца, мѣняются бусами или крестиками, цѣлуются до трехъ разъ и послѣ этого называются *кумушками*, до слѣдующаго года. Такая церемонія кумовства, въ одномъ и томъ же порядкѣ, продолжается до тѣхъ поръ, пока не покумятся всѣ дѣвушки. Послѣ этого дѣвушки собираются въ какомъ-нибудь, заранѣе ими избранномъ, домѣ. Туда приходятъ парни, и начинаются игры и танцы, а затѣмъ, слѣдуетъ угощеніе, въ видѣ добраго обѣда, и обильная выпивка. Такъ празднуется въ Бесленеевской семикѣ. Хотя въ Бесленеевской и донинѣ соблюдаются эти игры, хороводы и обряды, но народъ совершенно не имѣетъ никакого понятія о прежнемъ значеніи праздника и веселится въ семикѣ только потому, что въ этотъ день веселились его предки.

Канунъ Иванова дня („Ивана-Купалы“) также соединяется съ повѣрьями и обрядами языческаго характера. Такъ, напримѣръ, населеніе вѣритъ, что ровно въ полночь на Ивановъ день расцвѣтаетъ папоротникъ, съ которымъ можно овладѣть, какимъ угодно—кладомъ.

Другіе праздники уже не сопровождаются никакими особыми обрядами.

Кромѣ общихъ годовыхъ церковныхъ праздниковъ, существуютъ еще праздники мѣстные, храмовые и праздники семейные: родины, крестины и браки.

Родины и крестины.

Особымъ характеромъ отличаются праздники семейные—родины и крестины, при которыхъ соблюдаются разныя церемоніи.

Лишь только младенецъ появится на свѣтъ Божій, повивальная бабка немедленно заставляеть отца новорожденнаго принести водки для „родихи“. Послѣдняя, по настоянію бабки, должна непремѣнно выпить добрую рюмку и основательно закусить, чтобы подкрѣпить упавшія силы. Затѣмъ родиха повергается въ теплую ванну и находится въ ней иногда до обморочнаго состоянія. Въ день „крестьбинъ“ воспріемники, съ ними и повитуха, несутъ младенца въ церковь для совершенія надъ нимъ таинства крещенія. Послѣ крещенія, кумовья возвращаются съ младенцемъ къ родильницѣ и поздравляютъ ее. Послѣ того, а иногда чрезъ нѣсколько дней, слѣдуетъ обѣдъ. Въ концѣ обѣда кумâ даритъ своего кума платочкомъ, а тотъ, въ свою очередь, отдариваетъ ее деньгами, смотря по стоимости предложеннаго ему подарка. Потомъ дарятъ младенца: повитуха держитъ надъ столомъ большую деревянную тарелку, съ двумя пустыми водочными стаканами; эти стаканы наполняются водкою отцомъ новорожденнаго, и, затѣмъ, та же повитуха преподноситъ ихъ, съ особымъ почтеніемъ, сначала куму и кумѣ (воспріемникамъ младенца), а потомъ и всѣмъ остальнымъ гостямъ. Выпивъ эту водку за здоровье младенца, каждый обязательно долженъ бросить на тарелку нѣсколько копеекъ въ пользу новорожденнаго; но кума, въ этомъ случаѣ, составляетъ исключеніе: она, вмѣсто денегъ, кладетъ на тарелку кусокъ личнаго мыла и нѣсколько аршинъ ситцу. Этимъ и заканчиваются крестьбины. Бесленевцы любятъ угощать и угощаться на крестивахъ, и устраиваемые при этомъ обѣды бывають иногда лучше свадебныхъ. Обильная выпивка и разнообразныя яства составляютъ непремѣнную принадлежность стола.

Брань.

Большими церемоніями, какъ вездѣ и всюду, сопрово-

ждается заключеніе браковъ. Женитьба молодыхъ людей совершается, преимущественно, осенью; весною-же свадьбы здѣсь рѣдки. Задумавъ женить сына, родители выбираютъ для этого подходящаго свата. Такъ-какъ обязанность свата весьма важна, и отъ находчивости и ловкости его зависитъ исходъ дѣла, то въ сваты избирается всегда человѣкъ опытный, пожилой, но и не старый—лѣтъ за сорокъ: человѣкъ молодой не можетъ пользоваться тѣмъ почтеніемъ, которое прилично такому лицу, какъ свать; старый же не въ силахъ исполнить довольно сложныя и трудныя обязанности, соединенныя съ положеніемъ свата. Кромѣ того, отъ свата требуется трезвость, почетъ среди сосѣдей, живость характера и бойкость рѣчи.

Придя въ домъ неvěсты и поздоровавшись, свать и его помощники заводятъ рѣчь обиняками, обращаясь къ неvěстину отцу:

— „У тебя, братъ, есть товаръ—леденецъ,

А у насъ есть купецъ—молодецъ!“ и проч.

Неvěста въ это время, обыкновенно, скрывается. Если-же дѣло пойдетъ на ладъ, то, по требованію родителей, неvěста является въ домъ, и ее спрашиваютъ, согласна ли она выйти замужъ за извѣстнаго молодца. Вопросы эти предлагаются ради одной лишь формы или приличія, такъ-какъ неvěста должна быть всегда покорна волѣ своихъ родителей. Много браковъ, по этому, встрѣчается несчастныхъ: мужъ и жена не любятъ другъ друга, и жена, наконецъ, уходитъ, чтобы избавиться отъ нелюбимаго мужа. Какъ только высватаютъ неvěсту, въ тотъ же вечеръ, женихъ долженъ созвать всю родню, какъ свою, такъ и неvěстину (а родни этой нерѣдко бываетъ 30—40 человѣкъ), и угостить всѣхъ водкой, какъ можно лучше, т. е. напоить до-упаду, иначе угощеніе сочтется за неполное, и поставится въ вину жениху и его родителямъ, а это можетъ поселить раздоръ между семьями и даже разладить сватов-

ство. Это только начало, которое носить названіе „сводовъ.“ На сводахъ-же заключаются и словесныя условія между родителями жениха и невѣсты относительно *выговора*. Выговоромъ называется сумма въ 15—20 р., которую женихъ долженъ выдать родителямъ невѣсты, для пріобрѣтенія ей приданаго. Послѣ этого назначаются смотрины въ домѣ у жениха, хотя бы домъ его находился рядомъ съ домомъ невѣсты, — всѣ родственники идутъ въ домъ жениха, конечно, не съ цѣлью осмотра, такъ-какъ и безъ того знаютъ не только домъ, но и все состояніе жениха, а для того, чтобы опять пить водку. На слѣдующій день снова приходятъ къ жениху, подъ предлогомъ опохмелиться. Этимъ дѣло не оканчивается. Самая свадьба, со времени „сводовъ“, отлагается часто недѣли на три, а иногда и на мѣсяць, и, въ продолженіе этого времени, женихъ, обязательно, долженъ являться съ „блюдомъ“ къ невѣстѣ два раза въ недѣлю; тамъ опять водка и всевозможныя угощенія тѣхъ родственниковъ невѣсты, кои были приглашены на „своды“. Съ такими-же „блюдами“ и столько-же разъ въ недѣлю являются и къ мѣстному священнику, но съ тою только разницею, что у послѣдняго никакихъ пооекъ не допускается. Такъ происходитъ до самой свадьбы.

За день до свадьбы здѣсь принято *мѣсить коровай*. Для этой длинной церемоніи избираются нѣсколько „коровайницъ“, во главѣ которыхъ одна заправляетъ всей операціей. Коровай, испеченный у жениха, торжественнымъ образомъ отвозится въ домъ невѣсты и, на второй день послѣ вѣнчанья молодыхъ, раздается гостямъ, которые, получивъ его, благодарятъ молодого князя со княгинею.

Наканунѣ свадьбы устраивается „сговоръ“, сопровождающійся обильною попойкою.

Въ самый день свадьбы производится обрядъ расплетанія косы у невѣсты. Послѣ этого идутъ въ церковь вѣнчаться, а оттуда всѣ отправляются въ домъ къ жениху, гдѣ при-

готовляется богатый обѣдъ. По окончаніи обѣда, невѣста, совместно съ своими подругами, уходитъ къ отцу. Вечеромъ приѣзжаетъ къ ней женихъ въ сопровожденіи дружки и „бояръ“. Онъ останавливается въ сѣняхъ. Только—когда будутъ переданы невѣстѣ его гостинцы, онъ входитъ въ домъ. Затѣмъ слѣдуетъ церемонія выкупа невѣсты. Выкупивъ невѣсту, дружка приступаетъ къ выкупу ея постели у подругъ. Послѣ этой церемоніи, невѣста и ея приданое увозится къ жениху. Тутъ дѣвичій костюмъ молодухи перемѣняется на одѣяніе замужней женщины. Такъ, ей стараются надѣть на голову чепецъ („шлычку“), а она, схвативъ его, бросаетъ подъ ноги, но свахи, подхвативъ, надѣваютъ снова, а потомъ завязываютъ наметву изъ коленкора, длиною аршина въ 4.

На слѣдующій день начинается „круговая попойка“, т. е. хожденіе по дворамъ всѣхъ тѣхъ, которые были приглашены на свадьбу, и это хожденіе по дворамъ продолжается иногда недѣли двѣ. Вотъ почему всякая казачья свадьба, даже самая скромная, требуетъ расхода не менѣе 100 руб. Хотя такой расходъ для казака очень чувствителенъ и вредно отзывается на его благосостояніи, что они и сами сознаютъ, но, въ сожалѣнію, почему-то не хотятъ это уничтожить, чтобы положить преграду пьянству.

Кстати будетъ замѣтить, что наши казаки, часто безъ особой надобности, женятъ своихъ дѣтей въ такомъ возрастѣ, когда имъ еще нѣтъ 18 лѣтъ, испрашивая на это разрѣшеніе мѣстнаго архіерея и неся немалые расходы, потребные на выправку необходимыхъ документовъ, на писаніе просьбъ и проѣзды. А также женятъ и такихъ сыновей, которые состоятъ на очереди и чрезъ годъ, даже чрезъ $\frac{1}{2}$ года должны быть командированы на службу.

На сколько появленіе на свѣтъ ребенка и заключеніе брака составляютъ радостныя событія, на столько кончина является событіемъ печальнымъ. Чувства, испытываемыя при потерѣ

близкаго человѣка его родными, выражаются въ похоронной поэзіи—причитаньяхъ, голошеньяхъ.

Похороны справляются такимъ образомъ. Когда кто-нибудь изъ семьи умретъ, его омываютъ теплою водою, потомъ надѣваютъ на покойника чистое бѣлье и кладутъ на лавкѣ, противъ дверей. Руки умершаго складываютъ одна на другую на груди, а сверху на нихъ кладется небольшой крестикъ, сдѣланный изъ воску. Послѣ этого, покрываютъ покойника бѣлымъ воленкоромъ, кромѣ головы, подъ которую подкладывается небольшая подушка; стороны головы убираются душистыми цвѣтами—васильками и гвоздичкой. Когда, такимъ образомъ, покойникъ убранъ, начинаются причитанья, голошенья. Эти причитанья разнообразятся, смотря по тому, кто скончался—отецъ, мать, дочь... По покойному голосають не только его близкіе родные, но и постороннія женщины, пришедшія изъ другихъ домовъ.

Съ кладбища народъ возвращается въ домъ къ покойнику на обѣдъ. За обѣдомъ прежде всего подается кутья или булка съ медомъ, а за нею кушанья. Если на поминки собирается народу столько, что всѣмъ помѣститься за столами разомъ нельзя, то не помѣстившихся сажаютъ послѣ, продолжая такъ до тѣхъ поръ, пока не накормятъ всѣхъ пришедшихъ на поминки.

Память умершихъ здѣшніе жители чтутъ очень сильно, и извѣстные дни въ году посвящаютъ спеціально воспоминанію усопшихъ предковъ.

Церковь.

Въ станицѣ есть церковь, сооруженная во имя Св. Николая Чудотворца; при ней построена высокая, красивая колокольня. Церковь обнесена деревянною оградю съ большими воротами на западъ; вся площадка въ оградѣ засажена фруктовыми и простыми деревьями. Изъ чувства религіозности, мно-

гіе прихожане жертвують для церкви иконы и ковры. Лучшія пожертвованія дѣлають казаки; они, служа гдѣ-нибудь въ далекой сторонѣ, возвратившись на родину, всегда дарятъ въ храмъ дорогія иконы и другія церковныя украшенія.

Школа.

Училище здѣсь основано въ 1868 году; собственно училищнаго зданія не было до 1875 года, и школа, разновременно, помѣщалась въ пяти частныхъ домахъ. Въ 1875 году было построено училищное зданіе по нормальному плану, а въ сентябрѣ была открыта въ немъ школа на новыхъ раціональныхъ началахъ и съ болѣе широкой программой. Въ настоящее время въ ней 40 учащихся, отъ 7 до 15-лѣтняго возраста. Обучающіеся приходятъ въ школу чисто одѣтыми, по праздничному, хотя, конечно, этого не требуется; во время занятій ведутъ себя чинно. Бесѣды, чтенія и объясненія по картинамъ изъ св. и русской исторіи привлекають много постороннихъ слушателей. Какъ учащіеся, такъ и родители ихъ и, вообще, все населеніе относятся къ школѣ съ довѣріемъ.

Часто обучающіеся, равно какъ и многіе посторонніе, обращаются къ учителю съ просьбою снабдить ихъ книгами для чтенія на дому; желаніе это постепенно возрастаетъ, но, къ сожалѣнію, въ Бесленевской школѣ выборъ книгъ для чтенія настолько ограниченъ, что просителямъ приходится отказывать, хотя, несомнѣнно, такія книги, какъ, напримѣръ, по земледѣлію, сельскому хозяйству и по гигиенѣ принесли бы населенію пользу.

Занятія въ школѣ начинаются съ 1 сентября и оканчиваются 1 іюня.

Пѣсни.

Бытовыхъ пѣсенъ, относящихся къ различнымъ сторонамъ жизни, здѣсь очень много. Между этими пѣснями большой инте-

ресь представляют свадебныя. Каждому періоду длинной, связанной съ многочисленными обрядностями, брачной церемоніи соотвѣтствуетъ особый циклъ пѣсенъ. Такъ, существуютъ пѣсни, относящіяся къ сватовству, заручинамъ, печенію коровая, выгупу невѣсты; есть пѣсни, распѣваемые при расплетаніи косы, при поѣздкѣ молодыхъ въ церковь и назадъ; есть пѣсни застольныя. Темой этихъ пѣсенъ служатъ всѣ тѣ обстоятельства, которыя связываются съ брачными церемоніями, а также чувства невѣсты, расстающейся съ прежнею семьею и вступающей въ новую. По принятому обычаю, невѣста, при такомъ разставаніи, должна оплакивать свою судьбу, хотя-бы выходила замужъ по любви—таковъ уже обычай. Впрочемъ, невѣста, обыкновенно, выражаетъ горькія чувства болѣе по поводу того, что ее ожидаютъ разнаго рода притѣсненія не со стороны мужа, а его родни: мужъ, можетъ быть, и милъ ея сердцу, но родные его, въ особенности свекровь, могутъ питать къ ней нерасположеніе. Все это выражается въ свадебныхъ пѣсняхъ.

Суровое обращеніе самого мужа не вызываетъ въ молодой такой горечи. Напротивъ, и побои отъ него она выносить безропотно.

Многія женщины даже увѣряютъ васъ, что, если мужъ бьетъ ее—значить, любить. И, дѣйствительно, мужъ бьетъ жену либо изъ ревности, либо съ намѣреніемъ научить добру, либо подъ пьяную руку. Послѣдній случай жена извиняетъ; къ побоямъ второго рода относится съ уваженіемъ; побои-же перваго рода доставляютъ ей даже нѣкоторое пріятное чувство самообольщенія. Принявъ ихъ, она не прочь даже и прихвастнуть предъ своими подругами.

Военныя пѣсни изображаютъ печальную участь казака, отправляющагося на службу. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ рисуется горькое положеніе оставшихся при домѣ стариковъ-родителей или безпомощныхъ женъ съ малыми дѣтьми.

Имѣются также пѣсни духовныя. Но эти пѣсни не могутъ быть, впрочемъ, отнесены къ разряду произведеній чисто народной безыскусственной поэзіи: почти всѣ онѣ сложились подъ вліяніемъ книжной, духовной литературы.

Учитель Николино-Балзовскаго училища,
Ставропольской дирекціи, *Петръ Близилюковъ.*

Ст. Бесленевская.
1887 г.

СЕЛО ГАДРУТЬ,

Елисаветпольской губерніи, Джебраильскаго уѣзда.

I. Названіе села; мѣстоположеніе; археологическіе памятники и границы.

Селеніе Гадрутъ принадлежитъ наслѣдницѣмъ подполковника Мадатова Софіи, по мужу женѣ войскового старшины Мирзоева.

Названіе Гадрутъ персидское; оно состоитъ изъ трехъ словъ: „га-ду-рут“, изъ коихъ „га“ значитъ *между*, „ду“ *два*, „рут“ *рѣка*, т. е. пространство между двухъ рѣкъ, отчего и самое село, по своему мѣстоположенію, получило весьма подходящее названіе Гадрутъ; по-армянски послѣднее переводится или однимъ словомъ „мичагетъ“ (*միջադետ*), или тремя словами „ерку гети мэтъ“ (*երկու գետի մէջ*). Дѣйствительно, по обѣимъ сторонамъ села, текутъ двѣ рѣчки, подъ названіями: Гузей-чай и Гуней-чай, которыя образуются изъ множества источниковъ, принимающихъ свое начало изъ западныхъ горъ: Джанкалаваръ, Форакъ, Кура-булагъ, Флуту, Акенъ-дзоръ и Гасабанъ.

Онѣ, протекая по скалистымъ мѣстностямъ, съ запада на востокъ, порознь, въ концѣ села, подъ Хоръ-Агбюръ, соединяются вмѣстѣ и носятъ одно имя Гозлу-чай; обѣ эти рѣчки, какъ, вообще, горныя рѣчки, по временамъ, отъ талнія снѣговъ и продолжительныхъ проливныхъ весеннихъ и осеннихъ дождей,

разливаются и наносят вредъ домамъ, садамъ и скоту жителей, поселившихся по близости ихъ береговъ. Одинъ изъ гадрутцевъ, бывшій подрядчикъ мѣстнаго штаба, Бегляръ Теръ-Огановъ, рассказывалъ мнѣ, что въ іюнѣ мѣсяцѣ 1876 года, отъ разлива этихъ рѣчекъ наполнился водою нижній этажъ его дома, гдѣ помѣщалась въ то время полковая лавка, отчего онъ потерпѣлъ много убытка; что даже прекратилось на день сообщеніе съ штабомъ, находящимся на другой сторонѣ рѣчки Гуней-чай, куда онъ долженъ былъ доставлять свѣстные продукты.

Гадрутъ, по мѣстоположенію своему, занимаетъ центральное мѣсто и окруженъ слѣдующими деревнями: съ запада—Тасасыръ, Ворнашатъ и Саренъ-шень или Шахахъ, изъ которыхъ первыя двѣ отстоятъ на $\frac{3}{4}$ версты, а послѣдняя на 2 версты; съ юга—Ванъ и Таанъ—на $\frac{1}{2}$ версты; съ юго-востока Норашень на 5 версты; съ востока—Кошбевъ (Кочбекъ), Меликъ-Джанлу и Кара-Колу, изъ коихъ первыя двѣ находятся на разстояніи отъ $1\frac{1}{2}$ —2 версты, а послѣдняя на 7 версты; съ сѣверо-запада—Камракючъ на $\frac{3}{4}$ версты. Населеніе во всѣхъ этихъ деревняхъ армянское, исключая Кара-колу, гдѣ живутъ мусульмане. Гадрутъ, вмѣстѣ съ окрестными десятью деревнями, по мѣстоположенію, составляетъ ущелье, окруженное съ юга, запада и сѣвера горами; оно простирается версты на десять и во всемъ своемъ протяженіи представляетъ, такъ называемую мѣстными жителями, Гозлу-чайскую низменность.—Названіе это произошло отъ орѣховыхъ деревьевъ, которыхъ на всемъ разстояніи ущелья и низменности весьма много.

Изъ археологическихъ памятниковъ и богомольныхъ мѣстъ, находящихся въ Гадрутѣ и въ окрестностяхъ его, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе:

1) Въ нижней части села, къ востоку, находится старое кладбище со старою церковью. На надгробныхъ камняхъ это-

го кладбища нѣтъ никакихъ надписей и изображеній, за исключеніемъ только двухъ камней, на коихъ выбиты кресты.

При раскопкахъ, найдены человѣческія кости, четырехугольные большіе камни и остатки стѣнъ когда-то бывшихъ домовъ, нынѣ покрытыхъ толстымъ слоемъ земли. Отъ церкви остаются однѣ только полуразвалившіяся стѣны и часть свода, тоже безъ надписи; развалины эти, въ настоящее время, обращены въ саманникъ. Никто изъ мѣстныхъ старожиловъ не помнитъ основанія ни кладбища, ни церкви. По древности и неизвѣстности основанія, кладбище это когда-то носило въ народѣ названіе „Крапашти ангстаранъ“ (*қаш-қаштн қашқаштаранъ*), что значитъ *языческое кладбище*, а въ послѣднее время стали его называть „Койна“ или „хияъ ангстаранъ“ (*қашқаштн қаш қаш қашқаштаранъ*), т. е. *старое кладбище*.

2) На восточной сторонѣ села, надъ родникомъ Хорь-Агбюръ, стоитъ многолѣтній, въ три сажени окружности, чинарь, который жители прежде считали святымъ, а потому боялись употреблять засохшія вѣтви его. Упавшіе въ разное время большіе и толстые сучья этого дерева лежатъ подъ нимъ и служатъ скамейками для отдыха усталымъ прохожимъ. По словамъ здѣшнихъ старожиловъ, этому чинару около 300 лѣтъ.

3) Въ сѣверовосточной части села, виднѣется небольшое искусственное возвышеніе, гдѣ, по рассказамъ жителей, въ старину была крѣпость съ башнями. Въ ней когда-то мѣстные жители защищались отъ нападенія непріятелей, а потому народъ, по настоящее время, называетъ ее „Галинь-бантъ“ (*қаш-қаштн бантъ*), что значитъ *входъ въ крѣпость*.

При раскопкахъ, находили и находятъ слѣды старѣхъ стѣнъ и башенъ. 15 апрѣля сего 1887 года я самъ былъ очевидцемъ того факта, что одинъ изъ гадрутцевъ раскопалъ мѣсто въ сѣверовосточной части ея, съ цѣлью стронуть себѣ

домъ, и оказалась довольно длинная и высокая стѣна бывшей крѣпости.

4) Къ югу отъ села, въ двухъ верстахъ, на холмѣ находится старая крѣпость, называемая въ народѣ „Цца-хачи-гала“ (*ՃՃախաչի զալալ*), отъ которой теперь есть только остатки развалившихся стѣнъ. Въ этой крѣпости, въ свое время, была большая нужда въ водѣ; это доказывается тѣмъ, что изъ селенія Шахахъ или Сарәнъ-шәнъ, отстоящаго отъ нея на разстояніи около четырехъ верстъ, искусственнымъ образомъ, обывателями того времени сюда была проведена вода; объ этомъ свидѣтельствуютъ остатки глиняныхъ колѣнчатыхъ трубъ, называемыхъ по мѣстному *тюнги* (*Թիւնգի*). Гробница владѣтеля этой крѣпости, Велиджана, сына Хумара, находится въ оградѣ монастыря „Спитакъ-хачъ“ (*Սպիտակ խաչ*); на надгробномъ камнѣ его написано: *Եւ խաւարի որդի վելիջանս կանգնեցի զխաչս 1527 Թ.*, что значитъ: „Я—сынъ Хумара Велиджанъ поставилъ сей крестъ 1527 года“.

5) Къ сѣверо-западу, верстахъ въ 5, на высокой лѣсистой горѣ „Внеса-саръ“, есть древняя крѣпость, называемая „Внеса-гала“ (*Վնէսա զալալ*), т. е. крѣпость эта принадлежала владѣтелю того времени Ванесу. Отъ нея теперь есть ветхая церковь, безъ свода, и остатки стѣнъ другихъ бывшихъ построекъ.

6) На югѣ Гадрута и въ нѣсколькихъ шагахъ къ сѣверо-востоку отъ сел. Ванкъ, стоитъ на холмѣ церковь по имени „Спитакъ-хачъ“ (*Սպիտակ խաչ*), что значитъ *бѣлый крестъ*. Объ этомъ крестѣ въ народѣ имѣется слѣдующее преданіе: нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ бывшихъ монаховъ того монастыря приобрѣлъ, неизвѣстно—откуда, совершенно бѣлый и блестящій крестъ, который, будучи послѣ украшенъ серебромъ, занималъ почетное мѣсто въ монастырѣ. Монахъ, въ виду своего личнаго интереса, съ цѣлью привлечь посѣтителей, распустилъ въ народѣ слухъ, что будто-

бы крестъ этотъ врученъ ему во снѣ Богомъ, и что рѣшив-
шійся украсть его будетъ наказанъ крестомъ-же, а крестъ,
чудеснымъ образомъ, опять вернется на свое мѣсто.

Съ того времени, народъ усердно посѣщалъ монастырь съ
дарами и жертвоприношеніями. Недавно крестъ вѣмъ-то похи-
щенъ. Но народъ, по настоящее время, не перестаетъ ходить.

7) На сѣверо-западъ отъ Гадрута, въ 10—15 верстахъ,
находится Тизафайтская гора, отличающаяся отъ другихъ со-
сѣднихъ горъ своею высотой; на ней есть крѣпость, ставшая
первымъ богомольнымъ мѣстомъ въ Джебраильскомъ и Шу-
шинскомъ уѣздахъ.

Объ этой горѣ и крѣпости въ армянской книгѣ „Айсма-
вуркъ“ (*Այսմավուրկ*) сказано слѣдующее: „Передовые воины
грузинскаго царя, напавъ на Арцахъ (нынѣшній Карабахъ),
берутъ въ плѣнъ многихъ изъ учениковъ архимандрита Мес-
ропа *), которые, послѣ смерти его, остались въ Арцахѣ. Въ
числѣ плѣнныхъ была одна женщина, по имени Такухи. Пол-
ководцу тѣхъ воиновъ нравится ея красота, почему онъ пред-
лагаетъ ей выйти за себя; но она, будучи христіанкой, отка-
зывается выйти за язычника. Тогда полководецъ приказываетъ
разрѣзать её въ куски и разбрасывать по полю. Ночью, на
куски трупа и кровавыя капли ея падаетъ небесный свѣтъ,
каковой случай приводитъ всѣхъ язычниковъ въ удивленіе.
Они спрашиваютъ своихъ плѣнныхъ священниковъ, кото-
рые проповѣдуютъ имъ христіанскую вѣру. Послѣ того, пол-
ководецъ, со своими двумя сыновьями и воинами, принима-
ютъ христіанство, и совершается крещеніе на праздникахъ
святой Пасхи. Затѣмъ собираютъ разбросанные куски трупа
(мощей) той мученицы и хоронятъ на вершинѣ одного холма,
который называется, „Астхабуръ“ (*Աստղաբուր*), что зна-

*) Месропъ составитель армянской азбуки, гробницу котораго я, будучи
смотрителемъ Аштаракскаго училища, видѣлъ подъ алтаремъ нововыстроенной
церкви сел. Ошаганъ, Эчмиадзинскаго уѣзда.

чить холмъ звѣзды. Узнавъ объ этомъ происшествіи, грузинскій царь приказываетъ убить измѣнника-полководца и его послѣдователей.

Тогда сыновья полководца, Мосесъ и Ераносъ, съ воинами пускаются въ бѣгство и избираютъ себѣ убѣжищемъ вершину Тизафайтской горы, куда слѣдуютъ за ними воины царя; разрубивъ ихъ тамъ, складываютъ куски труповъ другъ на друга въ видѣ стоговъ сѣна и жгутъ ихъ на кострѣ; по-сему-то эта гора, послѣ такого печальнаго событія, бывшаго въ V вѣкѣ послѣ Рождества Христова, и стала называться „Тизафайтъ“ (*Դիզափայտ*).

Это слово армянское: оно составлено изъ двухъ словъ: „Тизъ“ и „файтъ“ (*դիզ և փայտ*), изъ коихъ первое значить *стогъ* или *складываніе*, а второе— *дрова*, изъ которыхъ составляется костеръ. Отъ имени горы Тизафайтъ получилъ названіе самый Тизакскій участокъ, входящій въ составъ частію Шущинскаго уѣзда и частію Джебраильскаго.

Эта гора весьма высока и крута. Въ ясное время оттуда на протяженіи 50—100 верстъ, виднѣются Араксъ, множество селъ и горы Персіи.

Отъ подошвы до вершины ея, ведетъ, зигзагами, единственная каменистая и опаснѣйшая тропинка. Малѣйшая неосторожность на этомъ пути ведетъ за собою гибель. Вершина горъ, за исключеніемъ лѣта, бываетъ покрыта снѣгомъ.

Религіозные армяне и отчасти мѣстные мусульмане, Шущинскаго и Джебраильскаго уѣздовъ, лѣтомъ, въ началѣ осени и въ концѣ весны, отправляются туда на поклоненіе мощамъ мучениковъ, а въ остальное время года, по причинѣ холода и снѣга, вершина ея дѣлается недоступною.

На самой вершинѣ ея, гдѣ, по преданію, сожжены несчастные воины, прежде не было никакихъ построекъ; но, въ послѣднее время, одна женщина того участка, съ большимъ трудомъ доставивъ туда воду на ослахъ, построила одну свод-

чатую комнату. Въ ней, кромѣ небольшого алтаря, нѣтъ никакихъ образовъ и украшеній; отъ горѣнія восковыхъ свѣчей стѣны покрыты копотью и исписаны на разныхъ языкахъ именами посѣтителей.

Возлѣ Тизафайтскаго монастыря находится большой камень, изъ-подъ котораго суевѣрныя женщины вынимаютъ по горсти черной земли: если, вмѣстѣ съ нею, будутъ вынуты пшеничныя зерна, то онѣ бываютъ въ полной надеждѣ, что родятъ мальчиковъ, а если ячменныя—наоборотъ, т. е. дѣвочекъ. Суевѣрный народъ полагаетъ, что эти хлѣбныя зерна будто-бы остались отъ тѣхъ сноповъ, которыми сожгли тамъ мучениковъ. Но изъ достовѣрныхъ источниковъ я узналъ, что какой-то Мугдуси, житель одного изъ окрестныхъ сель, каждый годъ, наканунѣ праздника Преображенія Господня, носитъ туда, по равной части, пшеницы и ячменя и перемѣшиваетъ съ землею, подъ камнемъ.

Въ день праздника „Преображенія Господня“, называемаго по мѣстному „Вартаваръ“ (*Վարդապետ*), богатые и бѣдные армяне, съ разныхъ концовъ двухъ уѣздовъ, приготовивъ заблаговременно съѣстныхъ припасовъ и захвативъ по барану, съ семействами отправляются на Тизафайтскую гору. Въ субботу, вечеромъ, у подошвы ея собирается множество каравановъ; каждый старается первымъ подняться на гору: толкотня бываетъ страшная.

На слѣдующій день, въ воскресенье, за недостаткомъ воды и дровъ на горѣ, богомольцы спускаются и располагаются въ лѣсу, по родникамъ, у подошвы горы. Только на 2-й или 3 день, наѣвшись, напившись, навеселившись вдоволь, возвращаются богомольцы домой.

Главные родники, при которыхъ останавливаются богомольцы, слѣдующіе:

а) Родникъ „Коши-Агбюръ“ (*Կոշի աղբյուր*), который славится своею холодною и весьма здоровою водою.

б) Далѣ, къ западу отъ него, есть другой родникъ по имени „Арджи-Агбюръ“ (*Արջի աղբյուր*), что значить *Медвѣжий родникъ*. О немъ въ народѣ существуетъ слѣдующее преданіе: Въ старинное время какой-то медвѣдь, вышедши изъ сосѣдняго лѣса, поднимается по Тизафайтской горѣ; поднявшись до тогр мѣста, гдѣ теперь находится названный родникъ, онъ отъ сильной жажды падаетъ и начинаетъ лизать землю и ревѣть, обращаясь лицомъ къ небу. Въ этотъ моментъ, вдругъ изъ земли забила ключомъ вода. Медвѣдь, напившись холодной воды, продолжалъ свой путь, но, не доходя до вершины Тизафайтской горы, падаетъ, пораженный ударомъ молніи. Родникъ же сталъ называться Арджи-Агбюръ (*Արջի աղբյուր*).

8) Недалеко отъ Тизафайтъ находится другое чтимое мѣсто подъ названіемъ „Охтэ-трни“ (*Օխտր դռնի*), что значить *семь дверей*. Охтэ-трни стоитъ на вершинѣ одного холма и окруженъ лѣсомъ.

Онъ состоитъ изъ ветхаго каменнаго домика, безъ крыши, съ однимъ входомъ снаружи и семью отдѣленіями внутри; отъ послѣднихъ семи отдѣленій, съ особыми семью входами, самое мѣсто получило въ народѣ имя „Охтэ-трни.“ Сюда отправляются тѣ лица, у которыхъ болятъ глаза.

9) На югъ отъ Гадрута, почти на половинѣ дороги, ведущей въ Джебраиль, находится богомольное мѣсто подъ именемъ „Мина-Хорэнь“ (*Մինայ-Խորէն*). Мина имя сестры, а Хорэнь брата. На Мина-Хорэнь ѣдутъ люди, страдающіе ревматизмомъ.

10) Къ западу отъ Гадрута, около селенія Сарэнь-Шэнь, есть богомольное мѣсто, называемое „Шахахъ“, отчего и самое село получило названіе „Шахахъ“ (*Շաղախ*). Сюда богомольцы ѣдутъ въ день праздника Вознесенія Господня.

II. Внѣшній видъ; постройки; вода для питья; климатъ; флора и фауна.

Прежде Гадрутъ мало отличался отъ другихъ сосѣднихъ

деревень, но, со времени основанія здѣсь штаба, нѣкоторые жители, отъ подрядовъ доставлять разнаго рода провіантъ для названнаго штаба, имѣли возможность наживать немало денегъ. Таковые жители, смотря по своимъ средствамъ, въ послѣднее время стали устраивать на европейскій ладъ одноэтажные и двухэтажные дома, съ желѣзными крышами. Но у простого или бѣднаго сословія дома—подъ плоскимъ или конусообразнымъ навѣсомъ, который поддерживается деревянными столбами; послѣдніе очень близко размѣщены другъ къ другу, такъ-что издали представляются будто-бы сплоченными вмѣстѣ, и виднѣются только конусообразныя отверстія для прохода свѣта и выхода дыма. Матеріаломъ для построекъ служатъ здѣсь, камень, известь, глина съ пескомъ и, въ небольшомъ количествѣ, жженый кирпичъ. Для хозяйственныхъ и общественныхъ построекъ и для издѣлій, необходимыхъ въ хозяйствѣ поселянна, лѣсные матеріалы приобрѣтаются за установленную плату изъ казенныхъ или помѣщичьихъ лѣсовъ, находящихся къ западу отъ Гадрута, на разстояніи 10—15 верстъ; прочіе же матеріалы достаются въ самомъ Гадрутѣ и по близости его.

Въ цѣломъ селѣ существуетъ только единственная улица, которая, начинаясь у штаба и не доходя до половины села, далѣе суживается и уже не представляетъ возможности проѣзду экипажамъ; всѣ прочія улицы—узкіе переулки, заваленные разнымъ соромъ.

Штабъ, церковь, нѣкоторые по-европейски выстроенные дома, виноградные и тутовые сады, съ высокими вѣтвистыми деревьями, расположенные по подошвамъ горъ и низменности, придаютъ красивый видъ этому ущелью.

Вода. Для питья употребляютъ воду изъ двухъ родниковъ: Хоръ-Агбюръ и Шень-Агбюръ. Изъ нихъ первый находится на юго-восточной сторонѣ села, около штаба, подъ большимъ многолѣтнимъ чинаромъ: этотъ источникъ служить, соб-

ственно, для штаба; а второй—въ южной части села, котормъ пользуются, исключительно, посаляне. Вода въ обоихъ родникахъ чистая и весьма здоровая. Изъ Шень-Агбюра воду доставляютъ крестьянки въ глиняныхъ или мѣдныхъ кувшинахъ; носятъ ихъ на плечѣ.

Климатъ. О климатѣ въ Гадрутѣ я могу сообщить только нѣкоторыя свѣдѣнія, составляющія результатъ моихъ *личныхъ* наблюдений, *за два года.* Зима здѣсь начинается съ ноября первый снѣгъ въ 1885 году выпалъ въ ноябрѣ, а въ 1886 году 20 сентября. Земля и вода (въ лужахъ) начинаютъ замерзать съ 20 ноября, а въ рѣкахъ съ декабря. Ледъ на рѣкахъ трогается въ началѣ марта и исчезаетъ въ концѣ. Первые грозы бывають въ началѣ апрѣля; грозы—весною и лѣтомъ. Весна начинается съ апрѣля; она, большею частью, бываетъ туманная и дождливая. Первые весенніе цвѣты: подснежникъ, фіалка и первоцвѣтъ весенній, появляются со второй половины февраля и исчезаютъ въ концѣ марта. Почки на деревьяхъ показываются въ началѣ апрѣля; листья съ деревьевъ опадаютъ въ октябрѣ. Лѣтніе теплые дни начинаются съ іюня, а жаркіе съ іюля и продолжаются до 20 августа.

Осень начинается въ концѣ августа; она сопровождается постоянными туманами и частыми продолжительными дождями, изрѣдка и снѣгомъ.

Распредѣлить время, въ теченіе котораго шли дождь или снѣгъ въ Гадрутѣ, начиная съ 1-го сентября 1886 года по 1-е іюня 1887 года, можно такъ:

Въ сентябрѣ: Дождь—15, 16, 17, 18 и 19.

„ Снѣгъ—20, 21, 22 и 23.

„ октябрѣ: Дождь—не было.

„ Снѣгъ „

„ ноябрѣ: Дождь „

„ Снѣгъ „

„ декабрѣ: Дождь „

„	Снѣгъ—26, 27 и 31.
„ январѣ:	Дождь—не было.
„	Снѣгъ—1, 2, 3, 8, 9 и 28.
„ февралѣ:	Дождь—не было.
„	Снѣгъ—1, 5, 10, 12, 13, 14, 15, 23, 24 и 25.
„ мартѣ:	Дождь—9 и 27.
„	Снѣгъ—10 и 11.
„ апрѣлѣ:	Дождь—4, 5, 15, 16, 17 и 20.
„	Снѣгъ—7, 8, 9, 18 и 19.
„ маѣ:	Дождь—1, 3, 4, 5, 6, 24, 25, 26, 27 и 28.
„	Градъ—10.

По этому распредѣленію, въ теченіе наблюденныхъ мною 9 мѣсяцевъ, шель дождь всего 23 дня, снѣгъ—30 дней, градъ—1 день. Всѣ прочіе дни были туманные или ясные. Первая гроза въ 1887 году была 4-го апрѣля.

Особенно сильные вѣтры въ 1887 г. были: 12 января съ 10—12 ч. утра дулъ сильный вѣтеръ съ востока на западъ, а съ 12 часовъ до вечера—съ запада на востокъ; 17-го февраля съ 9 ч. утра до 5 ч. вечера былъ сильный восточный вѣтеръ; 19, 23 и 24 февраля подулъ сильный вѣтеръ со снѣгомъ (мятель) съ востока на западъ.

Флора. Растительность выражается слѣдующими видами:

1) Неплодовая деревья: дубъ, ольха, осина, ель, верба, ива и др.

2) Плодовая деревья и кусты: орѣшникъ, кизиль, боярышникъ, шипка, алыча, яблоня, груша, шиповникъ, ежевика и т. д.

3) *Травы*, употребляемыя жителями въ пищу: подснѣжникъ, мѣльва, щавель, мята, крапива, спаржа и т. д.

4) Цвѣты и разныя травы: ландышъ, первоцвѣтъ весенній (разныхъ видовъ), фіалка, лютикъ, бузина, василекъ, подорожникъ, белена, трилистникъ, лисій хвостъ, дикій лукъ, звѣздчатка и т. д.

5) Хлѣба: пшеница разныхъ сортовъ, какъ-то: кара-кльгъ, тегинъ-зарда, бозагъ, кукани, гарнани и др.; затѣмъ ячмень и просо.

Всякаго рода хлѣба всходятъ съ апрѣля и поспѣваютъ въ концѣ мая и въ началѣ іюня.

Въ садахъ растутъ:

1) Деревья неплодовые: тополь, верба, ива, чинарь и др.

2) Плодовые деревья: яблоня, груша, орѣхъ, тута, персикъ, алыча, слива, кизиль, шишка, айва, вишня, миндаль и виноградъ.

3) Овощи: лукъ, чеснокъ, картофель, капуста, рѣпа, рѣдиска, помидоръ, лобій, бобы, горохъ, макъ, свекловица, тыква, огурецъ, перецъ, коріандръ, базилика, кукуруза, морковь и др.

Календарь мѣстной флоры

на 1887 годъ.

Названіе растеній.	Когда образовались почки.	Когда раскрылись почки.	Когда расцвѣли.	Когда показали первые листья.	Когда отцвѣли.	Когда распустились листья.	Когда показали первые незрѣлые плоды.	Когда созрѣли плоды.
1 Ива и верба.	1 марта	15 марта	18 марта	20 марта	—	10 апрѣля	—	—
2 Миндаль.	25 февр.	5 марта	10 марта	28 марта	5 апрѣля	15 апрѣля	28 апрѣля	—
3 Кизиль.	20 февр.	4 марта	25 марта	28 марта	5 апрѣля	20 апрѣля	15 апрѣля	—
4 Персикъ.	2 марта	15 марта	28 марта	28 марта	15 апрѣля	15 апрѣля	20 апрѣля	—
5 Алыча.	3 марта	15 марта	28 марта	25 марта	13 апрѣля	10 апрѣля	25 апрѣля	—
6 Яблоня.	15 марта	25 марта	5 апрѣля	25 марта	15 апрѣля	15 апрѣля	20 апрѣля	—
7 Груша.	15 марта	25 марта	5 апрѣля	25 марта	15 апрѣля	15 апрѣля	20 апрѣля	—
8 Черешня.	2 марта	22 марта	25 марта	5 апрѣля	15 апрѣля	15 апрѣля	18 апрѣля	20 мая

Названіе растеній.	Когда образовались почки.	Когда раскрылись почки.	Когда расцвѣли.	Когда показались первые листья.	Когда отцвѣли.	Когда распустились листья.	Когда показались первые незрѣлые плоды.	Когда созрѣли плоды.
9 Вишня.	2 марта	25 марта	8 апрѣля	5 апрѣля	15 апрѣля	15 апрѣля	20 апрѣля	—
10 Слива.	3 марта	12 марта	15 марта	20 марта	12 апрѣля	15 апрѣля	20 апрѣля	—
11 Курага.	3 марта	22 марта	25 марта	28 марта	28 марта	15 апрѣля	20 апрѣля	—
12 Пшатель, или лохъ.	20 марта	24 марта	4 апрѣля	25 марта	20 апрѣля	25 апрѣля	12 мая	—
13 Тута.	5 марта	30 марта	10 апрѣля	12 апрѣля	—	20 апрѣля	20 апрѣля	25 мая
14 Виноградъ.	15 марта	10 марта	15 апрѣля	15 апрѣля	—	25 апрѣля	1 мая	—
15 Айва.	25 марта	27 марта	2 апрѣля	30 марта	15 апрѣля	25 апрѣля	10 мая	—
16 Орѣхъ.	25 марта	5 апрѣля	10 апрѣля	28 марта	—	15 апрѣля	28 апрѣля	—
17 Шишка.	30 марта	5 апрѣля	10 апрѣля	3 апрѣля	25 апрѣля	20 апрѣля	20 апрѣля	—
18 Крыжовникъ.	20 марта	25 марта	5 апрѣля	28 марта	15 апрѣля	25 апрѣля	30 апрѣля	—
19 Орѣшникъ.	20 марта	23 марта	3 апрѣля	25 марта	10 апрѣля	15 апрѣля	15 мая	—
20 Гранать.	1 апрѣля	20 апрѣля	28 мая	20 апрѣля	20 іюня	15 мая	25 іюня	—
21 Боярышникъ.	25 марта	10 апрѣля	15 апрѣля	9 апрѣля	20 апрѣля	25 апрѣля	5 мая	—
22 Дубъ.	25 марта	28 марта	—	30 марта	—	15 апрѣля	—	—
23 Роза.	25 марта	25 апрѣля	3 мая	15 апрѣля	—	20 апрѣля	—	—
24 Шиповникъ.	25 марта	20 апрѣля	1 мая	15 апрѣля	—	20 апрѣля	—	—

Фауна. 1) *Домашнія животныя здѣсь*—лошадь, катеръ, осель, буйволь, быкъ, корова, коза, баранъ. Для перевозки тяжестей, преимущественно, употребляются лошадь, катеръ и осель, а для земледѣльческихъ работъ—быкъ и буйволь. Всѣ домашнія животныя зимою живутъ въ теплыхъ хлѣвахъ и кормятся сѣномъ и саманомъ, а въ прочія три времени го-

да пасутся на пастбищахъ, подъ надзоромъ одного или двухъ пастуховъ, которые получаютъ за каждую голову скота известное, по условію, вознагражденіе деньгами или хлѣбными зернами.

2) *Изъ дикихъ животныхъ водятся:* медвѣдь, волкъ, лисица, заяць, бѣлка, коза (дикая), кротъ, ласка; иногда въ большихъ лѣсахъ попадается олень, а въ мѣстностяхъ близъ Аракса—джейранъ, серна и *водяная собака* (выдра?).

3) *Изъ домашнихъ птицъ*—курица, гусь, индѣйка и утка.

4) *Изъ дикихъ птицъ*—фазанъ, куропатка, вурочка, перепелка, дятель, кукушка, удоць, сорока, ворона, коршунъ, ястребъ, сова, филинъ, орель, кобчикъ, воробей и др.

5) *Изъ перелетныхъ и пвечихъ птицъ*—соловей, ласточка, щеголь, чижъ, дроздь, жаворонокъ, скворецъ и др.

6) *Изъ пресмыкающихся водятся:* ужъ, ящерица, черепаха, саламандра и др.

7) *Изъ насекомыхъ*—золотой жукъ, навозный жукъ, саранча, сверчокъ, кузнечикъ, стрекоза, пчела, паукъ, бабочка и др.

III. Численность населенія; земля, повинности и орошеніе; занятія землей, винодѣліемъ, торговлей, шелководствомъ.

Численность населенія. Коренныхъ жителей въ Гадрутѣ, въ началѣ, было очень мало; нынѣшніе жители, большею частью, переселенцы изъ разныхъ мѣстностей, обрѣтшіе здѣсь убѣжище отъ нашествія персовъ. Въ селѣ Гадрутѣ, по камеральному описанію 1863 года, было семейныхъ крестьянъ 287, а одинокихъ—151, всего—438 крестьянъ.

По камеральному описанію 1873 года, въ Гадрутѣ и въ его окрестныхъ селахъ было:

	НАЗВАНІЕ СЕЛѢ.	Число дымовъ.	Число душъ.	
			Мужского пола.	Женского пола.
1	Въ Гадрутѣ	196	801	—
2	” Тагасырѣ	84	328	—
3	” Ванкѣ	24	110	—
4	” Таанкѣ	27	143	—
5	” Норашенѣ	12	68	—
6	” Кермакучѣ	36	121	—
7	” Кочбергѣ	16	53	—
Итого		395	1,624	—

По послѣднему камеральному описанію 1886 г., оказалось:

	НАЗВАНІЕ СЕЛѢ.	Число дымовъ.	Число душъ.	
			Мужского пола.	Женского пола.
1	Въ Гадрутѣ	252	1,040	833
2	” Тагасырѣ	104	452	379
3	” Ванкѣ	30	150	109
4	” Таанкѣ	33	171	130
5	” Норашенѣ	17	111	108
6	” Кермакучѣ	47	231	220
7	” Кочбергѣ	20	66	56
Итого		503	2,221	1,835

Число дымовъ и душъ камеральнаго описанія 1873 года, сравнительно съ послѣднимъ описаніемъ 1886 года, увеличивается въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	НАЗВАНІЕ СЕЛѢ.	Число дымовъ.	Число душъ.	
			Мужского пола.	Женского пола.
1	Въ Гадрутѣ	56	239	—
2	” Тагасырѣ	20	124	—
3	” Ванкѣ	6	40	—
4	” Таанкѣ	6	28	—
5	” Норашенѣ	5	43	—
6	” Кермакучѣ	11	110	—
7	” Кочбергѣ	4	13	—
Въ семи селахъ увеличилось всего на		108	597	—

Участковая земля. Согласно камеральному описанию 1863 года, всѣхъ крестьянъ въ Гадрутѣ было 438. Изъ нихъ пользовались землей 425 крестьянъ, а не пользовались вовсе землей 13. Всей земли въ пользованіи поселянъ подъ усадьбами, садами виноградными и тузовыми, а также полевой-пахотной оказалось 591 десятина и $508\frac{1}{2}$ квадратныхъ сажень. Что же касается до земли сѣнокосной, то таковой вовсе не имѣется, а сѣнокосъ производится, исключительно, по садамъ винограднымъ и тузовымъ, для довольствія домашняго скота, на нѣкоторое время года.

Всѣхъ поселянскихъ участковъ въ Гадрутѣ 140. Особого выгона для пастбища скота, при селеніи Гадрутѣ, по крайней малоземельности, не имѣется; но въ пользованіи поселянъ находятся нынѣ два участка, неудобные ни для хлѣбопашества, ни для сѣнокоса, по каменистому грунту и крутизнѣ, и покрытые кустарникомъ: первый—мѣрою въ 138 десятинъ 1,300 кв. саж.; второй—въ 50 десятинъ 450 кв. саж.; они то и служатъ мѣстомъ для выгона и пастбища скота, безвозмездно. Водопой для скота даютъ Гуней-чай и Гузей-чай.—По немѣнью при Гадрутѣ лѣса, для топлива, жители пользуются, безвозмездно, кустарникомъ, произрастающимъ на участкахъ.

Участки земли, занимаемые нынѣ: а) тремя общественными кладбищами (одно мѣрою въ 1,520 квадрат. сажень, другое—1,350 квадрат. саж., третье—старое, оставленное вслѣдствіе близости къ селенію, въ 1,500 квадрат. саж.) и б) церковью съ папертью, мѣрою въ 105 квадр. саж., составятъ вмѣстѣ 4,475 квадр. сажень.

Повинности. Въ счетъ земледѣльческой повинности (*малджагаты*), поселяне платятъ землевладѣльцѣ, Софьѣ Мирзоевой, десятую часть урожая всѣхъ земныхъ плодовъ. По взаимному соглашенію ея довѣреннаго съ поселянами, установлены правила о порядкѣ опредѣленія и взысканія таковой повинности, а именно:

1) Съ шелковичныхъ садовъ взимають десятую часть кокона, вѣсомъ, въ сыромъ видѣ.

2) Съ садовъ виноградныхъ—десятую часть сусла, *маджаръ* (матчаръ?) или *шира*, съ выжимками, на мѣру жидкостей.

3) Вообще со всѣхъ земныхъ произведеній, обыкновенно, взимають десятую часть урожая, мѣрою или счетомъ (съ хлѣба—снопами (счетомъ) или зерномъ, для удобства перевозки, и въ такомъ случаѣ на вѣсъ или мѣру, безъ выдѣленія самана).

Къ обыкновенному, приблизительно, времени образованія и выхода шелковичныхъ коконовъ, какъ ранняго произведенія, не терпящаго отлагательства, а затѣмъ, послѣдовательно, во времени уборки другихъ произведеній земли, (начиная съ 1-го іюня), землевладѣлица, получивъ извѣстіе отъ поселянъ о готовности сбора, обязана или прибывать сама, или же присылать своихъ довѣренныхъ (*дара*), для опредѣленія и назначенія количества и мѣры слѣдуемаго ей малджагата, именно—десятой части урожая, въ чемъ отъ нея или ея довѣренныхъ выдаются квитанціи каждому поселянину; а поселянинъ, въ свою очередь, выдаетъ имъ, т. е. землевладѣлицѣ или ея довѣреннымъ, таковыя же квитанціи о количествѣ и мѣрѣ малджагата, съ него слѣдуемаго и взаимно опредѣленнаго.

Кромѣ сей повинности, жители Гадрута, взаимнѣ обязательныхъ рабочихъ дней, должны вносить за каждую десятину состоящей въ ихъ пользованіи удобной земли, какъ усадебной, такъ и полевой, по 30 коп. ежегодно, что составитъ, по числу 591 десятины и 508¹/₂ квадратныхъ саж., 171 руб. 36 коп.

Орошеніе. Въ селѣ Гадрутѣ имѣется *главныхъ* оросительныхъ канавъ три: Гуней-чай, Гузей-чай и Гозлу-чай; *второстепенныхъ*—семнадцать. Послѣднія проведены изъ глав-

ныхъ канавъ: изъ Гуней-чая—пять, изъ Гузей-чая—пять, изъ Гозлу-чая—семь.

Занятія. Занятія здѣшнихъ жителей весьма разнообразны: они занимаются *садоводствомъ, огородничествомъ, земледѣліемъ, скотоводствомъ, торговлею* и разными *ремеслами*. Нѣкоторые изъ ремесленниковъ и торговцевъ, покидая на цѣлые годы свою родину и семью, отправляются за заработкомъ въ Закаспійскій край, одни—надѣясь на свои ремесла, другіе съ цѣлью поступить въ приказчики или слуги, третьи—вести торговлю.

Сады здѣсь, преимущественно, виноградные, изрѣдка падаются тутовые. Виноградные кусты на зиму не зарываются въ землю, какъ въ Эриванской губерніи, а во всякое время года оставляются на открытомъ воздухѣ; съ наступленіемъ же весны привязываютъ ихъ къ колыямъ, называемымъ, по мѣстному, *кюлусаръ*; ихъ втыкаютъ, однимъ концомъ, въ землю, около каждаго винограднаго куста. Виноградъ во всѣхъ садахъ бываетъ, исключительно, одного сорта, именно—темно-красный, овальной или круглой формы, съ крупными зернышками и толстою кожицей; изъ него получается вино слабое, кисловатое, темно-краснаго цвѣта. Сборъ винограда начинается съ 15 сентября и продолжается до конца мѣсяца. Если судить по вкусу, здѣшнее вино заключаетъ въ себѣ весьма малый процентъ спирта; вслѣдствіе слабости, оно не доживаетъ до слѣдующаго урожая: отъ вліянія лѣтнихъ жаровъ, оно скоро портится и дѣлается негоднымъ для питья. Вино хранится въ большихъ глиняныхъ кувшинахъ, называемыхъ *карасами (қарши)*, конусообразной формы; они вкопаны въ землю. Карасы бываютъ различной величины (отъ 3 до 15 кожъ). Почти каждый гадрутецъ имѣетъ свой собственный виноградный садъ, откуда получаетъ нѣсколько кожъ вина. Для измѣренія, вообще, всякаго рода жидкостей, между жителями Шушинскаго, Джебраильскаго и Зангезур-

скаго уѣздовъ принято употреблять кожь. Приведемъ здѣсь кстати и другія мѣстныя мѣры, по ихъ видамъ:

1. *Мѣры жидкихъ тѣлъ.*

Карась содержитъ отъ 3 до 15 кожь.

Кожь 12 пшарчъ, или 48 фунтовъ.

Пшарчъ $2\frac{1}{4}$ бутылки.

Кожь около 2 ведеръ.

Ведро вина или воды вѣситъ 28 фунтовъ.

(1 кожь мѣстнаго вина стоитъ отъ — „ 80 к.—2 руб.

1 кожь мѣстной воды „ „ 5 р. — „ —7 „)

2. *Мѣры сыпучихъ тѣлъ.*

Четверть содерж. 12 лакъ, или 24 чанагъ, вѣситъ 9 пуд.

Чуваль 10 лакъ, или 20 чанагъ, вѣситъ $7\frac{1}{2}$ п.

Лакъ 2 чанагъ, вѣситъ 30 фунтовъ.

(Чуваль пшеницы отъ 3 р. 60 к. до 5 р. 50 к.

„ ячменя (вѣс. $5-5\frac{1}{2}$ п.) „ 1 „ 40 „ — 2 „ — „

„ проса (вѣс. $7\frac{1}{2}$ пуд.) „ 1 „ 60 „ — 2 „ — „)

3. *Мѣры тяжести.*

Фунтъ содержитъ 96 мискаль.

Мискаль 24 нухудъ, или 1 золотникъ.

Стиль 8 куриныхъ яицъ, или 4 рубъ.

Рубъ 2 „ яйца, или $\frac{1}{4}$ фунта.

Въ Гадрутѣ есть *неусовершенствованные* винокуренные заводы: ихъ—46. Здѣсь водку гонятъ изъ тѣловыхъ ягодъ, виноградныхъ выжимокъ и остатковъ стараго вина. Заводы, по величинѣ, весьма разнообразны. Главная принадлежность завода—котель, вмѣстимостью отъ 5 до 22 ведеръ. Кубъ, или, вѣрнѣе, мѣдный котель, накрываемый, при выдѣлкѣ водки, мѣдною или глиняною выпуклою крышкою, имѣетъ рукавъ, уши-

рающийся въ деревянное корыто, въ коемъ погружена мѣдная, холодильная труба.

Земледѣліе, скотоводство и огородничество, по причинѣ малоземельности, для гадрутцевъ составляютъ маловажныя занятія. Почва здѣсь, преимущественно—черноземъ. Средній урожай самъ-пять. Землю пахутъ сохою (?), для чего запрягаютъ по парѣ буйволовъ и воловъ или три пары воловъ.

Домашняго скота на все селеніе приходится такъ: 10 лошадей, 20 катеровъ, 36 ословъ, 70 коровъ, 50 быковъ, 20 буйволовъ и 300 козъ; всѣхъ животныхъ насчитывается до 506 головъ; среднимъ числомъ на каждый дворъ, при 252 дымахъ, приходится двѣ головы.

Въ здѣшнихъ огородахъ, преимущественно, разводятся лукъ, картофель, капуста, свекловица, морковь и помидоръ, которыми снабжается проживающій здѣсь весь 1-й Полтавскій конный полкъ, а остальное, вмѣстѣ съ др. овощами, идетъ для своего домашняго употребленія.

Въ Гадрутѣ два базара, изъ коихъ одинъ находится въ самомъ селѣ и называется *сельскимъ базаромъ* (ᠮᠠᠮᠤ ᠪᠠᠵᠠᠷᠠᠨ); а другой—около штаба и называется *штаби* или Хорь-агбюри базаръ (ᠬᠣᠷᠢ-ᠠᠭᠪᠦᠷᠢ ᠪᠠᠵᠠᠷᠠᠨ); онъ находится къ востоку отъ перваго на разстояніи около 150 сажень.

Сельскій базаръ состоитъ изъ 25 лавокъ: изъ нихъ 6 принадлежать лицамъ, торгующимъ мануфактурнымъ товаромъ; 3—серебряныхъ дѣлъ мастерамъ, 2—красильщикамъ, 1—европейскому сапожнику, 1—азиатскому сапожнику, 12 лавокъ съ табакомъ, папиросами и разнымъ мелочнымъ товаромъ; кромѣ этого—5 кузницъ; всего 30 помѣщеній.

Базаръ при штабѣ состоитъ изъ 15, собственно, лавокъ: 1 (полковая) лавка напитковъ, табаку, папиросъ, краснаго товара и разныхъ съѣстныхъ продуктовъ; при ней же пекарня и мясная; 7 лавокъ мануфактурнаго и разнаго крас-

наго товара, 3—мелочныхъ, 2 духана, съ трактирами, 2 пекарни; 1 лавку занимаетъ серебряныхъ дѣлъ мастеръ, 3—оружейныхъ дѣлъ мастера; сверхъ этого 10 кузницъ. На этомъ послѣднемъ базарѣ всего 25 помѣщений.

Товары для всѣхъ лавокъ, покупаются въ Шушѣ, отстоящей отъ Гадрута на 60 верстъ, къ сѣверо-западу, и доставляются сюда на лошадяхъ, *вьюками*. Извозомъ товаровъ занимаются сами гадрутцы и жители ближайшихъ деревень (Чиракузь, Тагъ, Тугъ, Азухъ, Мамеда-дзоръ и др.), Шушинскаго уѣзда. За доставку товаровъ платится по 20—25 коп. съ пуда.

Въ лавкахъ и духанахъ, на ряду съ мелочнымъ и краснымъ товаромъ и напитками, можно встрѣтить посуду, табакъ, папирсы, крупу, фотогенъ, фуражки, учебныя книги, тетради, вадчину, масло, сыръ, яйца, деревянные и желѣзные орудія, для земледѣлія и для домашняго употребленія. Товары продаются жителямъ окрестныхъ деревень, самимъ гадрутцамъ, казакамъ и офицерамъ мѣстнаго штаба *).

Интересно, что, проходя по базару, можно у дверей нѣкоторыхъ лавокъ встрѣтить дѣтей съ армянскими бузварями въ рукахъ; бѣдные ребятишки, во всякое время года, сидятъ, поджавши ноги, на сырой, голой землѣ, даже иной разъ и въ грязи: это—учить ихъ армянской грамотѣ, по патриархальному методу, полуграмотный лавочникъ-армянинъ, получая за свой трудъ съ каждаго мальчика 15—30 коп. въ мѣсяць или, взамѣнъ денегъ, заставляя ихъ служить въ лавкѣ.

*) Средняя цѣна предметовъ первой необходимости такова:

1 фунтъ хлѣба.	1 фунтъ ма-сла.	1 фунтъ са-ру.	1 фунтъ ба-ранины.	1 фунтъ го-вядины.	1 фунтъ сви-нины.	1 курица.	10 яицъ.	1 бутылка молока.	1 бутылка вина.	1 бутылка водки.	1 фунтъ фотогену.	Цѣна кварти-ры въ одну комнату.
2½ к.	25 к.	10 к.	7 к.	5 к.	4 к.	15 к.	6 к.	10 к.	10 к.	25 к.	3 к.	40 руб.

Таблица лицъ, по роду ихъ занятій.		Мастера.	Подмастерья.	Всего.
1	Каменщиковъ	60	40	100
2	Плотниковъ	3	—	3
3	Бондарей	3	2	5
4	Кузнецовъ	6	4	10
5	Красильщиковъ	4	4	8
6	Оружейниковъ	6	—	6
7	Портныхъ	1	—	1
8	Подковщиковъ (?)	6	2	8
9	Жестяныхъ дѣлъ мастеровъ	1	—	1
10	Мельниковъ (по числу мельницъ)	6	—	6
11	Сапожниковъ европейскихъ	1	3	4
12	„ азіатскихъ	1	3	4
13	Папалчи (шапочниковъ)	2	1	3
14	Кожевниковъ и скорняковъ	1	—	1
15	Костюправовъ	1	—	1
16	Бабокъ	3	—	3
17	Зурначей	2	2	4
18	Пурщиковъ (въ азіатскихъ пекарняхъ, пурняхъ)	6	—	6
19	Пирульниковъ	3	1	4
20	Серебряныхъ дѣлъ мастеровъ	3	2	5
21	Кирпичниковъ	2	—	2
22	Мясниковъ (рѣзниковъ)	4	—	4
23	Торговцевъ	60	20	80
24	Пастуховъ	2	—	2
25	Гробовщиковъ	1	—	1
Общее число всѣхъ . . .		188	84	272

Шелкомотальная фабрика. Въ южной сторонѣ села существуетъ съ 1877 года шелкомотальная фабрика, принадлежащая тремъ товарищамъ: гадрутцу Гули Акопову, пушинцу Ивану Зорабову и норашенцу Авазу Исаханову.

Въ теченіе года она работаетъ только съ апрѣля до ноября мѣсяца, а въ остальные четыре мѣсяца остается въ бездѣйствіи. Эта фабрика въ теченіе 8 мѣсяцевъ приготовляетъ отъ 50 до 60 пудовъ шелку, который продается во Францію, по 250—300 рублей за пудъ. На приготовленіе одного пуда шелку расходуется 50—60 рублей. Одинъ пудъ шелку получается изъ 20—22 пудовъ сырыхъ коконовъ, или изъ 8—9 пудовъ сухихъ коконовъ. Коконъ производится изъ японскихъ шелковичныхъ яичекъ. Шелкъ этой фабрики былъ на двухъ выстав-

вахъ: Московской, въ 1882 году, и Американской (?), въ 1883 году; причеъ на первой выставкѣ удостоился бронзовой медали, а на второй—золотой.

На этой фабрикѣ работаютъ, исключительно, дѣвушки бѣдныхъ родителей и вдовы жителей Гадрута и окрестныхъ деревень. Каждая работница получаетъ въ день отъ 10—35 коп. Трудъ приказчиковъ оплачивается такъ: 1) *азиатскій* (?) самоучка-механикъ получаетъ въ мѣсяцъ жалованья 25 руб.; 2) мотальщикъ, онъ же крутильщикъ нитокъ,—20 руб.; 3) руководитель работницъ, онъ же надзиратель,—20 руб. Кочегаръ, онъ же сторожъ, получаетъ 15 р. жалованья.

Число всѣхъ служащихъ, на фабрикѣ, лицъ таково:

1) Приходо-расходчиковъ (кто-либо изъ хозяевъ)	1
2) Приказчиковъ	3
3) Кочегаровъ	1
4) Работницъ	40

Всего 45

IV. Училище и школа; другія разныя правительственныя и общественныя учрежденія въ Гадрутѣ.

Число учениковъ въ двухклассномъ земскомъ нормальномъ училищѣ, въ 188³/₆ учебномъ году, было 65, а въ 188⁶/₇ учебн. году, по причинѣ тѣсноты училищнаго помѣщенія, уменьшено до 62.

Число учениковъ—62, въ отношеніи къ числу дымовъ гадрутскаго общества (въ составъ котораго входятъ жители трехъ селъ: Гадрута, Тагасыра и Ванка)—386, составляетъ болѣе 16⁰/₁₀₀. Это же число учащихся мальчиковъ, въ отношеніи къ числу душъ обоого пола—2,963, составляетъ болѣе 2⁰/₁₀₀.

Въ теченіе двухъ лѣтъ существованія училища, было подано прошеній болѣе 100, а общее число желающихъ учить

своихъ дѣтей около 200. Такое число ясно доказываетъ, что у здѣшнихъ армянъ чувствуется стремленіе къ образованію.

Помѣщеніе для училища и его учителей, отопленіе и освѣщеніе отпускаются отъ гадрутскаго общества натурою; отъ него же дается и сторожъ.

Есть еще армянская церковно-приходская одноклассная мужская школа. Она открыта въ первый разъ въ 1881 году и закрыта въ 1884 году; но 15 ноября 1886 года снова открыта, въ составѣ одного класса, съ 40 учениками. Школа эта содержится на процентныя деньги съ 1,000 рублей (пожертвованіе гадрутскаго жителя Маркара Теръ-Восканова). Сверхъ того взимается съ каждаго ученика въ годъ по 5 руб., за право ученія, что составляетъ всего 200 руб., изъ коихъ учителю дается жалованья въ годъ 150 р., и на наемъ помѣщенія школы идетъ 30 руб.—При этой школѣ три попечителя.

Сельская администрація состоитъ изъ сельскаго старшины, помощника, или кандидата его, и *човуша*.

Сельскій судъ составляютъ три лица — судьи: одинъ изъ Гадрута, другой изъ Тагасыра и третій изъ Ванка. За сѣданіе и разборъ дѣлъ бывають только по воскреснымъ днямъ и совершаются подъ открытымъ небомъ. По сельскому положенію, имъ дано право наказывать виновныхъ денежнымъ штрафомъ отъ 1—3 руб., или арестомъ на 1—7 дней, а также постановлять рѣшенія о взысканіи, по распискамъ или векселямъ, отъ 1 до 100 руб. Для записыванія постановленій и рѣшеній, по разнымъ, подсуднымъ имъ, крестьянскимъ дѣламъ, у нихъ есть шнурованныя книги.

Какъ первые (т. е. лица сельской администраціи), такъ и вторые баллотируются обществомъ, чрезъ каждые три года, и служатъ безвозмездно.

Открытіе нынѣ существующаго земскаго училища и взятіе съ общества мірскаго приговора, по этому дѣлу, отчасти

обязаны дѣятельности бывшаго старшины гадрутскаго общества, Хосрова Абалова.

Земская сельская аптека съ приемнымъ покоемъ, какъ это видно изъ сообщенія сельскаго врача, г. Уразова, открыта 12 апрѣля 1885 г. При ней находится приемный покой, съ четырьмя постоянными кроватями, изъ коихъ двѣ для женскаго пола, и двѣ для мужскаго. Кровати помѣщаются въ двухъ отдѣльныхъ комнатахъ; при нихъ имѣются двѣ прислуги, женскаго и мужскаго пола. Личный составъ служащихъ состоитъ изъ одного врача, трехъ фельдшеровъ и одной повивальной бабки. Аптека открыта, исключительно, для жителей Джебраильскаго уѣзда. Въ приемный покой принимаются стационарными больными, только для подачи первоначальной необходимой помощи.

Приемный покой отпускаетъ бесплатно медикаменты и даетъ врачебные совѣты всякому крестьянину, только Джебраильскаго уѣзда. Въ 1886 году принято 3,687 больныхъ.

Въ случаѣ появленія въ уѣздѣ заразительныхъ болѣзней и, вообще, въ случаяхъ надобности, врачъ съ фельдшерами разъѣзжаетъ по селамъ и деревнямъ и предпринимаетъ мѣры къ устраненію таковыхъ болѣзней.

Годовое содержаніе личнаго состава и приемнаго покоя выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

1. Содержаніе приемнаго покоя	1,100 р.
2. Врачу жалованье, квартирныхъ, столовыхъ и разъѣздныхъ	1,655 „
3. Старшему фельдшеру	375 „
4. Младшему фельдшеру	310 „
5. Ветеринарному фельдшеру	245 „
6. Повивальной бабкѣ	310 „
<hr/>	
Итого	3,995 „

Мировой отдѣлъ. Согласно обязательно доставленному мнѣ г. слѣдователемъ Бельдзешевскимъ свѣдѣнію, съ 1868 по 1875 годъ, Гадрутъ принадлежалъ, по администраціи, Шушинскому

уѣзду, а, по судебной части, Шушинскому Мировому отдѣлу и входилъ въ составъ Агдамскаго Мироваго участка. Съ 1875 года, съ образованіемъ отдѣльнаго Джебрайльскаго уѣзда, образованъ и отдѣльный Мировой отдѣлъ того-же уѣзда. Помѣщеніе Мироваго отдѣла съ 1875 года до 1882 было въ Джебрайль, а съ 1 января 1882 года въ Гадрутѣ. Штатъ сего Мироваго отдѣла составляютъ слѣдующія лица: 1) Мировой судья, 2) помощникъ его, или слѣдователь, 3) судебный приставъ, 4) дѣлохранитель, 5) переводчикъ мѣстныхъ языковъ, при слѣдователѣ, и 6) четыре канцелярскихъ писца; изъ нихъ Мировой судья, помощникъ его, приставъ и дѣлохранитель служатъ, по назначенію отъ Правительства, а всѣ остальные — по вольному найму.

1) Содержаніе Мироваго судьи въ годъ	2,400 руб.
2) „ слѣдователя	1,700 „
3) Ему же отпускается на наемъ переводчика и на канцелярскіе расходы	400 „
4) Содержаніе пристава	600 „
5) „ дѣлохранителя	450 „
6) На наемъ четырехъ канцелярскихъ служителей	500 „
7) „ сторожа	100 „
8) „ всадника	100 „
9) „ помѣщенія	240 „
10) На хозяйственные и др. мелочные канцелярскіе расходы	600 „
<hr/>	
Итого	7,090 руб.

Мировой Посредникъ. Въ Гадрутѣ живетъ Мировой Посредникъ Джебрайльскаго отдѣла, подъ вѣдомствомъ котораго находятся меньшая часть Шушинскаго уѣзда и весь Джебрайльскій уѣздъ, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ обществъ, по теченію рѣки Акару, Зангезурскаго уѣзда. Должность эта открыта здѣсь съ 1870 года. Личный составъ сего учрежде-

нія состоитъ изъ Мироваго Посредника и переводчика мѣстныхъ языковъ. Назначеніе и утвержденіе въ должности Мироваго Посредника зависятъ отъ Г. Главнначальствующаго, а назначеніе переводчика отъ Губернатора.

На содержаніе канцеляріи, на наемъ разсыльнаго и другія издержки, по отправленію должности, Мировому Посреднику, Джебраильскаго отдѣла, назначено, въ безотчетное распоряженіе, ежегодно по 2000 рублей; никакого другого оклада, по своей должности, онъ не получаетъ. Переводчикъ мѣстныхъ языковъ получаетъ въ годъ содержанія 600 руб.. Расходъ на этотъ предметъ производится изъ мѣстныхъ доходовъ края.

Телеграфная станція. Она открыта 25 декабря 1880 года. Личный составъ состоитъ изъ начальника станціи и двухъ телеграфистовъ.

Содержаніе станціи опредѣляется такъ:

1) Начальнику станціи, при казенной квартирѣ, жалованье и столовыхъ	720 руб.
2) Телеграфисту, съ чиномъ	354 „
3) Телеграфисту, безъ чина.	276 „
4) На наемъ помѣщенія для станціи, начальника и телеграфистовъ	240 „
5) „ разсыльнаго	156 „
6) На отопленіе, освѣщеніе и др. хозяйственные расходы.	230 „
7) „ ремонтъ, приблизительно, среднимъ числомъ	120 „
Итого.	2,096 руб.

Изъ акцизныхъ чиновниковъ въ Гадрутѣ живутъ двое:

1) Старшій питейный Контролеръ и 2) одинъ надсмотрщикъ.	
Содержаніе Контролера съ разъѣздными.	1,050 руб.
„ надсмотрщика	620 „
Итого	1,670 руб.

Штабъ съ лазаретомъ. Онъ находится къ юго-востоку отъ Гадрута, на поль-версты. Этотъ штабъ прежде былъ въ западной части сосѣдней деревни—Ванкъ, въ составѣ лазарета (почему и самое мѣсто получило названіе „урочище Ванкъ“). Основаніе его въ Ванкъ положено въ 1838 году. Отсюда онъ перенесенъ на нынѣшнее мѣсто въ 1847. Все время существованія его составляетъ 49 лѣтъ.

При штабѣ стоитъ первый Полтавскій конный казачій полкъ, Кубанскаго войска.

Дома здѣсь одноэтажные и устроены на европейскій ладъ; камнаты расположены въ извѣстномъ порядкѣ и снабжены приличною обстановкою. Вокругъ всѣхъ домовъ, за исключеніемъ квартиры полкового командира и казармы, обведена невысокая стѣна. Эти дома, будучи расположены на террасѣ и, частью, на ровной площади, издалека имѣютъ красивый видъ.

V. Жилище, домашняя обстановка; пища, одежда; языкъ и религія гадрудцевъ.

Жилище, домашняя обстановка. Съ внутренней стороны, жилище гадрутца имѣетъ видъ четырехгранной пирамиды, основаніемъ которой служатъ четыре стѣны, окруженные снаружи, большею частью съ трехъ сторонъ, землею. Плоскія крыши такихъ домовъ представляютъ, мѣстами, одну сплошную площадь, на которой виднѣются только конусообразныя возвышенія, служація дымопроводными отверстіями. Въ каждомъ углу, на высотѣ стѣнъ, вертикально вбиты однимъ концомъ въ землю, или укрѣплены на каменной подставкѣ, по одному толстому четырехгранному столбу, называемому, по мѣстному, *сунъ* или *сутунъ* (*սիւն կամ սիւթուն*). На нихъ, по направленію длины стѣнъ, кладутся четыре толстыя балки, или правильнѣе, круглыя бревна. Затѣмъ, на этихъ послѣднихъ, наклонно возвышаются круглыя или неправильныя четырехгранныя стропила, плотно соприка-

сающихся другъ съ другомъ боками. Такимъ образомъ, получается четырехгранная пирамида, имѣющая основаніемъ четырехгранное тѣло, а боковыя стороны четыре треугольника съ отсѣченною вершиною, оканчивающеюся отверстіемъ для прохода свѣта и выхода дома. Когда все это сдѣлано, для закрытія снаружи всѣхъ дырокъ и щелей, настиляется крыша, сначала соломою, за нею колючками, а подъ-конецъ, сверху насыпается земля. Крыши такихъ жилищъ, несмотря на толстый слой насыпанной земли, все-таки протекаютъ даже во время небольшого дождя. Въ виду этого обстоятельства, заботливые хозяева, при началѣ дождя, какъ только земля немного размягчится, начинаютъ бить крышу особымъ, приспособленнымъ къ тому, домашнимъ орудіемъ, до тѣхъ поръ, пока всѣ трещины закроются, и течь, такимъ образомъ, прекращается. Орудіе это дѣлается изъ деревяннаго шеста, длиною около сажени, къ одному концу коего прикрѣпляется баранья или козловая шкура.

Для варенія пищи и нагрѣванія жилища, въ самой срединѣ его разводится огонь, отчего внутренность жилища покрывается сажею и копотью, а всѣ домашнія вещи желтѣютъ. Вотъ почему подобнаго рода жилище, по мѣстному, называется *карадамъ* (*қарадам*), что значитъ *черный домъ или черная хата* или *изба*.

При входѣ въ карадамъ гадрутца, прежде всего бросается въ глаза очагъ, гдѣ пылаетъ огонь; вокругъ него, обыкновенно, располагаются на разостланныхъ коврахъ или паласахъ, поджавши ноги, всѣ члены семьи. Отецъ, какъ старшій членъ семьи и глава дома, занимаетъ почетное мѣсто около самаго очага. Въ одномъ изъ угловъ жилища хорошаго домовитаго хозяина помѣщаются разной величины кувшины, съ маринованными или посоленными овощами; здѣсь вы найдете капусту, *похи* (перекати-поле), огурцы, помидоры, перецъ, и проч. Въ другомъ углу лежитъ большое деревянное корыто съ пе-

ченными круглыми и плоскими хлѣбами, называемыми, по мѣстному, *прозь* (*чррч*).

Въ третьемъ, стоятъ мѣшки, по мѣстному, *чуваль*, вытканые изъ овечьей шерсти, съ мукою и другими хлѣбными зернами. Въ четвертомъ углу помѣщается курятникъ, надъ которымъ лежатъ земледѣльческія орудія, остатки шкуръ и кожь убитыхъ или издохшихъ, отъ разныхъ болѣзней, домашнихъ животныхъ. Передъ одною стѣною, вдоль ея, сдѣлана деревянная тахта, съ аршинъ высоты и около 10 аршинъ длины, куда укладываютъ постель и другія домашнія вещи; а подъ тахтою прячуть посуду. Около другой стѣны стоятъ *карасы*, съ водкою. На стѣнахъ развѣшаны сушенныя овощи, веревки, маленькіе мѣшки съ орѣхами и другими сушеными фруктами. Освѣщается жилище гадрутца одною глиняною лампадою, въ которой горитъ черная нефть; фитиль дѣлается изъ остатковъ старыхъ, совершенно изношенныхъ, бумажныхъ матерій. Всякаго рода горячія кушанья готовятся женщинами на очагѣ, а хлѣбъ два раза въ недѣлю, пекутъ на *тондирь*.

Для топлива употребляютъ, исключительно, дрова, которыя доставляются изъ окружающихъ казенныхъ и помѣщичьихъ лѣсовъ. Кубическая сажень такихъ дровъ продается здѣсь отъ 12—15 руб. и болѣе, лошадиный вьюкъ 35—60 коп., ешачій 15—35 коп.

Пища. Всѣ жители употребляютъ пшеничный хлѣбъ; состоятельные же крестьяне, проживающіе здѣсь шушинцы и чиновники (изъ армянъ) пекутъ дома каждый разъ, изъ 10—12 пудовъ муки, тонкій и продолговатый хлѣбъ, называемый, по здѣшнему, *лавашъ* (*лшлш2*); хлѣбъ этотъ въ длину болѣе аршина, а въ ширину $\frac{1}{4}$ арш. Послѣ печенія, лаваша сушатся на солнцѣ и затѣмъ уже складываются другъ на друга, на особо приготовленномъ мѣстѣ, и сохраняются по цѣлымъ мѣсяцамъ. Затѣмъ, каждый день, по мѣрѣ надобно-

сти, берутъ нѣсколько штукъ такихъ лавашей и немного сбрызгиваютъ съ руки водою, отчего они дѣлаются мягкими и годными для ѣды. Здѣшній хлѣбъ отличается своимъ бѣлымъ цвѣтомъ, мягкостью, хорошимъ вкусомъ и, несомнѣнно, питателенъ.

Въ каждый изъ скоромныхъ дней, осенью и зимою, въ Гадрутѣ рѣжется, среднимъ числомъ, до пяти быковъ или коровъ и до 10 барановъ и свиней. Здѣшніе, какъ и карабахскіе, бараны отличаются отъ эриванскихъ и нахичеванскихъ тѣмъ, что хвостъ у нихъ гораздо меньше, и мясо вкуснѣе, чѣмъ у послѣднихъ.

Баранина цѣнится дороже говядины; фунтъ баранины продается отъ 5—10 коп., тогда-какъ говядина отъ 3—5 коп.

Въ скоромные дни гадрутскими армянами употребляютъ слѣдующія кушанья: 1) пловъ (*փրով*), 2) влолажъ или кувта (*զլուղի կամ քովապա*), 3) долма (*դումա*), 4) бозбашъ (*բոզբաշ*), 5) лула-кабабъ (*լուլաքարար*), 6) шишыкъ, или хоровацъ (*խորոված*), 7) буркутъ съ мясомъ, родъ хариси, (*կուրգուտ կամ հարիսա*), 8) тану-панджаръ (спасъ или апуръ) (*թան ու բանձար*), 9) сыръ (*պանիր*), 10) масло (*իւղ*), 11) молоко (*կաթ*), 12) кислое молоко (*մածունի*), 13) ватовъ-джапъ (*կաթով ճաշ*), молочная, каша, 14) мса-джапъ (*մսաճաշ*), азіатскій супъ и 15) яичница (*իւղածու*).

Въ постные дни употребляются: 1) лоба-хашу (*լոբախաշու կամ լոբաճաշ*), 2) цетовъ (постное масло), пловъ и кашовы (*ձէթով փրով և բաշովի*), 3) бозбашъ съ грибами или картофелемъ и постнымъ масломъ (*կարտոփով կամ սուկնզով բոզբաշ*), 4) хашхашовъ шорва (хашхашъ значитъ макъ) (*խաշխաշով շորվաջ կամ ճաշ*), 5) качапъ (*կաջապ*), 6) хашиль (*խաշիլ*), 7) вчехашъ (*գջեխաշ*), 8) картофель (*գեանախնձոր*), 9) рѣпа (*պողկ*), 10) лузъ (*սոխ*), 11) маринованныя капуста и похи (переватиполе) (*թթվուճ գրած կաղամբ և բոխի*), 12) огородная зе-

лень и нѣкоторыя полевыя травы, какъ-то: мальва, щавель, подснежникъ, спаржа и др. *).

Одежда. Всѣ жители Гадрута мужского пола, кромѣ служащихъ, поверхъ рубахи носятъ архалукъ, доходящій до коленъ, съ рукавами, по длинѣ рукъ; верхнимъ платьемъ служить чуха или черкесска, сшитая изъ мѣстнаго грубаго сукна или изъ лезгинскаго; лезгинское сукно, или шаль, гадрутцы приобретаютъ въ Шушѣ. Изъ такого же сукна носятъ брюки или шаровары. Чуха или черкесска, зимою, у многихъ замѣняетъ пальто.

Шубу и тулупъ изъ овечьей шкуры и пальто изъ лезгинскаго сукна носятъ только состоятельныя лица. Архалукъ опоясывается болѣе или менѣе цѣннымъ поясомъ съ серебряными пуговками, цѣною отъ 10—20 рублей. На головѣ мужчины носятъ конусообразную или цилиндрическую папаху, изъ бараньяго мѣха, съ короткою и курчавою шерстью. Въ послѣднее время, многіе изъ молодыхъ стали носить европейскія шапки съ козырьками. Мало-мальски образованные гадрутцы ходятъ въ сапогахъ, другіе въ азіатскихъ кошахъ, нѣкоторые же въ лаптяхъ. Женскій полъ, одѣтый по-грузински, носитъ полусапожки, а всѣ остальные женщины азіатскія коши, называемыя здѣсь *сагри башмакъ или чмошкъ*.

Головной уборъ у здѣшнихъ и, вообще, карабахскихъ армянокъ. Онъ состоитъ изъ слѣдующихъ вещей:

- 1) Таки-лачакъ (*տակի լաչակ*).
- 2) Кляха-шоръ (*գլխաշոր*).
- 3) Пали или тачъ (*պալի կամ թաջ*).

*) Здѣсь я ограничился только наименованіемъ мѣстной пищи, по той причинѣ, что бывшимъ учителемъ Эриванской гимназіи, г. Зелинскимъ, было довольно подробно составлено описаніе пищи у армянъ (см. „Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа.“ Выпускъ II. Отд. II. стр. 73—84). У насъ готовятъ такъ-же, какъ у Эриванцевъ, только съ нѣкоторою незначительною разницею.

4) Джакатаноць (*ճակատանոց*), съ золотыми или серебряными монетами.

5) Чанабантъ съ золотыми или серебряными шариками или пуговками (*չանաբանդ ոսկի կամ արծաթի բոժոժներով*).

6) Кетеаль, подъ который владутъ мягкій воланъ или подушечку для втыканія булавокъ (*քէթկալ, որի տակին դնում են խրնչու փափուկ բարձ կամ տալու քորոցները ջջելու համար*).

7) Коли-лачакъ (*կոլի լաչակ*).

8) Большой шелковый чергаты или чершавъ (платокъ или покрывало) (*մեծ արբեշուժի չարղաթ կամ չարշաւ*).

Старинный головной уборъ у карабахскихъ старухъ-армянокъ. 1) Таки-лачакъ (*տակի լաչակ*).

2) Клхи или веревы лачакъ (*գլխի կամ վերևի լաչակ*).

3) Варси-аглухъ (*վարսի աղուխ*).

4) Тапа или джакатаноць съ серебряными монетами (*թափա կամ ճակատանոց արծաթի փողերով*).

5) Поза-шоръ (*պոզա-շոր*).

6) Чинабантъ съ серебряными шариками или пуговками (*չինաբանդ արծաթի բոժոժներով*).

7) Большой чершавъ или лачакъ, или шаль (*չերշավ, կամ լաչակ կամ շալ*).

8) Коли Шамаху аглухъ, замѣняющій бородку (*Գոլի Շամախու աղուխ, որը միրուքի տեղ է բռնում*).

Вообще же платьемъ служатъ: 1) цилиндрическая рубашка, по длинѣ всего тѣла, съ рукавами и особыми узорчатыми нагрудниками; 2) узкіе кальсоны или панталоны съ теплою подкладкою; немного повыше ступни надѣваютъ *когеръ* (*քողեր*), сотканный изъ шерсти, пополамъ съ шелкомъ; 3) поверхъ рубахи навѣдаютъ архалуекъ; 4) затѣмъ, носятъ бархатную или шелковую шубу, по длинѣ роста, съ длинными висячими рукавами; сверху шуба опоясывается шелковымъ или бумажнымъ *коти* (кушакъ).

Язык и религія. Такъ-какъ Гадрутъ населенъ, исключительно, армянами, то всѣ говорятъ на армянскомъ языкѣ, примѣшивая къ нему татарскія и русскія слова. Армяне, при встрѣчѣ съ татарами, говорятъ по-татарски, а съ русскими по-русски.

Послѣ принятія русскаго подданства и основанія здѣсь штаба, жители, часто вращаясь между русскими, имѣли возможность научиться говорить по-русски; теперь почти всякій безграмотный поселянинъ въ состояніи говорить по-русски. Открытіемъ же въ 1885 году здѣсь земскаго нормальнаго училища, дана возможность молодому поколѣнію получать правильное первоначальное образованіе. Всѣ жители Гадрута армяно-григоріанскаго исповѣданія. Въ центрѣ села находится весьма красивая армянская церковь. Въ этой церкви служатъ два армянскихъ священника, которые жалованья не получаютъ, а живутъ на добровольныя вознагражденія за совершаемыя ими требы.

VI. Свадьба; различные обряды при рожденіи и крещеніи, похоронахъ и поминкахъ, и праздники.

Свадьба. Предъ свадьбой женихъ заблаговременно покупаетъ пару быковъ, изъ которыхъ наканунѣ вѣнчанія одного, по мѣстному обычаю, отправляетъ въ домъ невесты, а другого оставляетъ для своихъ гостей. Свадьбы у здѣшнихъ крестьянъ бывають, исключительно, зимою, и, большею частію, на масленицѣ. Въ день свадьбы, утромъ, одинъ изъ близкихъ родственниковъ жениха, разноситъ по домамъ листъ бумаги, исписанный именами и фамиліями приглашенныхъ на свадьбу гостей. Тоже самое дѣлается со стороны родителей невесты. Гости, приглашенные на свадьбу, прочитавъ свои имена, отмѣчаютъ, согласны ли они, или нѣтъ, присутствовать на торжествѣ. Вечеромъ того-же дня, желающіе изъ приглашенныхъ соби-

раются въ домъ жениха, гдѣ, при звукахъ зурны, ихъ угощаютъ чаемъ, водкою и виномъ. Затѣмъ женихъ, онъ же *царь*, садится на стулъ или тахту, а за нимъ становится цырульникъ, который, наточивъ бритву, бреетъ его лицо; когда онъ кончитъ свое дѣло, всѣ присутствующіе гости, по-одиночкѣ, подходятъ въ жениху, цѣлуются съ нимъ и кладутъ въ заранѣе приготовленный для этой цѣли платокъ по нѣскольку копеекъ въ пользу цырульника. Потомъ является приходской священникъ и освящаетъ подвѣчное платье. Женихъ, получивъ родительское благословіе, вмѣстѣ съ гостями, по приказанію *той-баши*, т. е. главы свадьбы, отправляется въ домъ невѣсты.

Тамъ повторяется освященіе подвѣчнаго платья, и въ полночь женихъ и невѣста, съ гостями, идутъ, съ зурною, въ церковь. По совершеніи обряда вѣнчанія, возвращаются въ домъ невѣсты, и, подъ звуки зурны, гости ѣдятъ, пьютъ, танцуютъ и веселятся до разсвѣта. Какъ только начинается утренняя заря, всѣмъ присутствующимъ раздается по восковой свѣчкѣ, и новобрачные, въ сопровожденіи зурны, медленно отправляются въ домъ жениха; проводивъ молодыхъ, всѣ гости расходятся.

На слѣдующій день, гости являются въ домъ жениха на обѣдъ; всѣ разсаживаются, поджавши ноги; кушанья сперва подаются мужчинамъ, а затѣмъ женщинамъ. Въ концѣ обѣда, каждый изъ присутствующихъ гостей подноситъ новобрачнымъ подарки, которые, большею частью, заключаются въ вещахъ или деньгахъ, отъ 40 коп. до 10 руб., смотря по состоянію и родственнымъ связямъ. Но этотъ обычай постепенно выводится, и слѣды его остались только между малообразованными жителями. Здѣсь болѣе всего интересно то обстоятельство, что невѣсту прячутъ за занавѣсомъ, въ одинъ изъ угловъ того дома, гдѣ сидятъ приглашенные гости. Уголь этотъ, вмѣстѣ съ занавѣсомъ, называется, по мѣстному, *кярдакъ*. До сорока дней бѣдная невѣста

должна сидѣть тамъ; туда же подаютъ ей ѣсть и пить. До истеченія года она обязана ходить не иначе, какъ съ закрытымъ лицомъ; а до первыхъ родовъ она не вправѣ говорить какъ съ родителями мужа, такъ и со старшими членами ближайшихъ его родственниковъ. Въ теченіе всего этого времени, ей, въ случаѣ надобности, дозволяется объясняться съ ними только при посредствѣ переводчиковъ; роль послѣднихъ исполняютъ маленькія дѣти.

Дѣвушка, при выходѣ замужъ, получаетъ изъ отцовскаго дома пару мафрашей, большой паласъ, коверъ, мѣдный кувшинъ, сумку и постель. Все же остальное имущество сыновья, по смерти отца, дѣлятъ поровну между собою.

Крестины. На слѣдующій день послѣ рожденія дитяти, всѣ родственники и знакомые спѣшатъ поздравить родителей, при этомъ выражаютъ свои пожеланія ребенку въ будущемъ счастья, а больной родительницѣ скорого выздоровленія. Въ день крестинъ дитяти, рано утромъ, отъ родственниковъ получаютъ подносы съ фруктами, съ раскрашенными яйцами, хлѣбнымъ печеніемъ, сладостями и по бутылкѣ водки. Родители новорожденного приглашаютъ поздравившихъ, вмѣстѣ съ приходскимъ священникомъ и крестнымъ отцомъ, въ свой домъ, гдѣ стараются, возможно лучше, угостить гостей.

Обряды при похоронахъ и поминкахъ. Когда кто-либо серьезно заболѣетъ, всѣ родственники спѣшатъ навѣстить больного. Наболѣе пожилые изъ родственниковъ, видя трудное положеніе больного, стараются ласковыми словами утѣшить родителей, и обнадеживаютъ ихъ скорымъ выздоровленіемъ.

Въ случаѣ же смерти больного, тотчасъ являются родственницы, сосѣдки, а иногда даже постороннія женщины, которыя садятся кругомъ трупа умершаго и оплакиваютъ его.

При этомъ, одна изъ этихъ женщинъ, болѣе свѣдущая старуха, высказываетъ въ печальныхъ пѣсняхъ лучшія достоинства покойнаго и всѣ событія его жизни, а остальные поддерживаютъ ее довольно протяжнымъ хоромъ.

Послѣ обмыванія тѣла, являются родственники и священникъ; усопшаго выносятъ въ церковь, гдѣ оставляютъ на ночь.

Утромъ слѣдующаго дня, въ часовъ 8 или 9, священникъ служитъ въ церкви обѣдню; оттуда женщины, послѣ прощальнаго отпѣванія, возвращаются въ домъ умершаго, а мужчины несутъ тѣло на кладбище, гдѣ совершаются, по общепринятому у христіанъ обычаю, похороны.

Съ кладбища всѣ присутствовавшіе на похоронахъ возвращаются тоже въ домъ покойника, гдѣ ѣдятъ по тарелкѣ приготовленнаго для нихъ *куркута*, *) пьютъ по нѣсколькѣ стакановъ вина и, затѣмъ, расходятся по домамъ.

Такимъ же образомъ совершаются у состоятельныхъ людей *седмица* (*հոգի*) и *годовщина* (*ամրի*).

Въ дни поминокъ усопшихъ, совершаемыхъ у здѣшнихъ армянъ пять разъ въ году, именно по *навакатикамъ*, тянутся, со всѣхъ сторонъ, къ кладбищу толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей, неся съ собою, заблаговременно приготовленные для этой цѣли, всякаго рода, съѣстные припасы. Тамъ, со всѣхъ сторонъ, раздается монотонное гнѣіе священниковъ, плачь, рыданіе и вопли сердобольныхъ плакальщицъ; этими воплями оглашаются всѣ окрестности кладбища; отовсюду, отъ куренія ладаномъ, подымается дымъ. По совершеніи всего этого, раздавъ остатки, взятыхъ съ собою, припасовъ нищимъ, всѣ возвращаются къ вечеру домой.

Навасартъ. Осенью, послѣ недѣльнаго поста, у армянъ наступаетъ праздникъ „Навасартъ“, (*նահաւորթ*) который считается у нихъ новымъ годомъ. Праздникъ Навасартъ у здѣшнихъ армянъ сопровождается приготовленіемъ *куркута*, который готовятъ ночью и ѣдятъ рано утромъ, а въ другихъ деревняхъ пекутъ разныя хлѣбныя печенія. Здѣсь сохранился весьма рѣдкій обычай, состоящій въ томъ, что раннимъ утромъ этого

*) *Куркутъ* — пшеничная крупа, которую варятъ съ говядиной или бараниной.

дня, жители цѣлыми толпами рвутся въ домъ сельскаго старшины и подносятъ ему въ подарокъ по яблоку, съ воткнутыми серебряными монетами, и по бутылкѣ водки, чѣмъ выражаютъ ему свою признательность за безвозмездныя услуги, оказываемыя имъ обществу.

Старшина въ этотъ день, чинно сидя у себя дома, съ особенно-пріятнымъ удовольствіемъ принимаетъ всѣхъ посѣтителей и, получая отъ нихъ подносимыя подарки, кладетъ ихъ въ лежащій предъ нимъ для этой цѣли подносъ. Затѣмъ сажаетъ всѣхъ гостей на устланныя вдоль стѣнъ ковры и угощаетъ ихъ любимымъ и уважаемымъ всѣми кушаньемъ — куркутомъ, водкою и виномъ.

Недѣльный постъ наканунѣ Рождества Іисуса Христа. Съ 1-го дня поста до Крещенія, по всѣмъ переулкамъ села бродятъ толпы крестьянскихъ мальчишекъ. Каждая партія состоитъ изъ 8—10, вооруженныхъ палками, мальчиковъ, лѣтъ 10—12. Одинъ изъ нихъ несетъ сумку или мѣшокъ, другой колокольчикъ; мальчики хоромъ поютъ церковную пѣсню о Рождествѣ Спасителя.

Хозяева, по окончаніи пѣсни, вознаграждаютъ ихъ мукою, крупю, яйцами, масломъ, солью, хлѣбомъ и дровами. Обойдя, такимъ образомъ, нѣсколько ближайшихъ деревень, мальчики чрезъ 6, 7 дней возвращаются домой.

Часть собранныхъ вещей продается ими, и на вырученныя деньги покупается желаемая провизія; затѣмъ, каждая партія кутить (?) по нѣскольку дней, а всю оставшуюся часть добычи дѣлятъ поровну между товарищами. Дѣлежъ этотъ иногда сопровождается дракою и ссорю: старшіе обижаютъ маленькихъ, давая имъ меньше слѣдуемой части.

Въ послѣдній вечеръ предъ Крещеніемъ, по выходѣ изъ церкви, священники, по общепринятому у армянъ обычаю, ходятъ освящать дома. Примѣру ихъ слѣдуютъ цѣлыми толпами деревенскіе мальчики, которые, ради полученія нѣсколько ко-

пеекъ, лѣзутъ въ дома, не давая всю ночь покою жителямъ, въ особенности, чиновничьему классу.

Оригинальнѣе всего слѣдующая церемонія: одинъ изъ этихъ мальчиковъ играетъ на дудкѣ, другой на барабанѣ, третій спускаетъ чрезъ дымоотводное отверстіе корзину съ яблоками или другими фруктами и съ зажженной свѣчою, держа въ рукахъ конецъ, привязанной къ корзинѣ, веревки; желающіе берутъ что-нибудь изъ корзины и, взамѣнъ, кладутъ въ корзину нѣсколько копеекъ; четвертый товарищъ заходитъ съ сумкою въ домъ за полученіемъ муки или какого-либо другого подаянія; пятый беретъ масло и соль; шестой яйца и хлѣбъ; седьмой тащить дрова; восьмой, надѣвъ маску, шутитъ и танцуетъ.

Тоже самое практикуется дѣтьми и въ первый день новаго года и на масленицѣ.

Масленица. На масленицѣ, начиная съ четверга до вторника, т. е. включая сюда и 2 дня великаго поста, всѣ женщины, мужчины и дѣти перестаютъ работать.

Въ теченіе этихъ 5 дней женщины и дѣти отдаются разнымъ играмъ и забавамъ; преимущественно, качаются на качеляхъ; а мужчины, не исключая и взрослыхъ, играютъ въ снѣжки, горѣлки, жмурки и другія игры.

Религіозные армяне, предвидя семинедѣльный постъ, всѣ правила коего должны быть соблюдаемы ими точно, въ теченіе послѣднихъ двухъ дней масленицы, ѣдятъ и пьютъ особенно много. Въ послѣдній вечеръ масленицы, въ каждомъ домѣ, кромѣ другихъ кушаньевъ, готовится обязательно пловъ.

Послѣ ужина, въ каждой семьѣ простолюдина, дѣти подаютъ отцу поднось, въ которомъ находятся, заранѣе приготовленные ими, разнаго рода, фрукты съ *кнута* и *веревкою*. Отецъ за такую услугу вознаграждаетъ ихъ нѣсколькими копейками. Кнутъ и веревка, по рассказамъ народа, символически обозначаютъ, что, если отецъ откажетъ имъ въ вознагра-

гражденіи, дѣти взбунтуются и, въ родѣ шутки, свяжутъ веревкою руки и ноги его, и будутъ бить кнутомъ. Вечеръ этотъ сопровождается ружейною стрѣльбою почти изо всѣхъ домовъ.

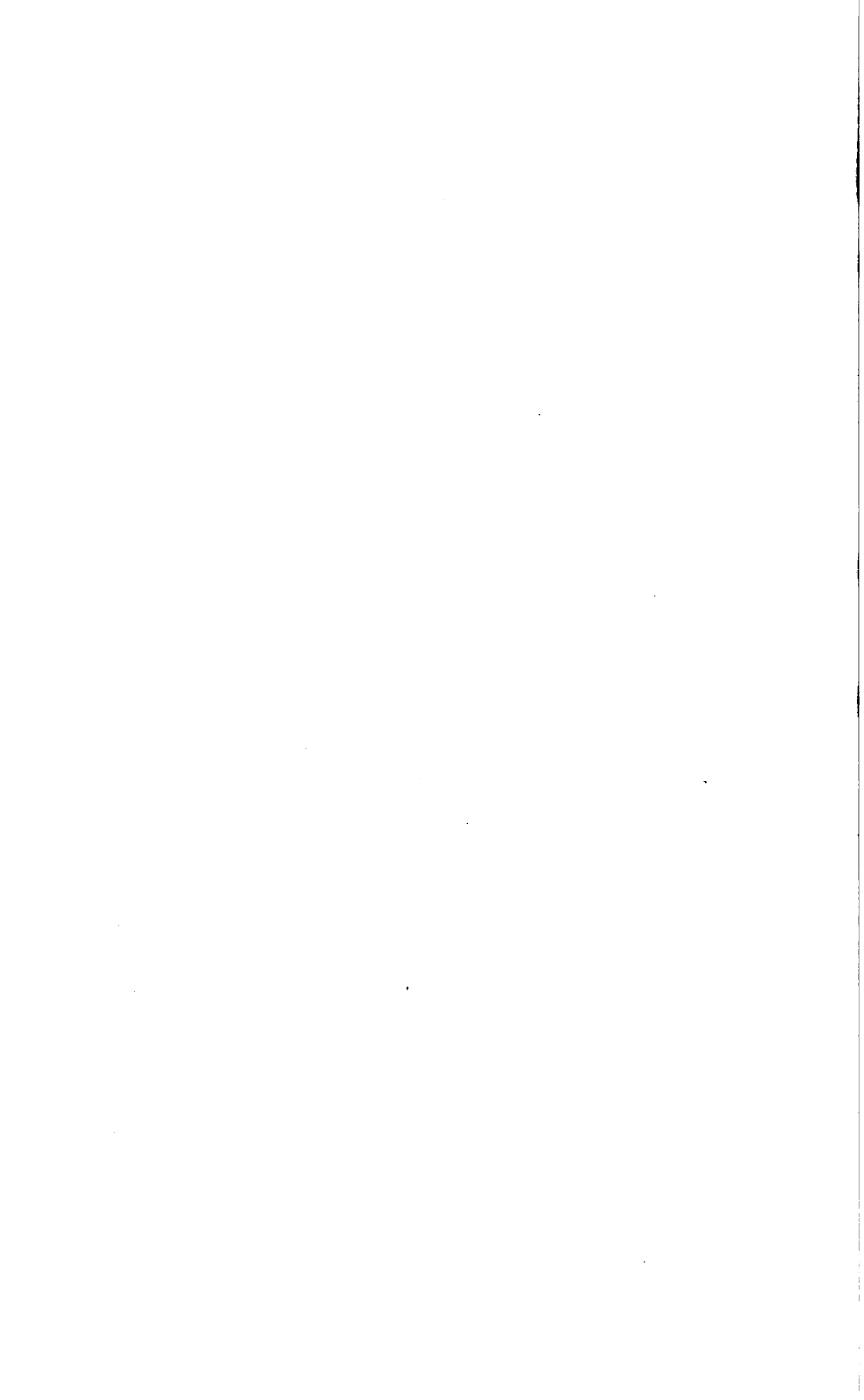
Первый день великаго поста. Рано утромъ, всѣ уже на ногахъ, и въ домѣ религіознаго гадрутца царствуетъ тишина; всѣ вспоминаютъ о 49 постныхъ дняхъ. Вдругъ отворяется дверь, являются мальчики сосѣдей и близкихъ родственниковъ: они, молча, подходятъ сначала къ старшимъ, потомъ къ младшимъ членамъ семьи, цѣлуютъ руки, и, вынимая изъ кармана по яблоку или грушѣ, поздравляютъ семью съ великимъ постомъ. Иногда мальчики эти, по порученію своихъ родителей, являясь къ болѣе важнымъ лицамъ, несутъ съ собою по бутылкѣ водки, по тарелкѣ сухихъ фруктовъ или варенаго гороха и лобія.

Въ этотъ день и учащіеся мальчики также не забываютъ посѣтить своихъ учителей.

Смотритель Гадрутскаго двухкласснаго земскаго
нормальнаго училища, *И. Давидбековъ.*

Сел. Гадрутъ
1887 г.

ОТДѢЛЪ II.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

о нарѣчіи трапезондскихъ грековъ, съ образцами ихъ пѣсенъ.

Понтійскій, или трапезондскій, діалектъ, разсматриваемый въ его особенностяхъ.

Нѣкогда цвѣтущая имперія Комненовъ охватывала собою большую часть Малой Азіи, Грузіи и Арменіи. По крайней мѣрѣ, Алексѣй Великій Комненъ носилъ титулъ автократора Трапезунта, Понта, Ператіи и Ивировъ. Эта довольно внушительная монархія пала отъ нашествія османлисовъ 8 годами позже Константинополя, т. е. въ 1461 году, оставивъ намъ весьма неясныя слѣды своего духовнаго существованія.

Благодаря работамъ ученыхъ, теперь открываются новыя и новыя факты, проливающіе свѣтъ на исторію „великихъ Комненовъ“ и ихъ азіятскаго царства, которое такъ близко со-сѣдствуетъ нашему Кавказу, имѣя тѣсную связь съ исторіей Грузіи и Арменіи, что возбуждаетъ невольное любопытство въ изслѣдователѣ Кавказа, не говоря о томъ, что мы ежедневно видимъ трапезондскихъ грековъ въ предѣлахъ нашего края, имѣя о нихъ самыя смутныя и невѣрныя понятія.

Въ настоящемъ трудѣ мы имѣемъ въ виду не всестороннее изученіе исторіи и этнографіи Трапезунтской имперіи, — а изученіе языка трапезондскихъ грековъ, и съ сожалѣніемъ должны сказать, что въ этомъ отношеніи въ русской литературѣ ничего не сдѣлано.

Трапезондскій, или понтійскій, діалектъ, не оставившій намъ ни одного литературнаго памятника, принадлежитъ къ великой эллинской вѣтви индо-европейскихъ языковъ. Его начало скрывается во мракѣ временъ прошедшихъ; но настоящій видъ онъ могъ принять въ средніе вѣка подѣ влияніемъ византійскихъ и варварскихъ элементовъ.

Въ общемъ трапезондскій діалектъ, какъ онъ сохранился въ живой народной рѣчи, подчиняется всѣмъ правиламъ новогреческаго народнаго языка, а потому мы коснемся только особенностей трапезондскаго діалекта.

Ф о н е т и к а.

Въ фонетическомъ отношеніи трапезондскій языкъ вообще подчиняется правиламъ новогреческаго произношенія, но не *итацизму* слѣдуетъ приписать массу исключеній, а влиянію языка богослужебнаго и даскаловъ (учителей), которые, исходя изъ теоріи нуризма, портили языкъ, сами того не замѣчая. Еще очень недавно интеллигентный грекъ считалъ неприличнымъ говорить въ хорошемъ обществѣ по-трапезондски или, какъ презрительно его называли, *χυδαίικα* (грубый языкъ); и что-же обнаружилось послѣ серьезнаго научнаго отношенія къ презрѣнному діалекту? Нарѣчіе европейскихъ грековъ, такъ долго считавшееся чисто эллинскимъ, сравнительно съ трапезондскимъ, оказалось гораздо болѣе уклонившимся отъ древнегреческаго. Такимъ образомъ, живущіе у насъ на Кавказѣ греки говорятъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, по-гречески чище, чѣмъ жители прекрасной Эллады. Трапезондское нарѣчіе мало уклонилось отъ общаго новогреческаго языка. Вотъ эти уклоненія:

Начнемъ съ фонетики, именно съ гласныхъ звуковъ. Звукъ а, іотируясь, или послѣ придыханія h, даетъ странное для европейскаго слуха произношеніе: не то а, не то э, не то

я. Въ татарскомъ языкѣ звукъ этотъ слышенъ въ словахъ: *мынь* (мянь), *ات* (эth), *ال* (эль). Впрочемъ, въ трапезондскомъ языкѣ этотъ звукъ очень рѣдокъ: мы его слышимъ въ словахъ *ἡκεῖνος* (hâkenos)—онъ, *κ'ἤρ* (khâr) т. е. *καὶ ἄρ, ἐκ'ἰάν'* (ἐκεῖ ἄνω) чит. экянъ и т. д. Въ большинствѣ случаевъ *а* сохраняетъ свой чистый европейскій звукъ, подчиняясь общимъ правиламъ іотированія новогреческаго языка, за нѣкоторыми исключеніями, которыя читатель найдетъ въ этомъ сочиненіи.

Мы сказали выше, что звукъ *η* обыкновенно произносится какъ *ε*, и что есть масса исключеній, когда онъ слышится какъ *ι*.

Въ виду неувимости моментовъ перехода этого звука въ живой рѣчи, лучше было бы сказать, что звукъ *η* произносится—то какъ *ε*, то какъ *ι*; при чемъ въ глухихъ селеніяхъ народъ даетъ предпочтеніе звуку *ε*.

ο произносится какъ *ι*, но въ весьма рѣдкихъ случаяхъ какъ *υ* или *ου*, напр. *αὐτός* произносится аутось, *ὄμφη* (отъ полной формы *ὄμφη*)—нюфэ. Въ глуши звукъ *υ* (франц. *υ*) слышится чаще.

ι (русское *і*) передъ и послѣ гласныхъ даетъ звукъ, схожій съ русскимъ *й*, или же переходитъ въ неясное придыханіе. Іотированные звуки такъ тонки, такъ не ясны, такъ разнообразны, что ускользаютъ отъ всякаго опредѣленія. Это маленькія ноты языка. Вѣроятно, знаменитая дигамма (F), звукъ которой спустился въ преисподнее царство Плутона вмѣстѣ съ античными эллинами, напоминалъ чтецамъ объ этихъ тончайшихъ форшлагахъ языка. Если современнымъ спиритамъ не удастся вызвать тѣнь какого-нибудь древняго чтеца для декламаціи стиховъ Гомера, то лингвистика, вѣроятно, успѣетъ сдѣлать это при помощи точныхъ данныхъ сравнительнаго языкознанія.

Не одна только іота имѣетъ свойство придавать звукамъ

особое придыханіе; тоже самое мы замѣчаемъ и во всѣхъ прочихъ гласныхъ и согласныхъ; напр. α и ε въ словѣ ἀετός произ. какъ айтось, а иногда аетось (ajetos), ὄβον—овонъ, угонъ и оһонъ (ὠβόν). Это фонетическое явленіе можно опредѣлить слѣдующимъ правиломъ: при стеченіи гласныхъ, они или іотируются или же принимаютъ вставочное придыханіе, часто едва уловимое.

Дифтонги въ этомъ діалектѣ большею частью фиктивные; но двойственность ихъ звуковъ (хотя весьма рѣдко) даетъ себя чувствовать въ нѣкоторыхъ словахъ; напимѣръ: οἰνᾶρι (ум. отъ οἶνος—οἰνᾶριον) произносится ойнари (винцо), χαίρε-μένος (отъ χαίρω—радуюсь)—хайременось и т. д. οι имѣетъ всегда звукъ йи; εи иногда произносится какъ русское—ье, напр. въ словѣ ἐκεῖ (чит. âkje). Чѣмъ грубѣе анатолийскіе греки и чѣмъ больше отдалены отъ цивилизованныхъ центровъ, тѣмъ болѣе странностей обнаруживаютъ въ произношеніи гласныхъ. На эти мнимыя странности слѣдовало бы наукѣ обратить особое вниманіе.

Въ заключеніе о гласныхъ скажемъ, что они, по видимому, потеряли и въ трапезондскомъ діалектѣ свое долгое произношеніе, т. е. всѣ гласные—короткіе; что же касается просодии, то она очень мало уклонилась отъ общегреческой. Придыханіе же рѣдко совпадаетъ съ грамматическимъ, а иногда противорѣчитъ ему. Иногда оно очень ясно, напимѣръ, въ словѣ ἔως (чит. hūs—гюс), а иногда едва замѣтно, напр. въ словѣ ὕπνος *).

Относительно согласныхъ слѣдуетъ замѣтить, что буква х иногда произносится, какъ арабское *ح* или арм. *ք* (kh) **), напр. χέν (отъ οἶκ ἐῖνα) произносится khen. Слово ἐκκλησία произносится энглэсія (englessija).

Звукъ λ передъ іотированными гласными переходитъ бу-

* Въ самомъ грубомъ говорѣ произносить буквально йинось (γύπνος).

**) Гдѣ оба звука k h сливаются въ одинъ.

квально въ —ль, хотя бы смягчающій гласный и подразумѣвался; напр.: ὄλλ' (всѣ) чит. оль.; но и ὄλλα произносится какъ альля (тутъ двойное λ не причесть, потому что ἄλλα произносится просто алла).

Звукъ υ, какъ эфельстиконъ, употребляется чрезмѣрно часто, даже передъ начальнымъ согласнымъ слѣдующаго слова. Σ передъ κ имѣетъ русскій звукъ ш передъ гласными и двугласными, звучащими какъ э или і: σκέυος (шкэвость), σκεπάζω (шкэпазо—закрываю), σκύλος (шкылось—собака). Σ передъ χ при тѣхъ-же условіяхъ переходитъ въ ш (шк): σχίζω (шкизо—рву), а передъ другими гласными въ σκ: σκολεῖον скблленъ (съ переходомъ ударенія). Χ тоже передъ звуками э и і переходитъ въ ш: χεῖρ (шээръ), χίλια (шилля), χαίρετῶ (шаретῶ). Слово χύω произн. какъ кшино, а слово ψυχή—пшпи.

Ξ и ψ имѣютъ склонность переходить въ кш, пш, но переходъ этотъ, повидимому, не подчиняется правиламъ: δεξιὰ (дхешя съ переходомъ ударенія)—направо, ψήνω (пшэно).

Μορφολογία.

Знакомый съ новогреческимъ народнымъ языкомъ очень легко пойметъ измѣненіе въ именахъ и глаголахъ трапезондскаго діалекта, который, впрочемъ, выбрасываніе цѣлыхъ окончаній и даже слоговъ въ корнѣ довелъ до крайности. Въ склоненіяхъ именъ мы встрѣчаемъ слѣдующія особенности:

Въ един. числѣ 1-го склоненія именъ на —ης, въ родительномъ стоитъ нерѣдко—η, вмѣсто—ου; напр. ὁ μαθητής, род. будетъ τῆ μαθητῆ (ти маэти), вм. τοῦ μαθητοῦ; во множественномъ видимъ суффиксъ—αδ—ανт: μαθητάδες, μαθητάντων (и μαθητάδων).

Во 2-мъ склоненіи окончаніе—ος имѣетъ и другую форму—ων, напр.: ὁ ἄνθρωπος и ὁ ἀνθρώπ-ων, ὁ λύκος и ὁ λύκων.

Какъ и въ 1-мъ склоненіи, во множественномъ имѣется суффиксъ—*αυτ-* и —*αδ-*, а въ ед. род. флексія—*η*, *υ*. Затѣмъ слѣдуетъ страшная аномалія и отсутствіе падежныхъ окончаній. Въ трапезондскомъ языкѣ иногда показывается окончаніе дательнаго падежа въ видѣ свистящаго *ο* *οις*, а потомъ снова исчезаетъ.

3-ье склоненіе можно изучить только на примѣрахъ, для чего предлагаемъ текстъ народныхъ пѣсень.

Уменьшительныя имена имѣютъ чисто трапезондскій суффиксъ—*όπον* *): *λαλ-όπον* (голосокъ), *δεντρόπον* (деревцо), для выраженія именъ ласкательныхъ.

Примѣры I-го склоненія.

Единств. число.	Множ. число.
И. ο μαθητ-ής,	οι μαθητά-δες и άντες
Р. τοῦ и τῆ μαθητῆ (οῦ)	τῶν — δων-άντων
В. τὸν μαθητήν.	τούς — άδας-άντας
И. ἡ μάγισσα (колдунья)	αἱ μάγισσ-αι-ς (чит. мѣйсесъ)
Р. τῆς или τῆ μάγισσας	τῶν μαγισσά-δων
В. τήν μάγισσαν	τάς μαγισσά-δαις
И. ἡ μαμή (бабка),	μαμήδες
Р. τῆς (τῆ) μαμῆς,	μαμήδων
В. τήν μαμήν.	μαμή-δαις.

Примѣры II-го склоненія.

Единств. число.	Множ. число.
И. ὁ ἄνθρωπ-ος и -ων	οἱ ἄνθρώπῃ или -οι **)
Р. τῆ ἄνθρώπου и τῆ ἄνθρωπ-ῆ	τῶν ἀνθρώπων-ῶν
В. τὸν ἄνθρωπ-ον	τούς и τῆ ἄνθρώπῃς и -οος
И. τὸ πρόβατον	τὰ πρόβατα

*) Тутъ звукъ *υ*, если не ошибаюсь, есть сокр. и измѣн. мѣст. *μοῦ* (*μῦ*).

**) Тогда удареніе правильное: на предпослед.

Р. τῆ προβάτῃ	τῶν προβάτων -των (ѣтъ)
В. τὸ πρόβατον	τὰ πρόβατα.

Примѣры III-го склоненія.

Единств. число.	Множ. число.
И. ὁ νοῦς	(τά) νοοσίματα (въ смыслѣ: „думы“)
Р. τῆ νοοσῆ (рѣдво)	τῶν νοοσίματων
В. τὸν νοῦν	νοοσίματα

Нѣсколько словъ объ особенностяхъ частей рѣчи.

Въ родахъ именъ прилагательныхъ насъ поражаетъ одно странное явленіе: женскій и муж. роды въ предм. одушевленныхъ выражаются нерѣдко въ формѣ среднего рода, имѣя въ тоже самое время свою правильную форму; напр. можно сказать ὁ καλὸς ἄνθρωπος, ἡ καλὴ γυναῖκα; правильно будетъ также, если скажемъ: τὸ καλὸν ἄνθρωπον, τὸ καλὸν γυναῖκα.

Въ степеняхъ сравненія сохранилась очень хорошо древняя форма μέγας, μείζοτερος. Для образованія женскаго рода прибавляется суффиксъ—ήσα: τρανός (большой), τραν-ήσα.

Въ им. числ. есть форма εἷς для муж. рода и ἓνας для женскаго.

Указательное мѣстоименіе αὐτός (чит. аутосъ) сокращ. въ ἄτος (ἀ' τοῦ, ἀ' τον, ἀ' τς, т. е. αὐτοῦς и т. д.; см. въ текстѣ).

Притяжательное мѣстоим. ὁ ἐμός имѣетъ формы: τ' ἐμόν (τὸ ἐμόν), τ' ἐμόν (τὸ σόν), τ' ἐσά (τὰ ἐσά). Есть формы: ἡμέτερος, τ' ἡμέτερον, σέτερον, τ' ἐσέτερον, καθείς, καθένας, ἕτερος, ἦντσαν (кто бы ни...) и отъ ἦντσαν (ἦτις ἄν) сред. родъ εἶντιαν (hindjân). Вм. οὐδέν, употр. τιδέν; вм. τίς—ταίς, вм. τί—ντό (ндо), вм. τοιοῦτος—αἰείκος (hajicos).

Изъ древнихъ нарѣчій трапезондскій діалектъ сохранилъ:

ἔσω—въ совр. формѣ ἔς (ἀπ'ἔς—внутри). Чисто трапезондскія нарѣчія: ἀδά (здѣсь), πουρνά (завтра), ἀπόψ' (сегодня)—хές: ἀδα—хές, ἐκει—хές (тутъ, тамъ), σουμά (близко, отъ этого глаголь σουμόω—приближаюсь) и т. д.

Предлоги: ση (въ), οὓς (hūs—до) и т. д.

Остается въ цѣлости гомеровская частичка ἄρ со своимъ первоначальнымъ значеніемъ.

Нерѣдко слышится частичка хέ (не καί), повидимому безъ всякаго значенія.

Глаголь сохранилъ форму аориста въ повел. наел.—ον, напр.: ποῖσον (ποίησον—сдѣлай), γράψον и т. д. Междометія чисто трапезондскія слѣдующія: λάχ' (лашъ)! λάχε! (авось, на счастье, дай Богъ, еслибъ и проч.) отъ древн. глагола λαγχάνω (?); τούλλα (тульла)! тише! σός! тшъ! ἄτο—ἄς! (hatohàs)—вотъ оно!

1.

1. Κόρη στρογγυλά ¹⁾ καὶ jέμορφη ²⁾,
 Κὲ 'σὸν ³⁾ ἢ ἥλιον ⁴⁾ ντό ^{*}) κοιμάσαι;
 Καίει ^{**}) ὁ jῆλιος τὸν πρόσωπον³
 καὶ jῆ jεῦώρα ^{***}) τὴν καρδιά ⁵⁾ σου!
5. Εῴλα, κόρη, ἄς φιλήσχομες
 κὲ 'σὸ λεφτοκάρυν κάτω
 τὸ λεφτοκάρυν 'κι ⁶⁾ λέγ'jάτό
 καὶ ἠῆ γῆ κ'μολογᾶ ⁷⁾ 'τό...

Κὲ, τῶρ, τῆρ ⁸⁾ τὴν ἐτοιμασία ⁹⁾ σου,

¹⁾ στρογγυλά=στρογγυλή. ²⁾ ἔμορφη (эморфя)=εὐμορφη (отступление отъ правилъ греч. просодіи); ³⁾ 'σὸν=εἰς τόν. ⁴⁾ ἥλιον (чит. илѣнь); ιο=русскому ѣ. ⁵⁾ ια=русскому я. ⁶⁾ 'κι=οὐκ или οὐχί. ⁷⁾ 'μολογᾶ=ὀμολογᾶ. ⁸⁾ τέρ=смотри отъ τηρέω. ⁹⁾ ια=русскому звуку я.

^{*}) Чит. ндо=тї.

^{**}) Читай кей.

^{***}) εῦώρα—тѣнь.

10. Κὲ θὰ ἔρχουμαι...

— Ἐτοιμασία μ' ἔτοιμον,
Καλῶς καὶ καλῶς ἦρθες!....

Ὁ πρόσωπος εἰκόνισμαν,
ἡ καρδιά σ' κανδυλόπον *)

15. φιλῶ, φιλῶ (τὸ) εἰκόνισμαν
ἄφτω ¹⁾ τὸ κανδυλόπον...

Переводъ.

Прекрасная дѣва,
Зачѣмъ ты спишь на солнцѣ?
Солнце сожжетъ твое лицо,
А тѣбѣ—твое сердце!
Иди, дѣва, для поцѣлуевъ
Сюда, подъ орѣшникъ.
Орѣшникъ не скажетъ никому объ этомъ,
А земля не разгласитъ.
Приготовляйся, дѣвушка,
Я иду къ тебѣ.
— Я совершенно готова:
Добро пожаловать!...
— Лицо твое—изображеніе (обращеніе къ дѣвушкѣ)
Сердце твое—лампадка:
Цѣлую образъ,
Зажигаю лампадку.

Примѣчаніе. Вотъ еще вариантъ, а, быть можетъ, и часть
этой пѣсни:

1. Ντό ἔχς, ²⁾ κόρη, καὶ ἀχτρατεῖς ³⁾ ἄνθεν στεροῦ ⁴⁾ καὶ κάθεν;

*) Ласкательное имя: лампадоχна, отъ κανδύλα—лампада.

¹⁾ ἄφτω=ἄπτω ²⁾ ἔχς (чит. эшс) = ἔχεις; ³⁾ выходишь отъ дороги въ сторону, избѣгаешь встрѣчи; ⁴⁾ здѣсь; στεροῦ (чит. штеру) καὶ κάθεν туда-сюда.

- πάς ¹⁾ κείμῃ ἥλιος νὰ καίω σε ἰὰ ²⁾ δράκος νὰ κουρτῶ ³⁾ σε;
 ἐγὼ εἶμαι χρυσός ⁴⁾ ἀετόνς, — φιλῶ σε καὶ διαβαίνω.
 Τὸ πρόσωπό σ' εἰκόνισμαν; τὰ κόλφιασ' ⁵⁾ κανδυλόπον,
 5. θὰ προσκυνῶ (τ)εἰκόνισμαν, θ' ἄφτω τὸ κανδυλόπον,
 τὸ πρόσωπο σ' τραντάφυλλον, ἡ καρδιά σ' εὐωρόπον,
 μυρίσκουμαι ⁶⁾ τραντάφυλλον, κοιμοῦμαι σ' εὐωρόπον.

Περὲσ θ ζ.

Для чего *), дѣвушка, сторонись меня?

Развѣ я солнце, чтобы могъ сжечь тебя? или драконъ,
 чтобы могъ проглотить тебя?

Я—золотой орель: поцѣлую тебя и оставлю (уйду).

Твое лицо—иконѣ; груди твои—лампадка:

Я буду прикладываться къ иконѣ и зажигать лампадку.

Твое лицо—роза, а сердце твое тѣнь:

Наслаждаюсь ароматомъ розы и сплю подъ тѣнью.

2.

1. Τὴν Πόλιν ¹⁾ ὄντας ²⁾ ὄριζεν ὁ Ἕλληγν Κωσταντῖνον,
 μέ ἡεξήντα πέντεη ἀρχιερεῖς, παπάδας τετρακόσια,
 διјάκονους εἰκοσιτέσσερα ³⁾, φαλλάδες ⁴⁾ ἐννενηντα,
 Σὺτ' ⁵⁾ ἔφαλαν, σὺτιј ὄριζαν τὴν Πόλ τὴν Ῥωμανίјαν,
 5. σημαίν' ⁶⁾ ὁ Θεός, σημαίν' κ' ἡ γῆ, σημαίνουn τὰ οὐράνια,
 σημαίνει κί Ἀγία Σοφία, τὸ μέγαν μοναστήριν ⁷⁾,
 μέ δεκαπέντε σήμαντρα ⁸⁾, μέ δεχοχτῶ καμπάνας.

¹⁾ πάς (чит. пашъ)—развѣ; ²⁾ ἰὰ (чит. я)—или, турецкое слово; ³⁾ проглотить; ⁴⁾ намекъ на гербъ Византийской имперіи; ⁵⁾ въ смыслѣ груди; ⁶⁾ нюхаютъ, наслаждаюсь ароматомъ.

*) Ντό ἔχς (что у тебя есть)—идиотизмъ, который переводится по-русски: что съ тобой? для чего? зачѣмъ? для какой надобности? чего ты ищешь? что ты потерялъ? и т. д.

¹⁾ Константинополь. ²⁾ Когда. ³⁾ τέσσερα=τέσσαρα. ⁴⁾ пѣвчіе. ⁵⁾ сὺτ' и сὺτί—когда, пока. ⁶⁾ Звонить, благовѣстить. ⁷⁾ Въ смыслѣ собора. ⁸⁾ Металлическая доска, замѣняющая колоколъ, било, клепало.

Ζεβριά ¹⁾ καθετ' ὁ βασιλιάς, δεξιᾷ ὁ πατριάρχης,
ὁ βασιλιάς, ὁ βασιλιάς, ὁ Ἕλλην Κωσταντῖνον.

10. Ψάλλον τὸ „Ἅγιος *) ὁ Θεός“ καὶ „τὴν Τιμιωτέραν“.
Ἄπ' οὐρανοῦ φωνὴν ἤρθεν ²⁾, ἀπ' Ἀρχαγγέλου στόμαν·
„ἐπάρτε ³⁾ τὸ χρυσοῦν σταυρόν, τ' ἀργυρόν θυμαντόν ⁴⁾,
δοῦστε ἴσῃν Φραγιάν ⁵⁾ χαπάρ ⁶⁾ ἀτὴν ⁷⁾ θὰ πέρνε ⁸⁾ ἠοῖ
Τοῦρκοι“

Ἄκούγ' ἰατὸ καὶ ἡ Παναγιά κλάρχιζει καὶ δακρύζει.

15. Ἀρχάγγελον, ὁ Μούχαηλς στέκει παρηγορᾷ τὴν·
„Ἰὰ σοῦς, ⁹⁾ Κυρά ¹⁰⁾ Βασίλεσσα, βαρέα ¹¹⁾ μὴ λυπᾶσαι·
„διαβαίννε χρόνια καὶ καιροὺς κ' ἐσέναν θὰ δοξάζνε“...
Ἦρθεν πουλὶν κ' ἐχόνεφεν ¹²⁾ ὁ Ἅγιᾶ Σοφιάς τὴν πόρταν·
τόῃεναν τὸ φτεροῦλν' ¹³⁾ ἀθὲ ζτόζαῖμαη ἔν' **) βαμμένον,
20. Ἰσθὴ ἄλλο τὸ φτεροῦλν' ἀθὲ χαρτὶν κρατεῖ γραμμένον·
ἀτὸ κάνεις κ' ἐνέγνωσεν, οὐδ' ὁ Μητροπολίτης.

Ἐναν παιδίν, καλὸν παιδίν, ἔρχεται κ' ἀναγνώθει,
σουτὰ δεβάζ' ¹⁴⁾, σὺτ' ἀναγνώθ' καὶ δερνοκοπισκᾶται· ¹⁵⁾
„Ἀλλοιήμᾶς καὶ βαϊτήμᾶς! οἱ τοῦρχ' τὴν Πόλ' ἐπαῖραν!

25. „ἐπῆραν τὸ βασιλοσκάμν' ***) , ἐλάγεν ****) ἡ ἀφεντίγια! ¹⁶⁾“
Μοιρολογοῦν τᾷ ἐκκλησιᾷ ¹⁷⁾, κλαῖνε τὰ μοναστήρια,
μοιρολογᾷ κ' Ἅγιᾶ Σοφία, κλαίει κὶ ὁ Θεολόγον.
Ἵλοι κ' ἰᾶν ¹⁸⁾ παργορεύκουνταν, ὅλοι κ' ἰᾶν γαληνίζνε,
Ἵς Ἄγ' Ἰάννεν τὸν Θεόλογον γαλήνιαν κ' ἐπέμνεν.

30. Διάκος ἐπῆρεν τὸ οπαθίν, τ' ἔλληνικὸν κοντάριν· ¹⁹⁾

1) Вѣбло. 2) ἤλθεν. 3) Возьмите. 4) Кадило (чит. Оиминтонъ). 5) Въ Западную Европу. 6) Турецкое слово, означающее: вѣсть, известіе. 7) αὐτήν. 8) Возьмутъ. 9) ἰὰ σοῦς, ἰὰ σοῦς! Выраженіе это имѣетъ много значеній: молчи же! довольно тебѣ! перестань же! оставь, пожалуйста! ну, ужь! не можетъ быть! и т. д. 10) госпожа, хозяйка, барыня. 11) Выраз. βαρέα μὴ ozn. слишкомъ не... черезъ-чуръ не... ну ужь не... 12) Сѣла. 13) Крыло ея. 14) Читаетъ. 15) Вьетъ самого себя. 16) αὐθεντία. 17) ἐκκλησία. 18) и если. 19) дротикъ.

*) Читай Айось.

**) εἶναι, вж. ἐστί.

***) Царскій престолъ.

****) ἐλάγεν—взмѣнился, перемѣнился, перешель.

- τοὺς τούρκους κρούει 'ς τὸ σπαθίν, τοὺς τούρκους ζ'τὸ κονταριν'
 τριακόσους τούρκους ἔκοψεν, καὶ δεκατρεῖς πασσάδες,
 τζακῶθεν ¹⁾ τὸ σπαθίτζιν ²⁾ ἀφ', τζακῶθεν τὸ κοντάρν' ἀτ' ³⁾
 κ'ὶ ὄντες ⁴⁾ τερεὶ ὀλομόναχος ⁵⁾ ἀπὲς ⁶⁾ 'ςσὴ ⁷⁾ τούρκς ἐπέμνεν. ⁸⁾
35. Πιάνουν 'ατόνε ⁹⁾ τρὸι λεβέντ' καὶ τέσσερα πασσάδες,
 καὶ φέρν' ατόνε 'σοῦ πασσᾶ καὶ σοῦ τουρκοπολίτην'
 —Διάκε, σὺ jǎn ἐπίανες μέ, ἐμένντὸ θενά 'ποῖνες ¹⁰⁾;
 θάηεβάλνες με 'σὴν φυλακὴν 'σὸ χλοερὸν τουσεκίν ¹¹⁾
 τῶρα ἐγῶj ἐπίασα σέ, καὶ ντὸ νὰ φτάγω ¹²⁾ 'σέναν;
40. θὰ βάλω σέ 'σὴν φυλακὴν, 'σὸ χλοερὸν τουσεκίν.
 —Παρακαλῶ σε, ναὶ πασσᾶ καὶ ναὶ τουρκοπολίτα,
 ἐγὼ 'χω χίλια φούλυρα ¹³⁾, χίλιαη ἑκαντοντάρια,
 ἔπαρ τὰ χίλια φούλυρα, τὰ χιλ' ἑκατοντάρια,
 καὶ 'μέν ζωὴν εἰᾶ ¹⁴⁾ χάρισον κᾶν ¹⁵⁾ πέντε ἐξ' ἡμέραις.
45. „Κὶ παῖρ' τὰ χίλια φούλυρα, 'κὶ πὲρ τέκατοντάρια,
 οὐδὲ ζωὴν χαρίζει ατόν κᾶν πέντε ἐξ' ἡμέραις“.
 —Διάκέμ' τοῦρκος θὰ γίνεσαι καὶ σέν ¹⁶⁾ ζωὴν χαρίζω.
 —'Οπίς, ¹⁷⁾ ὀπίς, μαῦρε ¹⁸⁾ πασσᾶ, μαῦρε τουρκοπολίτα!
 ἐγὼ διάκος π'έγενόμην, διάκος θὲν' ἀποθάνω.
50. 'Ατὸς ατόναν ἔκοψεν τὸν μέγαν σερεσεκέρην ¹⁹⁾...
 Τὴν Πόλιν ὄντας ὠρίζεν ὀη' Ἑλλήν Κωσταντίνον,
 εἶχεν πορτάρους ²⁰⁾ δίκλοπους ²¹⁾, ἀφέντες φοβετζάρους· ²²⁾
 'εκεῖνος εἶχεν (чит. ишень) σύνοδον 'Ρωμαίους ὀωδεκάραν'
 ἐκεῖνος εἶχεν σύνοδον, 'Ρωμαίους ἀφεντάδες.
55. Εκεῖν' κ'έκρινναν δίκαια, ἐδῶκαν τὰ κλειδιά·
 ἐκλείδωσαν τὰ ἐγκλησιᾶ, ὄλα τὰ μοναστήρια
 ἐκλείδωσαν τὴν Ἀγίαν Σοφίαν, τὸ μέγα μοναστήριον.

¹⁾ Сломался. ²⁾ Мечъ. ³⁾ ἀτ' = αὐτοῦ. ⁴⁾ Когда. ⁵⁾ Совершенно одинъ.
⁶⁾ Между, внутри. ⁷⁾ 'σ'σὴ = εἰς τοὺς. ⁸⁾ Остался. ⁹⁾ ατόνε = αὐτόν. ¹⁰⁾ Отъ
 гл. ποιέω: чтобы со мною сдѣлать? ¹¹⁾ Тюфякъ. ¹²⁾ Сдѣлать. ¹³⁾ Золотыхъ. ¹⁴⁾ εἰᾶ
 (чит. я) = русскому ка: поди-ка, ступай-ка, начини-ка. ¹⁵⁾ Около, приблизительно,
 хотя бы на... ¹⁶⁾ Тебѣ. ¹⁷⁾ Прочь! ¹⁸⁾ Несчастнѣй. ¹⁹⁾ Турецкое слово: полко-
 водецъ (στρατάρχης). ²⁰⁾ Ключниковъ. ²¹⁾ Предателей. ²²⁾ Трусость.

Ἄπ' οὐρανοῦ κλειδὶν ἦρθεν ἡ Ἀγία Σοφία τὴν πόρταν·
 χρόνους ἦρθαν καὶ ἔπερασαν, καιροὶ ἦρθαν καὶ δέξαν 1)
 60. ἔνεσπάλθεν 2) τὸ κλειδὶν ἀθῆς 3) καὶ πέμνευ 4) κλειδομένον·
 θέλ' ἀπ' οὐρανοῦ μάστορα 5) καὶ ἀπὸ τῆν γῆν ἐργάτην. 6)

Примѣчаніе. Чтобы вполне постигнуть всю глубину чувствъ этой рапсодіи, въ которой описываются послѣдніе дни Византійскаго царства, нужно самому съ малыхъ лѣтъ привыкнуть къ рѣчи трапезондскихъ грековъ: переводъ не можетъ сроднить слухъ съ чуждыми звуками.

Эту рапсодію, которая, вѣроятно, есть отрывокъ большой эпопеи, можно назвать плачемъ надъ развалинами великой Романіи. Вотъ ея содержаніе:

— Въ городѣ Великаго Константина, въ чудно-величественномъ Софійскомъ соборѣ совершается торжественная литургія. На двухъ престолахъ сидятъ императоръ, эллинъ Константинъ (такъ величаетъ пѣсня послѣдняго Палеолога), и патріархъ; послѣдній—по правую сторону царя. Императора и патріарха окружаетъ несмѣтное число духовныхъ лицъ въ полномъ облаченіи: 65 архіереевъ, 400 священниковъ и 24 діакона, по счету рапсодіи. Колоссальные своды Айя Софіи оглашаются гимнами 90 пѣвчихъ. Гудятъ 15 металлическихъ дощечекъ и 18 колоколовъ. Служба идетъ съ чисто-византійскимъ благолѣшіемъ... Вотъ пропѣли „Святый Боже“... „Честнѣйшая Херувимъ“... Но... о чудо!.. Голосъ съ неба—заговорилъ грозный ликъ Архангела: „Конецъ этому величію! Поспѣшите спасти священныя драгоценности (въ рапсодіи упоминается о золотомъ крестѣ и серебряномъ кадилѣ). Извѣстите франковъ, что турки скоро возьмутъ великій градъ“!.. Не одни только смертные ужаснулись этой вѣсти. Спокойный ликъ Предвѣчной Дѣвы встревожился: на глазахъ ея выступили слезы; она плакала горькими слезами. Увидя скорбящую

1) Прошли. 2) Заперся 3) ἀθῆς=αὐτῆς 4) Остался. 5) Мастера. 6) Рабочаго.

Матерь Божію, Архангелъ сталъ утѣшать ее: „Не плачь, не плачь и не горюй, Госпожа Царица: пройдутъ многіе годы, вѣва пройдутъ, и ты опять будешь прославлена“!

Другое роковое предзнаменованіе совершилось у входа великаго собора. Надъ входными дверями сѣла птица. Одно ея крыло было все въ крови, а подъ другимъ находилось таинственное писаніе, котораго никто не былъ въ состояніи прочесть („даже самъ митрополитъ“—наивно прибавляетъ ралсодія). Является невинный ребенокъ и прозорливымъ окомъ читаетъ загадочныя строки неземной хартіи. Читая, онъ приходитъ въ ужасъ и бьетъ самого себя:

„Горе намъ, горе намъ!—восълицаетъ малютка: турки взяли Царьградъ! взяли престолъ царей, и господство наше перешло въ иноземныя руки“!...

Въ храмахъ Царьграда гудятъ колокола и бряцаютъ симантры; гудятъ, бряцаютъ въ послѣдній разъ. Своды церквей оглашаются умилостивительными гимнами; но это предсмертныя гимны, не доходящіе до небесъ: дни Византіи сочтены. Напрасно еще тлѣетъ въ груди гражданъ мерцающій лучъ надежды,—напрасно въ Софійскомъ соборѣ успокоиваютъ себя мыслью о чудесномъ спасеніи: скоро, скоро всѣ эти вѣковыя творенія гениальныхъ художниковъ сдѣлаются достояніемъ османскихъ варваровъ... Но вотъ въ соборѣ Іоанна Богослова погасъ и этотъ слабый лучъ надежды; раздается плачь и рыданіе... Всѣ встревожены: варвары въ городѣ!

Видя предсмертную агонію своей отчизны, святой, одинъ изъ мужественныхъ сыновъ Византіи, по званію діаконь, беретъ мечъ и эллинское копье,—беретъ, и бросается на непріятеля: „убилъ онъ триста турокъ, тринадцать пашей“,—убилъ бы онъ больше, да „сломался его могучій мечъ, сломалось и копье эллинское“. Онъ остался одинъ-одинешенець среди тысячи варваровъ... Тутъ его схватываютъ три турецкихъ воина (левенты) и четыре пашы. Его ведутъ къ главно-

му папѣ. Паша спрашиваетъ его: „Скажи мнѣ, діаконъ, если бы ты меня поймалъ, то какъ бы поступилъ со мною? Конечно, ты заключилъ бы меня въ темницу и предалъ бы жестокой казни. Такъ и я хочу поступить съ тобою“. — „Гражданинъ Турціи *)!—говоритъ ему герой: объ одномъ только я прошу тебя,—я даю тебѣ все свое богатство, даю тысячи золотыхъ, а ты даруй мнѣ жизнь дней такъ—на пять или на шесть“.

Паша не соглашается и не беретъ золота. Военственный сынъ османлисовъ умѣетъ цѣнить отвагу; ему не золото нужно, ему нуженъ храбрый сподвижникъ на полѣ брани, и вотъ онъ обращается къ герою съ ласковыми словами: „Діаконъ, мой дружокъ, сдѣлайся туркомъ, и тебѣ будетъ дарована жизнь“...

—Прочь! злодѣй, прочь! я діаконъ—и діаконъ умру!.. „И зарѣзалъ самого себя *великій воевода*“ (подлинныя слова рапсодіи)...

Рапсодія кончается разсужденіемъ о причинахъ паденія Константинополя.

Въ послѣдніе дни Византіи на тронѣ сидѣлъ царь, эллинъ Константинъ. Словомъ *эллинь* народная муза обозначаетъ не одно только національное происхожденіе. *Эллинь*, въ противоположность ромейцу, т. е. обыкновенному греку, означаетъ существо героическое, легендарное, высокое, рыцарское. Такъ, видите, на тронѣ сидѣлъ не обыкновенный ромеецъ, а эллинъ; но этого свѣтлаго эллина обружали совѣтники неправедные: „двѣнадцать ромейцевъ, трусовъ предателей, съ ихъ ромейскими афтендами (управителями), которые производили судъ неправедный. Они передали ключи и заперли всѣ храмы Божіи, заперли и Айя Софію, великій соборъ. Съ неба спустился ключъ къ дверямъ Айя Софіи; но прошли многіе го-

*) Тоурхополѣта.

ды, протекло много времени, а двери Софійскаго собора остались запертыми: нуженъ мастеръ съ неба, а съ земли—рабочіе“... .

Этими туманными словами заканчивается пѣсня о взятіи Царя-града. Послѣднія слова напоминаютъ предсмертный бредъ умирающаго. Народная муза силится высказать что-то о будущности Константинополя, но будущность скрывается во мракѣ времени, а потому, вмѣсто предсказанія, является очень милый поэтический бредъ. „Нуженъ ключъ съ неба“—чтобы понять послѣднія слова пѣсни,—нужно много головъ съ земли, чтобы разрѣшить восточный вопросъ.

Въ заключеніе мы должны сказать, что эта пѣсня находится въ собраніи г. Сав. Іоанниди, за исключеніемъ семи стиховъ: „и былъ гласъ съ неба, изъ устъ Архангела“—*αὐτὸ οὐρανοῦ φωνὴν ἤρθευ* и т. д.; но наша транскрипція во многомъ отличается отъ транскрипціи г. Іоанниди, который собиралъ пѣсни только съ патриотическою цѣлью, а потому его не особенно интересовала фонетика.

3.

1. Ἄετός *) ἐπεριπέταγεν ἴψυλά 'ς τὰ ἕπουράνια,
 'ς τὰ στέφια ¹⁾ του ἰ ἐκράτηγεν παλληκαρίουη ²⁾ ἀβραχιῶνας ³⁾,
 κ' ἔνα μικρὸν ἀετόπουλον ⁴⁾ ἀτὸν παρακολουδάει
 —Ἄετέ, ἰὰ δὸς μ' ἄς ⁵⁾ το κρατεῖς, ἰὰ 'πέ ⁶⁾ μεη ὄθεν ⁷⁾ κεῖται;

*) Ἄετός=ἀετός—орелъ. Новыя языки не терпятъ слиянія гласныхъ, не терпятъ и новогреческій разговорный языкъ, а трапезондское нарѣчіе безусловно отрицаетъ такое слияніе. При стеченіи двухъ гласныхъ, въ трапезондскомъ нарѣчіи одинъ гласный или совершенно выбрасывается, или іотируется, или же принимаетъ вставку придыханія h (ха). На основаніи этого фонетическаго закона, слово *ἀετός* нужно произнести айтось (іотируется), фразу: *κίσσα ἄς το κλαδὶν*—висасто владынь и т. д. Выговоръ *ἀετός*, какъ айтось, принадлежитъ языку общегреческому.

¹⁾ *στέφια*=*στρέφια*—когти. ²⁾ Палликаръ, удалецъ. ³⁾ *ἀβραχιών*=*βραχιών*. ⁴⁾ Орленокъ. ⁵⁾ Изъ того, съ того. ⁶⁾ Скажи. ⁷⁾ Гдѣ.

5. — Ἄς τὸ κρατῶ κί διίωσε, κί' ἡ ἄρ ¹⁾ ὄθεν κείται λέγω·
Ἄκει ^{*}) σ' τὸ πέραν τὸ ῥαχίν ²⁾, σ' τ' ἄλλο τ' ἀπεχειμέραν ³⁾
φραγκόπουλον ⁴⁾ ἐσκότωσαν καί κείται σκοτομένον:
κ' ἡ ἔχει μάναν νὰ κλαιεῖζάτο, ^{**)} κύριν ⁵⁾ νὰ πονισκάται ⁶⁾
κ' ἡ ἔχει ἀδέλφια σπλαχνικά, νὰ κλαίγνεῖ ἀπὸ καρδίjas ^{***)}.
10. Ἔρται ⁷⁾ κορώνα ⁸⁾ κλαίεζάτο.
ἔρται κίσασηάς (?) τὸ κλαδίν, ἡ φάσσαη ⁹⁾ ἄς τῇ φωλέζαν,
περδίκα ¹⁰⁾ κατατόρνευτος ¹¹⁾ κί' ἄς τὰ λιθαροκώλια. ^α

Переводъ.

Высоко—высоко летать орель по поднебесью,
Онъ держалъ въ своихъ когтяхъ предплечье удалца.
За нимъ слѣдомъ летѣлъ орленокъ:
„Орель—говорить ему орленокъ: дай и мнѣ часть твоей
добычи, или скажи, гдѣ ты ее досталъ?“
—Изъ моей добычи я тебѣ ничего не дамъ, но сважу
тебѣ, гдѣ ее досталъ:
Вонъ видишь тамъ, за горами, на той горѣ
Лежить убитый молодой франеъ;
Онъ не имѣетъ ни матери, ни отца, которые оплакива-
ли бы его,
Не имѣетъ также братьевъ и сестеръ жалостливыхъ,
чтобы рыдали надъ нимъ;

^{*}) Въ словѣ *ἀκει* (*έκει*) буква *α* имѣетъ средній звукъ между *a* и *e*, какъ тат. ¹⁾ въ словѣ *У*.

¹⁾ *ἄρ* частичка, нерѣдко встрѣчающаяся въ твореніяхъ Гомера: вѣдь, разъ, несомнѣнно, такъ вотъ, ну, ну-же, въ такомъ случаѣ, вотъ смотри и т. д. Часто принимаетъ придыханіе *h* въ началѣ (*ἄρ* вм. *ἄρ*), употребл. и въ полной формѣ *ἄρα* или *ἄρα* (*hara*). ²⁾ Отъ *ῥάχη*, въ переносномъ значеніи гора, горный хребетъ. ³⁾ *ἀπεχειμέραν*, ἀπὸ *έχει μέρος*—по ту сторону. ⁴⁾ Франковичъ, сынъ франка. ⁵⁾ Отецъ, начало *κύριος*. ⁶⁾ Сожалѣть, соболѣзновать. ⁷⁾ *ἔρχεται*. ⁸⁾ Ворона. ⁹⁾ Дивій голубь. ¹⁰⁾ Куропатка. ¹¹⁾ *κατατόρνεω*, *κατατόρνευτος*—зруглогоченая.

^{**)} Чит. *κλαίεζατο*.

^{***)} Чит. *καρдіας*.

Его оплакиваютъ ворона,
Κίσσα (?) съ вѣтви, дикій голубъ изъ гнѣзда,
Куропатка круглоточная“

Опытъ перевода въ стихотворной формѣ.

Высоко надъ облаками, и въ когтяхъ держа добычу, —
Руку павшаго героя, царь пернатыхъ пролеталъ;
За нимъ слѣдомъ—и орленокъ, чтобы взять себѣ частицу,
Слѣшно крыльями махая, орлу мощному сказалъ:
„Дай и мнѣ, орелъ могучій, кусокъ лакомый на завтракъ,
„Иль скажи мнѣ: гдѣ добычу ты на счастье отыскалъ?“
—Нѣтъ, не дамъ тебѣ я доли, а сказать—скажу я мѣсто:
Вотъ на той горѣ, на горѣ, средь стремнинъ и среди
скаль,
Удалецъ лежитъ убитый, чадо Франкіи далекой:
Тамъ не плачетъ мать родная, и отецъ тамъ не скорбитъ, —
Только воронъ черный плачетъ; не горюютъ братья-
сестры, —
Дикій голубъ съ куропаткой трупъ холодный сторожить.“

4.

1. Θαυμάσκουμαι ¹⁾ τὰ κόρασια τὰ μικροϋπαντρεμένα ²⁾
πῶς δέχονται ³⁾ τὸ φίλημα; ⁴⁾ πῶς θέλνε τὴν ἀγάλιαν; ⁵⁾
—Ἐλέπς ⁶⁾ ἀκείνα τὰ δεντρά ⁷⁾ τὰ μικροφυτημένα;
πῶς δέχονται τὸν ἄνεμον ⁸⁾ καὶ θέλνε τὸν ἄεραν
5. ἡἀјѣтѣѣн ⁹⁾ καὶ τὰ κόρασια τὰ μικροϋπαντρεμένα.

Примѣчаніе. Въ этой пѣснѣ слышится добродушный юморъ. Старики-пѣвцы потѣшаются надъ молодыми людьми: бракъ молодыхъ людей (въ греческихъ селахъ 15-лѣтній

¹⁾ Удивляюсь. ²⁾ Чит.—микройпандремѣна; отъ—μικρός (маленькій) и ὑπανδρεῖσθαι (вступаю въ бракъ). ³⁾ отъ—δέχομαι—принимаю. ⁴⁾ Поцѣлуй. ⁵⁾ Объятія. ⁶⁾ ἐλέπς=βλέπετε—видишь. ⁷⁾ δένδρα. ⁸⁾ Вѣтеръ. ⁹⁾ Также и...

мальчикъ женится на 12—13-лѣтней дѣвушкѣ), еще не со- зрѣвшихъ, ему представляется дѣтской игрой, которая вызы- ваетъ въ немъ улыбку.

Кстати замѣтимъ, что ранній бракъ—причина необыкно- венной чистоты нравовъ среди греческихъ крестьянъ.

5.

1. Χιλ' *) μάστοροι j ἔχτιζαν ¹⁾ τῆ' ²⁾ Τρίγας τὸ γεφύρι· ³⁾ ὄλον τ' ἡμέραν ἔχτιζαν κ' jάπὸ βραδὺς χαλάντον. ⁴⁾
—Ντὸ δεῖς ⁵⁾ με, πρωτομάστορα ⁶⁾ καὶ σταίνω ⁷⁾ τὸ γεφύρις;
—Ἄν δίγω σε ⁸⁾ τὴν κόρη μου, ἄλλο κόρην ⁹⁾ πάλ' κ' ἤεχω·
5. κί' jἄν δίγω σὲ τὴν μάνα μου, ἄλλ' μάναν πάλ' κ' ἤεχω,
κί' jἄν δίγω σὲ τ' ἀδέλφια μου, ἄλλ' ἀδέλφια πάλ' κ' ἤεχω,
κί' jἄν δίγω σὲ τὴν κάλη ¹⁰⁾ μου, καλήτερον εὐρίσκω.“
Τὴν κάλην ἀθ' ἐμήνυσεν ¹¹⁾ με τ' ἀηδὸν ^{**)} τὸ πουλόπον. ¹²⁾
—Τὴν σάββαν ἄς πάγη σὸ λουτρόν, τὴν κερεκὴν ¹³⁾ σὸν γάμον
10. καὶ τὴν δευτέραν τὴν παρέκει ἀδᾶ ¹⁴⁾ ἄς εὐρίσκᾶται.“
.
.
.
—Σανει ¹⁵⁾ τρομάζν ¹⁶⁾ τὰ γόνατα μ', νὰ τρομάζ τὸ γεφύρισ,
σανει ροῦζνε ¹⁷⁾ τὰ δάκρυα μου, νὰ ροῦζνε οἱ διαβάτησ'.“
15. —Εὐχέθ', ¹⁸⁾ κόρη, εὐχέθ', κόρη, εὐχέθ' μὴ καταράσαι·
Ἐχ'ς ^{***)} ἀδελφὸν σ' ἦν ξενητεία, θάηῆρται ¹⁹⁾ καὶ διαβαίνει.
—Σὰν' ἐστάθαν τὰ γόνατα μ', νὰ στέχη τὸ γεφύρις·
σανει τρέχουν τὰ δάκρυα μου, νὰ τρέχνε κι j οἱ διαβάτησ'.“

*) Чит.—шилъ—тысячи.

1) Строили. 2) τῆ' = τῆς. 3) Мостъ. 4) Разрушался. 5) δεῖς = δίδεις. 6) Глав- ный мастеръ. 7) Отъ гл. ἵστημι. 8) Отдамъ. 9) πάλιν—еще. 10) Жена. 11) Отъ гл. μηνύω. 12) Пташечка. 13) κυριακή—воскресенье. 14) ἐδῶ—здѣсь. 15) Καὶ. 16) τρομάζουν—дрожать. 17) Παдають. 18) εὐχέθ'—благословляѣ. 19) ἔρχεται— придетъ, прѣдетъ, придетъ.

***) ἀηδὸν, чит. айдонъ—соловей.

***) ἔχς, чит. эхсъ (отъ ἔχω) = ἔχεις.

Примѣчаніе. Тысячи мастеровъ работали надъ устройствомъ волосянаго моста *), и ничего не могли сдѣлать. Цѣлый день они работали надъ мостомъ, а вечеромъ отъ моста не оставалось ничего. Долго они не могли узнать, кто разрушаетъ мостъ; но, наконецъ, виновникъ самъ явился къ главному мастеру и сказалъ ему: „Что ты дашь мнѣ, протомастеръ, если я выстрою твой мостъ?“ Смекнулъ мастеръ, что онъ имѣеть дѣло съ чудовищемъ, которому нужно особаго рода вознагражденіе, и подумалъ: „если отдамъ ему свою дочь,—она у меня единственная, я останусь безъ дочери; мать свою отдамъ,—останусь безъ матери; брата отдамъ,—другого брата нѣтъ у меня, и сестры нѣтъ у меня больше одной—единственной. Отдамъ, такъ и быть, свою бабу: бабу-то другую легко найти себѣ—даже, пожалуй, и лучше“.

Вотъ онъ и извѣщаетъ свою жену черезъ соловья: „ты должна въ субботу пойти въ баню, въ воскресенье—на свадьбу, начиная же съ понедѣльника, ты должна находиться здѣсь, т. е. у моста“.

На этомъ мѣстѣ таинственный полумракъ скрываетъ отъ насъ дѣйствующихъ лицъ пѣсни. Тутъ мы можемъ видѣть ихъ только сквозь туманъ догадокъ и предположеній; но, наконецъ, выступаетъ на сцену плачущая дѣва. Сотни проклятій сыплются изъ ея нѣжныхъ устъ:

„Чтобы такъ дрожалъ твой мостъ, проклятый, какъ теперь трясутся мои колѣна—говоритъ она, рыдая: чтобы падали черезъ него всѣ прохожіе, какъ падаютъ мои слезы“.

—Не проклинай, дѣвица, не проклинай—говорятъ ей: твой братъ на чужбинѣ, а когда вернется, пройдетъ черезъ этотъ мостъ. . .“

При мысли, что у нея есть братъ, и что она увидитъ его на роковомъ мосту, она беретъ назадъ свое проклятіе.

*) Сказаніе о волосяномъ мостѣ существуетъ и у армянъ (mase-garmundj — мезэ-гармунджъ).

Въ ней воскресаетъ надежда. Ноги ея уже не дрожать: она стоитъ твердо, проливая слезы, но слезы надежды: „Мостъ!—обращается она къ виновнику своего злополучія: стой такъ-же стойко, какъ стоятъ мои ноги... чтобы чрезъ тебя переходило столько-же людей, сколько пролила я слезъ...“

Послѣднія слова пѣсни, впрочемъ, можно понять и такъ: „становись мостъ, какъ остановились теперь передъ смертью мои ноги (т. е. окоченѣли), чтобы черезъ тебя прошло столько людей, сколько пролито мною въ жизни слезъ изъ глазъ.“

Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, она проливала не слезы надежды, но—прощальныя слезы.

Какъ бы мы ни толковали послѣдніе стихи пѣсни,—въ нихъ всегда найдемъ неизмѣримую глубину поэтическаго чувства.

6.

1. 'Ο 'Ιάννης στέκει σὸ νησίν ¹⁾ καὶ μαναχὸς *) θερίζει, καί γεῖς ²⁾ τὸν 'Ιάννην κί' ἐρωτᾷ: „πῶς μαναχὸς θερίζεις; „'Ιάννε μ' τὸ ποῦν' ³⁾ ὁ σύντροφός σου καὶ ποῦ ἐν ἡ διαπάνασσ' ⁴⁾ —'Οἱ "Ἡλιον ἐνὸς σύντροφός κί' ἡ σκιά μ' ἐν ἡ διαπάνημ“.
5. 'Οἱ "Ἡλιον ἀς τὴν ἀνατολὴν τὸν 'Ιάννην ἐρωτᾷ: —'Ιάννε μ' τὰ ποῦν' ἡ κάλη σου καὶ μαναχὸς θερίζεις; —Χίλια δωκα κί' ἑπτήρα τὴν, μύρια κί' j ἀ' τὴν ἐμάτζα ⁵⁾ ἐμάτζα τὴνε ⁶⁾ τὸ πλουμίν ⁷⁾ καὶ τὸ βαρὺν ⁸⁾ τ' ἐξόμπλιν ⁹⁾ κί' ἀτώραη ἐγέντον ¹⁰⁾ κί' ἡ ἔμαθεν καί γε μὲν' περιφανεῖ με. ¹¹⁾

¹⁾ На пашнѣ. νησίν, чит. νησινѣ.

*) μαναχὸς, вм. μοναχὸς,—интересный примѣръ перехода о въ а въ произношеніи, под. русскому.

²⁾ καί γεῖς—и одинъ, кто-то. ³⁾ τὸ ποῦν';—гдѣ же? ⁴⁾ Кормъ для скота, въ перенос. знач. необход. принадлежности для полевыхъ работъ, и рабочіе, даже домашній скоть. ⁵⁾ Научилъ. ⁶⁾ Ее. ⁷⁾ Искусство дѣлать украшенія. ⁸⁾ Тяжелое. ⁹⁾ Узоры. ¹⁰⁾ ἐγέντον κί' ἡ ἔμαθεν—случилось, что научилась. ¹¹⁾ Презираетъ меня.

10. — Ἰάννε μ, ἄν θέλς ξηραίν' ἀτήν και ἄν·θέλς¹⁾ ἀτήναν²⁾
καίγω.

— Ἦλιεμ', μὴ λάμπ'ς³⁾ και καιίεις *) ἀτήν, μὴ λάμπ'ς
κι' ἀτήν ξεραίνεις

λάμπον, ⁴⁾ Ἦλιε, λάμπον, Ἦλιε, λάμπον κι' ἔπαρ' τὸ φῶς
νατ'ς!.. ⁵⁾

— Μάνα, κηί' 'ξέρω 'βράδυνεν, κηί' 'ξέρω 'γὼ κηί' 'λέπω...

15. — Καί κηί' 'πα (или κηί'εῖπα) σέ, κόρημου, τὸν Ἰάννην μὴ
δολώνης⁶⁾,

ὁ σύντροφον τοῦ Ἰάνν' ὁ Ἦλιον λάμπει και παίρ' τὸ φῶς
της... ⁷⁾

Яннэ жалъ на полѣ. Онъ работалъ одинъ-одинешенекъ, безъ всякой подмоги. „Какъ это, Яннэ, ты работаешь одинъ—спрашиваетъ его сосѣдъ: гдѣ-же твой товарищъ, гдѣ твоя подмога?“

— Мой товарищъ—отвѣчаетъ Яннэ: солнце, а мое имущество—моя тѣнь... Съ востока показывается солнце. „Другъ мой, Яннэ! спрашиваетъ оно: почему это ты одинъ работаешь? гдѣ-же твоя баба?“—Моя баба? тысячу заплатилъ и взялъ ее въ жены, да еще десять тысячъ издержалъ на то, чтобы ее выучить. Выучилась она дѣлать трудные узоры, а теперъ знать меня не хочетъ. „Яннэ, мой другъ! хочешь я сожгу, изсушу ее совсѣмъ?“ спрашиваетъ солнце.—Солнышко мое! просить Яннэ: не суши и не жги ее: засияй, заблести, засвѣти такъ, чтобы она ослѣпла навсегда!“

— Матушка моя родная! вскрикнула вдругъ, сидя дома, жена Яннэ: что это со мною сдѣлалось? Потемнѣло такъ рано, или же я ослѣпла?“ „Не потемнѣло, а ты ослѣпла. Го-

¹⁾ Хочешь—θέλεις. ²⁾ ἀτήναν (αὐτήναν)=αὐτήν. ³⁾ λάμπω. ⁴⁾ λάμπον. ⁵⁾ φῶς·νατ'ς=τὸ φῶς αὐτῆς. ⁶⁾ отъ δολόω коварствую, хитрю, измѣняю. ⁷⁾ Свѣтъ твой, т. е. твои глаза, хотя дословно—ея свѣтъ.

ворила я тебѣ: дочь моя, не измѣняй мужу,—мужъ твой въ дружбѣ съ солнцемъ: вотъ теперь солнце тебя и ослѣпило“ . . .

7.

1. Ἀλη-Ἰάννης ἠγάπησεν τὴν κόρην,
κ' ἀνὰ κη' εὐρήκ' νὰ στείλ' ἐκεῖ κί' ἀρραβωνιάζει,
τὸν δοῦλον ἀτ' ἐπέστειλεν, 'στεῖλεν ν' ἀρραβωνιάζει.
Σεράντα σκάλας ἀνηβαίν', σεράντα κατηβαίνει,
5. κί' ἄλλα σεράντα δώδεκα, μόσεν *) ἤϋρεν τὴν κόρην.
'Ολόγυρα τ'ς ¹⁾ ἐκάθουσαν σεράντα τζεριάδες (?), ²⁾
κί' ἀπὲς ³⁾ ἡ κόρ' ἐκάθουτον, λάμπει, σὰν λάμπ' ὀῆλιον·
—Καλῶς, ⁴⁾ καλῶς τὸν δοῦλο μου! καλὰ χαπέρια ⁵⁾ j ἔγκες; ⁶⁾
—Καλὰ χαπέρια ἦφερα, καλὰ κί' εὐλογημένα·
10. Ἀλη-Ἰάννης ἐπέστειλεν, 'στεῖλεν ν' ἀρραβωνιάζ' σε“ . . .
Τὴν ⁷⁾ ῥάβδην ἄτς ⁸⁾ ἐπέρπαξεν ⁹⁾ κί' ἀτὸν ῥαβδοκοπάντ-
ζεν. . . ¹⁰⁾
—Ὡς ¹¹⁾ νὰ 'ρταιη ¹²⁾ ὁ κύρ' μ' ἄς τὴν Φράγκιαν κί' ἡ
μανάμ' ἄς τὸν ἄδην,
τ' ἀδέλφια μουη ἄς τὸ σπαθίν, θεῖός μουη ἄς τὸ κοντάριν.
τὴν ὄλην ¹³⁾ 'πίς τὴν τζιριάμ' ἄς στείλ' κί' ἀρραβωνιάζει.

Примѣчаніе. Али-Яннэ (приставленное съ цѣлью насмѣшки турецкое имя *Али* показываетъ, что Яннэ былъ предметомъ различныхъ подтруниваній) влюбился въ дочь Александра и, по народному обычаю, не могъ сдѣлать ей предложеніе

*) μόσεν (чит. мѡшанъ)—едва.

¹⁾ 'Ολόγυρα τ'ς (чит. ὀλόγερατς)=ὄλος+γῦρος+της—вокругъ нея. ²⁾ Турецкое слово, означающее—прислужница. ³⁾ Внутри, въ комнатѣ. ⁴⁾ καλῶς, καλῶς—привѣтствіе: „добро пожаловали!“ ⁵⁾ Турецкое слово: вѣсти. ⁶⁾ Принесъ. ⁷⁾ Вмѣсто τὴν ῥάβδον. ⁸⁾ ἄτς=αὐτῆς. ⁹⁾ Выхватилъ. ¹⁰⁾ ῥάβδος+κοπάνιζω: бить палкой. ¹¹⁾ ὦς=ἔως. ¹²⁾ 'ρται=ἔρχεται. ¹³⁾ τὴν ὄλην (ὀ)πίς—послѣ всего, въ заключеніе, въ концѣ-концовъ.

ніе лично. Не находя никого, кто-бы отправился посватать дѣвушку, онъ посылаетъ своего слугу. Слуга, поднимаясь и опускаясь по разнымъ лѣстницамъ, наконецъ, кое-какъ, съ трудомъ добрался до дѣвушки, которая сидѣла окруженная со-рока прислужницами „и сіяла, какъ сіяетъ солнышко“. Увидя слугу, она обращается къ нему со словами: „добро пожаловать, слуга! Что скажешь новаго“?

— Я принесъ тебѣ вѣсточку добрую, благословенную: меня прислалъ къ тебѣ Али-Яннэ: онъ проситъ твоей руки“.

Дочери вельможи это показалось дерзостью: какоюнибудь Али-Яннэ дѣлаетъ ей предложеніе да еще черезъ слугу. Она въ гнѣвъ схватила палку и побила дерзкаго слугу, осмѣливагося явиться къ ней съ такимъ порученіемъ.

— Скажи своему господину, говоритъ она слугѣ: когда вернется мой отецъ изъ Франкіи,—мать изъ ада,—братъ и дядя, павшіе отъ меча и копья, съ поля брани,—тогда только онъ можетъ сдѣлать предложеніе... моей служанкѣ!“

8.

(Изъ „Собранія“ Сав. Иоанниди).

1. Καλοὶ γείτονοι ἔλεγον· κατάβα· τοῦς ¹⁾ τὴν Πόλιν·
τὸν ἄρχονταν ἀπαίντησα ²⁾ ἀπὰν ³⁾ σὸ μεσοστράτον ⁴⁾,
ἀτὸν ἐγὼ ἐρώτησα καὶ ἡ ἀπολογία ⁵⁾ 'xη ἐδῶκεν.
Τὸν μαῦρον ἀτ' ⁶⁾ ἐγύρισε, μαῦρος ἐρημωμένος
5. τὴν γῆν δάκρυα ἔγόμευσε, ἀπολογία 'xη ἐδῶκεν.
'Ερώτησα τὸν θεραπούς, ⁷⁾ ἀπολογία 'xη ἐδῶκαν·
καὶ πάλιν 'ξάν ⁸⁾ ἐρώτησα Θεοῦ παρακαλίτας· ⁹⁾

¹⁾ У Иоанниди это слово имѣетъ слѣдующую транскрипцію: οὐ σ'. Мы производимъ это слово отъ ἔως. ²⁾ Иоанниди въ тѣхъ случаяхъ, когда η имѣетъ звукъ ε, изображ. черезъ ε, чѣмъ искажаетъ орфографію: ³⁾ На. ⁴⁾ μέσος—στράτα—среди дороги, среди пути. ⁵⁾ Отвѣтъ. ⁶⁾ Черный, вороной. ⁷⁾ Соратниковъ. ⁸⁾ Таки. ⁹⁾ Какъ-бы молась Богу, или ради Бога.

- καὶ 'κεῖν' ἀπηλογήθανε, ποῦ εἶναι τὰ γενητά ¹⁾ σου;
 „ἐγὼ ἤμουνε μάστορας σὰ Ἑλληνικὰ τὰ κάστρια
10. „καὶ जोῖ ἡ Ἑλλην ἐμὲν ὄρισαν καταίβα σὺ σὺμ Πόλιν.
 —Ντὸ νὰ λέγουμε, παλληκάρ, ντὸ νὰ λέγουμε, νέεμ;
 Τούρκικα εἶν' τὰ κάτεργα, ²⁾ Τούρκικα τὰ φουσατά“. ³⁾
 Κακὸν χαπὲρ ⁴⁾ ἐπαῖρα 'γώ, καὶ πάγω 'πίς σὸν κύριμ'.
 'σοῦ ἡλίου τὸ βασιλεμαν ⁵⁾ 'σὸ παραθύρ ⁶⁾ εὐρήθα
15. ἔρται καὶ ἡ μάνα μ' ἐρωτᾷ' μὲ τὴν καλὴν ⁷⁾ μ' ἐντάμαν ⁸⁾
 ἡ μάνα μ' ἕξάν ἐρώτησεν καὶ ἡ καλ' φωνὴν κ' ἐδῶκεν
 καὶ ἡ οἱ καλοὶ μ' οἱ γείτονες σεύτ' ἐρωτᾶνε καὶ κλαῖγνε·
 „ἀλλ' οἱ ἡμᾶς καὶ βάι (οὐαί) ἡμᾶς, 'πάρθεν ἡ Ῥωμανίσα!“
 —Ἐπαρ οἰζὲ μ' τὴν σπάθην σου τ' Ἑλληνικὸν κοντάρισ', ⁹⁾
20. δέξ' ¹⁰⁾ ἀτουνούς σκόρπισον ἀτ'ς 'σάν ἄνεμος τὰ φύλλα“.
 Χίλιους ἔκοφα τὴν πουρνὴν, ¹¹⁾ χίλιους τὸ μεσημέριν,
 ὁ Θεὸν ἔστησεν τὴν βροχὴν καὶ βρέχει τουρκοπούλια·
 ὁ Θεὸν ἔστησεν τὴν βροντὴν· βροντοῦν τὰ ἐγκλησίας...
 Ντ' ἔποικαμέ σε, ναὶ Θεὲ μ', σταῖαῖματα βαμμένοι;
25. σεράντα χρόνια 'κτέσκουντου τοῦ ξένου ¹²⁾ μου ὁ κάστρον·
 καὶ ἰάτώρα νὰ χαλάγεται μὲ τὸ βαρὺν τὴν σπάθην;...
 'Εκεῖ πουλία κελαῖδοῦν μὲ φλιβερόν ¹³⁾ λαλίαν·
 ἐκεῖ ἡ Ἑλληνοὶ ἐπέθαναν μύριοι παλληκάρια...

Сав. Иоанниди говорить, что въ этой пѣснѣ разсказывается
 о взятіи Трапезонда турками. На чемъ основано такое мнѣніе—
 мы не знаемъ. Мы готовы повѣрить ему, какъ знатоку исторіи
 Трапезонда; но неприятно дѣйствуетъ, что г. Иоанниди вообще

¹⁾ ποῦ εἶναι τὰ γενητά σου;—откуда ты родомъ? ²⁾ Суда, корабли.
³⁾ Войска. Τούρκικα εἶν' τὰ κάτεργα, τούρκ. τὰ φουσατά, значить—тур-
 ки уже завладѣли городомъ. ⁴⁾ Можно было бы поставить чисто греческое слово:
 εἰδήσ' (εἰδήσεις). Вѣроятно, это слово и стояло прежде. ⁵⁾ Завать солнца.
⁶⁾ παρὰ + θύρα—околотверіе (въ общемъ новогр. яз.—окно). ⁷⁾ Вѣжливое на-
 званіе жены (ср. грузин. khali). ⁸⁾ Вмѣстѣ. ⁹⁾ κοντάρι отъ древ. κοντός (шесть)
 —короткое копье. ¹⁰⁾ Ступай. ¹¹⁾ Утромъ. ¹²⁾ Вѣроятно, собственное имя, а не
 ξένος—гость. ¹³⁾ φλιβεράν.

имѣть привычку высказывать голословныя мнѣнія. Онъ имѣетъ полную возможность комментировать свою прекрасную коллекцію пѣсенъ историческими данными, однако, дѣлаетъ это лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Содержаніе пѣсни слѣдующее:

„Добрые мои сосѣди поручили мнѣ спуститься въ городъ и узнать, что тамъ дѣлается? Я спустился и на половинѣ дороги встрѣтилъ архонта съ его соратниками. Лицо его было мрачно: онъ былъ убитъ горемъ и плакалъ. Я сталъ съ нимъ говорить, но онъ поворотилъ своего коня и не далъ мнѣ никакого отвѣта. Я началъ спрашивать его соратниковъ, но тѣ тоже молчали и не хотѣли дать мнѣ отвѣта. Я сталъ умолять ихъ именемъ Божиимъ, чтобы они промолвили хотя словечко. Наконецъ, они обратились ко мнѣ съ вопросомъ: „скажи намъ, кто ты? и откуда ты родомъ?“ „Я мастеръ изъ эллинскихъ крѣпостей, и эллины прислали меня узнать, что происходитъ въ городѣ“—отвѣтилъ я „Что-же тебѣ сказать, добрый молодецъ, парень молодой?... Все кончено!.. городъ взять турками“...

Получивъ такую недобрую вѣсть, я возвратился къ своему отцу, и къ вечеру былъ уже у окна нашего дома. Первые заговорили со мною мать и моя подруга жизни; но я не въ силахъ былъ сообщить имъ ужасную вѣсть. Жена моя догадалась и перестала спрашивать, а мать еще разъ попробовала выманить у меня слово....

Добрые мои сосѣди обратились ко мнѣ съ вопросами, и кончилось дѣло тѣмъ, что они стали рыдать и говорить: „Горе намъ! горе намъ! Романія погибла“!....

„Возьми, сынъ мой свой мечъ,—возьми свое копьё эллинское и разсѣй враговъ, какъ вѣтеръ разсѣваетъ листья“!..

Я пустился въ бой, и съ утра до полудня истребилъ тысячи враговъ. Шелъ дождь, и лилась дождемъ вражья кровь. Гремѣлъ Божій громъ, гремѣли колокола въ церквахъ... Въ

чемъ, о Боже, мы провинились передъ Тобою,—мы несчастные, плавающіе въ крови?.. Сорокъ лѣтъ мы работали надъ этою крѣпостью, и теперь она должна пасть подъ тяжелымъ мечемъ?..

Не птицы тамъ щебечутъ печальными голосками—стонъ предсмертный раздается, то эллины умираютъ—тысячи героевъ“!...

Сравнивая эту пѣсню съ пѣснью о взятіи Константинополя, мы находимъ между ними большую разницу. Тамъ народный пѣвецъ рассказываетъ о событіи нѣсколько витѣвато, а въ заключеніи пускается даже въ туманную философію и политику; хотя, нужно замѣтить, что все это дѣлается наивно и мило, нѣтъ отступленія ни на шагъ отъ обычныхъ приемовъ народнаго творчества. Здѣсь мы видимъ другое. Пѣвецъ въ этой пѣснѣ самъ является какъ-бы дѣйствующимъ лицомъ и въ простомъ разсказѣ передаетъ отъ своего имени свои страданія, свои непосредственныя душевныя волненія: „Въ чемъ-же,—говоритъ онъ: о Боже, провинились передъ Тобою мы несчастные, плавающіе въ крови?..“ Словомъ—пѣсня эта своимъ содержаніемъ говоритъ о паденіи ближайшей столицы, т. е. Трапезонда. Я не имѣлъ, въ сожалѣнію, случая услышать мнѣнія объ этомъ трапезондскихъ рапсодовъ.

9.

1. "Ενα κοράσιον ἀγαπῶ σουμά ¹⁾ ἴσῃν γειτονεῖαν· ²⁾
ἐντρέπουμε νὰ λέγ' ἀτήν· κοράσιον, ἀγαπῶ σε!
Μάννα, κί' ἄν δῆς ³⁾ με, δόμα τήν, καί ἄν κ' ἔν, θά ξενητίσω, —
δὰ πάγω μὲ τ' ἀγερανούς ⁴⁾ καί μὲ τὰ χεληδόνια·
5. κί' ἄν κλώσκουνταν ⁵⁾ ἀγερανοί, γερίζνε χεληδόνια, —
ἐγὼ ἄλλο 'κί' κλώσκουμαι ⁶⁾ κατὴ ἄρ ἄλλο 'κὴ γυρίζω.

¹⁾ Близъ. ²⁾ Сосѣдство. ³⁾ διδης. ⁴⁾ Журавли. ⁵⁾ Возвратиться. ⁶⁾ Чит. влошумэ.

„Въ близкомъ сосѣдствѣ съ нами живетъ дѣвушка, которую я полюбилъ, а сказать ей стѣсняюсь. „Матушка, если сосватаешь ее за меня—хорошо, а если нѣтъ, то я пойду странствовать съ журавлями и ласточками. Журавли и ласточки опять возвратятся, а меня больше не увидишь“.

10.

1. "Ἰνας ¹⁾ κορ' ἐβοτάνιζεν ²⁾ σ' τὴν παραποταμίαν *)
 'Εξέβεν ³⁾ δίσσα κ' ἄνεμος κ' ἔναν ἀγρανεμίᾳ,—
 ἐπεκουπέξαν ⁴⁾ τὰ κουμπιά τς ⁵⁾ κί' ἐνοίγαν τὰ ἐμπροκάρδια τς.
 Ἔρται καί τ' ὁ Ἰάννης νὰ διαβαίν', λιγοθυμᾷ καὶ ῥούζει.
 5. Ἔρται κί' μάνατ' ἐρωτᾷ. Ἰάννε μ' καὶ ⁶⁾ ντὸ πονεῖς;
 —Μάμμα, πονεῖ τ' ἢ κεφαλῆμ' ταραίζειν ⁷⁾ τὸ καρδόπομ'
 καὶ σὰν τρομάζν' τὰ γόναταμ', φοβοῦμ' ἐφαρμακώθα.
 —Υἱέ μ', λάχ' ^{**)} ἔν τριφάρμακον, μηδὲ κόρης ἐγάπην.
 —Μάμμα, σχῆσον τὴν καρδιά μου κί' ἔντραν ⁸⁾ ἀπὲς ντὸ ἐχ' ^{***)}
 10. κί' ἄν ἔν ὀφίδι,—σχότα τό, κί' ἄν ἔν ἥλιος ἄς λάμπη,
 κί' ἄν ἔν τῇ κόρ'ς χαμονῆ ⁹⁾, ἄς καί τ' κί' ἄς μανίζη.

„На берегу рѣки дѣвушка полола цвѣты. Поднялся туманъ, подулъ буйный вѣтеръ и раскрылъ ее грудь. Въ это время проходилъ мимо нея молодой человѣкъ Яннэ; увидя ее обнаженную грудь, онъ упалъ на землю безъ чувствъ. При-

¹⁾ Одна. ²⁾ βοτάνιζω—заниматься очисткой цвѣтовъ и культурныхъ растений. ³⁾ Вышелъ, произошелъ. ⁴⁾ Растегнулись. ⁵⁾ Пуговики. ⁶⁾ Мы пишемъ неправильно: слѣдовало бы написать не καί, а кέ или даже κέν (какъ произносятся), кέ или κέν—непереводимыя частицы. Привычныя къ новогреческой транскрипціи, мы допустили эту ошибку, которую теперь трудно исправить: надъ этой частичкой нужно серьезно подумать, чтобы не смѣшать ее съ καί. Мы предоставляемъ специалистамъ поправку и въ слѣдующій разъ займемся сами вопросомъ: гдѣ слѣдуетъ поставить καί и гдѣ κέν, или кέ. Въ произношеніи эти частицы отличаются: κέν и кέ произз. *кенъ* и *кэ*, а καί—*каэ*. ⁷⁾ Мѣшается. ⁸⁾ Посмотри, взгляни. ⁹⁾ Сжиганіе.

*) Чит. парапотамаеянъ.

***) Чит. лашъ.

***) Чит. эшъ.

ходить его мать и, увидя его въ безпамятствѣ, восклицаетъ: „Яннэ мой! что съ тобою случилось?“—Матушка моя, отвѣчаетъ онъ: болитъ моя головушка, дрожатъ колѣна, и мнѣ тошно—тошно: не отравился-ли я?“

— О, если-бы это была, сынокъ, отравя, даже три раза отравя! но боюсь, что это любовь“.

— Раскрой, матушка родная, мое сердце и взгляни туда: и если ты увидишь тамъ змѣю,—убей ее, если ты тамъ увидишь солнце, пусть оно сіяетъ, а если огонь дѣвицы,—то пусть онъ жжетъ меня, пускай пылаетъ въ моей груди“.

Имя Яннэ (Иванъ) часто встрѣчается въ трапезондскихъ пѣсняхъ. Это, вѣроятно, какое-либо историческое лицо. Не сынъ-ли Алексѣя I-го Великаго Комнена и питомецъ Андроника Гида, Иоаннъ I, воспѣвается въ этихъ пѣсняхъ? Иоаннъ Комненъ кончилъ свою жизнь трагически, упавъ съ лошади, во время воинскихъ упражненій, въ 1241 году. Это событіе, повидимому, изображено въ слѣдующей пѣснѣ:

„Тамъ на лугу, на широкомъ лугу, тамъ стоялъ Яннэ, Андрониковъ сынъ. Онъ былъ раненъ и весь былъ въ крови. Его окружали три женщины: одна изъ нихъ была мать, которая плакала, другая была сестра, которая горевала, а третья — развратница-жена его, которая насмѣхалась надъ мужемъ: „говорила-же я тебѣ, Яннэ мой, красавчикъ мой Яннэ, не выходи на бой безъ оружія! не выходи на бой: тебя убьютъ (а ты не послушался?)“

Вотъ подлинникъ:

1. Ἐκεῖ ἐ λειβαδάκι, ἐ ἀντιλειβαδον,
Ἐκεῖ ἔστεχεν ὁ Ἰάννης τ' Ἀντρονίχ' ὁ οἶόν,
σπαθηκονταρισμῆνος *) καὶ ὀλοαίματος,

*) Σπαθηκονταρισμῆνος, непереводимое причастіе страд. зал.: изъ словъ мечъ и копье вышель глаголъ: мечекопье...ный (?), т. е. пораженный и мечемъ и копьемъ. Другое такое же причастіе: ὀλοαίματος,—изъ ὀλος и αἷμα: весь и кровь.

τρῖα καί ἄλλα κοράσια παραστέκν' αὐτόν·

5. Ἰνας νὰ ἔν ἡ μάνα του, ποῦ κλαίει αὐτόν,
καὶ ἄλλη ἔν ἀδελφίαιάτ, ποῦ πονεῖι αὐτόν,
κ' ἄλλ' ἔν ἡ κοῦρβα ἡ χάλη τ', παιγνιδιάζ' αὐτόν.
„Κὲ κ' εἶπα σε, ναὶ Ἰάννε μ', ναὶ καλογιάννε μ',
ζ' τὸν πόλεμον μ' εβγαίνης χωρὶς ἄρματα,
10. ὅτὸν πόλεμον μ' εβγαίνης κὲ σκοτῶννε σε!“

Иоаннъ I ребенкомъ лишился отца и воспитывался у Андроника Гида, который долженъ былъ уступить престолъ своему питомцу, по совершеннolбтiи его; поэтому неудивительно, если въ пѣснѣ сказано *Иоаннз, Андрониковъ сынз*.

Ἦ ξενιτιά, κ' ἡ ὄρφανιά, κ' ἡ πίκρα, κ' ἡ ἀγάπη,
τὰ τέσσερα ἐζύασα, βαρὺν ἤρθεν ἀγάπη.

Это двустипіе недавно мнѣ пропѣлъ трапезондецъ, котораго я встрѣтилъ на станціи Закав. ж. д. „Евлахъ“.

Инспекторъ народныхъ училищъ

Елисаветпольской губерніи *А. Иоакимовъ*.

Елисаветполь.

1886 г.

Статья о нарѣчiи трапезондскихъ грековъ редактирована профессоромъ Г. С. Дестунисомъ.

АДЕМИРКАНЪ.

(Кабардинское сказаніе).

I.

Г у л е й.

Отець у Адемиркана былъ *Курзъ*, а мать *Нальмэс-Гошэй*, и былъ у нихъ сынъ пятнадцати лѣтъ, по имени *Гулей*. Это еще было при турецкихъ султанахъ. Дошелъ слухъ до султана, что въ Кабардѣ, въ знаменитыхъ тамошнихъ табунахъ, водятся богатырскіе кони *атльпзъ*, быстрые какъ вѣтеръ, и пылкіе какъ огонь; велѣлъ султанъ найти такого человека, который-бы могъ ихъ достать. Случилось такъ, что въ это время гостилъ въ столицѣ султанской, *Бруссъ*, кабардинецъ *Курзъ*; онъ оставилъ свою семью въ родномъ аулѣ (коапэ), а самъ отправился за море людей посмотрѣть, себя показать. Услышалъ Курзъ о желаніи падишаха, и вызвался достать коня-атльпа, а, если можно, то и нѣсколько такихъ богатырскихъ коней. Вернулся Курзъ въ Кабарду, и выбралъ опытнымъ глазомъ въ табунахъ двухъ жеребятъ. Съ этими жеребятами онъ отправился въ Бруссу, а съ нимъ и все его семейство. Онъ былъ еще въ дорогѣ, но слухъ о немъ опередилъ его далеко. Однако, завистники стараются умалить достоинство коней; повсюду пошла молва о томъ, что этотъ кабардинецъ ведетъ султану не такихъ лошадей, какихъ онъ желалъ, а какихъ-то жеребятъ, невзрачныхъ на видъ и простой породы. Повѣрилъ слуху султанъ. Въ гнѣвѣ порѣшилъ онъ Куру выколоть глаза. Явившись въ столицу, Курзъ предсталъ предъ свѣтлыя очи падишаха. Лошади не понравились

султану, и жестокое рѣшеніе было исполнено: Кура лишили зрѣнія. Несчастнѣй кабардинецъ взялъ своихъ жеребятъ и свое семейство, сѣлъ на корабль и поплылъ домой. Долго они плыли по морю; кавказскій берегъ былъ уже не далеко, когда, къ несчастію, оказалось, что беременной женѣ Кура приходится рожать. Рожать во время плаванія считалось дурной примѣтой, и корабельщики имѣли обыкновеніе выбрасывать роженицъ въ море. Желая остаться незамѣченной, Нальмэс-Гошей спряталась между тюками, которые были на кораблѣ, и тамъ родила сына. Младенца она положила въ ящикъ; этотъ ящикъ она закрыла нѣ-глухо, замазала воскомъ и спустила въ море, сказавъ съ глухими рыданіями: „плыви съ Богомъ, въ добрый часъ!“ Корабль присталъ къ берегу. Высадился Куръ съ семействомъ, а такъ какъ мѣстность понравилась его семьѣ, то онъ и рѣшилъ здѣсь поселиться. На этомъ мѣстѣ была небольшая роща, къ которой примыкала зеленая лужайка; черезъ лужайку протекала рѣчка, впадающая тутъ-же въ море. На берегу рѣчки было богатое пастбище, и сѣна можно было косить, сколько душѣ угодно. Построилъ Гулѣй саклю (уна), и сталъ обзаводиться хозяйствомъ. Не замѣтилъ молодой хозяинъ, какъ подросли жеребята, и стали уже прекрасными лошадьми. Тогда захотѣлъ старикъ убѣдиться, дѣйстви-тельно-ли его лошади изъ породы атльпъ? Съ этою цѣлью онъ приказалъ сыну выстроить конюшню, всѣ щели замазать глиной и обложить дерномъ со всѣхъ сторонъ такъ, чтобы дневной свѣтъ не могъ проникать внутрь. Воду онъ провелъ изъ рѣчки и пропустилъ ее внизу подъ поломъ. Запасъ сѣна былъ имъ заготовленъ на три мѣсяца, такъ какъ въ теченіе этого времени лошадямъ нельзя было выходить изъ конюшни, — такой продолжительный срокъ назначилъ онъ для испытанія богатырской породы коней! Когда уже трехмѣсячный срокъ подходилъ къ концу, то старикъ велѣлъ сыну загатить рѣчку. Вода стала быстро подниматься, и образовался глубокій

прудъ. Наконецъ, истекъ положенный срокъ, и Гулѣй вывелъ лошадей изъ конюшни. Сперва онъ сѣлъ на сѣраго коня, который назывался *Круглѣй*, и сталъ джигитовать. Долго гарцовалъ Гулѣй на сѣромъ жеребцѣ по берегу пруда, а затѣмъ пустился съ нимъ въ глубокую воду. Однако, вода коню ничемъ, и со дна пруда онъ выбиваетъ клубы пыли. Этого коня призналъ старикъ настоящимъ *атми*. Затѣмъ онъ велѣлъ Гулѣю вывести другого коня—гнѣдого. Джигить сѣлъ на него, и сталъ гарцовать по берегу пруда, а потомъ помчался съ нимъ въ глубокую воду. Вода коню ничемъ, но со дна пруда клубится не пыль, а летятъ во всѣ стороны комки грязи. Это было признакомъ, что гнѣдой вышелъ не настоящей породы. Старикъ объяснилъ свою неудачу тѣмъ, что въ конюшню, должно быть, проникалъ дневной свѣтъ. Отправился въ конюшню Гулѣй, чтобы провѣрить слова отца; онъ ничего не замѣтилъ. Тогда отправилась старуха, и ей удалось найти въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ гнѣдой конь, маленькую щель, черезъ которую чуть-чуть просвѣчивалъ слабый солнечный лучъ. Такимъ образомъ, разъяснилось, отчего гнѣдой конь не вышелъ такимъ, какъ Круглѣй. Гулѣй берегъ своихъ лошадей пуще глаза, ходилъ всегда самъ за ними и не могъ на нихъ насмотрѣться; но, чтобы онѣ не застоялись въ конюшнѣ, онъ сталъ ѣздить на нихъ по очереди по ближайшимъ окрестностямъ. Повсюду пошла слава о богатырскихъ коняхъ Гулѣя. Дошелъ и до султана слухъ, что за моремъ нашлись такія лошади, какихъ ему давно хотѣлось имѣть. А когда онъ прослышалъ, что это тѣ-же самыя лошади, которыя у него были еще жеребятами, то его стала донимать сильная досада. Какъ могъ онъ повѣрить пустымъ наговорамъ на стараго кабардинца! Мысль объ этомъ ему сильно досаждала; тѣмъ болѣе, что онъ за этихъ лошадей заплатилъ нѣсколько кошелевъ червонцевъ. Во что бы то ни стало, онъ хотѣлъ ихъ достать, а въ особенности Круглѣя! Шлютъ приказъ по всему

народу собираться на базарную площадь. Валить туда народъ, и глашатаи предлагаютъ большую награду тому, кто возьмется привести султану коня-богатыря Круглѣя. Вызвался одинъ паренъ исполнить приказаніе султана. Онъ переплылъ море, и присталъ къ тому берегу, гдѣ была сакля *Кура*. Явился къ Куру молодой паренъ, и нанялся въ конюхи. Онъ оказался усерднымъ слугою, и хозяинъ не могъ имъ нахвалиться. Шель мѣсяцъ за мѣсяцемъ, и, наконецъ, конюхъ рѣшился исполнить задуманный имъ планъ: онъ сѣлъ на гнѣдого коня, и, поскакавъ вдоль берега, направился къ мельницѣ, которая была довольно далеко отъ сакли. Прошло не много времени, а все таки Гулѣй сталъ беспокоиться по поводу того, что конюхъ не возвращается съ гнѣдымъ конемъ: никогда этого прежде не бывало съ его вѣрнымъ слугою, чтобы онъ куда-нибудь отлучался. Гнѣдой конь, правда, не чета его Круглѣю, но хозяину жаль добраго коня. Въ тревогѣ онъ бросается на Круглѣя, и мчится за конюхомъ въ догонеу. Издали уже замѣтили конюхъ погоню, подскакалъ быстро къ мельницѣ, привязалъ къ столбу лошадь, а самъ скрылся въ мельницу и попросилъ мельника помѣняться съ нимъ платьемъ. Мельникъ, не догадываясь, въ чемъ дѣло, охотно согласился. Тогда конюхъ, передѣвшись мельникомъ, испачкалъ мукой лицо такъ, что его нельзя было узнать, и вышелъ на крыльцо. Тѣмъ временемъ подскакалъ къ мельницѣ Гулѣй, и, соскочивъ съ Круглѣя, привязалъ его къ тому-же столбу. Не узнавъ своего слуги хозяинъ, и принявъ его за мельника. Но, желая отыскать слугу, онъ спросилъ у мнимаго мельника, гдѣ тотъ человекъ, который у столба привязалъ свою лошадь? Передѣтый конюхъ направилъ его въ мельницу. Лишь только Гулѣй вошелъ въ мельницу, конюхъ всочилъ на Круглѣя. Сейчасъ онъ почувствовалъ подъ собою богатырскую силу коня, для котораго не было ни въ чемъ преграды, и бросился съ крутого берега въ море. Быстро доставилъ Круглѣй своего сѣдока къ ту-

рецькому берегу, и, такимъ образомъ, султанъ получилъ желаннаго коня. Но не могъ султанъ воспользоваться богатырскимъ конемъ: никто не рѣшался къ нему подойти, а тѣмъ болѣе на него садиться, кромѣ бывшаго слуги Гулѣя. Такъ прошло пять мѣсяцевъ. Провѣдалъ кабардинецъ, гдѣ находится его дорогой конь, взялъ гусли (*пхашина*), одѣлся нищимъ, и поплылъ чрезъ море къ султану. Приѣхавши въ столицу, онъ незамѣтно пробрался на султанскій дворъ, гдѣ стояла конюшня. Однако, конюхъ узналъ своего бывшаго хозяина, тотчасъ-же доложилъ султану о прибытіи прежняго владѣльца коня. Султанъ не захотѣлъ погубить сына того кабардинца, котораго отъ лишилъ зрѣнія, и позволилъ Гулѣю любоваться своимъ конемъ. Лишь только Круглѣя вывели изъ конюшни, Гулѣй вскочилъ на него; богатырскій конь узналъ своего хозяина, взвился на дыбы, перепрыгнулъ чрезъ ограду, и вихремъ понесся къ морю. Вернулся чрезъ море на богатырскомъ конѣ Гулѣй въ свою саялку. Однако, ему не жилось дома: его тянуло въ Турцію. Выселился онъ туда со всѣмъ семействомъ, построилъ себѣ недалеко отъ Бруссы, на отвѣсной скалѣ, замокъ и зажилъ на славу. Похоронилъ своихъ стариковъ Гулѣй, а пришло время, и онъ самъ состарился. Когда онъ почувствовалъ приближеніе смерти, приказалъ любимымъ конямъ отрубить головы на его могилѣ и обрызгать ее богатырскою ихъ кровью. Прошло съ тѣхъ поръ много лѣтъ, замокъ мало-по-малу приходилъ въ ветхость, а затѣмъ разрушился самъ собою, но его развалины замѣтны и понынѣ. Кто отправляется въ Мекку, то издали, на крутой скалѣ, можетъ видѣть развалины замка Гулѣя.

II.

Дѣтство Адемиркана.

Когда мать *Нальмэс-Гошэй* спустила въ море ящикъ съ

малюткой, цѣлый день онъ носился по волнамъ бурнаго моря. Случилось такъ, что какъ разъ въ это время купалась въ морѣ со своими подругами кабардинская княгиня *Адемирава*. Она замѣтила носящійся по морю ящикъ, и велѣла рыбакамъ спустить лодку, чтобы его поймать. Рыбаки принесли ящикъ къ княгинѣ; но она не рѣшилась сама его вскрыть, а приказала его отнести къ князю. Князь Адемиръ велѣлъ его тотчасъ открыть, и всѣ были поражены, когда, по вскрытіи ящика, изъ него вынули плачущаго ребенка. Сжалились надъ ребенкомъ князь съ княгиней: они рѣшились его приютить у себя и воспитать, какъ родного. Своего приемыша, который по имени князя получилъ названіе Адемирканъ, они отдали вскормить кормилицѣ. У этой женщины былъ грудной ребенокъ, и обоихъ младенцевъ она выкормила грудью. Шель годъ за годомъ, младенцы сдѣлались отроками, а, затѣмъ, здоровыми парнями. Пошелъ обоимъ уже пятнадцатый годъ. Однажды Адемирканъ, охотясь на берегу въ густой заросли *каратэ-генэкъ*, пробирался по узкой тропѣ къ взморью, какъ вдругъ онъ замѣтилъ плывущихъ къ берегу кобылицу съ двумя жеребятами: одинъ гнѣдой побольше, а другой поменьше сѣрый. Взобралась кобылица съ жеребятами на берегъ, и направилась къ лужайкѣ, чтобы пощипать травы. Приглянулись лошади Адемиркану, а, въ особенности, сѣрый жеребенокъ показался ему рѣдкой красоты и необыкновенной породы. Онъ готовъ былъ употребить всѣ средства, чтобы какъ-нибудь добыть этого жеребенка. Съ этою цѣлью онъ спрятался въ чащѣ, рѣшившись, при возвращеніи лошадей съ пастбища, броситься на сѣраго жеребенка, схватить его за шею, повалить его на-земь и не выпускать больше изъ своихъ рукъ. Онъ такъ и сдѣлалъ, но не рассчиталъ своихъ силъ джигить: жеребенокъ оказался изъ породы атльбъ, и потому его никакъ нельзя было свалить съ ногъ. Когда Адемирканъ схватилъ руками жеребенка за шею и налегъ на

него грудью, сильное животное понеслось вслѣдъ за кобылицей, какъ ни въ чемъ не бывало, вмѣстѣ съ вцѣпившимся въ него джигитомъ. Кобылица бросилась въ море, а за ней и жеребенокъ. Сообразилъ джигитъ, что не слѣдуетъ ему выпускать изъ рукъ добычи: однимъ, взмахомъ онъ очутился на спинѣ жеребенка, и, почувявъ подъ собою богатырскую силу, безстрашно сталъ бороздить морскія волны. Долго они плыли по морю, но, наконецъ, вдали показался берегъ. Это былъ берегъ Крыма, который тогда находился подъ властью хана *Доулетъ-Гирея*. Всварабкалась кобылица съ жеребятами на берегъ, а съ ними и Адемирканъ. Лишь только лошади очутились на берегу, Адемирканъ почувствовалъ, что ему не усидѣть на богатырскомъ конѣ: лошадь стала метаться изъ стороны въ сторону и становиться на дыбы, силясь сбросить съ себя ѣздока. Соскочилъ съ жеребенка Адемирканъ, а, такъ какъ лошади помчались по направленію къ ханской столицѣ, то и онъ погнался вслѣдъ за ними. Лошади влетѣли прямо въ ханскій дворъ: это, какъ оказалось, были лошади ханскія, а сѣрый жеребенокъ былъ *Жеманшарикъ*, богатырской породы. За лошадьми проникъ туда и Адемирканъ. Бросился въ глаза хану Доулетъ-Гирею красивый джигитъ, и онъ пригласилъ его въ свои чертоги. Смѣло вошелъ джигитъ туда вслѣдъ за властелиномъ, и безъ всякой робости отвѣчалъ хану на всѣ вопросы. Ханъ спросилъ его, кто онъ, и зачѣмъ онъ къ нему явился? Адемирканъ въ отвѣтъ на это сказалъ, что онъ сынъ кабардинскаго князя, что онъ еще отъ родителей слышалъ о могуществѣ хана, объ его мудрости и справедливости, о томъ, что онъ окруженъ знатными и учеными людьми, и, поэтому, уже давно желалъ поучиться у хана чему-нибудь и увидѣть, какъ живутъ люди на чужой сторонѣ. Ханъ былъ польщенъ, ему понравилась любознательность юноши, и онъ его оставилъ у себя. Ханъ владѣлъ большими табунами прекрасныхъ степныхъ лошадей; надзоръ за ними онъ

желалъ ввѣрить надежному человѣку, а тутъ, какъ разъ, случился человѣкъ, который ему пришелся по душѣ. Такимъ образомъ, онъ поручилъ Адемиркану смотрѣть за своими табунами и за барантой, которой у него было безчисленное множество. Обрадовался порученію джигитъ, тѣмъ болѣе, что ему не хотѣлось отходить отъ приглянувшагося ему жеребенка, безъ котораго, какъ ему казалось, онъ не могъ жить. По цѣлымъ днямъ гонялся Адемирканъ за лошадьми съ арканомъ въ рукахъ, зорко смотрѣлъ за барантой хана, но не упускалъ также случая знакомиться съ другими работами по хозяйству. Вездѣ и во всемъ онъ поспѣвалъ, такъ что ханъ и ханша души въ немъ не чаяли: они считали его чуть-ли не за родного сына. Хотя обязанности Адемиркана были весьма сложны, и его вниманіе отвлекалось въ разныя стороны, но съ Жеманшарика онъ не спускалъ глазъ. Всячески онъ старался приучить къ себѣ сѣраго жеребенка, мечтая о томъ времени, когда ему можно будетъ его назвать своимъ: не даромъ-же онъ переплылъ Черное море, бросивъ родителей и родной аулъ! Въ теченіе пяти лѣтъ, проведенныхъ имъ при ханскомъ дворѣ, онъ вполне успѣлъ въ этомъ: Жеманшарикъ привыкъ къ Адемиркану до такой степени, что уже не подпускалъ къ себѣ никого другого; издали онъ чужалъ приближеніе джигита и рвался къ нему изъ всѣхъ силъ. Пять лѣтъ уже миновало, а этого было достаточно, чтобы опредѣлилась богатырская порода коня. Жеманшарикъ вышелъ настоящимъ атлѣпъ. Долѣе Адемирканъ не могъ оставаться: онъ зналъ очень хорошо, что въ болѣе продолжительное время богатырская сила коня, достигнувъ своего полного развитія, могла бы ослабѣть и истощиться сама собою, не находя соотвѣтственнаго примѣненія ни въ бою, ни въ джигитовкѣ. Поэтому, онъ сталъ думать о томъ, какъ бы ему вернуться на родину, испытать свою молодецкую силу въ борьбѣ съ врагами, испробовать удивительныя качества Жеманшарика. Итти ему домой никто

не помѣшаетъ, но какъ возвращаться безъ дорогого для него коня? Отдать его по доброй волѣ ханъ не согласится, а брать коня самовольно не приходится! По цѣлымъ днямъ думаетъ объ этомъ Адемирканъ; всякое дѣло валится у него изъ рукъ, и онъ сталъ скучный и раздражительный. Замѣтилъ ханъ перемѣну съ Адемирканомъ, и съ участіемъ спросилъ его о причинѣ его тоски. Адемирканъ молчитъ угрюмо. Тогда ханъ, догадавшись и самъ о причинѣ его грусти, предложилъ ему съѣздить домой, на родину. Съ радостью выразилъ Адемирканъ свое согласіе. Желая его облагодѣтельствовать, ханъ отдаетъ ему, сколько угодно, лошадей и баранты, а, въ добавокъ, денегъ и рабовъ, но съ условіемъ, чтобы онъ повялся къ нему вернуться чрезъ два года. Адемирканъ отказался отъ лошадей и другого добра, но просить себѣ въ даръ только одного Жеманшарика. Ханъ не хотѣлъ объ этомъ даже и слышать. Тогда Адемирканъ заявилъ, что онъ пойдетъ домой пѣшкомъ, какъ какой-нибудь нищій: пусть всѣ знаютъ, какъ ханъ награждаетъ своихъ вѣрныхъ слугъ! Ханша, которая все это слышала, была сильно тронута рѣшимостью джигита: она стала уговаривать своего супруга, чтобы онъ ради Адемиркана, прожившаго у нихъ столько лѣтъ и служившаго имъ вѣрой и правдой, не пожалѣлъ одной лошади, хотя бы она и была Жеманшаригъ. Наконецъ, ханша успѣла уломать хана: хотя неохотно, но все-таки онъ согласился отпустить джигита съ Жеманшарикомъ, но съ условіемъ вернуться чрезъ два года. Внѣ себя отъ радости, Адемирканъ простился съ ханомъ и ханшей, далъ требуемую клятву и вскочилъ на своего богатырскаго коня. Конь взвился на дыбы, и стрѣлой помчался къ морскому берегу. Стремглавъ бросается съ кручи Адемирканъ въ морскую бездну и несется на чудо-конѣ по необъятному морю къ родному берегу.

III.

Возвращеніе Адемирнана.

Недолго мчался по морю Адемирканъ. Вскорѣ онъ подплылъ къ родному берегу. Никто не ожидалъ возвращенія джигита: всѣ считали его погибшимъ въ морской пучинѣ. Какова же была радость князей Адемировыхъ, когда ихъ пріемышъ неожиданно-негаданно возвратился! Пиръ шелъ горой по поводу этого радостнаго событія. Старики хотѣли подѣлиться своею радостью съ близкими людьми и сосѣдами, и, поэтому, домъ былъ полонъ гостей. Чуть ли не каждый день устраивались охоты, или любимыя горцами скачки. Среди пиршествъ и непрерывныхъ забавъ проходятъ условленные два года. Чѣмъ ближе къ сроку, тѣмъ болѣе Адемиркана угнетаетъ мысль о данномъ хану общаніи. Наконецъ, наступилъ срокъ: пора уже Адемиркану возвращаться къ хану, но страхъ ему не хочется итти, да, къ тому же, и родители не пускаютъ. Разсердился властелинъ Крыма, посылаетъ одного гонца за другимъ съ приказаніемъ возвратиться въ ханскую столицу, а, въ случаѣ неповиновенія, грозитъ даже войною. Не повѣрили угрозѣ ни Адемирканъ, ни его родители. Въ одинъ прекрасный день, когда отъ береговъ Крыма дулъ попутный вѣтеръ, все море покрылось кораблями: это плыветъ безчисленное ханское войско, а во главѣ его самъ Доулетъ-Гирей. Никто не ждетъ пощады отъ разсерженнаго хана: одни спасаются бѣгствомъ, а другіе готовятся къ защитѣ. Высадившись, непріятельская рать бросилась на неповинныхъ ни въ чемъ кабардинцевъ. Какъ защищаться немногочисленному народу противъ несмѣтныхъ полчищъ? Самъ виновникъ народнаго бѣдствія, Адемирканъ, не хотѣлъ поднять руки противъ бывшаго своего благодѣтеля. Произошло кровопролитное сраженіе, и кабардинцы были разбиты на-голову. Пришлось бѣдному

народу покинуть родную землю: взяли кабардинцы своихъ женъ и дѣтей, нагрузили арбы всякимъ добромъ и переселились со всѣмъ народомъ подальше къ востоку, въ нынѣшнюю Большую Кабарду, на обширную равнину, называемую *Зіанэкэ*. Эта равнина была покрыта дремучими лѣсами, въ которыхъ водились дивіе звѣри; быстрыя рѣки ее прорѣзывали по всѣмъ направленимъ, а въ дали поднимались предгорья Кавказа. На склонахъ этихъ предгорій кабардинцы построили свои аулы. По сосѣдству съ вновь поселившимися кабардинцами жилъ другой кабардинскій князь *Беслановъ*. Это былъ могущественный князь, любимый своимъ народомъ. Между прочимъ, онъ былъ тученъ до таковой степени, что никакъ не могъ садиться на лошадь: онъ долженъ былъ ѣздить на боевой колесницѣ (*шиггу*). Князь Беслановъ считался главой всѣхъ кабардинскихъ племенъ. Однажды онъ готовился къ войнѣ, и приказалъ собраться всѣмъ кабардинскимъ джигитамъ на равнину *Зіанэкэ*; онъ хотѣлъ осмотрѣть военные доспѣхи и убѣдиться, насколько боевые кони джигитовъ годятся къ предстоящему походу. Явился по зову и Адемирканъ. Князь Беслановъ не зналъ лично джигита, и счелъ его за простого воина. На смотру князь не могъ не замѣтить изящнаго вооруженія Адемиркана; ему не могли не броситься въ глаза необыкновенныя качества Жеманшарика! Беслановъ въ восторгѣ отъ оружія, а для похвалы коня онъ не находить словъ! Лестно все это для джигита; ему пріятно слышать похвалы, расточаемыя его оружію и коню. Съ нетерпѣніемъ ждетъ онъ того-же и для себя. Но не тутъ-то было: Беслановъ взглянулъ на него исподлобья и сказалъ съ насмѣшкой: „оружіе-то, джигить, хорошо, а конь и того лучше; но сумѣешь-ли ты владѣть своимъ оружіемъ на полѣ битвы, и усидѣть-ли тебѣ на конѣ?“ Осворбленный до глубины души, Адемирканъ ничего не отвѣтилъ, отошелъ въ сторону и стоялъ въ задумчивости. Какъ разъ въ это время случилось, что изъ чащи вылетѣлъ

чудовищный кабанъ. Звѣрь бросился, прямо на князя Бесланова. Со всѣхъ сторонъ погнались люди за свирѣпымъ звѣремъ, но ничего не могли подѣлать: кабанъ уже былъ возлѣ колесницы, и князь находился въ большой опасности! Тогда подбѣжалъ Адемирканъ, прицѣлился изъ лука и пустилъ стрѣлу въ кабана. Стрѣла, пущенная богатырскою рукою, прошла черезъ туловище звѣря и вонзилась въ колесо колесницы съ такою силой, что сдѣпила ступицу съ осью: колесо уже не могло вертѣться. Такъ отплатилъ князю Адемирканъ! Беслановъ, спасенный человѣкомъ, надъ которымъ онъ насмѣхался, смотрѣлъ съ безсильной злобой на звѣря, сраженнаго стрѣлой джигита. Онъ не могъ еще прийти въ себя отъ негодованія, какъ вдругъ Адемирканъ воскликнулъ съ горделивой усмѣшкой: „а какъ, толстякъ, тебѣ нравится охота Адемиркана?“ На эти дерзкія слова Беслановъ ничего не отвѣтилъ; но въ своемъ сердцѣ онъ заключилъ неизгладимое чувство мести. Рано или поздно отъ порѣшилъ смыть кровью джигита нанесенное ему оскорбленіе. Тяжелое оскорбленіе было нанесено не только князю, но и всему народу. Громкій ропотъ прошелъ по рядамъ воиновъ: всѣ недоумѣвали, какъ могъ простой джигитъ не оказать уваженія ихъ любимому князю. И безъ того у Адемиркана было много враговъ: никому онъ не давалъ прохода, никому не воздавалъ должнаго почета. Притомъ, всѣ завидовали его могучей силѣ и его богатырской отвагѣ. Адемирканъ уѣхалъ домой. По его отъѣздѣ, кабардинцы стали совѣщаться, какъ-бы избавиться отъ Адемиркана? Съ общаго согласія они порѣшили на томъ, чтобы князь написалъ письмо къ крымскому хану, съ просьбою предать подателя письма смертной казни; отнести-же письмо долженъ быть ненавистный всѣмъ Адемирканъ. Такъ-то кабардинцы порѣшили погубить богатыря, который могъ бы стать защитой ихъ на бранномъ полѣ!

IV.

Народная месть кабардинцевъ.

Сѣлъ Адемирканъ на своего Жеманшарика и пустился въ дальній путь. Миноваль онъ и горы и море, и, наконецъ, достигъ береговъ Крыма. Тяжело было ему являться къ хану, послѣ того какъ онъ не сдержалъ слова, но нечего было дѣлать: онъ предсталъ предъ властелиномъ Крыма! Не узналъ всадника Доулетъ-Гирей, но сразу узналъ свою лошадь. Съ удивленіемъ онъ спросилъ джигита, откуда онъ добылъ его неоцѣненнаго коня Жеманшарика. Тогда Адемирканъ съ уворомъ замѣтилъ, что ханскій конь былъ все время у его вѣрнаго слуги, прослужившаго ему вѣрой и правдой пять лѣтъ. Всмотрѣвшись лучше въ джигита, ханъ узналъ Адемиркана, и сильно ему обрадовался. Онъ позабылъ все то, что произошло послѣ его отъѣзда, — кровавую расправу съ беззащитными кабардинцами, а только упрекнулъ его въ томъ, что онъ не сдержалъ своего слова. Джигитъ сказалъ въ свое оправданіе, что его не отпустили отецъ съ матерью, слушаться которыхъ повѣлѣваютъ народные обычаи. Ханъ не разузнавалъ болѣе, а только спросилъ его, по какому дѣлу онъ къ нему явился? Адемирканъ вручилъ ему письмо. Ханъ сталъ читать письмо и чѣмъ дольше онъ читалъ, тѣмъ больше его возмущала просьба Бесланова. Онъ не только отказался ея исполнить, но даже рѣшился въ отвѣтномъ письмѣ сдѣлать упрекъ всему кабардинскому народу, что онъ не сумѣлъ оцѣнить богатыря, который могъ-бы своею грудью стать противъ цѣлаго войска и своимъ совѣтомъ выручить всѣхъ изъ бѣды. Возвратился джигитъ съ отвѣтомъ въ Кабарду. Кабардинцы не знали, что дѣлать съ Адемирканомъ. Они думали отъ него избавиться посредствомъ хитрости, не тутъ-то было: ханъ явился его защитникомъ, и еще упрекнулъ народъ въ неблагодарности. Тог-

да кабардинцы стали придумывать новое средство, чтобы избавиться от ненавистнаго всёмъ Адемиркана. Взять его силой никто не могъ рѣшиться: требовалась новая хитрость. Самое вѣрное средство придумалъ уже самъ Беслановъ. Онъ рѣшился отправиться къ кормилицѣ Адемиркана и, придя въ саклю, гдѣ жила она и ея мужъ, Беслановъ сталъ жаловаться на трудныя времена, на то, что его всё обижаютъ, что враги желаютъ его сжить со свѣта, между тѣмъ какъ онъ, кабардинскій князь, долженъ бы пользоваться почетомъ и всеобщей любовью; затѣмъ онъ замѣтилъ, что иногда и маленькіе люди могутъ оказать помощь самому могущественному князю. Кормилица съ мужемъ сказали, что они готовы положить свою жизнь за князя. Тогда Беслановъ заставилъ ихъ похлестаться въ точности исполнить все, что онъ ни пожелаетъ. Клятва была принесена. Связавъ клятвой стариковъ, Беслановъ сообщилъ имъ, что отъ нихъ зависитъ избавить его отъ злѣйшаго врага. Старики были поражены какъ громомъ, когда узнали, что этотъ врагъ ихъ питомецъ—Адемирканъ! Но нечего было дѣлать: они были связаны клятвой. При нихъ жилъ ихъ единственный сынъ, молочный братъ Адемиркана. Его они заставили сдѣлать негоднымъ все оружіе богатыря: изломать курокъ въ ружьѣ, отвинтить въ пистолетѣ замокъ, выщербить клинокъ пашви, а въ винжалѣ сломать его острый конецъ. Въ отсутствіе Адемиркана молочный братъ исполнилъ все, какъ ему было приказано. Когда джигитъ вернулся домой, молочный братъ сталъ его уговаривать отправиться съ нимъ вмѣстѣ на охоту. Адемирканъ тотчасъ согласился. Онъ хотѣлъ сѣсть на своего Жеманшарива, но молочный братъ его уговаривалъ дать отдыхъ вѣрному коню. Не подозрѣвая ничего дурнаго, джигитъ оставилъ дома своего богатыря-коня, а самъ сѣлъ на другого коня,—обыкновенной породы. Надѣвая оружіе, выручавшее его столько разъ на полѣ битвы, Адемирканъ не замѣтилъ, что оно уже нигеуда не

годилося. Что сталося съ осторожнымъ всегда джигитомъ? Когда оба всадника уѣхали на охоту, то Жеманшарикъ сталъ взбивать копытами землю, какъ будто чують бѣду своего господина. Но Адемирканъ ко всему глухъ; онъ ничего не видитъ и не замѣчаетъ опасности.

V.

Смерть Адемирнана.

Охотники выѣхали изъ дремучаго лѣса—*шэрэн* на открытую поляну. Не успѣли они сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ на нихъ со всѣхъ сторонъ направились выстрѣлы. Сообразилъ Адемирканъ, что попалъ въ засаду; но онъ не отчаявался въ своемъ спасеніи. При немъ, правда, не было его чудо-коня Жеманшарика, который его могъ бы унести изъ бѣды быстрѣе, чѣмъ на крыльяхъ вѣтра; но въ его рукахъ было ружье, которое никогда не давало промаха, и была шапка, ему никогда не измѣнявшая. Въ мгновеніе ока онъ прицѣлился изъ своего ружья; но выстрѣла не послѣдовало: ружье оказалось безъ курка. Съ быстротой молніи онъ выхватилъ свою шапку; но и шапкой не могъ зарубить врага: она оказалась выщербленной. Тогда онъ взялся за свой пистолетъ; но что проку въ пистолетѣ безъ замка? Наконецъ, онъ вынулъ кинжалъ; но и кинжаломъ нельзя было защищаться: онъ былъ съ изломленнымъ концемъ! Въ рукахъ у него остался только подкинжалъникъ, котораго подлый измѣнникъ, сдѣлавшій негоднымъ все его оружіе, не успѣлъ испортить. Понявъ Адемирканъ, что это молочный братъ предалъ его въ руки враговъ. Негодующимъ взоромъ онъ окинулъ товарища своего дѣтства и бросился на него съ остервененіемъ. Однако, убить его онъ не пожелалъ; онъ запечатлѣлъ на его лицѣ неизгладимый признакъ предательства: длинной полосой онъ снялъ

своимъ подкинжалъникомъ кожу съ лица измѣнника! Кабардинцы наступаютъ на него густой стѣной, а Адемирканъ защищается то подкинжалъникомъ, то своей выщербленной шапкой. Онъ давно уже соскочилъ съ лошади, такъ какъ она была не богатырской породы, и не могла его вынести изъ густой толпы враговъ. Съ трудомъ отбивается Адемирканъ, и шагъ за шагомъ отступаетъ къ возвышавшейся недалеко горѣ *Каракашкатиу*. Отбиваясь отъ враговъ, онъ сбѣгалъ уже двадцать верстъ, когда, наконецъ, ему удалось завладѣть оружіемъ, снятымъ съ убитаго врага. По колѣни въ крови бродилъ Адемирканъ среди груды непріятельскихъ тѣлъ, положенныхъ его могучею рукою, но нельзя было богатырю справиться съ безчисленнымъ множествомъ враговъ. На смѣну одному сраженному врагу являлась цѣлая сотня! Бороться дольше не хватало силъ; онъ уже изнемогалъ отъ потери крови: все тѣло его было изранено пулями и ударами шашекъ. Наконецъ, враги одолѣли Адемиркана. Повалился богатырь на землю и испустилъ дыханіе на томъ мѣстѣ, которое называется понынѣ *хуу*. Чудо-конь Жемантариѣ, запертый въ своей конюшнѣ, чуялъ, что съ его господиномъ дѣлается что-то недоброе, копытами онъ разбилъ конюшню и полетѣлъ стрѣлой на помощь Адемиркану. Но уже было поздно. Онъ нашель только бездыханное тѣло богатыря. Вѣрный конь схватилъ его зубами и унесъ нѣсколько поодаль отъ того мѣста, гдѣ онъ былъ убитъ. Его жалобное ржаніе, что плачь по неутѣшной утратѣ, трижды раздалось надъ тѣломъ; онъ сталъ выбивать копытами землю, которая засыпала собою безвременно погибшаго богатыря. Вихремъ понесся конь въ Крымъ, къ Доулетъ-Гирею. Когда ханъ увидѣлъ коня безъ всадника, то онъ сейчасъ догадался, что его вѣрный слуга палъ жертвой народной мести. Онъ воспылалъ гнѣвомъ на кабардинцевъ, что они ослушались его совѣта, и пошелъ на нихъ войною. Много народу перебили татары, а остальныхъ они покорили подъ свою власть.

Съ тѣхъ поръ Кабарда была подъ крымскимъ ханомъ. Могла Адемиркана находится до сихъ поръ на горѣ Каракашва-тау. Издали виднѣется на вершинѣ этой горы каменная насыпь надъ тѣломъ богатыря.

Нѣсколько замѣчаній по поводу кабардинскаго сказанія объ Адемирканѣ.

Сказаніе объ Адемирканѣ было уже напечатано въ послѣднемъ выпускѣ *Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа*, но въ совершенно другой редакціи. Между однимъ и другимъ сказаніемъ нѣтъ почти ничего общаго. Сходство заключается только въ упоминаніи народной борьбы кабардинцевъ противъ иноземнаго нашествія, а, поэтому, предлагаемое сказаніе нельзя считать вариантомъ прежде уже напечатаннаго: оно оригинально какъ по лежащей въ его основѣ исторической подкладкѣ, такъ и по фабулѣ и ея изложенію. Это сказаніе сообщено мнѣ молодымъ кабардинцемъ, *Талибомъ Кашежеевымъ*, уроженцемъ селенія *Кармова*, лежащаго на рѣкѣ Малкѣ, при впаденіи въ нее Кичмалки, въ 50 верстахъ отъ Пятигорска и въ 40 отъ Кисловодска. При его содѣйствіи я записалъ также въ оригиналѣ былинку про нарта *Сосруко*.

Къ какому времени отнести описанное въ сказаніи столкновеніе кабардинцевъ съ крымскими татарами и послѣдовавшее затѣмъ переселеніе всего народа или части его отъ береговъ Чернаго моря на сѣверо-кавказскую плоскость, не извѣстно. Съ одной стороны, упоминается малоазіатскій городъ *Брусса*, бывшій столицею турецкихъ султановъ отъ 1317 по 1365 г., а, съ другой, выступаетъ на сцену крымскій ханъ *Девлетъ-Гирей*, при которомъ бештаускіе черкесы искали покровительства у московскаго царя Іоанна IV Грознаго (въ 1555 г.). Приблизительно въ это время совершилось также кровавое

столкновение кабардинцевъ съ крымскимъ ханомъ на берегахъ Кубани, послѣдствіемъ чего явилось ихъ переселеніе на Баксанъ и Терекъ подъ предводительствомъ *Кабарды-бека*. Жившихъ здѣсь раньше *осетинъ* они отодвигаютъ къ ущельямъ Терека, Ардона, Фіагъ-дона и Уруха, но и сами, въ свою очередь, отбрасываются къ востоку отъ *Ошхамахо* (Эльбрусъ), нахлынувшей съ сѣверо-запада толпой татарскаго племени, занявшей верховья Кубани, Баксана, Чегема и Черека. Дальній отзвукъ этихъ событій какъ-бы слышится въ сообщаемомъ сказаніи; мотивы борьбы, конечно, видоизмѣнены подъ вліяніемъ наивной фантазіи народа; отдѣльныя эпохи перепутаны, но дѣйствующія лица выступаютъ довольно рельефно на сказочномъ фонѣ міра чудесъ и проявленій сверхъ-естественной силы богатырскихъ коней *Крулѣя* и *Жеманшарика*. Но кто этотъ добродушный толстякъ *Беслановъ*, явившійся мстителемъ Адемиркану за то, что онъ навлекъ на кабардинцевъ нашествіе крымскаго хана и былъ причиной невольнаго переселенія народа? Въ числѣ адигейскихъ племенъ упоминается племя *бесланы*, и, такимъ образомъ, князь Беслановъ могъ бы оказаться однимъ изъ представителей этого племени. Двумя столѣтіями позже, въ 1775 году, другой крымскій ханъ *Девлетъ-Гирей*, уже въ то время, когда кабардинцы находились въ подданствѣ Россіи, пытался возмутить ихъ противъ русской власти и посылалъ къ нимъ съ этою цѣлью своего любимца *Казъ-булата*. Не Адемирканъ-ли этотъ любимецъ хана, тѣмъ болѣе, что *казъ* или *кайсъ* названіе, даваемое кабардинцамъ ихъ сосѣдями осетинами? Это давало бы нѣкоторое основаніе заключить о принадлежности его къ кабардинскому племени?

Сказочную личность Адемиркана не должно смѣшивать съ адигейскими нартами. Сказаніе ему не приписываетъ, подобно *Сосруко* и другимъ нартамъ, сверхъ-естественной силы и вообще всѣхъ качествъ, присвоенныхъ этимъ чудовищнымъ

гигантамъ. Адемирканъ является обыкновеннымъ джигитомъ, счастливымъ обладателемъ богатырскаго коня изъ породы атльпъ. Лошадь вообще играетъ выдающуюся роль въ кабардинскихъ сказаніяхъ и былинахъ нартовъ. Народное творчество облачаетъ этого неразлучнаго спутника черкесскаго горца атрибутами какой-то чудесной силы; нартъ, или обыкновенный джигитъ, имѣя подъ собою коня—атльпа, не знаетъ никакихъ преградъ: онъ мчится на немъ черезъ моря и горы быстрѣе птицы, перепрыгиваетъ черезъ крѣпостныя стѣны и ломаетъ всякіе запоры. Въ настоящемъ сказаніи весь интересъ сосредоточивается на коняхъ—атльпъ, и высказывается даже своеобразный культъ ихъ богатырскаго силы. Но не нашло-ли любимое занятіе кабардинцевъ коневодствомъ свое выраженіе въ этой идеализаціи лошади? И понынѣ еще славится Кабарда прекрасной породой своихъ лошадей, а въ глубокой древности греческій географъ Птоломей помѣщаетъ къ сѣверу Кавказскаго хребта *τὰ ἰππικὰ ὄρη*. Подъ этимъ названіемъ, присвоеннымъ по богатству лошадьми цѣлой горной мѣстности, нельзя не видѣть величавой группы пяти горъ *ошхит'ху* (по-татарски *Бештау*) съ *Машукой* (долиной здоровья) и отдѣльно стоящихъ конусообразныхъ горъ, окружающихъ эти вершины.

Инспекторъ Пятигорской прогимназіи *Л. Лопатинскій*.

Пятигорскъ.
1886 г.

Koban

ОБЪ ОРНАМЕНТАХЪ И ФОРМАХЪ БРОНЗЪ, находимыхъ въ доисторическомъ кладбищѣ, близъ селенія Уолла-Кобанъ (Терской области).

Интересъ къ изученію и изслѣдованіямъ древняго быта племенъ, обитавшихъ на Кавказѣ, замѣтно оживился со времени 5-го археологическаго съѣзда, бывшаго въ Тифлисѣ, въ сентябрѣ 1881 года, и привлекашаго не только выдающіяся русскія ученыя силы, но и западно-европейскія. Изслѣдованія эти производились частью въ засѣданіяхъ съѣзда, а въ послѣднее время появилось нѣсколько сочиненій, между которыми „Das Graeberfeld von Koban“ *) профессора Вирхова занимаетъ самое видное мѣсто. Оно снабжено прекраснымъ атласомъ, въ которомъ собраны типичныя особенности формъ и орнаментаки древнихъ бронзъ, ископаемыхъ близъ сел. Верхній Кобанъ, Терской области, въ Осетинскомъ округѣ, верстахъ въ 30 отъ Владикавказа. Трудъ пр. Вирхова содержитъ весьма подробное изслѣдованіе бронзъ, сравнительно съ другими находками этого рода въ иныхъ мѣстахъ земнаго шара. Въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ, я лично производилъ много разъ раскопки въ предѣлахъ этого доисторическаго кладбища, а въ бытность г-на Вирхова на Кавказѣ, незадолго до 5-го археологическаго съѣзда, посѣтилъ это кладбище вмѣстѣ съ нимъ,

*) D. Graeberf. v. Koban. Eine vergleichend archäologische Studie von Rudolph Virchow. Berlin, 1883.

гдѣ мы раскопали нѣсколько могилъ. Пользуясь указаніями знаменитаго ученаго и тою массою научныхъ свѣдѣній, которыя собраны въ его сочиненіи, я рѣшился изложить свои мысли о самобытномъ, до извѣстной степени, развитіи искусства отливки и орнаментики древнихъ бронзъ этого владбища. Свои выводы я заключаю попыткой опредѣлить эпоху, при чемъ привожу тѣ новыя свѣдѣнія объ этомъ владбищѣ, которыя мнѣ удалось собрать въ послѣдующіе, послѣ 5-го археологическаго съѣзда, годы путемъ новыхъ раскопокъ и наблюденій.

Горы Кавказа представляютъ такія богатія хранилища слѣдовъ доисторической культуры края, что неудивительно появленіе обильнаго и разнообразнаго матеріала, пригоднаго для изслѣдованій этнографическихъ, антропологическихъ и археологическихъ. Многое изъ этого матеріала было выставлено, во время 5-го археологическаго съѣзда, въ залахъ бывшаго дворца Кавказскаго намѣстника, а также и въ Кавказскомъ музеѣ. Къ сожалѣнію, матеріалъ этотъ еще весьма мало изслѣдованъ и разработанъ, хотя и добытъ онъ въ достаточномъ количествѣ, но, по большей части, случайно, и ожидаетъ научнаго и систематическаго опредѣленія. Отсюда понятенъ тотъ глубокой и живой интересъ, который охватилъ ученый міръ, стремящійся изучить все, сохраненное намъ тайниками нашихъ горъ, въ теченіе многихъ вѣковъ и тысячелѣтій.

Хотя на выставкѣ археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ не было недостатка въ орудіяхъ каменнаго періода Кавказа, сравнительно съ другими мѣстами, гдѣ они открыты, но масса и разнообразіе слѣдовъ позднѣйшаго періода бронзовыхъ орудій, едва-ли не превосходитъ все, что до сего времени найдено въ этомъ родѣ въ предѣлахъ обширной нашей Имперіи.

Къ сожалѣнію, нельзя не призвать, что нѣтъ почти связи между различными находками бронзоваго періода, которыя можно было бы съ достаточнымъ основаніемъ отнести къ той или другой группѣ отдѣльно находимыхъ предметовъ. Почти

См. в. Описаніе Кавказа. С. 105.

нѣтъ сколько-нибудь несомнѣнно фактическихъ данныхъ, что тѣ и другіе предметы свидѣтельствуютъ объ исторической дѣятельности того или иного народа, скудные свѣдѣнія о которомъ дошли до насъ часто только путемъ мифовъ, легендъ и преданій; почти нѣтъ хронологической точки опоры, отъ которой могли бы исходить съ достовѣрностью опредѣленія эпохи существованія тѣхъ или другихъ народовъ сѣдой старины Кавказа, ввѣрившихъ столь разнообразную память о себѣ землѣ и могильнымъ сооруженіямъ. Другихъ историческихъ памятниковъ первоначальнаго заселенія Кавказа народами весьма мало, и все, что мы знаемъ объ этомъ, выходитъ, по большей части, изъ древнихъ кладбищъ, давно сравнявшихся съ землею и изъ тѣхъ, сравнительно немногихъ, могильныхъ сооружений, которыя даютъ намъ возможность судить о давно минувшемъ нашего Кавказа.

Между ископаемыми, и отчасти изслѣдованными, кавказскими бронзами различныхъ кладбищъ и эпохъ, видное мѣсто какъ по древности, такъ по обилію и оригинальности формъ, занимаютъ бронзы, добытыя въ Терской области, близъ сел. Верхній Кобань, верстахъ въ 30 къ юго-западу отъ Владикавказа. Ученые, посѣтившіе это доисторическое кладбище и производившіе тамъ раскопки, гг. Филимоновъ, Антоновичъ, Вирховъ, Шантръ и другіе, подтверждаютъ выше-сказанное. Кромѣ того, г. Вирховъ находитъ, по своимъ краниологическимъ изслѣдованіямъ, что черепа народа, похороненнаго съ бронзами въ нижнихъ слояхъ этого кладбища, не принадлежатъ ни къ одной изъ сосѣднихъ расъ нынѣшняго населенія. Нашъ же маститый археологъ, нынѣ покойный, графъ Уваровъ, во время сѣзда въ Тифлисѣ, заявилъ, что онъ полагаетъ, вслѣдствіе отсутствія въ кобанскихъ могилахъ золотыхъ вещицъ, встрѣчающихся въ другихъ сосѣднихъ древнихъ кладбищахъ Кавказа и вслѣдствіе найденныхъ кое-гдѣ остатковъ каменныхъ орудій, что бронзы этого кладбища принад-

лежать болѣе древней эпохѣ, чѣмъ сосѣднія, напримѣръ въ Камунтѣ, Самтавро и др. Вотъ почти все, въ чемъ выразились научныя опредѣленія о происхожденіи и эпохѣ кобанскаго владбища, восходящей, быть можетъ, за двѣ, за три и болѣе тысячъ лѣтъ до нашего времени, и современной знаменитой въ древности, легендарной Троѣ. Но, можетъ статься, эта эпоха еще и древнѣе, такъ какъ раскопки, дѣятельно производящіяся на мѣстѣ древней Трои г-мъ Шлимачомъ, обнаружили много уже искусно отлитыхъ предметовъ изъ золота, орнаментировка и отдѣлка которыхъ гораздо изящнѣе отливки и орнаментировки массивныхъ кобанскихъ бронзъ: послѣднія являются въ формѣ весьма еще грубой и первобытной.

Исслѣдованія этого кладбища дали слѣдующіе результаты:

Раскопки во многихъ мѣстахъ обнаружили обширное владбище, существованіе котораго случайно открыто, 22 года тому назадъ, Алдаромъ Хабошемъ Кануковымъ. Кладбище расположено по восточному скату, понижающемуся въ ручью Кобандонъ, близъ нынѣшняго аула Верхній Кобань.

Могила вырыты первоначально, по всему вѣроятію, на глубинѣ до 4-хъ аршинъ въ скатѣ, въ глиняномъ грунтѣ съ мелкимъ известнякомъ, и представляютъ этажи. Прежде чѣмъ раскапывающіе могли дойти до твердаго, нетронутого слоя почвы, служившаго дномъ нижней могилы, они часто встрѣчали одну могилу подъ другой, числомъ до 4-хъ, въ равномъ почти разстояніи одна отъ другой. При переходѣ отъ верхняго этажа могилъ къ нижнему, обрисовываются два преобладающихъ типа череповъ, а именно: въ 2-хъ верхнихъ этажахъ замѣтенъ, но весьма слабо, типъ плоскоголовый съ уширеніемъ назадъ, а въ самыхъ нижнихъ, и поэтому древнѣйшихъ, исключительно типъ длинноголовой расы. Въ верхнихъ слояхъ, однако, большинство череповъ не имѣетъ выдающихся типичныхъ признаковъ, и ихъ нельзя отнести съ увѣренностью

къ типу плоскоголовой расы. Въ этихъ этажахъ нѣтъ череповъ длинноголоваго типа.

Нужно замѣтить, что самыя обильныя, богатыя бронзы и глиняныя издѣлія добыты исключительно въ нижнихъ могилахъ. Верхніе этажи дали гораздо меньше находокъ.

1) Въ могилахъ 4-го нижняго яруса найдены скелеты исключительно взрослыхъ, — мужчинъ и женщинъ. Въ могилахъ послѣднихъ иногда попадались и дѣтскія кости. Въ могилахъ же 3-го яруса, или вѣрнѣе сказать, на глубинѣ 3-хъ аршинъ, чаще попадались костяки дѣтей, особенно надъ женскими могилами 4-го нижняго яруса, или же попадались костяки неполнѣ сформировавшихся субъектовъ длинноголоваго типа, хотя встрѣчались костяки и взрослыхъ.

2) Впослѣдствіи покойники погребались этажами, очевидно потому, что въ горахъ весьма мало удобной для копанія почвы, и несовершенство орудій побуждало хоронившихъ пользоваться ранѣе уже разрыхленнымъ грунтомъ въ намѣченныхъ мѣстахъ, которыя для могилы отыскивались легко по надмогильнымъ камнямъ и другимъ признакамъ. Второй этажъ, или могилы, вырытыя на глубинѣ около 2-хъ аршинъ, представляютъ смѣсь костяковъ взрослыхъ, дѣтей и неполнѣ сформировавшихся субъектовъ, между которыми костяки взрослыхъ преобладаютъ въ значительной степени. Типъ череповъ здѣсь смѣшанный, т. е. скорѣе переходный, — признаки типа длинноголовыхъ нижняго яруса исчезаютъ.

Въ верхнемъ слоѣ, т. е. на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршинъ и менѣе, а иногда почти подъ поверхностію земли, преобладаетъ типъ взрослыхъ субъектовъ, плоскоголовыхъ, съ уширеніемъ черепа назадъ.

а) Костяки нижнихъ 2-хъ этажей лежатъ на правомъ боку, съ руками, согнутыми къ лицу, лицомъ къ сѣверу, съ подогнутыми слегка голеними; положеніе-же костяковъ въ верх-

нихъ двухъ этажахъ разнообразное, иногда неестественное, иногда кости перемѣшаны такъ, что трудно усмотрѣть какое-либо преобладающее положеніе костяковъ въ этихъ слояхъ. Попадались, однако, повидимому не тронутые и не сбитые съ мѣста костяки, лежавшіе на спигѣ съ вытянутыми руками, головою то на сѣверъ, то на востокъ, то на югъ. Въ одной могилѣ, на глубинѣ 2-хъ аршинъ, я однажды нашель 11-ть скелетовъ, лежавшихъ вплотную, въ разныхъ направленіяхъ, одинъ на другомъ. Можетъ быть, одиннадцать труповъ были похоронены одновременно и беспорядочно свалены въ одну могилу; можетъ быть, это были павшіе въ бою враги, или умершіе въ скоромъ времени, другъ послѣ друга, отъ какой-нибудь эпидеміи. Черепа этихъ скелетовъ имѣли кругловатую форму и не могли принадлежать ни къ типу длинноголовыхъ, ни къ типу плоскоголовыхъ.

б) Эти наблюденія произведены болѣе чѣмъ надъ 500 могилами, вскрытыми въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, и потому имѣютъ за собою нѣкоторую основательность. Конечно, здѣсь разумѣются только тѣ могилы, которыя сохранились не тронутыми и не поврежденными водою, стекающею по склону и обнаружившею мѣстами могилы даже нижняго слоя, путемъ постепеннаго смыванія, выщелачиванія и осажденія почвы. Въ полномъ порядкѣ оказались могилы не у самой рѣки, внизу ската, а на незначительной высотѣ, гдѣ скатъ, образуя небольшіе уступы, могъ своею формою долѣе противостоятъ дѣйствию стекающей и просачивающейся по всему склону влаги.

Обратимся къ бронзамъ.

Въ могилахъ, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ аршинъ, составляющихъ первый этажъ, попадаютъ изрѣдка бронзы, въ видѣ простыхъ колець, безъ орнаментики, иногда фибулы (броши) и рѣдко остатки желѣзныхъ орудій, въ видѣ ножей. Въ могилахъ нижнихъ слоевъ, не всегда представляющихъ три этажа, а ино-

гда два и даже одинъ, встрѣчаются бронзы въ изобилии, особенно въ двухъ нижнихъ слояхъ, или на глубинѣ отъ 2-хъ до 4-хъ аршинъ. Нетрудно различить могилы женскія, мужскія и дѣтскія—мальчика или дѣвочки—по тѣмъ бронзамъ, которыя находятъ въ нихъ. Могила мужчины и, конечно, война содержитъ всегда или кинжалъ, или боевой топорикъ, часто то и другое вмѣстѣ,—рѣже наконечникъ булавы, наконечники копій, стрѣлъ, неширокій, массивный, поясной крюкъ, массивные ножные и ручные браслеты, большія фибулы, числомъ 2 или 3, точильный камень съ отверстіемъ (безъ сомнѣнія, для подвѣшиванія къ поясу), крупныя выпуклыя пуговицы, украшенія изъ витой проволоки и листовой бронзы,—всѣ эти предметы отлиты или выкованы изъ бронзы. Кромѣ того, находятъ сердечковья, стелянныя, глиняныя, известняковыя и бронзовыя бусы, массивныя и тонкія бронзовыя гривны, изображенія человѣка, фигуры звѣрей и птицъ или головъ ихъ, иногда въ фантастическихъ формахъ. Естественный видъ, къ которому относятся эти изображенія, нетрудно бываетъ узнать, исключая птицъ. Кромѣ того, встрѣчаются серьги, въ видѣ завитковъ изъ расширяющихся къ концамъ бронзовыхъ пластинокъ, застежки, вѣроятно, къ ремнямъ, съ рожекми и дырочками, а иногда въ первобытной формѣ пряжекъ—неполнаго кольца съ язычкомъ; большія булавки и шилья—иглы съ дырою, нѣсколько отстоящую отъ концовъ, массивные перстни, кабаньи клыки, конскія удила, цѣпочки, бляхи. Всѣ эти предметы, исключая бусъ и кабаньихъ бивней, отлиты изъ бронзы или выкованы. Пясть древніе кобанцы, очевидно, не умѣли.

Въ женскихъ могилахъ находятся почти тѣ-же украшенія и принадлежности, но нѣтъ оружія и удила; фибулы-же, иглы и булавки не столь массивны и велики. Возлѣ череповъ встрѣчается много пуговицъ изъ гнутой листовой бронзы, отлитыхъ или выкованныхъ весьма тонко, въ видѣ полыхъ

полушарій, а также больше мелких украшеній, въ видѣ спиральныхъ завитковъ изъ весьма тонкой, иногда круглой, иногда ребристой, иногда плоской бронзовой проволоки. Эти предметы попадались совсѣмъ окислившимися и спекшимися съ окружавшей ихъ глиной, вслѣдствіе чего они не рассыпались, по истлѣніи связывавшихъ или прикрѣплявшихъ ихъ нитей и ремешковъ, а сохранили расположеніе, въ которомъ вошли въ могилу, и представляютъ кисточки, которыми, вѣроятно, обвѣшивался головной уборъ. Спиральные браслеты, формою своею весьма схожіе съ нынѣшними золотыми браслетами дамъ, отличаются массивностью, и носились древними кобанскими дамами иногда по два браслета на каждой рукѣ, при чемъ верхній браслетъ носился, вѣроятно, у самага плеча, взбѣгая на него расширяющимися своими завитками, а второй — у кисти руки. Эти спирали оканчиваются красивыми завитками, весьма похожими на современные. Самая-же характеристичная особенность принадлежностей женскаго туалета состояла изъ двухъ, приколотыхъ на груди, косо скрещенныхъ, очень большихъ булавокъ, верхніе концы которыхъ расширялись въ видѣ лопаты величиною въ ладонь и переходили въ тонкій листъ гладко отпалированной бронзы. Лопатообразные концы эти служили, вѣроятно, и зеркальцами. Кромѣ того, кобанскія женщины носили поясъ очень широкій, судя по пряжкамъ, разнообразно орнаментированнымъ, иногда до 4 верш. ширины. Пояса эти были сдѣланы, вѣроятно, изъ листовой, съ каемками, бронзы, были и кожаные или шерстяные. Предполагаю послѣднее потому, что въ нѣкоторыхъ женскихъ могилахъ, при широкихъ пряжкахъ, не найдено бронзовыхъ поясовъ, или остатковъ ихъ, между тѣмъ въ пряжкахъ имѣется по краю, противоположному крючку, рядъ дыръ, предназначенныхъ, по всему вѣроятію, для пришиванія какой-либо матеріи или кожи.

Въ женскихъ могилахъ найдено гораздо больше, сравни-

тельно съ мужскими и дѣтскими могилами, перстней и бусъ; попадались и рѣзцы медвѣдя и волка, просверленные для ношенія съ бусами на шеѣ. Впрочемъ, эти зубы попадались и въ мужскихъ и въ дѣтскихъ могилахъ.

Бронзы дѣтскихъ могилъ отличаются миниатюрностью издѣлій, зарытыхъ съ несформировавшимся костякомъ. Браслеты попадаютса гораздо меньшихъ размѣровъ, немассивные, весьма рѣдко спиральные. Грудныхъ, лопатообразныхъ булавокъ почти не найдено; побрякушки головного убора проще, но за то чаще находится въ этихъ могилахъ родъ колокольчиковъ, или погремушекъ, и бубенчиковъ, иногда ажурныхъ, бараньи бабки (альчики), продыравленные, а изъ бронзы также и звѣриныя и птичьи головки, застежки, небольшія поясныя пряжки, маленькія, иногда крохотныя, фибулки, колечки и т. п. Могилы мальчиковъ и дѣвочекъ, по предметамъ, найденнымъ въ нихъ, представляютъ слѣдующее отличіе: въ первыхъ миниатюрныя топорики и кинжалы, а во вторыхъ, гдѣ не было спиральныхъ браслетовъ или лопатообразныхъ булавокъ, встрѣчается болѣе широкая поясная пряжка, при обилии головныхъ украшеній въ видѣ пуговицъ, мелкихъ спиралей и трубочекъ. Въ нихъ попадалось также больше бусъ.

Всѣ эти бронзы замѣчательны тѣмъ, что по формѣ и виду составляютъ весьма оригинальный типъ, который, кажется, можно принять за самобытно-возникшій и развившійся: эти бронзы до настоящаго времени считаются древнѣйшими въ краѣ. По другимъ сосѣднимъ кладбищамъ, и то весьма рѣдко, попадаютса отдѣльные образцы, имѣющіе сходство съ позднѣйшими, болѣе изящными кобанскими формами бронзъ,—однако, это нисколько не противорѣчитъ только-что сказанному, такъ какъ отдѣльные экземпляры кобанскихъ бронзъ могли быть занесены случайно, путемъ войнъ или сношеній, въ разныя мѣста; тамъ могли сохраниться, и со временемъ попали въ могилы позднѣйшихъ племенъ. Обрат-

наго-же явленія пока не замѣчено, т. е. между кобанскими бронзами нижнихъ слоевъ кладбища не находимъ формъ, принадлежащихъ инымъ кладбищамъ. Но о верхнемъ этажѣ кобанскихъ могилъ, гдѣ находимъ уже желѣзо, а потому принадлежащихъ къ значительно позднѣйшей эпохѣ,—этого утверждать нельзя.

Затѣмъ нельзя не замѣтить, что, напримѣръ, бронзовый боевой топорикъ того вида, размѣровъ и формы, какой находимъ въ кобанскихъ могилахъ,—рѣшительно не найденъ нигдѣ, кромѣ Кобана, гдѣ онъ является въ такомъ обилии, разнообразіи и изяществѣ формъ, съ оригинальной орнаментикой, что самъ уже по себѣ свидѣтельствуетъ о самобытности происхожденія. (См. фиг. II). Далѣе, не отысканы еще нигдѣ лопатообразныя, огромныя булавки, (см. фиг. I) попадающіяся въ изобилии и разнообразіяхъ исключительно только въ кобанскихъ женскихъ могилахъ. Онѣ также служатъ доказательствомъ самостоятельности возникшаго и развившагося типа. Говоря, что нигдѣ еще не появлялся видъ кобанской, лопатообразной булавки, я долженъ, однако, указать на добытые въ западной Европѣ экземпляры, напоминающіе форму этихъ булавокъ. Двѣ изъ нихъ хранятся въ Берлинскомъ музеѣ *), и найдены: одна близъ Мейенбурга, въ курганной насыпи, другая, съ загнутымъ верху острымъ крючкомъ, близъ Леммерсдорфа, въ перегноѣ, на глубинѣ 5-ти футовъ. Затѣмъ найдены въ Ганноверѣ еще три булавки. Всѣ эти находки, однако, только *напоминаютъ* форму кобанскихъ булавокъ, а на самомъ дѣлѣ, *отличаются* отъ нихъ тѣмъ, что широкій, плоскій верхній конецъ имѣетъ нѣсколько овальную, почти круглую форму диска, и носить орнаментку изъ параллельныхъ краямъ овала рядовъ выпуклостей и рельефныхъ ободковъ, тогда какъ

*) R. Virchow. D. Graeberf. v. Koban, Berlin 1883, Seite 34.

кобанскія булавки имѣють форму плоскихъ лопатъ, оканчивающихся загнутымъ въ трубочку острымъ ребромъ, не имѣють орнаментики, а только отпалированы очень тщательно. Къ тому-же полагають, что эти виды лопатообразныхъ булавокъ, найденныхъ въ сѣв. Германіи—не по двѣ, какъ кобанскія, а только по одной, и не на груди, а возлѣ череповъ, служили принадлежностью головного убора, тогда какъ кобанскія, очевидно, имѣли совсѣмъ другое назначеніе. Въ послѣднее время графомъ Алексѣемъ Александровичемъ Бобринскимъ, (въ Кіевской губерніи, Черкаскаго уѣзда, въ могильномъ полѣ, изъ 400 рядомъ расположенныхъ кургановъ, а именно, въ курганѣ, обозначенномъ № XLI), найдены (см. фиг. IV) при грудныхъ костяхъ одного человѣческаго остова, сильно истлѣвшаго, двѣ большія иглы длиною 225 мм., съ верхнимъ концомъ въ видѣ косоугольнаго четырехугольника, одинъ изъ острыхъ угловъ котораго переходитъ въ иглу, начинающуюся завитками; другой-же острый уголъ обращенъ кверху, и заканчивается пластинкою, загнутою назадъ въ видѣ ушка. Диагональ, соединяющая вершины тупыхъ угловъ, равна 65 мм. На четырехугольникахъ орнаменты, отлитые рельефомъ, окаймлены въ одинъ и два ряда мелкими, выступающими на лицевую сторону, полушаріями; орнаменты, на оборотной сторонѣ иголь, представляютъ впадины, соотвѣтственныя рельефу на лицевой. Орнаменты, кромѣ окаймленій, состоятъ изъ четырехъ выпуклыхъ полушарій, расположенныхъ по угламъ косоугольника, и соединенныхъ рядомъ мелкихъ полушарій, идущихъ линіями, параллельно краямъ косоугольника. Въ срединѣ этой фигуры помѣщена такая-же выпуклость большаго размѣра. Эти пять большихъ выпуклостей также окаймлены рядомъ мелкихъ выпуклостей. Вмѣстѣ съ этими иглами, найдены еще и привѣски—пугови, шилья и трубочки изъ листовой бронзы, весьма схожія съ кобанскими, съ тою лишь разницею, что и трубочки вдоль орнаменти-

рованы рядомъ мелкихъ выпуклостей. То обстоятельство, что иглы найдены при грудной клѣткѣ, какъ я находилъ кобанскія, позволяетъ предполагать сродство съ послѣдними въ томъ смыслѣ, что иглы, найденныя графомъ Бобринскимъ, могутъ представлять позднѣйшій типъ, выработавшійся изъ кобанскаго, потому что по выдѣлкѣ кобанскій типъ, очевидно, проще и безъ орнаментовъ. Онъ, въ свою очередь, по всему вѣроятію, развился, постепенно уширяясь въ верхнемъ концѣ. Такой видъ иглы также находятъ у грудныхъ костей. Игла, очевидно, служила для скальванія на груди весьма грубой одежды. Все-же орнаментировка рядами выпуклыхъ, мелкихъ полушарій, встрѣчается на другихъ бронзахъ кобанскаго кладбища, а именно, на женскихъ поясахъ изъ листовой бронзы. Профессоромъ Самоквасовымъ *) найдены двѣ булавки, длиною около 10 вершковъ, (см. фиг. V) напоминающія кобанскія. Онѣ найдены въ курганѣ, близъ Кисловодска. Эти булавки отличаются отъ кобанскихъ лишь тѣмъ, что нижніе острые концы ихъ загнуты обратно въ видѣ крючьевъ, а верхніе, лопатообразные, загибаются назадъ и обанчиваются широкими двойными фестонами. Выгибъ ихъ великъ для того, чтобы покрывать плечо и удерживать надѣтую на крюкъ полуодежды. Кромѣ того, лопатчатая часть орнаментирована неправильными, кривыми линіями точекъ, напоминающихъ орнаменту кобанскихъ женскихъ поясовъ. Оба вида составляютъ пока единственную находку, напоминающую кобанскій видъ, и, по всему вѣроятію, сродны съ нимъ, какъ типы, развившіеся изъ кобанскаго. Упомяну здѣсь еще о томъ обстоятельстве, что известна обширная область, въ которой подобныя булавки, съ верхнимъ концомъ въ видѣ диска, весьма распространены даже и по настоящее время, — это западная часть Южной Америки. По Георгу Мустерсу, въ Патагоніи женщины носятъ подобіе

*) Д. Самоквасовъ. Могильныя древности Пятигорскаго округа 1882. Варшава.

плащей, половины которыхъ скалываются спереди, подъ шей, большою серебряною иглою съ широкимъ дискомъ. Иногда плащъ скалывается гвоздемъ или шипомъ, смотря потому, богата или бѣдна обладательница его. Хотя эти булавки, по виду и способу ношенія, подходятъ къ кобанскимъ, имѣя дискъ отпалированный и иногда безъ орнаментики, хотя онѣ и встрѣчаются не по двѣ, а по одной въ большомъ количествѣ при раскопкахъ древнихъ кладбищъ Ю.-З. Америки, — но значительная отдаленность мѣстонахожденій и множество географическихъ препятствій исключаютъ всякую возможность какого-либо сродства или общности происхожденія ихъ. Вѣрнѣе, что какъ кобанскій, такъ и южно-американскій виды этихъ булавокъ возникли самостоятельно.

Разсматривая кинжалы древнихъ кобанцевъ, мы находимъ, что они невелики и хотя имѣютъ сходство съ кинжалами, часто встрѣчающимися въ другихъ кладбищахъ, и даже съ современнымъ видомъ обоюдоостраго кинжала, тѣмъ не менѣе, по устройству рукоятки и по своимъ размѣрамъ, значительно отличаются отъ нихъ.

Что касается до другихъ предметовъ, напримѣръ: витыхъ и спиральныхъ украшеній, наконечниковъ стрѣлъ и копій, кольцеобразныхъ пряжекъ, фибулъ, пуговицъ и т. п. — то всѣ эти предметы у весьма различныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ земнаго шара по своему виду аналогичны, и не представляютъ существеннаго различія. Сходны также между собою у различныхъ народовъ и подражанія природѣ, такъ напримѣръ: подражаніе головамъ, формамъ звѣрей и птицъ окружающей фауны. Но нельзя не замѣтить здѣсь, что отлитыя изъ бронзы звѣриныя головки, фигуры звѣрей и домашнихъ животныхъ, найденныя при костякахъ въ нижнихъ слояхъ кобанскаго кладбища, носятъ оригинальный, фантастическій характеръ, именно: головки тура, барана, оленя чрезмѣрно тонки, съ неестественно удлиненными носовыми частями,

а рога часто непропорціонально велики и выведены слишкомъ вычурными и симметричными завитками.

Наконецъ, весьма замѣчательно и то обстоятельство, что рѣшительно нигдѣ въ кобанскихъ могилахъ не найдено ни индѣйской *свастики*, столь распространенной почти повсюду въ доисторическое время, ни *меча*, или подобія его, хотя бы въ видѣ какой-либо переходной формы удлиненаго кинжала, между тѣмъ какъ это оружіе отыскивается повсюду у доисторическихъ народовъ, ознакомившихся съ обработкою металла. Въ иныхъ мѣстахъ добыты даже мечи изъ оленьяго рога, относящіеся къ концу каменнаго или къ началу бронзоваго періода. Все это свидѣтельствуетъ о какой-то замкнутости, самобытности эпохи, къ которой относятся кобанскія бронзы. Не имѣя никакихъ ясныхъ слѣдовъ сношеній народа этой эпохи съ сосѣдями и принявъ во вниманіе исключительность формы длинноголовыхъ череповъ, — нельзя не признать за древнимъ кобанскимъ народомъ оригинальнаго, самобытнаго существованія, свободнаго отъ вліянія какой-либо культуры извнѣ. Это пока можно объяснить только глубокою древностію эпохи, а самое племя доисторическихъ кобанцевъ длинноголового типа, не имѣющаго ничего общаго съ сосѣдними расами, — за элементъ пришлый издалека, при чемъ передвиженіе его совершилось въ глубокой древности.

Орнаментика.

Обращаясь къ орнаментамъ кобанскихъ бронзъ, можно замѣтить въ нижнихъ слояхъ, ближайшихъ къ ручью могиль, преобладаніе самыхъ грубыхъ, безыскусственныхъ формъковки и отливки, чаще всего покрытыхъ примитивными черточками и точками, что особенно видно на глиняной посудѣ и находимыхъ осколкахъ ея, вмѣстѣ съ бронзами также весьма грубой выдѣлки. Болѣе совершенныя формы съ изящной орнамен-

тикой чаще попадались въ могилахъ, расположенныхъ выше по скату.

Волнообразная линия и мѣандрики на глиняной посудѣ появляются нерѣдко съ изображеніемъ змѣй, которымъ обильно украшены топорики. Во всѣхъ могилахъ въ большомъ количествѣ найденныхъ фибулъ, весьма замѣтно постепенное усовершенствованіе какъ самой отливки, такъ и чаще всего встрѣчающагося на нихъ изображенія змѣиной чешуи. Изображенія змѣиной чешуи и головки змѣи представляютъ также различныя степени усовершенствованія орнаментики на топорикахъ, на фибулахъ, на одномъ, иногда на обоихъ концахъ кольцеобразныхъ браслетовъ и гривенъ, отлитыхъ изъ массивной бронзы, или сдѣланныхъ изъ пластинокъ съ закругленными ребрами, или просто изъ проволоки. Такъ, напримѣръ: на однихъ чешуя представлена вѣзными прямыми черточками, образующими острые углы, или только зигзаги, болѣе или менѣе отчетливо и ясно. Головка змѣи представлена тѣмъ же способомъ, но по формѣ напоминаетъ остріе стрѣлы: она изображена въ видѣ остроугольнаго треугольника, вершина котораго изображаетъ носовую часть змѣиной головки съ жаломъ, а къ основанію треугольника примыкаетъ шея змѣи, при чемъ прилегающіе къ основанію углы нѣсколько выступаютъ вершинами своими по бокамъ шеи, въ видѣ острыхъ ушей, и, въ свою очередь, напоминаютъ боковыя противокрючья плоскаго наконечника стрѣлы. Глаза змѣи изображены углубленіями или концентрическими кружками съ точкою въ центрѣ. На другихъ предметахъ, отлитыхъ гораздо тщательнѣе, особенно на фибулахъ, на которыхъ брюшное утолщеніе тѣла змѣи изображено весьма пропорціонально и постепенно, чешуйки вырѣзаны полуовальными или полукруглыми фестонами, въ строгомъ порядкѣ, крупнѣе на серединѣ тѣла змѣи и мельче къ хвосту и головѣ. На шейкѣ такого изображенія змѣи иногда исчезаетъ чешуя, а изображены кольцеобразныя,

фантастическія украшенія въ видѣ ожерелій; головка-же на расширенномъ концѣ фибуль иногда теряется, переходя въ плоскій крюкъ, а иногда сама и часть шейки загнута обратно и составляетъ самый крюкъ, на концѣ котораго снова изображена, хотя плоско и нѣсколько расплывшеюся, но довольно отчетливо, съ выпученными глазами и нѣсколько возвышающимися ноздрями, при чемъ очерчена и линія пасти. Тоже самое видимъ и на кольцообразныхъ браслетахъ и плоскихъ перстняхъ.

Боевой топорикъ (см. фиг. II) находимъ отъ грубо отлитаго, совершенно прямого, тяжелаго вида, съ гладкими боками, безъ орнаментики до вида, найденнаго въ нижнихъ слояхъ могилъ, расположенныхъ выше по скату, занимаемому кладбищемъ, топорика легкой, красивой формы, съ углубленными и выпуклыми окаймленіями, или бороздками, расходящимися, уширяющимися, суживающимися, сведенными и законченными съ большимъ вкусомъ, строгой соразмѣрностію и правильностію. Фоны на нихъ отдѣланы тонко и весьма изящно и орнаментированы гравировкой сценъ изъ боеваго и охотничьяго быта, какъ напримѣръ: изображеніе нагихъ людей, преслѣдующихъ другъ друга съ оружіемъ въ рукахъ, или-же стрѣляющихъ изъ лука въ уходящаго оленя. Найдено также достаточное количество промежуточныхъ образцовъ, свидѣтельствующихъ о постепенно развивающейся отливкѣ и орнаментикѣ.

Укажу, наконецъ, какъ на образецъ высшей ступени искусства, до которой вообще дошли кобанскія издѣлія, — на женскую поясную пряжку, (фиг. VI) изучая которую по многочисленнымъ видамъ ея, явившимся на свѣтъ, благодаря раскопкамъ, мы точно также можемъ видѣть формы грубѣйшія, затѣмъ подобрать формы, которыя свидѣлствуютъ о постепенномъ совершенствованіи этихъ издѣлій и, наконецъ, передъ нами является образецъ отлитый правильно, довольно

изящно орнаментированный по фону рельефными завитками, въ которыхъ нельзя не видѣть мѣандрическихъ линій и, кажется, слѣдуетъ признать уже за стиль греческій. Но дѣйствительно-ли этотъ орнаментъ греческаго происхожденія или только подражаніе ему? Какъ ни заманчивъ утвердительный отвѣтъ, такъ какъ это рѣшеніе, наконецъ, дало бы столь тщательно искомую до сего времени хронологическую исходную точку для опредѣленія эпохи кобанскихъ бронзъ, но пока это предположеніе еще ничѣмъ не подтвердилось. Напротивъ, рядомъ съ нимъ возникаетъ другое, не менѣе вѣроятное, особенно въ виду несомнѣнной оригинальности многихъ другихъ издѣлій, а именно: можно предположить, что этотъ повторяющійся завитокъ, состоящій изъ ряда 6-ти такихъ изображеній и законченный по концамъ, могъ возникнуть самостоятельно.

Мы видимъ на многихъ бронзахъ несомнѣнное стремленіе кобанскаго древняго народца къ заимствованію для орнаментики сюжетовъ изъ окружающей мѣстной фауны. Тоже самое проявлялось и у другихъ древнихъ народовъ, у которыхъ искусство развивалось самостоятельно. Древніе кобанцы отливали изъ бронзы множество фигуръ звѣрей и птицъ мѣстной фауны, сначала безыскусственно и грубо, а потомъ довели постепенно свои издѣлія до фантастическихъ формъ и размѣровъ. Такъ, напримѣръ, на простыхъ формахъ своей орнаментировки они весьма часто наносятъ волны и завитки, принимаемые изгибами змѣи, и изображаютъ послѣднюю болѣе или менѣе фантастично. Прекрасными образцами завитковъ могли служить и раковины, особенно такъ называемые аммониты, которые иногда выносятся ручьями изъ нѣдръ горъ. Наконецъ, мы видимъ много бронзъ изъ простой проволоки, свернутой въ спирали и завитки, (см. фиг. III), служившихъ въ послѣдствіи прекраснымъ образцомъ для болѣе или менѣе искуснаго начертанія и изображенія такихъ завитковъ.

Видимъ на многихъ бронзахъ несомнѣнное стремленіе кобанскаго древняго народца къ заимствованію для орнаментики сюжетовъ изъ окружающей мѣстной фауны.

Если держаться предположенія, что завитки заимствованы у грековъ, то какъ объяснить, что древніе кобанцы ранѣе всего не вынесли отъ нихъ или отъ живущихъ по пути къ нимъ народовъ формъ и видовъ *меча*, столь распространеннаго и общепотребительнаго у древнихъ народовъ, знавшихъ бронзу? Какъ могли они предпочесть орнаментъ и игнорировать въ тоже время такое полезное и необходимое оружіе?

Сомнѣнія по поводу происхожденія этого и другихъ орнаментовъ и многихъ оригинальныхъ формъ отливки древнихъ кобанцевъ могли-бы быть разрѣшены скорѣе въ пользу самостоятельнаго происхожденія, если-бы удалось открыть слѣды собственной, мѣстной фабрикаціи этихъ разнообразныхъ бронзовыхъ издѣлій. Съ этою цѣлью я, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, производилъ много раскопокъ въ окрестностяхъ упоминаемаго кладбища, а также и въ сосѣднихъ ущельяхъ, какъ въ мѣстахъ удобныхъ для постояннаго пребыванія человѣка. Хотя тамъ и сямъ я откапывалъ весьма ветхій мусоръ съ остатками древней глиняной посуды, обломки бронзъ и костей животныхъ, указывающихъ на пребываніе человѣка въ этихъ мѣстахъ, но не добился еще желанныхъ результатовъ. Мною найдена весьма отчетливая глиняная форма для отливки довольно изящнаго кинжала средней величины, состоящая изъ двухъ половинъ, изъ которыхъ одна была переломлена; форма эта указываетъ на мѣстную фабрикацію бронзъ. Затѣмъ найдены г. Канузовымъ: 1) глиняная форма для отливки топорика, 2) для мужской длинной булавки, 3) для какой-то фигурки (изломанная), 4) глиняный плавильный тигель.

Къ сожалѣнію, основываться на этихъ немногихъ находкахъ трудно, и нужно предоставить будущимъ открытіямъ рѣшеніе вопроса, была ли фабрикація бронзъ мѣстная, или онѣ доставлялись откуда-нибудь, или же то и другое вмѣстѣ.

Еще одно обстоятельство говорить въ пользу самобытнаго развитія искусства у древнихъ кобанцевъ,—это замѣчательный орнаментъ съ изображеніемъ звѣря, встрѣчающійся на нѣкоторыхъ топорикахъ и поясныхъ пряжкахъ. Съ достовѣрностью нельзя сказать, какой это звѣрь. Съ перваго взгляда, туловище, торчація уши и разинутая пасть напоминаютъ волка, но хвостъ длинный, съ концемъ, загнутымъ въ видѣ небольшого кольца, въ полуопущенномъ положеніи, что составляетъ отличительный признакъ крупныхъ представителей кошачьей породы (фиг. VI). Ноги этого звѣря оканчиваются на нѣкоторыхъ изображеніяхъ копытами. Можетъ быть, сочетаніе признаковъ различныхъ породъ въ изображеніи вымышленнаго звѣря имѣетъ и символическое значеніе, подобно тому, какъ это представляетъ, напр. сфинксъ, но во всякомъ случаѣ нельзя не признать его оригинальности. Важно, что такое изображеніе, или подобное ему, не встрѣчалось пока еще нигдѣ.

Орнаментика нѣкоторыхъ женскихъ пряжекъ идетъ еще дальше. На нѣкоторыхъ пряжкахъ мы видимъ слѣды, отчасти сохранившіеся и несомнѣнные, *эмалировки* по такъ называемому способу *champlevé* (см. фиг. VI). Эта эмаль состоитъ собственно изъ стекловиднаго окрашеннаго сплава, размѣщеннаго въ заранѣе отлитыхъ углубленіяхъ фона. Насъ не можетъ удивлять множество и разнообразіе найденныхъ стеклянныхъ бусъ, такъ какъ стекло и окраска стеклянныхъ сплавовъ были извѣстны въ глубокой древности. Такъ напр., на памятникѣ древняго Египта временъ II-ой династии, который Ленорманъ *) считаетъ самымъ древнимъ памятникомъ не только въ Египтѣ, но и въ свѣтѣ, на большой террасовидной пирамидѣ, которую и теперь еще можно видѣть въ Саккарахѣ, была безпримѣрная система орнаментики на косякахъ низкой и узкой входной двери. Дверные косяки

*) Ленорманъ. Руковод. къ древн. исторіи Востока, стр. 28.

были украшены маленькими известковыми камнями, которые перемѣшаны съ клубами зеленой эмальированной глины. Дверь эта взята Лепсіусомъ, въ 1845 г., въ Берлинскій музей. Весьма вѣроятно, что эта пирамида была построена для погребенія второго царя этой династіи, *Кесу* (по Манеону *Κηχούς*), о которомъ говорятъ, что онъ учредилъ культъ священныхъ животныхъ. Начало этой династіи восходитъ приблизительно къ 4700 году до Р. Х., а оканчивается 300-ми лѣтъ поз-же. Вотъ несомнѣнное доказательство того, что стеклянные сплавы относятся къ весьма глубокой древности, и поэто-му орнаментика въ видѣ эмали *champ levé* на кобан-скихъ бронзахъ отнюдь не можетъ быть отнесена къ недав-нему изобрѣтенію, занесенному къ древнимъ кобанцамъ въ позднѣйшее время, а вѣрнѣе предположить, что они сами знали ее еще до своего переселенія въ мѣстность нынѣш-няго Кобана.

Вотъ что говорить г. Вирховъ по этому поводу *): „Если бы мы нашли бронзы съ орнаментикой эмали *champ levé* въ менѣе достовѣрномъ сообществѣ другихъ, несомнѣнно древнихъ бронзъ, то ихъ, вѣроятно, сочли бы весьма недав-ними. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ примѣръ настолько исключите-ленъ, что является загадкой. Еще Лабартэ **), хотя и от-носилъ изобрѣтеніе цвѣтной эмали къ Азійи и видѣлъ из-вѣстную степень развитія этого искусства въ ассирійскихъ городахъ древняго царства еще до Троянской войны, былъ то-го мнѣнія, что и здѣсь такъ-же, какъ въ Китаѣ, Индіи и Персіи, выдѣлывалась только эмаль *cloisonné*, и что только въ Галліи впервые появилась эмаль *champ levé*. Какъ бы онъ удивился, если бы увидѣлъ кавказскую (кубанскую) поясную пряжку?“

*) Wirchow. D. Graeberf. v. Koban. Berlin 1883, Seite 131.

***) Ibid. S. Labarté. Recherches sur la peinture en email dans l'antiquité et le moyen age. Paris 1856, p. 221.

Далѣе г. Вирховъ также указываетъ на то, что употребленіе цвѣтныхъ стеклянныхъ сплавовъ въ Египтѣ восходитъ къ весьма давнему времени, и что эмаль *champ levé* исполнялась съ высокою степенью совершенства: „Мнѣ кажется, говорить онъ: весьма произвольнымъ причислять всѣ другія восточныя сплавныя инкрустаціи къ эмали *cloisonné*“. По мнѣнію г. Вирхова, до нашего времени не удалось еще наглядно изобразить ходъ развитія искусства плавленія песку. Далѣе говоритъ онъ въ томъ же сочиненіи: „Стекло и стеклянные бусы, фарфоръ, изразцы, глазурь и эмаль и по нынѣ съ трудомъ отличаются по своимъ наименованіямъ. Во всякомъ случаѣ раскопки г. Лайарда дали намъ достаточныя доказательства того, что древніе ассиріане знакомы были съ производствомъ цвѣтного стекла, эмали и извѣстнаго рода фарфора. Но такъ какъ китайцы уже во 2-мъ тысячелѣтіи до нашей эры *), по Жюльену, выдѣлывали фарфоръ, то мы можемъ полагать, что искусство плавленія песку въ Азіи, въ доисторическое время, было весьма распространено. Между тѣмъ въ Азіи, исключая Кобана, не указано съ полною достовѣрностію другого мѣста, гдѣ бы фабриковалась эмаль *champ levé* въ томъ видѣ, какъ она употреблялась въ позднѣйшее время“. Затѣмъ г. Вирховъ полагаетъ, что кобанская эмаль не изобрѣтена на Кавказѣ. „Химическій анализъ состава этой эмали показалъ, говоритъ онъ: что она сходна до нѣкоторой степени со сплавами ассирійцевъ и египтянъ, и что, вѣроятно, это искусство не изобрѣтено самими кобанцами, хотя и практиковалось у нихъ“.

Остается упомянуть о янтарныхъ бусахъ, числомъ мѣнѣе 10, и о 4—5 крошечныхъ бускахъ изъ золота, найденныхъ въ этомъ кладбищѣ, вмѣстѣ съ древними бронзами.

*) Ibid. Julien. Histoire et fabrication d. l. porcell. chinoise. Paris 1856.
Ibid. Baron Davillier. Les origines d. l. porcell. en Europe. Paris 1882.

Что касается янтаря, то извѣстно, что древніе финикіяне плавали за нимъ къ побережьямъ Балтійскаго моря; стало быть, это незначительное количество бусокъ могло быть завезено къ кобанцамъ въ очень древнее время, или же могло быть принесено ими съ собою при заселеніи Кобана. Это обстоятельство, стало быть, нисколько не противорѣчить предположенію о глубокой древности разсматриваемой эпохи.

Золотыя же буски, найденныя мною лично въ одной изъ весьма богато снабженныхъ бронзами женской могилѣ, повреждены и состоятъ изъ очень тонкихъ, полыхъ или дутыхъ и въ тоже время ребристыхъ, воронкообразныхъ тѣлъ. Такъ какъ это единственная въ своемъ родѣ находка, то о ней нельзя пока сказать ничего опредѣленнаго. По мнѣнію г. Вирхова, буски имѣютъ нѣкоторое сходство съ золотыми бусами, находимыми на мѣстѣ Гиссарлика. Г. Вирховъ, однако, признаетъ, что экземпляры изъ Гиссарлика не представляютъ такихъ формъ, т. е. бусъ, хотя и дутыхъ, но безъ бороздокъ или реберъ. Затѣмъ изысканія г. Гостмана *) доказали, что форму такихъ бусокъ можно прослѣдить до глубокой древности.

Если же на ряду съ этимъ вспомнить свидѣтельство Геродота о кавказскомъ народцѣ—массагетахъ, служившихъ въ войскахъ Кира и имѣвшихъ наконечники копій и стрѣлы изъ золота, вспомнить легенды и преданія о богатствѣ и блескѣ царицы Тамирисы, наконецъ, о древней Колхидѣ и золотомъ рунѣ, вспомнить, что въ древности золото добывалось въ горахъ Кавказа,—то приходится удивляться скорѣе тому, что при раскопкахъ въ доисторическомъ кладбищѣ не обнаружено бѣльшаго количества золотыхъ предметовъ, между тѣмъ какъ они попадаютъ въ изобиліи въ сосѣднихъ кладбищахъ,

*) Hostmann. D. Urnenfriedhof bei Darzau.

принадлежащих несомненно позднѣйшему времени. Въ сущности это отсутствіе золота въ кобанскихъ могилахъ свидѣтельствуесть скорѣе о глубокой древности ихъ.

Вотъ вератцѣ почти всѣ свѣдѣнія и данныя, собранныя о кобанскомъ народцѣ и слѣдахъ несомненно-доисторическаго быта его. Что же это за народецъ? Откуда и когда пришелъ онъ въ нынѣшній Кобань? Какъ и въ чемъ проявился его племенной бытъ, и куда онъ исчезъ со своими оригинальными бронзами?

Вотъ вопросы, для категорическаго рѣшенія которыхъ, къ сожалѣнію, еще слишкомъ мало данныхъ. Мало того: въ самой оригинальности ископаемыхъ предметовъ, въ ихъ формѣ, орнаментикѣ, въ отсутствіи меча, щита и т. п., столько необъяснимаго, даже загадочнаго, что, мнѣ кажется, еще и рано браться за рѣшеніе этого вопроса.

Изъ сопоставленія вышеприведенныхъ данныхъ, по моему убѣжденію, возможны только нѣкоторые объясненія и догадки. Излагая ихъ въ отвѣтъ на только что поставленные вопросы, я далеко отъ мысли придавать имъ рѣшающее значеніе, а желалъ бы лишь возможно ближе подойти къ какому-либо выводу, предоставляя окончательныя разъясненія будущему.

Кто-же были доисторическіе кобанцы?

Судя по мѣстности, избранной ими для жительства—на рубежѣ обширныхъ горныхъ пастбищъ, и по имѣющемуся въ долинѣ почти въ продолженіе всей зимы подножному корму, судя по весьма часто попадающемуся между ихъ бронзами изображенію овецъ, козъ и головокъ этихъ животныхъ,—можно предположить, что это племя было пастушеское. Сомнительно, чтобы кобанцами воздѣлывалась земля, такъ какъ нигдѣ не найдено слѣдовъ земледѣльческихъ орудій; можно съ достовѣрностію утверждать, что кобанцы не владѣли и крупнымъ рогатымъ скотомъ, необходимымъ для паханія, а имѣли

только горныхъ коней, и то въ небольшомъ количествѣ. Последнее заключеніе мы выводимъ изъ того обстоятельства, что между бронзами древнихъ кобанцевъ не найдено изображенія быка или коровы, а изображенія коней попадаются весьма рѣдко; также найдено лишь небольшое количество конскихъ удилъ. Далѣе, такъ какъ замкнутость ущелья исключаетъ возможность удобства торговыхъ и иныхъ сношеній, а самое ущелье и природа его не представляютъ какихъ-либо естественныхъ произведеній, пригодныхъ для сбыта,—то и самая жизнь древнихъ кобанцевъ представляется замкнутою и уединенною.

На вопросъ откуда и когда явился этотъ народъ,—отвѣтить гораздо труднѣе, и, мнѣ кажется, нельзя даже совсѣмъ рѣшить его, пока краниологическія изысканія не укажутъ намъ гдѣ-либо сродной расы. Основываясь на мнѣніи г. Вирхова *), не признающаго въ длинноголовыхъ древнихъ кобанцахъ никакого сходства съ сосѣдними расами, возможно только допустить, что племя, выдѣлившее изъ своей среды, горсть людей, заселившихъ Кобань, слѣдуетъ искать далеко. Принимая-же во вниманіе ничтожность въ количественномъ отношеніи длинноголового типа, похороненнаго въ нижнихъ слояхъ, можно предположить, что онъ представляетъ собой, можетъ быть, остатокъ, оторванный какимъ-либо событіемъ отъ главнаго племени, совершавшаго въ глубокой древности свое переселеніе куда-нибудь на С. или З. Европы. Со временемъ этотъ остатокъ смѣшался съ другими элементами, при дальнѣйшемъ движеніи своемъ, и, можетъ быть, въ наше время уже совсѣмъ утратилъ свой національный типъ. Слишкомъ мало данныхъ и для того, чтобы сказать что-нибудь опредѣленное на вопросъ, когда явился въ Кобань древній типъ длинноголового челоуѣка; но все же, кажется мнѣ, не слѣдуетъ пренебрегать фактомъ находки немногихъ «антарныхъ бусъ. Несомнѣн-

*) Nachr. d. Berliner anthropolog. Gesellschaft. Sitzung am 21 July 1833, Seite 339.

Handwritten notes at the top of the page, including the number 71 and some illegible text.

но, что янтарь добывался древними финикиянами на берегах Балтики, поэтому появиться в Кобань и других соседних местностях иным путем, как не через руки финикиянь, онъ едва-ли могъ. Трудно опредѣлить область распространения в древности янтара; но Кавказское побережье Чернаго моря, можетъ быть и самыя горы, входили въ нее. Первые слѣды сообщенія Балтійскихъ варяговъ съ Византїей черезъ древнюю Русь сухимъ путемъ относятся ко времени призванія князей; слѣдовательно, этотъ путь къ Балтикѣ сталъ извѣстенъ не болѣе, какъ около 1000 лѣтъ; тогда какъ Геродотъ предполагаетъ *), что древніе египтяне основали въ Колхидѣ колоніи для разработки рудниковъ. Безъ сомнѣнія, флотъ египтянь составляли финикійскіе моряки, ибо никогда, ни въ какую эпоху, египтяне не были мореплавателями. Замѣчу здѣсь, что изъ Чегема въ нынѣшнюю Сванетію, а, слѣдовательно, и въ древнюю Колхиду, существуетъ черезъ главный хребетъ удобный лѣтомъ проходъ; поэтому гораздо болѣе вѣроятя допустить, что янтарь завозился туда и въ соседнія мѣстности именно этимъ путемъ, и обмѣнивался на руду и другіе предметы. Если допустить это, то, можетъ быть, мы не сдѣлаемъ особенно крупной ошибки, если отнесемъ эпоху существованія древне-кобанскаго народца ко времени развитія береговаго плаванія финикиянь,—при чемъ, однако, должно сказать, что янтарь могъ попасть въ Кобань и нѣсколько позже. На послѣднюю мысль навелъ меня видъ большихъ и многочисленныхъ кусковъ янтара, добытыхъ мною близъ Чегема, въ горахъ Нальчикскаго округа, Терской области, въ доисторическомъ кладбищѣ. Это безформенные куски, совсѣмъ необдѣланные, а только просверленные для ношенія. Наружный видъ ихъ представляетъ самыя неправильныя, естественныя грани, а поверхность получила шлифовку, вѣроятно, отъ тренія при

*) Ленорманъ. Руковод. къ исторіи др. Востока до персид. войнъ.

*no proof - cases might have been seen
with burial in dead in deep grass in presence of
well-kept of walls in adobe -*

пошени. Вотъ причина, почему эти куски янтаря, какъ мнѣ кажется, очень древніе, во всякомъ случаѣ древнѣе отшлифованныхъ.

Далѣе, на вопросъ объ историческомъ бытѣ древнихъ кобанцевъ, можно вполне достовѣрно отвѣчать, что они были первыми обитателями этой горной долины, такъ какъ слѣдовъ болѣе древняго пребыванія человѣка въ этой мѣстности не найдено нигдѣ. Постепенное совершенствованіе бронзовыхъ издѣлій кобанцевъ, обиліе и разнообразіе украшеній несомнѣнно указываютъ на нѣкоторую степень благосостоянія племени, что обусловливаетъ въ свою очередь и зачатки культуры оригинальной, самобытной и, повидимому, свободной отъ вѣшняго вліянія, но все же не зашедшей далеко, а едва минувшей первыя ступени младенческаго развитія. Судя по большимъ и толстымъ булавамъ, фибуламъ, шильямъ, кобанцы носили весьма грубую шерстяную и кожаную одежду; слѣды ткани первой кое-гдѣ замѣчены въ могилахъ нижняго слоя. Изобиліе оружія и нѣкоторыя изображенія на орнаментахъ свидѣтельствуютъ о боевомъ и охотничьемъ бытѣ древнихъ кобанцевъ. Въ обычаѣ погребенія труповъ съ оружіемъ и обильными украшениями, головой на востокъ, можно предполагать вѣру въ загробную жизнь. Такъ какъ нигдѣ не найдено остатковъ зодчества, то можно полагать, что жилища древнихъ кобанцевъ походили на легкіе деревянные шалаши, вѣроятно, обмазанные глиною, такъ какъ фабрикація глиняной посуды доведена до нѣкоторой степени совершенства выдѣлки и орнаментики, въ чемъ можно видѣть знаніе свойствъ этого матеріала.

Догадки о томъ, какъ и когда исчезъ типъ, указанный выше, очевидно, могутъ вовлечь въ ошибки. Поэтому представимъ разъясненіе этого вопроса будущему, въ надеждѣ, что глубокій интересъ, возбужденный въ ученomъ мѣрѣ къ этому и другимъ слѣдамъ доисторической жизни человѣка, не осла-

бѣтъ, а поведетъ къ дальнѣйшимъ изысканіямъ и къ под-
нятію таинственной завѣсы, за которою время скрыло про-
шлое.

Учитель Владикавказскаго реального училища *В. Долбежевъ*.

Владикавказъ.
1885 г.

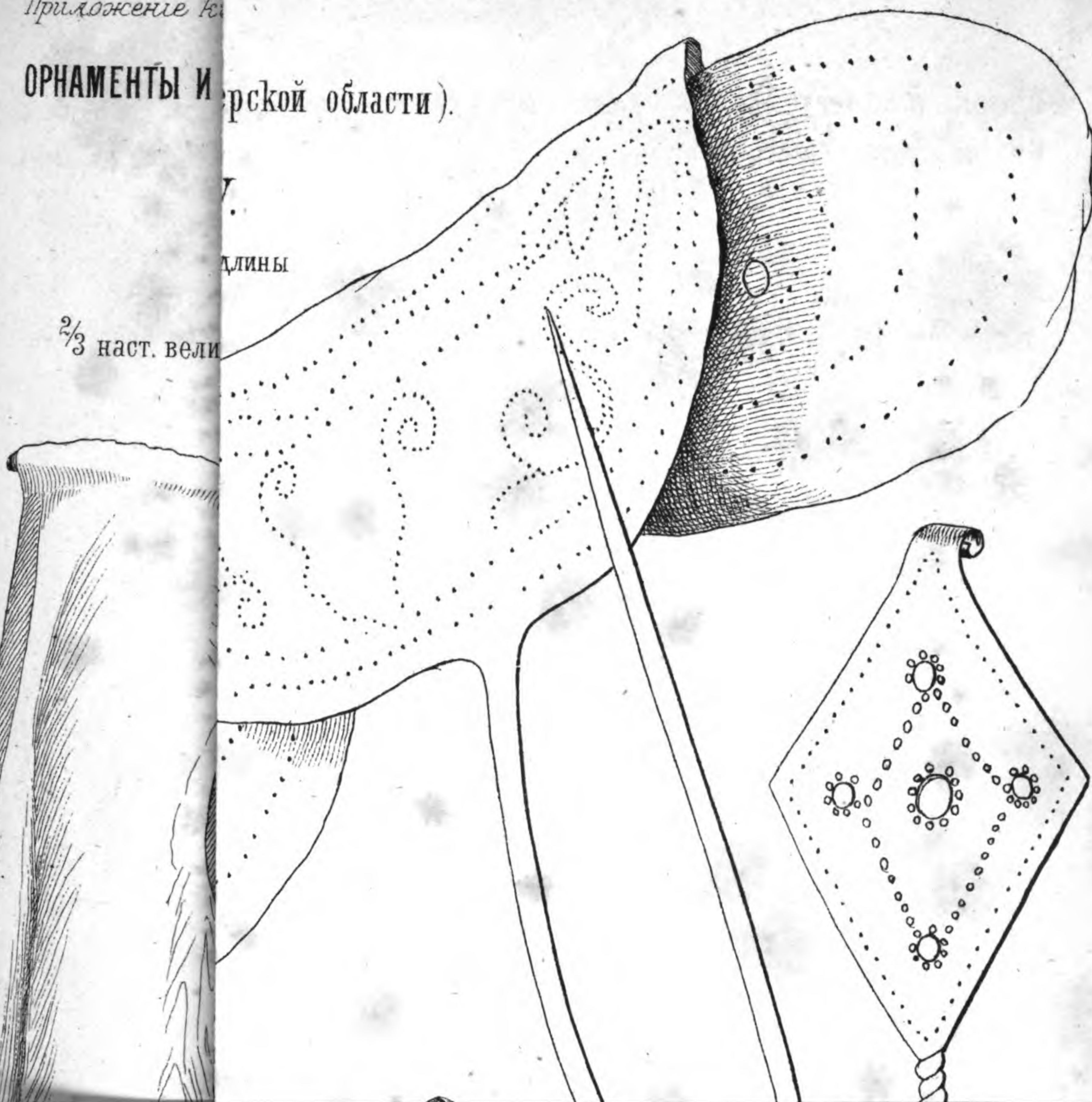

Приложение к

ОРНАМЕНТЫ И (из Мурманской области).

длины

$\frac{2}{3}$ наст. велич

приобрѣтенное богатство лучше, нежели нечестнымъ путемъ
приобрѣтенное, тогда я уступлю тебѣ все мое богатство; есл
же они будутъ согласны со мною, тогда ты уступишь мнѣ
все твое богатство.

НАРОДНЫЯ СКАЗКИ

ЗАКАВКАЗСКИХЪ ТАТАРЪ.

1.

Сказка о купцѣ честномъ и о купцѣ нечестномъ.

Разсказываютъ, что когда-то жили два купца, оба богатые, оба именитые, оба уважаемые; только богатство одного было приобрѣтено путемъ честнымъ, а богатство другого — путемъ нечестнымъ; одинъ любилъ Аллаха, а другой шайтана; одинъ помогалъ бѣднымъ, убогимъ, нищимъ, сиротамъ, другой, напротивъ, притѣснялъ и грабилъ ихъ; у одного въ груди была душа и совѣсть, а у другого въ груди змѣи извивались. Однажды оба эти купца поспорили между собою о томъ, какое богатство лучше: то, которое приобрѣтается честнымъ путемъ, или то, которое приобрѣтается нечестнымъ путемъ. Честный купецъ утверждалъ, что только то богатство можетъ считаться настоящимъ богатствомъ, которое приобрѣтается честнымъ путемъ. Нечестный-же купецъ доказывалъ противное.

— Да что объ этомъ толковать напрасно, сказалъ, наконецъ, нечестный купецъ: пойдемъ спросимъ троихъ, если они будутъ согласны съ тобою и скажутъ, что честнымъ путемъ приобрѣтенное богатство лучше, нежели нечестнымъ путемъ приобрѣтенное, тогда я уступлю тебѣ все мое богатство; если же они будутъ согласны со мною, тогда ты уступишь мнѣ все твое богатство.

Честный купецъ, будучи вполнѣ увѣренъ въ своей правотѣ, согласился; ударили по рукамъ, и пошли искать трехъ лицъ, чтобы узнать ихъ мнѣніе. Шли они долго-ли, коротко-ли—Аллахъ вѣдаетъ: можетъ быть день, можетъ быть два, можетъ быть три, а можетъ быть и годъ, но они шли до тѣхъ поръ, пока увидѣли бѣгущаго къ нимъ навстрѣчу семилѣтняго мальчика, остановили его, и спросили: „Какъ ты думаешь, мальчикъ: честнымъ-ли путемъ прибрѣтенное богатство лучше или нечестнымъ путемъ прибрѣтенное?“

— Я думаю, что нечестнымъ путемъ прибрѣтенное богатство лучше, нежели честнымъ путемъ, отвѣтилъ мальчикъ.

„Какъ-же это можетъ быть, изумился честный купецъ: что-бы...“ Но мальчикъ, не давъ ему докончить, побѣжалъ дальше.

Оба купца пошли дальше, долго-ли, коротко-ли они шли—Аллахъ вѣдаетъ: можетъ-быть день, можетъ быть два, можетъ быть три, а можетъ быть годъ. Но шли они до тѣхъ поръ, пока не увидѣли работающаго въ полѣ юношу.

„Какъ ты думаешь, спросили его опять оба купца: честнымъ-ли путемъ прибрѣтенное богатство лучше или нечестнымъ?“

Юноша подумалъ-подумалъ и, наконецъ, отвѣтилъ: „Я думаю, что нечестнымъ путемъ прибрѣтенное богатство лучше, нежели честнымъ“.

— Какъ-же это можетъ быть, началъ честный купецъ: чтобы... Но молодой человекъ, не давъ ему докончить, отвернулся и продолжалъ свою работу.

„Мнѣ кажется, сказалъ тогда нечестный купецъ: что свидѣтельство этихъ двухъ лицъ вполнѣ убѣдило тебя въ неосновательности твоего мнѣнія! Чѣмъ напрасно блуждать по полямъ, пойдемъ лучше домой, и уступи мнѣ все твое богатство“.

— Нѣтъ, сказалъ честный купецъ: побродимъ еще немножко: можетъ быть, увидимъ какого-нибудь старика,—

узнаемъ и его мнѣніе; если и онъ тоже согласенъ будетъ съ тобою, тогда я уступлю тебѣ все мое богатство.

Согласились, и пошли дальше. Шли они долго-ли, коротко-ли—Аллахъ вѣдаетъ, только увидѣли шедшаго имъ навстрѣчу сѣдого, дряхлаго старика, который, опираясь на палку и трясясь всѣмъ тѣломъ, еле-еле волочилъ дряхлыя ноги.

— Саламъ-aleyкумъ, дѣдушка! привѣтствовалъ его честный купецъ: скажи намъ, дѣдушка, какъ ты думаешь, честнымъ-ли путемъ приобрѣтенное богатство лучше или нечестнымъ путемъ приобрѣтенное?

Старикъ подумалъ и, наконецъ, отвѣтилъ: „Я думаю, что нечестнымъ путемъ приобрѣтенное богатство лучше, нежели честнымъ“. Честный купецъ, широко раскрывъ глаза отъ удивленія, сталъ смотрѣть на этого дряхлаго старика, который уже стоялъ на краю могилы.

— Подумай, дѣдушка, какъ-же это можетъ быть, чтобы нечестнымъ путемъ приобрѣтенное богатство было лучше, нежели приобрѣтенное честнымъ путемъ?

„Сынъ мой, сказалъ тогда старикъ: ты хотѣлъ знать мое мнѣніе, и я отвѣтилъ тебѣ. Ты можешь иначе думать, а я думаю, что одно лучше, другое хуже!“

— Теперь ужъ нечего разсуждать, сказалъ нечестный купецъ: ты проигралъ закладъ, пойдемъ, и отдай мнѣ все твое богатство.

Вернулись домой. Несчастный честный купецъ отдалъ все свое богатство нечестному купцу, а самъ остался безъ копейки, безъ куска хлѣба.

— Да будетъ благословенно твое имя, Первердигаръ—Аллахъ, сказалъ честный купецъ, очутившись на улицѣ безъ крова и безъ куска хлѣба: создалъ-же ты людей, которые безчестіе ставятъ выше честности...

Лишившись такимъ образомъ всего своего состоянія и оставшись безъ куска хлѣба, нашъ честный купецъ задумалъ

отправиться въ какой-нибудь незнакомый городъ, чтобы жить тамъ подаяніемъ добрыхъ людей: ужъ очень горько и тяжело было ему оставаться въ своемъ городѣ и протягивать руку людямъ, которые прежде завидовали его благосостоянію и счастію. Не долго онъ укладывался въ дорогу: отъ всего богатства осталась ему только нищенская сума да лохмотья. Произнося имя Аллаха, онъ отправился въ путь-дорогу. Его замѣтилъ съ сумой на плечѣ несчастный купецъ, усмѣхнулся и сказалъ съ насмѣшкой: „Ступай, жалкій нищій, видно, много помогла тебѣ твоя честность, побереги ее для лучшихъ дней, авось пригодится“. Между тѣмъ, нашъ честный купецъ шелъ своей дорогой, шелъ онъ долго-ли, коротко-ли, Аллахъ вѣдаетъ, только къ вечеру онъ пришелъ на берегъ моря. На берегу моря онъ увидѣлъ старое, выкинутое на берегъ бурями, полуразрушенное судно. Онъ поднялся на это судно, совершилъ тамъ свой вечерній намазъ, зашелъ въ каюту, нашелъ въ углу охапку сѣна, легъ здѣсь и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Вдругъ среди ночи на суднѣ поднялся страшный шумъ. Нашъ честный купецъ проснулся и началъ прислушиваться. Шумъ происходилъ въ сосѣдней каютѣ.

Онъ поднялся, осторожно, на цыпочкахъ подошелъ къ дверямъ смежной каюты, заглянулъ въ щель, и чуть было не лишился чувствъ отъ страха: онъ увидѣлъ въ той каютѣ людей—не людей, звѣрей—не звѣрей, а какихъ-то уродовъ съ рогами, длинными хвостами, на которыхъ звенѣли колокольчики, съ вывороченными руками и ногами, съ собачьими мордами и ослиными ушами. Онъ тотчасъ-же догадался, что это не люди, а шайтаны, которые, вѣроятно, по ночамъ собираются здѣсь для совѣщанія. А шайтаны, между тѣмъ, бѣгали по каютѣ, скакали, щекотали другъ-друга, кричали по-павлиньи, мяукали по-кошачьи, лаяли по-собачьи. Долго они бѣсновались, долго кричали и, наконецъ, всѣ сразу смолкли, потому что вдругъ отворились двери, и вошелъ безобразный шайтанъ—Худатъ,

ихъ начальникъ. Всѣ шайтаны низко и почтительно поклонились ему. Онъ важно сѣлъ на приготовленной для него тахтѣ; остальные шайтаны почтительно обступили его. Худатъ сталъ спрашивать своихъ шайтановъ: что они сдѣлали въ тотъ день? какіе подвиги совершили? кого погубили? кого наградили? чей домъ разрушили? *кому строили домъ?*.. Шайтаны по очереди подходили къ своему повелителю, кланялись ему въ поясъ и рассказывали все, что они въ тотъ день совершили.

— Сегодня, началъ одинъ шайтанъ: на берегу рѣки я увидѣлъ наклонившуюся надъ водою молодую, красивую дѣвушку, которая черпала воду кувшиномъ; я столкнулъ ее: она упала въ воду, и утонула.

— Мальчикъ игралъ заряженнымъ ружьемъ, рассказывалъ другой: я направилъ дуло ружья прямо въ его грудь, спустил курокъ, ружье выстрѣлило, и пуля попала прямо въ сердце мальчика: онъ умеръ. Отецъ и мать въ отчаяніи.

— Два пріятеля играли въ *учъ-ашыгъ* (азартная игра), сказалъ третій: я вмѣшался въ ихъ игру; они поссорились, поругались, подрались и, наконецъ, закололи другъ друга кинжалами.

— Одному доброму уважаемому гаджи я послалъ въ подарокъ кувшинъ вина, началъ докладывать четвертый: онъ напился до безчувствія, началъ буянить, ругать своихъ сосѣдей, жену, дѣтей, знакомыхъ и, наконецъ, поссорившись съ братомъ, убилъ его. Онъ очнулся, но было уже поздно: его схватили, заключили въ тюрьму, а завтра повѣсятъ.

— Въ такомъ-то государствѣ, въ такомъ-то городѣ, сказалъ пятый: жили-были мужъ и жена, они жили очень мирно и счастливо, такъ что сосѣди и знакомые завидовали ихъ счастью. Это было крайне досадно мнѣ. Я посѣялъ сѣмя раздора въ ихъ сердца. Мужъ сталъ подозрѣвать и ревновать свою жену, потомъ бить, ругать и мучить ее и, наконецъ, до-

вель ее до того, что она связалась съ какимъ-то лоти (повѣса). Мужъ засталъ ее въ объятяхъ лоти и убилъ ее.

— А я, началъ свой разсказъ шестой: заставилъ двухъ купцовъ, честнаго и нечестнаго, заспорить о томъ, какое богатство лучше: то, которое приобрѣтается честнымъ путемъ, или то, которое приобрѣтается нечестнымъ путемъ. Они бились о закладъ на все свое богатство; я помогъ нечестному купцу выиграть у честнаго, который и уступилъ ему все свое богатство, а самъ остался безъ куска хлѣба и безъ копейки въ карманѣ.

Такимъ образомъ, каждый изъ шайтановъ разсказалъ своему повелителю все, что было совершено имъ въ тотъ день: одинъ поссорилъ сына съ отцомъ, мужа съ женой, дочь съ матерью, братьевъ или сосѣдей между собою; другой погубилъ двухъ-трехъ, соблазнилъ честную, невинную дѣвушку, ввелъ въ грѣхъ невиннаго мальчика; третій заставилъ честныхъ людей играть въ карты, въ учъ-ашыгъ, въ алты-козъ (азартныя игры), и проигрывать все свое состояніе или пьянствовать и т. д. Наконецъ, подошелъ къ Худату послѣдній шайтанъ, и началъ разсказывать: „Въ такомъ-то государствѣ, въ такой-то землѣ, въ такомъ-то городѣ живетъ царь, а у этого царя единственный сынъ, молодой, прекрасный, умный царевичъ, котораго безпредѣльно любить отецъ и обожааетъ народъ за его доброту, храбрость, умъ и за другія хорошія качества. Сегодня я былъ въ томъ городѣ, услышалъ отзывы народа о добромъ царевичѣ и порѣшилъ погубить его: я похитилъ его умъ въ то самое время, когда онъ передъ полуденнымъ намазомъ пилъ воду. Отецъ его и весь народъ въ отчаяніи, всѣ плачутъ, всѣ проклинаютъ шайтана, похитившаго умъ царевича. Пригласили знаменитыхъ гакимовъ, джандаровъ-колдуновъ; но никто не можетъ помочь сумасшедшему царевичу“.

— Значить онъ всю свою жизнь останется безумнымъ? спросилъ начальникъ шайтановъ.

„Нѣтъ, я спряталъ его умъ въ головѣ любимой охотничьей черной собаки. Если убить эту собаку, вынуть ея мозгъ, смѣшать съ водою и дать царевичу выпить, тогда только онъ выздоровѣетъ. Другого средства нѣтъ.“

Повелитель Худатъ похвалилъ своихъ шайтановъ и, давъ имъ нѣсколько наставленій, удалился; за нимъ вышли и остальные шатайны, такъ какъ уже начинало разсвѣтать, вѣдь извѣстно, что шайтаны не любятъ свѣтлаго Божьяго дня. А нашъ честный купецъ все это время стоялъ за дверями и не пропустилъ ни одного слова изъ ихъ разговора. Онъ слышалъ подробности о сумасшествіи царевича и зналъ, какъ нужно вылѣчить его. Онъ горячо поблагодарилъ Аллаха за его великую милость и, совершивъ свой утренній намазъ, отправился въ путь, по направленію того города, гдѣ жилъ сумасшедшій царевичъ. Не дойдя еще до города, издали онъ замѣтилъ множество людей, одѣтыхъ съ ногъ до головы въ черное, а со стороны города слышны были шумъ, гамъ, плачь, крикъ людей, вой собакъ, звукъ синджевъ и мѣдныхъ тарелокъ, бой барабановъ, какъ будто въ городѣ свирѣпствовала черная болѣзнь (чума), или хоронили царя. Придя въ городъ, нашъ честный купецъ усѣлся передъ лавкою какого-то аттюра (мелкаго торговца), чтобы дать отдыхъ своимъ усталымъ отъ долгой ходьбы членамъ. Онъ обратился къ хозяину лавки и спросилъ его: „Скажи мнѣ, уважаемый таджиръ (купецъ), какое несчастье случилось у васъ въ городѣ, что люди такъ шумятъ, кричатъ, плачутъ, бьютъ въ синджи и барабаны?“

— Какъ видно, ты не здѣшній, если спрашиваешь меня объ этомъ, сказалъ хозяинъ лавки: развѣ ты не слышалъ, что нашъ любимый, уважаемый, добрый царевичъ внезапно сошелъ съ ума? Вотъ теперь, какъ видишь, половина города плачетъ, а другая половина шумитъ, кричитъ, стрѣляетъ, бьетъ въ синджи и барабаны, чтобы напугать и прогнать шайтана, помутившаго умъ царевича.

„А отчего царь не приглашаетъ гакимовъ, джандаровъ? Они могли-бы вылѣчить царевича.“

— Какъ не приглашаетъ! Царь пригласилъ всѣхъ знаменитыхъ гакимовъ, джандаровъ, но никто не могъ вылѣчить царевича. Царь даже половину своего царства обѣщаетъ тому, кто его вылѣчитъ, но нѣтъ никого, кто бы помогъ.

Честный купецъ всталъ, поблагодарилъ лавочника и пошелъ прямо во дворецъ царя. Тамъ онъ увидѣлъ царскихъ нязировъ и вязировъ, которые, сидя у дверей, горько плакали. Честный купецъ подошелъ къ нимъ, поклонился имъ въ ноги и привѣтствовалъ „саламомъ“.

— Что тебѣ нужно? спросилъ одинъ изъ вязировъ.

„Я хочу видѣть царя,“ отвѣтилъ смиренно бѣдный, честный купецъ.

— Какъ ты хочешь видѣть царя! удивился вязиръ: а развѣ ты не знаешь, что царь, по случаю несчастья съ царевичемъ, не выходитъ изъ своей комнаты и никому не показывается! Нѣтъ, ступай лучше своей дорогой, добрый человѣкъ, и не мѣшай намъ плавать.

„Я хочу видѣть царя и сказать ему, что я вылѣчу царевича,“ сказалъ честный купецъ.

Нязиры и вязиры недовѣрчиво улынулись на слова бѣдняка: они приняли его за сумасшедшаго.

— Какъ-же ты можешь вылѣчить царевича, когда самые лучшіе врачи въ свѣтѣ не могли его вылѣчить? спросили они.

„А вотъ я вылѣчу, тогда вы увидите; поведите меня къ царю“.

Онъ говорилъ такъ увѣренно, что одинъ изъ нязировъ, наконецъ, сказалъ:

— А, можетъ быть, онъ правду говоритъ, можетъ быть, онъ знаетъ такое средство, которое поможетъ царевичу! Пойдемъ, скажемъ царю. Тѣ согласились и пошли къ царю, ко-

того застали въ слезахъ, поклонились и сказали: „Такъ и такъ, пришелъ какой-то бѣдный человѣкъ и говорить, что можетъ вылѣчить царевича“. Царь приказалъ ввести къ нему этого бѣднаго человѣка. Нязиры и вязиры немедленно исполнили приказаніе царя. Бѣднякъ пальъ ницъ предъ царемъ и поцѣловалъ край его одежды.

— Ты можешь вылѣчить моего сына? спросилъ царь.

„Я надѣюсь, что, съ помощью Аллаха, вылѣчу твоего сына“, отвѣтилъ бѣднякъ.

— Если только ты его вылѣчишь, сказалъ царь: если къ нему опять возвратится разсудокъ, то я подарю тебѣ половину моего царства.

„Да хранить первердигарь Аллахъ на долгіе годы для тебя твое славное царство, сказалъ честный купецъ: мнѣ не надо никакого вознагражденія, я и безъ вознагражденія вылѣчу твоего добраго, славнаго сына. Веди меня, царь, къ твоему сыну и прикажи слугамъ, чтобы они исполняли всѣ мои приказанія“.

Царь повелъ новаго гакима въ комнату своего сына; какъ только увидѣлъ царевичъ пришедшихъ, бросился на нихъ и начамъ рвать платье и царапать лица ихъ. Гакимъ приказалъ тотчасъ-же привести къ нему любимую, черную собаку царевича. Онъ своими руками убилъ собаку, вынулъ ея мозгъ и, положивъ въ чашу, наполненную водою, далъ царевичу выпить. Когда царевичъ выпилъ воду, сейчасъ-же успокоился и заснулъ. Когда-же на другой день онъ проснулся, то гакимъ далъ ему выпить остатокъ воды. Царевичъ выпилъ, разсудокъ возвратился къ нему, и онъ сдѣлался таимъ-же умнымъ, добрымъ царевичемъ, какимъ былъ прежде, даже лучше прежняго. Нашъ честный купецъ, предопредѣленіемъ судьбы сдѣлавшись гакимомъ, повелъ царевича къ его отцу. Когда царь увидѣлъ своего сына совершенно здоровымъ и умнымъ, заплакалъ отъ радости. Онъ сошелъ со своего

трона, снялъ корону и хотѣлъ надѣть ее на голову гакима: „Ты достоинъ быть царемъ, сказалъ онъ: и я дарю тебѣ свою корону и половину царства“.

Честный купецъ, упавъ въ ноги царю, сказалъ: „Нѣтъ, великій падишахъ, я простой смертный и не достоинъ носить корону: она принадлежитъ только тебѣ, потому что вручена Аллахомъ, и никто, кромѣ тебя, не долженъ коснуться ея“. Царь, видя безкорыстіе бѣдняка, обнялъ и поцѣловалъ его, и приказалъ своимъ нязирамъ и вязирамъ открыть передъ нимъ двери казны, чтобы онъ могъ взять столько золота и драгоценныхъ вещей, сколько захочетъ; но изъ царской казны онъ взялъ столько золота, сколько самъ имѣлъ раньше, ни больше ни меньше. Сколько ни упрашивалъ его царь, сколько ни умолялъ,—онъ не пожелалъ взять лишней копейки. Тогда царь приказалъ навьючить для него двухъ катеровъ золотомъ, двухъ катеровъ серебромъ и двухъ катеровъ драгоценными камнями и всякимъ добромъ. Сверхъ того, царь подарилъ ему нѣсколько паръ красиваго платья, двадцать красивыхъ лошадей, двадцать рабовъ и со слезами простился съ нимъ.

Навьючивъ катеровъ и лошадей своимъ богатствомъ, честный купецъ, со своими рабами и слугами, отправился въ городъ, гдѣ жилъ прежде. Не доѣзжая до города, онъ увидѣлъ безчестнаго купца, который выигралъ у него все его богатство. Тотъ съ удивленіемъ, не вѣря своимъ глазамъ, посмотрѣлъ на него и, наконецъ, спросилъ:

— Развѣ ты не тотъ честный купецъ, который когда-то проигралъ мнѣ все свое богатство?

— Да, я тотъ честный купецъ, отвѣтилъ этотъ.

— Вѣдь ты тогда остался безъ копейки, откуда-же теперь у тебя такое богатство?

— Аллахъ послалъ, отвѣтилъ честный купецъ: я купилъ мѣшокъ кипмишу, понесъ его на берегъ моря; тамъ, на берегу моря я увидѣлъ старое полуразрушенное судно,

высыпаль оттуда въ море весь кишмишъ, рыбы съѣли кишмишъ и взамятъ принесли мнѣ вотъ все это богатство, которое ты видишь теперь.

— Это хорошо! подумаль нечестный купецъ: если онъ понесъ только одинъ мѣшокъ кишмишу и получилъ столько богатства, я повезу сорокъ мѣшковъ и въ сорокъ разъ больше получу. Онъ, дѣйствительно, купилъ сорокъ мѣшковъ кишмишу, нанялъ чарвадаровъ, навьючилъ ихъ лошадей кишмишомъ и отправился на берегъ моря. Тамъ онъ увидѣлъ старое, разбитое, выкинутое на берегъ бурями судно, поднялся на судно, приказалъ поднять мѣшки съ кишмишемъ, а чарвадаровъ отпустилъ, чтобы они не увидѣли и не научились. Когда стемнѣло, онъ развязалъ мѣшки и высыпаль весь кишмишъ въ море, а самъ, сидя на корточкахъ на краю судна, держалъ въ рукахъ порожніе мѣшки и думаль, что вотъ-вотъ сейчасъ рыбы принесутъ и наполнятъ его мѣшки золотомъ и драгоценными камнями, но не тутъ-то было! Вдругъ онъ услышалъ шумъ, обернулся и увидѣлъ поднимающихся на судно шайтановъ. Отъ страха волосы у него на головѣ стали дыбомъ. Онъ послѣшно бросилъ порожніе мѣшки въ уголь судна, а самъ залѣзъ и спрятался подъ ними. Шайтаны начали свой шайтанскій танецъ: прыгали, кувыркались, играли въ чехарду, стояли на головѣ верхъ ногами и, наконецъ, утихли, когда появился ихъ повелитель, Худатъ. Онъ сталъ спрашивать объ ихъ подвигахъ. Прежде всего подошелъ къ шайтану тотъ самый хромой шайтанъ, который свелъ съ ума царевича, поклонился и сказалъ:

— Твоя шайтанская милость, сегодня я былъ у царевича, у котораго я похитилъ умъ и спряталъ въ головѣ собаки и, къ великому моему горю, я нашелъ его совершенно умнымъ и здоровымъ. Видно, что въ ту ночь, когда я докладывалъ объ этомъ твоей шайтанской милости, здѣсь былъ посторонній смертный или бессмертный, который, подслушавъ

нашъ разговоръ, воспользовался тѣмъ средствомъ, о которомъ я говорилъ“.

— Поищите, можетъ быть, опять кто-нибудь спрятанъ въ суднѣ, приказалъ повелитель шайтановъ; стали искать шайтаны по всѣмъ угламъ судна, нашли спрятаннаго подъ мѣшками нечестнаго купца, вытащили его за ноги, избили и бросили въ море.

На другой день пришли чарвадары и не нашли ни купца, ни мѣшковъ съ кишмишемъ.

Такимъ образомъ, нечестный купецъ, который шелъ по пути шайтана, получилъ смерть отъ рукъ тѣхъ самыхъ шайтановъ, которыхъ онъ любилъ. А честный купецъ, который хотя и однажды потерялъ свое богатство, за то былъ вознагражденъ сторицей, потому что былъ честенъ и не отчаявался въ милости Аллаха. Сказеѣ конецъ, доброму дѣлу начало, дайте на хлѣбъ бѣдному дервишу.

Съ неба упало три яблока: одно мнѣ, другое рассказчику, а третье дервишу Мустафѣ (имя рассказчика).

2.

Отъ судьбы не уйдешь.

Молодой царевичъ, со своими нязирами и вязирами, отправился на охоту. Гоняясь за джейраномъ, онъ далеко опередилъ своихъ спутниковъ и, наконецъ, заѣхалъ такъ далеко, что совершенно потерялъ ихъ изъ виду.

Желая возвратиться къ своимъ нязирамъ и вязирамъ, онъ замѣтилъ, что заблудился: впереди находился темный лѣсъ, а позади обширное, чистое поле, не стоптанное не людьми, ни звѣрями. Онъ осмотрѣлся кругомъ: нигдѣ не видать дороги; бросился въ одну сторону, бросился въ другую сторону: ни дороги, ни тропинки, ни слѣда человѣческихъ ногъ. Между тѣмъ стемнѣло.

Молодой царевичъ, произнося имя Аллаха, въѣхалъ въ лѣсъ. Онъ привязалъ свою лошадь къ одному дереву, а самъ сѣлъ отдохнуть подъ нимъ. Утоливъ свой голодь хлѣбомъ и сыромъ, которые онъ нашель въ своемъ хурджинѣ, онъ совершилъ намазъ, легъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ. Когда-же, на другой день, утромъ онъ проснулся, то сквозь листья деревьевъ замѣтилъ вьющійся надъ лѣсомъ, тоненькій столбикъ дыма и догадался, что недалеко находится человѣческое жилье. Онъ поспѣшно всталъ и, держа своего коня въ поводу, направился въ сторону, откуда выходилъ дымъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ очутился передъ маленькимъ домикомъ. Привязавъ свою лошадь къ дереву, царевичъ осторожно зашелъ въ домикъ, чтобы узнать, кто въ немъ живетъ: джинъ или чело-вѣкъ, шайтанъ или мелекъ, отшельникъ или разбойникъ, другъ или врагъ; но въ домикѣ, кромѣ дряхлаго старика, онъ не увидѣлъ никого. Старикъ этотъ, сидя на тахтѣ, на миндарѣ, одной рукой перебиралъ длинныя, черныя четки, другою-же перелистывалъ лежащую передъ нимъ на тахтѣ большую книгу, въ которую по временамъ что-то записывалъ тростнико-вымъ перомъ.

„Саламъ алейкумъ, дядя! привѣтствовалъ старика царевичъ, Аллахъ въ помощь! да умножить Онъ твое терпѣнiе, да сдѣлаетъ Онъ благотворнымъ для людей и прибыльнымъ для тебя твой трудъ!“

— Алейкумъ азъ саламъ, сынъ мой! отвѣтилъ старикъ на привѣтствiе царевича, откуда Аллахъ несетъ?

„Заблудился въ лѣсу, дядя, и не знаю, какъ найти дорогу. Увидѣлъ твой домикъ изъ лѣсу и зашелъ отдохнуть подъ гостепрiимнымъ кровомъ“.

— Гость принадлежитъ Аллаху, сынъ мой: сядь и отдохни. Я вотъ сейчасъ покончу свою работу и угощу тебя, чѣмъ Аллахъ послалъ. Царевичъ сѣлъ около старика на тахтѣ и началъ смотрѣть его работу.

„Не считай, дядя, мой вопросъ предосудительнымъ, обратился онъ вдругъ къ старику, скажи мнѣ, что ты дѣлаешь здѣсь и что записываешь въ эту большую книгу?“

— Сынъ мой, отвѣтилъ старикъ, что я дѣлаю здѣсь, или что записываю въ эту книгу, это до тебя не касается. Ты лучше отдохни и ступай съ Богомъ.

„Нѣтъ, не уйду, сказалъ сильно задѣтый словами старика, царевичъ, не уйду, пока ты не скажешь мнѣ, что записываешь въ эту книгу“.

— Сынъ мой, не злоупотребляй правомъ гостепріимства, произнесъ мягко старикъ.

Но царевичъ сидѣлъ на лошади шайтана *) и крѣпко держалъ за воротъ рубашку старика **). Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало узнать, что старикъ записываетъ въ книгу. Столько просилъ, столько умолялъ, что старикъ, наконецъ, смягчился и сказалъ: „я записываю въ эту книгу судьбу людей, кому что ею опредѣлено“.

„Въ такомъ случаѣ, попросилъ царевичъ, потрудись узнать въ твоей книгѣ, что опредѣлено судьбою мнѣ?“

Старикъ началъ перелистывать книгу, нѣсколько разъ пробормоталъ себѣ подъ носъ: „Бисмиллахъ рахманъ рахимъ!“ и, наконецъ, поднявъ свою сѣдую голову, посмотрѣлъ пристально въ лицо царевича, и сказалъ: „Сынъ царя, отнынѣ стала извѣстна твоя судьба: она предназначаетъ тебѣ жениться на дочери бѣднаго пастуха, которая вотъ нѣсколько лѣтъ страдаетъ неизлѣчимою болѣзнью и въ настоящее время лежитъ больною въ хижинѣ своего отца“.

— „Врешь ты, глупый старикъ, закричалъ сильно разгнѣванный царевичъ, я не вѣрю твоему глупому предсказанію! Чтобы я, сынъ царя, женился на больной дочери какого-то бѣднаго пастуха!“

*) Сидѣть на лошади шайтана—упрямиться.

***) Держать за воротъ рубашки—не отставать.

— Я передалъ тебѣ то, что прочелъ въ моей книгѣ о твоей судьбѣ, возразилъ старикъ.

„Плевать мнѣ на твою книгу и на твое глупое предсказаніе!“ сказалъ царевичъ, и, повернувшись спиною къ старику, стремительно вышелъ изъ комнаты.

Цѣлый день пробродилъ царевичъ по лѣсу, отыскивая дорогу и, наконецъ, увидѣлъ узенькую тропинку, которая и вывела его изъ лѣсу. Было темно, когда царевичъ вышелъ изъ лѣсу: онъ не зналъ, вакой путь слѣдуетъ ему держать и пошелъ на удачу, куда глаза глядятъ. Шелъ онъ долго-ли, коротко-ли, Аллахъ вѣдаетъ, но шелъ онъ до тѣхъ поръ, пока увидѣлъ передъ собою свѣтящійся огонекъ и пошелъ по направленіи этого огонька. Черезъ нѣсколько минутъ онъ очутился передъ ветхой, полуразвалившейся хижиной, передъ которой былъ разведенъ огонь, а около него на голой землѣ сидѣлъ какой-то оборванецъ, чинилъ лапти. Увидя подходящаго царевича, бѣднякъ вскочилъ на ноги и привѣтствовалъ его низкимъ поклономъ.

„Саламъ алейкумъ, добрый человекъ, сказалъ царевичъ; я потерялъ дорогу и заблудился. Не можешь-ли указать мнѣ дорогу, я поблагодарю тебя за твой трудъ.“

— Алейкумъ азъ саламъ, ага, я душевно радъ служить твоей милости, но, къ несчастью, до города далеко и едва-ли мы ночью найдемъ дорогу. Если бы ты подождалъ до утра, то я утромъ вывелъ-бы тебя на дорогу. Тѣмъ болѣе, что ночью страшно пускаться въ путь, да и дороги не безопасны отъ разбойниковъ.

„Что-же дѣлать, придется подождать до утра, сказалъ царевичъ. А гдѣ-же мнѣ ночевать?“

— Если не побрезгаетъ твоя милость, то я помѣщу тебя въ моей хижинѣ, тамъ спать только моя больная дочь.

„Больная дочь? спросилъ царевичъ, а кто-же ты самъ?“

— Я бѣдный пастухъ, твой покорный рабъ, мой милостивый ага.

„И ты говоришь, что у тебя есть больная дочь?“

— Да, мой высокоуважаемый ага, видно, что я передъ всемогущимъ Аллахомъ человекъ грѣшный, и Онъ своей злокарающей рукой хотѣлъ наказать меня за великія мои прогѣшенія: Онъ далъ мнѣ дочь, которая вотъ нѣсколько лѣтъ страдаетъ неизлѣчимою болѣзнію. Много мы приглашали гакимовъ, джандаровъ, но никто не могъ вылѣчить ее. Она вѣчно лежитъ въ своей комнатѣ и не можетъ двигаться. Да, видно, Аллахъ навсегда отвернулся отъ насъ, не хочетъ прибрать ее къ себѣ, чтобы мы тоже несчастные успокоились.

Царевичъ тотчасъ-же догадался, что этотъ пастухъ тотъ самый, на дочери котораго предсказалъ ему старикъ жениться, и въ ту-же минуту въ головѣ его составилъ планъ, во чтобы то ни стало погубить его дочь.

— „Хорошо, сказалъ царевичъ пастуху, я засну въ твоей хижинѣ и постараюсь успокоить твою больную дочь, чтобы она не мѣшала мнѣ. А ты пока возьми вотъ эти два червонца и дай мнѣ поѣсть чего-нибудь: я голоденъ“. Пастухъ взялъ червонцы, поблагодарилъ щедраго царевича и приказалъ женѣ накрыть столъ для дорогого гостя. Когда царевичъ кончилъ свой скромный ужинъ, пастухъ повелъ его въ комнату, показалъ ему постель, а самъ удалился. Онъ съ женою спалъ на дворѣ, подъ открытымъ небомъ.

Въ полночь царевичъ проснулся, всталъ, вышелъ на дворъ, чтобы узнать спитъ-ли пастухъ и его жена, или нѣтъ? Но они, ничего не подозрѣвая, спали крѣпкимъ сномъ. Тогда царевичъ взялъ свой кинжалъ и подошелъ къ постели больной дѣвушки. „Посмотримъ теперь, какъ исполнится, глупый старикъ, твое предсказаніе?“ сказалъ онъ и со всей силой ударилъ кинжаломъ спящую дѣвушку. Дѣвушка открыла глаза, пронзительно вскрикнула и тотчасъ-же смокла. Царевичъ, думая, что убилъ дѣвушку, положилъ у ея трупъ мѣшокъ, наполненный червонцами, вышелъ изъ хижины, сѣлъ на своего коня

и исчезъ въ темнотѣ. На другой день онъ нашелъ своихъ спутниковъ, которые искали его по всѣмъ направлѣніямъ и съ ними возвратился въ столицу отца. Посмотримъ теперь, что случилось съ дочерью пастуха: дѣйствительно ли она была убита царевичемъ, или царевичъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ? Нужно сказать, что несчастная эта дѣвушка нѣсколько лѣтъ страдала водянкой: животъ ея былъ вздутъ такъ, что она не могла ни встать, ни ѣсть, ни ходить. Царевичъ, думая убить ее кинжаломъ, такъ ударилъ, что кинжалъ прорѣзалъ ея животъ, откуда и вытекла вода, смѣшанная съ кровью. Такимъ образомъ, царевичъ, желая убить дѣвушку, напротивъ, самъ способствовалъ ея выздоровленію. На другой день, когда пастухъ и жена, проснувшись, вошли въ хижину къ дочери, увидѣли ее плавающей въ крови, а около нея мѣшокъ, наполненный червонцами. Когда же они подняли ее, то, къ великой радости, нашли совершенно здоровой. Обрадованные родители горячо поблагодарили Аллаха за его великую милость. Спустя нѣсколько времени, они переселились въ городъ, купили тамъ великолѣпный домъ и стали жить весело и счастливо. Между тѣмъ дочь ихъ подросла и сдѣлалась такой красавицей, что гуріи и мелеки Аллаха могли завидовать ея красотѣ. Однажды царевичъ, тотъ самый, который хотѣлъ убить ее, проѣзжая мимо дома бывшаго пастуха, увидѣлъ стоящую на крыльцѣ дома прелестную, молодую дѣвушку, которая будто говорила солнцу: „Ты не выходи, я ужъ вышла“. Царевичъ страстно влюбился въ нее, пошелъ къ своему отцу-царю, повалился ему въ ноги, и сказалъ: „На свѣтѣ много красивыхъ дѣвушекъ, но та, которую я знаю, краше всѣхъ: она краше луны, краше солнца. Позволь мнѣ, царь-батюшка, жениться на ней“. Царь сначала не хотѣлъ даже слышать о женитьбѣ сына на дочери незнакомаго человѣка; но, когда сынъ сказалъ, что или женится на ней, или бросится съ высокой горы,—царь согласился и женилъ сына на дочери

пастуха: онъ устроилъ великолѣпную свадьбу, которая продолжалась семь дней и семь ночей, а сынъ и не подозрѣвалъ даже, что онъ женится на дочери пастуха, на той самой дѣвушкѣ, которую онъ хотѣлъ убить.

Однажды молодая царевна съ матерью и сестрами своего мужа пошли въ баню. Онѣ замѣтили на животѣ своей невестки глубокой шрамъ и сказали царевинѣ. Царевичъ спросилъ жену и узналъ, что она та самая дѣвушка, дочь пастуха, которая была опредѣлена ему судьбою и которую онъ хотѣлъ убить. Онъ вспомнилъ предсказаніе старика въ лѣсу, восхвалилъ премудрое начертаніе Аллаха и воскликнулъ: „Правда, что все то, что написано въ книгѣ судебъ, должно исполниться, и не одинъ человекъ не уйдетъ отъ своей судьбы. А я былъ слѣпъ, что не хотѣлъ вѣрить этому.“

3.

Нѣмая царевна.

Жилъ былъ царь, а у этого царя былъ сынъ да одна дочь, только дочь была нѣма. Однако-жь, она была прекрасна, какъ пятнадцатидневная луна, очаровательна, какъ гурія джаннаата. Глаза ея блистали, какъ утреннія звѣзды, брови какъ будто нарисованы были каламомъ, ротъ очерченъ гюри мелекомъ. Она была умна и добра, была нѣжна и хрупка. Постоянная грусть на ея личикѣ придавала ей видъ скорбящаго о людскомъ грѣхѣ мелека. Отецъ любилъ ее, а братъ обожалъ. Предчувствуя приближеніе смерти, царь женилъ сына-наслѣдника на прекрасной, очаровательной царевнѣ и, приказавъ ему любить и беречь сестру, скончался. Строго соблюдая завѣтъ отца, молодой царь нѣжно и преданно любилъ свою сестру: на крыльяхъ молніи исполнялъ малѣйшія ея желанія, не допускалъ, чтобы малѣйшій вѣтерокъ коснулся ея,

не позволялъ ей ступать на землю. Куда она поставитъ ногу, тамъ онъ готовъ положить свою голову. Онъ клялся только ея именемъ, ея головою. Однако-жь, такая нѣжная любовь брата къ сестрѣ не нравилась его молодой женѣ, которая была такъ-же зла, какъ и прелестна. Она ревновала своего мужа къ сестрѣ, отъ всего сердца ненавидѣла ее и постоянно думала, какъ бы погубить ее.

У молодого царя былъ любимый коль-кушъ (красно-золотая птица). Однажды, когда царь былъ на охотѣ, злая царица собственноручно убила коль-куша, и, по возвращеніи царя съ охоты, сказала: „Посмотри, что сдѣлала твоя сестра: она знала, что ты любишь коль-куша и нарочно, чтобы только сдѣлать тебѣ непріятное, убила его“.

— Да будетъ коль-кушъ жертвою праха ногъ моей сестры! сказалъ царь, и послѣ того ни слова не говорилъ о коль-кушѣ.

Злая царица, видя, что этимъ не можетъ охладить любовь брата къ сестрѣ, придумала другое средство. У царя былъ любимый арабскій конь, котораго онъ любилъ пуще своихъ глазъ. Злая царица собственными руками зарѣзала этого коня, и когда царь, по возвращеніи съ охоты, спросилъ: „кто зарѣзалъ любимаго моего коня?“ отвѣчала: „твоя любимая сестра“.

— Да будетъ любимый конь жертвою праха ногъ моей любимой сестры, лишь бы она не печалилась и не грустила! сказалъ царь, и послѣ того не вспоминалъ о любимомъ конѣ.

Такое хладнокровіе царя крайне раздружило злую царицу: она стала рыдать, отъ досады разорвала на себѣ платье, испарала до крови лицо и грудь, вырвала волосы на головѣ и, наконецъ, рѣшилась на самое отчаянное средство: ночью, она зарѣзала единственнаго своего ребенка и трупъ его бросила въ комнату несчастной нѣмой царевны, а сама съ во-

емъ и плачемъ, съ распущенными волосами, съ открытою окровленною грудью и лицомъ побѣжала къ царю и начала кричать, плакать, неистово колоти себя въ грудь: „Иди, иди, посмотри, что сдѣлала твоя любимая сестра: она зарѣзала своими руками, зарѣзала твоего единственнаго ребенка. О, клянись великимъ Аллахомъ, если и на этотъ разъ ты простишь ей, — я своими руками задушю убійцу моего несчастнаго ребенка! О, великій, справедливый Аллахъ! зачѣмъ ты не убилъ твоей молніей эту злодѣйку убійцу... О, горе мнѣ, горе мнѣ несчастной матери!“

Несчастный царь, удрученный горемъ, приказалъ немедленно отвести сестру въ темный лѣсъ, и оставить ее тамъ на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ. Фярраши исполнили приказаніе царя: они повели въ лѣсъ несчастную нѣмую царевну, завязали ей глаза, чтобы она не могла возвратиться домой, посадили на пнѣ дерева, а сами удалились. Несчастливая царевна осталась одна въ лѣсу. Она начала плакать и мысленно звать къ Аллаху. Долго она плакала, долго орошала слезами свои чудные глаза и, наконецъ, заснула. Она спала, можетъ быть часъ, можетъ быть день, можетъ быть годъ, а можетъ быть и десять лѣтъ, но, когда проснулась и открыла глаза, увидѣла передъ собою чуднаго маленькаго зайчика, съ золотою шерстью, бархатными лапками и красивыми глазами. Онъ стоялъ передъ ней на заднихъ лапкахъ, и нѣжно — нѣжно смотрѣлъ на нее своими большими глазами, какъ будто оберегалъ ее сонъ. Когда царевна открыла глаза, зайчикъ сказалъ человѣческимъ голосомъ.

— Поиграй со мною, прелестная царевна!

„Во что хочешь, миленькій зайчикъ, чтобы я играла съ тобою?“ спросила царевна, и съ удивленіемъ и радостью замѣтила, что у нея развязался языкъ, и она говоритъ ясно и свободно.

— А вотъ я побѣгу, а ты догони меня. Зайчикъ побѣ-

жалъ, царевна за нимъ. Они бѣжали, можетъ быть, часъ, можетъ быть, день, можетъ быть, годъ, а, можетъ быть, и цѣлыхъ десять лѣтъ. Вдругъ царевна увидѣла передъ собою великолѣпный золотой дворецъ, окруженный тѣнистымъ садомъ, въ которомъ журчали прохладные, благоухающіе фонтаны. Чрезъ золотыя ворота зайчикъ юркнулъ во дворецъ, царевна за нимъ. Она увидѣла высокую лѣстницу, одна ступень которой была золотая, другая серебряная, третья желѣзная, четвертая мѣдная, пятая бронзовая, шестая мраморная и т. д. Не долго думая, царевна за зайчикомъ поднялась по этой лѣстницѣ, и увидѣла на верхней площадкѣ ея золотую дверь, которая вела въ роскошную комнату, блистающую золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями. Полъ былъ устланъ мягкими шелковыми коврами, потолокъ и стѣны украшены золотомъ, бирюзой и алмазами. По стѣнамъ были разставлены тахты изъ слоновой кости, съ золотыми ножками, а на нихъ мягкія бархатныя подушки. Въ каждомъ углу комнаты, на алебастровой табуреткѣ, стоялъ золотой тазъ, наполненный благоухающими куреньями. Прелестная царевна, очарованная этимъ великолѣпьемъ, стояла посреди комнаты и въ недоумѣніи искала глазами зайчика, но, вмѣсто зайчика съ золотою шерстью, она увидѣла передъ собою молодого, прекраснаго царевича, съ черными блестящими глазами, съ бровями радугой и красивыми кудрями; лицо его дышало отвагой и добротой. Высокому, прямому, какъ чинарь, стану его могли-бы позавидовать ангелы Аллаха. Онъ подошелъ къ царевнѣ и привѣтствовалъ ее такими словами: „Привѣтствую тебя, прелестная царевна, въ моемъ дворцѣ, который отнынѣ принадлежитъ тебѣ. Въ немъ до сихъ поръ не доставало только твоего чуднаго взора; если ты согласишься имъ украситъ мой дворецъ, то я и всѣ мои подчиненные будемъ твоими покорными рабами.“

— Кто же ты, прекрасный царевичъ, и гдѣ тотъ зай-

чикъ съ золотою шерстью, который заманилъ меня въ этотъ дворець? спросила трепещущая отъ страха царевна.

— „О, чудная, прелестная царевна, не бойся меня! Я сынъ могущественнаго и славнаго царя Чини-Мачина—Енгибара. Мое имя Шахъ-Нуриванъ. Злые родственники измѣннически убили моего отца и лишили меня престола. Одинъ великій колдунъ и волшебникъ, добрый другъ моего отца, спасъ меня отъ моихъ враговъ и скрылъ въ этомъ лѣсу. Онъ подарилъ мнѣ этотъ золотой дворець; онъ же, въ образѣ зайчика, чтобы не напугать тебя, заманилъ и тебя въ этотъ дворець. Колдунъ зналъ твою исторію, зналъ, какъ злая царица выгнала тебя изъ отцовскаго дворца, оберегалъ тебя отъ хищныхъ звѣрей тамъ, въ лѣсу. Когда ты спала, онъ своимъ искусствомъ развязалъ твой языкъ и надѣлилъ тебя даромъ слова.“

Царевна со слезами на глазахъ поблагодарила добраго царевича и его добраго друга, колдуна.

— „Не плачь, прекрасная царевна—воскликнулъ царевичъ: я знаю, что тебя, невинную, выгнали изъ дворца твоего отца. Я дарю тебѣ мой дворець. Хочешь ли быть моею женою?“ Царевна зардѣлась, и этимъ выразила свое согласіе. Она съ перваго же взгляда полюбила прекраснаго, добраго царевича. Вдругъ весь дворець освѣтился разноцвѣтными огнями, и невидимые сазандары начали играть чудныя райскія мелодіи. Вошли прекрасныя рабыни, которыя, распѣвая свадебныя пѣсни, одѣли изумленную царевну въ великолѣпное царское платье и повели ее въ другую комнату, гдѣ ждалъ ее царевичъ со своимъ другомъ колдуномъ. Добрый колдунъ благословилъ ихъ и подарилъ царевнѣ два золотыхъ яблока. „У тебя родятся два мальчика; ты подарить имъ эти золотыя яблоки. Они принесутъ твоимъ дѣтямъ счастье“—сказалъ колдунъ и въ ту-же минуту скрылся.

Счастливая царевна сдѣлалась женою прекраснаго царевича и была очень счастлива.

У нея, дѣйствительно, какъ предсказаль колдунъ, родились два мальчика, два прекрасныхъ ангела. Однажды дѣти играли въ комнатѣ золотыми яблоками, а царевна стояла у окна и смотрѣла вдаль. Вдругъ въ ея памяти воскресли былые дни, былыя времена: отецъ, добрый братъ, злая не-вѣстка, выгнавшая ее изъ отцовскаго дома, и слезы ручьемъ полились изъ ея прекрасныхъ глазъ; но въ ту-же самую минуту она замѣтила у воротъ своего дворца всадника и узнала въ немъ своего брата, милого брата, котораго она никогда не могла забыть. Всадникъ тоже взглянулъ на нее, но не узналъ своей сестры.

— „Прекрасная царица—сказаль онъ; ночь застигла меня въ лѣсу; я заблудился и потеряль дорогу. Я измучился отъ долгой ходьбы, измучилась и моя лошадь. Не позволишь ли ты мнѣ провести ночь въ твоемъ дворцѣ?“

Царица тотчасъ-же приказала своимъ слугамъ впустить всадника во дворецъ. Конюхи взяли его лошадь и отвели въ конюшню; его ввели въ роскошную комнату, гдѣ былъ накрытъ для него роскошный столъ. За столомъ ему прислуживали красивыя дѣвушки. Когда онъ всталъ изъ-за стола, тѣ-же дѣвушки умыли ему ноги и руки душистой водой и повели его въ спальню, гдѣ была приготовлена для него мягкая бархатная постель. Царь легъ и тотчасъ-же заснулъ.

Между тѣмъ, царевна, узнавъ своего брата, приказала своимъ слугамъ накормить, напоить его и оказывать ему всевозможныя почести, но отнюдь не говорить, кому принадлежитъ этотъ дворецъ, и кто живетъ въ немъ.

Когда-же царь заснулъ, царевна безъ шума вошла въ его комнату и, положивъ золотыя яблоки, которыми играли ея дѣти, въ охотничью сумку брата, тихо вышла изъ комнаты. Проснувшись на другой день, царь хотѣлъ уже сѣсть на своего коня и уѣхать, какъ слуги, по приказанію царевны, задержали его. „Ты украдъ золотыя яблоки нашихъ царевичей—

сказали они: и мы не отпустимъ тебя.“ Царь разсердился. Онъ силой хотѣлъ вырваться изъ рукъ рабовъ, но тѣ, несмотря на его сопротивленіе, обыскали его, нашли золотыя яблоки въ его охотничьей сумѣ, и повели къ царевнѣ.

— „Смилуйся, царица—воскликнулъ несчастный, уличенный въ воровствѣ, царь: твои рабы обвиняютъ меня въ кражѣ золотыхъ яблокъ, клянусь Аллахомъ, я невиновенъ.“

— Царь! воскликнула царевна: видишь, какъ легко обвинить невиннаго, а, между тѣмъ, ты обвинилъ родную сестру въ убійствѣ твоего ребенка, повѣрилъ словамъ злой жены и неповинную ни въ чемъ выгналъ изъ дворца и оставилъ въ лѣсу на съѣденіе хищныхъ звѣрей.

— „О горе мнѣ! если моя сестра не была виновна, если я напрасно обвинилъ ее, лучше мнѣ умереть, чѣмъ остаться въ живыхъ. Царица, я достоинъ смерти: прикажи твоимъ слугамъ сейчасъ-же отрубить мнѣ голову.“

— Не горюй, милый братъ—сказала растроганная царевна: я твоя сестра! Ты обвинилъ меня въ убійствѣ твоего ребенка, но я была невинна, и Аллахъ спасъ меня...

Царь обнялъ сестру и началъ цѣловать ея руки, ноги, платье. Онъ не зналъ, какъ выразить свою радость,—вѣдь, онъ нашелъ свою милую сестру, которую считалъ умершей. Царица тоже не мало радовалась, найдя своего брата, котораго она никогда не переставала любить. Она рассказала ему, какъ злая царица, убивъ чудную птицу, любимаго коня и, наконецъ, ребенка, обвинила ее.

Въ тотъ-же день царь послалъ всадниковъ въ свою столицу, и они привезли къ нему злую царицу. Онъ приказалъ привязать ее къ хвосту дикой лошади и пустить ее по полямъ, по горамъ, по рвамъ, пропастямъ, такъ-что самымъ большимъ кускомъ отъ тѣла ея осталось только лѣвое ухо. Зло тамъ—добро здѣсь. Съ неба упало три яблока: одно мнѣ, другое рассказчику, третье муллѣ Ибрагиму (имя рассказчика).

4.

Злая мачиха.

Когда-то, говорятъ, жили мужъ и жена, а у нихъ была дочь, такая красавица, такая, что ни ѣсть, ни пить, а только любоваться ея красотой! Она была очень умна и добра, была свѣжа и румяна, весела и здорова. Съ утра до вечера она не знала ни отдыха, ни покоя: она и воду таскала, и комнату подметала, и хлѣбъ пекла, и обѣдъ готовила, и чинила, и вязала, и шила. Она никогда не уставала, никогда не жаловалась: всегда была весела, всегда смѣялась. Всѣ ее любили, всѣ ее уважали: отецъ въ ней души не чаялъ, мать безъ нея не могла бы жить.

Когда она смѣялась, смѣялись и гуріи въ дженнатѣ. Но не долго продолжалось ея счастье: скоро прошли веселые, беззаботные дни! Мать ея умерла, и она осталась одна съ отцомъ. Послѣ смерти матери, сердобольные сосѣди, родственники и знакомые, часто, очень часто твердили ея отцу, что ему слѣдуетъ непременно жениться другой разъ. „Мужъ безъ жены—говаривали они—все-равно, что домъ безъ фундамента. Въ домѣ должна быть женщина солидная, не очень старая и не очень молодая. Мы найдемъ тебѣ подходящую женщину, которая могла-бы присматривать за твоимъ домомъ, за добромъ. Ты, конечно, скажешь, что у тебя есть умная, добрая, работающая дочь, которая обладаетъ всѣми лучшими качествами женщины, но не забывай, что она все-таки дѣвушка и, вдобавокъ, еще прелестная, какъ Божій ангелъ. На нее нельзя положиться вполнѣ: она въ самомъ сумасшедшемъ возрастѣ, а кругомъ разные *лотти* (повѣсы): далеко-ли до грѣха? Молодая дѣвушка—порохъ, что отъ огня издали можетъ вспыхнуть. А отецъ развѣ можетъ слѣдить за тѣмъ, что у него дѣлается за спиною; для этого нуженъ женскій глазъ.“ Но нашъ вдовецъ долго противился, долго крѣпился; добрые друзья тоже

не унимались: они такъ настойчиво твердили о необходимости вторичной женитьбы, что онъ, наконецъ, уступилъ, и законнымъ *кебиномъ* ввелъ въ свой домъ вторую жену, вдову, не очень старую и не очень молодую. У нея была взрослая дочь, такая некрасивая, такая безобразная, что тошно было даже смотреть на нее. Вдобавокъ, она была лѣнтятка такая, что ей даже лѣнь было вставать, и съ утра до вечера она умѣла только валяться на *миндаръ* и приказывать другимъ: „Эй, ты, уложи меня! Эй, ты, подыми меня! Эй, ты, накрой меня! Эй, ты, напой меня! Эй, ты, накорми меня!“ Ее должна была водить повсюду несчастная падчерица. Она и умывала ее, и одѣвала, и дѣлала ей привязки, подвязки. А ужъ какъ не любила свою падчерицу злая мачеха! Такъ не любила, такъ не любила, что каждую минуту готова была растерзать зубами и пить ее горячую кровь!

Съ утра до вечера она не давала ей покою и заставляла исполнять всѣ домашнія работы: таскать воду, печь хлѣбъ красить домъ *гилясаромъ* *), чинить шаровары и платье лѣнтятки—дочери, да еще называла ее лѣнтяткой, дармоѣдкой. „Проклятая дармоѣдка, зачѣмъ ты не починила архалувъ моей милой дочери?“ „Проклятая лѣнтятка, веди мою дочь туда-то!“ „Эй, проклятая лѣнтятка, не видишь развѣ, что моей милой дочери пить хочется!“ Словомъ,—злая мачеха только и умѣла, что ругать, бить и отравлять жизнь своей несчастной падчерицы. Каждый день она давала ей кусокъ черстваго хлѣба, хотя сама со своею милою дочерью ѣла пловъ и *коурма*. Когда-же вечеромъ мужъ возвращался домой, злая мачеха начинала горько плакать и жаловаться на падчерицу лѣнтятку. „Такъ и такъ, твоя проклятая дочь ничего не дѣлаетъ: она умѣетъ только валяться на *миндаръ* и заставлять насъ работать за себя. Моя милая, бѣдная дочь цѣлый день не знаетъ

*) *Гилясаръ*, синяя земля, растворенная въ водѣ; ею красятъ стѣны, полъ и потолокъ татарскихъ домовъ.

отдыха; все она дѣлаетъ, всѣмъ она распоряжается. Нѣтъ, я не могу жить съ проклятой лѣвнтайкой: она даже бьетъ меня и не даетъ мнѣ ѣсть. Уведи ее отсюда, уведи, чтобы мои глаза не видѣли ея больше.“ Мужъ сначала не обращалъ вниманія на слова жены, но жена не унималась, каждый день она твердила: „Уведи, уведи ее, уведи эту проклятую лѣвнтайку изъ моего дома: я не хочу жить съ нею. Она убьетъ, зарѣжетъ меня.“ И такъ много она твердила, такъ настойчиво требовала, что, наконецъ, онъ рѣшился. Однажды онъ повелъ свою дочь въ лѣсъ, въ глухой, темный лѣсъ, и сказалъ ей: „Ступай немного впередъ, нарви цвѣтовъ, а я пока отдохну“.

Дочь пошла впередъ, а онъ, между тѣмъ, снялъ свою чуху и папаху, повѣсилъ на дерево, а самъ скрылся. Когда дочь возвратилась къ отцу и не нашла его, она стала искать его и тамъ, и здѣсь; наконецъ, увидѣла его чуху и папаху, и начала плакать. „Вахъ, вахъ, отецъ въ дерево обратился! Вахъ, вахъ, отецъ въ дерево обратился!“ Грустно пошла она впередъ. Шла она долго-ли, коротко-ли,—Аллахъ вѣдаетъ, но шла до тѣхъ поръ, пока отъ усталости ноги ея отказались итти. Тогда она сѣла подъ деревомъ и заснула. Въ этомъ положеніи засталъ ее молодой, прекрасный царевичъ, который въ этотъ день охотился въ лѣсу со своими нязирами и вязирами. Онъ увидѣлъ спящую подъ деревомъ прелестную, молодую дѣвушку, краше луны, краше солнца. Она какъ-будто улыбалась во снѣ, и эта улыбка была такъ очаровательна, такъ соблазнительна, что молодой царевичъ съ перваго-же взгляда безумно влюбился въ спящую красавицу. Онъ приказалъ своимъ спутникамъ не шумѣть, чтобы не разбудить ея. Когда-же красавица отерла свои большіе, чудные глаза и съ удивленіемъ смотрѣла кругомъ, ея взглядъ упалъ на очарованнаго ея красотою царевича; онъ какъ-будто только и ждалъ ея пробужденія, потому-что тотчасъ подошелъ къ ней, и спросилъ:

— „Кто ты такая, прелестная дѣвушка, и что дѣлаешь въ лѣсу одна?“

Она рассказала ему свое горе: „Такъ и такъ, злая мачеха прогнала меня изъ дома, а отецъ привелъ меня въ лѣсъ и бросилъ здѣсь на съѣденіе хищныхъ звѣрей.“

— „Поѣдемъ со мною, прелестная дѣвушка: я сдѣлаю тебя моею женою.“

Она поѣхала съ царевичемъ въ столицу его отца. Стала тамъ его женою и сдѣлалась царевной. Когда-же умеръ престарѣлый царь, мужъ ея сдѣлался царемъ, а она стала царицей. У нея родился мальчикъ, сынокъ—ангельчикъ. Она была очень, очень счастлива, потому-что всѣ ее любили, всѣ ее обожали за красоту, умъ и доброту. А царь-то ужъ и не зналъ, какъ выразить свою любовь.

Однажды царица стояла у окна и смотрѣла на улицу, вдругъ она замѣтила стоящаго у воротъ какого-то бѣдно-одѣтаго старика, который просилъ милостыню у царскихъ слугъ, и узнала въ немъ своего отца. Она тотчасъ-же привазала своимъ слугамъ ввести къ ней бѣднаго старика. Когда слуги привели къ царицѣ дрожащаго отъ страха старика, она бросилась въ его объятія съ восклицаніемъ: „Милый отецъ, я твоя дочь, развѣ ты не узнаешь меня?“ Старикъ обрадовался, найдя свою дочь. Онъ заключилъ ее въ объятія, сталъ цѣловать и просить прощенія. Дочь приказала своимъ слугамъ напоить, накормить старика и оказывать ему почести. Она одѣла его въ красивое платье, подарила много золота и драгоценныхъ вещей и отпустила домой. „Ступай и привези ко мнѣ твою жену, она будетъ моею матерью, а ея дочь моею сестрою—сказала она: я не помню зла.“

Старикъ возвратился домой и рассказалъ женѣ: „Такъ и такъ, моя дочь сдѣлалась царицей. Она живетъ во дворцѣ, ѣстъ только на золотыхъ блюдахъ, пьетъ только изъ золотыхъ чашекъ. Она не помнитъ зла и проситъ тебя и твою дочь къ

себѣ. “ Когда злая мачеха узнала, что ея нелюбимая падчерица сдѣлалась царицей, начала громко плакать, кричать, разорвала на себѣ одежду, исцарапала себѣ до крови грудь и лицо. „Амань! дадь! провлятая лѣнтяйка сдѣлалась царицей“ ...

„Ты уведи и мою дочь въ лѣсъ—сказала она мужу: если твоя проклятая дочь сдѣлалась царицей, то и моя дочь тоже должна быть царицей.“ Мужъ исполнилъ приказаніе жены. Онъ повелъ и свою падчерицу въ лѣсъ и оставилъ ее тамъ одну. Когда безобразная дочь злой мачехи осталась въ лѣсу, начала такъ громко хныкать и плакать, что со всѣхъ сторонъ собрались дикіе звѣри, и растерзали ее.

Черезъ нѣсколько дней злая мачеха сказала своему мужу: „Ступай въ лѣсъ и посмотри, что дѣлаетъ наша новая царица, моя милая дочь!“ Мужъ пошелъ въ лѣсъ и увидѣлъ только кости своей падчерицы.

Онъ собралъ ея кости, наполнилъ ими мѣшокъ и возвратился домой.

— „Ну, что? встрѣтила его жена на порогѣ дома: ты видѣлъ мою дочь? видѣлъ, какою она сдѣлалась царицей! Вѣрно, это она наполнила твой мѣшокъ золотомъ и драгоценными камнями. Покажи скорѣе, какіе подарки она присылаетъ мнѣ!“ „Это кости твоей дочери—сказалъ мужъ: ее растерзали звѣри.“ Злая мачеха такъ и ахнула. Она бросилась съ крыши, и умерла, а старикъ перешелъ на житье къ своей дочери, и сталъ жить, подъ ея крылышкомъ, мирно и счастливо. Съ неба упало три яблока: одно Аллаху, другое слушателямъ, третье рассказчику.

5.

О двухъ сиротахъ.

Жиль-былъ богатый купецъ. У него было двое дѣтей: сынъ Аскеръ, дочь Библи. Выпалъ такой день, такой часъ, такая минута, что купецъ этотъ захворалъ, и умеръ.

Добрые родственники по-своему распорядились съ богатствомъ куща, и выгнали изъ отцовскаго дома несчастныхъ сиротъ. Печально пошли братъ и сестра, куда глаза глядятъ. День былъ знойный: ихъ начала мучить жажда.

— Библи-джанъ, Библи-джанъ, мнѣ пить хочется—сказалъ Аскеръ.

— „Библи да будетъ твоею жертвою, Аскеръ-джанъ: потерпи немного, дойдемъ до родника.“

Пошли; долго-ли, коротко-ли—Аллахъ вѣдаетъ. Вдругъ Аскеръ увидѣлъ лужицу, наполненную водою: „Вотъ вода, Библи-джанъ, я выпью.“ „Не пей, Аскеръ-джанъ, это слѣдъ копытъ лошади: выпьешь, обратишься въ лошадь. Потерпи немного, скоро дойдемъ до родника.“ Пошли опять; долго-ли, коротко-ли—Аллахъ вѣдаетъ. Аскеръ увидѣлъ лужицу, наполненную водою. „Библи-джанъ, я выпью эту воду.“

— „Не пей, Аскеръ-джанъ, это слѣдъ копытъ коровы: выпьешь—обратишься въ корову. Потерпи немного—дойдемъ до родника.“ Пошли; долго-ли, коротко-ли—Аллахъ вѣдаетъ; вдругъ Аскеръ увидѣлъ лужицу, наполненную водою. „Позволь мнѣ, Библи-джанъ, напиться изъ этой лужицы: я умираю отъ жажды.“ „Не пей, Аскеръ-джанъ, это слѣдъ копытъ оленя: выпьешь—сдѣлаешься оленемъ. Потерпи немного, до родника не далеко.“ Пошли; долго-ли, коротко-ли—Аллахъ вѣдаетъ, но солнце жжетъ, и жажда ихъ мучить. Аскеръ увидѣлъ лужицу и, не спрося сестры, нагнулъ и выпилъ всю воду и тотчасъ-же обратился въ красиваго джейрана. Библи оглянулась, кликнула брата, но, вмѣсто брата, подбѣжалъ къ ней маленькій, хорошенькій джейранъ. Библи тотчасъ-же догадалась, что красивенькій джейранъ—ея братъ, и горько-горько заплакала. Она поцѣловала своего джейрана-брата и пошла съ нимъ впередъ. Наконецъ, они достигли родника и утоляли жажду. Библи для своего брата нарвала мягкой бархатной травы; усѣлась около него у родника, и начала цѣловать и

ласкать его. Въ это самое время проѣзжалъ мимо родника молодой, прекрасный царевичъ. Онъ увидѣлъ прелестную Библи съ джейраномъ, и сказалъ:

— Продай мнѣ этого прекраснаго джейрана, прелестная дѣвушка!

— „Нѣтъ, прекрасный царевичъ, я не продамъ его. Онъ не настоящій джейранъ. Онъ мой братъ.“ И тутъ она рассказала царевичу, какъ ея братъ обратился въ джейрана. Царевичъ былъ пораженъ красотою и умомъ Библи.

— Поѣдемъ со мною, прелестная дѣвушка, сказалъ онъ, когда она кончила свой рассказъ: я буду защищать тебя и твоего брата отъ злыхъ людей.

Библи поблагодарила прекраснаго царевича и поѣхала съ нимъ. Она была такъ прелестна, такъ очаровательна, такъ умна, что царевичъ влюбился въ нее и женился на ней.

Она была очень счастлива. Добрые люди радовались ея счастью, и всѣ, безъ исключенія, любили и уважали прелестную, молодую царевну. Не любила ея только одна черная служанка: ей самой хотѣлось быть царицей. Отъ всего сердца она ненавидѣла свою госпожу и думала погубить ее. Однажды Библи, со своимъ братомъ, пошла гулять по берегу моря, за нею пошла черная, злая служанка. Улучивъ удобную минуту, когда около царевны не было никого, она схватила ее, привязала къ шеѣ тяжелый камень, и бросила въ море, а сама, переодѣвшись въ ея платье, пришла во дворецъ царевича. Царевичъ обманулся и принялъ ее за свою жену. Обманулись также и всѣ приближенные царевны. Никто не подозревалъ, что злая служанка могла погубить добрую царевну и занять ея мѣсто, тѣмъ болѣе, что она постоянно закрывала свое лицо и никому не показывалась. Не обманулся только джейранъ, братъ Библи. Онъ ничего не ѣлъ, ничего не пилъ а только бѣгалъ по берегу моря и жалобно звалъ свою сестру. Злая служанка, видя, что джейранъ ничего не ѣстъ, ни-

чего не пьеть, а только жалобно кричить, задумала погубить и его.

Она притворилась больной, слегла въ постель и начала жалобно охать и жаловаться.

— Что съ тобою, моя милая Библи? спросилъ царевичъ. „Охъ, и не спрашивай! Я умираю: видно, пришелъ мой конецъ,“ стонала она.

— Не безпокойся, моя ненаглядная Библи, я позову всѣхъ моихъ гакимовъ, и они въ одну минуту выльчатъ тебя.

— „Охъ, нѣтъ, ни одинъ гакимъ на свѣтѣ не можетъ помочь мнѣ! Есть только одно средство, трудное средство,— оно только поможетъ мнѣ. Но я не знаю, исполнишь ли ты мою просьбу?“

— Говори, моя возлюбленная, если нужно,—я достану для тебя и птичье молоко, и живую воду.

— „Нужно только зарѣзать нашего любимаго джейрана,“ сказала злая служанка. „Я выздоровѣю, когда съѣмъ его сердце.“

Царевичъ удивился. Джейранъ былъ братъ жены. Она до сихъ поръ такъ любила его, что даже не позволяла другимъ кормить его. Она сама своими руками кормила, поила его и вдругъ требуетъ, чтобы его зарѣзали. Дѣлать было нечего. Царевичъ приказалъ наточить ножи, нагрѣть воду и зарѣзать джейрана. Несчастный джейранъ догадался, что ему не долго остается жить. Онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ проститься съ сестрою и побѣжалъ на берегъ моря.

— „Библи-джанъ, Библи-джанъ, закричалъ онъ жалобно: наточили ножи, нагрѣли воду, меня хотять зарѣзать.“ А Библи изъ-подъ воды говоритъ ему:

— „Библи да будетъ твоею жертвою, Аскеръ-джанъ! рыба меня проглотила, тяжелый камень обрѣзалъ мнѣ шею, царскій же младенецъ, бѣлый, какъ вата, покоится въ моихъ объятіяхъ.“

Недалеко былъ царевичъ, онъ услышалъ разговоръ брата съ сестрою, и закричалъ: „Собирайтесь, собирайтесь, вѣрные мои рабы! закиньте шелковыя сѣти! вытащите большую рыбу, вытащите прекрасную царевну и бѣлаго, какъ вата, царскаго младенца!“ Собрались вѣрные рабы, закинули шелковыя сѣти, вытащили большую рыбу, распоролъ ей брюхо, и увидѣли сидящую въ немъ прекрасную царевну, а въ ея объятіяхъ прелестнаго, бѣлаго, какъ вата, царскаго младенца.

Библи позвала своего брата. Передъ ней теперь стоялъ не прежній джейранъ, а настоящій Аскеръ, ея милый братъ. Она обняла и поцѣловала своего брата. Царевичъ приказалъ привязать злую, черную служанку къ хвосту дикой лошади и пустить ее по полямъ, по холмамъ, по глубокимъ пропастямъ. Самымъ большимъ кускомъ отъ нея осталось только лѣвое ухо. Зло злой служанкѣ, добро моимъ слушателямъ.

Сказкѣ конецъ, доброму дѣлу начало.

Съ неба упало три яблока: одно Аллаху, другое слушателямъ, третье мнѣ, что останется—безмолвно проходящему.

6.

Сказка о трусѣ.

Не въ наше время, а давно, давно, когда свѣтъ былъ полонъ дивами, джинами, чудесами, въ одномъ городѣ одного государства жилъ былъ со своею женою и дѣтьми, со своими знакомыми и сосѣдами, съ друзьями и врагами—нѣкто Яджуджъ, маленькій человѣчекъ. Онъ былъ трусѣ, такой большой трусѣ, что ночью безъ жены не могъ выходить на дворъ. Захочется ему ночью на дворъ, онъ будитъ свою жену: „Вставай, жена, мнѣ на дворъ хочется!“ Услышитъ ли онъ шорохъ листьевъ, пискъ мышей, крикъ цыплятъ, прячется въ шароварахъ жены; а если ужъ громъ грянетъ, у него въ животѣ бурчитъ. . . .

Однажды ночью, когда жена и дѣти спали, нашъ трусь Яджуджъ, проснувшись, почувствовалъ себя крайне неловко: онъ поспѣшно разбудилъ свою жену:

— „Вставай, жена, вставай скорѣй, мнѣ на дворъ хочется.“

Несчастливая жена, проклиная свою судьбу и своего труса-мужа, встала съ теплой постели и вывела мужа на дворъ.

Ночь была лунная, свѣтлая, какъ свѣтлый Божій день. Нашъ трусь началъ оглядываться по сторонамъ.

— „Эхъ, какая прелестная ночь, воскликнуть онъ вдругъ: вотъ я понимаю въ этукую ночь напасть на караванъ, перебить всѣхъ и ограбить караванъ!“

— Замолчи, проклятый трусь, и займись лучше своимъ дѣломъ, замѣтила жена, не тебѣ напасть на караванъ и ограбить его.

— „Молчать, дочь шайтана, закричалъ вдругъ, расхрабрившись, трусь; не смѣй прерывать меня, когда я говорю. Развѣ ты не знаешь, что, когда мужъ говоритъ, жена обязана молчать. Я о подвигахъ разсуждаю, а ты прерываешь меня. Вѣдь ты должна постоянно помнить, что женщина создана изъ мизинца ноги мужчины, а мизинецъ развѣ смѣетъ разсуждать? Не напрасно же говорятъ, что у женщины волосы длинны, а умъ коротокъ.“

— Ахъ ты трусь, дармоѣдъ проклятый, ты еще разсуждать начинаешь! *Молтаны* (язычникъ) ты этакій, вѣдь ты на мѣстѣ умрешь, если я хоть на одну минуту оставлю тебя здѣсь, а ты думаешь тоже дѣлать нападеніе на караванъ.

— „А что же, сдѣлаю! А какъ ты думала! Пусть хоть тысяча человѣкъ будетъ въ караванѣ, а я всѣхъ перебую и ограблю караванъ.“

Эти слова труса такъ разозлили его жену, что она съ силою вытолкнула его на улицу и заперла дверь.

— Ступай теперь, проклятый трусь, ступай грабить ка-

раванъ! Клянусь Аллахомъ и головою моего первенца, что, если ты вернешься безъ добычи, я не пущу тебя въ свой домъ.

Несчастный трусъ, очутившись ночью на улицѣ, страшно испугался. Онъ началъ жалобно умолять, просить свою жену:

— „Полно, жена,пусти, милая, клянусь Аллахомъ и моею бородою, что я только пошутилъ съ тобою. Ну, какой же я разбойникъ, могу ли я грабить караваны и убивать невинныхъ людей. Развѣ ты не знаешь, что я никогда не возьму на свою душу такого большого грѣха. Ради Аллаха, милая жена, отопри дверь. Вѣдь ты знаешь, что я человѣкъ мирный, такой мирный, что боюсь даже ночью остаться на улицѣ, чтобы сосѣди не подумали чего-нибудь обо мнѣ.“

Но жена, не взирая ни на какія просьбы, не хотѣла пустить мужа въ домъ.

— Нѣтъ и нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, безъ добычи я не пущу тебя въ мой домъ. Ступай прежде ограбь караванъ, а затѣмъ приходи.

Несчастный трусъ, видя, что ничѣмъ не можетъ сломить упорства жены, и что она уже заперлась у себя въ комнатѣ и не слушаетъ его болѣе, сталъ проклинать свое самохвальство: „И шайтанъ же дернулъ меня глупости городить, сказалъ онъ: ну, какой же, въ самомъ дѣлѣ, я разбойникъ, чтобы могъ ограбить караванъ! Эхъ! не говори я этой глупости, теперь лежалъ бы подъ теплымъ одѣяломъ около жены, и не дрожалъ бы такъ отъ страха! Что же мнѣ теперь дѣлать? Эхъ, пойду лучше утоплюсь, пусть радуется злая жена, что избавляется отъ меня!“ И пошелъ онъ, куда глаза глядятъ; шель долго-ли, коротко-ли—Аллахъ вѣдаетъ, а усталость стала овладѣвать имъ. Уже начинало разсвѣтать, когда онъ дошелъ до небольшой деревни. Деревенскія собаки, будто чувствуя, что этотъ маленький человѣчекъ не представляетъ собою никакой опасности, не сочли нужнымъ привѣтствовать его входъ

въ деревню громкимъ лаемъ и другими, болѣе враждебными, выходками. Такимъ образомъ, нашъ трусъ, безъ всякаго препятствія со стороны людей и животныхъ, благополучно вошелъ въ деревню. Онъ постучался въ первыя двери деревенскаго домика и попросилъ кусокъ хлѣба. Ему отворила старуха, настоящая *Кватаръ-кюрси* (въ родѣ Бабы-яги въ русскихъ сказкахъ), она дала ему кусокъ хлѣба и сырое яйцо. Нашъ герой взялъ и то и другое. Яйцо онъ спряталъ себѣ въ карманъ, пригодится, молъ, когда-нибудь, и, забравшись въ какую-то деревенскую конюшню, началъ ѣсть съ аппетитомъ свой хлѣбъ. Но не тутъ то было. Деревенскія мухи, будто чувствуя, что съ нимъ не стоитъ церемониться, атаковали его со всѣхъ сторонъ. Онѣ лѣзли ему въ ротъ, въ носъ, въ уши, словомъ, во всѣ отверстія его трусливаго тѣла. Такая безцеремонность со стороны столь маленькихъ насѣкомыхъ крайне разозлила нашего труса. Осмотрѣвшись кругомъ, онъ увидѣлъ въ углу конюшни кусокъ толстой веревки, схватилъ ее и, вооружившись этимъ смертоноснымъ орудіемъ, вступилъ въ жестокой и кровавый бой со своими врагами. Глаза его налились кровью. Онъ наносилъ страшные удары налѣво и направо и беспощадно истреблялъ ихъ до тѣхъ поръ, пока несчастныя мухи, почувствовавъ силу его мускуловъ, не ретировались и не оставили побѣдоносному герою поля сраженія. Одержавъ такую блистательную побѣду, нашъ герой вздохнулъ радостно, какъ герой-побѣдитель, истребившій несмѣтное число враговъ. Онъ сосчиталъ павшихъ враговъ. Числомъ ихъ было сорокъ. Радостная улыбка озарила его мужественное лицо. Онъ побѣдоносно оглядѣлся кругомъ, будто приглашая въ свидѣтели такого неслыханнаго геройства всѣхъ невидимыхъ духовъ, спрятанныхъ въ разныхъ щеляхъ конюшни.

— „Вотъ геройство, такъ геройство! произнесъ онъ, наконецъ, самодовольно: однимъ ударомъ (а онъ забылъ, что ихъ

было сто одинъ) положить сорокъ душъ, да такого геройства и Рустами-Заль не совершилъ! Жаль, что моей жены не было здѣсь“.

Онъ взялъ дощечку и, не долго думая, написалъ на ней: „Герой Яджуджъ однимъ ударомъ положилъ сорокъ душъ“. Повѣсивъ эту дощечку на груди, онъ презрительно взглянулъ на трупы убитыхъ непріятелей и вышелъ изъ конюшни. Онъ не забылъ взять, какъ трофей прежней побѣды, ту толстую веревку, которою онъ поразилъ столько непріятелей, и спряталъ ее за пазуху.

Важно и гордо пошелъ впередъ нашъ герой. Всѣ, встрѣчавшіеся съ нимъ, тотчасъ сторонились, прочитавъ грозную надпись: „Герой Яджуджъ однимъ ударомъ положилъ сорокъ душъ“. Они боялись, чтобы этотъ страшный герой какъ-нибудь, нечаянно, не задѣлъ-бы ихъ. Но нашъ герой, не обращая ни на кого вниманія, шелъ своей дорогой; шелъ онъ — долго-ли, коротко-ли, Аллахъ вѣдаетъ, только къ полудню онъ достигъ одной рѣки. Такъ какъ день былъ жаркій и знойный, то онъ захотѣлъ освѣжить свое мужественное тѣло въ водѣ и затѣмъ уже продолжать путь. Онъ раздѣлся и вошелъ въ воду. Нѣсколько черепахъ, испугавшись плеска воды, а, можетъ быть, близости героя, положившаго однимъ ударомъ сорокъ душъ, поспѣшно впрыгнули въ воду. Только одна черепаха, будто сомнѣваясь въ его храбрости, не сочла нужнымъ искать спасенія въ водѣ, и осталась на берегу. Такое явное презрѣніе къ его славной личности показалось крайне обиднымъ нашему герою. Онъ поспѣшно вышелъ изъ воды, одѣлся и храбро бросился на дерзкую черепаху. Та сначала храбро защищалась, но, види безуспѣшность борьбы съ такимъ отважнымъ героемъ, принуждена была, въ концѣ концовъ, сложить оружіе, и сдаться въ плѣнъ. Великодушный герой спряталъ ее въ карманъ и продолжалъ свой путь. Шелъ онъ — долго-ли, коротко-ли, Аллахъ вѣдаетъ, но шелъ онъ до тѣхъ поръ, пока увидѣлъ передъ собою большой, темный лѣсъ.

Безъ боязни, безъ трепета, какъ подобаеть герою, знаменитому герою, онъ вошелъ въ этотъ лѣсу. Шелъ онъ по лѣсу, пока очутился передъ высокимъ, окруженнымъ высокими зубчатыми стѣнами, дворцомъ: это былъ богатый, роскошный дворецъ, блистающій золотомъ и драгоценными камнями. Нашъ герой гордо и смѣлою поступью вошелъ во дворецъ. Въ немъ не было ни одной живой души. Онъ осмотрѣлъ комнаты. Какіе великолѣпные, роскошные покои: такъ и блестятъ золотомъ, серебромъ, алмазами, яхонтами и другими драгоценными камнями. А богатствъ—то, богатствъ сколько! Желѣзные сундуки, полные золотомъ, бархатныя мутанки, шелковые мандары...—глаза нашего труса такъ и разбѣжались. Драгоценныхъ вещей было столько, что онъ не зналъ на чемъ остановиться, на что смотрѣть, чѣмъ любоваться! Онъ прошелъ въ конюшни, тамъ стоятъ великолѣпныя лошади, чистой арабской породы, сбруя вся золотая.... А гдѣ же хозяинъ этого чуднаго дворца? Кому принадлежитъ все это богатство? Вдругъ весь дворецъ задрожалъ... Нашъ герой обернулся и чуть было не умеръ отъ страха: передъ нимъ стоялъ страшный, безобразный дивъ, отъ одного дыханія котораго дрожали стѣны, а изъ носа и рта чудовища выходило пламя.

— „Добро пожаловать въ мой дворецъ, милый человѣкъ, привѣтствовало нашего знаменитаго героя страшилище: какъ я радъ видѣть тебя здѣсь! Сколько времени я уже не отвѣдывалъ вкуснаго человѣческаго мяса! Вотъ славный ужинъ будетъ сегодня у меня!“

Нашего героя морозъ пробралъ отъ этихъ словъ, онъ даже почувствовалъ, что въ его шароварахъ что-то неладно, но, къ счастью, онъ вспомнилъ, что онъ, вѣдь, тоже герой, знаменитый герой, выигравшій два блистательныхъ сраженія, и ободрился.

Онъ дерзко и храбро подошелъ къ диву и закричалъ громовымъ голосомъ:

— „Замолчи, дерзкій дивъ, а не то я сейчасъ размножу твою глупую башку“!

Дивъ, удивленный и испуганный его словами и его видомъ, отошелъ отъ него на нѣсколько шаговъ и спросилъ:

— „Кто ты, смертный, что осмѣливаешься говорить мнѣ такія дерзости? Какъ ты смѣлъ войти въ мой дворецъ? Ты развѣ не знаешь, что самый хитрый и храбрый человекъ боится приближаться къ нему, птица своими крыльями не пролетаетъ надъ нимъ, а змѣя своимъ брюхомъ не осмѣливается проползать подъ его стѣнами“.

— „Какъ, дерзкій дивъ, ты спрашиваешь, кто я? А развѣ ты не слыхалъ о героѣ Яджуджѣ, который однимъ ударомъ убилъ сорокъ душъ и одержалъ блистательную побѣду надъ страшнымъ чудовищемъ, закованнымъ въ каменные доспѣхи? Или ты не видишь надписи на моей груди“?

Дивъ взглянулъ на дощечку, висѣвшую на груди этого страшнаго героя, и струсилъ.

— Если ты такой знаменитый герой, сказалъ, наконецъ, дивъ, то ты долженъ непременно побороться со мною. Если ты побѣдишь меня, — я сдѣлаюсь твоимъ плѣнникомъ, и дѣлай со мною, что хочешь; если-же я останусь побѣдителемъ, — то ты сдѣлаешься моимъ плѣнникомъ.

— „Хотя изъ этой борьбы, безъ сомнѣнія, я выйду побѣдителемъ, отвѣчалъ Яджуджъ, и однимъ ударомъ убью тебя, но я предложу три легчайшихъ способа, чтобы разрѣшить нашъ споръ: кто изъ насъ выжметъ изъ камня разноцвѣтныя воды, на комъ найдется бѣльшее насѣкомое, чьи волосы будутъ толще и длиннѣе, — тотъ останется побѣдителемъ“.

Дивъ согласился. Онъ взялъ большой камень и такъ сильно сжалъ его въ своей рукѣ, что камень разсыпался въ мелкіе куски.

— „Только-то!“ усмѣхнулся презрительно нашъ герой, и, нагнувшись, будто поднимая съ земли камень, потихоньку до-

сталъ изъ своего кармана яйцо и такъ сжалъ его въ своей рукѣ, что оно 'разбилось, и изъ него вытекла разноцвѣтная вода: бѣлокъ съ желткомъ.

— И на этотъ разъ ты побѣдилъ меня, смертный, сказалъ дивъ, и протянулъ ему длинный, толстый, какъ веревка, волосъ.

Нашъ герой опять презрительно усмѣхнулся. Онъ всунулъ руку за пазуху и вытащилъ длинную, толстую веревку.

Дивъ выпучилъ глаза и, съ удивленіемъ, взглянулъ на него. Онъ уже дрожалъ.

— „Что, проклятый трусъ, ты уже дрожишь. Погоди, еще не то увидишь! Вотъ и насѣкомое“ — сказалъ нашъ герой, вынимая изъ пазухи большую черепаху — „покажи и ты что-нибудь подобное, а не то.... Но куда, куда ты бѣжишь проклятый трусъ, погоди немножко, дай-же мнѣ время разбить твою глупую башку... Впрочемъ, ты не уйдешь отъ меня, я и изъ земли достану тебя“.

Но дивъ уже скрылся изъ виду.

Весело и радостно вошелъ нашъ герой во дворецъ. Осмотрѣвъ еще разъ всѣ богатства, онъ отправился въ конюшню, вывелъ прекрасныхъ, сильныхъ лошадей, навьючилъ ихъ всякимъ добромъ и, благословляя Аллаха, отправился въ путь.

Но оставимъ пока нашего героя и посмотримъ, что случилось съ дивомъ. Едва чувствуя подъ собою ноги, онъ добѣжалъ до опушки лѣса и, сѣвъ тамъ на камнѣ, сталъ горько проклипать свою несчастную судьбу. Съ одной стороны, онъ былъ радъ, что спасся отъ явной смерти, а съ другой стороны, — онъ не могъ примириться съ мыслию, что былъ побѣжденъ слабымъ смертнымъ. Въ такомъ положеніи застала его хромая лисица. Низко поклонившись диву, она спросила его:

— „Что опечалило нашего славнаго царя? О чемъ онъ горюетъ?“

Дивъ разсказалъ лисѣ свое горе: „Такъ и такъ, страшный герой изъ смертныхъ сегодня побѣдилъ меня и чуть было не убилъ, я спасся только бѣгствомъ.“

— „Какъ! слабый смертный побѣдилъ великаго царя льсовъ! воскликнула хромая лисица: о великій падишахъ, этотъ слабый смертный обманулъ тебя своею хитростью. Я знаю людей: они сильны только своимъ умомъ. О, славный, великій падишахъ! что скажутъ всѣ жители лѣса, всѣ твои подданные, когда узнаютъ, что ихъ великій властелинъ, гроза свѣта, былъ побѣжденъ слабымъ смертнымъ. О, вернись, вернись и накажи этого дерзкаго изъ ненавистнаго мнѣ рода смертныхъ. Ахъ, какъ я жажду ихъ крови! Они, безсовѣстные, сломали мою ногу“.

Дивъ повѣрилъ словамъ лисицы, и поспѣшно направился къ своему дворцу, чтобы наказать дерзкаго смертнаго, осмѣливаго обмануть его, великаго дива, передъ которымъ дрожать всѣ люди и животныя. Лиса, прихрамывая, тоже послѣдовала за нимъ. Когда нашъ герой замѣтилъ бѣжавшаго, по направленію къ дворцу, страшнаго дива, съ лисой, онъ тотчасъ же въ своей умной головѣ составилъ планъ, какъ и на этотъ разъ избавиться отъ великана. Еще издали онъ крикнулъ: — „Ахъ ты, проклятая лиса, вѣдь, когда я поймалъ тебя въ моемъ курятникѣ, то освободилъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты привела ко мнѣ двухъ дивовъ, а теперь ты приводишь только одного... да этотъ и безъ того принадлежитъ мнѣ“.

Волосы стали дыбомъ отъ страха на головѣ дива, когда онъ услышалъ эти слова.

Онъ съ силою швырнулъ отъ себя лису, говоря: „Умри, проклятая лиса, ты привела меня сюда, чтобы вторично передать въ руки этого страшилища?“ и тотчасъ исчезъ...

Нашъ герой поблагодарилъ Аллаха, что онъ и на этотъ разъ спасъ его отъ смерти, и продолжалъ свой путь. Къ ве-

черу онъ доѣхалъ до города и постучался въ двери своего домика.

— „Кто тамъ“? послышался голосъ жены.

— Это я, жена, отвори скорѣй, лошади устали: онъ навьюченъ золотомъ.

Жена тотчасъ же отперла двери, припала своего героя-мужа въ объятія и стала цѣловать его.

Долгіе годы послѣ того они жили безбѣдно, мирно и счастливо. Жена уже больше не роптала, если ей иногда приходилось по ночамъ выводить своего героя—мужа на дворъ.

7.

Царевна-нищя

Молодой царевичъ, со своими нязирами и вязирами, отправился на охоту. Поохотившись до полудня, онъ приказалъ въ чистомъ полѣ разбить палатку, чтобы укрыться отъ палящихъ лучей солнца. Въ палаткѣ было душно и знойно. Царевича стала мучить страшная жажда. Онъ послалъ своихъ слугъ отыскать гдѣ-нибудь воды, но тѣ скоро возвратились съ пустыми руками. Послалъ онъ своихъ нязировъ и вязировъ, но и они возвратились ни съ чѣмъ. Тогда царевичъ рѣшился самъ объѣхать все поле. Вотъ онъ садится на своего коня, бросается въ одну сторону, бросается въ другую сторону, но безуспѣшно: воды нѣтъ нигдѣ. Наконецъ, онъ увидѣлъ большое дерево, а подъ деревомъ колодець. Онъ былъ полонъ до краевъ чистой, холодной, прозрачной, какъ стекло, водой. Царевичъ поспѣшно спрыгнулъ съ коня, подошелъ къ колодцу, нагнулся надъ нимъ, чтобы утолить свою жажду, но въ ту же минуту, будто пораженный сверхъестественнымъ явленіемъ, онъ вскрикнулъ и отскочилъ отъ колодца. Въ водѣ онъ увидѣлъ прелестную, очаровательную дѣвушку, неописан-

ной красоты. Царевич такъ былъ пораженъ чуднымъ образомъ, замѣченнымъ имъ въ колодецѣ, что могъ только произнести ими Аллаха. Однако, немножко успокоившись, онъ опять подошелъ къ колодецу и заглянулъ въ него. Теперь только онъ замѣтилъ свою ошибку: въ водѣ не было никакой красавицы— это было только отраженіе прелестнаго образа дѣвушки, сидящей на деревѣ. Царевичъ поднялъ голову. Если раньше онъ былъ пораженъ, замѣтивъ только ея образъ въ водѣ, то теперь, видя ее передъ собою, онъ чуть было не лишился разсудка: онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, не вѣрилъ потому, что первый разъ въ жизни онъ видѣлъ такую чудную красавицу. Она, дѣйствительно, была прелестна, прелестна, какъ гурія дженната, очаровательна, какъ райскій садъ, мила, какъ первый день весны, свѣжа, какъ роза въ садахъ Гюлистана. Обладай такой дѣвушкой—и не пожалѣешь, что лишился рая! Поцѣлуй эти коралловые уста—и не позавидуешь самому пророку въ раю! Улови этотъ чудный взглядъ, дышавшій знойной волной,—и не станешь мечтать больше о чудныхъ, небесныхъ взглядахъ райскихъ дѣвъ!

Долго смотрѣлъ очарованный царевичъ на это чудное явленіе, долго онъ любовался, сидящимъ на вѣткѣ дерева, очаровательнымъ созданіемъ. Онъ не могъ отвести отъ дѣвушки своихъ глазъ и будто хотѣлъ поглотить ее своимъ взглядомъ.

Дѣвушка тоже смотрѣла на него и, казалось, боялась страстнаго взгляда царевича. Наконецъ, царевичъ встрепенулся, какъ будто только что пробудившись отъ сна и, протянувъ свои руки, воскликнулъ:

— „Кто бы ты ни была: гурія дженната или дочь матери, ангель ли небесный или грѣшница свѣта, смертная или безсмертная,—не томи, пожалѣй меня, слѣзай съ дерева“.

— Ты не обидишь меня, добрый господинъ? сказала чудная красавица такимъ сладкимъ, мелодичнымъ голосомъ,

что у бѣднаго царевича кровь остановилась въ жилахъ, онъ боялся дышать.

— „Не бойся меня, очаровательная дѣвушка, я не сдѣлаю тебѣ никакого зла. Клянусь Аллахомъ и его великимъ пророкомъ, что не трону ни одного волоска на твоей головѣ.“

Дѣвушка слѣзла съ дерева, и тутъ только царевичъ замѣтилъ, что она была бѣдно одѣта. На ней были лохмотья — и скорѣе, она была полуодѣта. Но красота ея формъ, плохо скрываемая костюмомъ, еще болѣе очаровывала и раздражала царевича, онъ бросилъ страстный взглядъ на роскошные изгибы ея стана и плечей, и, съ трепетомъ, сталъ созерцать роскошную ея грудь.

„Кто ты такая, прелестная гурія? спросилъ, наконецъ, царевичъ. Отъ кого ты скрываешься на деревѣ?“

— Мой добрый господинъ, я нищая, — бѣдная, безпріютная нищая, отвѣтила чудная красавица: я шла въ городъ собирать милостыню для моего отца. Издали я замѣтила тебя, и, побоявшись, чтобы ты не обидилъ меня, взлѣзла на дерево.

— „Ты нищая и шла собирать милостыню?“ спросилъ разочарованный царевичъ. До сихъ поръ онъ воображалъ, что видить передъ собою царевну.

— Да, мой добрый господинъ, я нищая, и отецъ мой тоже нищій. Мы живемъ подаваніями добрыхъ людей. Мой отецъ боленъ, и не могъ сегодня сопровождать меня. Повѣришь ли, мой добрый господинъ, обратилась она вдругъ къ царевичу жалобнымъ голосомъ, сегодня третій день, какъ мы съ отцомъ ничего не ѣли. Подай, добрый господинъ, подай, ради Аллаха, бѣдной нищей на хлѣбъ! Да буду я жертвою праха ногъ твоихъ, да перейдетъ ко мнѣ твоя болѣзнь, твое горе, да поможетъ тебѣ Первердигаръ-Аллахъ, — подай бѣдной нищей на хлѣбъ! Пораженный, изумленный царевичъ стоялъ передъ нею ни живъ, ни мертвъ. Онъ не хотѣлъ вѣрить своимъ ушамъ.

Прелестная, чудная дѣвушка, которая казалась ему гурией дженната, оказывается нищей, бѣдной, бездомной нищей, которая протягиваетъ руку прохожему и проситъ милостыню. — „О злая, злая судьба! Да что-же, что она нищая! Развѣ нищія не люди! Развѣ не одинъ и тотъ-же Аллахъ создалъ и нищаго, и царя! Развѣ не одно и то-же солнце свѣтитъ тому и другому? Развѣ не однимъ и тѣмъ-же воздухомъ дышать и царь, и бѣдный? Развѣ она виновата въ томъ, что она нищая, и что ея родители нищія? Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же она виновата, что родилась и выросла въ хижинѣ нищихъ, а не въ раззолоченныхъ царскихъ дворцахъ? За то своей чудной красотой она заслуживаетъ того, чтобы быть царицей, она достойна жить въ царскомъ дворцѣ, повелѣвать людьми“.

Такъ думалъ царевичъ, и его взглядъ ясно говорилъ, что онъ больше не разстанется съ чудной красавицей.

— „Нѣтъ, прелестная, очаровательная дѣвушка, воскликнулъ царевичъ, ты не нищая и не должна быть нищей. Я царевичъ и люблю тебя больше своей жизни. Ты станешь моею женою, ты будешь жить во дворцѣ, будешь одѣваться въ царскія платья, будешь ѣсть изъ золотыхъ блюдъ. Рабы и рабыни будутъ прислуживать тебѣ“.

Сказавъ это, царевичъ обнялъ ее, посадилъ съ собою на своего коня и быстро помчался со своею добычею къ своимъ нязирамъ и вязирамъ. Онъ приказалъ немедленно разобрать палатку и отдалъ повелѣніе возвращаться домой. Приѣхавъ въ свою столицу, царевичъ поручилъ свою невѣсту служанкамъ, которыя выкупали ее, облили благоухающими маслами, одѣли въ великолѣпное царское платье, украшенное золотомъ и драгоценными камнями,—и ея удивительная красота сдѣлалась еще болѣе поразительной, еще болѣе чудной. Когда царевичъ увидѣлъ ее въ этомъ видѣ, то чуть было не умеръ отъ любви къ ней. Онъ повелъ ее къ своему отцу, который не меньше его былъ пораженъ чудной красотой дѣвушки. Но,

когда сынъ разскалъ ему, при какихъ условіяхъ онъ на-
шелъ ее, царь сказаъ ему:

— „Сынъ мой, помни, что каждый человѣкъ долженъ выби-
рать себѣ невѣсту изъ своего круга. Неравные браки нико-
гда не могутъ быть счастливыми. Ты царевичъ, слѣдовательно,
долженъ жениться на царской дочери или, по меньшей
мѣрѣ, на дочери нязира или вязира, а ужъ никакъ не на
нищей дѣвушкѣ, которая вчера еще протягивала каждому
встрѣчному руку за подаваніемъ. Какъ заяцъ всегда останется
зайцемъ, и никогда не сдѣлается львомъ, такъ и нищая все-
гда останется нищей, и никогда не сдѣлается царицей, хоть
ты одѣвай ее въ царскія платья, надѣнь ей на голову царскую
корону: въ ней когда-нибудь заговоритъ кровь нищей“.

Но сынъ не хотѣлъ слушать совѣтовъ отца.

— Это глупые предрасудки, сказаъ онъ: человѣкъ
всегда останется человѣкомъ. У нищей такая-же красная
кровь, какъ и у царской дочери.

Сколько ни просилъ, сколько ни умолялъ отецъ, чтобы
онъ не женился на нищей дѣвушкѣ (онъ даже пригрозилъ
лишить его престола), но сынъ все твердилъ:

— Или она, или смерть, вотъ мое рѣшеніе.

Такъ какъ онъ былъ единственный сынъ, и отецъ лю-
билъ его безгранично, то, въ концѣ концовъ, волей или не-
волей, онъ долженъ былъ согласиться на этотъ бракъ: иначе-
жъ пришлось бы лишиться сына.

— „Дѣлай, какъ хочешь, сказаъ онъ, наконецъ. Дай
Богъ только, чтобы впослѣдствіи ты не раскаялся“.

Семь дней и семь ночей праздновалъ царевичъ свою
свадбу и женился на нищей дѣвушкѣ, которая, такимъ об-
разомъ, сдѣлалась царевной. Прошли мѣсяцы, прошли годы.
Новая царевна подарила своему мужу прелестнаго мальчика.
Они были очень счастливы, и ихъ счастьемъ, казалось, не бу-
детъ конца. Вдругъ молодая царевна начала тосковать, изны-

вать. Она похуѣла, пожелтѣла. Никого она не хотѣла видѣть, стала даже избѣгать своего мужа. Царевичъ встревожился: онъ до безумія любилъ свою жену. Онъ призывалъ всѣхъ гахимовъ, всѣхъ джандаровъ своего государства, но никто не могъ помочь царевнѣ. Царевичъ недоумѣвалъ: онъ не зналъ, чѣмъ объяснить грусть и тоску жены. Она ни въ чемъ не нуждалась, всѣ старались предупредить малѣйшія ея желанія.

— „Скажи мнѣ, моя ненаглядная, обратился, наконецъ, царевичъ къ своей женѣ, о чемъ ты тоскуешь? Можетъ быть чего-нибудь не достаетъ тебѣ,—скажи, и я на крыльяхъ-ли быстролетной птицы, на спинѣ-ли добраго коня,—а достану тебѣ то, чего ты хочешь“.

— Позволь мнѣ, мой возлюбленный, на одну недѣлю запереться въ моей комнатѣ. Видь постороннихъ раздражаетъ меня; я успокоюсь, и будь увѣренъ, что я выздоровѣю, и ты увидишь меня такой, какой желаешь,—отвѣчала царевна.

Царевичъ позволилъ.

Черезъ недѣлю, дѣйствительно, она вышла изъ своей комнаты здоровой, свѣжей, прекрасной, какъ и была прежде.

Не разъ послѣ этого царевна запиралась въ своей комнатѣ, когда она чувствовала припадки тоски и грусти, и всегда выходила оттуда здоровой и свѣжей.

Наконецъ, это заинтересовало царевича. Онъ захотѣлъ непременно узнать, зачѣмъ царевна запирается въ своей комнатѣ? Что она тамъ дѣлаетъ? Какая тайна скрывается здѣсь? Однажды, когда царевна опять заперлась, царевичъ подошелъ къ дверямъ ея комнаты и заглянулъ въ щель. То, что онъ увидѣлъ, дѣйствительно, показалось ему ужаснымъ,—онъ не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ:

Комната была бѣдна, очень бѣдна. Въ ней не было никакихъ украшеній. Всѣ драгоцѣнности были вынесены. На полкахъ, на окнахъ, на тахтѣ были разложены куски хлѣ-

ба. Царевна, одѣтая въ нищенскія лохмотья, подходила, поочередно, то къ полкамъ, то къ окнамъ, то къ тахтѣ и, протягивая руки, жалобнымъ голосомъ просила: „Подай, ради Аллаха, кусокъ хлѣба. Подай бѣдной, бездомной нищей. Вотъ уже третій день, какъ я ничего не ѣла. Отецъ и мать больны и лежатъ дома голодные. Не обижай бѣдную нищую; да буду я жертвою праха ногъ твоихъ, да перейдетъ ко мнѣ твоя болѣзнь, твое горе,—подай кусокъ хлѣба“! И, взявъ кусокъ, она клала его въ свою нищенскую суму, послѣ чего подходила къ другому куску, и тѣмъ-же умоляющимъ голосомъ просила подать бѣдной, голодной нищей кусокъ хлѣба.

У царевича волосы стали дыбомъ. Онъ вспомнилъ предсказаніе своего отца, что нищая всегда останется нищей. Какъ правъ былъ его отецъ...

Раздраженный царевичъ ворвался въ комнату своей жены и, въ ея лохмотьяхъ, вытолкнулъ ее на улицу.

8.

Сказка о прекрасной царевнѣ.

Это было въ то время, когда кромѣ Аллаха никого не было. Былъ царь, а у этого царя былъ единственный сынъ. Онъ былъ прекрасенъ, какъ Искандеръ Зюльгернейнъ, уменъ, какъ Логманъ, храбръ, какъ Рустеми-Заль. Звали его Шахъ-Исмаиломъ. Однажды онъ отправился на охоту. Долго онъ скакалъ по полямъ, по лѣсамъ, по горамъ, но не нашелъ ни одного звѣря. Онъ уже хотѣлъ воротиться домой, какъ вдругъ подъ однимъ кустикомъ, между фіалками, замѣтилъ маленькаго, красиваго зайчика, съ золотою шерстью, съ бархатными лапками. Зайчикъ былъ такъ красивъ, такъ прелестенъ, что Шахъ-Исмаилу захотѣлось непременно поймать его живымъ. Онъ слѣзъ съ коня и хотѣлъ подкрасться къ звѣрьку, чтобы поймать его, но зайчикъ, будто угадавъ его мысль, выпрыг-

нуль изъ—подъ кустика и пустился бѣжать. Шахъ-Исмаиль за нимъ. Бѣжить зайчикъ, — Шахъ-Исмаиль за нимъ; бѣжить чудный звѣрекъ, — царевичъ за нимъ. Бѣгутъ они, не оглядываясь по сторонамъ, бѣгутъ, оставивъ за собою темные лѣса, высокія горы, широкія поля, быстрыя рѣки, глубокія моря. Бѣгутъ они—и въ свѣтлый Божій день, и въ злую, темную ночь. Не выдержалъ добрый конь царевича, задрожалъ, захрапѣлъ и упалъ, а зайчикъ, съ золотою шерстью, съ бархатными лапками скрылся изъ виду. Грустно и печально пошелъ Шахъ-Исмаиль, куда глаза глядятъ. Шелъ онъ—долго-ли, коротко-ли, далеко-ли, близко-ли, — Аллахъ вѣдаетъ; шелъ день, шелъ другой, шелъ третій и, наконецъ, сѣлъ подъ однимъ деревомъ отдохнуть и скоро заснулъ. Проснувшись, онъ увидѣлъ недалеко отъ себя трехъ дивовъ, которые громко спорили между собою. Шахъ-Исмаиль хотѣлъ незамѣтно скрыться отъ дивовъ, но тѣ увидѣли его и сказали:

— „Вотъ смертный, который своимъ умомъ разрѣшить нашъ споръ“.

Говоря это, они подошли къ нему.

— „У насъ три вещи, сказали они,—три вещи, обладающія тремя чудными свойствами: коверъ—самолетъ, на который стоитъ только сѣсть и сказать: „вези меня, коверъ—самолетъ, въ такое-то мѣсто“, и тотчасъ очутишься въ желаемомъ мѣстѣ; шапка-невидимка, надѣнь ее и никто:—ни джинъ, ни человекъ, ни смертный, ни бессмертный не увидитъ тебя, между тѣмъ, ты всѣхъ видишь, всѣхъ замѣчаешь;—и скатерть-самобранка: если ты голоденъ, разверни передъ собою скатерть, говоря: „развернись, скатерть, развернись“, и въ ту же минуту передъ тобою явятся всевозможныя вкусныя кушанья, какихъ бы ты ни пожелалъ, фрукты изъ райскаго сада и вино изъ дженната. Теперь мы споримъ о томъ, кому владѣть скатертью. Каждый изъ насъ желаетъ получить ска-

терть, и никто не соглашается уступить ее другому. Ты долженъ разрѣшить нашъ споръ“.

— Вали споръ разрѣшить очень легко—сказалъ царевичъ: я выстрѣлю изъ лука, и кто изъ васъ раньше принесетъ мнѣ стрѣлу, тотъ и получитъ скатерть.

Дивы остались довольны мудрымъ предложеніемъ царевича.

Царевичъ крѣпко натянулъ лукъ, выстрѣлилъ, и дивы побѣжали за стрѣлой.

Между тѣмъ, царевичъ взялъ скатерть, свернувъ ее, положилъ себѣ въ карманъ, надѣлъ шапку-невидимку, сѣлъ на коверь-самолетъ и сказалъ: „вези меня, коверь-самолетъ, въ жилище зайчика“. Тотчасъ-же черезъ широкія поля, черезъ высокія горы, темныя лѣса, глубокія моря коверь-самолетъ перенесъ царевича къ отверстию какой-то норы. Царевичъ вынулъ свой кинжалъ и сталъ расширять отверстие. Расширивъ немножко нору, онъ увидѣлъ передъ собою золотую лѣстницу на мраморныхъ столбахъ, спустился по этой лѣстницѣ и очутился въ большомъ, прекрасномъ, очаровательномъ саду, который былъ окруженъ высокими серебряными стѣнами, съ золотыми воротами.

Въ саду росли деревья съ плодами, не простыми—а золотыми: яблоки золотыя, груши серебряныя, виноградъ яхонтовый, вишни изумрудныя. Весь садъ благоухалъ отъ аромата всевозможныхъ цвѣтовъ: здѣсь были—розы, маргариты, лиліи, фіалки, и много другихъ дивныхъ райскихъ цвѣтовъ. Въ каждомъ цвѣткѣ будто сидѣла гурія и услаждала воздухъ сада своимъ дыханіемъ. Прелестныя, чудныя птички, перепархивая съ одной вѣтки на другую, пѣли райскія пѣсни, и пѣніе ихъ, сливаясь съ журчаніемъ водъ мраморныхъ фонтановъ, обращало садъ въ чудный рай, которому могъ бы позавидовать пророкъ въ своемъ дженнатѣ. Дойдя до середины сада, царевичъ увидѣлъ великолѣпный дворецъ изъ чистаго золота. Золотая лѣстница, на мраморныхъ столбахъ, вела во внутреннія комна-

ты дворца. Шахъ-Исмаиль по этой лѣстницѣ поднялся вверхъ и очутился на прекрасной мраморной площадкѣ. Онъ замѣтилъ нѣсколько золотыхъ дверей, отворилъ одну и вошелъ въ великолѣпную, свѣтлую комнату, блистающую золотомъ и драгоценными камнями. Потолокъ ея изъ чудной бирюзы былъ усаженъ золотыми розами. Въ комнатѣ, на золотой тахтѣ, лежала молодая, прелестная, чудная красавица, сотканная будто изъ свѣта и дыханія дженната. Она спала, и ровное, спокойное ея дыханіе наполняло комнату благоуханіемъ райскаго сада. Шахъ-Исмаиль, когда увидѣлъ спящую чудную красавицу, тотчасъ-же воспламенился къ ней страстною любовью. Онъ тихонько подошелъ къ ней и поцѣловалъ въ прелестныя уста. Красавица встрепелась, она открыла свои чудныя, лучезарныя глаза и начала безпокойно осматриваться кругомъ, но, не увидя никого, успокоилась и опять заснула. Царевичъ повторилъ свой страстный поцѣлуй, — красавица вскрикнула, вскочила съ своего ложа и, со страхомъ и боязнью, начала смотрѣть по сторонамъ, но, не увидя ничего подозрительнаго, хотѣла уже опять лечь, какъ царевичъ безцеремонно ущипнулъ ее. Удивленная, испуганная красавица встала и начала безпокойно ходить по комнатѣ. Шахъ-Исмаиль крѣпко, крѣпко обнялъ ее и прильнулъ къ ея чуднымъ коралловымъ устамъ.

Она билась, барахталась въ его рукахъ, кричала, плакала, но царевичъ, не обращая никакого вниманія на ея крикъ, страстно цѣловалъ ея черныя, прелестныя глаза, мраморную шею, бѣлоснѣжную грудь. Наконецъ, красавица, утомившись бесполезною борьбою съ невидимымъ врагомъ, въ изнеможеніи бросилась на тахту и начала умолять:

— „Ахъ, довольно! довольно! Не мучь меня, ради Аллаха! Покажи себя! Дявь ли ты или человѣкъ, смертный или несмертный, другъ или недругъ, сжался надо мною“.

— Я твой другъ, о чудная, прелестная красавица, ска-

заль царевичъ, другъ, потому что люблю тебя, люблю больше жизни, больше рая.

— „Если ты правду говоришь, если ты, дѣйствительно, любишь меня, покажись! Гдѣ же это видало, гдѣ слыхано, чтобы скрывались отъ той, кого любить“.

— О, прелестная красавица, я покажусь тебѣ, если ты обѣщаешься быть моею.

— „Обѣщаюсь, я твоя“.

— Появляись.

— „Клянусь я головою моего отца и моей матери, клянусь я Аллахомъ и Его великимъ пророкомъ! Клянусь солнцемъ и луною! Клянусь моремъ и землею, огнемъ и водою! Клянусь востокомъ и западомъ, что я буду твоею“.

— Нѣтъ, моя прелесть, поклянись ты лучше молокомъ твоей матери!

Красавица, казалось, затруднялась. Царевичъ требовалъ такой влятвы, которой бы она не могла нарушить. Наконецъ, она произнесла:

— „Клянусь молокомъ моей матери, пусть оно ослѣпитъ мои глаза, если я не сдержу своей влятвы, что отнынѣ я принадлежу тебѣ, отнынѣ я буду любить и уважать тебя, старъ ли ты или молодъ, добрый или злой, красавецъ или уродъ, уменъ или глупъ. Покажись“!

Царевичъ снялъ свою шапку-невидимку и предсталъ передъ красавицей въ полномъ блескѣ своей поразительной красоты. Изумленная, пораженная его видомъ красавица вскрикнула и бросилась въ его объятія. Онъ обнялъ ее, прижалъ къ своей груди и покрылъ ея лицо, шею, руки, грудь пламенными, страстными поцѣлуями. Ихъ радости, казалось, не было конца. Горячими, страстными ласками они выражали другъ другу свою любовь. Шахъ-Исмаиль обнималъ и цѣловалъ красавицу, красавица обнимала и цѣловала его. Во взаимныхъ ласкахъ, въ горячихъ и нѣжныхъ выраженіяхъ люб-

ви, они не замѣтили, какъ прошелъ день и наступила ночь. Тогда красавица повела царевича въ спальню, отдѣланную золотомъ и драгоценными камнями, и уложила въ свою бархатную постель, а сама легла около него. Въ ея объятіяхъ счастливый царевичъ позабылъ весь свѣтъ....

Такъ они провели нѣсколько дней.

Царевичъ былъ очень счастливъ; онъ находился на верху блаженства. Не меньше его была счастлива и чудная красавица: она полюбила своего царевича горячею, преданною любовью. Но вдругъ она стала грустить и тосковать, казалось, какая-то черная, тревожная мысль преслѣдовала ее и не давала ей покою ни днемъ, ни ночью. Царевичъ замѣтилъ ея грусть и спросилъ у красавицы о причинѣ ея. Она заплакала, обняла его и горячо, горячо прильнула къ его устамъ.

— „Мой возлюбленный царевичъ, сказала она, мы были очень счастливы, такъ счастливы, что я позабыла даже сказать тебѣ, что намъ не долго придется наслаждаться нашимъ счастьемъ: завтра придетъ ко мнѣ злой дивъ“.

— О, если только это причиняетъ тебѣ грусть, — воскликнулъ царевичъ, не безповойся, я убью злого дива, какъ только онъ появится!

— „Ахъ! если бы только можно было убить его, промолвила грустно красавица, — но, къ несчастью, онъ заколдованъ: его не беретъ ни мечъ храбреца, ни стрѣла быстроглазаго.“

— Что же намъ дѣлать? воскликнулъ опечаленный царевичъ: я умру, но не уступлю тебя злему диву.

— „Ты выслушай, я расскажу тебѣ мою исторію, можетъ быть, тогда ты найдешь какое-нибудь средство избавить меня отъ него. Я дочь могущественнѣйшаго царя морей, Калай-Ламы. Злой дивъ былъ врагомъ моего отца. Онъ хотѣлъ похитить меня; но отецъ мой построилъ для меня на днѣ моря дворецъ и окружилъ его вѣрною стражей изъ большихъ

морскихъ рыбъ. Онѣ должны были оберегать и защищать меня отъ дива, но злой врагъ нашелъ средство обмануть бдительность моей стражи и похитить меня изъ моего морского дворца. Онѣ лишили меня свѣтлаго Божьяго дня, заперевъ въ этомъ замкѣ. Если, по временамъ, онѣ выпускаетъ меня на свободу, то, предварительно, придаетъ мнѣ видъ зайчика, съ золотою шерстью, чтобы я не могла скрыться. Въ недѣлю разъ онѣ приходятъ ко мнѣ и требуютъ, чтобы я сдѣлалась его женою. До сихъ поръ я отвергала его предложеніе, и всякій разъ онѣ уходитъ взбѣшеннымъ“.

Царевичъ выслушалъ внимательно прекрасную царевну.

— Отъ тебя зависитъ, моя ненаглядная царевна, скажешь онѣ, чтобы избавиться отъ ненавистнаго, злого дива. Завтра, когда онѣ придетъ къ тебѣ, ты постарайся не избѣгать его ласкъ, и, когда онѣ опять потребуетъ, чтобы ты сдѣлалась его женою, сдѣлай видъ, будто соглашаешься. Только проси, чтобы онѣ сказалъ, гдѣ обитаетъ его духъ. Когда мы узнаемъ это, то легко избавимся отъ него.

Царевна обѣщалась послѣдовать его совѣту. На другой день, проснувшись, они услышали страшный шумъ, какъ бы отъ сильнаго урагана. Весь дворецъ задрожалъ; потолокъ, полъ и стѣны начали колебаться. Царевичъ едва успѣлъ скрыться, какъ вошелъ огромный, безобразный дивъ:—изъ рта и носа его выходило пламя, отъ дыханія дрожала земля, взглядъ сверкалъ, подобно молніи. Дивъ вошелъ и началъ подозрительно нюхать воздухъ.

— „Я чувствую запахъ человѣческаго мяса, сказалъ онѣ такимъ голосомъ, что дворецъ поколебался,—слышу пріятный запахъ вкуснаго мяса. Поважи скорѣе, гдѣ спрятанъ смертный? Давно я не отвѣдывалъ человѣческаго мяса!“

— Что ты, мой властелинъ, мой господинъ! сказала прелестная царевна съ самымъ невиннымъ видомъ: какъ осмѣлится человѣкъ явиться въ твой дворецъ, когда птица

своими крыльями боится воснуться его, змѣя своимъ брюхомъ не осмѣливается проползать подъ его стѣнами.

— „А я тебѣ говорю, что ты спрятала смертнаго! Покажи мнѣ его, а не то самымъ большимъ кускомъ отъ тебя останется твое лѣвое ухо!“

— Въ такомъ случаѣ, если ты мнѣ не вѣришь, поиди самъ, захнывала царевна.

Дивъ осмотрѣлъ комнату, заглянулъ подъ тахты, но не нашелъ никого. Успокоившись, онъ положилъ свою голову на колѣна царевны и сталъ ласкаться. Царевна на его ласки отвѣчала ласками: она даже поцѣловала его страшную морду. Подъ ея нѣжными ласками дивъ окончательно растаялъ. Онъ обнялъ ее и сталъ просить, умолять, чтобы она согласилась быть его женою. Царевна же, обнявъ его, вдругъ заплакала.

— „Зачѣмъ ты плачешь, моя ненаглядная, моя красавица? Зачѣмъ орошаешь слезами свои чудные глаза?—спросилъ дивъ. Чего не достаетъ тебѣ? Скажи только, и я сію минуту достану для тебя звѣзды съ неба“.

— Какъ же мнѣ не плакать, мой возлюбленный дивъ, сказала прелестная красавица голосомъ страстно влюбленной дѣвочки, когда я знаю, что ты не любишь меня. Я давно уже изнываю отъ любви къ тебѣ, а ты, между тѣмъ, не обращаешь на меня никакого вниманія.

— „Я! я не люблю тебя!—воскликнулъ дивъ: кто же можетъ любить тебя больше меня?“

— Какъ же ты любишь, когда не хочешь доказать мнѣ своей любви.

— „Скажи только, чѣмъ я могу доказать тебѣ мою любовь, и я готовъ сдѣлать для тебя все на свѣтѣ“.

— Если ты, дѣйствительно, любишь меня, то скажи, гдѣ обитаетъ твой духъ?

— „Нѣтъ, моя возлюбленная царевна, проси чего-нибудь другого: этого я не могу сказать тебѣ“.

— Вот видишь, заплакала еще громче царевна, значить правда, что ты не любишь меня. Если бы ты любил меня, то не отказался бы исполнить мою просьбу.

— „А для чего ты желаешь узнать это?“ спросил дивь.

— Я хочу знать, въ безопасномъ ли мѣстѣ находится твой духъ. Я люблю тебя и боюсь, дрожу, когда подумаю, что какой-нибудь врагъ узнаетъ и погубить тебя, моего возлюбленнаго. Если бы я была увѣрена, что твой духъ находится въ безопасномъ мѣстѣ, я была бы вполне покойна.

Дивь повѣрилъ словамъ царевны и вотъ что рассказалъ ей:

— „За высокими горами, за темными лѣсами, за глубокими морями, въ такой-то землѣ, въ такомъ-то государствѣ, на высокой горѣ стоитъ дворецъ; въ этомъ дворцѣ есть темная комната, а въ той комнатѣ виситъ на потолокѣ мечъ-саморубъ; на кончикѣ того меча находится мой духъ. Если разъ ударить меня тѣмъ мечомъ, я умру,—если ударить два раза, я опять оживу“.

Царевна поблагодарила легкомысленнаго дива. Дивь опять положилъ голову на ея колѣна и заснулъ. Между тѣмъ, Шахъ-Исмаилъ сѣлъ на коверъ-самолетъ и сказалъ: „Вези меня, коверъ-самолетъ, за темные лѣса, за высокія горы, за глубокія моря въ такую-то землю, въ такое-то государство, въ такой то дворецъ, въ которомъ, въ темной комнатѣ, виситъ мечъ-саморубъ“,—и въ ту-же минуту коверъ-самолетъ перенесъ его въ темную комнату, гдѣ висѣлъ мечъ-саморубъ. Царевичъ поспѣшно схватилъ мечъ-саморубъ и пожелалъ опять очутиться во дворцѣ дива, въ комнатѣ царевны. Дивь еще спалъ, положивъ голову на колѣна прекрасной царевны, когда царевичъ явился въ комнату, съ мечомъ въ правой рукѣ. Онъ поднялъ мечъ, и сильно ударилъ имъ дива. Дивь открылъ глаза и сказалъ:

„Ударь еще, добрый молодецъ, не мучь меня!“

— „Нѣтъ, я разъ только родился отъ матери!“ сказалъ царевичъ, и вложилъ мечъ въ ножны. Дивь испустилъ духъ.

Царевичъ обнялъ прелестную царевну, прижалъ ее къ своей груди и сказалъ:

„Теперь ты свободна, моя возлюбленная! Мы поѣдемъ къ моему отцу, и ты сдѣлаешься моею женою“.

— Нѣтъ еще, мой возлюбленный царевичъ, я не вполнѣ свободна. Я должна спать сорокъ дней и сорокъ ночей, чтобы окончательно освободиться отъ чаръ, околдовавшихъ меня. Послѣ того только я могу вполнѣ принадлежать тебѣ.

— „Что-же я буду дѣлать въ продолженіе сорока дней? промолвилъ грустно царевичъ, — какъ я буду жить безъ тебя?“

— Я дамъ тебѣ сорокъ ключей изъ сорока комнатъ этого дворца, сказала прелестная царевна. Въ нихъ столько драгоценныхъ вещей, столько красивыхъ, чудныхъ предметовъ, что ты будешь въ восхищеніи. Ты можешь взять себѣ столько драгоценныхъ вещей, сколько пожелаешь. Только остерегайся отпирать двери сороковой комнаты. Отопрешь — погубишь и себя, и меня.

Сказавъ это, прелестная царевна положила свою голову на бархатную подушку и тотчасъ-же заснула.

Царевичъ взялъ ключи и пошелъ осматривать комнаты. Онъ отперъ первую комнату. Это была прелестная комната, блистающая золотомъ и драгоценными камнями: брилліантами, изумрудами, яхонтами. Но что больше всего привлекло вниманіе царевича, — это, стоящее посреди комнаты, красивое дерево изъ чистаго золота. Плоды на немъ были не простые, а брилліантовые. Золотые листья дерева, ударяясь другъ о друга, издавали чудные райскіе звуки.

Очарованный царевичъ долго внималъ этимъ чуднымъ звукамъ. На него напала какая-то пріятная, сладкая дремота, и онъ заснулъ подъ звуки этой райской музыки. Проснулся онъ на другой день.

Онъ сосчиталъ; оставалось до пробужденія царевны еще тридцать девять дней.

Онъ пошелъ во вторую комнату. Это была большая, просторная комната, отдѣланная драгоценными камнями тридцати цвѣтовъ. Золотые фонтаны выбрасывали драгоценные камни, которые, скатываясь по мраморному полу, переливались милліонами цвѣтовъ. Золотыя рыбы въ прозрачномъ, благоухающемъ бассейнѣ подхватывали драгоценные камни и подбрасывали вверхъ, отчего они искрились, какъ солнечные лучи.

Любуясь этимъ чуднымъ явленіемъ, царевичъ не замѣтилъ, какъ прошелъ день и наступила ночь. Но такъ какъ блескъ брильянтовъ превращалъ ночь въ день, то царевичъ и не могъ замѣтить, какъ прошла ночь и наступилъ день. Насытившись въ волю созерцаніемъ драгоценныхъ камней, онъ пошелъ въ третью комнату. Комната эта представляла собою прекрасный, чудный садъ, со всѣми чудесами дженната. Прелестныя райскія птицы, перепархивая съ вѣтки на вѣтку, распѣвали чудныя райскія пѣсни. Послушать разъ только этихъ пѣсень, насладиться этими звуками, — и можно бы безъ сожалѣнія оставить міръ!

Въ четвертый день онъ осмотрѣлъ четвертую комнату, затѣмъ пятую и т. д. Такимъ образомъ, въ тридцать девять дней онъ осмотрѣлъ тридцать девять комнатъ дворца. Наконецъ, наступилъ сороковой день, — день, когда должна была проснуться царица. Въ ожиданіи ея пробужденія, царевичъ ходилъ по комнатамъ дворца и любовался рѣдкими предметами.

Незамѣтно для самого себя, онъ очутился передъ дверями сороковой комнаты. Она была заперта. Царевичу вдругъ захотѣлось непременно узнать, что скрывается въ этой комнатѣ, но, вспомнивъ наставленіе царицы, онъ не рѣшился отпереть ея. Однакожъ, любопытство его было сильно возбуждено.

— „Интересно было бы знать, что скрывается въ этой комнатѣ? подумалъ онъ. — Зачѣмъ царица не желаетъ, чтобы я

отперъ ее? Пока она спитъ, я мелькомъ загляну въ нее и тотчасъ-же запру. Царевна ничего не узнаетъ“.

И, дѣйствительно, царевичъ, не долго думая, отперъ двери и вошелъ въ простую, бѣдную комнату, съ голыми стѣнами, съ землянымъ поломъ и такимъ-же потолокомъ. Въ одномъ углу комнаты онъ замѣтилъ, закованнаго въ тяжелыя желѣзныя цѣпи, огромнаго, безобразнаго дива. Онъ неподвижно сидѣлъ въ углу и еле-еле дышалъ. Мутными глазами онъ смотрѣлъ на большую мѣдную чашку, наполненную водою. Чаша эта стояла въ другомъ углу, такъ что несчастный дивъ могъ только смотрѣть на нее, но никакъ не могъ утолить своей жажды. Тяжелыя цѣпи мѣшали ему двигаться съ мѣста. Увидя вопедшаго царевича, онъ обратилъ къ нему свой умоляющій взоръ:

— „Сжался надо мною, великодушный смертный! произнесъ онъ умоляющимъ голосомъ: я умираю отъ жажды. Намочи, ради Аллаха, мои высохшія губы.“

Сострадательный царевичъ намочилъ пальцы и приподнесъ къ губамъ дива. Онъ жадно началъ лизать мокрые пальцы царевича.

— „Прекрасный царевичъ! ради Аллаха, ради любимой твоей царевны, сжался надо мною, дай мнѣ хоть глотокъ воды. Дай мнѣ умереть, благословляя твою доброту“!

Царевичъ наполнилъ чашку водою и поднесъ къ губамъ дива. Тотъ однимъ залпомъ осушилъ чашку, послѣ чего, казалось, приобрѣлъ новую силу: потухшіе его глаза заблестѣли, жилы его вздулись, голосъ приобрѣлъ твердость и звучность. Онъ сдѣлалъ движеніе, отчего цѣпи ослабѣли.

— „Еще чашку! одну только чашку!“—взвылъ дивъ умоляющимъ голосомъ.

Царевичъ опять поднесъ ему полную чашку. Дивъ съ наслажденіемъ выпилъ всю воду.

Утоливъ жажду, онъ почувствовалъ, что его страшная

сила воротилась, и разбилъ свои цѣпи. Ударомъ мизинца отбросивъ на нѣсколько шаговъ царевича, онъ стремительно выбѣжалъ изъ комнаты, побѣжалъ въ комнату спящей царевны, поднялъ ее своими могучими руками, выше облаковъ небесныхъ, выше тучъ черныхъ, и скрылся изъ виду.

Когда царевичъ очнулся, онъ сейчасъ-же побѣжалъ въ комнату царевны, но, увы, тамъ не оказалось прекрасной, милой царевны! Ударилъ онъ себя разъ по головѣ, ударилъ другой разъ по бедрамъ, что не послѣдовалъ совѣтамъ царевны, поддался проклятому любопытству, и, быть можетъ, на вѣки лишился своей прекрасной, очаровательной невѣсты.

Съ грустью и печалью онъ оставилъ дворецъ, гдѣ впервые позналъ высокое блаженство любви, и пошелъ, куда глаза глядятъ. Шелъ онъ—долго ли, коротко ли—Аллахъ вѣдаетъ. Шелъ день, шелъ другой, шелъ третій, шелъ четвертый и, наконецъ, увидѣлъ темную пещеру, а въ той пещерѣ старую, безобразную Кявтаръ-Кюрси: носъ до колѣнъ, зубы торчатъ выше головы—ниже ступни, волосы—дремучіе лѣса, одинъ глазъ, и то на темени. Плачетъ старуха—что ручки льются, смѣется, что громъ гремитъ, говоритъ—земля дрожить, изъ носа и рта пышетъ огонь! Сидитъ она на своихъ грудяхъ, скачетъ на пяткахъ. Ъсть горы, пьетъ ручки. Сидитъ, прикованная къ длинной цѣпи, а цѣпь изъ собственныхъ-же волосъ. Царевичъ подошелъ къ ней и привѣтствовалъ ее „саламомъ“.

— „Саламъ-алейкумъ, *нене* (бабушка)“!

— Алейкумъ-азъ-саламъ, *огуль* (сынъ)! Куда Аллахъ несетъ?

Царевичъ рассказалъ Кявтаръ-Кюрси свое горе.

— Ты, добрый молодецъ, сказала Кявтаръ-Кюрси, ослабь немножко мои цѣпи, и я скажу тебѣ, какъ найти прекрасную царевну.

Царевичъ взялъ мечъ и однимъ ударомъ отсѣкъ ея цѣпи.

— „Далеко, далеко,—сказала тогда Кявтаръ-Кюрси,—за высокими горами, за темными лѣсами, за глубокими морями,— тамъ, гдѣ вѣчно зеленѣетъ трава, гдѣ нѣтъ холодной зимы, нѣтъ знойнаго лѣта, гдѣ царствуетъ вѣчно молодая весна, цвѣтутъ розы и маргариты, а дыханіе дженната, зефиръ, какъ влюбленный юноша, играетъ нѣжными лепестками розъ и фіалокъ, гдѣ на своемъ голубо-бирюзовомъ тронѣ возсѣдаетъ Аллахъ,— находится великолѣпный золотой дворецъ. Злой дивъ заперъ прекрасную царевну въ этомъ прекрасномъ дворцѣ и приставилъ къ ней двухъ страшныхъ львовъ, которые день и ночь ходятъ кругомъ дворца и оберегаютъ царевну отъ постороннихъ глазъ. Она сидитъ во дворцѣ и плачетъ, плачетъ и обливается горькими слезами. Прекрасная плѣнница съ нетерпѣніемъ ожидаетъ своего возлюбленнаго. Глаза ея обратились въ быстротечные ручьи, сердце въ бурное море. Плачетъ она,— вмѣстѣ съ нею плачутъ и птицы, и звѣри, и растенія. Груститъ она,—не поютъ птицы; не улыбается,—не цвѣтутъ розы вокругъ дворца; вздыхаетъ,—стонутъ горы, долины, рѣки, моря. Пойдешь ты прямо, прямо; пройдешь горы, перейдешь рѣки, перейдешь моря. Пойдешь день, пойдешь другой, пойдешь третій и, наконецъ, увидишь чудный дворецъ, увидишь двухъ страшныхъ львовъ, день и ночь оберегающихъ тотъ дворецъ. Страшась ихъ, даже птицы не осмѣливаются пролетать надъ дворцомъ, змѣи не проползаютъ подъ его стѣнами. На—возьми эти два хлѣба! Когда ты дойдешь до дворца, кинь одинъ изъ этихъ хлѣбовъ одному льву, а другой другому. Они пропустятъ тебя. Ты войдешь во дворецъ и увидишь тамъ прелестную царевну. Она сидитъ и плачетъ, а дивъ, положивъ свою голову на ея колѣна, спитъ. Онъ долженъ спать три дня и три ночи.

Ты выведешь царевну изъ комнаты. На дворѣ увидишь красиваго, быстрого, какъ вѣтеръ, бѣлаго коня. Не успѣшь ты моргнуть, какъ онъ перенесетъ тебя и твою царевну дале-

ко, далеко отъ дворца дива. Дивъ проснется, замѣтитъ отсутствіе царевны, и тотчасъ-же пустится за тобой въ погоню. Я дамъ тебѣ три вещи, которыя обладаютъ тремя чудесными свойствами: гребень, иголку и яйцо. Когда дивъ будетъ близко отъ тебя, ты уронишь гребень, и тотчасъ-же между тобою и дивомъ подымутся высокія, большія горы; уронишь иголку,—земля покроется густыми, непроходимыми лѣсами; уронишь яйцо,—образуется глубокое море. Въ этомъ морѣ погибнетъ злой дивъ“.

Царевичъ поблагодарилъ Къвтаръ-Кюрси, взялъ два хлѣба, гребень, иголку и яйцо и отправился въ дорогу. Шель онъ—долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли—Аллахъ вѣдаетъ. Шель онъ день, шель другой, шель третій, шель четвертый, перешель горы, перешель рѣвки, перешель моря, наконецъ, увидѣлъ дворецъ дива, а передъ дворцомъ двухъ львовъ, которые не пускали во дворецъ ни людей, ни джиновъ, ни звѣрей.

Изъ двухъ хлѣбовъ—одинъ царевичъ бросилъ одному льву, а другой—другому, и самъ быстро вошелъ во дворецъ. Прекрасная царевна сидѣла на золотой тахтѣ и плакала, а безобразный дивъ, положивъ голову на ея нѣжныя колѣна, спалъ. Онъ спалъ, обвивъ нѣжный станъ царевны своими длинными усами и бородой. Когда прекрасная царевна, увидѣвъ своего возлюбленнаго царевича, улыбнулась, отъ сіянія ея улыбки расцвѣли розы и маргариты, птицы огласили воздухъ веселыми звуками нѣжной мелодіи. Она хотѣла броситься въ объятія царевича, но не могла двинуться съ мѣста, такъ какъ была связана по рукамъ и по ногамъ длинными усами и бородой дива. Царевичъ поднялъ свой мечъ, думая однимъ ударомъ отрубить голову дива. Онъ ударилъ своимъ мечомъ, но дивъ не двинулся даже съ мѣста; ударилъ другой разъ, дивъ все еще спалъ; наконецъ, послѣ третьяго удара, дивъ открылъ глаза и, пробормотавъ: „проклятыя блохи не

даютъ спать“, опять заснулъ. Царевичъ ударилъ еще разъ, но дивъ перевернулся на другой бокъ и захрапѣлъ.

Царевичъ, видя, что его мечъ не можетъ пронзить дива, въ отчаяніи началъ колотить себя въ грудь, проклиная свою судьбу.

— „Аманъ, мой возлюбленный, не отчаивайся! умоляла прекрасная царевна: черезъ часъ дивъ проснется—онъ убьетъ тебя, не дастъ пощады и мнѣ. На потолокъ виситъ мечъ, возьми его. Имъ только можно снять его бороду и усы.“

Царевичъ снялъ мечъ, отсѣкъ имъ бороду и усы дива и освободилъ царевну. Онъ обнялъ ее, вывелъ изъ комнаты, сѣлъ на бѣлаго коня, посадилъ передъ собою прекрасную царевну и, подобно вѣтру, тотчасъ-же скрылся изъ виду.

Когда дивъ, проснувшись, не нашелъ подлѣ себя царевны, онъ тотчасъ окликнулъ свою золочетинную свинью, сѣлъ на нее и пустился догонять царевича. Свинья бѣжитъ—земля дрожить, вѣтеръ ея не догонитъ, молнія ея не достигнетъ! Она не бѣжитъ, а летитъ! Вотъ она почти уже достигла бѣлаго коня, а конь дрожить, изъ ушей и ноздрей пламя пышетъ. Онъ узналъ голосъ своего хозяина, стоитъ и не двигается. Дивъ обнажаетъ свой мечъ.

Не одобровать тебѣ, добрый, прекрасный царевичъ! Слетитъ твоя буйная головушка! Отнимутъ твою прекрасную царевну!

Но царевичъ вспомнилъ наставленіе Кявтаръ-Кюрси: онъ уронилъ гребень, и за нимъ воздвиглись высокія, остроконечныя горы, которыя, нагромоздившись другъ на друга, касались своими вершинами неба. Дивъ остался за горами, а царевичъ, давъ шпоры коню, полетѣлъ впередъ. Дивъ отъ досады заплакалъ. Онъ махнулъ рукой, и свинья понеслась впередъ. Свинья скачетъ—земля дрожить, вѣтеръ ея не догонитъ, молнія ея не достигнетъ! Она не скачетъ, а летитъ! Она взбирается на высокія горы, спускается въ глубо-

кія пропасти, бѣжитъ она, бѣжитъ, не оглядываясь! Вотъ она перешла послѣднія горы, вонъ уже поле, а тамъ далеко, далеко скачетъ на бѣломъ конѣ прекрасный царевичъ, обнявъ прекрасную царевну. Дивъ закричалъ, свинья не скачетъ, а летитъ! Вотъ она почти достигла уже бѣлаго коня, а конь стоитъ и не двигается: онъ узналъ голосъ своего хозяина.

— Не сдобровать тебѣ, добрый, прекрасный царевичъ! Слетитъ твоя красивая, буйная головушка!

Но Аллахъ великъ! Царевичъ вспомнилъ наставленіе Кявтаръ-Кюрси: онъ уронилъ иголку. Изъ земли выросъ темный, большой лѣсъ съ высокими, толстыми деревьями. Дивъ остался за нимъ. Отъ досады онъ заплакалъ, но снова махнулъ рукой. Свинья рванулась впередъ. Она бѣжитъ — земля дрожитъ! Колючки царапаютъ преслѣдователей до крови, деревья задерживаютъ ихъ. Дивъ кричитъ, — лѣсъ стонетъ, а свинья бѣжитъ. Она бѣжитъ межъ колючими кустами, цѣпкими травами, густыми деревьями! Вотъ она, наконецъ, вышла изъ лѣсу, вонъ уже чистое поле, а тамъ далеко, далеко мелькаетъ фигура отважнаго царевича: онъ скачетъ, обнявъ свою прелестную царевну. Свинья не скачетъ, а летитъ! Она уже достигла бѣлаго коня, а конь стоитъ и не двигается. Дивъ подымаетъ свой мечъ.

— Не сдобровать тебѣ добрый, прекрасный царевичъ! Слетитъ твоя красивая, буйная головушка!

Но онъ уже уронилъ яйцо, — оно разбилось, и образовалось глубокое, буйное, безбрежное море, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину. Дивъ остался за моремъ. Отъ досады онъ заплакалъ. Промедливъ минуту, онъ махнулъ рукою и вогналъ свинью въ море. Она плыветъ, изъ силъ выбивается, но безъ конца безбрежное море. Буйное море сердится, плачетъ, стонетъ и увлекаетъ на дно свинью и дива. Волны, наконецъ, одолаживаютъ пловцовъ. Дивъ погибаетъ. Царевичъ и царевна радуются: они, наконецъ, находятъ свое счастье. Да поможетъ вамъ Аллахъ найти ваше счастье!

Царевна-лягушка.

Сказка начинается съ того времени, когда, кромѣ Аллаха, никого не было. Жиль-быль царь, а у этого царя было трое сыновей:—старшій Вали, средній Бали и младшій Шахъ-Нуриванъ. Однажды царь призвалъ къ себѣ своихъ трехъ сыновей и сказалъ имъ:

„Выйдите въ поле, натяните луки и пустите стрѣлы! На чей дворъ упадутъ ваши стрѣлы, тамъ и сватайтесь“.

Сыновья вышли въ поле, натянули луки, пустили стрѣлы. Стрѣла Вали, старшаго брата, упала на дворъ нязира, средняго—Бали на дворъ вязира, а младшаго въ лужу, находящуюся передъ дворцомъ царя. Старшій Вали пошелъ въ домъ нязира, средній въ домъ вязира; тотъ сосватался на дочери нязира, а этотъ на дочери вязира. Младшій-же, Шахъ-Нуриванъ, пошелъ къ лужѣ. Изъ лужи выпрыгнула большая зеленая лягушка. Она держала во рту стрѣлу царевича. Шахъ-Нуриванъ нагнулся, чтобы отнять свою стрѣлу, но лягушка спрыгнула въ воду. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, она опять выпрыгнула изъ воды, держа во рту его стрѣлу. Царевичъ за ней,—она въ воду. Между тѣмъ, чрезъ нѣсколько минутъ, она снова показалась. Царевичъ было опять за ней—она сейчасъ въ воду. Изумленный царевичъ пошелъ къ отцу и сказалъ:

— „Такъ и такъ, моя стрѣла упала въ лужу; ее подхватила зеленая лягушка, и, сколько я ни старался, не могъ отнять у нея стрѣлы.“

— „Видно, судьба опредѣлила тебѣ жениться на лягушкѣ, сказалъ отецъ: отъ судьбы не уйдешь, ступай и женись на лягушкѣ“.

— Если судьба опредѣлила мнѣ жениться на лягушкѣ, то противъ судьбы я ничего не могу сдѣлать,—подумалъ Шахъ-Нуриванъ и пошелъ къ лужѣ. Онъ пришелъ къ лужѣ, ваялъ

лягушку, обернулъ ее въ платокъ, принесть домой, положилъ на окно, и самъ пошелъ бродить по полямъ, по горамъ, по лѣсамъ, чтобы оплакивать свое горе.

Между тѣмъ, въ его отсутствіе, лягушка, спрыгнувъ съ окна, сняла свое лягушечье платье и обернулась въ такую красивую, чудно-преlestную дѣвушку, что ни въ сказкѣ сказать, ни каламомъ (перомъ) нарисовать.

Засучивъ рукава, она подмела комнату, вымыла полъ; сдунула пыль съ оконъ, съ подушекъ, съ тахты и, въ нѣсколько минутъ, привела комнату въ такой порядокъ, что ея нельзя было узнать. Она зажгла свѣчу, пошла на кухню, сварила пловъ и накрыла столъ для царевича. Послѣ этого, опять обернувшись въ зеленую лягушку, она усѣлась на огнѣ. Когда царевичъ вернулся домой, то не зналъ, вѣрить-ли глазамъ или нѣтъ. Въ комнатѣ все было такъ хорошо, чисто, опрятно, будто въ раю. На открытомъ столѣ: хлѣбъ, сыръ, зелень, пловъ и всевозможныя вкусныя кушанья, душистые фрукты.

Онъ не зналъ, кто могъ совершить въ такое короткое время это чудо. Однако сѣлъ за столъ и чуть было не сѣлъ даже своихъ пальцевъ: такъ вкусно были приготовлены кушанья. Онъ легъ спать и все думалъ, кто бы могъ совершить это чудо! Проснувшись на другой день, онъ еще больше былъ пораженъ новымъ чудомъ: все старое, ненужное было вынесено изъ комнаты. Мягкіе, драгоценныя шелковые ковры покрывали полъ; на стѣнахъ были развѣшены оружія, украшенныя драгоценными камнями; съ потолка спускались золотыя вѣтки, въ которыхъ весело щебетали соловьи и другія пѣвчія птицы. Онъ самъ лежалъ на золотой тахтѣ, на мягкой бархатной постели. Около его тахты, въ золотой лохани, курился благоухающій наръ-гиле (родъ вальяна), который наполнялъ комнату нѣжнымъ ароматомъ. Въ углу комнаты, на золотомъ треножникѣ, стоялъ золотой рукомойникъ съ золотымъ тазомъ для умы-

ванія. Шахъ-Нуриванъ всталъ, умылся. У его изголовья лежало новое платье, дорогое, великолѣпное царское платье. Онъ одѣлся въ новое платье, и долго любовался драгоценными камнями, уврашающими его кинжалъ въ золотой оправѣ. Въ недоумѣніи онъ искалъ глазами того добраго волшебника, который произвелъ это чудо. Взглядъ его упалъ на большую, зеленую лягушку, и онъ съ презрѣніемъ отвернулся.

— „Вѣроятно, отецъ, чтобы утѣшить меня въ моемъ горѣ, приготовилъ для меня этотъ сюрпризъ“, — подумалъ царевичъ и пошелъ къ отцу.

— „Такъ и такъ, сказалъ онъ отцу, со мною случилось вотъ какое чудо!“

Тутъ царевичъ разсказалъ отцу происшествія послѣднихъ сутокъ, прибавивъ: „Я думаю, что это сдѣлано по твоему приказанію.“ Царь не меньше сына былъ удивленъ случившимся и повѣлялъ, что онъ ничего не знаетъ и не можетъ сказать, кто это сдѣлалъ. Царевичъ пошелъ къ своимъ братьямъ, но тѣ только посмѣялись надъ нимъ: „Спроси свою лягушку—жену: она, вѣроятно, знаетъ!“ сказали они насмѣшливо.

А его лягушка-жена, между тѣмъ, обернувшись въ это время въ прелестную, красивую дѣвушку, успѣла убрать комнату, привести все въ порядокъ, приготовить обѣдъ, накрыть столъ, такъ что, когда царевичъ возвратился домой, все уже было готово. Разинувъ ротъ отъ удивленія, онъ смотрѣлъ на столъ со всевозможными вкусными кушаньями и яствами. Онъ сѣлъ за столъ и пообѣдалъ съ такимъ аппетитомъ, съ какимъ онъ никогда еще не обѣдалъ въ жизни: такъ вкусны были всѣ кушанья!

Вставъ изъ-за стола, онъ, ничего не говоря, спрятался въ смежную комнату и, притаившись за дверями, сталъ наблюдать. Онъ увидѣлъ... великій Аллахъ, что онъ увидѣлъ! Лягушка, прыгнувъ съ окна, сняла свое лягушечье платье, и предъ глазами изумленнаго царевича предстала такая роскош-

ная, прелестная, чудная красавица, что отъ удивленія у него языкъ прилипъ къ гортани, и онъ чуть было не лишился разсудка. Засучивъ рукава, она начала убирать со стола тарелки. Не помня себя, царевичъ вбѣжалъ въ комнату, обнялъ красавицу и страстно прижалъ ее къ своей груди. Она вскрикнула и обернулась:

— „Аманъ, царевичъ, ради Аллаха, отпусти меня!“

— Ни за что на свѣтѣ! Теперь ты ужъ не уйдешь отъ меня, моя прелестная, чудная красавица! Я люблю тебя, и ни за что не отпущу отъ себя.

— „Аманъ, царевичъ! умоляла красавица, — если ты, дѣйствительно, любишь меня, отпусти!“

— Я люблю тебя больше жизни и умру отъ любви къ тебѣ, если ты оставишь меня. Ты должна принадлежать мнѣ.

— „Клянусь Аллахомъ, что я буду твоею. Потерпи немножко, пока я не буду въ состояннн вполнѣ принадлежать тебѣ“.

Но царевичъ столько просилъ, столько умолялъ, что прелестная красавица, наконецъ, сжалилась надъ нимъ.

— „Хорошо, сказала она, я согласна быть твоею женою, только съ условіемъ, чтобы ты не пытался видѣть меня днемъ, въ настоящемъ моемъ видѣ. По ночамъ я твоя, — днемъ я лягушка. До поры-до времени я обязана носить эту личину. По истеченнн срока, я покажусь всѣмъ, тогда ты не будешь имѣть причины стыдиться своей жены. Только, ради Аллаха, объ этомъ ни слова ни твоему отцу, ни твоимъ братьямъ“.

Съ радостью согласился Шахъ-Нуриванъ на это условіе, и далъ слово до окончаннн срока никому не открывать ея тайны.

Вечеромъ царевичъ нашелъ въ своей постели прелестную, чудную царевну. Она была такъ прелестна, такъ чудно-хороша, такъ красива, что комната освѣщалась лучами ея красо-

ты. Она бросилась въ объятія царевича и дала ему почувствовать блаженство дженната. . . .

Между тѣмъ, послѣ нѣкотораго времени, однажды царь призвалъ къ себѣ своихъ сыновей и сказалъ имъ:

— „Въ такой-то день приведите ко мнѣ вашихъ женъ: я хочу видѣть ихъ!“

Старшій—Вали и средній—Бали радостно и весело пошли къ своимъ женамъ и объявили имъ приказаніе царя: „Приготовьтесь въ такому-то дню, батюшка-царь желаетъ васъ видѣть“. Онѣ начали готовиться: призвали своихъ служанокъ и послали ихъ за энлигъ-киршаномъ (румяна и бѣлила). Громко смѣялись братья надъ своимъ младшимъ братомъ, который долженъ будетъ явиться къ отцу со своей лягушкой-женой.

А младшій братъ, между тѣмъ, грустный и печальный, пошелъ къ себѣ домой. На порогѣ его встрѣтила лягушка-жена и спросила:

— „Что случилось, Шахъ-Нуриванъ, что ты такъ грустенъ и печаленъ?“

— Какъ мнѣ не печалиться! отвѣтилъ Шахъ-Нуриванъ: отецъ требуетъ, чтобы я въ такой-то день повелъ тебя къ нему. Онъ желаетъ видѣть тебя. А я не знаю, какъ тебя показать отцу и братьямъ. Они будутъ смѣяться надо мною.

— „Не печалься, Шахъ-Нуриванъ! сказала жена: этому горю не трудно помочь. Возьми вотъ это кольцо, ступай на берегъ лужи и кликни три раза: „Дѣдъ, дѣдъ, длиннородый дѣдъ! Выйди изъ лужи, не бойся стужи!“ Изъ лужи выйдетъ длиннородый дѣдъ. Ты покажи ему кольцо и скажи: „Твоя дочь проситъ, чтобы ты въ такой-то день прислалъ ей золотую карету, запряженную *ель-ати* (лошадьми-вѣтрами).“

Царевичъ пошелъ къ лужѣ и кликнулъ три раза:

— „Дѣдъ, дѣдъ, длиннородый дѣдъ! Выйди изъ лужи, не бойся стужи!“ Изъ лужи поднялся старикъ съ длинной, дохо-

дящей до колѣнъ, бородой и такими же длинными усами, съ которыхъ вода текла ручьемъ.

— „Кто ты, смертный? Зачѣмъ ты звалъ меня?“ спросилъ длиннородый дѣдъ.

Царевичъ показалъ кольцо и сказалъ:

— Твоя дочь просить, чтобы ты къ такому-то дню послалъ ей золотую карету, запряженную ель-ати.

— „Ступай и скажи ей, что къ назначенному дню она получить карету!“ сказалъ дѣдъ и скрылся подъ водою.

Въ назначенный царемъ день, старшіе сыновья, со своими женами, пошли къ отцу. Ихъ жены были одѣты въ великолѣпныя платья, украшенныя золотомъ и драгоценными камнями. Царь обнялъ и поцѣловалъ своихъ сыновей, похвалилъ красоту и наряды ихъ женъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали младшаго брата. Вдругъ они услышали стукъ кареты и бросились къ окну, чтобы посмотрѣть, какъ выйдетъ изъ кареты Шахъ-Нуриванъ со своею женою—лягушкой. Но какъ они обманулись! Передъ царскимъ дворцомъ стояла золотая карета, запряженная эль-ати. Изъ нея вышелъ царевичъ, ихъ младшій братъ, а за нимъ прелестная, очаровательная, какъ гурія дженната, красавица, одѣтая въ роскошное, великолѣпное платье, которое блистало золотомъ и драгоценными камнями. Какъ только она вышла, вся улица освѣтилась лучами ея чудной красоты! Старшій братъ—Вали и средній—Бали, пораженные чудной красотой прелестной царевны, стояли, какъ очарованные. Отъ досады и зависти они не могли произнести ни одного слова. Невольно стали они сравнивать своихъ женъ съ женою младшаго брата и не могли не сознаться, что ихъ жены не достойны быть даже рабынями этой чудной красавицы.

Когда-же Шахъ-Нуриванъ ввелъ свою жену въ комнату и представилъ ее отцу, то старшіе братья чуть не умерли отъ стыда: они готовы были въ эту минуту заплатить тысячу

тумановъ за мышиную нору, чтобы скрыться въ ней, и скрыть свой стыдъ и срамъ. Самъ царь, при видѣ своей прелестной невѣстки, вскочилъ со своего трона и, разинувъ ротъ, съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

Первый разъ въ жизни онъ видѣлъ такую чудную красавицу, съ такими большими, блестящими, какъ полуполночныя звѣзды, глазами, такими красивыми, какъ будто двѣ противоположныя радуги, бровями—и такимъ маленькимъ, прелестнымъ ротомъ, очерченнымъ Гури-мелекомъ (Небеснымъ существомъ).

Онъ такъ жадно впился въ нее глазами, что своихъ глазъ ему казалось недостаточно для созерцанія такой красоты, и онъ готовъ былъ занять еще нѣсколько паръ, чтобы вдоволь насытить свое зрѣніе видомъ этой небесной красавицы. Онъ не зналъ, чему больше удивляться: высокому-ли, прямому, какъ стройный чинаръ, стану, прелестной-ли мраморной шеѣ, бѣлымъ, какъ снѣгъ, ручкамъ, съ десятью прелестными, какъ зажженныя восковыя свѣчи, пальцами, или длиннымъ, чернымъ, какъ воронье крыло, волосамъ, которые доходили до колѣнъ. Онъ не сводилъ съ нея своего взора и любовался только ею, не замѣчая присутствія остальныхъ своихъ невѣстокъ. За столомъ онъ ѣлъ все то, что она ѣла, пилъ, что она пила. Съ завистью смотрѣли на нее старшія невѣстки. Отъ досады онѣ били себя въ грудь руками: „Противная лягушка, будь ты проклята! Да будетъ проклята противная лягушка!“ Чтобы привлечь на себя вниманіе царя, онѣ тоже начали подражать женѣ младшаго брата. Видя это, прелестная царевна вздумала совершенно осрамить ихъ въ глазахъ царя. Ъсть она мясо, кости прячетъ въ рукавахъ. Ъсть пловъ, нѣсколько крупинокъ непременно спрячетъ въ рукава. Пьетъ вино, тоже половину вливаетъ въ рукава. Тоже самое дѣлаютъ и жены старшихъ братьевъ. Послѣ стола, царь попросилъ своихъ невѣстокъ протанцовать и пропѣть. Прежде всего выступила младшая невѣстка; въ честь царя она сама сочинила пѣсню

и спѣла ее такимъ чуднымъ, восхитительнымъ голосомъ, что царь былъ совершенно очарованъ.

Послѣ этого она начала плясать и проплясала такъ граціозно, такъ восхитительно, что всѣ ахнули отъ удивленія.

Но вотъ, дойдя до середины комнаты, она выкинула изъ рукавовъ кость, которая, упавъ передъ дворцомъ царя, образовала чудный, великолѣпный дворецъ. Затѣмъ она вылила изъ рукава вино, и передъ дворцомъ показались чудные мраморные фонтаны, сладко журчащіе, какъ пѣніе мелековъ. Наконецъ, красавица высыпала пловъ, и по комнатѣ разсыпались, какъ звѣзды по небу, блестящіе, драгоценные камни. Другія невѣстки царя, въ свою очередь, пустились въ пляску. Одна изъ нихъ тоже выкинула кость, но, о ужасъ, кость попала прямо въ правый глазъ царя, другая также неудачно вылила вино на его голову.

Царь разсердился, обругалъ ихъ и прогналъ.

Съ этого дня царь страстно влюбился въ свою младшую невѣстку и все время думалъ какимъ-нибудь образомъ погубить своего младшаго сына, чтобы овладѣть его прекрасной женой. Однажды онъ призвалъ къ себѣ младшаго сына и сказалъ ему:

— „Если къ такому-то дню ты не достанешь мнѣ котла, въ которомъ можно было-бы сварить пловъ для всей моей арміи, то я прикажу немедленно убить тебя“.

Шахъ-Нуриванъ, печальный и грустный, пошелъ домой. На порогѣ встрѣтила его жена и спросила:

— „Что случилось, Шахъ-Нуриванъ, что ты такъ грустенъ и печалень?“

— Какъ мнѣ не печалиться, отвѣтилъ Шахъ-Нуриванъ, когда царь требуетъ, чтобы я къ такому-то дню досталъ котель, въ которомъ можно было бы сварить пловъ для всей его арміи, въ противномъ случаѣ онъ прикажетъ убить меня.

— „Не печалься, Шахъ-Нуриванъ! этому горю не трудно помочь. Возьми это кольцо и ступай къ лужѣ; когда придешь,

кликни три раза: „Дѣдъ, дѣдъ, длиннородый дѣдъ! Выйди изъ лужи, не бойся стужи! Твоя дочь просить доставить въ такому-то дню, въ такое-то мѣсто, маленькій котель ея матери“.

Шахъ-Нуриванъ пошелъ въ лужѣ и кликнулъ три раза: „Дѣдъ, дѣдъ, длиннородый дѣдъ! Выйди изъ лужи, не бойся стужи!“ Изъ лужи поднялся старикъ съ длинной, доходящей до колѣнъ, бородой и такими же длинными усами, съ которыхъ вода текла ручьемъ.

— Кто меня зоветъ? спросилъ старикъ.

Царевичъ повзала старика кольцо и сказалъ:

— „Твоя дочь просить, чтобы ты доставилъ къ такому то дню, въ такое-то мѣсто, маленькій котель ея матери“.

— Ступай и скажи моей дочери, что котель будетъ доставленъ въ назначенный день! — сказалъ старикъ и тотчасъ же скрылся подъ водою.

Шахъ-Нуриванъ возвратился домой. Въ назначенный день царь вывелъ всю свою армию въ поле и, позвавъ своего младшаго сына, спросилъ:

— „Досталъ котель или нѣтъ? Предупреждаю, что, если ты не накормишь всей моей армии изъ одного котла, будешь убитъ“.

Но въ полѣ стоялъ громадный котель, въ которомъ варилась пловъ. Начали раздавать пловъ серъ-базамъ (солдатамъ). Всѣ ѣли, сколько каждому хотѣлось. Наконецъ, когда всѣ насытились, царь заглянулъ въ котель, а онъ почти еще былъ полонъ.

Раздосадованный царь вернулся домой. Онъ былъ взбѣшенъ, что не могъ погубить сына. Вотъ онъ опять думаетъ. Думаетъ вечеромъ, думаетъ ночью, думаетъ утромъ, думаетъ въ полдень, какимъ образомъ погубить сына, чтобы овладѣть прекрасной царевной. Думалъ царь, думалъ и, наконецъ, придумалъ новое средство. Онъ призвалъ къ себѣ своего младшаго сына и сказалъ ему:

„Если къ такому-то дню ты не доставишь мнѣ ковра,

на которомъ могла-бы свободно сидѣть вся моя армія, то не сидѣть болѣе твоей головѣ на плечахъ!”

Шахъ-Нуриванъ, печальный и грустный, вернулся домой.

— „Что ты такъ печаленъ, Шахъ-Нуриванъ?” спросила его жена.

— Какъ мнѣ не печалиться, отвѣтилъ Шахъ-Нуриванъ, когда отецъ требуетъ, чтобы я къ такому-то дню досталъ такой коверъ, на которомъ могла бы свободно помѣститься вся его армія.

— „Не печалься, Шахъ-Нуриванъ! этому горю не трудно помочь. Возьми вотъ это кольцо и ступай къ лужѣ, кликни дѣда и скажи ему, что его дочь проситъ прислать маленькій шелковый коверъ ея матери.”

Шахъ-Нуриванъ взялъ кольцо и пошелъ къ лужѣ. Онъ вливалъ три раза:

— „Дѣдъ, дѣдъ, длиннородый дѣдъ! Выйди изъ лужи, не бойся стужи!” Изъ лужи тотчасъ-же поднялся длиннородый дѣдъ и спросилъ:

— Кто меня зоветъ?

Царевичъ показалъ кольцо и сказалъ:

— „Твоя дочь проситъ прислать ей къ такому-то дню маленькій шелковый коверчикъ ея матери”.

— „Ступай и скажи моей дочери, что она получитъ коверъ въ назначенный день!” сказалъ старикъ и тотчасъ-же скрылся подъ водою.

Въ назначенный день, царь вывелъ всю свою армію въ поле. Тамъ уже былъ разостланъ большой шелковый коверъ. На немъ свободно помѣстилось все войско, да еще половина ковра осталась свободной.

Раздосадованный царь вернулся домой. Онъ былъ взбѣшенъ, что и на этотъ разъ ему не удалось погубить своего младшаго сына. Черезъ нѣсколько времени, притворившись больнымъ, онъ призвалъ къ себѣ младшаго сына и сказалъ:

— „Я боленъ,—ты долженъ достать мнѣ живой воды. Не достанешь—не сидѣть болѣе твоей головѣ на плечахъ!“

Печально и грустно побрелъ Шахъ-Нуриванъ домой.

— „Что случилось, Шахъ-Нуриванъ, что ты такъ печаленъ и грустенъ?“ спросила его жена.

— Какъ мнѣ не печалиться, отвѣтилъ Шахъ-Нуриванъ, когда отецъ требуетъ, чтобы я досталъ ему живой воды, или онъ сниметъ съ плечъ мою бѣдную головушку.

— „Не печалься, Шахъ-Нуриванъ! этому горю помочь не трудно. Возьми опять это кольцо и ступай къ лужѣ, вызови старика и попроси у него вороного коня. Приѣзжай ко мнѣ, и я расскажу тебѣ, какъ достать живой воды.“

Шахъ-Нуриванъ взялъ кольцо, пошелъ къ лужѣ, кликнулъ старика, взялъ у него чернаго, какъ ночь, быстро, какъ вѣтеръ, коня и приѣхалъ на немъ къ своей женѣ.

— „Поѣзжай сперва прямо, прямо! сказала ему прекрасная царевна: поѣдешь такъ день, поѣдешь другой, поѣдешь третій и, наконецъ, увидишь большой, великолѣпный садъ, окруженный высокими стѣнами. У дверей сада ты увидишь двухъ львовъ, которые стерегутъ садъ и никого не пропускаютъ. Я дамъ тебѣ два хлѣба. Ты раздѣлишь сперва одинъ хлѣбъ: половину дашь одному льву, половину другому, и они пропустятъ тебя. Ты войдешь въ садъ, увидишь фонтанъ, золотой фонтанъ,—это фонтанъ живой воды. Наполни кувшинъ и, не оглядываясь по сторонамъ, выходи изъ сада. У воротъ раздѣлишь пополамъ другой хлѣбъ, бросишь одну половину одному льву, другую другому, и они пропустятъ тебя“.

Шахъ-Нуриванъ взялъ два хлѣба, сѣлъ на коня и отправился въ путь. Ыхалъ онъ—долго-ли, коротко-ли,—Аллахъ вѣдаетъ. Ыхалъ день, ѣхалъ другой, ѣхалъ третій и, наконецъ, увидѣлъ прекрасный садъ, окруженный высокими стѣнами. У воротъ сада стояло два льва, которые день и ночь стерегли

садъ, и не пропускали ни живого, ни мертваго. Царевичъ слѣзъ съ коня, взявъ одинъ хлѣбъ, раздѣлилъ его пополамъ; одну половину бросилъ одному льву, другую другому, и самъ вошелъ въ садъ. Увидѣлъ тамъ фонтанъ живой воды, наполнилъ свой кувшинъ, и, не оглядываясь по сторонамъ, вышелъ изъ сада. Львы, получивъ опять по половинѣ хлѣба, пропустили его. Онъ сѣлъ на своего коня, благополучно пріѣхалъ къ отцу и вручилъ ему кувшинъ съ живой водой.

Когда царь получилъ живую воду, то отъ досады и злобы не зналъ, что дѣлать. Онъ опять сталъ думать. . . . Думалъ день, думалъ ночь и, наконецъ, опять призвалъ съ себѣ своего младшаго сына:

— „Ступай на тотъ свѣтъ къ матери и спроси у нея, гдѣ она спрятала ключи отъ казны. Не узнаешь—не сносить тебѣ своей головы!“ приказалъ онъ сыну.

Шахъ-Нуриванъ, грустный и печальный, возвратился домой.

— „Что случилось, Шахъ-Нуриванъ, что ты такъ печаленъ?“ спросила его жена.

— Какъ мнѣ не печалиться, отвѣтилъ Шахъ-Нуриванъ, когда отецъ требуетъ, чтобы я отправился на тотъ свѣтъ и принесъ ему оттуда необходимыя извѣстія отъ моей матери“.

— Не печалься, Шахъ-Нуриванъ! Возьми вотъ это кольцо и ступай къ лужѣ, кликни длиннобородаго дѣда и попроси блага коня. Конь повезетъ тебя на тотъ свѣтъ и привезетъ назадъ.

Шахъ-Нуриванъ пошелъ къ лужѣ, кликнулъ старика, попросилъ блага коня, сѣлъ на него и отправился въ путь-дорогу. Ъхалъ онъ—долго-ли, коротко-ли,—Аллахъ вѣдаетъ. Ъхалъ день, ѡхалъ другой, ѡхалъ третій и, наконецъ, на большой, широкой дорогѣ увидѣлъ трехъ человѣкъ, которые, стоя по горло въ крови, изо всей силы старались выйти на берегъ, но все больше и больше вязли въ кровавой лужѣ.

— „Что вы за люди, спросилъ Шахъ-Нуриванъ, и за какіе тяжкіе грѣхи вы такъ наказаны?“

— Поѣзжай своей дорогой, на возвратномъ пути узнаешь! сказали они.

Шахъ-Нуриванъ поѣхалъ дальше. Ёхалъ онъ долго-ли, коротко-ли,—Аллахъ вѣдаетъ. Ёдетъ онъ и видитъ прикованнаго къ столбу челоуѣка, въ уши котораго были воткнуты заостренныя желѣзныя палки.

— „За что ты прикованъ къ столбу?“ спросилъ царевичъ.

— На возвратномъ пути узнаешь! отвѣтилъ тотъ.

Шахъ-Нуриванъ поѣхалъ дальше. Ёхалъ онъ долго-ли, коротко-ли,—Аллахъ вѣдаетъ. Ёдетъ онъ и видитъ женщину, которая, свѣсивъ груди въ горячую печь, сама грызла зубами ея раскаленный край.

— „Зачѣмъ ты грызешь край печи?“ спросилъ царевичъ.
— На возвратномъ пути узнаешь! отвѣтила женщина.

Шахъ-Нуриванъ поѣхалъ дальше. Ёхалъ онъ долго-ли, коротко-ли,—Аллахъ вѣдаетъ. Наконецъ, онъ увидѣлъ прелестный, обширный садъ, а въ томъ саду свою мать, которая гуляла въ саду, перебирая въ рукахъ длинныя четки. Увидавъ своего сына, она сказала ему:

— Не входи, сынъ мой, въ садъ! Кто войдетъ сюда, тотъ ужъ отсюда больше никогда не выйдетъ.

— „Отецъ желаетъ узнать, гдѣ спрятала ты ключи отъ казны?“—сказалъ Шахъ-Нуриванъ.

— Да будетъ проклятъ твой отецъ! Развѣ онъ не знаетъ, гдѣ спрятаны ключи? Онъ хочетъ только погубить тебя, сынъ мой!

— „Я это знаю, но не хочу оказаться непослушнымъ сыномъ, поэтому и исполняю всѣ его приказанія“.

— Хорошо, сынъ мой. Поѣзжай къ отцу и скажи, что ключи отъ казны спрятаны подъ лѣстницей. Да скажи ему еще, что я желаю, чтобы онъ свалился со своего трона, обратился въ бѣ-

шеннаго волка, и чтобы его нязиры и вязиры, обратившись въ бѣшенныхъ собакъ, сгрызли бы его!

Шахъ-Нуриванъ повернулъ своего коня и пустился въ обратный путь. Вскорѣ онъ увидѣлъ женщину, которая, свѣсивъ груди на раскаленные камни горячей печи, сама грызла зубами ея край.

— „Скажи мнѣ теперь, женщина, за что ты осуждена на такое наказаніе?“

— *На томъ свѣтѣ* я отказывала въ кускѣ хлѣба прохожему нищему, сказала женщина, за это и присудили меня *въ этомъ свѣтѣ* такому наказанію!..

Царевичъ поѣхалъ дальше и увидѣлъ прикованнаго къ столбу человѣка. Онъ спросилъ его:

— „Скажи мнѣ теперь, за какіе грѣхи несешь ты это наказаніе?“

— *На томъ свѣтѣ* я имѣлъ привычку подслушивать чужіе разговоры! отвѣтилъ тотъ.

Царевичъ поѣхалъ дальше и увидѣлъ людей, по горло стоящихъ въ крови.

— „А вы за что наказаны?“ спросилъ царевичъ.

— *На томъ свѣтѣ* мы пролили много невинной крови. *Въ этомъ свѣтѣ* пролитая нами кровь не даетъ намъ дороги.

Благополучно вернулся Шахъ-Нуриванъ къ отцу и сказалъ:

— „Я былъ на томъ свѣтѣ, видѣлъ матушку; она сказала, что ключи отъ казны спрятаны подъ лѣстницей“.

— Что же она еще сказала? спросилъ царь.

— „Она велѣла передать тебѣ свое желаніе: она желаетъ, чтобы ты свалился съ трона и обратился въ бѣшеннаго волка, а твои нязиры и вязиры въ бѣшенныхъ собакъ“.

Какъ только сказалъ это Шахъ-Нуриванъ, тотчасъ-же царь свалился со своего трона, обратился въ бѣшеннаго волка, а его нязиры и вязиры въ бѣшенныхъ собакъ, и начали они грызть другъ друга.

Шахъ-Нуриванъ послѣ этого сдѣлался царемъ и долго и счастливо царствовалъ со своей прелестной женой.

Съ неба упало три яблока: одно рассказчику, другое слушателямъ, третье Аллаху.

10.

Песнь Шахсеванскаго Гаджи.

(Переводъ съ татарскаго).

Жилъ въ Шахсеванѣ богатый Гаджи. Много было у него золота и серебра, много было домашнихъ животныхъ: барановъ, овецъ, коровъ, быковъ, лошадей. На обширныхъ Шахсеванскихъ лугахъ паслись его многочисленныя стада. Былъ у него также и песъ, — большой, храбрый песъ, гордость его многочисленныхъ стадъ, храбрый защитникъ овецъ и барановъ, вѣрный другъ быстроногихъ коней. Гаджи любилъ его, любилъ пуще своихъ глазъ. Но ничто не вѣчно подъ солнцемъ! Въ одинъ несчастный день, проснувшись, Гаджи нашель вѣрнаго пса бездыханнымъ у своихъ ногъ. Бѣдный, несчастный песъ! Онъ проглотилъ кость, и она была причиною его смерти... Какое несчастье для Гаджи! Безутѣшенъ бѣдный Гаджи! Горькими слезами оплакивалъ онъ смерть вѣрнаго, храбраго друга! Но этого мало... Онъ приказалъ завернуть его трупъ въ бѣлый саванъ и похоронить его съ такимъ почетомъ, какъ обыкновенно хоронятъ людей почтенныхъ и уважаемыхъ. Мулла долженъ былъ три дня и три ночи сряду читать коранъ на его могилѣ. Въ память вѣрнаго пса Гаджи въ продолженіе семи дней кормилъ всѣхъ нищихъ, убогихъ, неимущихъ, раздавалъ милостыню и устроилъ „хейратъ“ (поминки). Слухъ объ этомъ дошелъ до главнаго муллы.

Ужаснулся святой мулла! Посыпалъ пепломъ онъ свою голову, разорвалъ онъ свое платье.

„Вахъ, растоптана святая религія! Смѣшана съ грязью вѣра пророка! Забыть коранъ, забыть имамъ! Поруганъ шаріатъ, осмѣянъ Аллахъ! О, нечестивые! сто тысячъ разъ достойны смерти люди, которые осмѣлились съ почетомъ хоронить трупъ пса и читать коранъ надъ его могилой!“

Говоря это, мулла сѣлъ на коня и поѣхалъ къ Гаджи, чтобы достойнымъ образомъ наказать его за святотатство. Гаджи дали знать о пріѣздѣ муллы. Онъ приказалъ тотчасъ же отдѣлить отъ своего стада пятьдесятъ жирныхъ барановъ, и самъ пошелъ къ муллѣ. Поклонившись ему до земли, онъ поцѣловалъ край его одежды и сказалъ:

„Эй, великій имамъ, опора и честь нашей святой религіи! Родители мои да будутъ жертвою праха ногъ твоихъ! Выслушай горе твоего покорнаго раба. Околѣлъ мой песь, мой вѣрный, славный Боздаръ, опора моего богатства, защитникъ моихъ стадъ, гроза враговъ! Онъ былъ добръ и уменъ, былъ настоящій мусульманинъ, почиталъ муллъ и имамовъ: даже передъ смертью завѣщалъ тебѣ пятьдесятъ жирныхъ барановъ!“

— Эхъ! не называй его псомъ!... Назови его моимъ братомъ, моимъ другомъ!—воскликнулъ восхищенный мулла... Покажи мнѣ его могилу,—я пойду туда читать коранъ за упокой его души!

Сообщилъ помощникъ учителя

Шемахинскаго городскаго училища *А. Захаровъ.*

ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ,

соблюдаемые жителями города Ейска, Кубанской области, при рожденіи чело-
вѣка, бракосочетаніи и погребеніи умершихъ.

Населеніе города Ейска, по національности своей относящееся къ одной общей великой славянской семьѣ народовъ, не чуждо тѣхъ суевѣрныхъ обрядовъ и обычаевъ, которые, составляя существенную сторону религіозно-нравственной жизни славянина, неразрывно связаны со всѣмъ его существомъ и съ его историческимъ прошлымъ. Въ жизни своей, человекъ часто видитъ много непонятныхъ для себя отношеній между различными явленіями или событіями, будутъ ли они обнаруживаться въ области его ежедневнаго быта или среди окружающей его природы. Однако, не зная законовъ ни физическаго, ни нравственнаго міра, не понимая связи между причиною и дѣйствиємъ, поводомъ и его слѣдствіємъ, человекъ, въ то же время, въ силу прирожденной и свойственной его духу пытливости, по необходимости прибѣгаетъ для уразумѣнія данныхъ явленій къ личнымъ своимъ догадкамъ, и нерѣдко его живое воображеніе создаетъ ему въ разнообразныхъ, иногда поэтическихъ формахъ, цѣлыя фантастическія представленія, картины, такъ или иначе удовлетворяющія его пытливый умъ. Такимъ путемъ, съ одной стороны, образовались многія народныя, болѣе или менѣе вѣрныя, примѣты, взятая изъ наблюденій надъ явленіями физическаго міра; онѣ замѣняютъ

для простолюдина всѣ метеорологическія, барометрическія и прочія наблюденія людей науки. Съ другой стороны, отсюда же возникаетъ вѣра въ различнаго рода предрасудки и суевѣрные обряды и обычаи, имѣющіе своею областю нравственно-религіозный міръ. Суевѣрія эти, въ большинствѣ случаевъ, унаслѣдованы нами отъ отцовъ, отъ временъ глубокой старины, когда младенчеству умъ человѣка допускалъ какое-то таинственное вліяніе природы или воображаемыхъ существъ высшаго невѣдомаго ему міра на все окружающее, на всѣ явленія, совершающіяся предъ его глазами. Несмотря на тысячелѣтніе періоды, отдѣляющіе наше время отъ времени происхожденія суевѣрій, они не утратились, хотя подъ вліяніемъ христіанства и умственного движенія человѣчества и видоизмѣнились въ своей первоначальной формѣ и характерѣ. Не всѣ, конечно, суевѣрные обряды и обычаи образовались и сложились во времена язычества, многія, по времени, возникли позднѣе; но смѣло можно утверждать, что большинство ихъ возникло прямо или косвенно подъ вліяніемъ языческаго созерцанія и проникнуто однимъ съ нимъ духомъ.

Еще во времена первыхъ вѣковъ христіанства какъ на западѣ, такъ и у насъ, на Руси, мы видимъ борьбу церкви съ разнаго рода народными игрищами, празднествами, носящими характеръ язычества; но борьба эта не могла совершенно вытѣснить всего, что унаслѣдовано было отъ временъ сѣдой старины, почему мы еще и въ настоящее время видимъ много языческихъ обрядовъ, сохранившихся въ народной жизни и получившихъ, такъ сказать, народную канонизацію. Таковы, на примѣръ, наши „проводы“, соотвѣтствующіе языческимъ весеннимъ тризнамъ по умершимъ, и нѣкоторые другіе обряды.

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе всѣхъ суевѣрныхъ обрядовъ и обычаевъ, распространенныхъ въ средѣ гражданъ города Ейска, скажемъ въ настоящемъ очеркѣ нѣсколько словъ объ обрядахъ и обычаяхъ, соблюдаемыхъ ейскими жителями

во 1), при рожденіи и крещеніи младенцевъ, во 2), при бракосочетаніи и въ 3), при смерти, погребеніи и поминаненіи умершихъ.

I.

Обряды и обычаи при рожденіи и крещеніи младенцевъ.

Такъ какъ суевѣрные обряды и обычаи, соблюдаемые жителями города Ейска при рожденіи и крещеніи младенцевъ, сопровождаютъ не только самый актъ рожденія, но и періодъ беременности женщины, завершаясь привѣтствіемъ рожденнаго и родильницы со стороны родственниковъ и знакомыхъ, то, говоря объ обрядахъ и обычаяхъ при рожденіи челоуѣка, скажемъ сначала о беременности, потомъ о родахъ и, наконецъ, о крестинахъ.

Беременность. Женщина въ періодъ беременности пользуется особеннымъ уваженіемъ со стороны своихъ родственниковъ; это уваженіе обнаруживается тѣмъ, что родильницѣ даютъ пищу, которую она пожелаетъ, хотя бы послѣдняя была ей, какъ беременной, вредна. Такое желаніе беременной удовлетворяется потому, что оно, по мнѣнію окружающихъ, идетъ не отъ беременной женщины, а отъ самого ребенка, и не удовлетворить его считается величайшимъ грѣхомъ. Родные внушаютъ беременной нѣкоторыя правила, необходимыя, по ихъ мнѣнію, въ ея положеніи, такъ напримѣръ: не смотрѣть на все, что некрасиво, или что отличается какимъ-нибудь физическимъ недостаткомъ, на томъ основаніи, что и ребенокъ будетъ некрасивъ; въ воскресные и праздничные дни, какъ сама беременная, такъ и всѣ ея родственники, живущіе съ нею въ одномъ домѣ, ни подъ какимъ видомъ не должны шить, рубить и т. под., потому что чрезъ это у ребенка можетъ быть поврежденъ какой-либо членъ на тѣлѣ, или же отъ этого дитя родится слѣпымъ или нѣмымъ, потому-де, что мать или родственники его зашили ему ротъ

или глаза; запрещаютъ беременнымъ женщинамъ переступать, на примѣръ, чрезъ дышло и оглобли, или чрезъ вожжи и веревки, потому что чрезъ это дитя можетъ запутаться въ кишкахъ матери и задушиться; запрещаютъ есть рыбу, потому что ребенокъ можетъ быть нѣмымъ или долго не начнетъ говорить. Поль ребенка, пока онъ не явится на свѣтъ, есть тайна природы, невѣдомая людямъ. Одному Богу извѣстно, что зачинается въ утробѣ матери,—сынъ или дочь. Но иногда для опредѣленія этого родители прибѣгаютъ къ примѣтамъ. Въ тотъ день, когда ожидаются роды, замѣчаютъ, кто первый придетъ въ домъ родильницы. Если мужчина, то думаютъ, что родится мальчикъ,—а если женщина, то ждутъ дѣвочки. Недостаетъ, конечно, терпѣнія у подобныхъ наблюдателей добросовѣстно провѣрить свою примѣту. Можно смѣло ручаться, что примѣта эта, не имѣющая ни фیزیологическаго, ни нравственнаго основанія, окажется фальшивою въ большинствѣ, хотя, конечно, иногда случайно какъ бы оправдывается. Во время беременности многія женщины носятъ при себѣ, а также кладутъ подъ изголовье на ночь перочинный ножикъ,—чтобы отогнать злого духа и устранить его порчу. Странное оружіе противъ врага невидимаго!

Роды. Главное лицо, находящееся при родильницѣ, это бабка, называемая повитухою; она пользуется особеннымъ почетомъ: пригласившій въ свой домъ бабу—повитуху, для помощи при родахъ, старается первымъ долгомъ угостить и задобрить ее всевозможными яствами и питіями. Прибывши въ домъ родильницы, повивальная бабка прежде всего заботится насколько возможно облегчить роды. А такъ какъ, по мнѣнію ея, главная причина трудности родовъ зависитъ отъ дурнаго глаза, отъ колдовства и прочихъ суевѣрій, то она принимаетъ противъ этого свои мѣры: она скрываетъ родильницу отъ постороннихъ глазъ за всевозможными занавѣсками, кладетъ подъ ея постель вѣнчалныя кольца, свѣчи и проч. Когда всѣ

мѣры предосторожности приняты, бабка приступаетъ уже къ мѣрамъ, такъ сказать, акушерскимъ, которыя иногда бываютъ такъ гибельны для родильницы, что нужно удивляться, какъ бѣдныя женщины еще остаются живы послѣ такихъ варварскихъ пріемовъ, такъ напримѣръ: встряхиваютъ беременную женщину, поднимая ноги ея вверхъ, сажаютъ на деревянную лопату и возятъ по комнатѣ, затѣмъ водятъ по всѣмъ комнатамъ съ тѣмъ, чтобы она переступила всѣ пороги въ домѣ и т. под., а когда роды становятся трудными, мѣры эти усугубляются. Послѣ такихъ акушерскихъ мѣръ, нерѣдко прибѣгаютъ къ инымъ мѣрамъ, иногда и религіознымъ. Все, что носить на себѣ, такъ сказать, замкнутость, должно быть непременно открыто, такъ напримѣръ, если коса у родильницы заплетена, то она непременно расплетается, всѣ замки и двери въ домѣ должны быть отворены и раскрыты. Это простирается даже и на церковный храмъ: просятъ священника, нерѣдко среди ночи, открыть царскіе врата въ приходской церкви, нѣкоторые же просятъ дать имъ поясъ, которымъ опоясывается священникъ во время богослуженія; этотъ поясъ вкладется на животъ родильницы. Когда младенецъ родится, то бабка старается опредѣлить, будетъ ли онъ въ жизни счастливъ или нѣтъ. Младенецъ, родившійся въ сорочкѣ (родильной плевѣ), считается счастливѣйшимъ, а родившійся въ одномъ чепцѣ (съ родильной плевой только на головѣ) менѣе счастливъ перваго; явившіеся же на свѣтъ Божій безъ того и другого не обѣщаютъ быть особенно счастливыми. Родильную сорочку и чепецъ бережно высушиваютъ, затѣмъ зашиваютъ въ небольшой мѣшочекъ и вѣшаютъ на шею ребенку для всегдашняго ношенія, вѣря, что этотъ мнимый талисманъ избавить его отъ всѣхъ болѣзней и несчастій въ жизни, а „мѣсто“ тайно закапываютъ въ землю, непременно съ какою-нибудь монетою. Для чего тутъ нужна монета, мы не доискались объясненія. Несмотря на то,

что примѣту,—кто родится въ сорочкѣ, тотъ и счастливъ будетъ въ жизни, и наоборотъ,—можно бы опровергнуть примѣрами многихъ бѣдняковъ, родившихся въ сорочкѣ, она такъ сильно вкоренилась, что вошла даже въ народную поговорку. О счастливомъ обыкновенно говорятъ: знать, родился въ сорочкѣ. Первое купанье младенца также имѣетъ важное значеніе; обыкновенно кладутъ въ ванну одну или нѣсколько золотыхъ или серебряныхъ монетъ, чтобы новорожденный былъ богатъ. Выкупавъ и спеленавъ младенца, повивальная бабка отдаетъ его отцу, который благословляетъ и передаетъ матери для кормленія. Къ кормленію тоже относятся не безразлично. Оно должно быть непременно начато правою грудью, чтобы ребенокъ не былъ „лѣвшою“. Затѣмъ является забота объ огражденіи младенца отъ діавола, для чего ставятъ около его колыбели святую воду, кладутъ херувимскій ладанъ и другіе священные предметы, которыхъ боится діаволъ, и убѣгаетъ. Когда всѣ мѣры предосторожности противъ діавола и волшебства приняты, домъ родильницы открывается для посѣтительницъ,—родныхъ и знакомыхъ женщинъ. Являясь въ домъ родильницы для поздравленія, посѣтительницы приносятъ ей разные подарки, состоящіе изъ съѣдобныхъ предметовъ и лакомствъ; всѣ таковыя приношенія носятъ въ Ейскѣ специальное названіе „на зубокъ“.

Крестины. Послѣ родовъ наступаютъ заботы о крестинахъ. Вѣря тому, что новорожденный младенецъ можетъ подвергнуться вліянію нечистой силы, діаволу, стараются, какъ можно скорѣе, совершить надъ нимъ святое таинство крещенія, поэтому въ Ейскѣ крестятъ новорожденныхъ младенцевъ большею частію въ самый день его рожденія, а если этого, по какимъ-либо причинамъ, сдѣлать нельзя, то стараются совершить надъ нимъ въ тотъ-же день молитву, предшествующую крещенію, и наречь ему имя; на случай же, если невозможно совершить то и другое, въ домѣ, гдѣ родится мла-

денецъ, въ продолженіе всѣхъ ночей до его крещенія должна горѣть свѣча, въ противномъ же случаѣ нечистая сила можетъ унести его, или причинить ему какой-либо вредъ. При крестинахъ главными дѣйствующими лицами являются крестный отецъ и крестная мать, называемые обыкновенно кумомъ и кумою.

Обычай имѣть при крещеніи воспріемниковъ, какъ извѣстно, относится къ числу самыхъ древнихъ обычаевъ; тѣмъ не менѣе и на этотъ обычай, какъ и на другіе христіанскіе обычаи, наложенъ отпечатокъ языческихъ вѣрованій. Обязанность воспріемниковъ при крещеніи возлагается большею частію на родственниковъ родителей новорожденнаго, но, когда дѣти у кого-либо не живутъ, а умираютъ еще въ младенчествѣ, считается полезнымъ и необходимымъ взять въ кумовья того, кто первый попадетъ на встрѣчу отцу новорожденнаго. Въ тѣхъ-же видахъ, то есть, чтобы дѣти жили, не въ обычай приглашать въ крестныя матери беременныхъ женщинъ. Отказъ быть воспріемниками встрѣчается рѣдко, такъ какъ это считается величайшимъ грѣхомъ, равносильнымъ отреченію отъ Самого Бога и Его святого креста. Кумъ и кума, какъ извѣстно, приносятъ, первый—крестъ, послѣдняя же такъ называемая „ризки“; все это лично вручается принесшими родильницѣ, а послѣдняя передаетъ повивальной бабкѣ, для употребленія въ дѣло. По прибытіи кума и кумы въ домъ новорожденнаго, начинается приготовленіе къ отправленію младенца въ церковь для крещенія, причемъ всѣ участники изобильно угощаются родителями младенца. Во время совершенія крещенія, при постриженіи волосъ у младенца, кумъ, налѣпивъ ихъ на воскъ, бросаетъ въ воду купели. Если воскъ тонетъ, то полагаютъ, что младенецъ не будетъ жить долго, а если плаваетъ, то это обѣщаетъ долготѣіе. По возвращеніи окрещеннаго младенца въ домъ родителей, повивальная бабка владетъ его въ передній уголъ, подъ образа, на тулупъ, лежащій вверхъ шерстью, чтобы у новорожденнаго, бог-

да онъ придетъ въ возрастъ, водилась всякаго рода домашняя скотина; затѣмъ, поблагодаривъ и угостивъ кумовьевъ надлежащимъ образомъ, родители новорожденного просятъ ихъ пожаловать на празднованіе крестинъ.

Празднованіе крестинъ рѣдко совершается въ день крещенія младенца, оно большею частію откладывается на ближайшій воскресный или праздничный день, какъ болѣе свободный отъ домашнихъ работъ. Празднованіе это раздѣляется на три отдѣльныя торжества: *крестины*, *покрестины* и *размываніе рукъ*, послѣднее называется просто *сливаніемъ*; скажемъ о каждомъ изъ нихъ отдѣльно.

Приходящіе на крестины непременно приносятъ съ собою хлѣбъ, вареныхъ и жареныхъ домашнихъ птицъ, сласти и другіе подарки. Гостямъ предлагаютъ самое обильное угощеніе за обѣдомъ, въ концѣ котораго бабка-повитуха собственноручно подноситъ каждому гостю по стакану вина съ тѣмъ, чтобы выпившій положилъ на блюдо въ ея пользу выкупъ, нѣсколько монетъ, смотря по состоянію и желанію гостя. По окончаніи пиршества, всѣ гости расходятся по своимъ домамъ, остаются только кумъ и кума, которые чествуются хозяевами и по уходѣ гостей, причемъ кумъ и кума, въ знакъ духовнаго родства, обмѣниваются подарками: шейными крестиками, носовыми платками и т. под.

Покрестины представляютъ собою не что иное, какъ складчину, устраиваемую на другой день крестинъ родственниками и знакомыми родильницы, съ цѣлію отблагодарить достойнымъ образомъ кума, куму и бабу-повитуху. Празднество это начинается въ домѣ новорожденного младенца, продолжается по домамъ участвовавшихъ на крестинахъ лицъ, а оканчивается нерѣдко гдѣ-нибудь въ кабацѣ.

Размываніе рукъ, или *сливаніе*, совершается обыкновенно такъ: бабка-повитуха, взявъ изъ вѣника три вѣтки, кладетъ ихъ крестообразно на полу и становится на нихъ, вмѣстѣ съ

родильницею, правыми ногами; затѣмъ, беретъ чашку съ водой и моетъ, вмѣстѣ съ родильницею, руки. При умовеніи рукъ онѣ обмѣниваются троекратно слѣдующими словами: „Прости меня грѣшную“, — говоритъ одна. „Богъ простить тебя!“, говоритъ другая. Вымывши руки, обѣ утираютъ ихъ однимъ полотенцемъ, причемъ родильница даритъ бабуу кускомъ полотна, и тѣмъ полотенцемъ и мыломъ, которыми онѣ мыли свои руки и утирали ихъ.

Размываніемъ рукъ роль бабки-повитухи еще не заканчивается. Она обязана еще закончить свое дѣло „*загнаніемъ новорожденнаго въ рай*“. Этотъ обычай состоитъ въ слѣдующемъ: затепливъ восковую свѣчу предъ образомъ, бабка беретъ за руку родильницу, съ младенцемъ на рукахъ, и обводитъ ее вокругъ стола, который нарочно для этого ставится среди комнаты. Всѣ присутствующіе стоятъ и спрашиваютъ: „Куда ты, бабушка, идешь?“ „Въ рай!“ — отвѣчаетъ она. „Возьми и насъ съ собой“... говорятъ ей. „Идите!“ — отвѣчаетъ она. Послѣ этого всѣ гости садятся вокругъ стола и продолжаютъ угощаться.

Вышеприведенные обряды и обычаи, какъ предшествующіе рожденію, такъ и сопровождающіе самое рожденіе и крещеніе новорожденныхъ младенцевъ, строго соблюдаются въ городѣ Ейскѣ слѣпыми приверженцами суевѣрной старины.

II.

Свадебные обряды и обычаи.

Жители города Ейска строго держатся обрядовъ и обычаевъ, въ которыхъ ярко отражаются черты стараго быта и удали, любимыя ихъ понятія и драгоценныя преданія глубокой старины. Въ свадебныхъ обрядахъ и обычаяхъ ейскихъ жителей нѣтъ одного сплошнаго веселья, напротивъ того, здѣсь все важно и степенно; все здѣсь проникнуто сознаниемъ, что совершается дѣло не пустое, что происходитъ важный

моментъ въ жизни двухъ существъ, и особенно въ жизни дѣвухи, для которой съ бракомъ минуетъ пора и счастливой свободы, и сладкаго, простодушнаго *коланья*. Передать значеніе этой перемѣны, этого перехода изъ жизни вольной и беззаботной въ зависимую и часто тяжелую, лежитъ, главнымъ образомъ, на свадебной обрядности. Въ ней все имѣетъ свою символику, свою мысль.

Свадебныя хлопоты начинаются, конечно, со сватанья. Задумавшій жениться парубокъ (молодой парень), заручившись согласіемъ родителей, посылаетъ обыкновенно двухъ опытныхъ сватовъ, называемыхъ старостами, чтобы они сосватали ему дѣвчину; даетъ каждому изъ нихъ по посоху, вручаетъ нарочно испеченный для этого случая хлѣбъ и провожаетъ ихъ за ворота. Старосты, какъ люди бывалые и смѣтливые, начинаютъ сватанье обиняками, какъ на примѣръ: „*нашъ быкъ къ вашей телушкѣ привыкъ*“, или: „*у насъ есть гусакъ, а у васъ гусыня*“, „*у насъ есть купецъ, а у васъ товаръ*“ и т. под. Родители отвѣчаютъ въ томъ-же родѣ, и, въ обычной формѣ, даютъ свое согласіе или объявляютъ отказъ. Въ случаѣ согласія, невѣста подноситъ старостамъ на подносѣ или тарелкѣ по рушнику, вышитому бумагою или шелками, большою частію своей работы.

Перевязавъ эти рушники чрезъ плечо и промѣнявъ свой хлѣбъ на хлѣбъ невѣсты, старосты важно, съ сіяющими лицами, спѣшатъ обрадовать жениха удачей возложеннаго на нихъ порученія. Въ тотъ-же вечеръ женихъ является въ домъ невѣсты, гдѣ получаетъ отъ нея въ подарокъ красный платокъ, вмѣстѣ съ первымъ законнымъ поцѣлуемъ. Потомъ родители благословляютъ сосватанныхъ и даютъ имъ краткое наставленіе. Чрезъ нѣсколько дней происходитъ сговоръ въ присутствіи родни жениха и невѣсты, сватовъ и хорошихъ знакомыхъ, и тутъ же родители благословляютъ молодыхъ образомъ и хлѣбомъ-солью. Дня за два до свадьбы приступа-

ють къ печенію большихъ короваевъ, или пшеничныхъ хлѣбовъ, окрашенныхъ красною краскою; сверху коровая прикрѣпляютъ птичекъ изъ хлѣба, которыя, вмѣстѣ съ короваемъ, покрываются золотой мишурой. Печеніе короваевъ непременно должно сопровождаться веселыми пѣснями, такъ какъ, по народному вѣрованію, молодые будутъ жить такъ-же весело, какъ пеклись короваи; пѣсни поютъ женщины, когда сажаютъ короваи въ печь. Когда же коровай испечень, и если онъ поднялся высоко и хорошо выпечень, стряпухи выражаютъ радость крикомъ, скачутъ и бьютъ въ ладоши. Этому священному короваю отводится первое мѣсто на брачномъ угощеніи.

Бракосочетаніе совершается обыкновенно въ воскресенье. Въ этотъ день поѣзжане и дружки слушаютъ заутреню въ приходской церкви, вмѣстѣ съ княземъ и княгинею, то есть, съ женихомъ и невѣстой. Послѣ того подружки одѣваютъ невѣсту въ подвѣнечное платье, заплетаютъ ей въ послѣдній разъ косу вѣнкомъ и убираютъ голову ея различными цвѣтами. Получивъ благословеніе родителей, молодые отправляются въ церковь. Шествіе отърываетъ дружку; за нимъ одна молодая дѣвушка несетъ брачныя свѣчи, украшенные цвѣтами. Затѣмъ идетъ молодая чета, окруженная боярами, дружками, свахами, подругами и проч.

При совершеніи таинства брака, со стороны священника требуется большая осторожность, чтобы, при обрученіи брачующихся, не уронить перстня котораго-либо изъ нихъ, такъ какъ, по народному повѣрью, это будетъ означать, что то лицо, которому принадлежитъ кольцо, вскорѣ послѣ брака умретъ. Если-же кто-либо изъ молодыхъ уронитъ свой перстень, то священникъ еще можетъ избавиться косыхъ взглядовъ, неласковаго приѣма и нерѣдко колкихъ упрековъ со стороны родителей и родныхъ новобрачныхъ, что было бы необходимымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ неосторожности происшедшей по его винѣ. Въ данномъ же случаѣ паденіе перстня при-

писывается уже непосредственно дѣйствию Промысла Божьяго, а вступающимъ въ бракъ остается только съ покорностію волѣ Божьей ожидать горькихъ послѣдствій такого печальнаго случая, послѣдствій, ими же самими измышленныхъ. Такое же значеніе приписываетъ простой народъ и тому обстоятельству, когда свѣча одного изъ брачующихся сгоритъ болѣе, нежели у другого. По ихъ мнѣнію, тотъ умретъ скорѣе, чья свѣча сгорѣла больше. Въ маѣ мѣсяцѣ избѣгаютъ совершенія браковъ, такъ какъ повѣнчанные въ этомъ мѣсяцѣ будутъ всю жизнь свою *маяться*, то есть, жить дурно. На свадебномъ пиршествѣ женихъ и невѣста сажаются рядомъ; женихъ въ шапкѣ; сваты, перевязанные черезъ плечо рушниками, рѣжутъ коровай и даютъ всѣмъ по куску. Предъ женихомъ и невѣстой стоятъ пустыя тарелки, съ положенными на нихъ крестообразно двумя ложками, и цѣлый ржаной хлѣбъ, обсыпанный солью. По срединѣ стола возвышается коровай, накрытый крестообразно двумя утиральниками, съ воткнутыми въ него тремя древесными вѣтками; графинъ съ водкой, въ который воткнуты три волоса ржи; стаканъ, наполненный рожью, въ которую воткнуты вѣнчальные свѣчи. Старшій дружокъ, прочитавъ, послѣ благословенія старосты, „Отче нашъ“, снимаетъ съ коровая рушники, беретъ одинъ себѣ, а другой отдаетъ подружку. Этими рушниками они оба перевязываютъ себя крестъ на крестъ черезъ плечо и, разрѣзавъ коровай, дѣлятъ его между гостями, получая отъ нихъ посылныя приношенія въ пользу новобрачныхъ.

Послѣ ужина дѣвушки расплетаютъ косу молодой, а старая сваха надѣваетъ на нее *очинокъ* (женскую головную повязку) замужней женщины, который молодая должна до трехъ разъ срывать съ своей головы и кидать на полъ. Предъ отъѣздомъ въ домъ жениха, молодая снова бросается въ ноги родителямъ, которые, сидя на лавкѣ, покрытой овчинной шубой, благословляютъ ее хлѣбомъ и образомъ. Шумный поѣздъ уноситъ ее, наконецъ, въ жилище мужа; новобрачная ѣдетъ

въ саяхъ или на дрогахъ, смотря по времени года, молодой же гарцуетъ на конѣ, окруженный боярами. На порогѣ дома ставятъ жаровню съ горящими угольями, переступивъ которую молодые уничтожаютъ всякое колдовство и порчу, и спокойно могутъ вступить въ родную хату. Теперь ихъ благополучіе, по народному убѣжденію, вполне обезпечено: обряды всѣ соблюдены строго и отчетливо; въ благословіяхъ и пожеланіяхъ, кажется, не было недостатка. Словомъ—все въ порядкѣ. Если же что выйдетъ неладно, если жизнь у молодыхъ пойдетъ тяжело и не радостно, то въ этомъ винится одна ихъ недоля. И часто на всѣ вопли и жалобы несчастной женщины отвѣчаютъ ей лишь одно: „Не плачь, дочка, ни на батька своего, не плачь, дочка, ни на мать свою: заплачь, дочка, на свою недоленьку, что попалась въ неволеньку!“

III.

Народныя повѣрья, обряды и обычаи при смерти, погребеніи и поминовеніи умершихъ.

Смерть есть неизбѣжный предѣлъ жизни каждаго чело-вѣка, и болѣзни-необходимыя предшественники ей. Не всякая болѣзнь смертельна, объ этомъ нечего и говорить, но, если, съ одной стороны, бываютъ случаи, что и отъ тяжкой болѣзни выздоравливаютъ безъ медицинскихъ пособій, то, съ другой стороны, бываетъ и наоборотъ, что легкая, по-видимому, болѣзнь, безъ врачебнаго пособія, обращается въ неисцѣлимую, и сводитъ людей въ могилу. Послѣднее очень часто случается между простолудинами, именно потому, что они или не могутъ, или не хотятъ обращаться къ врачу за пособіемъ въ болѣзни. Не станемъ указывать всѣхъ причинъ нерасположенія простого народа къ медицинѣ, а укажемъ только такія, которыя представляются намъ нерезонными, а, между тѣмъ, сильно вкоренены въ народномъ сознаніи. Твердая вѣра народа въ Промыслъ Божій нерѣдко переходитъ въ фанатизмъ.

Народъ думаетъ и говорить, что каждому человѣку написано на роду жить столько-то времени и умереть въ опредѣленный судьбою срокъ, поэтому-то нѣтъ нужды заботиться объ излѣченіи больного. Ужь если суждено ему выздоровѣть, говорятъ, то выздоровѣть и безъ лѣкарствъ, а если пришло время умереть, то не помогутъ никакіе доктора. Вслѣдствіе такого убѣжденія, больной оставляется безъ врачебнаго пособія даже и тамъ, гдѣ есть возможность подать такое пособіе. А, между тѣмъ, болѣзнь, которую можно бы и излѣчить съ помощію медицины, получаетъ худой оборотъ, и больной, видимо, приходитъ въ опасное положеніе. Тогда только начинаютъ думать, какъ бы помочь больному, и призываютъ знахарей для наговоровъ и нашептываній. Когда же и знахарь не помогаетъ, уже обращаются къ священнику. Священникъ примѣчаетъ трудное положеніе больного, молится о его выздоровленіи, исповѣдуетъ и приобщаетъ его, а иногда, по желанію родныхъ и больного, совершаетъ надъ нимъ елеосвященіе. Какъ же относится народъ ко всѣмъ этимъ священнодѣйствіямъ? Къ сожалѣнію, бывали случаи, что даже чтеніе священникомъ надъ больными молитвъ, положенныхъ въ большомъ требникѣ противъ болѣзней, было признаваемо за наговариваніе и вычитыванье, и на священника смотрѣли, какъ на знахаря-читальщика. Положимъ, что подобные случаи непониманія значенія церковныхъ молитвъ рѣдки, но зато нерѣдко другое, крайне возмутительно народное повѣрье о приобщеніи больныхъ Святыми Тайнами. Не понимая, что больной приобщается тѣла и крови Христовой во оставленіе грѣховъ и въ жизнь вѣчную, простой народъ въ самомъ приобщеніи больныхъ ищетъ предзнаменованія ихъ выздоровленія или смерти. Когда больному человѣку суждено умереть, тогда, по понятію простолудиновъ, частица въ потирѣ тонетъ на дно, а если ему суждено выздоровѣть, то она будетъ плавать наверху. Вѣрятъ также, что если больной послѣ приобщенія

Святыхъ Тайнь уснетъ, то, значитъ, выздоровѣть, а если не будетъ спать, то не будетъ жить. Въ послѣднемъ замѣчаніи еще можно найти смыслъ: сонъ, дѣйствительно, иногда служить признакомъ облегченія болѣзни, а первая примѣта и неосновательна, и грѣховна. При совершеніи таинства елеосвященія, простой народъ также забываетъ цѣль этого таинства—исцѣленіе и отпущеніе грѣховъ больного. Наблюдаютъ за дымомъ отъ сучцовъ, и, по прочтеніи послѣдней молитвы — „Царю святой, благоутробне и многомилостиве Господи“ и проч.,—когда больному даютъ цѣловать раскрытое евангеліе, стараются замѣтить, какія слова цѣловаль больной, и по нимъ гадаютъ о выздоровленіи или смерти его. Кромѣ того, на соборованнаго масломъ смотрятъ, какъ на отпѣтаго, и если ему удастся выздоровѣть, то и тогда считаютъ его какъ бы выходцемъ съ того свѣта, и заставляють жить въ отчужденіи отъ семьи и общества. Если больному становится хуже, то домашніе его прислушиваются къ вою собакъ,—и это считаютъ несомнѣннымъ признакомъ близкой смерти больного, не смотря на то, что и прежде слышали собачій вой, но не придавали ему никакого значенія. Наконецъ, больной умираетъ. Въ комнатѣ завѣшиваютъ зеркала, гдѣ они есть, причемъ народъ придаетъ этому особое значеніе. Во время святочныхъ гаданій зеркало употребляется для узнанія суженаго, который будто-бы явится въ зеркалѣ гадающей дѣвушкѣ, а здѣсь боятся, чтобы зеркало не послужило органомъ сообщенія съ другимъ міромъ; боятся увидѣть въ зеркалѣ призракъ мертвеца. Вотъ умершій обмытъ, одѣтъ и положенъ на столъ. Препрежнему безучастію къ нему, пока онъ былъ живъ, смѣняется плачемъ и рыданіемъ съ разными причитаніями. Наемныя плакальщицы были, какъ извѣстно, у древнихъ язычниковъ и у еврейскаго народа. Обычай оплакивать умершихъ съ причитаніями, то есть, съ изъясненіемъ и исчисленіемъ заслугъ и добрыхъ качествъ умершаго, на Руси старѣе христіанства; по крайней

мѣрѣ, изъ сказанія лѣтописца о поминкахъ Игоря, изъ плача Ярославны въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ можно видѣть, что этотъ обычай очень древній. Продолжается онъ и донынѣ и былъ бы, пожалуй, терпимъ, если бы не сразу, по крайней мѣрѣ, замѣтно было, что плачутъ объ умершемъ или по завазу, или напоказъ. Приходитъ къ трупу умершаго рѣчистая и голосистая сосѣдка, и начинаетъ вѣть и голосить по немъ, какъ по родителѣ. Пока однѣ сосѣдки и знакомыя оплакиваютъ умершаго, другія всматриваются въ трупъ, покачивая головами, и тихо шепчутся между собою. Дѣло въ томъ, что у мертвеца одинъ, а иногда и оба глаза открыты, и это, по ихъ мнѣнью, недобрая примѣта: быть въ этомъ домѣ скоро другому мертвецу. Но вотъ приходитъ время выноса умершаго для погребенія. Вы замѣчаете, что, при выносѣ мертвеца изъ комнаты, нѣсколько разъ задѣваютъ гробомъ двери. Не приписываете ли вы это неловкости носильщиковъ? Нѣтъ, это намѣренное постукиваніе въ дверныя притолки, чтобы выгнать смерть изъ дому. Не больше имѣетъ смысла и посыпаніе угловъ комнаты, изъ которой вынесенъ умершій, рожью, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы живы были всѣ обитатели дома. Предавши тѣло усопшаго землѣ, родственники его, по возвращеніи съ кладбища, имѣютъ обыкновеніе умывать руки. Для чего это омовеніе? Для того, чтобы очиститься отъ прикосновенія къ умершему, но не для омовенія вещественной нечистоты. Это обычай древнихъ іудеевъ, перешедшій и къ христіанамъ, у которыхъ онъ не имѣетъ здраваго смысла, такъ какъ тѣло христіанина считается, по вѣрованію нашей церкви, жилищемъ Духа Святого, слѣдовательно, нѣтъ повода считать смертныя останки его чѣмъ-либо нечистымъ, напротивъ, мы должны воздавать усопшему должную честь.

Тѣло усопшаго предано землѣ съ честію, по христіанскому обряду. Но гдѣ же душа его? Этотъ вопросъ всегда занимаетъ ближнихъ умершаго. Какъ же они рѣшаютъ этотъ

трудный вопрос? Положительно думаютъ, что душа умершаго три дня по смерти витаетъ невидимо въ томъ-самомъ домѣ, гдѣ жила съ тѣломъ. И вотъ для того, чтобы этой осиротѣвшей душѣ доставить возможную отраду, простой народъ не довольствуется церковными молитвами, а заботится и о томъ, чтобы напоить и накормить ее. Съ этою цѣлю на окнахъ оставляютъ сосуды съ водою, а въ нѣкоторыхъ домахъ ставятъ на столѣ стаканъ или рюмку съ водою и накрываютъ бѣлымъ хлѣбомъ, полагая, что душа покойника приходитъ ужинать и съѣдаетъ незамѣтную часть поставленнаго для нея кушанья. На третій, девятый, сороковой день, равно какъ и въ годовщину смерти, родные совершаютъ по немъ поминовение. Въ церкви или на кладбищѣ отпѣвается панихида, а въ домѣ предлагается, смотря по состоянію и усердію поминующихъ, болѣе или менѣе богатое угощеніе для причта, знакомыхъ и пищихъ. Обычай поминовения усопшихъ какъ въ указаные, такъ и въ другіе поминальные дни освященъ церковію и имѣетъ свое основаніе и значеніе. Въ Ейскѣ на проводы, на городскомъ кладбищѣ, собирается всегда множество народа всякаго званія и состоянія. Тамъ сначала совершаютъ панихиды надъ умершими, а потомъ каждое семейство, сѣвъ въ кружокъ близъ могилы родственника, поминаетъ всѣхъ усопшихъ, дорогихъ сердцу. Ъдятъ, пьютъ за упокой и проч.

Сообщая въ настоящемъ очеркѣ свѣдѣнія о народныхъ повѣрьяхъ, обрядахъ и обычаяхъ, соблюдаемыхъ при смерти и погребеніи умершихъ, мы считаемъ не бесполезнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о тѣхъ причитаніяхъ надъ умершими, которыя намъ пришлось слышать при погребеніи и поминовеніи умершихъ въ городѣ Ейскѣ.

Какъ разныя повѣрія и суевѣрія характеризуютъ намъ черты отдаленной древности и переносятъ насъ въ далекое прошлое, представляя намъ времена идолопоклонства, такъ причитанія, разные обычаи, обряды и свадебныя пѣсни знакомятъ насъ со взглядомъ народа на явленія его семейной жизни.

Въ этихъ причитаніяхъ и пѣсняхъ, какъ произведеніяхъ народной словесности, виденъ кругъ тѣхъ простыхъ ощущеній, которыя приходится испытывать простолюдину, какъ члену семьи и общины.

Въ причитаніяхъ выражается сильнѣйшая вѣра въ явленіе умершихъ живымъ: родственники, похоронивъ покойника, обыкновенно *ждутъ его въ поминальные дни* или спрашиваютъ его, когда онъ прикажетъ итти навстрѣчу, когда онъ прикажетъ въ домъ, въ гости ждать— „въ полночь ли ждать, въ полночь мѣсячну; въ полдень ли ждать, въ полдень солнечный?“

Въ русскихъ причитаніяхъ мы не встрѣчаемъ воинственнаго духа или описанія побѣдъ и великихъ дѣлъ, какъ у древнихъ славянъ и грековъ, напротивъ того, въ нашихъ причитаніяхъ выражаются самыя простыя картины и картины глубокогорестныя: въ нихъ выливается горе людей,—которыя должны бороться съ нуждою, потерявъ близкаго имъ человѣка, нужнаго для поддержки семьи. Надъ различными лицами и причитаютъ различнымъ образомъ. Вотъ какъ, на примѣръ, жена плачетъ по умершему мужу:

«Милый мой, дорогой мой NN! (слѣдуетъ имя и отчество мужа). На кого ты меня бросилъ? На кого ты, дружокъ, понадѣлся, и на кого ты меня оставилъ? Ты оставилъ меня, горькую, безъ роду, безъ племени. Отъ кого теперь я, горькая, услышу слово ласковое? Осталась я одна, горькая, сирота-сиротинушка, одна-одинешенька!» и т. п.

Иныя женщины, оплакивая потерю мужа, причитаютъ такъ:

«Свѣтъ ты мой NN (слѣдуетъ имя и отчество мужа), большая ты моя голубушка! На кого ты меня, безпріютную сиротинушку, съ несчастными дѣточками, погинулъ? Аль не чуетъ твое родимое сердечко моего горя горькаго!» и проч. въ этомъ родѣ.

Изъ причитанія жены надъ мужемъ можно понять, почему мать, тоскуя объ умершемъ сынѣ, высказываетъ, что потеря ея чувствительна, такъ какъ она лишается важной поддержки въ семьѣ. Когда мать оплакиваетъ умершаго сына, она причитаетъ такъ:

«Дитятко мое родное, сынокъ ты мой дорогой! На тебя, сына,

я надѣялась, на тебя, сыночка, ненагляднаго, что будетъ отъ тебя, сокола яснаго, на тяжелой работѣ пособнице»... и т. п.

Большая разница между причитаніемъ матери надъ умершимъ сыномъ и причитаніемъ ея надъ дочерью; въ послѣднемъ случаѣ оно несравненно нѣжнѣе и полно родительскаго чувства и горести; вотъ причитаніе матери надъ умершею дочерью:

«Дитятко мое милое, моя красная, спѣлая ягодка! Ты оставляешь меня, моя голубушка. Какъ я стану жить безъ тебя, моя дорогая дочушка, безъ тебя, мое милое дитятко! Я остаюсь одна—одиношенька, безъ милой моей дочушки. Прости меня, дочь моя дорогая; прости меня, моя голубушка, буде чѣмъ тебя обидѣла!» и проч.

Точно также полны нѣжности и ласкательныхъ именъ причитанія, которыя поетъ сестра надъ умершей сестрой или братомъ; она напоминаетъ въ причитаньи всю веселую жизнь съ ними, всѣ гулянья, и, давая имъ разныя ласкательныя имена, какъ бы будить ихъ ото сна и просить ихъ прійти къ ней. Такъ, напримѣръ, сестра причитаетъ, оплакивая свою умершую сестру:

«Милая моя голубушка, сестра ты моя родная! Зачѣмъ ты сестрица дорогая, заставила насъ плакать-горевать и вѣчно по тебѣ тосковать? Встань ты, сестрица, развесели наши головушки, приходи къ намъ, наша голубушка! Встосковались мы, родная, встосковались, тебя невидючи!» и т. п.

Для большаго поясненія отрывковъ изъ причитаній, приведенныхъ выше, должно сказать, что взгляды простонародья на жизнь гораздо проще и ограниченнѣе, чѣмъ у человѣка образованнаго; что для простолюдина важна болѣе внѣшняя обстановка жизни и удовлетвореніе первымъ необходимымъ требованіямъ существованія; но простолюдинъ тоже сжился съ уголкомъ своимъ, и для него иногда въ этомъ уголкѣ заключаются всѣ радости и все горе жизни. Этимъ можно объяснить, почему дочь, оплакивая отца, причитаетъ такъ:

«Ой, зачѣмъ оставилъ ты, батюшка, дочку родную сиротинушкой, дочку родную одиношеньку безъ присмотру, да безъ подмогушки. Кто одѣнетъ твою доченьку, защититъ ее беззащитную! Ой, оставилъ ты насъ, милый батюшка, оставилъ насъ горе горючихихъ!» и проч.

Въ послѣднемъ причитаніи мы видимъ дочь, плачущую

надъ умершимъ отцомъ; можетъ быть, нѣкоторымъ покажется, что это причитаніе слишкомъ вещественное, но надобно сказать, что дочь со смертію отца остается совершенно беззащитною; образъ ея жизни совершенно измѣняется, въ будущемъ она видитъ только одно горе и нужду. Естественно, что она выражаетъ это въ своемъ причитаньи, тѣмъ болѣе, что смерть близкаго человѣка важна для нея, преимущественно, по отношенію къ ней самой. Любовь и живая связь между живымъ и умершимъ не прекращается, — развѣ для дочери не живъ отецъ, когда она припадетъ къ его могилѣ и проситъ благословенія? Для дочери воспоминанье объ отцѣ сладко, но хотя и подъ бременемъ такого тяжкаго горя, какъ смерть отца, она всетаки не можетъ забыть своей прежней жизни, особенно, когда передъ нею стоитъ завтрашній день съ своей суровой бѣдностью и тяжелымъ трудомъ для насущнаго хлѣба.

Итакъ, можно сказать, не корысть и себялюбіе заставляютъ горевать дочь объ утратѣ прежняго счастія и о горѣ вещественномъ, а мысль совершенно естественная, совершенно вѣрная, особенно, если принять во вниманіе бѣдное матеріальное положеніе большинства нашего простого народа, въ числу котораго безспорно можно отнести и жителей города Ейска.

Замѣчательно, что нѣтъ ни одного причитанія, въ которомъ бы участвовалъ или былъ дѣйствующимъ лицомъ мужчина, такъ что причитанія можно назвать видомъ народной поэзіи, развиваемымъ исключительно женщинами. И потому приходится сожалѣть, что много и очень много подобныхъ причитаній, высказанныхъ въ пору горя, остаются не записанными, и пропадаютъ какъ для науки, такъ и для самого народа.

Законоучитель Ейскаго реального училища,

Священникъ *Тимовой Стефановъ*.

Г. Ейскъ.
1886 г.

НѢКОТОРЫЯ ХАРАКТЕРНЫЯ ЧЕРТЫ

жителей селенія Геранъ-Бой-Ахмедлы, Елисаветпольской губерніи, Елисавет-польскаго уѣзда.

Коренные жители селенія Геранъ-Бой-Ахмедлы исключительно татары—мусульмане, сунниты. Есть нѣсколько семействъ и изъ шитовъ. Населеніе, по преимуществу, принадлежитъ къ податному сословію, хотя здѣсь проживаютъ и беки.

Геранскій татаринъ, обыкновенно, средняго роста, по наружности симпатиченъ, задумчивъ; коваренъ въ душѣ, но наружно добродушенъ; на лицѣ его написано какое-то огорченіе; но у женщинъ выраженіе лица болѣе осмысленное, менѣе мрачное. Какъ мужчины, такъ и женщины развиваются слишкомъ рано,—25 лѣтніе мужчины и 18 лѣтнія женщины уже считаются отцвѣтшими.

Рѣдко можно встрѣтить мужчину 18 лѣтъ холостого и женщину 14 лѣтъ не замужнюю. У геранцевъ цвѣтъ лица смуглый, глаза черные, волосы темные, рѣсницы прямыя, лобъ невысокій, носъ правильный, губы небольшія и полость рта усѣяна бѣлыми зубами; уши правильныя; близорукіе и дальнорукіе между ними встрѣчаются очень рѣдко; физическая сила у нихъ довольно развита, но, къ сожалѣнію, она мало прилагается къ труду. Походка геранца нетвердая и нерѣшительная. Предъ высшими геранецъ мягокъ и податливъ; предъ равными и низшими—гордъ и дервокъ; въ затруднительныхъ случаяхъ онъ очень смѣлъ. Геранцы живутъ между со-

бою не въ ладу; они непочтительны къ старшимъ; но за то отношенія между беками и крестьянами самыя простыя. Такъ, напримѣръ, барину ничего не стоитъ положить прислугу спать въ одной кибиткѣ съ собою и ѣсть съ нею изъ одного блюда.

У геранцевъ воровство считается дѣломъ обыкновеннымъ, и кто не пользуется чужимъ добромъ, тотъ не „кочакъ“ (удалецъ). Вслѣдствіе такого взгляда на чужую собственность, здѣсь сильно развиты грабежи и убійства. Грабежи состоятъ въ открытомъ угонѣ скота, отнятіи у рабочихъ съѣстныхъ припасовъ, денегъ и проч. Убійства происходятъ очень часто и вызываются или местию, или возникаютъ изъ-за похищенія невѣсты.

Семейная жизнь довольно однообразна. Семейства, находящіяся даже въ близкомъ родствѣ между собою, живутъ отдѣльно. Женщина въ семьѣ—безпрекословная рабыня мужа; она безропотно покоряется волѣ своего владыки. Отношенія дѣтей къ родителямъ самыя грубыя; дѣти боятся и почитаютъ отца больше матери. При видѣ отца, всѣ въ семействѣ низко кланяются и ожидаютъ его приказаній и распоряженій, которыя выполняются только изъ страха, а не изъ уваженія. Мужчина въ семействѣ главный руководитель; осенью и лѣтомъ онъ занятъ полевыми работами; всѣ же остальные заботы по хозяйству лежатъ на обязанности женщинъ и дѣвушекъ. Женщины преданы интересамъ семьи и своихъ дѣтей, ведутъ жизнь замкнутую и монотонную и въ умственномъ развитіи стоятъ неизмѣримо ниже мужчинъ.

Кругозоръ ихъ понятій и желаній не переступаетъ за предѣлы домашняго очага. Онѣ занимаются стиркой бѣлья, доеніемъ коровъ, печеніемъ хлѣба, подметаніемъ землянки и двора; а дѣвочки носятъ воду, моютъ посуду, помогаютъ матери въ разведеніи огня и исполняютъ разныя мелкія работы. Дѣти мужского пола до четырехъ-лѣтняго возраста, обыкновенно, босикомъ и полунагія, играютъ на улицѣ или на дворѣ

съ дѣтьми сосѣдей. Они не знакомы почти съ нижнимъ платьемъ и обувью и питаются въ теченіе дня сухимъ хлѣбомъ, иногда съ кускомъ сыра, а съ 5—6 лѣтняго возраста принимаютъ участіе въ работѣ взрослыхъ, ухаживаютъ за домашнимъ скотомъ, рубятъ дрова и проч.

Геранцы носятъ большія папахи; платье ихъ состоитъ изъ длиннаго архалука, длинной чохи, шароваръ; бурку же носятъ рѣдко, даже зимою. Бѣлье шьется у нихъ изъ грубой бязи; теань эта довольно крѣпкая и въ трудовой жизни простого люда весьма удобна и полезна. Обувь составляютъ коши, масть (туфли) и поршни. Голозной уборъ женщинъ состоитъ изъ платка, чалмы и кялагаи; женщины большія охотницы до серебряныхъ украшеній,—особенно любятъ серебряные пояса, обшитые двугривенными въ два и три ряда, съ широкими петлями спереди (кашаръ); короткіе кафтаны, доходящіе до бедраиной кости, обвѣшиваются и украшаются серебряными монетами.

Характерныхъ общественныхъ удовольствій и развлеченій здѣсь не бываетъ; даже наши мусульманскіе праздники: байрамъ, джума, рамазанъ и другіе не нарушаютъ спокойно-угрюмаго настроенія населенія и не возбуждаютъ въ немъ желаній и страстей. Въ длинныя зимніе вечера геранцы рѣдко посѣщаютъ другъ друга и, усѣвшись вокругъ тлѣющаго костра, ведутъ между собою бесѣду; предметами такихъ бесѣдъ чаще всего бываютъ новости дня, житейская суета, дневныя работы и житье-бытье другихъ.

Принять гостя и пріютить странника составляетъ религіозную добродѣтель мусульманина, но геранцы не соблюдаютъ этого священнаго правила; они или совсѣмъ не принимаютъ гостя, или, принявъ, наводятъ на него своимъ мрачнымъ видомъ смертельную скуку. Долгъ гостепріимства хорошо соблюдается по отношенію къ оффиціальному гостю: домохозяинъ старается всѣми силами занять проѣзжаго чиновника, чтобы

онъ не скучаль. Главную пищу геранцевъ составляютъ—пшеничный хлѣбъ, рисъ, баранина, прѣсное и кислое молоко, сыръ и масло мѣстнаго приготовления; горячей пищи они почти не употребляютъ и готовятъ ее очень рѣдко; любимое блюдо составляетъ „*бозартма*“. Для приготовления его берутъ свѣжую и нѣжную баранину и, разрѣзавъ на мелкіе куски, приправляютъ мелко покрошеннымъ лукомъ, солью и перцемъ. Полученную такимъ образомъ массу поджариваютъ въ котлѣ; затѣмъ снимаютъ съ огня, подливаютъ горячую воду и немного жиру. Кушанье это ѣдятъ съ лукомъ. Довольно распространено также простое блюдо „*агсакъ-оглагъ*“; оно готовится изъ коровьяго или буйволинаго масла, которое вливается въ кислое молоко съ чеснокомъ; а потомъ обмазываютъ куски хлѣба въ „агсакъ-оглагъ“ и ѣдятъ. Населеніе пьетъ воду изъ Геранъ-Чая; вода для питья прѣсная и очень здорвая.

Народное образованіе въ Геранѣ находится на весьма низкой степени развитія, такъ какъ населеніе держится въ сторонѣ отъ просвѣщенія, что, въ значительной степени, объясняется религіозною и фанатическою исключительностью. Къ русской школѣ геранцы относятся вообще съ недовѣріемъ и неохотно пускаютъ въ нее своихъ дѣтей. Домашняго воспитанія въ истинномъ смыслѣ этого слова у нихъ нѣтъ; родители не учатъ своихъ дѣтей даже молитвамъ и совершенію намаза; грязные, оборванные, почти нагіе ребяташки все время бродятъ по улицамъ безъ всякаго присмотра; вслѣдствіе этого они лѣнны, не приучены ни къ какому дѣлу, физическія и духовныя силы притупились отъ бездѣлія; это толпа нищихъ нахаловъ, лжецовъ, лицемѣровъ, одичавшихъ въ нуждѣ и въ невѣжествѣ; они назойливы, требовательны и относятся съ презрѣніемъ къ другимъ. Самый домашній бытъ геранцевъ весьма вредно вліяетъ на первоначальное воспитаніе дѣтей. Въ семейной жизни царятъ ссоры и дразги: матери,

сестры и другія женщины дома ругаются самыми грубыми словами и спятъ всѣ въ одной и той же землянкѣ или кибиткѣ. Всякая брань и непристойный поступокъ у нихъ считаются дѣломъ обыкновеннымъ, и все это совершаются безъ стѣсненія при дѣтяхъ обоого пола и самаго ранняго возраста.

Жители здѣсь не имѣютъ почти никакихъ преданій, легендъ, сказокъ, историческихъ и бытовыхъ пѣсень.

Чтобы судить о благосостояніи геранцевъ, скажемъ нѣсколько словъ о сельскохозяйственныхъ ихъ занятіяхъ. Главнымъ образомъ они занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Последнему особенно благопріятствуютъ обширныя и богатыя пастбища на нагорныхъ мѣстахъ и помѣщичьи *ятаги* на низменностяхъ. Каждый крестьянинъ имѣетъ свой сѣнокосъ. Пастбища бываютъ обыкновенно настолько обильны, что легко прокармливается весь наличный скотъ. На зиму лошадей держать въ конюшняхъ и покрываютъ ихъ теплыми попонами; а рогатый скотъ пасется цѣлый годъ на ятагахъ, гдѣ устроено множество удобныхъ хлѣвовъ для ночного пріюта. Но, во всякомъ случаѣ, земледѣліе составляетъ для геранца главное средство къ жизни. Урожаи здѣсь бываютъ самъ—25, 30, 35, и 40, средній же самъ—20. Замлю пахутъ сохою, которая врѣзывается въ почву неглубоко. Подъ соху запрягаютъ пару быковъ. Плугъ употребляется только мѣстнымъ помѣщикомъ. Почва солончаковая и черноземная. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почва до того плодородна, что землю совсѣмъ не пахутъ, а сѣютъ хлѣбъ безъ распашки. Пахота производится обыкновенно такъ: разъ пахутъ, сѣютъ, а потомъ опять пахутъ поперекъ первыхъ бороздъ; вторая пахота служитъ здѣсь вмѣсто бороньбы, которой здѣсь нѣтъ. Сѣютъ рукой, разбрасывая зерна во всѣ стороны. Изъ хлѣбныхъ растений жители засѣваютъ исключительно ячмень, пшеницу и просо. Созрѣвшій хлѣбъ жнётся серпами. Жатва производится преимущественно персіянами, которыхъ татары на-

зываютъ насмѣшливо *хамшари* (землякъ). Молотьба происходитъ при помощи быковъ и лошадей общеизвѣстными кавказскими молотилками. Отъ молотьбы остается саманъ, который служить кормомъ для домашняго скота. Вѣютъ такъ-же, какъ и вездѣ на Кавказѣ. Кустарная промышленность хотя существуетъ здѣсь, но въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ. На домашнихъ станкахъ изготовляются невысокаго достоинства ковры, паласы, попоны, мафрани, чүвалы и переметныя сумки. Жители вообще бѣдны.

Въ заключеніе приведемъ здѣсь нѣсколько юмористическихъ народныхъ разсказовъ, которые въ употребленіи у геранцевъ.

1. Глупый пахарь.

Однажды два разбойника, Заргаръ и Дильгарди, пошли на разбой, а такъ какъ они не взяли съ собою ружья, то пустились на легкое мошенничество и условились отнять у пахаря быка. Дильгарди, славившійся своею хитростью, оставилъ своего товарища въ лѣсу, а самъ вышелъ на поляну, гдѣ добрый крестьянинъ пахалъ поле. Тутъ хитрецъ сталъ кричать во все горло; онъ то рыдалъ, какъ ребенокъ, то билъ себя по головѣ, наконецъ, посыпалъ голову землею и сталъ твердить: „Горе мнѣ, горе! я лишился ума!“ Увидя такую сцену, несчастный пахарь оставилъ свою работу, подошелъ къ хитрецу и спросилъ: „Что съ тобою, добрый человекъ?“ Дильгарди не отвѣчалъ, чтобы подольше удержать пахаря. Въ этотъ моментъ Заргаръ, уловивъ удобную минуту, когда вниманіе пахаря было отвлечено хитрецомъ, вышелъ изъ лѣсу, развязалъ отъ сохи одного изъ быковъ и погналъ его въ лѣсъ. Когда онъ совсѣмъ скрылся изъ виду, хитрецъ сказалъ съ улыбкою: „Со мною ничего: я въ своемъ умѣ; одно только меня удивляло и поражало до сихъ поръ, какъ ты пахалъ однимъ быкомъ?“

Оглянулся пахарь назадъ и, увидя только одного быка, вмѣсто двухъ, воскликнулъ: „Я самъ удивляюсь, какъ это я ухитрился пахать однимъ быкомъ; тутъ какое-то чудо!“

Хитрый воръ привелъ пахаря къ плугу и объяснилъ ему, что никакого тутъ чуда нѣтъ, что быка отпрягли и увели во время его отсутствія.

Наконецъ, мужичекъ понялъ, что быкъ его украденъ и, не вида никого кругомъ, присталъ къ хитрецу, говоря: „Ты сейчасъ укралъ моего быка; кромѣ тебя здѣсь никого не было.“ Пошли жаловаться къ старшинѣ. На дорогѣ мошенникъ притворился мертвымъ. Пахарь еще пуще встревожился и, оставивъ мнимый трупъ, отправился заявить старшинѣ о внезапной смерти своего спутника. Дильгарди, пользуясь этимъ временемъ, возвратился на пашню и, взявъ платье пахаря, пригналъ и другого быка къ своему товарищу. Возвращается пахарь со старшиной, но на дорогѣ не находятъ никакого мертвеца, а на пашнѣ—ни платья, ни быковъ. Старшина принялъ пахаря за сумасшедшаго и разсердился, что онъ напрасно побезпокоилъ его.

2. Удачный отвѣтъ.

Мустафѣ вздумалось полакомиться мясомъ пѣтуха, котораго онъ намѣтилъ еще днемъ. Вотъ ночью, съ величайшей осторожностію, онъ пробирается къ дубу, на которомъ сидѣли куры. Снимаетъ свои коши и тихонько лѣзетъ на дерево. Собаки, получивъ нѣсколько кусковъ хлѣба, пропустили милаго гостя, но куръ нельзя было подвунзить; а потому, почувствовавъ приближеніе человѣка, онѣ подняли страшную суматоху. Хозяинъ беретъ съ собою здоровенную дубину и выходитъ изъ савли на шумъ, думая, что къ его курамъ пробралась опять старая лисица. Долго онъ осматриваетъ дерево, но ничего не замѣчаетъ. Наконецъ, собравъ всю свою силу,

онъ ударяетъ раза три тяжело-вѣсною дубиною по листьямъ. Тутъ изумленнымъ глазамъ его предсталъ близкій сосѣдъ Мустафа. „Что ты тутъ дѣлаешь?“ Мустафа, какъ ни въ чемъ не бывало, хладнокровно отвѣчаетъ ему: „Ничего, грѣюсь на солнышкѣ!“

3. Одинъ умнѣ другого.

Однажды на поле мужика забрался верблюдъ, и не столько ѣлъ, сколько портилъ. Является хозяинъ и чуть не плачетъ; стоитъ возлѣ верблюда и не знаетъ, какъ выгнать его. Наконецъ, оставивъ верблюда, онъ бѣжитъ за совѣтомъ къ самому умному изъ сосѣдей. „Иди, завяжи верблуду всѣ четыре ноги,“—говоритъ ему умный сосѣдъ: „потомъ позови на помощь нѣсколько человекъ и волочите его по нивѣ; гдѣ кончается нива, тамъ и пустите его“.

Другой разъ поймалъ крестьянинъ зайца. Считая его домашнимъ животнымъ, мужикъ пустилъ его въ *халь-халь* (огороженное колючками мѣсто, куда загоняютъ скотъ весною и осенью), у входа поставилъ ярмо, а самъ пошелъ на работу. Вечеромъ возвращается домой и желаетъ взглянуть на зайца. Отправляется въ халь-халь,—но, увы, зайца нѣтъ! Его сильно заняло, откуда могъ заяцъ выйти и убѣжать. Наконецъ, онъ спрашиваетъ своего сосѣда: „Ты умнѣ меня,—объясни мнѣ: откуда могъ выйти заяцъ?“ Послѣ долгаго осмотра халь-хала сосѣдъ беретъ ярмо и говоритъ: „Вотъ у этого ярма маленькая дырочка, сдѣланная буравчикомъ, навѣрно—твой заяцъ отсюда и вышелъ!“

4. Заднимъ умомъ крѣпки.

Жителямъ селенія Ожаклы *) вздумалось устроить на

*) Нукянскаго уѣзда, Елисаветпольской губерніи.

безводной вершинѣ „Бозъ-дагъ“ (Сѣрая гора) водяную мельницу. Для этого они вырыли длинную канаву, что обошлось имъ очень дорого, вслѣдствіе твердаго грунта. Потомъ соорудили на прочномъ фундаментѣ прекрасное зданіе, приготовили жернова, колеса и все, что нужно для мельницы. Когда уже они кончали постройку мельницы, пастухъ погналъ стадо овецъ на водопой къ мельничной канавѣ, но воды тамъ не оказалось. Одинъ изъ работавшихъ на мельницѣ поспѣшилъ остановить стадо, но не могъ. Тогда прибѣжали другіе рабочіе и напали на пастуха, говоря, что его стадо засоряетъ мельничную канаву. „Какая тутъ канава?“—спросилъ пастухъ: „какъ-же вы проведете воду на вершину этой крутой горы?“ Тогда только жители подумали о водѣ, но было уже поздно.

5. Потеря выгоднѣе находки.

Мамедъ, бродя безъ всякой цѣли, нашель новую черкесску. Онъ взялъ ее, пошелъ по большой дорогѣ и все время твердилъ вслухъ: „У меня черкесска уже есть; я куплю себѣ войлочную шапку и архалукъ; у меня черкесска уже готова,—я куплю себѣ шаровары и поясъ; вѣдь, черкесска у меня подъ пазухой,—я куплю, непременно куплю поршни и рубашку!“ Все это слышалъ молодой всадникъ, который ѣхалъ по слѣдамъ бродяги. Онъ бросился на него и въ одинъ мигъ вытащилъ у него изъ-за пазухи черкесску. Несчастный Мамедъ остался безъ черкесски, но онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что потеря выгоднѣе находки, потому что къ черкесскѣ теперь не придется ему покупать другого платья.

Смотритель-учитель Геранскаго двухкласснаго
земскаго училища *Гассанъ-бекъ-Башировъ*.

Сел. Геранъ.
1886 г.

ЗАГАДКИ И СКАЗКИ,

записанныя въ селѣ Казгуланѣ, Ставропольской губерніи, Новогригорьевскаго уѣзда.

I.

ЗАГАДКИ.

- 1) Мать—гладуха, дочь—красуха, сынъ — кучерявчикъ.
Печка, огонь, дымъ.
- 2) Стоять кони на препонѣ, не пьютъ, не ѣдятъ, а гладки стоятъ. *Арбузы на бакчахъ.*
- 3) Крикнулъ вошь на сто горъ, на тысячу береговъ, на тысячу рѣчекъ, на сто печекъ. *Громъ.*
- 4) Хлѣвецъ полонъ бѣлыхъ овецъ, а между нихъ черный баранецъ. *Попъ въ церкви.*
- 5) Безъ рукъ, безъ ногъ, а рубашку скидаетъ. *Змья.*
- 6) Одно говорить: побѣжимъ; другое—полежимъ, третье—посвистимъ. *Вода, земля, вѣтеръ.*
- 7) Сухой Архипъ далеко плюетъ. *Ружье.*
- 8) Курица подъ тынкомъ дуется. *Хлѣбъ въ печи.*
- 9) Свинья желѣзная, а хвостъ мотузяный. *Игла съ ниткой.*
- 10) Стоитъ дѣдъ подъ лавкой, залапанъ сметанкой. *Выбленные стѣны.*
- 11) Баранъ въ хлѣвѣ, рога на дворѣ. *Буракъ въ землю.*
- 12) Дѣвка въ каморѣ, коса на дворѣ. *Тоже буракъ.*
- 13) Подъ хвостомъ, лежитъ къ верху хвостомъ да соли просить. *Огурецъ.*

- 14) Въ полѣ лежитъ кусокъ желѣза: нельзя ни взять, ни поднять, ни на возъ покласть. *Змѣя.*
- 15) Загляну въ погребецъ, а тамъ два ряда яецъ (яицъ). *Зубы.*
- 16) Костянь-деревянь чрезъ гору свиной гналь. *Гребень.*
- 17) Сквозь ворота лысый быкъ смотритъ. *Мѣсяцъ.*
- 18) Что отъ Бога меньше, отъ царя старше? *Смерть.*
- 19) Сидитъ полная печь пироговъ, по серединѣ кнышь. *Попъ въ церкви.*
- 20) Сидитъ сѣдуха въ семи кожухахъ, да еще и поси-нѣла. *Лукъ.*
- 21) Зимой купается, а лѣтомъ подъ соломою ховается. *Токъ* (мѣсто, гдѣ молотятъ хлѣбъ).
- 22) Оволо одной ямы, сто человекъ съ кѣями. *За обѣдомъ, около чашки.*
- 23) Стоитъ пѣтухъ надъ водой, съ красной бородой. *Калина.*
- 24) Сѣлъ Ваня на коня, да поѣхалъ въ поल्या. *Горшокъ или чугунокъ.*
- 25) Сѣрые кабаны всѣ поля залегли. *Туманъ.*
- 26) Пришла кума до кумы: „дай, кума, лепети; полепети да пойти“. *Сито* (угадывать по звуку).
- 27) Одно говорить: „мнѣ зима лучше“; другое— „мнѣ лѣто лучше!“ третье: „мнѣ все-равно, что лѣто, что зима—перемѣны нема.“ *Сани, телга, вола.*
- 28) Сѣрый быкъ всѣхъ людей поднялъ. *Свѣтъ.*
- 29) Стоитъ стрѣла среди двора, а въ той стрѣлѣ семь-сотъ, да еще два. *Макъ.*

II.

СКАЗКИ.

1. Про солдата—зятя царскаго *).

Царь сталъ спорить съ царицей: „мои солдаты лучше

*) Записана со словъ крестьянина Якова Олейника.

какого пана обхожденіе (т. е. дисциплину) знаютъ, а передо мною за цѣлую версту шапку снимаютъ!“ Царица не повѣрила, даже побилась объ закладъ: „тогда, говорить, повѣрю, когда своими глазами увижу.“ Вотъ сидятъ они одинъ разъ во дворцѣ, пьютъ чай съ пряниками, а мимо нихъ идетъ солдатъ; у солдата ранецъ за плечами, въ рукахъ палка, на картузѣ бляха. Царь и говорить царицѣ:

— „Ты не вѣрила, что мои солдаты—обходительный народъ, пойдемъ, я покажу тебѣ!“

Выходятъ на крыльцо; солдатъ прошелъ мимо нихъ, даже и шапки не снялъ. Тогда царица и говорить:

— „Тавіе-то твои солдаты обходительные? Давай, по уговору, проигранный закладъ!“ Царь очень разсердился: велѣлъ онъ вернуть солдата.

— „Ты, говорить, служивый, почему это не отдалъ обхожденія?“

— „Я, Ваше Императорское Величество, со службы домой иду; на радостяхъ выпилъ врючекъ водки, да и не замѣтилъ Васъ, простите меня!“

— „Нѣтъ“, говорить царь: „не прощу! Прослужи ты еще пятнадцать лѣтъ, тогда, можетъ, и научишься обхожденію!“

Солдатъ опять пошелъ служить. Царь и задумался: „неужели, думаетъ онъ, всѣ у меня солдаты такіе?“ И сталъ царь стоять на крыльцѣ каждый день; всѣ солдаты, какъ идутъ мимо него, такъ и дѣлаютъ обхожденіе. Ужъ очень царя зло взяло, что царица выиграла съ него закладъ, и сталъ онъ опять съ ней спорить, что его солдаты обходительные; и заспорили они такъ: ежели за пятнадцать лѣтъ хоть одинъ солдатъ не сдѣлаетъ обхожденія, то царь проигрываетъ царицѣ двойной закладъ, а если всѣ будутъ дѣлать, то царица проигрываетъ ему втрое больше. Вотъ опять идетъ тотъ солдатъ домой: онъ ужъ отслужилъ пятнадцать лѣтъ. Опять

не сдѣлалъ онъ обхожденія, царица за это взяла съ царя проигранный имъ закладъ. Царь опять позвалъ солдата и давай его ругать: „Ахъ ты, такой-сякой, сухой—немазаный! почему ты не сдѣлалъ обхожденія?“

— „Не до обхожденія мнѣ, Ваше Величество!“ говорить солдатъ: „я прослужилъ сорокъ лѣтъ, постарѣлъ и слѣпъ ужъ сталъ: я и теперь Васъ насилу вижу“... Царь взялъ у него отставку, посмотрѣлъ ее и сказалъ:

— „Ты служилъ очень хорошо еще тѣ двадцать пять лѣтъ, а эти пятнадцать—еще лучше; мнѣ очень жалко тебя, что неповинно прослужилъ ты лишнихъ пятнадцать лѣтъ; пойдешь, я награжу тебя!“

И завелъ его царь въ хоромы; а въ этихъ хоромахъ что мѣди, что золота, что серебра, что бумажекъ сотенныхъ—страсть! Царь и говорить солдату: „бери—сколько хочешь!“ Солдатъ выкинулъ изъ своего ранца худобу и насыпалъ туда золота; завязалъ выше долони рукава, распоролъ сверху шинель и напихалъ туда бумажекъ сотенныхъ; за сапоги и за пазуху насыпалъ серебра, а на мѣдь и не глядитъ. Набравши денегъ, солдатъ и говорить царю: „очинно благодарны, Ваше Величество!“

Вышелъ отъ царя солдатъ—насилу идетъ—и прямо въ трактиръ. Потребовалъ водки, вина—и давай гулять: музыку нанялъ, всѣмъ половымъ по цѣлковому на водку давалъ, въ карты—въ трюнку игралъ; кто зайдетъ въ трактиръ—всѣхъ поить. Такъ солдатъ кутилъ—пылилъ трое сутокъ подрядъ.

На четвертый день солдатъ собрался домой; вышелъ изъ города (голова съ похмелья трещить) и идетъ по дорогѣ; а по-надъ-дорогою хлѣба стоять—ажъ духъ замираетъ—доже хороши! Вздумалось солдату соснуть—ужъ очень долго не былъ онъ свободнымъ и не могъ, сколько угодно, спать въ степи! Свернулъ онъ съ дороги, залѣзъ въ хлѣбъ и заснулъ, какъ убитый. За солдатомъ еще съ самаго города слѣдилъ половой

изъ трактира: онъ видѣлъ, что у солдата много денегъ, и захотѣлось ему завладѣть солдатской казной. Какъ только солдатъ уснулъ, половой взялъ у него ранецъ, снялъ съ него шинель, сапоги, забралъ всѣ деньги и—былъ таковъ. Цѣлый день спалъ солдатъ, проснулся ночью—такая темь, хоть глаза коли. Ощупалъ онъ себя—нѣтъ ни одѣжи, ни денегъ: солдата даже страхъ взялъ. И сталъ онъ просить Господа-Бога: „Господи! вороти мнѣ мои деньги: я половину раздамъ нищимъ и на церкви пожертвую!“ и долго еще молился солдатъ. Но Господь то, вѣдь, не очень любитъ корыстныхъ людей, а потому онъ и не помогъ солдату. Между тѣмъ, солдатъ все ожидалъ, что Господь услышитъ его; онъ даже на-земь упалъ и долго лежалъ такъ. Когда онъ всталъ и увидѣлъ, что Господь не помогаетъ ему, онъ сталъ звать чорта: „Что хочешь, возьми съ меня, окаанный, верни только мнѣ деньги!“ Знамо дѣло—чорта никогда не надо звать: онъ—врагъ этотъ—всегда соблазняетъ человѣка на недоброе. Чортъ явился къ солдату и говорить:

— „Ты на что меня звалъ?“

— „Такъ и такъ,“ говоритъ солдатъ: „пропали деньги у меня; верни ихъ мнѣ, а я тебѣ, что хочешь, отдамъ за это.“

— „Добро!“ говоритъ чортъ: „я тебѣ верну деньги, только ты долженъ за это три года не бриться, не стричься, не умываться, не утираться, въ зеркало не смотрѣть и въ церковь не ходить; за это я еще буду тебя слушать три года: что скажешь мнѣ, то и буду дѣлать!“

Солдатъ задумался: въ душѣ онъ очень боялся чорта: ежели бы не деньги, онъ сейчасъ-же бы именемъ Божиимъ прогналъ его; да и денегъ опять жаль. Долго думалъ солдатъ, наконецъ, сказалъ: „Согласенъ: пусть будетъ по твоему!“

— „Теперь ты иди въ городъ“, сказалъ чортъ: „прямо въ тотъ трактиръ, гдѣ гулялъ; тамъ и найдешь свои деньги.“

Вернулся солдатъ въ городъ и идетъ прямо въ знакомый трактиръ. На порогѣ встрѣтилъ его половой и говорить:

— „Прости меня, служба! Я взялъ твои деньги! Какъ я ихъ взялъ, такъ мнѣ нѣтъ и покою: ночью нечистая сила лѣзетъ меня душить,—и креста не боится—знать, знаетъ нечистая сила, что крестъ грѣшника не силенъ. Иди, получи свои деньги!“

Вотъ солдатъ взялъ свои деньги и опять закутилъ.

Приѣхалъ туда, въ трактиръ одинъ баринъ. Онъ позвалъ полового и спросилъ, не знаетъ-ли онъ, съ кѣмъ можно здѣсь поиграть въ карты? Половой говоритъ:

— „Есть у насъ тутъ одинъ солдатъ; денегъ у него тьма-тьмушая: можетъ онъ будетъ играть.“

Позвали солдата. Солдатъ согласился и стали играть въ трынку. Сталъ баринъ обыгрывать солдата; ужъ много у него онъ выигралъ денегъ, должно быть тысячъ сорокъ. Солдатъ разсердился; вышелъ онъ изъ хаты и сказалъ:

— „Окаяшка!“ Чортъ былъ уже около него.

— „Что же ты не помогаешь мнѣ?“ — „Да никакъ не можно“, отвѣчалъ чортъ: „вы играете на такихъ картахъ, на которыхъ еще никто не игралъ. Возьми вотъ эти карты: на нихъ уже играли, а еще больше ругались.“

— Солдатъ взялъ отъ чорта карты, и стали они съ бариномъ играть на нихъ. Долго они еще играли. Какъ стали они играть на чортовыхъ картахъ, солдатъ сталъ все выигрывать: онъ вернулъ всѣ свои деньги, что проигралъ барину, да еще выигралъ всѣ деньги, что были у барина. Баринъ ужъ очень разгорячился, не хотѣлось ему уступать солдату. Сталъ онъ играть еще съ солдатомъ; до самаго свѣта играли они. Солдатъ выигралъ у него деревню съ крестьянами, кучера, лошадей, всю его одѣжу и даже его билетъ. Когда баринъ проигралъ все, что у него было, онъ позвалъ своего кучера и сказалъ:

— „Иванъ! вотъ вамъ новый баринъ, а ты мнѣ уже не слуга!“, а у самого такъ слезы и текутъ въ три ручья. Жаль стало солдату барина, и далъ онъ ему четвертную и сказалъ:

— „На, баринъ, тебѣ, а меня не поминай недобромъ!“ Солдатъ велѣлъ запрягать своему кучеру и поѣхалъ въ свою деревню. Тамъ встрѣтили его крестьяне такіе оборванные, какъ цыганы, а домишки чуть-чуть держатся. Солдатъ задумалъ поправить дома своихъ крестьянъ; какъ онъ легъ спать, такъ и позвалъ чорта:

— „Окаяшка!“

Чортъ вылѣзъ изъ трубы и говоритъ:

— „Что прикажете?“

— „Я, говорить, хочу, чтобъ у моихъ мужиковъ были къ утру новыя хаты: каменные, съ колиндорами (коридорами), съ разводными окнами, деревянными полами, съ желѣзными крышами, съ кочетками на воротахъ. Да и этого мало... Я хочу, чтобъ у каждого крестьянина было по пяти коровъ и конюшня съ тройкой хорошихъ лошадей. Ступай и дѣлай, что я сказалъ!“

Чортъ провалился. Утромъ, какъ попросыпались мужики, такъ и ахнули: ихъ деревня стала, что твой городъ: дома все каменные, крыши на нихъ желѣзныя и улицы каменные. Видитъ солдатъ, что у мужиковъ все есть, нѣтъ только денегъ. Вечеромъ онъ опять позвалъ чорта:

— „Окаяшка! Объ этой ночи сдѣлай двѣ гамазени (магазина) и насыпь туда полно золота!“

Утромъ солдатъ собралъ всѣхъ мужиковъ предъ магазинами и велѣлъ отпереть двери. „Берите, сколько хотите!“ сказалъ солдатъ мужикамъ; мужики даже драбу подняли за

деньги. И стали крестьяне жить богато, какъ купцы, и одѣжу справили себѣ барскую, купчую такую!

Прошло не мало времени. Царь, о которомъ была выше рѣчь, поругался со всѣми царями и объявилъ имъ войну. У самого-то въ то время не было ни ружьевъ хорошихъ, ни одѣжи солдатамъ. Сталъ печаловаться царь: негдѣ достать денегъ. И велѣлъ царь кликнуть кличъ по своему царству:

— „Кто желаетъ занять денегъ своему царю на войну съ супротивниками?“ Услышалъ это солдатъ и захотѣлось ему помочь царю. Позвалъ онъ чорта и сказалъ ему:

— „Окаяшка! Чтобъ къ утру были у меня на дворѣ пять возовъ съ золотомъ!“

— Чортъ говорить: „Не можно столько много денегъ достать“.

— „Какъ хочешь—можно не можно—а чтобъ были! Ступай!“

— Просыпается солдатъ утромъ, а на дворѣ ужъ стоятъ возы съ золотомъ; солдатъ всѣ отослалъ царю. Царь накупилъ полушубковъ теплыхъ, харчей, ружьевъ добрыхъ понасправлялъ, и побилъ своихъ супротивниковъ. Надо было ему отдавать деньги солдату; а денегъ нѣтъ, да и взять ихъ не откуда,—и опять запечалился царь. Царица узнала объ этомъ и стали они вмѣстѣ думать, какъ бы заплатить долгъ солдату. У царя было три дочери; вотъ они и придумали отдать за солдата замужъ какую-нибудь дочь. Сказали объ этомъ дочерямъ; тѣ говорятъ, что мы пойдемъ, только намъ надо посмотреть хотя портретъ солдата-жениха. Царь послалъ солдату письмо; въ этомъ письмѣ онъ сваталъ за него свою дочь и просилъ солдата прислать свой портретъ. Солдатъ даже испугался: никогда не думалось ему и во снѣ быть у царя зятемъ. Позвалъ онъ чорта и говорить ему:

— „Окаяшка! меня царь сватаетъ за свою дочь и просить прислать ему мой патреть (портретъ)“.

Чортъ ажъ до потолка подпрыгнулъ. „Ничего, говорить, посылай! давай я напишу съ тебя портретъ!“ Солдатъ подумалъ—подумалъ и согласился. Сѣлъ чортъ малевать портретъ, двѣ недѣли малевалъ, а какъ намалевалъ, такъ и велѣлъ солдату отослать его царю и не смотрѣть на него. Когда царю принесли портретъ, и онъ посмотрѣлъ на него, то чуть не упалъ со страху: ужъ больно страшный портретъ былъ—солдатъ, вѣдь, болѣе двухъ лѣтъ не умывался, не утирался, не стригся, не брился; виски (волоса) стали у него большіе, на мордѣ грязи—какъ на базу, изъ носу сопли текутъ, изо рта слюни, а чортъ все такъ и намалевалъ. Царь показавъ портретъ царицѣ и дочерямъ; царица и двѣ старшія дочери, какъ увидали портретъ, такъ со страху болѣе часу лежали мертвыя: барыни разныя да генералы все водой ихъ отливали. Только самая младшая дочь не испугалась.

— „Я, говорить, батюшка, пойду за него замужъ!“ — Царю стало жалко свою дочь: солдатъ показался ему страшнѣе чорта.

— „Не ходи, дочка, за него; лучше половину царства продамъ, да отдамъ деньги солдату, а тебя не отдамъ за него!“

— „Какъ хотите, отдавайте—не отдавайте, а я хочу за него замужъ!“

— „Я съ тебя воли не снимаю“, говорить царь: „напиши ему письмо, когда ему пріѣзжать вѣнчаться!“

Царевна написала солдату, чтобы онъ чрезъ девять недѣль пріѣзжалъ вѣнчаться. Чортъ досталъ пятерку самыхъ что-ни-на есть лучшихъ лошадей, понадѣвалъ на нихъ золотую сбрую, запрегъ ихъ въ хорошій тарантасъ и посадилъ туда солдата; самъ нарядился, какъ генералъ какой: усы закрутилъ, брови почернилъ, виски помазалъ бараньимъ жиромъ, а одѣжу такую досталъ, что заглядѣнье, и сѣлъ рядомъ съ солдатомъ. Когда они подѣхали ко дворцу, царь, царица и царевны глядѣли на нихъ изъ окна. Первый выскочилъ изъ тарантаса чортъ; какъ увидѣли его царевны, даже ахнули: такой

ловкій, красивый былъ чортъ; стали старшія царевны завидовать младшей, что сами не захотѣли итти за солдата замужъ: онѣ думали, что это вышелъ женихъ. Потомъ изъ тарантаса вылѣзъ чортъ-чортомъ солдатъ. Какъ увидѣли его изъ окна, такъ и стали креститься: они думали, что нечистая сила явилась, и испугались. Когда чортъ съ солдатомъ вошли въ хату, солдатъ и говорить:

— „Я, Ваше Величество, женихъ самый и есть!“

А въ хатѣ офицеровъ да генераловъ, да барынь было—страсть сколько! Всѣ они—и царь, и царица, и царевны—такъ и ахнули со страху; а генералы да другіе паны даже разсердились на солдата и на царя:

— „Вишь какому поганцу какую кралечку отдають; а за нашего брата, вѣдь, не бойсь, не отдадутъ!“ . Особенно былъ сердитъ на солдата старшій бояринъ, шаферъ: онъ самъ думалъ взять младшую царевну замужъ, а солдатъ отбилъ ее у него. Дѣлать все-таки нечего: нельзя же царю отказаться отъ своего слова. На другой день солдата перевѣнчали съ царевной, пообѣдали во дворцѣ, погуляли, подошла ночь: надобно молодымъ итти спать. Чортъ подходитъ къ старшему боярину—генералу и спрашиваетъ его: „Гдѣ же мы положимъ молодыхъ?“

— „Да хоть въ конюшню влады ихъ—мнѣ дѣла нѣтъ до нихъ, чертей этакихъ!“

— „А въ конюшню? чертей?—погоди ужѣ скажу царю—онъ тебѣ задасть!“

Генераль зналъ, что царь очень сердитый,—все равно велитъ казнить,—взялъ да и повѣсилъ со страху.

„Вотъ это одинъ!“ говоритъ чортъ; онъ позвалъ чертенятъ и велѣлъ имъ сейчасъ же сдѣлать изъ конюшни хорошій дворецъ. Черезъ часъ дворецъ былъ готовъ, и чортъ отвелъ туда молодыхъ. Царевна, какъ легла, такъ и заснула: ужъ очень она уморилась за день. Какъ она уснула, чортъ подошелъ къ солдату и говорить:

— „Баринъ, а баринъ? вставай!“

— „Зачѣмъ?“ спрашиваетъ солдатъ.

— „А вотъ увидишь!“

Солдатъ всталъ. Чортъ обрилъ его, постригъ, вымылъ, вытеръ, и солдатъ сталъ такимъ молодымъ да красивымъ, какъ на картинѣ: лицо бѣлое, брови черныя, усы кольцомъ, кудри, какъ хмель, выются.

— „Теперь ложись спать, да лицомъ къ двери“, сказала чортъ; а самъ взялъ да зажегъ въ горницѣ много свѣчей. Легла спать старшая царевна да и думаетъ:

— „А, вѣдь, женихъ, можетъ, и не такой страшный; дайка я пойду и еще разъ посмотрю!“

Одѣлась и пошла туда, гдѣ спали молодые.

Какъ взшла, такъ и остановилась: такихъ красивыхъ, какъ солдатъ, она еще и не видѣла никогда. Стало ей досадно и завидно, что сестра вышла за такого красиваго; до того взяла царевну тоска, что и свѣтъ сталъ ей постыль: пошла, прыгнула изъ окошка и убилась.

— „Два!“ говоритъ чортъ.

Средняя царевна лежала, лежала, и ей захотѣлось посмотреть, что дѣлаютъ молодые. Какъ пришла и увидѣла, что солдатъ такой красивый, пошла да съ тоски и утопилась въ колодцѣ.

— „Три!“ говоритъ чортъ. „Баринъ, а баринъ? вставай!“ сталъ будить чортъ солдата: „давай расчетъ—я не хочу больше служить тебѣ: ужъ прошло три года!“

— „Послужи еще хоть немножко!“

— „Не хочу: мнѣ нужны были вотъ эти три души—генераль да двѣ царевны—я ихъ взялъ: а теперь прощай!“ и чортъ провалился. Какъ на другой день увидѣлъ царь солдата, даже заплакалъ съ радости: сталъ онъ ужъ очень красивъ и понравился царю; онъ не горевалъ о своемъ генералѣ и дочеряхъ, что померли; а солдатъ остался у царя жить и

жилъ съ царемъ очень согласно и дружно. Когда царь умиралъ, то сдѣлалъ солдата своимъ сыномъ; теперь солдатъ царемъ и живетъ себѣ и хлѣбъ жуесть, квасомъ запиваетъ, кашей заѣдаетъ, масломъ заливаетъ.

2. Про коня—сапожника.

Жилъ одинъ старикъ со своей старухой; жили они очень бѣдно. Дѣтей у нихъ было—одинъ только сынъ. Вотъ старикъ и говоритъ старухѣ:

— „Давай, старуха, отдадимъ нашего сына въ какую—нибудь науку: пусть хоть сапоги выучится шить, или колеса дѣлать, или охотничать“.

— „Давай!“ говоритъ старуха: „а то ему ужъ пятнадцать лѣтъ, а онъ у насъ ничего не умѣетъ дѣлать“.

Вотъ и повелъ старикъ своего сына; ведетъ его, а на встрѣчу ему волшебникъ—нарядился охотникомъ—и идетъ.

— „Здравствуй, старикъ! Куда идешь?“ спрашиваетъ волшебникъ.

— „Да вотъ веду сына: хочу отдать его кому-нибудь въ науку“.

— „Отдай мнѣ его—я его, какимъ хочешь, наукамъ обучу: и книжки будетъ читать, и письма списывать, и сапоги точать, и столы дѣлать: только онъ у меня долженъ пробыть пятнадцать лѣтъ; когда пройдетъ пятнадцать лѣтъ, то придешь на это самое мѣсто и возьмешь его“. Старикъ отдалъ.

Прошло пятнадцать лѣтъ. Старикъ пошелъ за своимъ сыномъ; идетъ онъ, а навстрѣчу ему выходитъ его сынъ и говоритъ:

— „Здравствуй, дѣдушка, куда Богъ несетъ?“

— „Да вотъ, говоритъ, иду за сыномъ: отдалъ я его въ науку, а теперь прошелъ срокъ, надо взять его домой“.

— „Что-жъ ты узнаешь его?“ спрашиваетъ его сынъ.

— „Ну, вотъ тебѣ—родного сына, да не узнать! Чудака ты, право!“.

— „Э, батюшка, не узнаете: я вашъ сынъ и есть!“ И говоритъ ему сынъ: „Хозяинъ будетъ заставлятъ васъ угадывать меня: если угадаете—то возьмете меня, а если не угадаете—то я опять останусь у хозяина. Какъ придете вы, батюшка, за мной, хозяинъ покажетъ вамъ двѣнадцать голубей; какъ будутъ летѣть, то самый задній буду я; потомъ покажетъ вамъ двѣнадцать молодцовъ; всѣ молодцы будутъ ничего, а у меня на правой щекѣ будетъ сидѣть муха; послѣ покажетъ двѣнадцать жеребцовъ: всѣ жеребцы будутъ стоять смирно, а я махну хвостомъ“, и сынъ ушелъ.

Пришелъ отецъ къ хозяину, тотъ и спрашиваетъ его:

— „Ты что пришелъ, старикъ?“

— „Да за сыномъ!“

— „Ну, пойдемъ: если угадаешь своего сына, то возьмешь, а ежели не угадаешь, то не видать тебѣ его, какъ своего затылка.“

Волшебникъ посыпалъ проса и сталъ кликать голубей.

— „Ну, старикъ, угадывай своего сына!“ говоритъ волшебникъ.

Старикъ увидѣлъ самаго задняго голубя и говоритъ: „Вотъ мой сынъ!“ Тогда волшебникъ подѣлалъ изъ голубей молодцовъ, такихъ одинаковыхъ, какъ родныхъ братьевъ, и говоритъ:

— „Ну, угадывай своего сына!“ Старикъ поосмотрѣлъ всѣхъ, нашелъ у одного муху на лѣвой щекѣ и сказалъ: „Вотъ мой сынъ.“ Послѣ того волшебникъ приказалъ молодцамъ идти на конюшню и выслать оттуда жеребцовъ. Только вышли молодцы, какъ изъ конюшни бѣгутъ двѣнадцать жеребцовъ, всѣ, какъ молово, бѣлые и одинаковые, какъ одинъ.

— „Ну, старикъ, гдѣ твой сынъ?“

Старикъ смотритъ,—всѣ жеребцы стоятъ смирно—только одинъ махнулъ хвостомъ.

— „Вот мой сынъ!“ крикнулъ старикъ.

— „Ну, счастливъ твой Богъ, старикъ, что три раза подь-рядъ угадалъ ты своего сына. Бери его!“

Старикъ взялъ жеребца и повелъ его домой. Какъ только вышли они отъ волшебника, сынъ сдѣлался опять человѣкомъ, и пошли они дальше. Между тѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, они подошли къ слободѣ, гдѣ была ярмарка; сынъ сдѣлался жеребцомъ, да такимъ красивымъ, что и сказать нельзя; старикъ продалъ его, но только вышелъ за ярмарку, а сынъ ужь опять бѣжитъ за нимъ. Такъ дѣлали они уже много разъ, только сынъ, какъ подходить къ ярмаркѣ, постоянно напоминаетъ отцу:

— „Ты, батя, когда будешь продавать меня, не продавай съ уздечкой.“ Приходятъ они на одну ярмарку; сынъ опять сдѣлался жеребцомъ. Подходить къ нимъ старичекъ и спрашиваетъ:

— „Что конь продажный?“

— „Продажный!“

— „Сколько хочешь?“

— „Пятьсотъ рублей—только безъ уздечки“.

— „Нѣтъ, ты продай мнѣ съ уздечкой,—я дамъ тебѣ шестьсотъ рублей“, говоритъ старичекъ—это былъ волшебникъ. Старикъ подумалъ-подумалъ и согласился: „за такую уздечку взять сто рублей можно; на эти деньги можно купить сто такихъ уздечекъ!“

Волшебникъ взялъ жеребца, привелъ домой и привязалъ его къ переметицѣ, да такъ задралъ ему голову, что переднія ноги даже поднялись, а самъ ушелъ: онъ хотѣлъ повѣсить жеребца за то, что онъ съ отцемъ ушелъ отъ него. Приходятъ въ сарай дѣти волшебника; увидѣли они, какъ жеребецъ привязанъ и сказали:

— „Вишь, папаша, должно быть, пьяный, что такъ привязалъ лошадь“, взяли и отвязали его; жеребецъ сейчасъ-же побѣжалъ домой. Дѣти же волшебника, вернувшись, сказали

отцу, что они отвязали жеребца, что былъ привязанъ къ переметицѣ; волшебникъ очень разсердился, побилъ дѣтей и сейчасъ-же кинулся догонять жеребца. Какъ увидѣлъ жеребецъ, что за нимъ бѣжитъ волшебникъ, такъ сейчасъ сдѣлался касаточкой и полетѣлъ. Волшебникъ сдѣлался ястребомъ да за нимъ. Видитъ касаточка, что ястребъ ее догонитъ, полетѣла скорѣй въ село; а въ это время въ селѣ гуляла въ саду попова дочь; касаточка полетѣла въ садъ, сдѣлалась золотымъ перстнемъ, упала подъ-ноги къ поповой дочери и говоритъ ей:

— Сейчасъ за мной гнался волшебникъ; онъ теперь у твоего отца, за мной прилетѣлъ; не отдавай меня, милая барыня, а то онъ меня убьетъ; ежели твой отецъ будетъ ругаться, то ты не отдавай меня никому въ руки, а брось меня наземь “.

Попова дочь надѣла перстень и пошла въ хату. Волшебникъ увидалъ, что жеребецъ сдѣлался перстнемъ, и теперь онъ у поповны на рукѣ, сталъ человѣкомъ, пошелъ къ попу и говоритъ:

— „Ваша дочь нашла мой перстень; скажите ей, чтобы она отдала его мнѣ“. Попъ позвалъ дочь и закричалъ на нее:

— „Ты что же молчишь, что нашла перстень? Отдай сейчасъ, а то я тебѣ задамъ!“

„Да возьмите его!“ говоритъ поповна: „думаете, что мнѣ его жалко!“ да какъ скинетъ перстень съ пальца, да оземь его, перстень такъ и рассыпался по хатѣ пшеномъ; волшебникъ сдѣлался сейчасъ-же кочетомъ и давай пшено подбирать; пшено сдѣлалось орломъ и ну пѣтуха драть; задралъ орелъ пѣтуха, вылетѣлъ въ окно, догналъ своего отца и пошли они домой. Сынъ старика сталъ шить дома сапоги, женился и живетъ себѣ да поживаетъ, да добра наживаетъ.

3. Иванъ и Марья.

Жилъ былъ царь да царица; у нихъ былъ только одинъ сынъ. Царь умеръ; осталась царица со своимъ сыномъ Иваномъ. Вотъ одинъ разъ царица дала Ивану сто рублей и послала его купить харчей. Пошелъ Иванъ на базаръ, а навстрѣчу ему идетъ солдатъ и несетъ икону Николая—Чудотворца. Иванъ спрашиваетъ солдата:

— „Что, солдатъ, продаешь икону?“

— „Продаю!“

— „Сколько просишь?“

— „Сто рублей“.

— Иванъ вынулъ сто рублей и отдалъ ихъ солдату.

Какъ пришелъ Иванъ, мать спросила его:

— „Что, Ваня, купилъ харчей?“

— „Нѣтъ, мама, не купилъ: солдатъ несъ икону Николая, я за нее и отдалъ всѣ деньги“.

— „Ну, ничего; на еще сто рублей, пойдн и купи харчей, а то намъ ѣсть нечего“.

Иванъ пошелъ и купилъ харчей. Ворочается Иванъ домой, и видитъ, что на мѣстѣ, гдѣ онъ поставилъ икону, сидитъ старичекъ, какъ разъ такой, какъ былъ на образѣ: это Николай—Угодникъ сдѣлался человѣкомъ. И стали они жить втроемъ.

Стали купцы собираться за-море за товаромъ. Николай и говоритъ Ивану:

— „Что-же ты не собираешься?“

— „Да у меня, говоритъ, корабль очень старый да худой, пожалуй утонемъ въ морѣ“.

— „Ничего, не утонемъ! пойддемъ его чинить!“

Пошли и скоро его починили: корабль сталъ такой же крѣпкій, какъ и новый. Купцы стали насмѣхаться надъ Иваномъ:

— „Ну, Иванъ! какого же ты товару накупишь? Плохой изъ тебя купецъ ыйдетъ!“

— „Не смѣйтесь, сначала дѣло сдѣлайте!“ говоритъ имъ Иванъ.

Вотъ прїѣзжаютъ купцы за-море и отправляются покупать товаръ. Николай досталъ изъ кармана сто рублей и говоритъ:

— „Иди и ты покупать товаръ!“ Иванъ взялъ деньги и пошелъ на базаръ; видитъ онъ—солдатъ ведетъ дѣвку. Иванъ спрашиваетъ его:

— „Что продаешь, солдатъ, дѣвку?“

— „Продаю“.

— „Сколько возьмешь?“

— „Сто рублей!“

Иванъ отдалъ солдату деньги и пошелъ съ дѣвкой къ кораблю, идетъ и разговариваетъ съ ней. Пришелъ къ кораблю,—глядь—а дѣвки около него ужъ нѣтъ.

— „Что купилъ товару?“ спрашиваетъ у Ивана Николай.

— „Да, вотъ, говоритъ, купилъ было дѣвку, да какъ шелъ да разговаривалъ съ ней, она, кто знаетъ, куда дѣлась!“

— „Ну, на тебѣ еще сто рублей, иди еще за товаромъ!“

Иванъ опять пошелъ на базаръ. Идетъ, а солдатъ опять ведетъ дѣвку.

— „Что, продаешь, солдатъ, дѣвку?“

— „Продаю“.

— „Сколько хочешь?“

— „Сто рублей!“

— Иванъ вынулъ деньги, взялъ дѣвку за полу и повелъ ее къ кораблю. Подходить къ кораблю и видитъ, что дѣвки опять нѣтъ, а онъ самъ себя держитъ за полу.

— „Что купилъ товару?“ спрашиваетъ его Николай.

— „Да вотъ, говоритъ, купилъ было опять дѣвку, взялъ ее за полу, оглянулся—дѣвки нѣтъ, а я самъ себя держу за полу“.

— „Ну, на еще тебѣ сто рублей; только, когда будешь покупать дѣвку, то покупай ее съ веревочкой; и за эту веревочку веди ее сюда.“

Иванъ опять пошелъ на базаръ. Николай, какъ ушелъ Иванъ на базаръ, дѣвался, кто знаетъ куда. Идетъ Иванъ, а солдатъ опять ведетъ дѣвку на веревкѣ.

— „Продаешь, солдатъ, дѣвку?“

— „Продаю“.

— „Сколько возьмешь?“

— „Сто рублей!“

— „На сто рублей, только продай ее съ веревочкой!“

Солдатъ отдалъ съ веревочкой. Привелъ Иванъ дѣвку,—ее звали Марьей,—на корабль, привязалъ ее и сталъ искать Николая; искалъ, искалъ—нигдѣ нѣтъ, и легъ спать. Какъ только Иванъ уснулъ, Марья сняла съ руки серебряный перстень, перевернула его съ руки на руку три раза; явились передъ ней двѣнадцать ея младшихъ сестрицъ и связали:

— „Что тебѣ надо, сестрица?“

— „Достаньте мнѣ къ утру, говоритъ Марья, золотые полусапожки!“

Сестры добыли золотые полусапожки и отдали ихъ Марьѣ.

Какъ только проснулся Иванъ, Марья отдала ему полусапожки и говоритъ:

— „Неси ихъ продавать на базаръ, да смотри, цѣны за нихъ не проси, они сами надають тебѣ!“—Понесъ Иванъ полусапожки на базаръ; вущи, какъ увидѣли у Ивана полусапожки, повыскакивали изъ лавокъ и стали торговать у Ивана полусапожки; надавали Ивану двѣ тысячи рублей. Иванъ отдалъ полусапожки и взялъ деньги.

Когда пришелъ Иванъ къ кораблю, Марья спросила, сколько онъ взялъ за полусапожки. Иванъ сказалъ, что двѣ тысячи.

На другую ночь, какъ уснулъ Иванъ, Марья скинула серебряный перстень, перекинула его съ руки на руку три раза; явились передъ ней ея двѣнадцать сестрицъ и спрашиваютъ:

— „Что тебѣ надобно, сестрица?“

— „Достаньте мнѣ, говорить, золотые чулки!“

Сестры достали золотые чулки и отдали ихъ Марьѣ. Марья передала ихъ Ивану и велѣла нести на базаръ и тамъ продать ихъ, но опять не просить за нихъ цѣны. Купцы, какъ увидѣли золотые чулки, побѣжали со всѣхъ сторонъ и стали надбавлять цѣну. Иванъ продалъ и эти чулки за двѣ тысячи рублей.

На третью ночь, какъ уснулъ Иванъ, Марья перекинула съ руки на руку свой серебряный перстень; явились передъ нею двѣнадцать ея сестрицъ и спросили:

— „Что тебѣ надобно, сестрица?“

— „Достаньте мнѣ сейчасъ золотой флагъ!“ — Сестры достали ей золотой флагъ. Марья разбудила Ивана и говорить ему:

— „Ступай ко дворцу, гдѣ живетъ царь, поставь себѣ балаганъ, а передъ балаганомъ воткни флагъ. Если царь будетъ покупать у тебя флагъ, то проси у него за флагъ половину дворца“.

Иванъ пошелъ ко дворцу, гдѣ жилъ царь, сдѣлалъ себѣ балаганъ, поставилъ передъ балаганомъ флагъ и накрылъ его рогожкой. Утромъ, какъ стало солнце всходить, Иванъ снялъ съ флага рогожку, и стало такъ свѣтло, какъ днемъ, еще свѣтлѣе. Проснулся царь, подошелъ къ окну и увидѣлъ флагъ. Послалъ царь лакея узнать, кто это поставилъ таковой флагъ, и продается ли онъ. Лакей пришелъ къ Ивану и сталъ его спрашивать. Иванъ и говорить лакею:

— „Пойди и пришли постарше, а съ тобой я и говорить не хочу!“

Лакей пошелъ и разсказаль объ этомъ царю. Царь пошелъ самъ и спрашиваетъ у Ивана:

— „Что продаешь, молодець, этотъ флагъ?“

— „Продаю!“

— „Сколько хочешь?“

— „Половину дворца“.

Царь подумаль: „Что же мнѣ половина дворца? Рабочіе свои, камень свой: еще сдѣлаю себѣ половину дворца. Да и камень ему на что?“

— „Ну, хорошо“, говоритъ царь: „давай флагъ, а самъ бери половину дворца!“ Иванъ отдалъ флагъ, самъ пошелъ на корабль и разсказаль все Марьѣ. Марья сказала:

— „Ну, пойдѣмъ ломать дворець!“

Пошли; Марья сняла свой серебряный перстень, перекинула его съ руки на руку три раза, и одна стѣна отодвинулась; и увидѣли они въ срединѣ дворца четыре амбара. Отворили первый амбаръ,—а онъ полонъ мѣди. Иванъ понакупилъ пустыхъ бочекъ и началъ сыпать туда мѣдь: какъ насыпетъ полную, возьметъ да и зальетъ ее смолой, а потомъ положить на корабль. Отворили другой амбаръ—а тамъ до самыхъ крышъ серебро; Иванъ накупилъ опять пустыхъ бочекъ, высыпаль туда все серебро, залилъ смолой и перенесъ на корабль. Отворили третій амбаръ,—а тамъ золота—до самой крыши. Иванъ опять накупилъ пустыхъ бочекъ, пересыпаль туда все золото и перенесъ всѣ бочки на корабль. Отворили четвертый амбаръ и увидѣли, что тамъ сидитъ мать Марьи. Марья подошла къ матери, разсказала, что она скоро поѣдетъ съ Иваномъ къ нему жить, попросила у нея родительскаго благословенія и золотой перстень съ правой руки; а перстень этотъ былъ волшебный: чего только захочешь, махни перстнемъ, и все сдѣлается.

Попрощалась Марья съ матерью и пошла съ Иваномъ изъ дворца. Какъ вышли они изъ дворца, Марья махнула золотымъ перстнемъ, и стѣна стала опять на мѣсто.

Царь не видѣлъ, какъ Иванъ забиралъ изъ дворца мѣдь, серебро и золото, и думаетъ:

— „Что же онъ не идетъ за дворцомъ? Вотъ такъ я! даромъ получилъ золотой флагъ! За него у другого царя я возьму одинъ амбаръ золота, другой серебра, третій мѣди: тогда у меня денегъ будетъ шесть амбаровъ.“

Стали Иванъ съ Марьей собираться домой—къ Ивану. Купцы уже всѣ поуѣхали домой и рассказали матери Ивана, что онъ дѣда Николая прогналъ, понакупилъ дѣвокъ и много бочекъ смолы и везетъ домой. Мать очень разсердилась на Ивана и послала ему сказать, чтобы онъ и не приѣзжалъ домой. Иванъ очень опечалился, но дѣлать нечего; сталъ онъ сговариваться съ Марьей, гдѣ имъ жить. Марья велѣла ему ложиться спать, а утромъ онъ самъ узнаетъ, гдѣ жить. Какъ уснулъ Иванъ, Марья махнула своимъ золотымъ перстнемъ и приказала кораблю пристать къ берегу. Какъ присталъ корабль, то Марья вышла на берегъ, махнула опять золотымъ перстнемъ, и откуда ни взялся большой каменный домъ, весь полный добромъ. Марья махнула еще разъ золотымъ перстнемъ, и на крышѣ сдѣлался золотой флагъ и сталъ свѣтити какъ солнце. Иванъ проснулся отъ этого свѣта—онъ думалъ, что это настала день. Марья и говоритъ ему:

— „Мы будемъ жить вотъ въ этомъ домѣ“.

Недалеко отъ этого мѣста былъ городъ; народъ, какъ увидѣлъ флагъ, подумалъ, что пожаръ, и побѣжалъ весь изъ города. Когда разсмотрѣли, что пожару нѣтъ, то всѣ воздивовались, глядя на флагъ. Какъ только настала день, Иванъ пошелъ въ городъ и нанялъ себѣ работниковъ; они перетащали съ корабля всѣ деньги и все добро въ домъ. Сталъ Иванъ жить съ Марьею во дворцѣ.

Часто катался Иванъ на каюкѣ по морю. Одинъ разъ сталъ Иванъ собираться кататься по морю; Марья и говоритъ ему:

— „Ежели будетъ летѣть голубка, а за ней коршунъ, и будетъ голубка садиться къ вамъ на каюкѣ, то вы ея не спугивайте“.

Вотъ поѣхалъ Иванъ съ работникомъ кататься по морю; глядятъ—анъ летитъ голубка, а за ней коршунъ; голубка сѣла на каюкѣ и стала жалостливо смотрѣть на Ивана; Иванъ съ работникомъ были очень пьяны и забыли, что имъ приказывала Марья, взяли да и спугнули голубку; коршунъ ее и понесъ. Приѣхалъ Иванъ домой, Марья нѣтъ; туда, сюда—нѣтъ; кричалъ, кричалъ—нѣтъ. Сталъ Иванъ ходить по хоромамъ искать Марью; ходилъ, ходилъ не нашель. Наконецъ, онъ увидѣлъ подъ столомъ письмо, разорвалъ его и прочиталъ; письмо было отъ Марьи. Марья писала ему, что голубка—была она, а коршунъ—былъ волшебникъ: онъ теперь унесъ ее къ себѣ. Если Иванъ захочетъ найти Марью, то долженъ сдѣлать себѣ три пары желѣзныхъ поршней (башмаковъ), взять на дорогу три стальныхъ палки и три свинцовыхъ просвирки; какъ износить онъ три пары поршней желѣзныхъ, изобѣтъ три палки стальныхъ и съѣсть три просвирки свинцовыхъ, тогда онъ найдетъ Марью. Ивану стало жалко Марью, и онъ вздумалъ, во что-бы то ни стало, найти ее. Пошелъ онъ въ городъ и заказалъ ковалю три пары желѣзныхъ поршней, три стальныхъ палки и три свинцовыхъ просвирки. Пошелъ къ попу, отслужилъ молебень, вышелъ изъ своего дома, помолился на всѣ четыре стороны и пошелъ искать Марью. Долго шелъ Иванъ; износилъ онъ одну пару поршней желѣзныхъ, избилъ одну палку стальную и съѣлъ одну просвирку свинцовую. Надѣлъ онъ другую пару поршней, взялъ другую палочку и сталъ ѣсть другую просвирку; сносилъ онъ и эти поршни, съѣлъ и другую просвирку и избилъ другую стальную палочку. Когда Иванъ надѣлъ третью пару поршней

взялъ въ руки третью стальную палочку и сталъ ѣсть третью просвиру, на ногахъ у него были кровавые пузыри, руки такъ болѣли, что и прикоснуться до нихъ больно, а изо рта кровь и слюни клубкомъ такъ и тянутся. Какъ кто увидитъ Ивана, такъ и бѣжитъ отъ него: думаютъ, что это бѣшенный человѣкъ. Всетаки Иванъ износилъ и эти поршни, избилъ и третью палочку и съѣлъ третью просвиру. Пришелъ Иванъ ночевать на постоянный дворъ; стали его хозяева спрашивать:

— „Откуда ты, добрый человѣкъ?“

Иванъ рассказалъ, откуда онъ, куда идетъ и зачѣмъ, сталъ онъ спрашивать про Марью. Хозяева знали Марью и рассказали ему, гдѣ она живетъ.

— „Когда ты придеши въ то селеніе, то увидишь, что во всѣхъ хатахъ окна бѣлыя, а у одной хаты—черныя; во всѣхъ дворахъ ворота заперты, а въ одномъ—отперты; всѣ хаты не топятся, а одна топится: въ той хатѣ живетъ Марья!“ Пришелъ Иванъ въ эту слободу, нашелъ хату, гдѣ жила Марья, и вошелъ въ середку. Марья, какъ увидала Ивана, обрадовалась и даже испугалась: такой онъ сталъ страшный отъ дороги! Достала Марья какой-то пузырекъ и дала выпить Ивану; какъ выпилъ Иванъ, такъ сдѣлался такимъ молодцомъ, что и сказать нельзя. Посадила Марья Ивана обѣдать, стала его спрашивать, какъ онъ нашелъ ее, и говоритъ ему:

— „Сегодня придетъ волшебникъ, и, что будетъ заставлятъ дѣлать, ты не отговаривайся, а то смерть и тебѣ и мнѣ!“ Только что проговорила это Марья, откуда ни возмись волшебникъ. Какъ увидитъ Ивана, да какъ закричитъ:

— „Ты зачѣмъ сюда? сейчасъ капуть тебѣ. Ну, постой! если ты теперешнюю ночь не построишь стеклянную церковь на морѣ, то смерть тебѣ!“

— „Можно построить!“ отвѣтилъ Иванъ и пошелъ изъ

хаты. Въ сѣняхъ Марья остановила Ивана, дала ему волшебный золотой перстень и сказала:

— „Какъ подойдешь къ морю, то махни перстнемъ, и церковь сама откуда ни возьметса. Ты ступай въ эту церковь, да смотри не усни въ ней. Возьми съ собой топоръ и, какъ кто будетъ лѣзть къ тебѣ, бей его топоромъ, да хорошенько!“ Вечеромъ пошелъ Иванъ къ морю, махнулъ перстнемъ, и на водѣ сдѣлалась церковь—вся изъ стекла. Иванъ сѣлъ въ каюкъ, взялъ съ собой топоръ и поплылъ къ церкви. Вошелъ онъ въ церковь и сталъ дожидать. Въ полночь поднялась такая буря, что и сказать нельзя: волна—ажъ чрезъ церковь пере-скакивала. Смотритъ Иванъ на дверь, а тамъ показалось что-то очень страшное: глаза, какъ угли, изъ носа и рта огонь, на лбу два рога, какъ у быка, а хвостъ такой длинный да толстый, что даже страшно стало. Иванъ какъ приловчился, да какъ хватить страшнаго топоромъ по головѣ, тотъ только застоналъ и пропалъ, кто знаетъ куда. Помолился Иванъ Богу и сталъ дожидать утра. Утромъ буря перестала, и Иванъ поѣхалъ къ Марьѣ. Разказалъ онъ все, какъ было; Марья и говоритъ ему:

— „Теперь онъ заставитъ тебя объѣздить коня—неука; такъ ты возьми съ собой три палочки стальныхъ, три желѣзныхъ и три оловянныхъ, и ими бей лошадь по чемъ попало. А теперь давай завтракать!“

Только что позавтракали, откуда ни возмись волшебникъ; на лбу у него былъ такой страшный рубецъ, что и смотрѣть страшно.

— „Славную ты, Иванъ, сдѣлалъ церковь,—спасибо за труды! Теперь ты объѣзди мнѣ неука!“

— „Отчего же, можно объѣздить!“ говоритъ Иванъ.

Пошелъ Иванъ и купилъ три прута стальныхъ, три желѣзныхъ и три оловянныхъ и пришелъ на дворъ; а на дворѣ шесть человѣкъ на сиду держать хорошаго вороного коня. Помолился Иванъ Богу и сѣлъ на коня. Только что сѣлъ Иванъ,

а конь какъ помчитъ его вверхъ, такъ даже вѣтеръ въ ушахъ свистить,—шапка сейчасъ-же съ головы упала. Какъ началъ Иванъ бить коня, какъ началъ,—избилъ сперва три стальныхъ прута, а конь летитъ еще сильнѣе и выше; началъ Иванъ бить коня еще сильнѣе,—побилъ три желѣзныхъ прута—сталь конь легѣтъ тише и спускаться на землю. Какъ спустился конь на землю—давай мыкать Ивана по буграмъ, по ямамъ, по балкамъ, по косогорамъ, а Иванъ сидитъ, ухватился за гриву и, что есть мочи, бьетъ коня оловянными прутами. Какъ переломалъ онъ три прута да перекрестилъ коня три раза, конь сталъ такой смирный да добрый, какъ, словно, родился такой. Приѣхалъ Иванъ на дворъ и рассказалъ все Марьѣ. Смотрятъ, идетъ волшебникъ, насилу ноги передвигаетъ. И говоритъ волшебникъ:

— „Спасибо, Иванъ... охъ!.. что коня обучилъ... Знаю, зачѣмъ..... ты пришелъ: Марью.... охъ!.. отнять у меня.... Что-жь, я благодарю тебя... за церковь.... за лошадь.... охъ!... Только ты напередъ... кхы! кхы! сходи съ ней въ баню...“ Ушелъ волшебникъ, Марья и говоритъ Ивану:

— „У волшебника баня вся желѣзная; это онъ хочетъ, чтобы мы съ тобой тамъ сжарились. Давай бѣжать скорѣй!“ Марья заперла изъ середины двери, плюнула три раза на—земь и сказала слюнямъ:

— „Какъ кто будетъ звать меня, то вы откликайтесь!“ и побѣжала Марья съ Иваномъ. Какъ вытопили баню, волшебникъ послалъ работника за Марьей. Пришелъ работникъ въ сѣнцы и говоритъ:

— „Марья!“

— А слюни отзываются:— „Чего?“

— „Иди въ баню!“

— „Сейчасъ!“

— „Ну что она сказала?“ спросилъ волшебникъ у работника.

— „Сейчасъ придетъ“.

Черезъ часъ волшебникъ посылаетъ опять работника за Марьей, слюни опять отшликнулись. Къ вечеру слюни стали высыхать и стали говорить очень тихо. Тогда волшебникъ догадался, что Марья и Иванъ убѣжали. Кинулся онъ съ работникомъ въ хату, выломалъ двери да и крикнулъ:

— „Марья!“

А слюни:— „Чего?“

— „Иди въ баню!“

— „Сейчасъ!“ тихо сказали слюни.

— „Ахъ вы, треклятыя!“ закричалъ волшебникъ и размазалъ слюни ногой. Сейчасъ-же волшебникъ снарядилъ погоню. Видитъ Марья, что погоня вотъ-вотъ догонитъ ихъ, сдѣлалась сама гуртомъ овецъ, а Ивана чабаномъ и говоритъ Ивану:

— „Если кто будетъ тебя спрашивать, ты ничего не говори, а только бормочи: „кетъ! кетъ!“ Приѣхала погоня и стала спрашивать Ивана:

— „Не видаль-ли ты, добрый человекъ, молодца съ дѣвкой?...“

А Иванъ на своихъ овецъ: кетъ! кетъ!

Погоня опять стала спрашивать, а Иванъ только гонитъ своихъ овецъ да покрикиваетъ на нихъ. „Дуракъ что ли онъ?“ сказала погоня и поѣхала къ волшебнику.

— „Ну что, догнали?“ спросилъ ихъ волшебникъ.

— „Да мы и видали только одного пастуха съ гуртомъ — дуракъ какой-то: мы его стали спрашивать, а онъ только и говоритъ на своихъ овецъ: кетъ! кетъ! да гонитъ ихъ“.

— „Эхъ, вы, дурачье! эта самая Марья и была; хоть бы одинъ волосокъ взяли бы вы съ овцы, тогда бы Марья была наша! Ступайте опять!“

Погоня опять кинулась догонять Марью. Оглянулась Марья и видитъ, что погоня скачетъ сзади; сдѣлалась она

такой старой церковью, что всё стѣны, крыши травой заросли, а Ивана сдѣлала старымъ-престарымъ сторожемъ и велѣла ему все время трезвонить. Подѣхала погоня, а Иванъ трезвонить себѣ въ колокола.

— „Что не видѣлъ ли ты, старичокъ, здѣсь молодца съ дѣвкой?“ спросила погоня; а Иванъ, знай себѣ, трезвонить. Погоня опять стала спрашивать, а Иванъ трезвонить себѣ да трезвонить.

— „Онъ должно не нашенской, что не понимаетъ по нашему!“ сказала погоня и поѣхала къ волшебнику.

— „Ну что, привезли Марью?“ спрашиваетъ волшебникъ.

— „Да мы не видали никого и пастуха того не нашли; а въ одномъ мѣстѣ середь степи стоитъ церковь, да такая старая—вся травой заросла, а сторожъ трезвонить себѣ во всё колокола да трезвонить, людей—никого нѣту. Мы стали спрашивать сторожа про Марью, а онъ и не слышитъ: должно по-нашему не знаетъ... Чудаекъ!“

— „Дураки вы! это и была Марья съ Иваномъ; если бы вы вырвали хоть бы одну травинку съ церкви, Марья была бы у насъ. Видно, самому на старости лѣтъ надо догонять Марью!“

И погнался волшебникъ за Марьей. Смотритъ Марья, что волшебникъ догоняетъ ихъ, сдѣлала Ивана огненнымъ озеромъ, а сама сдѣлалась уткой и плаваетъ себѣ по озеру. Волшебникъ сдѣлался коршуномъ и давай гоняться за Марьей: Марья на одинъ конецъ, онъ за ней; она на другой—онъ за ней; Марья стала нырять, коршунъ сталъ спускаться, чтобъ ухватить ее. Ловилъ, ловилъ коршунъ Марью, не поймалъ, разсердился: поднялся онъ высоко надъ озеромъ и кинулся за Марьей. Марья нырнула, коршунъ за ней, опалилъ себѣ крылья, и не могъ ужъ подняться—такъ и сгорѣлъ въ озерѣ. Послѣ того Иванъ поѣхалъ съ Марьей

къ своей матери. Мать очень соскучилась по Ивану, обрадовалась, какъ увидала его, стала спрашивать, гдѣ онъ столько времени пропадалъ; а какъ узнала, сколько Марья выручала Ивана изъ бѣды, поблагодарила Марью и благословила ее подъ вѣнецъ съ сыномъ. Теперь Иванъ съ Марьей живутъ—поживаютъ, сладки меды попиваютъ и насъ медомъ угощаютъ.

4. Колдунъ Сазонка *).

Не въ нашемъ крещеномъ государствѣ жилъ одинъ колдунъ Сазонка. Сперва Сазонка жилъ, какъ мужикъ: косилъ траву, сѣялъ хлѣбъ, варилъ изъ хлѣба брагу; потомъ крестьянская работа показалась ему тяжелой, и задумалъ онъ пойти на легкіе хлѣба. Нанялся онъ къ одному барину въ лакеи; баринъ ему понравился, и не захотѣлъ онъ обижать его. Разъ вечеромъ у барина было гулянье: къ нему съѣхалось много гостей—тоже господъ. Сазонка съ этого вечера задумалъ начать свою работу. Вышелъ на крыльцо и крикнулъ, чтобъ подавали тарантасъ такого-то барина, а самъ вошелъ въ сѣнцы, надѣлъ шапку и шубу этого барина, сѣлъ въ тарантасъ и поѣхалъ къ этому барину домой. Дорога была черезъ степь. Дорогой Сазонка остановилъ кучера и говоритъ ему:

— „Бѣги скорѣе назадъ: я потерялъ платокъ!“

Кучеръ слѣзъ съ козелъ и побѣжалъ искать платокъ. Сазонка по лошадямъ и былъ таковъ!

Бѣжалъ, бѣжалъ кучеръ за платкомъ, не нашелъ и вернулся назадъ; смотреть, а барина ужъ нѣтъ, такъ и пришелъ домой пѣшкомъ.

— „Баринъ пріѣхалъ?“ спрашиваетъ дома.

*) Записана со словъ крестьянина Дороея Вареника.

„Нѣтъ, нѣту!... А гдѣ онъ?“

— „Такъ и такъ—дорогой, говоритъ, баринъ потерялъ платокъ и послалъ меня за нимъ, платка я найти не нашель, а, когда вернулся, барина и слѣдъ простылъ—такъ я пѣшкомъ и пришелъ“.—На другой день пріѣзжаетъ домой баринъ въ чужой шубѣ и шапкѣ. Позвалъ кучера: „Ты, говоритъ, зачѣмъ вчера безъ спросу домой уѣхалъ? да я, говоритъ, тебя за это на конюшнѣ кнутами запору!“

Кучеръ глаза выпятилъ: не съ ума ли сошелъ баринъ? и говоритъ: „Да вы сами вчера велѣли мнѣ запрягать лошадей, сами сѣли въ тарантасъ; дорогой потеряли платокъ и послали меня искать его; я, вернувшись, васъ не нашель и пѣшкомъ пришелъ домой“, а у самого поджилки такъ и трясутся.

„Врешь!“ крикнулъ баринъ: „ты еще вздумалъ людей морочить! вотъ какъ выплютъ тебѣ на конюшнѣ сотенку, такъ скажешь правду!“ Отодрали кучера на конюшнѣ, а все-таки не узнали, кто уѣхалъ на барскихъ лошадяхъ.

Какъ пошелъ кучеръ за платкомъ, Сазонка поѣхалъ на лошадяхъ прямо въ одинъ большой городъ. Заѣхалъ онъ въ этомъ городѣ къ одному сапожнику и остановился у него на квартирѣ. Познакомился хорошенько съ хозяиномъ и хозяйкой и говоритъ хозяину:

— „Веди на базаръ лошадей и продай ихъ!“

— „За сколько?“

— „За сколько хочешь!“—Сапожникъ продалъ лошадей за пятьсотъ рублей, принесъ ихъ и отдалъ Сазонкѣ. Сазонка отсчиталъ двѣсти рублей сапожнику за труды. И стали они вмѣстѣ жить.

Разъ вечеромъ Сазонка спрашиваетъ у сапожника:

— „У кого тутъ, ты, можеть, знаешь, денегъ много?“

„Да вотъ у попадьи, я слышалъ, денегъ рублей ста два есть!“.

— „Ну, изъ этого и мараться не стоитъ! Еще у кого?“

— „У шабала—тутъ не далеко живетъ—съ тысячу рублей денегъ водится“.

— „Ну, и изъ этого мараться тоже не стоитъ!“

— „Въ казначействѣ денегъ, должно, много“.

— „Собирайся—сейчасъ, пойдемъ въ казначейство за деньгами: бери мѣшокъ и пойдемъ!“

— „Какъ мы туда влѣземъ? кругомъ солдаты, сторожа. Сторожа сейчасъ поймаютъ или убьютъ“.

— „Не бойсь, не убьютъ—пойдемъ!“

Подошли къ казначейству, а стражи около него—тьма тьмушая: около каждаго окна по солдату съ ружьемъ. Сапожникъ испугался; тогда Сазонка сказалъ какое-то слово—и всѣ часовые заснули, какъ мертвые. Сазонка съ сапожникомъ вошли въ казначейство,—а тамъ денегъ—у сапожника ажъ глаза разбѣжались. Набрали они денегъ, сколько хотѣли, и пошли домой. Утромъ весь городъ узналъ, что казначейство обокрадено. Пришелъ губернаторъ, исправникъ, становой, урядникъ съ сотскими, смотрять—всѣ двери и окна цѣлы, а денегъ нѣтъ, и часовые стоятъ на мѣстахъ; губернаторъ самъ двери замыкалъ, а теперь денегъ нѣтъ. Спрашиваютъ часовыхъ:

— „Никто не приходитъ ночью?“

— „Никого не видали!“ сказали часовые.

Губернаторъ и руками развелъ. Вспомнилъ онъ, что въ острогѣ сидитъ колдунъ, и отправился къ нему; пришелъ и говорить:

— „Такъ и такъ, добрый человѣкъ, сегодня обокрали казну; можешь поймать вора—выпустимъ изъ острога“, и рассказалъ, какъ обокрали казну. Колдунъ слушалъ, слушалъ да и говорить:

— „Это обокралъ не простой человѣкъ—этотъ слово *)“

*) Заговоръ.

знаеть. Вы дня чрез три заставте выкопать вечеромъ яму противъ оконь казначейства,—канаву сажень глубины,—и налейте въ нее растопленной смолы, онъ опять придетъ за деньгами и увязнетъ въ смолѣ“.

Губернаторъ на третій день велѣлъ выкопать противъ оконь казначейства яму и налить въ нее кипящей смолы.

Въ этотъ вечеръ сапожникъ и говоритъ Сазонкѣ:

— „Пойдемъ въ казначейство за деньгами!“

— „Не хочу—будетъ и этихъ!“

— „Нѣтъ, пойдемъ пожалуйста!“—Пошли; стали подходить къ казначейству, Сазонка сказалъ опять *слово*—часовые тотчасъ заснули; и говоритъ Сазонка сапожнику: „Тогда я шель впередъ, а теперъ иди ты!“ Сапожникъ пошелъ впередъ и увалился въ яму по самый поясъ; сталъ Сазонка тащить сапожника, а онъ ужъ не живой, взялъ да и отрѣзалъ ему голову и положилъ ее въ мѣшокъ. Потомъ взошелъ въ казначейство, набралъ денегъ и отправился домой. Пришелъ домой и говоритъ хозяйкѣ:

— „На, говоритъ, твоего хозяина деньги!“

— „А самъ онъ гдѣ?“

— „Такъ и такъ, говоритъ, около казначейства выкопали яму и налили въ нее горячей смолы, а твой хозяинъ попалъ въ эту яму и сварился въ ней; я взялъ да и отрѣзалъ ему голову, чтобъ не узнали его, а то и тебѣ дрянно будетъ!“

Сапожница заголосила по своему мужѣ; Сазонка какъ крикнетъ на нее:

— „Чего ты реवेशь, какъ корова?“ Услышать сосѣди, и ты пропадешь, какъ собака. Съ такими деньгами можно найти мужа еще лучше.“

Сапожница перестала плакать. На другой день губернаторъ, чуть свѣтъ, пошелъ къ казначейству; глядь—часовые спать, а въ смолѣ сидитъ человѣкъ безъ головы; винулся въ

казначейство—денегъ опять много нѣтъ. Приказаль губернаторъ вытащить изъ смолы человѣка, а самъ сейчасъ къ волдуну въ острогъ.

— „Такъ и такъ, говоритъ, нашли въ смолѣ человѣка безъ головы, а денегъ въ казначействѣ нѣтъ!“

— „О, это, говоритъ волдунъ, очень хитрый человѣкъ: послалъ впередъ другого—своего товарища, а самъ шелъ сзади и отрѣзалъ ему голову. Теперь вы велите тушу этого человѣка возить три дня по городу и кричать:—у кого не хватаетъ человѣка? вотъ мы нашли его за городомъ убитымъ! при немъ нашли денегъ двѣ тысячи! Если кто изъ родныхъ у него есть, то будутъ плакать; сзади пусть идутъ солдаты и, какъ кто заголоситъ, пусть берутъ его“.

Губернаторъ пошелъ и приказаль сдѣлать такъ, какъ говорилъ волдунъ. Два дня возили тушу сапожника по городу, и никто не голосилъ по немъ и не узнавалъ его. Сапожница каждый день хотѣла итти поголосить надъ своимъ мужемъ, да Сазонка не пускала. На третій день сапожницѣ стало невтерпешъ, и говоритъ она Сазонкѣ:

— „Какъ хочешь, пусть меня возьмутъ и тебя, а я всетаки пойду!“

— „Что тебѣ такъ надо итти?“ спросилъ Сазонка.

— „Хочется поголосить надъ своимъ мужемъ!“

— „Такъ ты вотъ что сдѣлай, говоритъ Сазонка: поиди въ лавку, накупи стекляной посуды, завяжи ее въ платокъ и ходи по улицѣ; какъ встрѣтишь на повозкѣ своего мужа, брось узелъ, упади на него и реви, сколько хочешь. Если кто спроситъ тебя, о чемъ ты плачешь, ты скажи: вотъ барыня накупила посуды и отдала мнѣ нести ее домой; я нечаянно уронила и побила ее всю; теперь мнѣ и жить нельзя: моя барыня такая сердитая, что избьетъ меня до полу-смерти!“

Сапожница пошла въ лавку, понакупила тамъ стекла-

ной посуды, завязала въ узель и ходить по городу. Смотрить—везуть на повозкѣ тушу ея мужа, и какой-то человекъ, что есть силы кричить:

— „Эй, православные! У кого не хватаетъ одного человекъ въ семействѣ? мы нашли его убитымъ за городомъ! при немъ нашли денегъ двѣ тысячи!“

Сапожница, какъ услышала эти слова, бросила свой узель на-земь, да какъ зареветъ, да какъ заголоситъ, что есть силы. Подбѣжали солдаты и спрашиваютъ ее:

— „Ты о чемъ плачешь, голубушка?“

— Да какъ же мнѣ не плакать, да какъ же мнѣ не голосить? Отдала барыня мнѣ нести посуду, а я заглядѣлась на вашего мертваго человекъ, спотыгнулась о кочку, уронила узель и разбила всю посуду. Пропала моя головушка горькая! Барыня моя такая сердитая, что хоть въ воду бросайся: все равно избеѣтъ до полусмерти и прогонитъ отъ себя. Охъ, ты, головушка-жъ моя съ трещиной!“ и опять заголосила баба.

Солдаты постояли, постояли, послушали, какъ голосить баба, и пошли. Сапожница наголосилась вволю и пошла домой.

На четвертый день пошелъ губернаторъ въ тюрьму и рассказалъ про все колдуну:

— „Такъ и такъ, говорить, три дня возили тушу по городу, и хоть бы одинъ человекъ призналъ ее, никто даже и не заплакалъ; только одна баба несла посуду, уронила ее и почти цѣлый день ревѣла по ней..“

— „Эхъ, солдаты ваши рохли, говорить колдунъ: эта самая баба и была—либо жена, либо мать, а можетъ, сестра, или дочь этой тушѣ... Поймай ее ваши солдаты—нашли бы мы и вора!“

— „Что-же теперь дѣлать?“ спросилъ губернаторъ.—Колдунъ молчалъ, молчалъ, да и говорить:

„Теперь за городомъ въ лѣсу поставьте висѣлицу и повѣсьте на нее эту тушу. Да заважите своимъ солдатамъ хо-

рошенько караулить ее. А караульщикова чтобы было человекъ 10, да чтобы они не заснули: воръ задумаетъ украсть своего товарища, вотъ тутъ-то и поймають его солдаты“.

На другой день губернаторъ приказалъ поставить за городомъ въ лѣсу вѣсилицу, повѣсить на нее тушу вора, отрядилъ 20 человекъ солдатъ караулить эту тушу и ловить всякаго, кто захочетъ снять ее. Пришла сапожница домой, ревмя-реветъ по своему мужу и пристаеъ къ Сазонку, чтобы онъ украсть ее мужа: а то, говоритъ, пойду къ губернатору и расскажу про все. Сазонка узналъ, что сапожника повѣсили за городомъ и говоритъ сапожницѣ:

— „Не плачь, баба, не нынче—завтра принесу тебѣ твоего мужа!“.

Пошелъ Сазонка на базаръ, купилъ тамъ повозку съ лошадыю и со всею упряжью рублей за двадцать, купилъ боченокъ ведеръ въ пятнадцать, набралъ въ него полонъ водки и поѣхалъ за городъ. Подъѣхалъ супротивъ вѣсилицы и давай лошадь бить: „но! но! проклятая!“ а самъ топоромъ по передней оси; ось сломалась, боченокъ упалъ и разбился—водка такъ и потекла по дорогѣ. Сазонка какъ зареветь благимъ матомъ! Нѣкоторые солдаты услышали это, прибѣжали и стали спрашивать Сазонку, о чемъ онъ такъ горько плачетъ.

— „Да какъ-же, братцы, не плакать!“ говоритъ Сазонка: „нанялся вотъ водку доставить изъ города, а лошадь, шеура этакая, подвернула, и ось передняя сломалась. У, треклятая! Черезъ тебя мнѣ теперь хоть въ петлю полѣзай!“ да какъ хватить лошадь топоромъ по головѣ: лошадь тутъ-же и околѣла. Поплакалъ Сазонка еще немного и со слезами на глазахъ пошелъ назадъ въ городъ. Солдаты, какъ ушелъ Сазонка, по очереди приложились къ водкѣ раза три и сбѣгались на третьемъ взводѣ: къ вѣсилицѣ насилу ужъ дошли. Товарищи спрашиваютъ ихъ:

— „Гдѣ это вы такъ налимонились?“

— „Да тамъ... мужикъ везъ водку, ось перекосилась, да, вишь, переломилась, боченокъ разбился; водки—сколькo хочешь—даромъ!“

Солдаты со всѣхъ ногъ бросились къ водкѣ и къ вѣслицѣ пришли ужъ и лыка не вяжутъ. Черезъ часъ всѣ солдаты спали, какъ убитые. Сазонка переждала, пока солдаты поуснутъ, сняла тушу сапожника и былъ таковъ! Принесъ ее домой и вмѣстѣ съ сапожницей похоронили дома и голову, и тушу.

Солдаты проспали всю ночь; утромъ—глядь! туши какъ и не было. Испугались солдаты, пошли и рассказали обо всемъ губернатору. Губернаторъ очень разсердился на солдатъ, далъ имъ всѣмъ по плюхѣ, посадилъ въ казематъ и пошелъ опять къ колдуну въ острогъ.

— „Такъ и такъ, говоритъ, товарищъ—воръ перепоилъ всѣхъ караульщиковъ и укралъ тушу... Что теперь дѣлать?“

— „Эхъ, баринъ, зачѣмъ вы становите на караулъ такихъ людей? Давно бы воръ былъ у насъ въ рукахъ, а теперь вотъ ищи его! Теперь вы вотъ что сдѣлайте: у него въ городѣ, должно, есть любовница; найдите, гдѣ она живетъ, и прикажите около дома выкопать яму: онъ ночью, какъ будетъ итти къ ней, такъ и попадетъ въ яму. Да смотрите, не становите караульщиковъ, а то онъ замѣтитъ ихъ и не пойдетъ въ домъ; утромъ можно его вытащить оттуда“.

Цѣлую недѣлю искали Сазонкину любовницу, всетаки нашли. Выкопали предъ порогомъ яму, сажени двѣ въ глубину, и застлали ее сверху тоненькимъ мостомъ. Вечеромъ идетъ Сазонка въ любовницѣ и подъ мышкой несетъ охапку соломы: надо ноги вытереть отъ грязи. Шель, шель, да въ яму и попалъ. Но Сазонка не испугался: вытащилъ изъ кармана сѣрнички, важегъ ими солому, поднялъ ее вверхъ, да какъ закричитъ: „пожаръ! пожаръ!“ Народъ увидалъ огонь, да и бросился къ тому мѣсту, гдѣ былъ пожаръ. Сазонка сейчасъ потушилъ

огонь и сидить себѣ въ ямѣ. Слышитъ—бѣжитъ одинъ человекъ, подбѣжалъ къ ямѣ, да туда; за нимъ другой, третій и набралась ихъ полная яма.

— „Зачѣмъ вы, братцы, попрыгали въ яму?“ спрашиваетъ ихъ Сазонка.

— „Да, попрыгали! Какой-то дьяволъ устроилъ штуку: надѣлалъ пожару, а около хатъ понакопалъ ямъ: теперь вотъ и сиди тутъ въ ямѣ цѣлую ночь!“ Сазонка только ухмыляется.

Утромъ пришли солдаты, смотрятъ,—а въ ямѣ полно людей; позабрали всѣхъ и повели къ губернатору. Губернаторъ сталъ спрашивать всѣхъ: „вы какъ попали въ яму?“ —

— „Такъ и такъ, говорятъ: кто-то надѣлалъ пожару, мы сами видали огонь, побѣжали на огонь да и попали въ яму; цѣлую ночь не спали, продрогли; отпустите насъ домой!“

Губернаторъ посмотрѣлъ, посмотрѣлъ—взялъ да и отпустилъ ихъ домой. Пошелъ опять губернаторъ къ колдуну и рассказалъ ему, какъ было дѣло. Колдунъ выслушалъ и говоритъ:

— „Теперь вы сдѣлайте вотъ что: дайте любовницѣ пузырекъ съ такой мазью, которой смыть нельзя, и пусть она этой мазью сдѣлаетъ ему полосу на лбу, а утромъ вы пошлите солдатъ, и пусть они поищутъ хорошенько человекъ съ черной полосой на лбу; если не найдутъ такого человекъ, то сдѣлайте обыскъ въ каждомъ домѣ. Теперь ужъ онъ не уйдетъ отъ насъ, голубчикъ!“

Сказано—сдѣлано: подкупили любовницу и дали ей пузырекъ съ мазью. Какъ только пришелъ Сазонка къ любовницѣ, она посадила его вечерять и за вечеромъ помазала ему лобъ мазью. Сазонка сейчасъ-же винулся къ любовницѣ, отнялъ у нея пузырекъ съ мазью и былъ таковъ. На другой день Сазонка пошелъ на базаръ и давай всякаго встрѣчнаго и поперечнаго мазать этой мазью, мазалъ до тѣхъ поръ, пока

вышла вся мазь. Солдаты стали забирать людей съ черными полосами на лбу и вести ихъ къ губернатору. Набрали такихъ людей человекъ сто. Началь ихъ губернаторъ спрашивать:

— „Кто это такъ пообмазаль вамъ лбы?“

— „Какой-то человекъ ходилъ по базару и обмазаль намъ лбы; говорить, что вы велѣли!“

Губернаторъ отпустилъ ихъ всѣхъ домой и пошелъ въ тюрьму...

— „Ну что, не поймали человекъ съ черной полосой на лбу?“ спрашиваетъ колдунъ.

— „Какой не поймали! болѣе ста человекъ приводили ко мнѣ сегодня... Спрашиваю: „гдѣ это вы позамазали лбы? Да какой-то, говорятъ, человекъ, по вашему-де приказанію велѣль мазать...“—Теперь еще что осталось дѣлать?“

— „Теперь вы позовите въ трактиръ всѣхъ людей, кто есть въ городѣ, на полу понасыпьте золота и поставьте часовыхъ, чтобъ смотрѣли, кто будетъ брать деньги: тотъ воръ — человекъ корыстный и не разстанется съ деньгами, вотъ тутъ-то его и можно сцапать!“

Губернаторъ такъ и сдѣлалъ: попризвалъ почти всѣхъ людей въ трактиръ, понасыпалъ кой-гдѣ золота и началъ угощать гостей. Пришелъ и Сазонка. Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ кругомъ, увидѣлъ на полу золотыя и рысью побѣжалъ изъ трактира: прибѣжалъ онъ въ лавку, купилъ тамъ смолы, намазаль ею подошвы на сапогахъ и вошелъ въ трактиръ. Какъ пройдетъ Сазонка по трактиру, такъ, гдѣ станетъ, золотыхъ какъ не было. Выйдетъ Сазонка изъ трактира, подбираетъ съ подошвы золотыя и опять въ трактиръ. Ходилъ до тѣхъ поръ, пока пособиралъ всё золотыя. Караульщики диву дались: никто не нагибался, а золотыхъ ни одного нѣтъ. Разказали объ этомъ губернатору. Тотъ разсердился на караульщиковъ, поперебилъ ихъ всѣхъ и пошелъ въ тюрьму къ колдуну.

— „Такъ и такъ, говорить, я понасыпалъ золота по трактиру, понаставлялъ много часовыхъ; часовые божатся, клянутся, что никто не нагивался, а золотыхъ ни одного не осталось, куда онѣ дѣлись—никто и ума не приложить“.

— „Эка, какой хитрый этотъ воръ: должно быть, на подошвахъ сапогъ была смола: къ ней и поприлипали золотыя. Теперь вы сдѣлайте вотъ что: посозовите опять всѣхъ людей въ трактиръ, понасыпьте золота, только изъ трактира ни одного человѣка до самаго утра не выпускайте. Ночью, когда всѣ поуснутъ, пошлите туда людей, и пусть они осмотрятъ подошвы на всѣхъ сапогахъ; какъ только найдутъ человѣка со смоляными подошвами, пусть только замѣтятъ его, а утромъ возьмутъ, а то ночью брать не ловко: еще бунтъ сдѣлаютъ“.

Губернаторъ такъ и сдѣлалъ: опять созвалъ всѣхъ людей въ трактиръ, понасыпалъ золота; народу пришло видимо—невидимо. Пришелъ опять Сазонка и принесъ въ карманѣ кусокъ смолы; увидѣлъ Сазонка золотыя налѣпилъ, на подошву сапогъ смолы и началъ ходить по золотымъ. Когда золотыхъ поприлипло много, Сазонка пошелъ къ двери. Но въ дверяхъ его остановили и не пустили: „не велѣно пускать—ночуйте здѣсь!“ Такъ изъ трактира никого и не выпустили; всѣ остались въ трактирѣ ночевать и положились спать на полу. Когда всѣ уснули, вошли четыре человѣка съ фонарями и начали искать человѣка со смолой на подошвахъ. Сазонкѣ не спится: „А что, если сейчасъ и возьмутъ?—тогда пропалъ!“ Искали, искали часовые,—нашли Сазонку, обрадовались: каждый изъ нихъ хорошенько разсмотрѣлъ Сазонку, и начали совѣщаться часовые: когда взять Сазонку—сейчасъ или утромъ; и порѣшили взять лучше утромъ, а то какъ-бы бунту какого не вышло. Сейчасъ-же дали знать губернатору, что нашли-де человѣка съ смоляными подошвами. Губернаторъ очень обрадовался и приказалъ, чтобы изъ трактира никого

не выпускали до его приѣзда. Какъ только ушли часовые изъ трактира, Сазонка взялъ и отпоролъ подошвы отъ своихъ сапогъ; послѣ этого онъ сказалъ слово, и всѣ, кто былъ въ трактирѣ, заснули, какъ мертвые; и началъ Сазонка отпарывать подошвы у всѣхъ сапогъ. Послѣ этого онъ поднялъ доску въ полу и попрыталъ туда всѣ подошвы, и самъ легъ спать. Утромъ приѣзжаетъ губернаторъ и входитъ въ трактиръ.

— „У какого человѣка сапоги съ смоляной подошвой?“ спросилъ онъ у часовыхъ. Тѣ показали. Губернаторъ говоритъ Сазонкѣ: „Ты, молодець, зачѣмъ краль здѣсь съ пола золотыя?“

— „Я не краль, что вы—Богъ съ вами: я знать ничего не знаю и вѣдать—не вѣдаю!“

— „Какъ не краль? А покажи-ка подошвы!“

— „Что онѣ такъ вамъ понадобились? На-те!“

Губернаторъ—глядь!—а тамъ никакихъ подошвъ нѣтъ.

— „Что же вы говорили, что у него смола на подошвахъ?“ сказалъ губернаторъ часовымъ.

— „Ей Богу, были!—еще на правой подошвѣ прилипло восемь золотыхъ, а на лѣвой одиннадцать!“ отвѣтили часовые. Сазонка глядь на свои подошвы—а ихъ нѣтъ. „Братцы“, обратился онъ ко всѣмъ, кто спалъ въ трактирѣ: „у меня нынче, когда я спалъ, кто-то отрѣзалъ подошвы!“ Тѣ глядь на свои—ни у кого нѣтъ; подняли крикъ, шумъ, брань, начали ругать губернатора, на чемъ свѣтъ стоитъ. Губернаторъ видитъ—дурна шутка, скорѣй бѣжать. Такъ Сазонка и остался.

Видитъ губернаторъ, что вора ему не найти, и написалъ обо всемъ царю: какъ украли деньги, какъ ловили вора, и какъ онъ обманывалъ и губернатора, и часовыхъ, и солдатъ. Царь приѣзжаетъ въ этотъ городъ; народу собралось—не перечеть! Царь вышелъ къ народу и сказалъ:

— „Признавайтесь, кто обокралъ казначейство?“

Сазонка вышелъ впередъ, поклонился царю въ ноги и сказалъ:

— „Я, Ваше Величество!“ Царь подошелъ къ нему и спросилъ:

— „Тебя какъ зовутъ?“

— „Быль когда-то Сазонка!“ сказалъ тотъ.

„Молодецъ ты, Сазонка! очень хорошо воровать умѣешь! А за твое сознание вотъ тебѣ деньги! бери, сколько хочешь“.

И сталъ съ тѣхъ поръ Сазонка жить-поживать, да добра наживать.

Сообщилъ завѣдующій Рогулинскимъ одно-
класснымъ училищемъ, учитель *Григорій Горбуновъ*.

Сел. Рогули.
1886 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ „Сборнику матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ
Кавказа“, изд. Управленіемъ Кавказскаго Учебнаго Округа.

Къ выш. VI, 1837 г.

Въ приложеніи къ „Сборнику матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ предположено издавать на туземныхъ языкахъ словесныя произведенія народовъ, живущихъ на Кавказѣ.

Для большинства горскихъ языковъ П. К. Усларъ составилъ не только азбуки, но и очерки грамматическаго ихъ строя. Управление Кавказскаго Учебнаго Округа приступило къ изданію изслѣдованій П. К. и въ вышедшемъ первомъ томѣ помѣщены азбуки: абхазская, черкесская и сванетская; впослѣдствіи будутъ изданы чеченская, аварская, лакская, хюркилинская и кюринская. Академія Наукъ составила практическую азбуку для мингрельскаго языка. Этими азбуками слѣдуетъ пользоваться при записи словесныхъ произведеній народовъ Кавказа.

Нѣтъ надобности говорить, что записи эти должны быть дѣлаемы со всевозможною точностью и аккуратностью. Въ данномъ случаѣ можно рекомендовать сказанное Профессоромъ Вс. Миллеромъ относительно собиранія матеріаловъ по осетинскому языку:

1) Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на правильную (научную) транскрипцію звуковъ. Слова, записанныя неточно, могутъ повести къ многочисленнымъ недоразумѣніямъ и ошибкамъ.

2) Пользуясь установленной транскрипціей, слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обратить вниманіе на точное обозначеніе ударенія, такъ какъ присутствіе или отсутствіе ударенія на томъ или другомъ слогѣ слова оказываетъ значительное вліяніе на исторію его звуковъ.

3) Для изученія синтаксических оборотовъ языка гораздо важнѣе оригинальные тексты, нежели переводы, въ которыхъ нерѣдко встрѣчается искусственное подлаживаніе къ русскому синтаксису. Въ виду этого было бы желательнo, чтобы были собираемы народныя сказанія, пословицы, пѣсни и т. п. Пѣсни должны быть записываемы прямо съ голоса, а не подъ диктовку, потому что, диктуя пѣсню пословно, диктующій нерѣдко выпускаетъ отдѣльныя слова и этимъ нарушаетъ стихотворный складъ пѣсни (см. Труды V-го археологическаго съѣзда въ Тифлисъ, изд. подъ редакціей Гр. Уваровой. М. 1887 г.).

П. К. Усларъ привлекалъ къ записи текстовъ самихъ туземцовъ, занимаясь съ ними совместно, поручалъ имъ записывать какъ отдѣльныя фразы, такъ и тексты разсказовъ. Онъ, между прочимъ, указывалъ и на то, что степень тонкости слуха у людей весьма различна, а потому хорошо одинъ и тотъ же разсказъ записывать нѣсколькимъ лицамъ подъ диктовку туземца; рубить рѣчь его на отдѣльныя слова нужно не иначе, какъ прислушивался къ остановкамъ голоса.

Пользуясь этими совѣтами Вс. Оед. Миллера и П. К. Услара, нужно помнитъ, что умѣніе записывать словесныя произведенія народа требуетъ навыка въ различеніи звуковъ, въ чемъ слѣдуетъ упражняться. Если встрѣтится звукъ, не отвѣчающій указаннымъ въ извѣстныхъ уже азбукахъ, то его слѣдуетъ особо отмѣтить, описать и привести, если окажется возможнымъ, нѣсколько словъ съ тѣмъ же звукомъ.

Тексты слѣдуетъ доставлять съ пословнымъ и свободнымъ переводомъ на русскій языкъ, съ указаніемъ, въ какой именно мѣстности, когда, кѣмъ и съ чьихъ словъ записанъ разсказъ.

Кромѣ отдѣльныхъ сказокъ, легендъ и пр., П. К. Усларъ рекомендовалъ составлять сборники словъ по различнымъ предметамъ понятій: религія, демонологія, правительство, вой-

III

на, охота, земледѣліе, домашнее хозяйство, счетъ, родство, названіе дней недѣльныхъ и т. п.

Желательны также свѣдѣнія о міоологіи горскихъ народовъ Кавказа, преданія о старинныхъ башняхъ, крѣпостяхъ и другихъ древнихъ сооруженіяхъ, свѣдѣнія о языческихъ обрядахъ, которыми сопровождается празднованіе главнѣйшихъ праздниковъ: Рождества, Пасхи, Пятидесятницы и т. п. При сообщеніи этихъ свѣдѣній, названія предметовъ, дѣйствій при совершеніи обрядовъ, собственныя имена и пр. слѣдуетъ передавать на туземномъ языкѣ.

Вмѣстѣ съ этимъ мы просимъ не оставлять безъ замѣчаній того, что уже будетъ издапо, — будетъ ли то касаться текста, тѣхъ или другихъ фактовъ, оборота рѣчи, буквы или знака надъ нею.

М. Завадскій.

28 ноября 1887 г.

Г. Тифлисъ.

Абхазская азбука.

а, б, в, а, е, з, д, д, е, ю, ф,
 зю, зю, з, з, ф, в, в, и, j, к, к,
 л, м, н, о, п, н, д, р, с, с, т,
 т, с, ё, у, ф, х, х, ц, ц, ц, ц,
 ф, ф, в, ф, е, ё, ш, ш, ц, ц, r.

а, б, в, ф, г, г, д, д, е, ж, ц, ж, з, д, ф, h, h, i, j,
 к, к, л, м, н, о, п, п, q, р, с, с, т, т, т, т, у, ф, х, х,
 ц, ц, ц, ц, ц, ч, ч, ч, ч, ш, ш, щ, щ, v.

✓ а—ф—въ произношеніи приближается къ французскому w
 hu: фба—два, афнv—домъ.

з—г—арабское ġ, армянское զ: ага—врагъ.

g^h, ġ

✓ д—д—приближается къ слитному дб: адv—поле.

ф—ц—груз. ჳ, арм. զ; сложное дж: ацар—крестъ.

✓ ж—ж—приближается къ арм. ժ; слитное жэв: аж—старый.

— ж—ж tenuis ж: аж—корова, ажпа—густой.

з—д—грузинское d, арм. ճ; сложное дз: адv—вода.

ф—ф—приближается къ сложному дзв: авv—нѣкій, изvв-
 (уе)т—мою.

h—h—легкое придыханіе: hapa—мы, aah—князь вла-
дѣтельный.

h—h—болѣе густое придыханіе, приближающееся къ
малороссійскому g: ihv—говори, ahvh—голубь.

j—j—замѣняетъ й; имѣетъ значеніе ь послѣ g, i, x; ji
произносится какъ русское и въ словѣ ихъ: санцалалагј ай-
тахј—послѣ того какъ я сдѣлаюсь, svjuejt—браню.

k—k—съ придыханіемъ: kh; арм. ք, груз. ჯ: акуа—
дождь.

ph—p—ph, арм. ք, груз. ყ: апа—сынъ.

q—q—глубокое в, груз. ჟ: уqаз—будь, aqvз—гусь.

с—с—приближается къ сс: асѵ—снѣгъ.

t—t—th; арм. Թ, груз. თ: атѵ—баранъ.

т—т—приближается къ тт: ата—сѣно, ута—садись.

x—x—горланное х—ghv: напр. ahv—голова.

ц—ц—тц: аца—черешня.

ч—ц—(близко къ сочетанію тцв: ац—быкъ,

ац—яблоко.

ч—ц—тц; груз. წ, арм. ծ: ац—дно.

г—г—атабург—правда, ата—вошь, атѵс—птичка

ч—ч—тц; груз. ჳ, арм. Ծ: ацѵн—мальчикъ.

ч—ч—близко къ чш: ачѵ—лошадь, ачѵц—новый.

ш—ш—какъ бы шш: аша—кровь.

щ—щ—близко къ шв: ащ—дверь, ащ—чинарь, іщѵ-
ејт—звенить, щара—вы.

е—е—твердое е на концѣ словъ, а въ серединѣ какъ ы:
афѵ—громовержець.

(См. изслѣдованіе П. К. Услара: „Абхазскій языкъ“, изд. Управл. Кавк.
Учебнаго Округа).

Абхазская сказка.

ѡца агічца

Два вора

Лнкѣ знѹ Апснѹ іқан ѡца агічца. Руаѣу
Въ древности разѹ въ Абхазіи были два вора. Изъ нихъ одинѹ

аішха дунхуан, агі ага. Аішха іпх-
въ горахъ жилъ, другой на берегу (моря) Въ горахъ который

уаз іхдун Еслам, агі Едгѹ. Рѹдбох јенѡ-
жилъ именовался Исламомъ, другой Эдги. По слухамъ они знали

уан, аха дарà ејбамбаѹзт. Знѹ Еслам Ед-
другъ друга, но они не видѣли еще другъ друга. Разѹ Исламъ къ

гѹѣах сѹѹејт-на; дѹшнѣуаз амѡан, Едгѹ дѹјѹлт.
Эдги пошелъ; когда онъ шелъ по дорогѹ, Эдги его встрѣтилъ.

Еслам: „мѹшѹбзіа!“ іфѣјт. Едгѹ: „бзіа убѣјт!“
Исламъ: „день добрый!“ сказалъ ему. Эдги: „добро тебя вижу!“

іфѣјт. Едгѹ: „уарбан-на?“ дѹјзѣајт. „Сара
сказалъ (отвѣтилъ). Эдги: „кто ты такой?“ спросилъ его. „Я

агич Еслам сѹуп!“ Еслам іфѣјт: „уара уарбан?“ „Сара
воръ Исламъ есмь!“ Исламъ сказалъ: „ты кто такой?“ „Я

агич Едгѹ сѹуп!“ Едгѹ ус іфѣјт: „Еслам, нахидѹа
воръ Эдги есмь!“ Эдги такъ сказалъ: „Исламъ, по нашимъ именамъ

ејнѡуан, аха нара најбамбаѹзт; уѡжѹ іна-
знали другъ друга, но мы не видѣлись еще; теперь то, что въ насъ

лоу іпбаѣарон“. Еслам: „ібзјон!“
есть (способности наши, мощь нашу), испробуемъ“. Исламъ: „хорошо!“

іфѣјт. Еслам, данѹнахјаіш, ајдѹоуха аѹѹѹ
сказалъ. Исламъ, когда посмотрѣлъ въ сторону, на большомъ бревнѣ голубя

ішѹѹтаз ібѣјт. „Едгѹ, унѣјнѹ анѹ аѹѹѹхѹк
сидящаго видѣть. „Эдги, пойдѹ у этого голубя одно перо,

јаѹѹдану, јалхнѹ, јаагѹшт!“ Едгѹ. Еслам інаѹѹ
украсть у него, выдернѹ, принеси!“ Эдги Ислама слову (сказанному)

хацану, дучејт. Едгв дшгичуаз, Едгв јікуа ідану іш-
повѣривъ, пошелъ. Эдги пока воровалъ, у Эдги штаны украдкой сняв-
хну, јажгвјт Еслам. Едгв јанајга, Еслам іж-
ши, принесъ Исламъ. Эдги когда его (перо) принесъ, Исламу от-
тіт. Еслам Едгв јікуа іјтіт. Едгв, јікуа
далъ его (перо). Исламъ же Эдги его штаны ему отдалъ. Эдги, свои штаны
енѹжба, іцејшејт. „Ехјарнахѹс уареј сареј һај-
когда увидѣлъ, удивилъ. „Съ сегоднѣшняго дня и ты и я пусть мы
шцазѹјт, бзіа һајбабалап һајцвнхап!“ Еслам:
будемъ братьями, будемъ любить другъ друга, вмѣстѣ будемъ жить!“ Исламъ:
„ібзјоп!“ іһејт. Анхарѹ јалагејт.
„хорошо!“ сказалъ. Жить начали они.

(Сказка эта записана ученикомъ Горійской учительской семинаріи Нико-
лаемъ Джамашиемъ въ сел. Адзюбжа, 5 августа 1887 года. Тщательная провѣрка
этой сказки сдѣлана была учителемъ Сухумской горской школы Д. Гр. Аджано-
вымъ по бзыбскому нарѣчію, транскрипціей П. К. Услара).

Два вора.

Когда то въ Абхазіи было два вора. Одинъ изъ нихъ,
по имени Исламъ, жилъ въ горахъ, а другой—Эдги—на
берегу моря. По слухамъ, они знали другъ о другѣ, но никог-
да не встрѣчались. Разъ Исламъ пошелъ къ Эдги и встрѣ-
тилъ его на дорогѣ. Поздоровавшись, Эдги спросилъ Ислама:
„Кто ты?“—„Я воръ Исламъ,—а ты кто?“—„Я воръ Эд-
ги!“ Эдги говоритъ: „По слухамъ мы другъ друга знаемъ, но
никогда не встрѣчались. Испробуемъ нашу ловкость!“—Хоро-
шо!“ сказалъ Исламъ и, посмотрѣвъ въ сторону, увидѣлъ на
большомъ бревнѣ голубя: „Эдги! поиди, укради у этого голу-
бя перо и принеси его мнѣ“. Эдги согласился, но пока онъ
кралъ у голубя перо, Исламъ тайкомъ снялъ съ него панта-
лоны. Эдги принесъ украденное перо Исламу, а Исламъ от-
далъ ему его панталоны. Удивилъ Эдги и говоритъ: „Съ
этого времени мы будемъ жить какъ братья, будемъ любить
другъ друга“. Исламъ согласился и стали они жить вмѣстѣ.

Удинская азбука.

а, а́, а̂, б, в, г, ѓ, д, е, ж, ж́, ц, з, д́, h, i, j́, к, ќ, к̂,
л, м, н, о, о́, о̂, п, п́, q, р, с, т, т́, у, у́, ү, ф, х, ц, ц́,
ч, ч́, ш, ш́, v.

Гласныя а, е, і, о, у произносятся такъ же, какъ тѣже буквы русской азбуки.

а́, а̂—произносятся менѣе открыто, чѣмъ а. А́, подобно а во французскомъ la.—а̂ приближается къ э. Напр. а̂hіlj—старый, а̂чесун—потерять, ф̂аhаm—разумъ, память, саба̂ч—сто, ла̂гарбесун—мутить, hа̂рүг—абривось, к̂а̂ка̂й—колѣно, а̂к—лошадь, б̂аш—раньше.

о́, о̂—стоятъ въ такомъ же отношеніи къ о, какъ а́, а̂ къ чистому а.—о̂ приблизительно какъ eu во французскомъ языкѣ. о́: л̂ороц—колыбель, о́ціlj—хвостъ, о̂непсун—плавать, о́чал—земля, о̂ш—конецъ. ö: öгү́т—наставленіе, д̂ош—грудь, д̂өв—дивъ, г̂өлө—много, очень.

у́, ү: ү приближается къ о, а ү къ ю, и во французскомъ языкѣ. ү: үчен—кость. ү: тұтга̂г—свирѣль, тұнд—крѣпкій, жаркій.

е—какъ твердое е.

г—произносится какъ великороссійское г, въ словѣ городъ.

ѓ—з—какъ араб. ġ, армянское զ: близко къ картавому

р: үѓ—чердакъ, гар—сынъ, г̂і—день, іразілу́г—удовольствіе.

ж́—болѣе тонко, чѣмъ ж, какъ бы зж: ж̂е—камешь,

үж́—свѣгъ, үжен—зима.

ц—~~ц~~—дж: цецерj—губа, цүрjдак—сосудъ съ ручкой, цаһилj—юный, цаһац—окорокъ, сушенное мясо, Бухацүг—Богъ.

д—~~д~~—дз: дeт—оливковое масло.

һ—какъ малороссійское г, въ словѣ гора: һаjса—теперь, һакор—итакъ, һачар—ключь, һаммаша—всегда, һаif—жаркiй.

j—русское й послѣ гласной и в послѣ согласной.

k—~~к~~—какъ kh, съ легкимъ придыханiемъ.

к—кх—съ болѣе сильнымъ дыханiемъ: ко—пять, kv—половина, үк—шесть.

п—~~п~~—(ph): һайһа—тыква.

q—рекурсия к сопровождается взрывомъ крѣпко закрытой голосовой щели; грузинское q.

x—х съ легкимъ хрипомъ.

ц—тц, съ твердой рекурсiей при т, грузинское \check{V} , арм.

З: цап—пупъ, цi—имя, цав—блескъ.

ч—тч, съ твердой рекурсiей при т, грузинское \check{Z} , арм.

ж: чаci—скворецъ, ча—веревка, чаgi—долго.

ш—тонкое ш (спш): vша—близкiй.

v—дебелое и, близкое къ ы: vәlj—свитой.

Рустам *).

Банеке са чобан; ме чобані батакеј са чубу̀х,
 Былѣ одинь пастухъ у этого пастуха была одна жена
 са ґар, іч ії Рустам. Арі са вахта, ме чобан
 одинь сынъ его имя Рустамъ. Промедшее одно время этотъ пастухъ
 біеса̀не; амà іч чубу̀х тѣма шаватте бајса тѣ пасча-
 умираеть но его жена такой красоты есть что госу-
 ґен акѣсхолан бѣнеса. һалјбаткі, пасчаґен те чобані
 дарь какъ увидѣль женится. Конечно государь того пастуха
 чубу̀х танешса іч куа, Рустамахал танешса. Рустам
 жену беретъ въ свой домъ и Рустама беретъ. Рустамъ
 каланебајса пасчаґун чомол. Амà кіцкелуґахо монд
 дѣлается большимъ государя во дворцѣ. Но съ малолѣтства этотъ
 ґолѣ зорруне бајса. Іч јоддашмуґдохол тѣ чілінгне аче-
 очень силенъ есть. Своими съ товарищами когда въ чилингъ игра-
 ха, чілінгах тѣ чаґі тадајқун, тесаһаґ ајлун кех хахаіп
 еть чилингъ когда поздно подають тотчасъ мальчика руку словавъ
 чілінгне сербеса; ніко ачівахун, ніконах чаґі тадајқун,
 чилингъ дѣлаетъ въ мячъ когда играли мячъ поздно подають
 ајлуґо бех чуки, ніконун гану бѣнеса. Пасчаґун тоґолј
 мальчиковъ голову оторвавъ мячика вмѣсто бросаетъ. Царю къ
 ґолѣ арзачіухне есај; пасчаґ лап безарребаке; тѣтуґаба,
 много жалобщиковъ приходило государю совсѣмъ надоѣло не знаетъ
 етарқан мету̀х батевкі. Са карванѣ бѣнеса пасчаґун тоґолј,
 какъ и этого погубилъ бы. Одна старуха приходитъ государю къ
 ехне тѣ фулан чаґаґі хіб дѣвне кархеса: „Рустамах
 говоритъ что въ такомъ то лѣсу три дѣва живеть Рустама
 јаґаба ушна бахтін: барта дѣвүрґон каяґақун“. Пасчаґен кал-
 пошли дровами за пусть дѣвы съѣдятъ. Государь зо-
 леха Рустамах, ехне тѣ фулан чаґаґі ун ґјарјаґ уш-
 ветъ Рустама говоритъ что въ такой-то лѣсъ ты должень за
 ѣнк таґан. Рустамен ехне: „шелј! һазірбанан вуґ қаґір,
 дровами иди. Рустамъ говоритъ хорошо приготовьте семь муловъ
 са тавар, са кирѣ, һаро пајце пуґ.“ Екаґе ехне,
 одинь топоръ одно киро каждый 12 пудовъ. Что ни говоритъ

*) Сказка эта доставлена учителемъ Варташенскаго училища Михаиломъ Бежановымъ, природнымъ удиномъ изъ Варташена.

һазирқунбеса. Рустамён, ақи вуй қатіраҳ, җавараҳ, кіронаҳ,
приготавлиють. Рустамъ взявъ 7 муловъ топоръ киро

танеса те чалағи; чалағи баёсхолан, дөвүрүх ларапқунеса.
идеть въ тотъ лёсъ въ лёсъ какъ вошелъ дивы нападаютъ.

Рустамен чинесчә пацце һутта җавараҳ қан кіронаҳ,
Рустамъ вынимаетъ 12 пудовый топоръ и киро

кацнеха дөвүрүдөх, хеллебса һар дөвнүх са қатірун лахо,
рубить дивовъ навьючиваетъ каждого дива одного мула на

бип қатіраҳал хеллебса ушён, ёнесча, һасчағун чомол
четырехъ муловъ навьючиваетъ дровами идетъ въ государя дворъ

цінеха. Пасчағ чёнеса, бёнеғса, ақнеса.
кладеть. Государь выходитъ, смотритъ, удивляется.

Саема вахт чёнебақса, са қоца қағтарре һасчағун
Нёсколько времени проходитъ одна старая вёдьма государю

тоғолј еса, ехнеге фулангану мацци дөвне қархеса:
къ приходитъ говорить что тамъ-то бёлый дивъ живеть

јақаба Рустамәх те дөвнүхол мушалайсан. Пасчағён јақа-
пошли Рустама съ тёмъ дивомъ борются. Государь посы-

небса ме ғараҳ те мацци дөвна тоғолј мушалайсан; мдоно
ласть этого юношу тому бёлому диву къ борются этого

танеса; дөвён ёхнеге гјарјаг пақо ги цумёфајан, Рустам
идеть дивъ говорить что мы должны 40 дней поститься Рустамъ

іразінебақса. Пақо гинахо оша, Рустам гөлө һалихо бінеста,
соглашается. 40 дней послё Рустамъ очень въ силъ надасть

фүкүребса те енөх дөвён шөгүх гурдәлле, метә бахтин
думаетъ что больше дивъ тотъ повалятъ этого ради

танеса іч нанәхол дүрүстлуғон һесән. Куә нанәј бохеци
идеть своей матери здоровье сказать дома мать вареннаго

дадәлта бақса, ёхне іч ғарә: ўға! ғар теңе іразібақса.
пёгүха имёть, говорить своему сыну ёшь сынъ не соглашается

Зорін үкёснеста, амә са вутөрте ақи іч жомдне лахса,
Силою заставляеть ёсть по одинъ кусокъ взявъ свой въ ротъ кладеть

төсаһағ һајсақнеха: қоқөхо бош теңеҗајса! Нанәх дүрүстлу-
тотчасъ вырываетъ горла внутрь не идетъ. Съ матерью попрощав-

ғонцци, танеса дөвнүхол мушалайсан. Сунсунаҳ шөғәр бідун-
шись идетъ съ дивомъ борются Другъ друга такъ схваты-

қеса, шөғәр пөтқунбеса, те пәленал гөгилқун лајса. Рус-
вають такъ сжимають что и двое на небо поднимаются. Рус-

тамєн мiа бiqи шортєа qайтєса дѡвнух, дѡв хiб адўд
тамь туть схвативь такъ о землю ударяеть дива дивь 3 аршина

ѡчалане бајса; мелан черi, пўран тацi бiнеqєса. Рустамєн
въ землю входитъ отсюда выйдя оиять идя схватывается Рустамъ

сал бiqи шортєа qайтєса, дѡв, хашхаш кєнѧ,
еще разъ схвативь такъ о землю ударяеть дивь маку подобно

пiаснебафса. Рустам, дѡвнўх бесбi, енесѧ куѧ. Са парѧ вахт
разбивается Рустамъ дива убивъ идеть домой. Нѣсколько времени

маннєста, бєнєгса, те iчўх ме куѧ теqѡбўqєса. Бўтўн тухо
проходитъ замѣчаетъ, что его въ этомъ домѣ не любятъ. Со всѣми

дўрўстлўгонїи бул аqи танєса. Жаqал метў са адамарре
попрощавшись голову взявъ уходитъ. И на дорогѣ этому одинъ человекъ

ламандєсѧ, матинте, iч кєх уqнаходѧх бiqи, ехбалгонїк
встрѣчается который своею рукою орѣховое дерево держа для жнецовъ

хоцїнебса. Рустамєн єхне: „моно е hўнаррубса“? шєгiн
дѣлаеть тѣнь Рустамъ говоритъ: это что-за подвигъ дѣлаешь? тотъ

єхне: „монѡ е hўнарѧ! hўнар Рустамєнне беса!“ Рустамєн
говоритъ это что-за подвигъ подвиги Рустамъ дѣлаеть Рустамъ

єхне: „канѡ е пєшагѧ ашбєснуста? екє булаqѧ тагєн!“
говоритъ это что-за ремесло употребляешь иди голову взявъ пойдемъ

Єхне: „шелї, тагєн!“ Мѡнор пѧленах таqунса, таqунса, бе-
Говоритъ хорошо пойдемъ Они вдвоемъ идуть идуть ви-

qунгєса, те са iшєн iч турмўдл лавкєне пѧ жѡмо-
дятъ что одинъ мужчина на свои ноги надѣлъ два жерно-

женѧх, харїне берхєсѧ. Рустамєн єхне мєтўх: „канѡ е
ва муку мелить. Рустамъ говоритъ ему это что-за

hўнарру бесѧ“? — „Мєно е hўнарѧ! hўнар Рустамєнне беса!“
подвигъ дѣлаешь это что-за подвигъ! подвиги Рустамъ совершаеть

шєтiн цугѧбне тагѧ. Рустамєн єхне: „бѧрта кѧ пєшагѧх,
тотъ отвѣтъ даетъ. Рустамъ говоритъ оставъ это ремесло

екє jахол, тагєн!“ Мєгiн єхне: „шелї! пѧ вiчi ма
иди съ нами пойдемъ Этотъ говоритъ хорошо два брата не

бакєц, бакєн хiб“. Мѡнѡр таqунса, таqунса, беqўнгєса, те са
будеть будетъ три. Они идуть идуть видятъ что одинъ

адамар ѧрцине укє бѡш, єqара те хєне еса, бўтўн цўмнєха.
человекъ сидитъ рѣкѣ въ сколько ни вода приходитъ всю осушаеть.

Рустамєн мєтўх єхне: „єкала hўнаррубса“? — „hўнар
Рустамъ этому говоритъ какой большой подвигъ совершаешь? Подвиговъ

зу тѣзбеса; һүнарәх Рустамѣне беса! „Рустамен мѣтух
а не совершаю подвиги Рустамъ совершаетъ Рустамъ этому
ѣхне тѣ бәрҗа ви пешаҗах, екѣ јахол тәген!“ монò иразине-
говоритъ: оставь твое ремесло, иди, пойдемъ вмѣстѣ онъ согла-
бакса, тәнеса метугдохол. Мөнор тәқунса, са чалаҗи са даҗјақун
шается идутъ вмѣстѣ. Они идутъ въ лѣсу хиживу
биқса. һарҗи новадән со мәннедеса куа хорәгбохсан,
строятъ. Каждый день поочередно одинъ остается дома готовить пищу
мандјор кенә тәқунса охала. Бепүнҗи мәннеста куа уқнаход
остальные же идутъ на охоту. Первый день остается дома державшій
биқало. Метін бөнехса хупах, хораҗах, бүтүн һазірребса. Ме
орҗх. дерево. Этотъ варить пловъ пищу все готовить. Въ это
вәхта енеса са аҗдаһа, бөнесса мѣтухо һалҗма. Метін
время приходитъ одно чудовище просить у него наваръ плова. Этотъ
ѣхне: „пөрҗба, бәрҗа јолдашмұх әриқақун!“ Аҗдаһа аҗугөне-
говоритъ подожди пусть товарищи придутъ чудовище сердит-
бакса, ѣхне тѣ һалә ви јолдашмұғох беҗалзү! чинесча
ся говоритъ что еще твоихъ товарищей буду ждать выдергиваетъ
ич биғнұхо са поп, метұх миә җачпи, сәнекса, ичен кенә
своего уса одинъ волосъ этого тутъ связавъ кладетъ самъ же
бүтүн хораҗах уксанә, тәҗса. Метін сазорин биғнұх қацнеха,
всю пищу кушаетъ, идетъ Этотъ едва усь разрываетъ
бүрреқса тәзадән хорәг бохсах. Јолдашмұх еқунса, беқунҗеса
начинаетъ снова пищу варить. Товарищи приходятъ, видятъ
тѣ һалә хорәг һазирҗене, хабарқунақса, етѣ хорәг һазирҗеа.
что еще пища не готова спрашиваютъ почему пища не готова.
Ехне тѣ вәдинәх тѣзабај, евах бохазүј; амә Рустам қамішне-
Говоритъ что времени не зналъ, когда варить но Рустамъ понимаетъ
бакса тѣ миә са аш буне. Опшүн җи жомохберхалоне мандеса,
что тутъ дѣло есть. На другой день мельникъ остается,
метә белал шетәр оинне еса; хібумҗи җи хеқұҗкали бел-
тому на голову такая-же игра приходитъ на третій день водоглотателя го-
ле еса ме оин; бишумҗи җи куа мәннеста Рустам.
лову приходитъ эта игра на четвертый день дома остается Рустамъ
Хорәг бохи тѣ чихәрекса, аҗдаһа енеса, һалҗмане бесса.
Пищу вари какъ кончаетъ чудовище приходитъ наваръ плова просить.
Рустамән ехне тѣ аҗа, без бөхо ирјадбака! Аҗдаһан чи-
Рустамъ говоритъ что убирайся моей головой удались Чудовище вы-

несча са поі іч бігнѹхо, бѹтѹсѹ Рустамѹх гѹчкане.
 дергиваетъ одинъ волосъ своего уса жалаетъ Рустама связать
 Рустамѣн мета бѣх чѹксѹне, босѹа, беґсѹне, те ме аґдаһиґ
 Рустамъ этого голову отрываетъ бросаетъ видитъ что этого чудовища
 бул тункурѹсѹн таґцине са куррѹ бігі. Јолдашмѹх ѣдѹнса
 голова вертѹсь пошла въ яму упавъ. Товарищи приходятъ
 хорагѹх кѹјтѹхо ѡша Рустамѣн нагѹллейса те мѣтар ѡшне
 пища ѣды послѣ Рустамъ рассказываетъ такое дѣло
 бакѣ; јолдашмѹғонал ѣхѹн ічѹгѡ белал етар ѡша арѣ, амѡ
 было и товарищи говорятъ на ихъ голову какое дѣло пришло по
 отѹхо теѣдѹнне. Рустамѣн ѣхне: „таґен, беґен кѹрра бош
 со стѣда не говорили. Рустамъ сказалъ пойдѣмъ посмотримъ ямѣ въ
 екабу“! беґсадѹнте кѹр гѡлѡ буґалјѹне, екал теґне акѣса; ѣх-
 что есть видѹть что яма очень глубокая ничего не видно го-
 рѹн те екѣнан со бајґен. укнахѡдефалтѹх кандрен сурѹвѹн-
 ворѹть идите зайдѣмъ веревкою опускаютъ
 беса; сакѣ те сурѹкѹнбеса метін ціґґнеха: „ај, бѡзкі! һај,
 немного же опускаютъ кричатъ ай горю ай
 чіґанан зах“! Тесаһаґ чіґѹнчеса. Жомѡхберхалтѹхѹн
 внимайте меня тотчасъ вынимаютъ Мельнига
 сурѹкбеса; шѣтін һашѣтар ціґґнеха: бѡзкі! чіґѹнчеса; хѣѹґ-
 опускаютъ онъ также кричатъ горю вынимаютъ водо-
 калѣнал һашѣтарре беса; маґннеста Рустам. Рустамѣн ѣхне:
 глотатель также дѣлаетъ остается Рустамъ. Рустамъ говоритъ
 „еґаратѣ ціґґкајз: бѡзкі! зах ма алабанан, сурѹкбанан лаґ
 сколько ни буду кричать: горю! меня не поднимайте спускайте совѣмъ
 кѹрра тумѣлј ціґрѣк“! һашѣтаралј беѣдѹнса: еґара ціґґнеха: бѡзкі!
 ямы дна до и такъ дѣлаютъ сколько кричатъ горю
 теѣдѹн імѹхлахса; баґнепса кѹрра ошѣх, беґеґса, те са
 не слушаютъ доходитъ ямы конца видитъ что одни
 зідонѹн давразѹне бу, хахѹнеха, бајґнеса, пурѹн беґсѹне
 желѣза ворота есть ломаетъ заходитъ опять видитъ
 давразѹне бу, мѣтѹх хахѹнеха; метѹрлѹґен вѹг давразѹне
 ворота есть эти ломаетъ такимъ образомъ семь воротъ
 хахѹнеха, лаґ бошне тајса; таґці беґсѹне: са хіґнар арґцине, іч
 ломаетъ совѣмъ внутрь входитъ идѹ видѹть одна дѣвица сидѣть на
 какалѣл са дѡв баскіне. Ме хіґнарѣн ѣхне: „ај гар, мѣ екалну
 ея колѣняхъ дѣвѣ спитъ. Эта дѣвица говоритъ ай юноша сюда зачѣмъ

арѣ? һајса дѡв ајзѡл вах укаллѣ!“ Дѡв моѡрребакса, ѡдде
пришелъ сейчасъ дивъ вставъ тебя съѣсть Дивъ просынается

бѡса, ѣхне: „адамарѣ ѡддеса! гѡлб вахтѣ адамарѣ еѡ тез кеј.“
нѡхаетъ говорить человѣкомъ пахнетъ долгое время человѣка мяса не ѣлъ.“

Рустамѣн, бех чуќѣ, бѡнесса; хѣнарѡх чѣхаркѣсснеста. Хѣнарѣн
Рустамъ голову сорвавъ бросаетъ дѣвицу избавляетъ

ѣхнетѣ ун за ме шеллугѡ бѣну; те чѡ без хунчѣнебу дѡвна
ты мнѣ это добро сдѣлалъ тамъ моя сестра есть въ дива

кех; таќѣ шѣтухал чѣхаркѣста!“ Рустамѣн тацѣ давразѣнарѡх хаха-
рукѣ иди и еѣ избавъ ворота сло-

пѣ, дѡвнѡх бѣснебса; метѡрлугѣн хѣб хѣнар дѡвна кѣхо чѣхар-
мавъ дива убиваетъ такимъ образомъ трехъ дѣвицъ изъ дива руки избав-

кѣсснеста; ахрѡх тацѣ бѣссане са оставѡр давразѣн бош, ѡрчѣне
ляетъ наконецъ крѣпкия ворота внутрь сидитъ

нугъ акецѣ шавѡт хѣнар, ѣч кѡкѡпѡлал бѡскѣне са маѣн
не виданной красоты дѣвица на еѡ и колѣѣѣ спитъ одинъ черный

дѡв; сатѡнарѣн давразѣнарѡх хахапѣ, бош бѡјнеса, бѣссанѣ, те те
дивъ ворота сломавъ внутрь идетъ видитъ того

ачдѡпѣн бул мѡане, арене ѡрзнѡх; метѡх пѡтѣвнесса, дѡвнѡхал
чудовища голова тутъ пришла жалобой эту раздавилъ и дива

бѣснебса; ѣхне: „те хѣб хѣнар без хѣб јолдашѡн, мѡно кѣна
убиваетъ тѣ три дѣвицы моимъ 3 товарищамъ эта же

бѣзѣ.“ Ме хѣнармугѡх таѣнспа кѡндѣрѡн тоѡдј, те хѣб хѣнарѡх
мнѣ. Этѣхъ дѣвицъ ведетъ веревкѣ къ

сѡсо гачѣпѣ, алѡ чѣчѣсснеста; мандесаѡн Рустамъ ѡан шавѡт
по одной связавъ вверхъ вынимаетъ остаются Рустамъ и красивая

хѣнар. Рустамѣн ѣхне те гјѡрјѡг бѡш ун лајган, ѡпѡ зу!“ Ру-
дѣвица. Рустамъ должна раньше ты подняться послѣ я Ру-

стамѡ рѡтубса те бѡш ѣч лајганѣ, ѡпѡ хѣнарѡ ну буѡатѡ
стамъ боится что раньше самъ поднимется послѣ дѣвица не захочетъ

лајсѡн; хѣнарѣн кѣна ѣхне Рустамѡх те бѡш гјѡрјѡг ун лај-
подняться дѣвица же долженъ ты под-

ган,—хѣнарѡ кѣна рѡтубса те ѣч лајганѣ, јолдашмугѡ ѡкаѡ
няться дѣвица же боится поднимется товарищи увидятъ

те мѡно бѡтѡнтухо шавѡтте, Рустамѡх ну лајчаѡн. Ахрѣ Ру-
изъ всѣхъ красивая Рустамѡ не поднимутъ

стамѣн ѣхне хѣнарѡх те ун најн лајѡ, зу лајгалѡ тезу,
не поднимешься

хінәрән чинесча іч цубнұхо пә қалјам, тәнеста Рустамә, әхне:
изъ своего кармана два пера даетъ

„зу іса ләјзүгә, пәсбақал тәне агјанә вах јолдашмуғән
теперь сказать нельзя если тебя

најнқун ләјчә, ме қалјамәх сунсунәхол дүга, тәсаһат еғаллә са
не поднимаютъ перьями другъ друга ударъ тотчасъ придетъ

маці еғелј, са маін велј: агјанә еғелаллу арці, вах ләјчәлле алүн
бълый баранъ черный козель барана на сядешъ тебя полниметь въ верхній

дүниәні, велјлүллу арці, ташәлле оқун дүниәні! Хинәр ләј-
мирь на козла сядешъ возьметъ въ подземный миръ

неса, ме јолдашмуғә те хинәрәх ақокса, аққунеса, енәх чаах
товарищи видятъ удивляются больше веревку

тәқун босса, те Рустам ләјғоне; буқоқса те шават хі-
(изъ шерсти) не бросаютъ Рустама поднять хотятъ чтобы

нәр ічуғә манданә. Рустамән беғсанә те ічух тәқун ләјчәсә;
самимъ осталась видитъ что самого не поднимаютъ

гәлб намүсне есә, ақуғәннебақса, чә оқә бинестә; хіб ги һамәғәр
очень досадуетъ сердится ниць падаетъ три дня вотъ такъ

бітине бақса, метін бірән қалјамғох іхнебасақса, чинесча, сун-
унавши остается (бываетъ) вдругъ о перьяхъ вспоминаетъ другъ

сунәх дүнеғеса, тәсаһат әнеса са маці еғелј, са маін велј.
друга бьетъ тотчасъ приходитъ

Рустамә бұтуқса еғелјун ләхо арқанә, велј арі қағі бај-
Рустамъ желаетъ барана на сьсть козель приходя въ середину за-

неса; еқара чалушмишнебақса еғеләл арқанә; тәту бақса, ахрі
ходятъ сколько старается на барана сьсть не можетъ наконецъ

велүллје арцәсә, велјән тәнесша оқун дүниәні. таці са қар-
на козла садится козель везетъ въ подземн. миръ. ста-

ванә куә цинеса, ме қарвандохә хәне бәсса; қарванән ләғәр
рухъ останавливается воды проситъ старуха мутную

хәне әсча, Рустамән ме хәнән бнесса, әхне: „шелј хе тада!“
воду приносятъ эту воду выливаетъ хорошую воду давай

қарванән әхне: „шелј хе тәбешбу, беш ореиә са дізікне
хорошей воды не имѣемъ въ нашемъ роднигъ змѣя

бу, шетін тәне барехә хе тәспан, гјәјрағ ғеннәх сунтін пәш-
естъ она не пускаетъ воду брать нужно ежедневно одинъ пода-

каш ташанә тә хе ақанә; те пәсчағүн хинәрі новәдде“
рокъ вести чтобы воду взять сегодня государя дочери очередь

Рустамён ёхне: „те орејнах за авёста!“ карванон авёснаста.
тотъ родникъ мнѣ покажи показываетъ

Рустам арресца, орејнун тог'олј бенеґса. Саема вадінахо оша
сидитъ родника у ожидаетъ. Нѣсколько времени послѣ

пасчагун хинар са мажмеин хупен ёнеса. Рустамён хупах ме
блюдо плова несетъ плова у этой

хинарахо бенесса. Хинарён ёхне: „ме хуп дізікенјене, іса
проситъ этотъ пловъ для змѣи теперь

шенò чеґал, укалле, оша за хе тадалле; хупах вате тадајз,—
она выйдетъ будетъ ѣсть послѣ мнѣ воды дасть пловъ тебѣ же дамъ

хе малзу тапò? Рустамён ёхне: „ві борцтене, ун хупах
воду откуда возьму не твоя обязанность ты пловъ

за тада: зазаба!“ Хинарён хупах танеста Рустамə. Рустамён
мнѣ дай я знаю Дѣвица пловъ подаетъ Рустаму.

хупах унеґса, дізіках бенеґса. Саһорəхо дізік ченесса; Руста-
кушаетъ змѣю ожидаетъ. Немного спустя змѣя выходитъ

мен каціп бёснабса; хе бұтун пиненне баґса. пасчагун хинарён
рубивъ убиваетъ вода вся кровью дѣлается

іч кех пина чап, ґарі баґанелј дунеґса. Пасчаґа іту-
свою руку въ крови обмакнувъ юноши на спину прикладываетъ услу-

баґса те дізіках бёсқунбе, бұтун адамарґох каллеха,—бұтқса,
шалъ что змѣю убили всѣхъ людей зоветъ хочетъ

абəбаґату, шұа ме ґар. пасчагун хинарён беґсане халхна лахо,
узнать кто этотъ юноша смотритъ людей на

тене боґабса, ёхне: „те, ґар фулан карванò куане, таці ёқун-
не находятъ юноша такой-то старухи въ домѣ при-

чеса. Хинарён ёхне: „шор, һамёноне!“ пасчаґён ёхне: „етінва чал-
водятъ такъ этотъ самый чѣмъ уз-

хеса“? Хинарён акёснаста баґанех ма те іч кін пинен мұһурре
наешъ показываетъ спину гдѣ своею рукою печатъ

дуге. Тəвахт пасчаґён ёхне Рустамəх: „қоґаґ, екава буґса,
приложила. Тогда молодецъ что хочешъ

беса, -зу венк һазірзу!“ Рустамён ёхне: „зу вахо, пасчаґ,
проси я для тебя готовъ я отъ тебя

екал тəзабуґса, таґса зах алун дүніані јаґаба“. пасчаґён
ничего не хочу только меня на верхній міръ отправъ

ёхне те һакə ашлах за тəзабаґò; фуланганұ бұне са қуш,
вотъ это дѣло я не могу въ такомъ-то мѣстѣ есть птица

шета́ тулурго́х дізікен һаммаша үне́кса: а́гјана́ те дізібах
 ъя дѣтенышей змѣя постоянно ѣсть если ту змѣю

бесбајн, ба́ліга́ те қушѣн та́шане а́лун дү́ниані́“. Рустам
 убьешь можетъ быть та птица возьметъ въ верхній міръ

та́неса, те дізібах беснебса, о́ша мандакба́кі, ба́снекса. қуш еса́
 идетъ ту змѣю убиваетъ послѣ уставши спитъ птица ида

ґара́х акса́ту, шор бе́гсане, те́ іч тулурго́х ка́цкало́ мо́ноне, бұ-
 видитъ такъ думаетъ ея дѣтенышей истребитель же-

ту́кса та́гане бесбане; те́вахт іч тулурго́дн е́хқун, те́ ка́тул
 лаеът пойти убитъ

ма́лафта, јах у́кало те ка́цпі дізікне, ме ґаренне арі́ бесбе́.
 не трогай насъ кушающей та рубленная змѣя шедши убилъ

Ме қушен те́саһа́т та́јсане, іч қана́дах па́сті, ме ґарі́ лахо хо-
 идетъ крылья раскрывъ дѣ-

цінебса. Рустам те́ мо́дореба́кса, қушну́ а́тукса, қү́тубса; қү-
 лаеът тѣнь просыпается видитъ боится

шен е́хне: „ма́дава қү́бі, зу ві қуллу́ға һа́зірзу, бұрјі́мшба“ . —
 не бойся служить готова прикажи

Рустамѣн е́хне: „зах а́лун дү́ниані́ та́ша!“ қушѣн е́хне те́ ун за-
 меня на верхній міръ вынеси отъ

хд го́ло ко́ц қуллу́ғну бесса́, а́гјана́ зу ца́һілјгізба́кеј, оха́ри-
 меня трудную службу просишь была бы молода легко было

неј, іса́ қо́цазу, амә́ ека́збо, ун те́ ка́ла шеллу́ға бе́ну, зу́ал
 бы теперь стара но большое добро сдѣлалъ и я

ґја́рја́г ві та́вахқі́нах та́мбазу; та́ке пасча́гахд, ву́ғ пу́т еқ, ву́ғ
 должна просьбу исполнить иди мяса

пу́т хе е́сча!“! Рустам та́неса, па́сча́гахд бесі́ е́несча. қушѣн
 привнеси прося приноситъ

хенә́х, еқну́х а́неқса, Рустамә́х іч ла́хо арґесне́ста. е́хне
 воду мясо беретъ себя на заставила състь

қушѣн: „іса́ зу пу́рқалзу, һар са́сбаху́н, са́ пу́т хе, са́ пу́т
 буду летѣть каждый буду кричать одинъ пудъ воды одинъ пудъ

еқ без жо́мон босд“ . Ме ґарѣн һашо́рре бесә́. Бапа́лгану́ ах-
 мяса въ ротъ бросишь. Этотъ юноша такъ дѣлаеът по-

ру́н пу́ттү́х еқна́ј боса́хун, еқ та́рае́хане, біста́; ме ґарѣн
 слѣдній пудъ мяса когда бросалъ летитъ мимо падаетъ этотъ юноша

те́саһа́т іч будда́ еқну́х боста́не, та́ста́; қушну́ аба́туба́кса
 тотчасъ своего бедра мясо рѣжетъ даеът узнаеът

етете адамарі еқ мүчәне бакса. қушән метух іч музнә
потому что человека мясо сладко есть языка

қаті енефса; қуш те бәнейса алун дүниәні, ғарах цірөв-
между (подъ) сохраняет доходить заставляеть

некеса. Рустам тесаһат әрресца; қушән ехне: „ајза, таке, екән
сойти садится встань иди что

арце“? Метін ехне: мандакзубаке“! қушән ехне: „вах ечерід зу,
сидишь усталъ тебя принесла

мандакбакало ун!“ қушнә хағрахо тене, чеса ајзері танеса.
устающий не, выходит встань идетъ

қушән бәнейса, те метін каланеһа, хабәрреақса, етеа ка-
Птица видитъ что онъ хромаеть спрашиваетъ почему хро-

лаеһа; Рустамән ехне те еқ камбакитан, іч буддухо бо-
маеть говоритъ что мяса не хватило когда своего изъ бедра отрѣ-

нете. қушән чнесца іч музнә оқахо, лачақнеста, қалјамән
заль. Птица вынимаетъ своего языка изъ-подъ прилѣпливаетъ перомъ

ланеста: Рустамі тур тесаһат шеллебакса. оша қушән ічухо
мажеть Рустама нога тотчасъ выздоравливаетъ птица своихъ

па қалјам танеста Рустамә, ехне: „евахт те таргану бакајн
два пера даетъ Рустаму говоритъ когда-же въ несчастіи будешь

қалјамәх сунсунах дуға, зу ві тоғдлј һазірзу“! Рустам мелән
перьями другъ о друга ударъ я тебя около готова отсюда

дүз танеса те чалағи, мәте дағјақун біге; таці беғсане іч
прямо идетъ въ тотъ лѣсъ гдѣ хижину построили доходить видитъ его

јолдашмуғдн һочатқунбеса шават хинәри лахо. Рустамәх
товарищи спорятъ красивой дѣвицы изъ-за Рустама

акесхолән, мднор аққунеса, оталқобеса; ари Рустамі турін
какъ увидѣли, они удивляются стыдятся подойдя Рустаму ногою

оқа біті, хошқунбеса, те мдоно са аһне бејан бағшламшба,
подъ упавъ умоляютъ что одно дѣло сдѣлали прости

Рустамән бағшламшнебса. Рустамән анеқеса шават хинәрах,
прощаетъ беретъ

јолдашмуғднал һартін со те хіб хинәрахд. Метуғон мас-
товарищи каждый одну изъ этихъ трехъ дѣвиць со-

лаһатқунбеса те һаро, цокбакі тағақун са олјкіна. Біп
вѣтуются каждый отдѣлившись идутъ въ одинъ край

јолдашенал сунсуна тақундеса һартін са бабочал; евахтте
другъ другу отдають каждый одно кольцо когда же

јолдашун со таргена бакајн, бабочалун пулурух маин бакалле,
товаришъ въ несчастіи будетъ кольца глаза черными будутъ

тевахт јолдашмуго бацоко комага тајес; миа дурустлугон пи
могутъ на помощь иди прощаніе сказахъ

һаро са чо танеса. Рустам шават хинарэхол са
каждый въ одну сторону идетъ съ красивой дѣвушкой въ одно

пасчагуга танесса, бенегеса те са шелј кдцнебу; хабарреац-
царство идетъ видить хорошиј домъ спрашиваетъ

са мѣ коц шиа? ехгун: дѣвнајне! Рустам бајнеса куа дов-
это домъ чей? говорятъ дива входитъ въ домъ ди-

нух беснебса; дѣвна чубгдохал анегеса, батакса па чубух, дѣвна
ва убиваетъ дива и жену беретъ есть двѣ жены въ дива

куа каррехса. Миаун пасчагун пул голѣ вахте тѣ дѣвна чубгѣ
домъ поселяется Здѣшній государь глазъ очень давно ту дива жену

лахонеј, амѣ дѣвна гвѣхо евал тету баксај; исате итубакеј
на но дива изъ боязни ничего не дѣлалъ теперь же услышалъ

Рустамѣн дѣвнух бесби чубгдох иченне аге, бутугсај Рустамі
Рустамъ дива убивъ жену самъ взялъ желалъ Рустама

кехо са фандеј аране. Са карванѣ еса, ехне: зу тѣ чуб-
изъ руки хитростью взять старуха приходитъ говорить я ту же-

гдох миа есчо, ун са шефар сандуг сербѣста, Рустамі паки
ну сюда приведу ты такой сундукъ прикажи сдѣлать Рустама въ садъ

јацаба тѣ ич бош арци начарах чургаз, тесаһат сандуг ег-
пошли когда его внутри сиди клюемъ поверну тотчасъ

ане ви чомѣлј; пасчаген ехне: „зу ун угал сандугах
пришелъ бы въ твой дворъ я сказанный

сербѣсзудо, агјана ун тѣ чубгдох ечесбакајва, зу ва ви бвна-
прикажу сдѣлать если можешь привести я тебѣ въ твою голо-

хѣ гвзул гадалзу. Ме карванѣ арресца Рустамі давразин ога.
ву(тяжесть) золота дамъ сидитъ Рустама воротъ подъ (у)

Рустам те ѡхалахо енеса куа. карванѣн ехне метуг тѣ зу
когда съ охоты идетъ домой ему я

буса бѣсѣс! зах са бугун шумал гулугчи бица. Рустамѣн
отъ голода умираю меня одинъ животу за хлѣбъ служанкой держи

ехне: „вахѣ екал тѣза бугса; еке, карха!“ Ошун чубгѣј ке-
отъ тебя ничего не хочу иди живи Второй женѣ не

филј тене еса. Ехне: „калухо ја хатанелафто!“ — Ме карванѣ
правилась отъ нея намъ бѣдствія ожидать Эта старуха

сапарà вахт кàррехса, опун чубгòхол достебакса. Сакарàн
нèкоторое время живеть со второй женой дружится однажды

карванòн мètух хабàрреагса: „вì ише зор манò ганутàй?“
старуха у этой спрашивает твоего мужа сила въ вакомъ мѣстѣ

Чубгòн èхне: тèзаба!“! карванòн èхне: „ун етàр чубòхну, те
Жена говорит не знаю старуха говорит ты какая жена когда

тèзаба вì ише зор маа?“ Чубгòн тацì Рустамàх хабàрре-
не знаешь твоего мужа сила гдѣ спраши-

агса, те матай зор. Рустамèn баш тène ехà, гòлò хоишбìтухо
ваеть гдѣ сила сначала не говорит долгой просьбы

òшà èхне: „без зор безкìн бабоçàластане: агjàнà ме бабоçà-
послѣ моя сила моей руки въ кольцѣ если это коль-

лàх чичàйгун, зу пàлàзкеназ бакò, турèлал àжес бакàлтèза;
цò снимуть тряпка какъ буду на ноги встать не смогу

пàгò гì шетàр мандайз, бìоз“. карванò бütүн итубакса. Ме гì
40 дней такъ останусь умру. Старуха все слышитъ. Этотъ день

Рустам пàкì баскìне баксà; ме карванò есане, явашлугòн
Рустамъ въ саду спавши бываеть приходит тихонько

Рустамì кашинà çàн ладì, бабоçàлàх çисçане, хоузà боссà.
палець масломъ смазавъ кольцо снимаетъ въ бассейнъ бросаетъ

Рустам баксàне пурì кена. карванò тèsаһат тàнеса куа, чу-
мертвый какъ идетъ домой же-

бгòх ехне: „е шелì гìa! таген пàкì фурувен!“ Ме чубгòх
нѣ говорит какой хорошей день пойдемъ въ садъ гулять

танесша дүз тìa, ма те сандуг' лàхне; ме сандуг'ун тòгòхò
прямо туда гдѣ же сундукъ положень около

çебакахун, тацì сандуг'ун бош арреса чубгòхал кàллеха, èхне:
когда проходили идетъ сундукъ внутри (на) сидитъ и жену зоветь

„èке, мìa арçà, бега етàр шелà! Метуг' шина сербè?“ Ме чубòх
садись смотри какъ хорошо это кто сдѣлалъ

те тацì арреса, карванòн һачарах çурреха, сандуг' тèsаһат
сидитъ старуха ключъ поворачиваетъ

пачаг'ун çомòлì тàнеса. Ме шавàт хивàра екàл тету абабаксà
ничего не знаетъ

мàгун таçе мà те. Жолдашмугòй бабоçàлì пул мàйннебакса,
гдѣ (куда) пошелъ гдѣ не У товарищей кольца глазъ (камень) чернеть

тèsаһат абàгòбаксàте Рустам таргенане. Монòр арì, çуресин
знають что въ несчастìи ща

богадунбеса, беґсадунте пурі вена біґіне; адокеса те іч келґ
находятъ смотрятъ что мертвый какъ лежитъ видятъ на его рукѣ

зорра бабочал теґнебу; фурудунеха, теґдун боґабса. Хеґуґвален
силы кольца нѣтъ ищутъ не находятъ водогаотатель

хоузах цумнеха, бабочаллах хоуґун туґмехо боґанебса, ече-
бассейнъ осушаетъ кольцо бассейна со дна достаютъ (находятъ) при-

ри іч келґ лавдунбеса. Рустам теґсаһат аґнесса, јолдашму-
несши на его руку надѣваютъ встаетъ товари-

ґдох акі муґнебакса, ехне: „е гоґлос баскѣ“! Шодуґон ехдун:
щей увидѣвъ радуется какъ долго спалъ

„ун баскі теґнуј, пурінуј!“ Бутун іхтілаґдунбеса. Монд аґне-
ты спалъ не былъ мертвымъ Все рассказываютъ Онъ удив-

са, ајзері, таґнеса куа, беґсане таґкса шават хінарре куа.
ляется вставъ идетъ домой видитъ только красивую дѣвицу дома

Рустамен хабарреаґса: „маґдун карванд ґан чубуґх?“ Шават хі-
спрашиваетъ гдѣ старуха и жена

нарен ехне: „теґзаба!“ Мету абатубакса те шонор пасчаґун
не знаю Онъ узнаетъ что они государя

куаґдун. Монор, аґкалґ арці, таґці, пасчаґахал, іч ґошинахал
въ домѣ Они на лошадь сѣвши ида и государя его и войско

каґдунеха, чубґох едунчеса, шелґ кеґфдунбеса. Јолдашмуґохол
рубятъ жену приводятъ хорошо гуляютъ Съ товарищами

сагану кардунхеса.—Буґахо бінеґі хіб еш: со зень, со
вмѣстѣ живутъ. Отъ Бога упало три яблока одно для меня, одно

нахлукалтенк соал імухлахалтуґонь!
говорящему сказку и одно слушающимъ.

Рустамъ.

Жиль-быль пастухъ, а у него была жена и сынъ—по имени Рустамъ. Пришло время, пастухъ умираетъ. Жена его была такой красоты, что государь, какъ увидѣлъ, такъ и взялъ себѣ ее въ жены. Само собою разумѣется, пастуха жену и Рустама государь беретъ въ свой домъ. Рустамъ растетъ въ царскомъ дворцѣ. Съ малолѣтства онъ былъ очень силенъ: во время игры съ товарищами, если бывало не скоро подадутъ ему чилингъ, то онъ тотчасъ, сломавъ руку мальчика, дѣлалъ изъ нея чилингъ;*) а если тоже случалось во время игры въ мячъ, то онъ срывалъ головы мальчиковъ и бросалъ ими вмѣсто мяча. Много жалобщиковъ приходило къ государю и ему это очень (совсѣмъ) надоѣло: не зная онъ, какъ погубить Рустама. Приходитъ одна старуха къ государю и говоритъ: „въ такомъ-то лѣсу есть три дива; пошли туда Рустама за дровами: пусть дивы съѣдятъ его“! Государь призываетъ Рустама и говоритъ: „ты долженъ пойти въ такой-то лѣсъ за дровами“! Рустамъ отвѣчаетъ: „хорошо! приготовьте семь муловъ, двѣнадцати пудовые топоръ и кирю **). Все, что сказалъ, приготовили. Рустамъ, взявъ 7 муловъ, топоръ, кирю, отправляется въ указанный лѣсъ. Какъ вошелъ онъ въ лѣсъ, такъ дивы и напали на него. Рустамъ беретъ 12 пуд. топоръ и кирю, рубить дивовъ, навьючиваетъ ими трехъ муловъ, 4 мула навьючиваетъ дровами, привозитъ и складываетъ все это въ царскомъ дворѣ. Государь выходитъ, смотреть, удивляется.

Спустя немного времени приходитъ къ государю одна старая вѣдьма и говоритъ, что въ такомъ-то лѣсу бѣлый дивъ живетъ: „пошли Рустама бороться съ тѣмъ дивомъ“! Государь отправляетъ этого юношу къ бѣлому диву бороться. Рустамъ

*) Палка, употребляемая во время игры (см. Сборникъ опис. мѣстн. и плем. Кавказа, вып. V, стр. 248).

**) Кирю большой ножъ съ затнутымъ концомъ.

идеть. Дивъ говоритъ, что должны они 40 дней поститься. Рустамъ соглашается. Послѣ 40 дней Рустамъ очень ослабѣваетъ, чувствуетъ, что теперь дивъ его поборетъ и идетъ прощаться съ матерью. Дома мать имѣла вареннаго пѣтуха и говоритъ своему сыну: „кушай!“ сынъ не соглашается. Силою она заставляетъ его ѣсть, но какъ только положитъ онъ кусокъ въ ротъ, тотчасъ его вырываетъ: въ горло не идетъ! Попрошавшись съ матерью, отправляется бороться съ дивомъ. Другъ друга они такъ схватываютъ, такъ стискиваютъ, что оба, поднимаются къ небу; тамъ Рустамъ, схвативъ дива, такъ ударяетъ о землю, что онъ на 3 аршина входитъ въ нее; но дивъ выходитъ, вновь поднимается вверхъ, схватывается. Рустамъ еще разъ такъ ударяетъ, что дивъ, какъ макъ разбивается. Рустамъ, убивъ дива, возвращается. Нѣсколько времени остается дома, но замѣчаетъ, что его не любятъ. Со всѣми попросившись, уходитъ и на дорогѣ встрѣчаетъ человѣка, который, своими руками держа орѣховое дерево, дѣлаетъ тѣнъ жнецамъ. Рустамъ говоритъ: „что-за подвигъ совершаешь?“ Тотъ отвѣчаетъ: „это что-за подвигъ!? подвиги совершаетъ Рустамъ“. Рустамъ говоритъ: „развѣ это дѣло? Иди пойдѣмъ!“ — Говоритъ: „хорошо, пойдѣмъ!“ Они вдвоемъ идутъ; идутъ и видятъ, что одинъ мужчина надѣлъ два жернова на ноги и мелить муку. Рустамъ говоритъ ему: „что-за подвигъ совершаешь?“ — „Это что-за подвигъ!? подвиги Рустамъ совершаетъ!“ тотъ ему въ отвѣтъ. Рустамъ говоритъ: „оставь это ремесло; иди, пойдѣмъ съ нами!“ Тотъ говоритъ: „хорошо, будетъ не два брата, будетъ три!“ Идутъ, идутъ, видятъ, что человѣкъ, усѣвшися въ рѣкѣ, сколько ни идетъ воды, всю осушаетъ. Рустамъ ему говоритъ: „какой великій подвигъ совершаешь?“ „Подвиги я не совершаю. Подвиги совершаетъ Рустамъ!“ Рустамъ ему говоритъ: „оставь же свое ремесло, пойдѣмъ вмѣстѣ!“ Онъ соглашается. Идутъ вмѣстѣ. Строять въ лѣсу хижину. Каждый день, по очереди, одинъ остается дома, при-

готовляетъ пищу; остальные же идутъ на охоту. Первый день дома остается орѣходержатель. Онъ варитъ пловъ, пищу,— все приготовляетъ. Въ это время приходитъ чудовище и проситъ у него навару отъ плова. Говоритъ орѣходержатель: „подожди, пусть товарищи прійдутъ“! Чудовище сердится и говоритъ: „еще твоихъ товарищей буду ждать!“ выдергиваетъ изъ своего уса волосъ, тутъ-же связываетъ орѣходержателя и кладетъ его,—самъ же всю пищу съѣдаетъ и уходитъ. Кое какъ разорвавъ усъ, орѣходержатель начинаетъ снова варить пищу. Товарищи приходятъ, видятъ, что еще пища не готова и спрашиваютъ: „почему пища не готова?“ онъ говоритъ, что не зналъ времени, когда начать варить; но Рустамъ понялъ, что тутъ что-нибудь такое есть. На второй день остается мельникъ, съ которымъ случилась та же самая игра, на третій день „водосушителя“ постигаетъ то же самое; на четвертый день остается дома Рустамъ: не успѣлъ онъ приготовить пищу, какъ приходитъ чудовище и проситъ „навару“. Рустамъ говоритъ: „убирайся отъ меня, удались!“ Чудовище вырываетъ волосъ изъ своего уса и хочетъ Рустама связать. Рустамъ срываетъ ему голову, бросаетъ ее, и видитъ, что голова этого чудовища пошла кувырккомъ и упала въ яму. Товарищи приходятъ, пищу ѣдятъ. Рустамъ рассказываетъ о случившемся; товарищи въ свою очередь рассказали, что случилось съ ними.... до сихъ поръ они не говорили, потому что стыдно было! Рустамъ говоритъ: „пойдемъ, посмотримъ, что въ той ямѣ!“ Приходятъ, видятъ, что яма глубокая и дна ея не видно: кто нибудь долженъ спуститься туда посмотрѣть. Орѣходержателя спускаютъ по веревкѣ въ яму. Немного опустили, а онъ кричитъ: „ай, ай, горю!“ тотчасъ-же его вытаскиваютъ. Потомъ спускаютъ мельника, тотъ то-же кричитъ: „горю!“ его тоже вытаскиваютъ; тоже случилось и съ водоосушителемъ; остается Рустамъ. Онъ говоритъ: „сколько ни буду кричать: горю! меня не поднимайте!“ Такъ и дѣлаютъ: сколько ни кричитъ онъ: „горю!“ не слу-

шають. Такимъ образомъ онъ спустился до дна ямы. Видитъ тамъ одни желѣзныя ворота; онъ ломаетъ ихъ и входитъ; опять видитъ другія ворота и эти ломаетъ; такимъ образомъ онъ ломаетъ семь воротъ и наконецъ совсѣмъ входитъ внутрь и видитъ, что сидитъ одна дѣвица и на колѣняхъ спитъ дивъ. Дѣвица говоритъ ему: „ахъ, юноша! зачѣмъ ты пришелъ сюда? дивъ проснется и съѣстъ тебя!“ Вдругъ просыпается дивъ и говоритъ: „Запахъ человѣка слышу! Давно ужъ я не ѣлъ мяса человѣка“. Рустамъ ему голову срываетъ, бросаетъ и тѣмъ освобождаетъ дѣвицу. Дѣвица говоритъ: „ты мнѣ добро сдѣлалъ! тамъ дальше моя сестра находится въ рукахъ дива, —освободи и ее!“ Рустамъ идетъ, ломаетъ ворота, убиваетъ дива; такимъ образомъ, освобождаетъ трехъ дѣвицъ изъ рукъ дива. Наконецъ, за крѣпкими воротами видитъ необычайной красоты дѣвицу, а на колѣняхъ у нея спитъ черный дивъ. Кое какъ ломаетъ Рустамъ ворота, заходитъ и видитъ, что голова чудовища здѣсь,—пришла жаловаться; онъ голову раздавливаетъ а дива убиваетъ. Рустамъ говоритъ: „тѣ три дѣвицы моимъ товарищамъ, а эта же мнѣ“. Ведетъ дѣвицъ къ веревкѣ. Трехъ дѣвицъ вытащили поодиночкѣ изъ ямы; остался Рустамъ и красавица. Рустамъ говоритъ: „Ты должна раньше подняться!“ онъ боялся, что онъ поднимется, а она послѣ не захочетъ подняться. Красавица же говоритъ Рустаму, чтобы онъ поднялся прежде: она боялась, что товарищи, какъ увидятъ ее, не вытащатъ Рустама. Наконецъ, Рустамъ говоритъ: „я не поднимусь, пока ты не поднимешься.“ Дѣвица вынимаетъ изъ кармана два пера (птичьихъ), даетъ Рустаму и говоритъ: „я теперь поднимусь; можетъ быть, тебя товарищи не вытащатъ, такъ ты перьями ударь другъ о друга: тотчасъ придетъ бѣлый баранъ и черный козель; если на барана сядешь, тебя на верхній мiръ (надземный) онъ повезетъ, а если на козла, то въ нижній (подземный) мiръ“. Дѣвица поднимается, товарищи видятъ эту красавицу и больше не

опускають веревки, чтобы вытащить Рустама: хотятъ, чтобы красавица имъ досталась! Рустамъ понялъ, что его не хотятъ поднять, страшно разсердился, упалъ и лежалъ такимъ образомъ три дня. Вдругъ онъ вспоминаетъ о перьяхъ, вынимаетъ изъ кармана и ударяетъ ими другъ о друга: тотчасъ являются бѣлый баранъ и черный козелъ. Рустамъ хочетъ сѣсть на барана, но козелъ проходитъ между нимъ и бараномъ и не даетъ ему сѣсть на барана. Сколько ни старался онъ, ни какъ не могъ сѣсть на барана, но, наконецъ, сѣлъ на возла, и козелъ повезъ его въ подземный мѣръ. На пути онъ встрѣтилъ старуху и попросилъ у нея воды; она приноситъ ему мутную воду. Рустамъ выливаетъ воду и проситъ хорошей воды. Старуха говоритъ, что хорошей воды нѣтъ: „въ нашемъ родникѣ есть змѣя, она не пускаетъ никого брать воду: долженъ ежедневно кто нибудь принести ей подарокъ, чтобы набрать воды. Сегодня очередь царской дочери“. Рустамъ говоритъ: „а покажи мнѣ тотъ родникъ!“ Старуха показываетъ. Рустамъ садится у родника и ждетъ. Черезъ нѣсколько времени идетъ царская дочь и несетъ блюдо съ пловомъ. Рустамъ проситъ у нея каши, но дѣвица говоритъ, что эта каша для змѣи, теперь она выйдетъ ѣсть, а потомъ дастъ воды. „Если тебѣ кашу отдамъ, то откуда воды наберуть?“ Рустамъ говоритъ: „это не твое дѣло! ты давай сюда кашу,—это дѣло мое!“ Дѣвица отдаетъ Рустаму кашу. Рустамъ съѣдаетъ и поджидаетъ змѣю. Спустя немного времени змѣя выходитъ; Рустамъ убиваетъ ее, рубитъ на куски: вся вода покраснѣла отъ крови. Дѣвица, обмокнувъ въ воду руки, прикладываетъ ихъ къ спинѣ Рустама. Царь услышалъ, что змѣю убили; сзываетъ всѣхъ своихъ людей и хочетъ узнать, кто этотъ юноша. Дочь царя смотритъ на людей и не находитъ. Говоритъ она: „юноша находится въ домѣ такой-то старухи!“ Идутъ, приводятъ его. Она говоритъ: „это тотъ самый!“ Царь спрашиваетъ: „по какой примѣтѣ узнаешь?“ Она показываетъ спину, гдѣ приклады-

вала руку, обмокнутую въ крови. Тогда царь говорить Рустаму: „молодецъ, что желаешь, проси: я для тебя все сдѣлаю!“ Рустамъ отвѣчаетъ: „Я отъ тебя, государь, ничего не желаю, — только меня пошли въ надземный міръ!“ Царь говорить: „этого дѣла я не могу исполнить; но въ такомъ-то мѣстѣ есть птица, — ея дѣтенышей истребляетъ змѣя, если ту змѣю убить, то, можетъ быть, птица и понесетъ въ надземный міръ“. Рустамъ идетъ, ту змѣю убиваетъ; усталый тутъ-же засыпаетъ. Птица прилетаетъ, видитъ юношу, и думаетъ, что это истребитель ея дѣтенышей и хочетъ убить его; тогда ея дѣтеныши говорятъ: „вотъ этого не трогай, нашъ истребитель — та разрубленная змѣя. Этотъ юноша пришелъ и убилъ!“ Птица тотчасъ идетъ и закрываетъ крыломъ Рустама отъ лучей солнца. Рустамъ проснувшись видитъ надъ собой птицу и боится. Птица говорить: „не бойся, я вся къ твоимъ услугамъ! приказывай, чего хочешь!“ Рустамъ говорить: „возьми меня въ надземный міръ!“ — „Ты отъ меня очень большой услуги требуешь! если бы я была молода, то это другое дѣло, а я теперь стара; но ты для меня сдѣлалъ такое доброе дѣло, что я должна твою просьбу исполнить. Иди и возьми у государя семь пудовъ мяса и семь пудовъ воды!“ Рустамъ идетъ, просить государя и приноситъ. Птица беретъ воду и мясо; Рустама сажаетъ на спину и говорить ему: „теперь я буду летѣть; на каждый крикъ бросай по пуду мяса и воды въ мой ротъ“. Юноша такъ и дѣлаетъ. Когда они уже долетали, послѣдній кусокъ мяса былъ брошенъ, но птица его не поймала, и мясо упало внизъ. Рустамъ тотчасъ же отрѣзываетъ часть своего бедра и бросаетъ ей. Птица узнаетъ, потому что мясо человѣка сладкое, и оставляетъ мясо подъ языкомъ. Когда они долетѣли до надземнаго міра, она велитъ ему слѣзть. Рустамъ какъ слѣзъ съ птицы, такъ сейчасъ и присѣлъ. Птица говорить: „вставай и иди! что сидишь?“ Онъ говорить: „усталь!“ Птица отвѣчаетъ: „я тебя несла, а ты усталъ си-

дѣтъ“? Не желая обидѣтъ ее, онъ всталъ и пошелъ. Птица замѣтила, что онъ хромаетъ и спрашиваетъ: „почему ты хромаешь“? Рустамъ говоритъ: „мяса не хватило, я и отрѣзалъ свое бедро“. Птица вынимаетъ изъ-подъ языка, приставляетъ и мажетъ перомъ: нога Рустама тотчасъ выздоровѣла. Даетъ она ему два своихъ пера и говоритъ: „когда ты будешь въ несчастіи, ударь перьями другъ о друга, и я буду сейчасъ около тебя готова“. Рустамъ отсюда прямо идетъ въ тотъ лѣсъ, гдѣ была построена хижина, доходить и видитъ, что товарищи спорятъ изъ-за красавицы. Увидавъ Рустама, они удивляются и стыдятся; подходятъ, падаютъ предъ нимъ на колѣни и умоляютъ простить имъ эту одну ошибку. Рустамъ смиловался, простилъ имъ. Рустамъ беретъ красавицу, а товарищи дѣлятъ между собой остальныхъ трехъ дѣвицъ. Они условливаются, что всѣ они разойдутся въ разные страны. Четыре товарища даютъ другъ другу по одному кольцу. Когда одинъ изъ товарищей будетъ въ несчастіи, то камни колецъ будутъ чернѣть, и тогда остальные товарищи должны идти къ нему на помощь. Тутъ они прощаются и расходятся. Рустамъ съ красавицею отправляется въ одно государство, видитъ тамъ царскій домъ, спрашиваетъ: „чей это домъ“? Говорятъ: дива! Рустамъ убиваетъ дива, беретъ его жену себѣ и у него стало двѣ жены. Здѣшній государь давно хотѣлъ овладѣть женою дива, но отъ страха не могъ ничего сдѣлать. Когда онъ услышалъ, что Рустамъ убилъ дива и взялъ себѣ его жену, то пожелалъ какъ-нибудь отнять ее у Рустама. Одна старуха приходитъ и говоритъ: „я ту женщину приведу сюда. Ты приготовь такой сундукъ, чтобы сидя на наемъ можно было бы ключемъ повернуть, и чтобы тотчасъ сундукъ изъ сада Рустама улетѣлъ въ твой дворъ!“ Государь говоритъ: „я прикажу сдѣлать сказанное тобою. Если ты ту женщину приведешь ко мнѣ, то я тебѣ дамъ золота вѣсомъ въ твою тяжесть“. Эта старуха сидитъ у воротъ Рустама. Ночью онъ возвращается домой съ охоты, а старуха

говорить ему: „я отъ голода умираю! Найми меня въ услуженіе за столъ“! Рустамъ говоритъ: „я отъ тебя ничего не хочу! иди и живи“! Второй женѣ старуха не понравилась. Она сказала, что отъ этой старухи всегда можно ожидать несчастья. Старуха нѣсколько времени живетъ, со второй женой дружится. Однажды она спрашиваетъ у нея: „гдѣ сила твоего мужа“? Она отвѣчаетъ: „не знаю“. Старуха говоритъ: „кавая же ты жена, когда не знаешь, гдѣ сила твоего мужа“! Жена спрашиваетъ Рустама, гдѣ его сила. Рустамъ сперва отказывается, а потомъ послѣ долгой просьбы говоритъ „моя сила въ кольцо, что на моей рукѣ; если это кольцо снимутъ, то я стану, какъ тряпка и на ноги не въ состояніи буду встать; если такъ останусь сорокъ дней, то умру“. Старуха все слышитъ. Въ этотъ день Рустамъ спалъ въ саду; старуха приходитъ, тихонько мажетъ Рустаму палецъ масломъ, снимаетъ кольцо и бросаетъ въ бассейнъ. Она тотчасъ идетъ домой и говоритъ женѣ: „какой хорошій день! пойдемъ погуляемъ по саду“! Ведетъ ее туда, гдѣ находился сундукъ. Когда проходили мимо сундука, старуха съшла на него и зоветъ женщину: „садись и посмотри—какъ тутъ хорошо! Кто это сдѣлалъ“? Не успѣла эта женщина състь, старуха повернула ключемъ въ замкѣ и сундукъ съ ними полетѣлъ въ царскій дворъ. Красавица ничего не знала о томъ, куда онѣ дѣлись. У товарищей камни на кольцахъ почернѣли, и они тотчасъ узнали, что Рустамъ находится въ несчастіи. Приходятъ, ищутъ его, и находятъ его въ безпамятствѣ; видятъ, что на рукѣ нѣтъ кольца; ищутъ его, но не находятъ. Водоглотатель осушаетъ всю воду изъ бассейна и находитъ кольцо на днѣ его, приноситъ и надѣваетъ на палецъ Рустама. Рустамъ встаетъ, видитъ товарищей, радуется и говоритъ: „какъ я долго спалъ!“ Они отвѣчаютъ ему: ты не спалъ, а лежалъ безъ памяти!“—и рассказали все подробно. Рустамъ удивляется, встаетъ и уходитъ домой; видитъ, что

красавица дома и спрашиваетъ, куда ушли старуха и жена его. Красавица отвѣчаетъ: „не знаю“! Онъ понялъ, что онѣ въ царскомъ домѣ. Сѣли на лошадей, поѣхали, истребили войско царя и его самого. Жену беретъ Рустамъ опять обратно. Потомъ пируютъ и всѣ товарищи остаются жить вмѣстѣ. —Отъ Бога упало три яблока: одно для меня, одно говорящему сказку и одно слушающимъ!

О П Е Ч А Т К И.

ОТДѢЛЪ I.

Стрп.	Строка (св.)	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
16	21	яблоки,	яблони,
31	26	„Ни	„Не
53	13	Ф.-Ланда	Ө. Ланда
69	4	5,600	6,600
„	8	амуници,	амуницию,
79	21	3) Бѣла	3) Бѣлъ
„	30	<i>На сладинькомъ (?)</i>	<i>На гладенькомъ (?)</i>
80	30	<i>васельчики</i>	<i>василечки</i>
82	16	кудры	кудри
116	10	<i>оленерогъ</i>	<i>оленерогъ</i>
162	8	съ ноября	съ ноября;

ОТДѢЛЪ II.

3	27	напоминалъ	напоминала
40	11	устроивались	устроивались
73	21	представляетъ	представляетъ
80	8	несчастный	нечестный
88	27	не	ни
94	7	царевину.	царевичу.
„	20	джяннаата.	дженната.
95	28	раздражило	раздражило
96	2	окровленнойю	окровавленнойю
152	11	съ себѣ	къ себѣ
158	16	многія,	многіе,
161	17	царскіе	царскія
181	21	Замлю	Землю
208	31	стеклянную	стеклянную
219	5	вѣсялицу	вѣсялицу